

**ВЛАДЛЕН
ЛОГИНОВ**

ЗАВЕТЫ ИЛДИЧНА

**«СИМ
ПОБЕДИШИ»**

Автор этой книги Владлен Терентьевич Логинов — советский и российский историк, специалист по истории Октябрьской революции и Гражданской войны, кинодраматург.

Книга посвящена последнему периоду жизни и деятельности В.И. Ленина — от окончания Гражданской войны в России до ленинского «завещания». Нередко авторы, пишет В.Т. Логинов, повествуящие о тех или иных исторических личностях, спешат поведать миру не то, о чем думали эти личности, что они писали, говорили и делали, не о том, при каких обстоятельствах это происходило и каков был общий контекст истории, а о том, что они, авторы, думают по этому поводу.

В.Т. Логинов поставил перед собой иную задачу: «Донести до читателя то, что делал, говорил, писал, о чем размышлял Ленин в эти трудные годы. Отсюда и обилие цитат, что, конечно, утяжеляет повествование, но гораздо лучше, если читатель, размышляя над ленинскими текстами, сам придет к каким-то выводам, нежели впихивать ему нечто переваренное в чужой голове».

**ВЛАДЛЕН
ЛОГИНОВ**

**ЗАВЕТЫ
ИЛЬИЧА**

«СИМ ПОБЕДИШИ»

Москва
алгоритм
2017

УДК 82-94

ББК 85.374

Л 69

Логинов В.Т.

Л 69 Заветы Ильича. Сим победиши / В.Т. Логинов. – М.: Алгоритм, 2017. – 624 с.

ISBN 978-5-906947-25-3

Автор этой книги Владлен Терентьевич Логинов — советский и российский историк, специалист по истории Октябрьской революции и Гражданской войны, кинодраматург.

Книга посвящена последнему периоду жизни и деятельности В.И. Ленина – от окончания Гражданской войны в России до ленинского «завещания». Нередко авторы, пишет В.Т. Логинов, повествуящие о тех или иных исторических личностях, спешат поведать миру не то, о чем думали эти личности, что они писали, говорили и делали, не о том, при каких обстоятельствах это происходило и каков был общий контекст истории, а о том, что они, авторы, думают по этому поводу.

В.Т. Логинов поставил перед собой иную задачу: «Донести до читателя то, что делал, говорил, писал, о чем размышлял Ленин в эти трудные годы. Отсюда и обилие цитат, что, конечно, утяжеляет повествование, но гораздо лучше, если читатель, размышляя над ленинскими текстами, сам придет к каким-то выводам, нежели впихивать ему нечто переваренное в чужой голове».

УДК 82-94
ББК 85.374

© Логинов В.Т., 2017

© ООО «ТД Алгоритм», 2017

ISBN 978-5-906947-25-3

СОДЕРЖАНИЕ

Глава 1. КРУТОЙ ПОВОРОТ	
От «Гималаев» до «Сухаревки»	6
Голод	26
Программа «всерьез и надолго»	48
«Гражданский мир»	72
«Правильно понять свою задачу»	101
«Нет худа без добра»	124
Глава 2. «ОТ ШТУРМА К ОСАДЕ»	
«О пользе охоты на лис»	157
Накануне партсъезда	179
«Не отчет, а политические уроки»	212
О «единомыслии» и «единодушии»	230
Выборы в ЦК и ЦКК	263
«...Не прозевать второго Кронштадта»	275
Несостоявшийся отпуск	300
Глава 3. «РОССИЯ БУДЕТ СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ»	
Странная болезнь	318
«Я уже почти здоров...»	345
«Нагнать другие государства»	373
«Не назад к феодализму, а вперед к социализму»	397
«Я кончил ликвидацию своих дел»	418
Нечто вроде дневника	444
Глава 4. ПОСЛЕДНЕЙ УМИРАЕТ НАДЕЖДА	479
«ЗАВЕЩАНИЕ»	591
Указатель имен	614

Глава 1

КРУТОЙ ПОВОРОТ

От «Гималаев» до «Сухаревки»

Владимир Ильич любил горы. В юности, во время лодочных походов, он и его приятели с азартом карабкались на высоченный крутой берег Волги, откуда открывалась такая потрясающая панорама, как говорил позднее сам Ленин, такая «необъятная ширь», что казалось, будто и самой России нет ни конца, ни края.

А в сибирской ссылке, в Шушенском, настоящие горы всегда стояли перед его глазами. «На горизонте, — писал он матери, — Саянские горы или отроги их; некоторые совсем белые... Значит, и по части художественности кое-что есть, и я недаром сочинял еще в Красноярске стихи: “В Шуше, у подножья Саяна...”»¹ Но горы только начинались в 50 верстах от Шушенского, и удаляться от места ссылки столь далеко было недопустимо.

В эмиграции, в Швейцарии, Ленин многократно взбирался на доступные для альпинистов-любителей альпийские вершины. Однажды совершил восхождение на Мон-Салев. Но тамошние маршруты были слишком исхожены и «окультурены». На некоторые вершины вообще можно было доехать на фуникулере. Может быть поэтому особенно запомнились, хотя и менее высокие, но более дикие галицийские Высокие Татры.

Летом 1913 года вместе с друзьями он поднимался на вершины Свинницы (2306 м.) и Рысов Польских (2499 м.). «Лазили мы, — рассказывал Осип Пятницкий, — долго, поднимаясь высоко по камням и хватаясь за железные скобы, вделанные в скалы. Большую часть пути пришлось идти по тропинке над огромным обрывом... Три раза мы начинали спускаться с горы и подниматься обратно, как только появлялось солнце...»

---

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 55. С. 35.

Другой участник восхождения — Александр Буцевич — вспоминал: шли по тропе к перевалу Заврат (2150 м.), «дальше идет подъем по скале со склоном 50–60 градусов, и притом очень скользкой. Лишь при помощи железных скоб-клямр с большим трудом ползем на нее, но эти клямры расположены очень скупо, и в то время как стоишь ногами на одной из них, ближайшая от ноги почти достигает высоты пояса и заставляет подтягиваться на руках...

Эта часть пути напоминает собой какую-то чудовищную лестницу — вернее, остатки от прикрепления лестницы в виде одиноких скоб, и уставший Ильич метко именует это «обезьяньей лестницей», уверяя нас, что такой способ передвижения пригоден куда более для обезьян, чем для людей... Ильич искренне удивляется, что подъем так труден: «Труднее даже, чем на Мон-Салев, хотя тот и выше...».

И, наконец, участник другого восхождения на Рысы — Сергей Багоцкий: «Тропинка шла небольшими зигзагами по крутому склону горы. Подходим почти к самой вершине. Осталось преодолеть небольшой, но самый трудный участок пути... Мы ясно различаем тропинку, ведущую на вершину. Но, чтобы на нее попасть, нужно было перебраться по острому скальному гребню, имеющему вид седла, бока которого спускаются почти отвесно в глубокие пропасти.

Я двигаюсь первым и благополучно проползаю по гребню. Оглядываюсь. Владимир Ильич на середине гребня задержался, но вот он двигается и добирается до меня. Оказывается, он не вовремя посмотрел вниз и почувствовал головокружение, которое, однако, быстро преодолел. Мы — на вершине!»

Сергей Багоцкий предлагает начать спуск по менее опасной тропе. Но Ленин, понимая, что спуск будет еще более сложным, чем подъем, настаивает на повторении маршрута...¹

Как всякий альпинист-любитель, он, вероятно, мечтал и о Гималаях. Во всяком случае в январе 1922 года план статьи «Заметки публициста» Владимир Ильич начинает с записи: «Альпинист»... в Гималаях»².

А в самой статье, получившей подзаголовок «О восхождении на высокие горы, о вреде уныния, о пользе торговли, об отношении к меньшевикам и т.п.», — Ленин пишет: «Представим себе человека, совершающего восхождение на очень вы-

---

¹ См.: Яковлев Б.В. Страницы автобиографии. М.: «Молодая гвардия», 1967. С. 463, 464, 465. (Верстка книги, запрещенной цензурой, хранится в РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 51. Д. 94.); Воспоминания о В.И. Ленине. В пяти томах. Т. 2. М., 1989. С. 324, 325; «Огонек». 1933. № 2 (462). С. 3, 4.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 501.

сокую, кругую и не исследованную еще гору. Допустим, что ему удалось, преодолевая неслыханные трудности и опасности, подняться гораздо выше, чем его предшественники, но что вершины все же он не достиг.

...Двигаться вперед по избранному направлению и пути оказалось уже не только трудно и опасно, но прямо невозможно. Ему пришлось повернуть назад, спускаться вниз, искать других путей, хотя бы более длинных, но все же обещающих возможность добраться до вершины».

Происходящее далее Владимир Ильич описывает вполне профессионально: «Спуск вниз... представляет опасности и трудности, пожалуй, даже бульшие, чем подъем: легче оступиться; не так удобно осмотреть то место, куда ставишь ногу; нет того особо приподнятого настроения, которое создавалось непосредственным движением вверх, прямо к цели, и т.д.».

Чтобы было понятно тем, кто не ходил в горы, Ленин не пользуется профессиональной терминологией — никаких «клямр», «альпенштоков» и т.п. «Приходится обвязывать себя веревкой, — пишет он, — тратить целые часы, чтобы киркой вырубать уступы или места, где бы можно было крепко привязать веревку, приходится двигаться с черепашьей медленностью и притом двигаться назад, вниз, дальше от цели, и все еще не видать, кончается ли этот отчаянно опасный, мучительный спуск...

Едва ли не будет естественным предположить, что у человека, оказавшегося в таком положении, являются, — несмотря на то, что он поднялся неслыханно высоко, — минуты уныния. И, вероятно, эти минуты были бы многочисленнее, чаще, тяжелее, если бы он мог слышать некоторые голоса снизу, наблюдающие из безопасного далека, в подзорную трубу, этот опаснейший спуск, который нельзя даже назвать ... “спуском на тормозах”, ибо тормоз предполагает хорошо рассчитанный, уже испробованный экипаж... А тут ни экипажа, ни дороги, вообще ничего, ровно ничего испытанного ранее!

Голоса же снизу, — замечает Владимир Ильич, — несутся злорадные. Одни злорадствуют открыто, улюлюкают, кричат: сейчас сорвется, так ему и надо, не сумасшествуй!» Это те, кто изначально, явно или тайно желали, чтобы альпинист свернул себе шею. Они и притащились сюда с подзорной трубой, чтобы воочию увидеть, как он будет падать и как острые выступы скал будут рвать его тело...

«Другие, — продолжает Ленин, — стараются скрыть свое злорадство... Они скорбят, вознося очи горь. К прискорбью наши опасения оправдываются! Не мы ли, потратившие всю

жизнь на подготовку разумного плана восхождения на эту гору, требовали отсрочки восхождения, пока наш план не закончен разработкой?» При любой человеческой драме им важно прежде всего отметить: «я ведь говорил, я предупреждал...»

То есть в принципе они совсем не против того, чтобы человек взбирался на вершины. Они за... Но только после того, как будут созданы все необходимые условия и предпосылки, которые могли бы гарантировать достижение цели.

И дело даже не в том, что этот безумец наверняка погибнет («смотрите, смотрите, он пошел назад, он спускается вниз, он целыми часами подготавливает себе возможность подвинуться на какой-нибудь аршин! а нас поносил подлеjšíими словами, когда мы систематически требовали умеренности и аккуратности!»). Но главное даже не в том, что он неминуемо сорвется — главное он способен «скомпрометировать этот великий план вообще!»

Владимир Ильич достаточно точно воспроизводит те слова, которые на протяжении многих лет ему приходилось выслушивать от подобного рода публики: «Если мы так страстно боролись против пути, оставляемого теперь и самим безумцем... — если мы так горячо осуждали безумца и предостерегали всех от подражания и помощи ему, то мы делали это исключительно из любви к великому плану восхождения на данную гору...»

«К счастью, наш воображаемый путешественник, в условиях взятого нами примера, — замечает Ленин, — не может слышать голосов этих “истинных друзей” идеи восхождения, а то бы его, пожалуй, стошнило. Тошнота же, говорят, не способствует свежести головы и твердости ног, особенно на очень больших высотах. <...>

“Ихний” лагерь злорадствует, ликует или проливает крокодиловы слезы... по поводу нашего отступления, нашего “спуска вниз”, нашей новой экономической политики. Пусть злорадствуют... Каждому свое. А мы не дадим себя во власть ни иллюзиям, ни унынию. Не бояться признавать своих ошибок, не бояться многократного, повторного труда исправления их — и мы будем на самой вершине»¹.

«Пример — не доказательство, — признает Ленин. — Всякое сравнение хромает». И все-таки, пользуясь его же словами — «едва ли не будет естественным предположить», что очень схожую гамму чувств Владимиру Ильичу пришлось испытать к

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 415-417, 423.

концу 1921 года — года, который Г.М. Кржижановский, по стечению многих обстоятельств, назвал «злосчастливым».

Нередко авторы, повествующие о тех или иных исторических личностях, спешат поведать миру не то, о чем думали эти личности, что они писали, говорили и делали, не о том, при каких обстоятельствах это происходило и каков был общий контекст истории, а о том, что они — авторы думают по этому поводу.

Портрет главного персонажа их повествования — по самым различным причинам и мотивам «внеисторического» свойства — давно сложился у них в голове. Остается лишь подобрать фразы, цитатки, факты и фактики, препарированные соответствующим образом.

Автор этой работы ставит перед собой иную задачу: донести до читателя то, что делал, говорил, писал, о чем размышлял сам Ленин в эти трудные годы. Отсюда и обилие цитат. Конечно, это утяжеляет повествование.

Но гораздо лучше, если читатель, размышляя над ленинскими текстами, сам придет к каким-то выводам, нежели всучивать ему нечто переваренное в чужой голове.

Итак, после шести лет непрерывных войн, неслыханных жертв, лишений и страданий, когда не раз казалось, что до падения в пропасть поражения всего лишь шаг, — война, наконец, подошла к концу.

Новейшие исследования свидетельствуют о том, что в годы Первой мировой войны в результате боевых действий было убито и умерло от ран 3 млн. 645 тыс. 965 солдат и офицеров русской армии. А с учетом потерь гражданского населения в районах боевых действий безвозвратные потери России составили 4 млн. 447 тыс. 405 человек. Добавьте к этому косвенные демографические потери и эта цифра возрастет до 6,5 миллионов.

В годы Гражданской войны, по сведениям, подтвержденным документальными данными, Красная армия потеряла 702 тыс. человек, из которых 407 тыс. — от ран и болезней. Потери белых армий исчисляются в 175 тыс., плюс 150 тыс. умерших от болезней. Однако, учитывая неполноту этих данных, есть основания полагать, что потери обеих сторон в ходе боевых действий составили около 2,5-3 млн. человек, причем в большинстве — от ран и болезней.

Но еще больший урон стране, находившейся в блокаде, лишенной элементарных медикаментов, нанесли массовые эпидемии — гриппа («испанки»), сыпного и брюшного тифа, ди-

зентерии и т.п., потери от голода, от сокращения рождаемости и роста смертности. Тут счет тоже шел на многие миллионы. Таковы «главные причины уменьшения числа населения».

Добавьте к этому еще 2 млн. россиян, оказавшихся в эмиграции. Из коих примерно 600 тыс. осели в Германии, 250 — во Франции, 200 — в Польше, 100 — в Турции и 100 тысяч в Китае. Все это, в совокупности, объясняет, почему общая численность населения России сократилась на много более 12 млн. человек¹.

Дня победы никто не праздновал: еще велись бои в Приморье, оставались очаги мятежей в Тамбовщине, Туркестане и других регионах. Но было ощущение чуда — еще бы, «на нас перли 14 держав и наша взяла!»

Впрочем, в то время уже мало кто верил в чудеса. Но известная эйфория победы, ощущение человека, поднявшегося на невиданную доселе высоту, все-таки было. А вместе с ней и определенная романтизация так называемого «военного коммунизма», когда, казалось бы, исполнилась вековая мечта о ликвидации власти денег, всеобщем равенстве и т.п.

В одном из многочисленных и характерных для того времени документов — «Нерушимом обещании коммуниста» говорилось:

«Обещаюсь: встретить смерть за освобождение трудящихся от ига насильников с достоинством и спокойствием; не просить у врагов трудящихся пощады ни в бою, ни в плену...

Отрекаюсь: от накапливания личных богатств, денег и вещей; считаю позором азартную игру и торговлю, как путь к личной наживе; считаю постыдным суеверие, как пережиток тьмы и невежества; считаю недопустимым делить людей по религии, языку, национальности, зная, что в будущем все трудящиеся сольются в единую семью...

Если же я отступлю от своих обещаний сознательно, корысти и выгоды ради, то буду отверженным и презренным предателем. Это значит, что я лгал себе, лгал товарищам, лгал своей совести и недостоин звания человека!»²

В феврале 1921 года «раз вечером захотелось Ильичу, — вспоминает Крупская, — посмотреть, как живет коммуной молодежь. Решили нанести визит нашей вхутемасовке — Варваре Арманд [ВХУТЕМАС — Высшие художественно-технические мастерские — ВЛ].

¹ См.: Население России в XX веке. В трех томах. Том 1. М., 2000. С. 78, 96, 97, 102, 103, 105, 141, 142.

² Драбкина Е.Я. Черные сухари. М., 1970. С. 336, 337.

Был это голодный год, но было много энтузиазма у молодежи. Спали они в коммуне чуть ли не на голых досках, хлеба у них не было. “Зато у нас есть крупа!” — с сияющим лицом заявил дежурный член коммуны — вхугемасовец. Для Ильича сварили они из этой крупы важнецкую кашу, хотя и была она без соли.

Ильич смотрел на молодежь, на сияющие лица обступивших его молодых художников и художниц, и их радость отражалась у него на лице. Они показывали ему свои наивные рисунки, объясняли их смысл, засыпали его вопросами.

А он смеялся, уклонялся от ответов, на вопросы отвечал вопросами: “Что вы читаете? Пушкина читаете?” — “О нет! — выпали кто-то. — Он был ведь, буржуй. Мы — Маяковского!” Ильич улыбнулся: “По-моему, Пушкин лучше»¹

При всех симпатиях к этой молодежи Ленин прекрасно знал, что нельзя «витать в иллюзиях». Необходимо сохранять «ясность головы». И этот «одухотворенно-коммунарский» образ жизни, с его скудностью и бесплатностью минимальных жизненных благ, или, как говорили тогда, «гигиеническим пайком», не может быть нормой жизни народа.

«История, — говорил Владимир Ильич, — знает превращения всяких сортов; полагаться на убежденность, преданность и прочие превосходные душевные качества — это вещь в политике совсем не серьезная. Превосходные душевные качества бывают у небольшого числа людей, решают же исторический исход гигантские массы, которые, если небольшое число людей не подходит им, иногда с этим небольшим числом людей обращаются не слишком вежливо»².

И тогда и теперь не утихают споры о том, кто первым «придумал» НЭП, подразумевая под этим именно весьма конкретную меру: введение натуралога вместо продразверстки. Эсеры и меньшевики указывали на то, что они выступали за подобного рода замену еще в 1919 году. Троцкий неоднократно напоминал, что он предлагал данное решение еще в марте 1920 года, но тогда большинство ЦК во главе с Лениным отвергло его³. Однако следует признать, что сама постановка этого вопроса — кто первый? — некорректна и надумана.

Продразверстку ввело царское правительство в 1916 году. В 1917-м ее пыталось самым решительным образом проводить Временное правительство, разработавшее — при актив-

---

¹ Воспоминания о В.И. Ленине. В пяти томах. Т. 4. М., 1969. С. 334-337.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 94.

³ Троцкий Л.Д. Моя жизнь. М., 1991. С. 441, 581.

ном участия эсеров и меньшевиков — всю систему и нормы изъятия у крестьян так называемых «излишков». И крестьянство с самого начала выступило против этой политики.

Поэтому еще 30 октября 1918 года Советское правительство приняло закон о введении вместо разверстки натурального налога. Провести его, однако, в жизнь не удалось. Отрезанная фронтами от всех хлебных регионов — Украины, Дона, Кубани, Поволжья, Сибири — Советская республика вынуждена была вернуться к продразверстке. Как справедливо заметил на V съезде Советов Я.М. Свердлов, война «вынуждает нас к целому ряду актов, к которым в период мирного развития мы бы никогда не стали прибегать».

О том же говорил на X съезде РКП(б) Ленин: «Взятие с крестьянских хозяйств излишков означало такую меру, которая в силу военных обстоятельств была нам навязана с абсолютной необходимостью...» Он считал, что тогда «другого выхода не было»¹. Но вместе с тем и тогда Ленин прекрасно понимал, что «разверстка не “идеал”, а горькая и печальная необходимость. Обратный взгляд — опасная ошибка». Ибо эта система диктуется соображениями «не экономическими», она «сколь-ко-нибудь мирным условиям существования крестьянского хозяйства не отвечает». И если прежде «мы приноравливались к задачам войны», то «теперь мы должны приноравливаться к условиям мирного времени».

А это значит, говорил Ленин, — «мы на натуральный налог начинаем смотреть иначе: мы смотрим на него не только с точки зрения обеспечения государства», т.е. спасения от голода армии, городов и фабрик. Теперь «мы ставим своей задачей максимум уступок, чтобы доставить мелкому производителю наилучшие условия для проявления своих сил»².

То есть для него вопрос состоял не в том, что лучше — продразверстка или продналог, а в том когда и в какой момент можно будет от чрезвычайных мер, вызванных войной, вернуться к нормальным экономическим условиям взаимоотношений с деревней.

Казалось бы, все ясно. Однако в нашей исторической журналистике до сих пор бытует мнение, высказанное в свое время меньшевиком Н.В. Валентиновым, полагавшим, что именно «чрезвычайщина» разверстки более всего соответствовала взглядам самого Ленина и для него «введение купли и продажи,

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 43. С. 28, 79.

² Там же. С. 28, 29, 79, 381.

обращения товаров, уход от системы “военного коммунизма” был вынужденным, но явным отступлением от “идеала”»¹.

Между тем, еще в 1919 году, когда система «военного коммунизма» окончательно сформировалась, и когда с выходом «Азбуки Коммунизма» Бухарина и Преображенского об этой системе стали поговаривать не как о «печальной необходимости», вынужденной войной, а как о политике, кратчайшим путем ведущей к цели, Ленин встретился с американским писателем Линкольном Стеффенсом.

Говоря о самозащите революции, Владимир Ильич взял карандаш и лист бумаги. «Взгляните, — сказал он и провел прямую линию. — Таков наш курс. Но... — и Ленин прочертил резкую кривую линию в сторону и поставил точку, — вот здесь мы находимся в настоящее время. Мы вынуждены были прийти сюда. Но наступит день и мы вернемся на прежний курс», — и он еще раз подчеркнул прямую линию².

В нашей исторической журналистике до сих пор бытует также представление, согласно которому насильственное изъятие хлебных «излишков» являлось прерогативой и специфической особенностью именно Советской власти. Но это не так. И немецкие оккупанты на Украине, и эсеровский Комуч в Поволжье, и Колчак в Сибири, и Деникин на Юге также вынуждены были прибегать для продовольственного снабжения своих армий к реквизициям и конфискациям.

Заметим, что и в Советской России продрозверстка не была всеохватывающей системой. Новейшее исследование А.Ю. Давыдова свидетельствует о том, что значительная часть населения (в городах не менее половины, а в провинции и того больше) снабжалась через «черный рынок» с помощью «мешочников», из которых не все были действительно спекулянтами, а немалую их долю составляли и рабочие, которым разрешалось «самоснабжение», то есть самостоятельная заготовка хлеба³.

«Черный рынок» играл решающую роль в снабжении не только малых городов, но и обеих столиц — Петрограда и Москвы, где «Сухаревка» стала своеобразным символом «свободной торговли». Впрочем, и торговлей это трудно было назвать. Скорее, это был натуральный товарообмен сельхозпродуктов на городские предметы домашнего обихода, ювелирные изделия и т.п.

---

¹ Валентинов Н.В. Наследники Ленина. М., 1991. С. 97.

² «Коммунист». 1988. № 6. С. 54.

³ Давыдов А.Ю. Мешочники и диктатура в России. Спб.: «Алетейя», 2007.

Потому-то, получая мизерный паек от государства, и точили рабачие на предприятиях для обмена ножи и зажигалки.

Короче говоря, уж если искать «зачинщиков», то первыми за возвращение от продразверстки к натуральному налогу выступили сами крестьяне. И пока шла Гражданская война, они — в *лучшем* случае — относились к продотрядам лишь как к вынужденной и печальной необходимости. Эти настроения проявлялись на протяжении всей войны, и именно они объясняют постановку данного вопроса политическими деятелями, причем особенно настойчиво в начале 1920 года, когда появилась надежда на передышку.

Сергей Павлюченко, исследовавший предысторию НЭПа, привел интереснейшие факты. Уже в январе 1920 года III Всероссийский съезд Советов народного хозяйства принял предложение Ю. Ларина об упразднении продразверстки и установлении вдвое меньшего натуралога. Однако это решение было дезавуировано, а самого Ларина вывели из состава Президиума ВСНХ. В апреле Северо-Двинская губпродколлегия поставила вопрос о замене реквизиций натуральным обложением. Но и эта инициатива не была поддержана, ибо война с Польшей в корне изменила обстановку.

В июне 1920 года харьковский чекист Н. Корчашкин прислал в ЦК РКП(б) обширное письмо. Он считал, что существующая продовольственная политика лишь «удлиняет гражданскую войну», что необходимо отменить твердые цены на хлеб и разрешить свободную торговлю. Тогда, по его мнению, — «между властью и крестьянством наступит мир».

В том же июне, на II Всероссийском продовольственном совещании, с предложением о введении натурального процентного обложения хозяйств с десятины, со свободой распоряжения излишками продуктов выступили делегаты от Кубани (Л.Г. Пригожин), Прикамья (А.С. Изюмов), Самары (Легких). А на созванном в июне ЦК РКП(б) II Всероссийском совещании по работе в деревне член коллегии наркомпрода А.И. Свидерский, отвечая на аналогичные суждения, заявил, что разверстка уже имеет тенденцию превратиться в налог, а крестьяне фактически и так распоряжаются излишками по своему усмотрению.

Наконец, осенью того же года в Смоленской губернии «был осуществлен, — как пишет С. Павлюченко, — своеобразный мини-нэп.. Хлебная кампания была начата 1 сентября и закончилась к 1 октября. Всего за месяц! В других губерниях продорганы, как правило, бились весь год за выполнение на-

рядов. Здесь же весь хлеб шел “самотеком”, то есть без малейшего нажима продотрядов.

В чем же причина такого успеха? Ответ прост: крестьянам было заблаговременно (в июне) сообщено, сколько они должны сдать хлеба и картофеля государству, и обещано, что больше с них брать не будут... В сентябре на стол В.И. Ленину легла информационная сводка ВЧК, где по Смоленской губернии отмечалось: “Отношение крестьянства к Советской власти за последнее время заметно улучшилось, причиной чего является изменение продовольственной политики”¹

С окончанием Гражданской войны, когда опасность возврата «старого режима» миновала, настал момент, когда стало возможным — не реализация предложений эсеров и меньшевиков или проекта Троцкого, а, как выразился Ленин, «удовлетворить желания беспартийного крестьянства». Тем более что само крестьянство уже не желало мириться с прежней политикой и решительно выступило против продразверстки. Отражением этих настроений и стали восстания на Тамбовщине, в Западной Сибири и Кронштадтский мятеж.

Сегодня уже чуть ли не общепринятым стало утверждение, согласно которому поворот к НЭПу произошел лишь под прямым давлением кронштадтских событий, из страха перед тем, что пушки крепости смотрели на Петроград, а сама крепость в любой момент могла стать плацдармом для интервенции, то есть нового витка гражданской войны. Но это утверждение неверно даже с чисто фактической стороны.

С освобождением Крыма Гражданская война в основном завершилась в ноябре 1920 года. 15 декабря «Правда» опубликовала извещение: «Вследствие прекращения боевых действий на фронтах, Полевой штаб Реввоенсовета республики приостанавливает выпуск ежедневных оперативных сводок». А 22 декабря Калинин собрал совещание беспартийных крестьян — делегатов VIII съезда Советов. Владимир Ильич пришел на это совещание. Устроился в сторонке поудобнее и стал записывать выступления.

О чем говорили крестьяне?

«Разверстка: у нас такой *нажим* был, что револьверы к вискам приставляли. Народ возмущен...» «Хлеб собирали под метлу. Ничего не осталось. Хозяйство разрушено войной...» Из Костромской губернии: «Заинтересовать надо крестьянина. Иначе не выйдет... Сельское хозяйство из-под палки вести нельзя».

---

¹ См. статью С. Павлюченкова в кн.: Трудные вопросы истории. Поиски. Размышления. Новый взгляд на события и факты. М., 1991. С. 47-55.

«Как заинтересовать? Просто: процентную разверстку хлеба, как на скот...»

Из Иваново-Вознесенской губернии: «При разверстке одинаково облагается и лодырь и старательный, что крайне несправедливо». Ему возражают: «Бывает, что называют лодырем. А нет на деле и сохи и бороны. На бедняка нельзя валить... Надо поддержать бедняка». И в адрес местных властей: «А люди только носят портфель, а ничего не сделали. Не можете — дайте разрешение достать...» Общее пожелание: надо «более к жизни близко и к сердцу бедных крестьян...»¹

И так Ленин записывает 28 выступлений и рассылает свои записки всем членам ЦК партии и наркомам, ибо эти выступления и есть та самая реальная жизнь, которая диктует партии программу действий. А уже 4 января 1921 года Владимир Ильич, выступая на Пленуме ЦК РКП(б), указывает на необходимость соединения предстоящей посевной с радикальным изменением политики и «правильным определением отношения к крестьянству»².

30 января Ленин долго беседует с тверским крестьянином А.И. Гусевым, 9 февраля — с иркутским крестьянином О.И. Черновым, 14 февраля принимает представительную делегацию — два бедняка, два середняка и два кулака — из мятежной Тамбовщины. И со всеми — обстоятельный, деловой разговор, порой споры... В результате, в соответствии с решением Политбюро ЦК, уже 2 февраля, в 13 центральных губерниях России *продразверстка отменяется полностью*³.

16 февраля во время заседания Политбюро Владимир Ильич получил записку от секретаря ЦК Н.Н. Крестинского. Он сообщил, что в редакцию «Правды» поступила статья московского губпродкомиссара П. Сорокина и завгубземотделом М. Рогова, которые доказывали преимущества продналога перед продразверсткой. Статью прочел Каменев и предложил печатать ее, не медля.

Однако член редколлегии «Правды» Мещеряков и сам Крестинский сочли, что торопиться с публикацией подобного материала не следует. Их поддержал Сталин. «Сталин считает, — писал Крестинский, — стратегически невыгодным, чтобы канву для неизбежной дискуссии дали не мы; поэтому он за то, чтобы этой статьи не печатать без предварительного просмотра ее нами».

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 42. С. 382-385.

² См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Ед. хр. 53. Л. 1.

³ Там же. Оп. 3. Ед. хр. 128. Л. 1, 5, 6.

Ленин тут же отвечает: «Я статьи не видел, но полагаясь на Каменева (что *вредного* он не рекомендовал бы), подаю голос за то, чтобы *печатать завтра*». Статья Сорокина и Рогова «Разверстка или налог» была опубликована «Правдой» 17 и 26 февраля¹.

28 февраля 1921 года, когда мятеж в Кронштадте только-только начинался, Владимир Ильич беседовал с владимирским крестьянином Иваном Афанасьевичем Чекуновым. Он уже бывал у Ленина и в 1919, и в 1920 году и всякий раз с наказаниями от крестьян, своими проектами.

«Старик со светлой головой...»; «очень интересный трудовой крестьянин, по-своему пропагандирующий основы коммунизма»; «сочувствует коммунистам, но не идет в партию, ибо ходит в церковь, христианин (отвергаю-де обряды, но верующий)» — так писал о нем Ленин.

А вот содержание разговора: «Улучшает хозяйство. Объехал Нижегородскую и Симбирскую губернию. Крестьяне, говорит, потеряли доверие к Соввласти. Можно ли, спрашиваю, поправить налогом? Думает, что да. В своем уезде добился, при помощи рабочих, смены худой Советской власти хорошею.

Вот за таких людей нам надо *изо всех сил* уцепиться для восстановления доверия *массы* крестьян. Это *основная* политическая задача и притом не терпящая отлагательства»².

Так что вопрос о том, чтобы политику в деревне «поправить налогом» решался до Кронштадта, а не после него, и, может быть, отчасти поэтому позднее Ленин с сожалением говорил об ошибках «несчастливых кронштадтцев»³

Думающие рабочие также полагали, что политику в деревне надо срочно менять. Старый знакомый Владимира Ильича, питерский рабочий Василий Николаевич Какуров, писал из Сибири: необходим именно налог, «к которому с колыбели привыкло крестьянство и который психологически воспринимается им как наиболее законный и справедливый, а именно: установление определенного налога с десятины, обязательно заранее декретированного... Этот метод мог бы дать самые положительные результаты и почти безболезненно»⁴.

4 февраля 1921 года, после выступления Ленина о необходимости пересмотра отношений рабочего класса с крестьянством, Московская конференция союза металлистов принимает резолюцию, в которой прямо указывалось, что существую-

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 52. С. 73, 367.

² Там же. Т. 52. С. 83, 85, 86, 372.

³ Там же. Т. 44. С. 107.

⁴ Драбкина Е.Я. Зимний перевал. Изд. 2-е. М., 1990. С. 71.

щая продовольственная политика не соответствует интересам ни рабочих, ни крестьян, а посему необходимо «заменить разверстку определенным натуральным налогом».

А 8 февраля, при обсуждении на Политбюро доклада Н. Осинского о подготовке к весеннему севу, Владимир Ильич формулирует проект тезисов, в которых требуется «удовлетворить желание беспартийного крестьянства о замене разверстки (в смысле изъятия излишков) хлебным налогом»¹.

Политбюро переносит этот вопрос в специальную комиссию. 17 февраля «Правда» открывает на своих страницах дискуссию по этому вопросу. И лишь 24 февраля Пленум ЦК РКП(б) принимает за основу проект постановления о переходе от разверстки к натуральному налогу².

Возникали ли по поводу данного решения какие-либо сомнения или разногласия? Безусловно, возникали. И дело не только в «инерции мышления» или доктринальных соображениях.

С чисто прагматической точки зрения продразверстка, при всех ее издержках, все-таки давала результат. Если в 1918 году с ее помощью удалось собрать 110 млн. пудов хлеба, то 1919 год дал 220, а 1920-й — более 285 млн. И это притом, что Временное правительство предполагало получить с помощью разверстки более миллиарда пудов. А вот продналог, по предварительным расчетам, мог дать в 1921-м лишь 240 млн. пудов³.

Главное же, в условиях, когда военная опасность сохранялась, надо было ломать уже сложившуюся, ставшую привычной для управленцев *систему*. Высказывались и политические соображения. Михаил Иванович Калинин, хорошо знавший деревню, прямо писал, что если будет разрешена торговля, то «я не сомневаюсь, что не пройдет и двух лет, как нам придется делать новую революцию против народившихся капиталистов»⁴. Так что основания для сомнений были.

В своей интереснейшей книге «Дискуссии об экономической политике в годы денежной реформы. 1921-1924» Юрий Маркович Голанд впервые обратил внимание на вышедшие в Нью-Йорке в 1945 году воспоминания известного ученого-химика, академика В.Н. Ипатьева, являвшегося в 20-е годы членом Президиума ВСНХ, а позднее ставшего «невозвращенцем». По его информации, при обсуждении ленинских пред-

---

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 42. С. 333.

² Там же. Т. 43. С. 443, 434.

³ Там же. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 9.

⁴ См. статью С. Павлюченкова в кн.: Трудные вопросы истории. С. 58.

ложений в ЦК Владимир Ильич якобы остался в меньшинстве. Тогда он решительно заявил, что в таком случае «отказывается быть лидером партии и уходит в отставку»¹.

Работавший в том же ВСНХ Н. Валентинов (Николай Владиславович Вольский), якобы со слов А.И. Свидерского, живописует данный эпизод более красочно...

«Полностью согласны с ним [Лениным], может быть только Красин и Цюрупа; все другие или молчат, или упираются. На одном совещании (Свидерский не указал на каком, а я о том не спросил) Ленин говорил: “Когда я вам в глаза смотрю, вы все как будто согласны со мной и говорите *да*, а отвернусь, вы говорите *нет*. Вы играете со мной в прятки. В таком случае позвольте и мне поиграть с вами в одну принятую в парламентах игру.

Когда в парламентах главе правительства высказывается недоверие, он подает в отставку. Вы мне высказывали недоверие во времена заключения мира в Бресте, хотя теперь даже глупцы понимают, что моя политика была правильной. Теперь снова вы высказываете мне недоверие по вопросу о новой экономической политике.

Я делаю из этого принятые в парламентах выводы и двум высшим инстанциям — ВЦИКу и Пленуму — вручаю свою отставку. Перестаю быть председателем Совнаркома, членом Политбюро и превращаюсь в простого публициста, пишущего в «Правде» и других советских изданиях”.

— Ленин, конечно шутил!

— Ничего подобного. Он заявлял о том самым серьезным образом. Стучал кулаками по столу, кричал, что ему надоело дискутировать с людьми, которые никак не желают выйти ни из психологии подполья, ни из младенческого непонимания такого серьезного вопроса, что без НЭП неминуем разрыв с крестьянством.

Угрозой отставки Ленин так всех напугал, что сразу сломил выражавшееся многими несогласие. Например, Бухарин, резко возражавший Ленину, в 24 минуты из противника превратился в такого страстного защитника НЭП, что Ленин принужден был его сдерживать.

“У меня, — с иронией указывал Ленин, — допустим, 25 аргументов за введение НЭП; товарищ Бухарин к ним хочет прибавить еще 50. Боюсь, что своей массивной прибавкой он просто утопит НЭП, превратит его в нечто такое, с чем я уже

---

¹ Голанд Ю.М. Дискуссии об экономической политике в годы денежной реформы. 1921-1924. М.: «Экономика», 2006. С. 15.

согласиться не могу. Поэтому, лучше останемся с 25 аргументами»¹.

Из рассказов двух мемуаристов, опубликовавших свои воспоминания спустя много лет после описываемых событий, вытекает лишь тот несомненный факт, что слухи об угрозе Ленина отставкой по ВСНХ действительно ходили. И какие-то основания для них, вероятно, были.

Что же касается той яркой сценки, которую живописал Николай Владиславович, то есть основания полагать, что продиктована она не столько его памятью и степенью информированности, сколько фантазией и литературным дарованием. О всех предшествующих случаях угрозы Ленина отставкой (в 1917 и 1918 году) сохранились и документы, и множество воспоминаний непосредственных свидетелей. В данном случае мы располагаем пока лишь информацией из «вторых рук».

Американский миллионер Арманд Хаммер, встречавшийся с Лениным и другими руководителями страны в 1921 году, писал: «Только сам Ленин мог стать инициатором этой политики, обозначившей одну из наиболее драматических и решительных перемен в истории нашего века; и Ленину пришлось опереться на колоссальные резервы доверия к нему, на всю свою магическую силу убеждения товарищей. Если бы нэп был предложен кем-либо еще, этого человека, наверное, расстреляли бы как предателя революции»².

Слухов тогда ходило множество, поэтому при анализе споров, происходивших на заседании Политбюро, можно полностью полагаться лишь на рассказ наркома продовольствия А.Д. Цюрупы, позиция которого по отношению к введению НЭПа вовсе не была столь однозначной. Воспоминания Александра Дмитриевича издавались еще при жизни других очевидцев данного события, и никто из них не уличал его в неточностях.

«Помню заседание Политбюро, на котором был разработан этот вопрос. Началось заседание. Главное участие в нем принимал В.И. и я, — пишет Цюрупа, — Владимир Ильич ругал нас бюрократами, распекал нас. Говорил: «Вы ошибаетесь, то, что раньше было правильным, теперь уже не подходит!» Оказалось, что я был не прав. Владимир Ильич выступал три раза, я тоже. Я в ответ на его нападки называл его талмудистом, буквоедом. Однако эта перебранка совершенно не повлияла на наши отношения».

¹ Валентинов Н. НЭП и кризис партии. Воспоминания. Нью-Йорк, 1991. С. 31.

² Коммунист. 1988. № 2. С. 65.

Итак, Политбюро решило отменить продразверстку и перейти к продналогу. Вопрос должен был перейти на обсуждение на съезде партии. «Владимир Ильич, — пишет Цюрупа, — заходил к нам на квартиру и по 1S-2 часа просиживал с нами, доказывая необходимость введения продналога. Я говорил: “Владимир Ильич, я не буду делать доклада, а выступлю лишь содокладчиком к Вашему докладу”. Он сказал: “А все-таки между прочим скажите, что Вы за свободу торговли”»¹.

24 февраля Пленум ЦК РКП(б) принимает принципиальное решение о переходе к продналогу, а на X съезде партии создается специальная комиссия. «Комиссия эта, — пишет Цюрупа, — 5 часов работала над составлением резолюции. Однако эта резолюция принята не была. Тогда была выбрана комиссия, в которую вошли В.И., т. Каменев и я». По докладу Ленина 15 марта именно ее и утверждает X партийный съезд.

Отмена продразверстки и переход к продналогу сделали свое дело, в значительной мере сняв напряжение. И руководитель Тамбовского восстания Александр Антонов сказал на совещании комсостава: «Да, мужики победили. Хоть и временно, конечно. А вот нам, отцы-командиры, теперь крышка»².

Он был прав: крестьянские восстания быстро пошли на убыль. Современный исследователь Виктор Викторович Кондрашин, специально изучивший обширный корпус документов о крестьянском движении в Поволжье в 1918-1922 годах, сделал фундаментальный вывод, не совпадающий, как он отметил, с мнением значительного числа исследователей.

«На наш взгляд, — пишет Кондрашин, — по своему характеру крестьянское движение... не было контрреволюционным, антисоветским и антикоммунистическим. Об антикоммунизме крестьян можно говорить лишь в том смысле, что их движение было направлено против “военно-коммунистической политики”...

Крестьянский антикоммунизм проявлялся на уровне осуждения действий местной власти и в большинстве своем даже не распространялся на центральное руководство. Крестьянами оговаривалось, что за коммунизмом “великое будущее”. Идею его они считали “священной”... Именно поэтому деревня оказалась восприимчива к идеям большевизма, провела свою революцию, основанную на уравнилельных, “социалистических” принципах. В этой связи вполне естественным

---

¹ РГАСПИ. Ф. 4. Оп. 2. Д. 2232. Л. 6.

² «Антоновщина». Крестьянское восстание в Тамбовской губернии в 1919-1921 гг. Документы и материалы. Тамбов, 1994. С. 15.

фактом стало отсутствие в документах повстанцев упоминаний о частной собственности на землю...

Поэтому в широком смысле слова, с точки зрения стратегической цели, — заключает В.В. Кондрашин, — можно согласиться с выводом В.П. Данилова и говорить не о поражении крестьянского движения, а о его победе, поскольку в 1922 году Советская власть принятием Земельного Кодекса законодательно осуществила лозунги и программу крестьянской революции»¹.

Вроде бы комичный эпизод из знаменитого фильма «Чапаев», когда крестьянин спрашивал Василия Ивановича: «А ты за большевиков или за коммунистов?» — имел свою реальную основу. И об этом в июле 1921 года Ленин рассказал на III конгрессе Коминтерна.

Когда крестьяне выступали против нас, говорил Владимир Ильич, они заявляли: «Мы большевики, но не коммунисты. Мы — за большевиков, потому что они прогнали помещиков, но мы не за коммунистов, потому что они против индивидуального хозяйства... Да, большевики довольно неприятные люди; мы их не любим, но все же они лучше, чем белогвардейцы и Учредительное собрание». Учредилка у них ругательное слово... Они знают из практической жизни, что Учредительное собрание и белая гвардия означает одно и то же, что вслед за первым неминуемо приходит вторая»².

Все приведенные выше детали и подробности потребовались не только для того, чтобы выяснить, как выразался Ленин, — «кто первый сказал “А”», но и для прояснения более существенных проблем.

Время, в той или иной мере, всегда налагает свою печать на сознание и писания современников. Так называемые «лихие 90-е» XX столетия, когда утративший свой прежний социальный статус, деморализованный и маргинализированный народ «безмолвствовал», неизбежно породили, а вернее — возродили, и соответствующие теоретические построения.

В этой связи известный историк Юрий Афанасьев писал: «Применительно к России довольно широкую известность приобрела трактовка русской политической системы историками Юрием Пивоваровым и Андреем Фурсовым, согласно

---

¹ Кондрашин В.В. Крестьянское движение в Поволжье в 1918-1922 гг. М., 2001 С. 354, 357.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 43.

которой мы живем, пользуясь их неологизмом, в Русской системе.

Это такая система управления населением и территорией, где власть — единственный (т.е. «моно») субъект. И по отношению к ней все остальное в России — только объекты, в том числе и люди, абсолютное их большинство».

И тот же Юрий Афанасьев, которого никак не заподозришь в симпатиях к большевизму и Советской власти, справедливо заметил: «То главное и основное, что обусловило сущность советского социума, надо определить как победу в революции 1917 года и последовавшей за ней Гражданской войне большинства народа»¹.

Смысл рассказа о том, как рождался НЭП, как раз и состоит в том, что эта новая политика родилась не в результате препирательств политических деятелей, а стала результатом именно победы «большинства народа». И ничего нового в этом утверждении нет, ибо для Ленина, как марксиста, народ и российское крестьянство, в частности, никогда не были «объектом», а являлись главным субъектом исторического процесса.

Первые шаги НЭПа производили на современников крайне сложное, порой ошеломляющее впечатление...

Елизавета Драбкина вступила в Компартию в 1917 году 16-ти лет. Участвовала в Октябрьской революции, в Гражданской войне. Она привыкла к скудным пайкам, восполнявшимся нередко лишь чтением тезисов Маркса о Фейербахе — о «человеческой сущности». А вскоре после подавления Кронштадтского мятежа Елизавета вернулась в Москву.

«И тут же, — рассказывает она, — я увидела колбасу!

Да, колбасу! Настоящую, всамделишную колбасу! Перерезанная пополам, она лежала на фарфоровом блюде, являя миру свои роскошные розовые внутренности, на которых, подобно звездам в ночном небе, сверкали белые кружочки сала...

Рядом с блюдом высилась гора пышных булок, желтело сливочное масло, повсюду торчали этикетки, на которых были начертаны цены с целым шлейфом нулей... А за всей этой роскошью и великолепием празднично колыхались громаднейший живот, затянутый в бордовую жилетку с мелкими черными пуговками, и неправдоподобная розовая харя...

Вот так вот мы, говоря старинным слогом, и “пребывали” один против другого: я — голодный, замученный, дрожащий в рваной шинельке член правящей партии, и мурло Капита-

---

¹ «Новая газета», 16 сентября 2015, с. 18, 19.

ла, того капитала, даже след, даже запах которого, мы три года вытравляли с нашей земли, а он, глядишь, выставил вперед брюхо и самодовольно ухмыляется.

Но разве же я не знала, что X съезд партии решил заменить разверстку натуральным налогом. Разумеется, знала... Но своим глупым умом я поняла из всего этого одно: раньше у крестьянина брали разверстку, это ему было тяжело... Теперь ему будет легче. А все остальное, казалось мне, да и не мне одной, останется по-прежнему...

И вот...

И откуда все это вылезло, откуда напоззло?

Ну, была раньше “Сухаревка”, знаменитая на всю Россию “Сухаревка”, живучая и неистребимая “Сухаревка”. Ее запрещали декретами, по ней молотили облавами, но толку от всего этого было не больше, чем от попыток перерезать кисель бритвой: сколько ни режь, хоть вдоль, хоть поперек, он все равно сойдется, как ни в чем не бывало».

А «Сухаревка»?

Уже от Каланчевской площади, у вокзалов «начинался торг, пока больше “с рук”. Чем ближе к “Сухаревке”, тем он становился гуще, крикливей, многолюднее... Ну а дальше начиналось поистине столпотворение, центром которого была Сухарева башня, вполне достойно заменявшая Вавилонскую.

Сплошной волной, плечом к плечу, образывая заторы и водовороты, двигалось оголтелое человеческое месиво, горластое, орущее, ругающееся, лужгающее семечки, поминающее бога, черта, родителей и пресвятителей.

Не поймешь, кто тут продает, кто покупает, несть числа и счета ларькам, лоткам, палаткам, санкам, ящикам, стульям, табуреткам, сундукам, кошелкам, корзинам, кузовам, образующим торговые ряды.

Каждый наперебой выкрикивает свой товар: “А вот колбасы своего припасу!”, “Спички есть! Спички!”, “Кавказская медовая халва, прямо мед, клади в рот, сам бы ел, да хозяин не велел!” “Булки, белые булки” — верещит баба в цветастом платочке и полукафтанчике: булки у нее лежат в корзине, покрытые холстом, а поверх холста положена булка “для щупа”; пощупав ее, покупатель может познакомиться с качеством товара...

Еще почти не были изданы законы, устанавливающие новые порядки; еще не сложилось название этих порядков — “новая экономическая политика”; в русский язык не вошло еще новое слово “НЭП”, а уже, словно перестоявшая опара из квашни, изо всех щелей стали выпирать торговцы, спекулян-

ты, дельцы, подрядчики, валютчики, комиссионеры, арендаторы, перекупщики, знавшие только один девиз: “Рви!”¹

Столь пространная цитата понадобилась для того, чтобы избавить читателя от объяснений, касающихся того — почему НЭП с первых своих шагов породил сложнейшие, не только политические и экономические, но и морально-психологические проблемы.

В этой связи Елизавета Драбкина очень кстати напоминает замечание Ленина, которое он записал, размышляя над гегелевским определением *сущности*: «...Несущественное, кажущееся, поверхностное чаще исчезает, не так “плотно” держится, не так “крепко сидит”, как “сущность”. Нетва [примерно]: движение реки — пена сверху и глубокие течения внизу. *Но и пена* есть выражение сущности. Тот НЭП, который мы видели, был пеной, черной пеной»².

Можно лишь добавить, что поначалу «пены» действительно было больше, а «глубокие течения» прослеживались меньше, ибо негативные стороны этих первых шагов (так называемые «grimасы НЭПа») усугублялись тяжелой засухой и голодом, охватившим в 1921 году Поволжье, а затем и юг Украины.

Голод

Неожиданностью эта засуха не стала. 1920 год тоже был неурожайным. Уже в ноябре этого года профессор Петровско-разумовской академии Владимир Александрович Михельсон, опираясь на многолетние метеорологические наблюдения Московской обсерватории о периодически повторяющихся засушливых годах, написал статью «Важное предостережение», в которой утверждалось, что и предстоящий 1921 год грозит засухой

Ознакомившись 6 ноября с этой статьей, Владимир Ильич предложил опубликовать ее в «Правде» и «Известиях» с послесловием наркома земледелия С.П. Середы, которое бы указывало на практические задачи, вытекающие из данного прогноза. Об этом Середа должен был сказать и в докладе VIII съезду Советов³. И уже 17 февраля 1921 года создается Комиссия по оказанию помощи сельскому населению, пострадавшему от

¹ Драбкина Е.Я. Зимний перевал. С. 148, 149, 151, 152.

² Там же. С. 157.

³ См.: В.И. Ленин. Биографическая хроника. Т. 10. М., 1978. С. 445, 446.

неурожая, преобразованная 18 июля во Всероссийскую Центральную комиссию ВЦИК помощи голодающим.

Слишком ранняя весна 1921 года действительно не предвещала ничего хорошего. Но пока оставалась хоть какая-то надежда, Совнарком предпринимает отчаянные усилия для успешного проведения весеннего сева. Во все губкомы, губисполкомы, губсовнархозы, всем командующим фронтами и военными округами идут телеграммы за подписью Ленина, требующие ускорить доставку семян, удобрений, ремонт сельхозинвентаря, оказания помощи малоимущим хозяйствам и т.д.

28 марта правительство принимает постановление, согласно которому предполагавшийся ранее объем заготовок зерновых продуктов в 423 миллиона пудов сокращается до 240 миллионов пудов, а также разрешается свободная продажа хлеба в тех уездах и губерниях, которые выполнили государственные обязательства.

9 апреля, выступая на московском партактиве, Ленин предупреждает о грозящем бедствии, ибо крестьянское хозяйство «после всех разорений, вызванных войной, было еще добито и необыкновенно тяжелым неурожаем [1920 года — ВЛ] и связанной с этим бескормицей, потому что неурожай был и на травы, и падежом скота...»

Если бы речь шла о нормальных, мирных условиях хозяйствования, поясняет Владимир Ильич, то при урожае в 40 пудов с десятины крестьяне могли бы дать 500 миллионов пудов излишков. И «мы тогда полностью покрыли потребность городского населения — 350 миллионов пудов — и имели бы запас для заграничной торговли и для улучшения крестьянского хозяйства».

Однако шесть лет войны сделали свое дело. Неурожай 1920 года дал в среднем лишь 28 пудов с десятины. И если наша статистика, говорит Ленин, полагает, что на душу населения необходимо, как минимум, 18 пудов, то неизбежность дефицита, т.е. недоедания и рабочих, и самих крестьян, и армии, станет очевидной¹.

13 апреля Ленин пишет Кржижановскому: «Надо предположить, что мы имеем 1921-1922 такой же или сильнее неурожай... С этой точки зрения рассчитать, какие закупки за границей необходимы, чтобы *во что бы то ни стало* победить самую острую нужду, т.е. непременно дополучить недостающее продовольствие (прямой закупкой за границей предметов питания и обменом на хлеб в окраинах России)...» Из всех заявок

---

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 43. С. 147, 154.

на валюту для импорта «только те заявки оправдать можно и должно, кои необходимы с этой точки зрения»¹

29 апреля по инициативе Ленина принимается декрет Совета Труда и Оборонны о мерах борьбы с засухой, хотя и в мае Владимир Ильич все еще надеялся, что государству удастся заготовить с помощью налога и через товарообмен хотя бы 400 миллионов пудов². Конец весны развеял и эти надежды. «К концу мая, — рассказывает Елизавета Драбкина, — хлеба стали желтеть и быстро колоситься, но, выколосившись, колос сох, как в чахотке. Жара и отсутствие дождей превратили траву в сухие былки, уныло торчащие из выжженной растрескавшейся земли. Листья деревьев свернулись и побурели. Только горькая полынь и колючий мордвинник росли как ни в чем не бывало.

...К концу весны хлеб во многих волостях подобрался до корочки, и люди перешли на подножный корм. Чуть свет коровы, овцы, лошади и сами крестьяне отправлялись в лес. Там, где был лес, пока держался утренний холодок, все вместе паслись одним стадом, объедая кору с молодых деревьев и выдирая из земли коренья и старые былки пересохшей травы»³.

16 июня, анализируя погубернские сводки о неурожае хлебов, трав и падеже скота, Ленин, выступая на III Всероссийском продовольственном совещании, сказал: «...Мы имеем уже перед собой картину того, что громадный недочет получится в целом ряде губерний... И продовольственным работникам придется, вместо того, чтобы взять с этих губерний известное количество излишков... помогать этим губерниям, помогать голодающим»⁴.

Регион засухи все более расширялся. «Народ теснился в сельсоветах, словно здесь хранились ключи от “хлябей небесных”, — рассказывает Елизавета Драбкина. — Жгли свечи у икон “чудотворцев”, служили молебны о “ниспослании влаги”, устраивали крестные ходы. Подойдя к церковной ограде, кланялись земным поклоном... И подолгу молились, “нашептывая небо” молитвами о дожде. Но дождя все не было и не было.

Когда надежды на урожай окончательно рухнули, стали собирать все, что было возможно... Неочищенные колосья, солома, лебеда, колючки, желуди, корни, опилки, глина, известь, выветрившиеся кости. Все это перемалывалось или толклось в ступе и вместе с водой и добавленной “для связи” щепоткой

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 52. С. 142, 143.

² См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 335, 403; Т. 52. С. 166, 394.

³ Драбкина Е.Я. Зимний перевал. С. 175, 177.

⁴ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 43. С. 351.

ржаной муки вымешивалось в тесто, из которого пекли “бедовую еду” — то черные, как земля, то зеленые, как трава, горькие лепешки... Пока был хоть какой-то подножный корм, скотину пытались сохранить. А потом стали забивать»¹.

Ленин вновь уточняет, на какие именно продовольственные ресурсы может рассчитывать государство. 4 июля он делится своими соображениями с Кржижановским: «Главная ошибка всех нас была до сих пор, что мы рассчитывали на лучшее; и от этого впадали в бюрократические утопии... Надо это в корне переделать.

Рассчитывать на худшее...

Продовольствие? Фрумкин говорит: 150 миллионов пудов налог + 50 миллионов пудов обменом + 40 миллионов пудов с Украины = 240 миллионов пудов.

Надо взять расчет на 200 миллионов пудов **всего** в год.

Как быть с этой ничтожной, голодной цифрой?

$200:12=16\frac{2}{3}$.

Тут уж было не до свободной торговли. Всем губисполкомам страны дается задание уточнить поуездное состояние поездов, а в Сибирь, где ожидался хороший урожай, направляется телеграмма с постановлением ЦК РКП(б): «Предлагаем принять самые решительные меры к прекращению свободного обмена хлебных продуктов, не останавливаясь перед полным закрытием базаров и проч., проводя в широких размерах принудительный обмен, для чего продаппарат Сибири должен быть подкреплён воинской силой»².

Поскольку во всех расчетах на урожай Украине отводилась весьма существенная роль, Ленин считал необходимым укрепить продаппарат этой республики опытными работниками, а наркомом продовольствия Украины назначить Троцкого с оставлением за ним поста наркомвоенмора России. Однако Троцкий, усмотрев в этом «понижении» интригу Сталина, отказался. Решение отложили до Пленума ЦК.

27 июля Ленин встретился с Троцким, и тот стал говорить, что считает такое назначение нецелесообразным. Во-первых, для работы по усилению боеспособности армии ему необходимо оставаться в Москве. А во-вторых, для решения продовольственной проблемы он сможет сделать гораздо больше, вовлекая армию в хозяйственные работы.

Во избежание дальнейшего развития склоки, Ленин с этими доводами согласился, и решение о назначении Троцко-

¹ Дробкина Е.Я. Зимний перевал. С. 177, 178.

² В.И. Ленин. Неизвестные документы. 1891-1922. М., 1999. С. 454, 463, 464.

го наркомпродом Украины отменили¹. Помимо этого, Ленин считает, что для оказания помощи голодающим необходимо максимально ускорить процесс демобилизации армии и при расчете количества пайков исходить из ее «минимальной численности».

А вот очередную мобилизацию нового пополнения провести в основном за счет молодежи голодающих районов и направить ее в части, расположенные в регионах, не пораженных засухой. Это спасет от голода не только самих новобранцев, но отчасти — с помощью продовольственных посылок — и их семьи. Одновременно сокращенную армию действительно необходимо шире привлечь и к хозяйственным работам.

Что касается армии чиновников — госслужащих, продовольственные пайки которым также обеспечивало государство, — то тут провести «сокращение свирепое». Плюс — мобилизовать ответственных работников всех нехозяйственных наркоматов на самую «низовую хозяйственную работу», включая их в состав фабкомов, домкомов и т.п., дабы они, помимо основной службы, контролировали и на предприятиях, и в городских кварталах распределение продовольствия и топлива.

Радикальные меры, полагает Ленин, необходимы и по отношению к промышленным предприятиям. Надо составить список лучших из них — тех, «коим хватит *топлива и хлеба*», пустить их в две смены. А «все остальное — в аренду или кому угодно отдать или закрыть... *до прочного улучшения*, позволяющего абсолютно рассчитывать не на 200 миллионов пудов хлеба... а на 300 миллионов пудов...

*Подумайте. Поговорим*².

Но сколько бы Госплан ни думал, было ясно, что собственными ресурсами не обойтись. И еще в начале мая Ленин обратился к советским торговым представительствам в Лондоне с просьбой прозондировать вопрос о возможности импорта продовольствия из-за рубежа и необходимости в этой связи пересмотреть все заявки, поступившие от советских хозорганов на валютные закупки за границей.

15 июля Владимир Ильич встречается с наркомом внешней торговли Леонидом Борисовичем Красиным, вернувшимся из Англии. Когда Красин вошел в кабинет Ленина, он «застал его в тревожном настроении, он все время поглядывал

¹ См.: В.И. Ленин. Неизвестные документы. С. 460, 461, 462; В.И. Ленин. Биографическая хроника. Т. 11. С. 127.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 63, 64, 65, 67, 68.

на знойное, раскаленное небо, очевидно в ожидании, не появится ли наконец долгожданное дождевое облако, и много раз спрашивал меня: “А сможем ли мы закупить за границей хлеб? Пропустит ли хлеб в Россию Антанта?”

Весь наш импортный план был опрокинут, и по возвращении в Англию пришлось в больших размерах организовать закупку хлеба и семян, разумеется за счет золотого запаса, так как вывоза у нас в то время еще почти никакого не было.

Владимир Ильич лично следил чуть ли не за каждым отходящим из-за границы пароходом и буквально бомбардировал нас телеграммами и записками, настаивая сделать все возможное, чтобы скорее помочь голодающим районам»¹.

Именно к этому времени относятся те предложения Ленина о сокращении субсидий театрам и, в частности, Большому и Художественному, которые не раз вызывали в его адрес упреки мемуаристов в «практицизме и узком делячестве».

Что касается Художественного, к которому Владимир Ильич относился с особой симпатией, то проблему в какой-то мере удалось решить за счет зарубежных и внутрироссийских гастролей. «Не раз хотели, — пишет Луначарский, — закрыть Большой, чтобы сократить таким образом государственные расходы. Но сокращения в сущности не добились, ибо выяснили, что те издержки, которые государство сейчас несет по Большому театру, даже несколько меньше тех, которые пришлось бы нести просто по охране здания Большого театра и по содержанию оркестра, который, конечно, распустить никто никогда не думал»².

Действительно, Ленин возмутился, когда прочел в записке наркома финансов Николая Николаевича Крестинского о том, что наркомпрос предполагает израсходовать на содержание театров 29 миллиардов рублей, в то время как на все российские университеты и прочие высшие учебные заведения — лишь 17 миллиардов.

А когда Луначарский написал, что иначе придется театры «положить в гроб», Владимир Ильич ответил, что в сложившихся условиях наркому народного просвещения, видимо, придется театры «положить в гроб», а побольше заняться «обучением грамоте»³.

¹ Воспоминания о В.И. Ленине. В 10 томах. Т. 7. М., 1991. С. 102, 103.

² Литературное наследство. Т. 80. В.И. Ленин и А.В. Луначарский. М., 1971. С. 313.

³ См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 53. С. 142, 158, 405.

В этот же период произошел эпизод, рассказанный Александром Константиновичем Воронским. Они, вместе с Горьким, пришли к Ленину, чтобы обсудить вопрос о выпуске нового журнала «Красная новь» и издании в Берлине З.И. Гржебиным (при финансовой поддержке Советского правительства) литературы для России.

«В комнату, — рассказывает Воронский, — входит Ленин; не входит, а как это обычно у него — почти вбегает. Он спешит: только что кончилось одно заседание, теперь начинается другое. На ходу ест, наливает стакан чая, быстрым и особо характерным жестом перевертывает одну из книг... бегло и быстро, сощурившись, перелистывает ее.

И в этих приемах видна прочно установившаяся манера обращаться с книгой, сразу схватить и прикинуть ее в уме. Такие жесты вырабатываются только в результате долголетнего сожительства с книгой.

Горький немного исподлобья наблюдает и присматривается к Ленину. У Ленина по обыкновению светятся глаза.

Как будто должно быть наоборот. Глаза Ленина переместить бы к художнику Горькому, а “догматик” и “схематик” должен получить мало выразительные, водянистые глаза А.М. Горького.

Горький угловат, высок, утюжен, нескладен, молчалив, неподвижен. Ленин, по-каратаевски, кругл и проворен, наэлектризованный живой комок...

Изданы книги отменно хорошо, и это радует Горького. В руках у Ленина прекрасный сборник индийских сказаний и легенд, подобранный Горьким с большим мастерством и вкусом.

— Да, да, — соглашается Ленин, — превосходные издания, только поменьше бы беллетристики и побольше деловых книг. А то вот голод у нас и разруха. С ними нужно разделаться в первую очередь.

— Да ведь дешевка, Владимир Ильич, — убеждает М. Горький, — пустяки, копейки...

— Золото, золото ведь идет на это. А золота нет...

Две правды, две истины. Но не о хлебе едином жив будет человек. Конечно. Но когда хлеба нет, совсем нет? Нет, пусть сначала хлеб, паровозы, мануфактура, а затем беллетристика. И за этим, якобы узким практицизмом, за этой деловой сухостью чудится большая любовь и горячее чувство к страдающему трудовому человеку».

Позднее Александр Воронский дописал: сталкиваясь с реальной жизнью и практической работой, — «я неоднократно

но вспоминал об этих двух правдах, и всегда мне казалось, что вторая правда, правда Владимира Ильича, сильнее первой правды»¹.

13 июля Горький написал М.И. Бенкендорф: «Я — в августе — еду за границу для агитации в пользу умирающих от голода. Их до 25 миллионов. Около 6-и снялись с места, бросили деревни и куда-то едут. Вы представляете, что это такое? Вокруг Оренбурга, Челябинска и других городов — табора голодных... В Симбирске хлеб 7500 руб. за фунт, мясо — 2000. Весь скот режут, ибо кормовых трав нет — все сгорело. Дети — дети мрут тысячами».

Осенью, когда засуха распространяется на Донецкую, Екатеринославскую, Запорожскую, Николаевскую губернии, уполномоченный Украинского Красного Креста пишет: «Бегство стало повальным, напоминающим массовый психоз: люди бежали, не зная куда, зачем, не имея никаких средств, не отдавая себе отчета в том, что они делают, распродавая все свое имущество и разоряясь окончательно. Беглецов не могли остановить никакие препятствия...»²

Получив все погубернские данные от наркома продовольствия Николая Брюханова и предсовнаркома Украины Христиана Раковского, Владимир Ильич вновь берется за расчеты.

Ориентировочно сбор налога по всей России все-таки может дать 170 миллионов пудов хлеба, а в Украине — 30 миллионов (оставив в республике для себя — 60). То есть, всего можно собрать 200 миллионов пудов. Следует добавить помольный сбор: в России — 20 миллионов пудов, в Украине — 17. Наконец, товарообмен и там и там может дать еще 20 миллионов.

В итоге получается 257 миллионов. Но откидывая для осторожности (дабы не впасть в «бюрократические утопии») 10 процентов, получаем 231 миллион пудов. Делим на 12, выходит всего по 19 миллионов пудов хлеба в месяц³.

А голод охватывал все новые и новые районы. «Повсюду на пристанях, — рассказывает Елизавета Драбкина, — прямо на голой земле, в грязи, в пыли, среди остатков погасших костров целыми деревнями валялись беженцы — взрослые и дети, жи-

---

¹ *Воронский А.К.* Ленин и человечество. Л., 1924 (2-е изд. Л., 1925). С. 46, 47; Литературное наследство. Т. 80. В.И. Ленин и А.В. Луначарский. С. 694; *Драбкина Е.Я.* Зимний перевал. С. 176.

² «Новая газета», 21-27 ноября 2008, с. 20, 21.

³ См.: *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 44. С. 460.

вые и мертвые, люди и животные. Лишь немногие еще рвались в богатую хлебом обетованную землю. Остальные уже ничего не ждали, ни на что не надеялись. Они все потеряли. У них не осталось ничего, кроме отчаяния...»¹

В прежние времена, в 1891-1892 годах, во время голода в Поволжье и Черноземном центре, охватившем районы с населением около 35 миллионов человек, значительную роль в ликвидации его последствий сыграли общественные организации².

Эту традицию решено было возродить. Но если прежде подобные инициативы появлялись в противовес государственным акциям, то теперь усилия органов власти и общественности решено было объединить. С этой целью для переговоров с «общественными деятелями» направили А.М. Горького. «Он убеждал Прокоповича и Кускову, он втравил и других в это дело сотрудничества с властью в грозную для народа минуту».

И уже 29 июня, как сообщал Горький В.В. Воровскому в Италию, — «в Оргбюро рассматривалось мое предложение: организовать Комитет общественных деятелей для борьбы с голодом и эпидемиями, а также для поездки в Америку на предмет агитации в пользу долгосрочного займа хлебом. Владимир Ильич относится к идее сочувственно. Думаем занять 100 миллионов пудов»³. А 21 июля 1921 года ВЦИК утвердил создание общественного Всероссийского комитета помощи голодающим. Его почетным председателем избрали В.Г. Короленко, а председателем Л.Б. Каменева.

Только для того, чтобы продемонстрировать необходимость критического отношения к более поздним воспоминаниям, отметим, что 33 года спустя Е.Д. Кускова написала, что совсем не Горький «был инициатором этой организации, а пристал к ней по нашему настоянию» для того, чтобы проинформировать и «двинуть близкий ему Кремль» на организацию борьбы с голодом. При этом сама же Екатерина Дмитриевна отмечает, что о масштабах бедствия она и Прокопович узнали лишь 22 июня 1921 года, то есть спустя четыре месяца после образования Комиссии ВЦИК, когда работа государственных органов по оказанию помощи голодающим приняла планомерный характер, а Горький уже вел переговоры с

¹ Дрabbкина Е.Я. Зимний перевал. С. 179, 180.

² См.: Логинov В.Г. Владимир Ленин. Начало пути. Биография. М., 2005. С. 119.

³ Россия. XX век. Всероссийский комитет помощи голодающим. Документы. М., 2014. С. 536, 537.

общественными организациями Франции, Финляндии, Голландии и Норвегии¹.

В состав комитета вошли известные деятели культуры К.С. Станиславский, А.И. Южин-Сумбатов, А.Л. Толстая, президент Академии наук А.П. Карпинский, академики С.Ф. Ольденбург, А.В. Ферсман, В.А. Стукалов, П.П. Лазарев, В.Н. Ипатьев, Н.Я. Марр, ученые-аграрники Н.Д. Кондратьев, А.В. Чайнов, А.Г. Доренко, толстовцы П.И. Бирюков и В.Ф. Булгаков, бывшие члены ЦК партии кадетов Н.М. Кишкин, С.Н. Прокопович, Ф.А. Головин, М.В. Сабашников и множество других представителей интеллигенции. Входили в Помгол и коммунисты — Л.Б. Каменев, А.В. Луначарский, М.М. Литвинов, Н.А. Семашко, П.Г. Смидович — всего 12 человек из более чем ста членов комитета².

При обсуждении этого вопроса на заседании Политбюро ЦК 12 июля Семашко высказал опасение, что при таком составе Помгола антисоветские элементы могут использовать его в своих целях. Но Ленин ответил ему: «Милая моя Семашко! Не капризничай, душечка!.. Вы в “ячейке” коммунистов и не зевайте, *блюдите сие строго*»³.

Однако опасения Семашко оправдались. Первое заседание Помгола состоялось 21 июля в Белом зале Моссовета. Открыл его Каменев. Комитету ассигновали более полумиллиарда рублей, предоставили особняк в центре Москвы в районе Арбата (Собачья площадка), право выпуска собственного печатного органа. Но поскольку основная масса членов комитета была более чем загружена по основным местам работы, то (как это часто случается в общественных организациях) фактическое руководство сразу же попыталось взять на себя группа «более свободных» общественных деятелей.

Председателя Каменева стал подменять один из основателей кадетской партии, председатель II Государственной думы Федор Александрович Головин, а также «троица» — Прокопович, Кускова, Кишкин и еще несколько человек⁴, что сразу же дало повод острословам назвать комитет — «Прокукиш» или еще проще — «Кукиш».

Декларация, зачитанная Кишкиным, а позднее доклад профессора МВТУ В.И. Ясинского прежде всего ставили вопрос о

¹ См.: Всероссийский комитет помощи голодающим. Документы. С. 536, 537.

² См.: Высылка вместо расстрела. Депортация интеллигенции в документах ВЧК — ГПУ. 1921-1923. М., 2005. С. 188.

³ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 53. С. 24.

⁴ См.: Высылка вместо расстрела. С. 139.

«положении комитета среди ряда правительственных организаций». Эта группа полагала, что ни масштабы бедствия, ни размеры государственных запасов еще не выяснены, а посему представителей Помгола необходимо делегировать во все советские центральные учреждения, заслушать их отчеты и вынести все выявленные проблемы «на главное обсуждение общественных кругов»¹.

Предполагалось также повсеместное создание отделений комитета с самыми широкими контрольными функциями, что, по мнению А.Ф. Головина, должно было доказать, что «В.К.П.Г. есть общественная организация, сплотившая лучшие силы государства и имеющая как в центре, так и на местах мощные аппараты»².

Вся эта подготовительная работа, считал Ясинский, потребует «значительного труда и времени от активных членов Комитета»³, а пока одной из неотложных задач является создание «Заграничной делегации Помгола», которая, действуя совершенно независимо и самостоятельно, обладала бы правом «непосредственных сношений с правительствами иностранных держав, с различными учреждениями и частными лицами», то есть фактически выступала «от имени России»⁴.

Лидер либеральной эмиграции П.Н. Милюков заметил в этой связи, что в случае успеха Головин, Кишкин и их коллеги «могут действительно сыграть ту роль, которую выдвигает исторический процесс», то есть стать своего рода предтечей нового правительства, способного — при неумемной фантазии эмигрантов — заменить Совнарком⁵.

Впрочем и московский обыватель в своих фантазиях не уступал эмигрантам. Писатель Борис Константинович Зайцев — член ВКПГ — вспоминал: «...Весь город знал о Комитете. Тогда еще считали, что “они” [т.е. большевики] вот-вот падут. Поэтому Комитет мгновенно разрисовали. Было целое течение, считавшее, что это — в замаскированном виде — будущее правительство».

С выходом комитетской газеты «Помощь», набранной хорошо знакомым обывателю шрифтом, слухи усилились. «Её внешний вид, — пишет Зайцев, — вполне повторял “Русские ведомости”. Как только появился первый номер по Москве

---

¹ См.: Высылка вместо расстрела. С. 394, 395.

² Там же. С. 141.

³ Там же. С. 396.

⁴ Там же. С. 140.

⁵ Там же. С. 140.

прошел вздох — “Теперь уж падут!” “Русские ведомости” вышли, стало быть уж капут!”¹

Николай Михайлович Кишкин был убежден, что вслед «за экономическим нэпом должен следовать нэп политический», и он на полном серьезе приступил к разработке схемы — чертежа «российской конституции», выражающей, по его мнению, интересы всех классов, социальных и национальных групп — «ствол дерева с многочисленными ответвлениями».

Справедливости ради следует заметить, что позднее на вопрос следователя: «Какая сила введет эту конституцию?» — Николай Михайлович, со свойственным ему добродушием, ответил, что он «пришел к твердому выводу: измучившись в анархии, подобную конституцию введут сами Советы. <...> Ничего внешнего теперь уже не может быть...»

Еще чуть позже он сформулировал итоговую мысль: «Россия — страна самого отвратительного долготерпения и иссушающей глупости. Народ — талантливый, но не в политическом творчестве. В политике даже мы, интеллигенты, плели лапти»²

Необходимо отметить, что в разработку подобного рода планов была посвящена лишь небольшая — прокадетская часть членов Помгола. Они-то и инициировали обращение во ВЦИК с просьбой о выезде группы членов комитета за границу. Они изначально были убеждены, что *Советской России* никто помогать не станет: «Кормить им голодных надо, а без мирового хлеба кормить нечем. Америка и Европа **им** хлеба не дадут. Мы необходимы...»

Однако незадолго до этого Горький написал Ленину письмо, в котором доказывал, что посылка делегации с участием членов Помгола за границу не имеет смысла, «ибо я уже послал воззвания от своего имени С.А. Штатам, Канаде, республикам Южной Америки, Франции, французским рабочим, Англии, Германии — о медикаментах — и т.д.

Масарик уже сообщил мне, что правительство Чехии дало миллион чешских марок, т.е. 800 тысяч германских, Нансен действует великолепно, испанцы — Ибаньес и Романес — тоже, и вообще люди работают неплохо. Так что торопиться с поездкой — не вижу причин...»³ Возможно, это письмо сыграло свою роль, ибо ВЦИК отверг просьбу Помгола, высказав пожелание о необходимости поездки его членов прежде всего в голодающие районы.

¹ Всероссийский комитет помощи голодающим. С. 435, 436.

² Там же. С. 506, 507.

³ Там же. С. 16, 448, 573.

Несмотря на это, на заседании 23 августа собравшиеся члены комитета вновь проголосовали за немедленную отправку делегации за рубеж. А когда Смидович стал пенять на то, что Помгол вместо практической работы по оказанию помощи голодающим начинает вторгаться в политику, на него, подержанный большинством собравшихся, обрушился Прокопович, заявивший, что именно отказ в выезде как раз и вносит в работу «политический момент»¹.

Утром 26 августа к Ленину пришли Дзержинский и Уншлихт. Проинформировав его о происходящем в Помголе, они предложили арестовать ряд его членов. Но Ленин отклонил подобную меру, посчитав, что оснований для этого недостаточно. Тогда ВЧК препровождает ему все агентурные материалы, собранные по Помголу. И в тот же день, 26 августа, Ленин обращается к членам Политбюро ЦК: поведение этих «Кукишей» яснее ясного показывает, что «мы ошиблись. Или если не ошиблись раньше, то теперь жестоко ошибаемся, если прозеваем.

Вы знаете, что Рыков незадолго до своего отъезда пришел ко мне и сказал, что некий Рунов [Т.А. Рунов агроном-мелиоратор. — *ВЛ*], свой человек, рассказал ему о собрании, на котором Прокопович держал противоправительственные речи. Собрание это устроил Прокопович, прикрывался он Комитетом помощи голодающим...

Предлагаю: сегодня же, в пятницу 26/8, постановлением ВЦИКа распустить “Кукиш” — мотив: их отказ от работы, их резолюция... Прокоповича сегодня же арестовать по обвинению в противоправительственной речи (на собрании, где был Рунов) и продержать месяца три... Остальных членов “Кукиша” тотчас же, сегодня же, выслать из Москвы... Игре (*с огнем*) будет положен конец»².

27 августа ВЦИК принял решение о роспуске В.К.П.Г., и в тот же день в помещении Помгола были арестованы С.Н. Прокопович, Е.Д. Кускова, Н.М. Кишкин, его секретарь Е.М. Кафьева, кооператор И.А. Черкасов, писатель М.А. Осоргин и сотрудник НКЗема Д.С. Коробов³. Функции В.К.П.Г. передавались Центральной комиссии помощи голодающим при ВЦИК под председательством М.И. Калинина.

Выступая на сессии ВЦИК, Калинин сказал: «Советское правительство предполагало, что тяжелое положение в связи

¹ См.: *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 53. С. 394.

² Там же. С. 141.

³ См.: Высылка вместо расстрела. С. 62.

в открывшимся перед нами бедствием является слишком важной причиной и сможет заставить фрондирующую интеллигенцию принять участие в борьбе, отдать свои силы на ликвидацию голода...

Но политическая тенденция взяла перевес. Вместо того чтобы без всяких условий положить все силы на помощь голодающим... сидящие в общественном комитете предполагали, что на почве голода они смогут заставить Советскую власть дать те или иные политические поблажки, смогут организовать против Советской власти известные слои недовольных...»¹

В августе Калинин объехал голодающие районы Поволжья, затем поехал на Украину. И во всех телеграммах в Москву он пишет, что положение гораздо «тяжелее, чем можно себе представить».

Ленин обращается во ВЦИК: «Калинин сообщил мне о возникшей идее собирать особо по фунту с пуда собранного хлеба на помощь голодающим в Поволжье... По-моему, надо бы: 1) провести это немедленно, 2) в порядке самой большой спешности потребовать, чтобы каждый уезд послал по несколько вагонов хлеба в Поволжье с обязательным сопровождением этого хлеба двумя-тремя местными крестьянами, которые должны убедиться в размерах бедствия и рассказать о нем местным крестьянам...»²

Николаю Брюханову, в Наркомпрод, Владимир Ильич пишет: «...Делегировать *экстренную* экспедицию (вместе с Центросоюзом) в *Подольскую* губернию, где, говорят, хлеба тьма и стоит он 6000 рублей пуд советскими деньгами. / (Вообще мое впечатление, что с закупкой и товарообменом НКпрод *зевает и отстаёт* безобразно. Нет инициативы. Нет смелой работы)»³.

Ленин обращается к крестьянам Украины: «Правобережная Украина, — пишет он, — в этом году собрала превосходный урожай. Рабочие и крестьяне голодного Поволжья, которые переживают теперь бедствие... ждут помощи от украинских земледельцев. Помощь нужна быстрая. Помощь нужна обильная. Пусть не останется ни одного земледельца, который бы не поделился своим избытком с поволжскими голодающими крестьянами... Пусть из каждого уезда, обеспеченного хлебом, пошлют хотя бы двух-трех выборных от крестьян в Поволжье,

¹ Всероссийский комитет помощи голодающим. С. 587.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 53. С. 44.

³ Там же. С. 18, 19.

чтобы отвезти туда хлеб, чтобы своими глазами увидеть размеры бедствия, нужды, голода...»¹

Когда к осени выясняется, что засуха распространяется и на районы юга Украины, Политбюро ЦК РКП(б), дабы не допустить перегибов, по докладу Х.Г. Раковского, В.Я. Чубаря и Г.И. Петровского, 10 октября принимает решение, определяющее принципы проведения продовольственной политики на Украине — «в смысле самого осторожного и внимательного отношения к нуждам крестьян и привлечения их к содействию государству»².

А 7 октября 1921 года Ленин подписывает обращение к крестьянам и рабочим тех регионов страны, которые не пострадали от засухи: «Дорогие товарищи! До всех вас, конечно, дошла уже весть об огромной беде — о небывалом голоде, постигшем все Поволжье и часть Приуралья.

...Русских и мусульман, оседлых и кочевых — всех одинаково ждет лютая смерть, если не придут на помощь свои товарищи — рабочие, трудовые крестьяне, пастухи и рыбаки из более благополучных местностей.

Конечно, Советская власть со своей стороны спешит на помощь голодающим, она послала уже им в срочном порядке более 12 миллионов пудов хлеба на озимое обсеменение, посылает сейчас продовольствие, организует столовые и прочее. Но всего этого мало... Государственными средствами можно кое-как пропитать до будущего урожая едва часть нуждающихся...

...Уделите же часть... для пухнувших с голоду стариков и старух, для 8 миллионов обессиленных тружеников, которым ведь надо с голодным животом целый почти год совершать всю тяжелую работу по обработке земли, наконец, — для 7000000 детей, которые прежде всех могут погибнуть.

Жертвуйте, дорогие товарищи... Вы сделаете не только дело человеческой совести, но вы укрепите дело... Советского государства, построенного на широчайшей помощи друг другу пролетариев самых отдаленных друг от друга мест»³.

О семенах для сева Ленин упомянул не случайно. К концу осени 21-го стало очевидным, что на части выжженных засухой полей речь может идти уже не об озимых посевах, а только о весенних яровых 1922 года. Иного выхода не было, ибо

---

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 53. С. 77.

² Там же. С. 550.

³ Там же. С. 247, 248.

только сев давал крестьянам работу, какое-то пропитание, а главное — надежду на будущее.

7 ноября, выступая перед рабочими Хамовнического района Москвы, Владимир Ильич сказал: «На днях нам пришлось обсуждать вопрос о том, чтобы помочь крестьянам голодных местностей обсеменить яровые поля, и мы увидели, что количество семян, которыми обладает государство, далеко не достаточно...»

...Надо 30 миллионов пудов зерна, а по продналогу мы получим только 15 миллионов, остальные же 15 миллионов пудов нам необходимо закупить за границей... И как ни тяжело закупить 15 миллионов пудов зерна, мы сможем сделать это»¹.

«Правда» печатает обращение Ленина к международному пролетариату: «Требуется помощь от трудящихся, от промышленных рабочих и мелких землевладельцев». Они «поймут или почувствуют инстинктом человека трудящегося и эксплуатируемого необходимость помочь Советской республике...»²

Сколько желчи было излито нашими «лениноедами» для того, чтобы доказать, что в эту годину народного бедствия Ленин гораздо больше беспокоился и щедро одаривал Коминтерн, нежели голодающих крестьян России. Читать это просто стыдно.

Между тем, еще в августе Коминтерн организовал «Временный заграничный комитет помощи России». По его инициативе революционные профсоюзы Франции призвали рабочих отчислить в фонд помощи голодающим России однодневный заработок. Анатолий Франс передал в этот фонд всю сумму полученной им в 1921 году Нобелевской премии. Всего во Франции собрали около 1 миллиона франков.

В Германии коммунисты собрали 1,3 миллиона марок и на 1 миллион марок закупили продовольствие. В Австрии — 3 миллиона австрийских крон. В Италии — около 1 миллиона лир. В Чехословакии собрали 7,5 миллионов крон деньгами и на 2 миллиона крон продуктов. Голландские коммунисты передали 100 тысяч гульденов, датские — 500 тысяч марок, норвежские — 100 тысяч крон, испанские — 50 тысяч марок, польские — 9 миллионов польских марок и т.д.

Всего по 20 декабря 1921 года коммунистические организации закупили для России 312 тысяч пудов продовольствия и передали деньгами 1 миллион рублей золотом. 485 тысяч руб-

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 236.

² Там же. С. 75.

лей золотом и 85,6 тысяч пудов продовольствия прислали социалистические организации, входившие в Амстердамский Интернационал¹.

А вот с официальными правительственными кругами Америки и Европы переговоры никак не ладились. Впрочем, в конце июля 1921 года председатель Американской организации помощи (АРА) Герберт Гувер прислал А.М. Горькому письмо, в котором говорилось, что на определенных условиях эта организация готова рассмотреть вопрос об оказании помощи голодающим.

С согласия Ленина Горький ответил, что Советское правительство готово принять представителей АРА для переговоров в Москве, Риге или Ревеле. И уже 10 августа в Риге представитель России М.М. Литвинов встретился с руководителем делегации АРА У. Брауном.

Для начала американцы отказались признать полномочия Литвинова, полученные от ВЦИК, потребовав от него мандата Совнаркома. Затем, как предварительное условие, они предъявили список из 76 американцев, которых якобы не выпускают из России. А когда СНК прислал Литвинову свой мандат, а 12 августа «Правда» опубликовала официальное заявление о том, что все граждане США могут беспрепятственно выехать из РСФСР, У. Браун потребовал сделать в переговорах перерыв².

Причин перерыва он объяснять не стал, но они и так были очевидны. В западной прессе всячески муссировались разговоры о том, что АРА весьма сомневается как в платежеспособности Советского правительства, так и в его реальных возможностях распределить помощь у себя в стране, что и обусловило политические требования американцев.

Получив информацию об этом, Владимир Ильич 13 августа пишет Чичерину и Каменеву: «Ввиду того, что подлые американские торгаши хотят создать видимость того, будто мы способны кого-то надуть, предлагаю формально предложить им тотчас по телеграфу от имени правительства... следующее:

мы депонируем золотом в нью-йоркском банке сумму, составляющую 120% того, что они в течение месяца дают на миллион голодных детей и больных. Но условие наше тогда такое, что ввиду столь полной материальной гарантии ни малейшей тени вмешательства не только политического, но и административного американцы не допускают и ни на что не претендуют. Т.е. тогда отпадают все пункты договора, дающие им хоть

---

¹ См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 539.

² См.: В.И. Ленин. Биографическая хроника. Т. 11. М., 1980. С. 119.

ть права на административное хотя бы только вмешательство. Проверка же производится паритетными комиссиями (от нашего правительства и от них) на местах.

Этим предложением мы утрем нос торгашам и впоследствии осраим их перед всем миром»¹.

В тот же день соответствующая телеграмма, предложенная Лениным, была послана в Ригу Литвинову.

Первоначально в переговорах с АРА речь шла об адресных продовольственных посылках в голодающие районы. Вопрос этот обсуждался Политбюро ЦК 18 октября. Сталин предложил рассматривать эту акцию как сугубо коммерческое предприятие, а посему — взимать плату за провоз посылок от границы до складов. Ленин возразил, ибо увидел в этой форме благотворительности, помимо «коммерции», реальную помощь голодающим. Эта поправка была принята и 19-го проект соглашения с АРА по этому вопросу утвердили².

Твердая позиция Советской России и нежелание руководства АРА терять престиж своей организации, рекламируемой во всем мире как сугубо не коммерческой и не политической, а исключительно благотворительной, сделали свое дело. 20 августа 1921 года соглашение о сотрудничестве между Советским правительством и Американской организацией помощи было подписано.

То, что среди сотрудников АРА, прибывших в Россию во главе с полковником Уильямом Гаскеллом, было немало профессиональных разведчиков, как и то, что в состав обслуживающего АРА персонала ВЧК внедряло своих агентов — это факт. Но, как показывают современные исследования, это не помешало конструктивной работе. И в Поволжье, и на юге Украины АРА развернула сеть детприемников, медицинских, питательных пунктов и т.п.

Что же касается европейских правительств, то с ними договориться так и не удалось. Интервенционистские круги Запада создали специальную Международную комиссию для помощи голодающим России. Но во главе ее был поставлен бывший посол Франции в России, один из активных организаторов как интервенции, так и мятежей против Советского государства — Жозеф Нуланс.

4 сентября он прислал в Наркомат иностранных дел телеграмму, в которой выставил предварительные условия оказания помощи. Они лишь повторяли то, что формулировали до

---

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 53. С. 115, 116.

² Там же. Т. 44. С. 179, 555.

этого и в «Прокукише», и первоначально в АРА: Россия должна принять комиссию экспертов для детального обследования положения на местах и, в случае положительного решения о помощи, именно они будут контролировать само распределение продовольствия среди голодающих.

«Нуланс нагл до безобразия», — написал в тот же день Ленин, и по его предложению требования этой международной комиссии были отвергнуты как попытка вмешательства во внутренние дела Советской республики¹.

Точка была поставлена 6-8 октября 1921 года, когда на конференцию в Брюсселе собрались представители 19 европейских государств (Англии, Франции, Германии, Бельгии, Голландии, Швеции, Италии, Испании и др.). Конференция выработала рекомендации для правительств этих стран, определявшие возможность предоставления кредитов Советской России для борьбы с голодом.

Условиями такой помощи должны были стать — восстановление в России «нормальных условий экономической жизни», признание долгов прежних правительств и контроль за распределением продуктов на территории страны иностранными экспертами². Принципиальное совпадение подобного рода требований объяснялось простой и давно известной истиной: тот, кто во время голода кормит, тот и правит.

Поэтому Ленин сразу ответил: капиталисты «заявили нам, что они-де тоже хотят помогать нашим голодающим крестьянам, но на таких условиях, которые означают передачу в их руки всей власти над нашей Рабоче-Крестьянской республикой»³.

Договориться с европейским «начальством» таким образом не удалось. А вот с теми, кого по праву можно было считать общественностью Европы, ее честью и совестью, отношения сложились совсем по-иному.

Летом 1921 года знаменитый полярный исследователь Фритъоф Нансен получил от Горького письмо с просьбой провести в Норвегии сбор сушеной рыбы для голодающих России. Рыбу собирать Нансен не стал, а получив полномочия представителя Международного Красного Креста, выехал в Поволжье. Он объехал Саратовскую и Самарскую губернии и то, что он там увидел, ужаснуло и глубоко потрясло его.

Нансен побывал в деревенских избах и в переполненных больницах, детдомах и детприемниках. «И когда он приехал

---

¹ См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 116.

² Там же. С. 557.

³ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 53. С. 247.

в большое самарское волостное село Дубовый Омет и увидел, как со всех сторон к нему не идут, а ползут по земле матери с детьми и припадают к его ногам, моля о помощи, этот человек, который столько раз без страха глядел в глаза смерти, заплакал»¹.

Нансен верил, что позицию европейских правительств сможет изменить его обращение в Лигу Наций. И в сентябре 1921 года он выступил с ее трибуны с просьбой о небольших субсидиях на транспортные расходы по перевозке продовольствия в Россию.

«От 20 до 30 миллионов людей находятся под угрозой голода и смерти, — сказал он. — Если в продолжении двух месяцев они помощи не получат, их участь предрешена. Все, что нужно для спасения их, находится от них только за несколько сот миль...

В этом году в Канаде урожай так хорош, что Канада может вывести в три раза больше хлеба, чем нужно для борьбы с голодом в России. В Соединенных Штатах Америки пшеница портится в амбарах фермеров, которые не могут найти покупателей. В Аргентине столько кукурузы, что... ее употребляют в качестве топлива для паровозов... А там на Востоке гибнет 30 миллионов людей!»

Нансен пытался воздействовать не только на разум, но и на чувства делегатов Лиги Наций: «Во имя человечества, во имя всего, что для вас свято, я апеллирую к вам, имеющим жен и детей. Я хочу, чтобы вы поняли, что значит видеть миллионы гибнущих женщин и детей. С этой трибуны я обращаюсь к правительствам, к народам, ко всему миру и зову на помощь. И я спрашиваю: неужели на этом собрании найдется человек, который посмел бы сказать, что пусть лучше погибнут двадцать миллионов, чем оказать помощь Советскому правительству? Я требую от этого собрания ответа на мой вопрос...»

Но с таким же успехом Фритьоф Нансен мог выступать в Арктике перед белыми медведями. В субсидиях на транспортные расходы Лига Наций отказала. А один из делегатов с места заявил: «Я предпочел бы, чтоб вымер весь русский народ, чем рискнул бы оказать какую бы то ни было поддержку Советскому правительству...»²

Спустя несколько лет, вступая в должность ректора шотландского университета в Сент-Эндрю, Нансен сказал: «Во вре-

---

¹ Шеклтон Э. Фритьоф Нансен — исследователь. М.: Прогресс, 1986. С. 190, 199; Дрabbкина Е. Зимний перевал. С. 111.

² См.: Лебедев Н.А. Смольный, Москва, Россия. М., 1978. С. 193, 194; Дрabbкина Е. Зимний перевал. С. 180, 182.

мя голода в России в 1921-1922 годах, когда небывалая засуха вызвала неурожай в Поволжье и на самых плодородных землях России, когда тридцать миллионов людей голодали и тысячами умирали, я обратился с призывом помочь этим несчастным, и вскоре множество людей в вашей стране и во всем мире откликнулись на него и великодушно присылали деньги.

Но гораздо больше было тех, кто занялся выяснением, кто виноват: засуха или политическая ситуация в России? Как будто это имело какое-то значение для умирающих от голода и могло облегчить их страдания... Политики во всем мире находили разные предлоги, чтобы не оказывать помощь России, утверждая, что голод — это вина самой России, ее большевистской системы. Только представьте себе, сколько жизней можно было спасти... Я считаю, что мир устроен несправедливо»¹.

Тогда, в 1921 году, после выступления в Лиге Наций, против Нансена была развернута целая кампания. Его обвиняли в том, что он чуть ли не «продался» большевикам и что первый же поезд с продовольствием, направленный в Россию, тут же будет этими большевиками разграблен. Как пишет Эдвард Шеклтон, дело дошло до того, что «самого Нансена обвинили в том, что он извлекает выгоду из этого мероприятия, и лорду Роберту Сэсилу пришлось специально выступать в его защиту, напоминая всем, что Нансен работает вообще без какого то ни было вознаграждения»².

Узнав из прессы об этой кампании, Ленин 5 сентября написал Чичерину: «Кампания “за Нансена” и “против Нансена” ясно показывает... что мы должны ответить Нулансу архирезким отказом... Только тогда мы выиграем, приобретем на свою сторону “рго-нансеновские” элементы и *покончим* игру антинансеновцев»³.

Советское правительство подписало с Нансеном официальное соглашение. Нансена поддержали миссия Международного Красного Креста, Международный совет по спасению детей, Шведская экспедиция помощи, американские квакеры. С поддержкой выступили Альберт Эйнштейн, Бернард Шоу, Анатоль Франс, Линкольн Стеффенс, и в фонд Нансена со всех концов света в конечном счете поступило свыше 40 миллионов франков⁴.

Но и при таких масштабах помощи, поступавшей из-за рубежа, она все-таки погашала лишь малую долю тех потреб-

---

¹ Шеклтон Э. Фритъоф Нансен — исследователь. С. 191.

² Там же. С. 190.

³ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 53. С. 178.

⁴ Шеклтон Э. Фритъоф Нансен — исследователь. С. 190, 191.

ностей, которые вызвал голод. На протяжении всей осени и зимы 1921 года Советское государство предпринимало отчаянные усилия по мобилизации всех продовольственных ресурсов. Не было ни одного заседания СНК или СТО где бы не обсуждались эти вопросы.

Достаточно указать, что количество «едоков», находившихся на содержании государства, удалось уменьшить главным образом за счет демобилизации армии и сокращения госаппарата — с 38 миллионов человек в 1920 году до 8 миллионов в конце 1921-го¹.

Такого рода ситуация в стране во многом объясняет, почему в «злосчастном», как выразился Глеб Кржижановский, 1921 году многие возможности, заложенные в НЭПе, не удалось выявить полностью. «Добровольного» продналога и «свободного торгового оборота» зачастую никак не получалось. И многие современные исследователи сходятся на том, что «если руководствоваться наличием чрезвычайщины, признаков военного коммунизма, то еще целый год после X съезда РКП(б) их элементы в экономическом укладе страны были гораздо сильнее, чем слабенькие нэповские начинания...»²

23 декабря 1921 года на IX Всероссийском съезде Советов Владимир Ильич подвел некоторые итоги проделанной работы. «Нам необходимо не меньше, чем 230 млн. пудов. Из них 12 млн. пудов голодающим, 17 млн. на семена и 15 млн. резервного фонда, — а мы можем получить 109 млн. продналогом, 15 млн. помольным сбором, 12S от возврата семенной ссуды, 13S млн. от товарообмена, 27 млн. с Украины...»³

Из-за границы получена помощь в размере 2S миллионов пудов. Но пришло известие, что американское правительство, на тех же условиях, которые предоставлены АРА, готово продать нам в течение трех месяцев продовольствия и семян дополнительно на сумму 20 миллионов долларов, если мы еще добавим от себя 10 миллионов долларов.

«...Мы немедленно такое согласие дали, и это передано по телеграфу». Таким образом, можно закупить 38 миллионов пудов зерна. И «в течение первых трех месяцев мы на сумму 30 миллионов долларов, т.е. 60 миллионов золотых рублей, продовольствие и семена для голодающих обеспечим.

...Это ни в коем случае не перекроет того ужасного бедствия, которое обрушилось на нас. Это вы все прекрасно пони-

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 415.

² Россия XX век. Исследования. Россия нэповская. М.: Новый хронограф, 2002. С. 11.

³ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 314.

маете. Но, во всяком случае, это все-таки есть помощь, которая, несомненно, свое дело в облегчении отчаянной нужды и отчаянного голода сделает».

Уверенность в том, что страна выберется из кризиса, вселило и то, что, несмотря на чудовищное бедствие, крестьянам с помощью государства осенью 1921 года все-таки удалось в целом по России расширить (по сравнению с 1920-м) посевы. И мы «имеем надежду весною добиться еще большего успеха»¹.

Значит, появилась уже не просто надежда, но и вполне реальная почва для оптимизма. «Нужда и бедствия, — пишет Ленин, — велики.

Голод 1921 года их *усилил* дьявольски.

Вылезем с трудом чертовским, но вылезем. И начали уже вылезать»².

Программа «всерьез и надолго»

Итак, надежда на то, что из нужды и голода «вылезем» — есть. Ну, а дальше? Что дальше? Станем подтягивать народное хозяйство до уровня 1913 года? Но что это за уровень?

В современной исторической журналистике довоенная Россия рисуется порой красками радужными, как некое царство «довольства и благолепия». Но такая телевизионная «картинка» весьма далека от истины.

В 1915 году в Петрограде вышла книга «Северо-Американские соединенные штаты и Россия». В ней приводилось множество сравнительных данных и, в частности, цифры производства на душу населения.

Так вот, будучи одним из крупнейших мировых экспортеров зерна, Россия производила его «на душу» вчетверо меньше Канады, втрое меньше Аргентины и вдвое меньше США. Иными словами, страна вывозила хлеб за счет недоедания собственного населения.

По общей численности крупного рогатого скота, лошадей и свиней Россия уступала США почти в 5 раз. По добыче угля — более чем в 17 раз, по протяженности железных дорог — более чем в 6 раз. И все это без пересчета на душу населения.

В современной исторической литературе совокупность социально-экономических проблем, стоявших перед страной

---

¹ См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 312, 313.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 81.

в начале XX столетия, исследовал в своей монографии «Великая Российская революция...» Александр Шубин. И он вполне солидаризовался с выводом Бориса Кагарлицкого о том, что при достаточно высоких темпах развития Россия так и оставалась страной «периферийного капитализма»¹.

Если в чем-то Россия и занимала первое место в мире, так это по числу стачечников. В 1913 году их было более 1,2 миллиона рабочих, а в первом полугодии 1914-го превысило уровень 1905 года — более 1,5 миллиона. Именно в эти «благостные» предвоенные годы в стране стала складываться новая революционная ситуация. И, как писал в апреле 1914-го граф Мусин-Пушкин графу Воронцову-Дашкову, — «все приходит к убеждению, что она [революция — ВЛ] неизбежна и только гадают, когда она наступит и что послужит толчком»².

Конечно, в голодном 21-м о булках 13-го можно было только мечтать. Но разве ради этого три года катилось по стране «красное колесо» гражданской войны? Нет, люди мечтали не о возврате к старому, а о новой, иной жизни.

Увы, революция произошла в стране с таким материальным базисом, который, позволив свергнуть помещиков и буржуазию, еще не давал возможности перейти в «светлое царство коммунизма». Для этого нужен был гигантский рост производительных сил, создание принципиально иной материально-технической базы. Но как раз эта задача — в силу разрушительных условий долгой войны — труднее всего давалась советской власти.

Зимой 1921 года, по дороге в Горки, случился как-то у Ленина мимолетный разговор с крестьянином. Разговор, казалось бы, вовсе пустячный. Но засел он в голове Владимира Ильича накрепко.

«Помню, как однажды, — рассказывала Крупская, — мы подъехали к какому-то мосту весьма сомнительной прочности. Владимир Ильич спросил стоявшего около моста крестьянина, можно ли проехать по мосту на автомобиле. Крестьянин покачал головой и с усмешечкой сказал: “Не знаю уж, мост-то ведь, извините за выражение, советский”»³.

Ну, и что тут такого? Были мосты «николаевские». Были просто «казенные». Были «земские». А теперь вот — «советский». Но ведь сказано-то с ехидцей, как о предмете сомни-

---

¹ См.: Шубин А.В. Великая Российская революция: от Февраля к Октябрю 1917 года. М., 2014. С. 23, 25.

² См.: Логинов В.Т. Владимир Ленин. На грани возможного. М.: Алгоритм, 2013. С. 31.

³ Крупская Н.К. Воспоминания о Ленине. М., 1972. С. 400.

тельной прочности и совсем ненадежном. И сказано так, будто определение уже крепко вошло в обыденное сознание. Вот это, вероятно, и зацепило.

И Ленин, отмечает Крупская, потом, по самым различным поводам, «не раз повторял это выражение крестьянина». Ибо хотел он, чтобы жизнь вложила в понятие «советский» совсем иной смысл.

Еще в марте 1918 года, когда Россия вырвалась из кровавой мировой войны и забрезжила надежда — начать мирное строительство, Ленин вспомнил «Кому на Руси жить хорошо» Некрасова: «Ты и убогая, ты и обильная, / Ты и могучая, ты и бессильная / — Матушка — Русь!». И Владимир Ильич написал тогда, что Россия должна «перестать быть убогой и бессильной, чтобы бесповоротно стать могучей и обильной»¹

Как этого добиться?

За несколько лет до этого, в 1919 году, беседа с американским писателем Линкольном Стеффенсом, Ленин говорил: «Нам необходимо пересмотреть заново все наши теории в свете новейшего исторического опыта войны, мира, нашей и других революций... Когда непрестанно действуешь, теоретизировать страшно трудно... Чтобы ясно мыслить, я должен поселиться в деревне.

Вот если бы за пределами нашей страны — в Америке, Англии или в Европе — нашлись ученые, которые могли бы наблюдать нашу действительность, изучать ее, размышлять и делиться с нами плодами своих наблюдений!

Мы нуждаемся в критике. Ведь в грозный час бури капитанам прежде всего необходимы советы умных, симпатизирующих наблюдателей, отдаленных от центра бури и потому находящихся в безопасности.

Однако такой критики мы не получаем, и на Западе я не вижу таких критиков. Ее заменяет невежественный ужас, порожденный трудностями, которые мы переживаем. Невежды видят лишь огромные волны, дисциплинированную команду, кое-кого за бортом и только.

Мы ощущаем все это гораздо острее, чем наши критики. Нам необходимо знать, как преодолеть эти трудности и добраться до цели, которая составляет цель всех людей, ищущих смысл жизни. Мы по-разному представляем пути, ведущие к этой конечной цели, но мы вполне согласны в пункте назначения»².

---

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 82.

² Яковлев Б.В. Страницы автобиографии. С. 701, 702.

Трудно сказать, насколько буквально передают слова Владимира Ильича эти записи Стеффенса. Тем более что вдова его — журналистка Элла Уинтер опубликовала их в Нью-Йорке лишь в 1962 году. Но то, что смысл был ухвачен — это несомненно.

Хотя, если быть точным, на зарубежные оценки Владимир Ильич и не очень-то надеялся. Особенно после выхода в 1918 году книги Карла Каутского «Диктатура пролетариата» и множества статей других теоретиков западноевропейской социал-демократии. Смысл их Карл Реннер сформулировал несколько грубо, но достаточно точно: «Капитализм словно свинья. Чтобы зарезать ее и извлечь из нее пользу надо выждать пока она станет достаточно жирной... И мы должны сначала выждать, пока она разжиреет».

В России, где Великая Революция уже покусилась на «священную», хотя и недостаточно жирную «свинью», с таким запасом «премудрости вяленой воблы», как сказал бы Салтыков-Щедрин, решать вопросы, вставшие перед страной, было невозможно. Впрочем, не ожидая советов со стороны, в моменты крутых поворотов Ленин всегда находил возможность теоретически осмыслить возникающую реальность.

С окончанием гражданской войны, пишет он, — «новым в настоящий момент является для нашей революции необходимость прибегнуть к “реформистскому”, постепеновскому, осторожно-обходному методу действий в коренных вопросах экономического строительства».

А как же быть с теми революционными лозунгами, которые еще вчера были бесспорными? «После победы пролетариата хотя бы в одной стране, — отвечает Ленин, — является нечто новое в отношении реформ к революции. Принципиально дело остается тем же, но по форме является изменение, которого Маркс лично предвидеть не мог, но которое осознать можно только на почве философии и политики марксизма»¹

В свое время, штудировав Гегеля, Ленин записал: «Не голое отрицание, не скептическое отрицание... характерно и существенно в диалектике, — которая, несомненно, содержит в себе элементы отрицания и притом как важнейший свой элемент, — нет, а отрицание как момент связи, как момент развития, с удержанием положительного»².

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 221, 228.

² Там же. Т. 29. С. 207.

Вот и теперь задача состоит в том, чтобы «не ломать старого общественно-экономического уклада, торговли, мелкого хозяйства, мелкого предпринимательства, капитализма, а *оживлять* торговлю, мелкое предпринимательство, капитализм, осторожно и постепенно овладевая ими... *лишь в меру их оживления*»¹.

НЭП означает не просто замену разверстки налогом, — разъясняет Ленин, — он «означает переход к восстановлению капитализма в значительной мере. В какой мере — этого мы не знаем». Ведь капитализм — это не только иностранные концессии, аренда госпредприятий частниками. Переход к сельхозналогу открыл для крестьян возможность свободной торговли продуктами. А «крестьяне составляют гигантскую часть всего населения и всей экономики, и поэтому на почве этой свободной торговли капитализм не может не расти».

Это азбука экономической науки, хорошо у нас «преподаваемая каждым мешочником, существом, весьма хорошо знающим нас с экономикой, независимо от экономической и политической науки. И вопрос коренной состоит, с точки зрения стратегии, в том, кто скорее воспользуется этим новым положением?»²

Весь вопрос состоит в том, говорит Ленин, — кто кого опередит? В этом соревновании советская власть может экономически опереться на «улучшение положения населения» и прежде всего крестьян. Но и развитие капитализма пойдет на пользу: вырастет промышленное производство, а вместе с ним будет расти пролетариат. Вместо спекуляции и изготовления зажигалок рабочие крупных предприятий станут, наконец, производить ценности, необходимые обществу, то есть вновь вернуться в свою «классовую колею»³.

«Успеют капиталисты раньше организовать, — и тогда они коммунистов прогонят... Или пролетарская государственная власть окажется способной, опираясь на крестьянство, держать господ капиталистов в надлежащей узде... создать капитализм, подчиненный государству и служащий ему... Тогда пролетарская власть сумеет организовать народное движение вокруг себя — и тогда мы выйдем победителями»⁴.

Кто кого? И главная проблема состоит в том, что «враг среди нас есть анархический капитализм и анархический това-

---

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 151.

² Там же. С. 159, 160.

³ Там же. С. 161.

⁴ Там же. С. 161, 163.

рообмен», что именно они способны поставить революцию на край пропасти и «пятиться назад», как это случилось с прежними революциями¹.

Об этой опасности с самого начала НЭПа постоянно думал и Ленин. В мае 1921 года, готовясь к докладу на X Всероссийской конференции РКП(б), он записывает: «“Термидор”? Трезво, *может быть*, да? Будет? Увидим. Не хвались, едучи на рать»². Буржуазия способна объединить «мелкую буржуазию (ей *только* объединения не хватает) и скинет пролетарскую диктатуру»³

Так что же делать?

То, что Русская революция забежала далеко вперед, для Ленина было очевидным. 20 сентября 1921 года Владимир Ильич пишет заместителю заведующего Центрального архивного управления В.В. Адоратскому, готовившемуся в то время к изданию работ Маркса и Энгельса: «Не могли бы Вы помочь мне найти... ту статью (или место из брошюры? или письмо?) Энгельса, где он говорит, опираясь на опыт 1648 и 1789, что есть, по-видимому, закон, требующий от революции продвинуться *дальше, чем она может осилить*, для закрепления менее значительных преобразований?»⁴

У истории действительно существуют свои законы, сколько бы не иронизировали по этому поводу современные российские постмодернисты. Для великих, подлинно народных революций характерно, в частности, известное забегание вперед.

В ходе общественных преобразований, сталкиваясь с отчаянным сопротивлением «старого режима», революционная волна лишь наращивает силу ударов, безоглядно круша все подряд. Здесь господствуют законы драки, где — как говорил Ленин Горькому — просто невозможно рассчитать целесообразность каждого удара. Ведь не диктовалась же никакими объективными обстоятельствами Великой Французской революции необходимость введения нового календаря! Тут действовала лишь логика борьбы.

«Выражая умонастроения и интересы радикально настроенного ядра рабочего класса, — пишет современный исследователь профессор В.В. Журавлев, — большевики понимали, что логика развития революционного процесса не позволяет им останавливаться на полпути».

¹ См. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 161, 162.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 43. С. 403.

³ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 463.

⁴ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 53. С. 206.

Ограничивать движение — в той резко конфликтной обстановке — лишь оборонительными задачами, значило заведомо проиграть ту грандиозную битву с капиталом, которая уже повсеместно шла, вне зависимости от доктрин, планов и намерений различных политических сил общества»¹.

Известный французский экономист Жак Рюэфф — после богатого опыта всех французских революций — написал: «Истинная задача всегда заключается в том, чтобы оценить дозу прошлого, которую можно терпеть в настоящем, и дозу настоящего, которую следует сохранять для будущего».

Но так можно рассуждать лишь потом, когда схватка миновала. А в годы Великой Русской революции, когда неприятие прежнего устройства жизни пережестилось через край, вооруженный войной народ рушил все, что так или иначе было связано со «старым режимом». Происходил переход количества в качество. И прав Александр Блок: надо было веками угнетать, насиловать, топтать людей и их человеческое достоинство, чтобы породить такой взрыв народной ярости и ненависти².

Но вполне закономерным являлось и то, что после того, как революционная волна забегала слишком далеко вперед, становился неизбежным ее отлив, обратная волна. Французская революция продемонстрировала этот закон достаточно наглядно: после крайних радикалов-якобинцев наступило время умеренных. Начался Термидор.

Термидор — «дарующий тепло» — название летнего месяца во французском революционном календаре. Слово это сохранилось в памяти потомков как метафорическое обозначение перелома в ходе революции. 9 термидора — 27 апреля 1794 года якобинская диктатура была свергнута.

Следующей страницей истории стал Наполеон, а после него — реставрация династии Бурбонов. Волна воинствующего реванша откатилась настолько далеко, что о Бурбонах справедливо было сказано: «Они ничего не поняли и ничему не научились»³.

Впрочем, и «обратная волна» имела свои пределы. Историю невозможно повернуть вспять. «Реакция, начавшаяся еще до Наполеона..., — отметил в свое время Н.Г. Чернышевский, — не сумела искоренить ни революционной тенденции, ни даже законов, ею произведенных в краткий период шести лет от

¹ Вопросы истории КПСС. 1991. № 4. С. 35.

² См.: Блок А. Соч. в 2-х томах. Том 2. М., 1955. С. 224.

³ См. статью Ф.Б. Белелюбского. Статью в кн. // Марксизм. Прошлое, настоящее, будущее. М., 2003. С. 436, 437; Логинов В.Т. Закон обратной волны. «Независимая газета», 28 ноября 1995 года.

1789 до 1795...»¹ Бурбоны после реставрации могли сколько угодно переименовывать улицы, площади и календари, возвращать дворцы и титулы, а вот новые земельные отношения в деревне, новые правовые нормы, зафиксированные «Кодексом Наполеона», отменить было уже невозможно.

В России ждать тихого и уютного «термидора» не приходилось. Ибо после столь ожесточенной гражданской войны контрреволюционные силы мечтали лишь о мести и реванше. Этой возможности лишал их НЭП.

Виктор Серж, работавший в те годы в аппарате Коминтерна, пишет: «В эти черные дни Ленин сказал одному из моих друзей о НЭПе буквально следующее: “Это Термидор. Но мы не дадим себя гильотинировать. Мы совершим Термидор сами!”»²

Надо полагать, Серж говорит о беседе Ленина с Жаком Садулем летом 1921 года, излагая достаточно вольно слова Владимира Ильича. В воспоминаниях самого Садуля фраза Ленина звучала так: русские «рабочие-якобинцы более проникательны, более тверды, чем [французские] буржуазные якобинцы, и имели мужество и мудрость сами себя термидоризировать»³.

Никаких иллюзий относительно того, что российский пролетариат только собственными силами сможет вытащить страну из кризиса, у Ленина не было. В том, что касается налаживания производства и его рациональной организации, — это дело у капиталистов, несомненно, получалось гораздо лучше.

Так, может быть, правы были политические оппоненты Ленина, предлагавшие признать наконец, что революция оказалась буржуазной, вернуть российскую экономику буржуазии, уповая на то, что капиталистическое предпринимательство и «стихия рынка» поднимут страну и поставят все на свое место. Однако и такого рода иллюзиями Владимир Ильич не страдал.

Начавшаяся эпоха империализма и в особенности Первая мировая война убедительно показали, какими гигантскими возможностями обладает «государственный капитализм», т.е. регулирование экономической жизни страны ее политической надстройкой.

К аналогичному выводу пришел и крупнейший английский экономист Джон Мейнард Кейнс. Не случайно он искал встречи с Лениным и предлагал ему выступить со статьей в солидном британском издании⁴. Но если Кейнс использовал это

---

¹ См.: Кондратьева Т. Большевики-якобинцы и призрак термидора. М., 1993. С. 21.

² Серж Виктор. От революции к тоталитаризму. Оренбург, 2001. С. 159.

³ См.: «Иностранная литература». 1966. № 4. С. 236.

⁴ См.: В.И. Ленин. Биографическая хроника. Т. 12. С. 180, 182, 337.

знание для того, чтобы с помощью экономического регулирования укрепить капиталистическую систему, то для Ленина этот вывод открывал совершенно иные перспективы.

Владимир Ильич был убежден (и последующий опыт XX века подтвердил это), что в слабо- и среднеразвитых странах, с огромным преобладанием мелкобуржуазных слоев населения, только государство способно разработать наиболее рациональную промышленную политику, в которой общенациональные интересы будут преобладать над частными.

А во-вторых, только государство сможет обеспечить необходимый объем инвестиций и организовать для реализации крупномасштабных экономических проектов эффективное использование материальных и людских ресурсов, не давая возможности «стихии рынка» расплыть их на потребу дня. Иными словами, как говорили много лет спустя во время реформ Эрхарда в Западной Германии, только активизации роли государства способна «защитить рынок от него самого».

Для многих вполне интеллигентных людей — особенно тех, кто в юности баловался чтением Маркса, — сочетание таких понятий, как «пролетарское государство» и «государственный капитализм» являлось, как нынче говорят, оксимороном, т.е. нелепицей. Об этом Ленин упомянул на X съезде РКП(б).

«В Москве, — говорил он, — есть целый слой интеллигентски-бюрократический, который пытается создавать “общественное мнение”. Он [этот слой — *ВЛ.*] начал потешаться: “Вот так коммунизм вышел! Вроде того, как человек, у которого внизу костыли, а вместо лица сплошная перевязка, и от коммунизма остается загадочная картинка”. Этого рода шуточку я достаточно слышал...

Россия из войны вышла в таком положении, что ее состояние больше всего похоже на состояние человека, которого избивали до полусмерти: семь лет колотили ее, и тут, дай бог, с костылями двигаться! Вот мы в каком положении! Тут думать, что мы можем вылезать без костылей, — значит ничего не понимать... и отделяться теми или иными островами».

И если есть возможность использовать в качестве костылей какие-то капиталистические методы хозяйствования и самих капиталистов, то мы можем «и миллиардами поступиться из наших необъятных богатств, из наших богатых источников сырья, лишь бы получить помощь крупного передового капитализма...

Удержать же пролетарскую власть в стране неслыханно разоренной, с гигантским преобладанием крестьянства, так же разоренного, без помощи капитала, — за которую, конечно, он сдерет сотенные проценты, — нельзя. Это надо понять»¹.

Среди коммунистов тоже было немало таких, кто, пройдя школу «красногвардейской атаки на капитал», был искренне убежден в том, что какие бы прилагательные не лепили к слову «капитализм», он все равно остается капитализмом, никак не совместимым с борьбой за коммунизм. И с началом НЭПа (как, впрочем, и в 1918 году) Ленину постоянно приходилось терпеливо разъяснять смысл новой политики.

«Безусловно, свобода торговли, — говорил Владимир Ильич 5 июля 1921 года на III Конгрессе Коминтерна, — означает свободу капитализма... Это значит, что мы, до известной степени, заново создаем капитализм. Мы делаем это совершенно открыто».

Но важно понять главное, что мы создаем не просто капитализм, а «новую его форму... Это — государственный капитализм. Но государственный капитализм в обществе, в котором власть принадлежит капиталу, и государственный капитализм в пролетарском государстве — это два различных понятия».

Разница состоит в том, что в капиталистическом государстве госкапитализм контролируется государством «на пользу буржуазии и против пролетариата. В пролетарском государстве то же самое делается на пользу рабочего класса, с целью устоять против все еще сильной буржуазии и бороться против нее».

Не затрагивая политических институтов, без денационализации, требуя лишь строжайшего соблюдения советских законов и условий концессий, мы, — продолжал Ленин, — передаем капиталистам рудники, леса, нефтяные источники, сдаем в аренду предприятия, «чтобы получить от них продукты промышленности, машины и т.д. и таким образом восстановить нашу собственную промышленность».

...Мы должны заплатить за нашу отсталость, за нашу слабость, за то, чему мы сейчас учимся, чему должны учиться. Кто хочет учиться, должен платить за учение». Да, это «дань капитализму. Но мы выигрываем время, а выиграть время — значит выиграть все...»²

То, что шаг за шагом необходимо восстанавливать и развивать прежние сохранившиеся индустриальные центры — это

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 43. С. 68.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 48, 49, 50.

было несомненно. То, что для этого необходимо заимствовать у Запада передовую технику и технологию — это тоже было очевидно. Но не только это.

Владимир Ильич полагал, что **«не следует оставаться в пределах вполне обычного для капиталистической техники, что следовало бы сделать шаг дальше»¹**. Иными словами, он ставил вопрос не просто о восстановлении народного хозяйства и даже, как это принято считать, не о «догоняющем» варианте (т.е. повторяющем ту же траекторию движения), а об **обгоняющем пути развития России²**.

Именно такую возможность прорыва в будущее, подведения под народное хозяйство самой передовой научно-технической базы давала **электрификация**. Вместе с тем она формировала и наиболее благоприятные условия для последующего перевода производительных сил страны к новым, социалистическим производственным отношениям.

Первые шаги электрификации в конце XIX — начале XX века в наиболее развитых странах Европы, Америки, да и в самой России вполне доказали ее эффективность. Однако преобладание частного интереса в экономике препятствовало созданию крупных единых энергосистем, и процесс электрификации происходил медленно и крайне непланомерно.

Лишь маленькой Норвегии с ее богатейшими гидроресурсами удалось в начале столетия осуществить *общегосударственную* программу строительства крупных ГЭС, которая вывела ее на первое место в мире по производству электроэнергии на душу населения.

Уже в апреле 1918 года, когда Ленин мечтал о «могучей и обильной» России, набрасывая план научно-технических работ, Владимир Ильич пишет о необходимости электрификации промышленности, транспорта и использовании электроэнергии в земледелии для достижения высокого уровня развития производительных сил страны³.

В том же 1918 году начинается строительство государственной Шатурской районной электростанции и гидроэлектростанции на реке Волхов, в феврале 1919-го — Каширской государственной электростанции, затем станции «Красный октябрь» на Уткиной Заводе под Петроградом.

«Если в 1918 году, — отметил Ленин, — у нас было вновь построенных электрических станций 8 (с 4757 kw — кило-

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 280. [Выделено мною — ВЛ]

² См.: «Российская правда». 2002. № 18 (309). С. 2.

³ См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 228-231.

ватт), то в 1919 году эта цифра поднялась до 36 (с 1648 kw), а в 1920 году до 100 (с 8699 kw)». И Владимир Ильич заключал: «Как ни скромно это начало для нашей громадной страны, а все же начало положено...»¹

В самом начале 1920 года, когда стало очевидным, что разрушительная гражданская война близка к завершению, по указанию Ленина издается брошюра Г.М. Кржижановского «Основные задачи электрификации России» с эпиграфом: «Век пара — век буржуазии, век электричества — век социализма». Она раздается делегатам 1-й сессии ВЦИК 7-го созыва и 3 февраля 1920 года ВЦИК принимает решение о разработке государственного плана электрификации России.

21 февраля Президиум ВСНХ образовал для этого специальную комиссию во главе с Кржижановским, а 24 марта СТО утвердил положение о Государственной комиссии по электрификации России (ГОЭЛРО). В ее работе приняли участие свыше 200 виднейших деятелей науки и техники страны, подготовивших «План электрификации РСФСР».

Новая экономическая политика и план ГОЭЛРО сыграли и здесь решающую роль.

«Более 200 специалистов, — заметил Ленин, — почти все, без исключения, противники Советской власти — с интересом работали над этим, хотя они и не коммунисты»². Даже таких видных разработчиков плана, как профессор Петр Семенович Осадчий, профессор Борис Евдокимович Воробьев и профессор Генрих Осипович Графтио, Владимиру Ильичу приходилось в 1921 году вытаскивать из арестного дома ВЧК³.

Тем более интересно, что в ряде существенных моментов мысли «заказчиков» и «разработчиков» сразу совпали. И первое — это оценка стратегического направления и уровня экономического развития России.

В докладе комиссии ГОЭЛРО указывалось: 1) нельзя ставить Россию в один хозяйственный ряд с Китаем, Персией, Турцией и другими странами так называемого «азиатского деспотизма»; 2) «ходячее представление о том, что вообще всё хозяйство России является более всего земледельческим, нуждается в значительных оговорках»; 3) на протяжении всего довоенного периода упрочилась тенденция к снижению «чаши весов деревенской России» в экономическом развитии стра-

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 10.

² Там же. С. 51.

³ См.: В.И. Ленин и ВЧК. Сб. документов. 1917-1922 гг. М., 1975. С. 439, 440, 465.

ны; 4) «уже в довоенное время наша индустриализация шла более ускоренным темпом, чем где бы то ни было»¹.

Естественно, что никто из ученых, пришедших к таким выводам, понятия не имел о проходившей в то время дискуссии Ленина с Бухариным, в которой Владимир Ильич настаивал на том, что Россия относится к числу «среднеслабых стран» и что без «известной высоты капитализма у нас бы ничего не вышло»².

Но главное, у «заказчиков» и «разработчиков» совпало центральное решение — не восстанавливать прежнюю Россию 1913 года, а совершить исторический прорыв: подвести под все народное хозяйство страны принципиально новую энергетическую базу, то есть встать на путь электрификации РСФСР.

И то, что такой грандиозный план был составлен буквально в считанные месяцы, свидетельствовало о том, насколько выношенным и продуманным в предшествующие годы — начиная с первых шагов индустриализации времен Витте — было это решение.

План состоял из программы А, рассчитанной на реконструкцию довоенной энергетики, и программы Б, предусматривавшей строительство 30 районных, точнее — региональных электростанций (20 тепловых, в том числе: Каширская, Шатурская, Нижегородская, Штеровская, Кизилевская, Челябинская и др., использующих прежде всего местные виды топлива — от низкосортного угля и торфа до сланцев), а также 10 ГЭС (Волховской, двух Свирских, Днепрогэса и др.).

Суммарную годовую выработку электроэнергии намечалось довести до 8,8 миллиардов киловатт-часов против 1,9 миллиарда киловатт-часов, вырабатывавшихся в предвоенной России. Причем рост мощности станций должен был опережать темпы роста промышленного производства.

К сожалению, в сознании многих людей план ГОЭЛРО нередко связывается исключительно с проблемой электрификации страны. Между тем это был *первый в мире* комплексный план развития народного хозяйства страны в целом, предусматривавший принципиальные направления экономической политики в сфере промышленности, транспорта, модернизации сельскохозяйственного производства и т.д.

---

¹ См.: План электрификации РСФСР. Доклад VIII съезду Советов Государственной комиссии по электрификации России. М., 1955. С. 49, 93, 95.

² См.: Ленинский сборник. XI. С. 397.

Срок реализации этой великой программы определялся в 10-15 лет. За это время предполагалось увеличить промышленное производство — в сравнении с 1913 годом — на 80-100%, добычу угля довести до 62,3 млн. тонн в год (в 1913-м — 29,2), нефти — до 11,8-16,4 млн. тонн (против 10,3 в 1913-м), железной руды до 19,6 (против 9,2 в 1913-м), выплавку чугуна до 8,2 млн. тонн (против 4,2 млн.).

Предусматривалась также всесторонняя реконструкция транспорта и электрификация важнейших железнодорожных магистралей, строительство новых дорог. Намечались работы по электрификации деревни, механизации сельского хозяйства, развитию ирригации и мелиорации, внедрению агрохимии, новейших систем земледелия, решение ряда экологических проблем и т.д. А на основе электрификации и механизации всех производств предполагалось добиться не только коренных изменений в условиях труда, но и значительного роста его производительности.

Столь грандиозный по своим масштабам план требовал дальнейшей детальной проработки и, прежде всего, вовлечение в его реализацию широчайшего круга специалистов. В определенной мере эту задачу удалось решить благодаря VIII Всероссийскому электротехническому съезду. Первоначально его созыв намечался на август, но собрался он лишь 1-10 октября 1921 года с участием 893 делегатов из 102 городов России и 475 гостей. Лишь после учета рекомендаций этого съезда **21 декабря 1921 года план ГОЭЛРО был утвержден Совнаркомом и одобрен IX съездом Советов.**

Важной частью новой экономической политики стала разработка радикальной денежной реформы, без которой восстановление системы экономических отношений в народном хозяйстве страны было попросту невозможно.

В нашей исторической журналистике утвердилось мнение, что решение о необходимости подобной реформы потребовало от Ленина решительного отказа от «доктрины» и пересмотра своих прежних взглядов. Но это не так. Как и вопрос о продналоге, Владимир Ильич продумывал эту проблему, отвечая на конкретные вопросы: что именно? когда? при каких условиях?

Развал существовавшей денежной системы начался еще в годы мировой войны. Во Франции выпуск бумажных денег увеличился вдвое, в Германии — втрое, а в России — в шесть раз. И царское и Временное правительство покрывали все расходы на войну за счет эмиссии. Катастрофически вырос

государственный долг и, как следствие, вывоз золота за границу. При росте дороговизны и сокращении производства потребительских товаров деньги вообще начинали утрачивать сам смысл своего существования¹.

В 1917 году Ленин писал: «Крестьяне отказываются давать хлеб за деньги и требуют орудия, обувь и одежду. В этом решении заключается громадная доля чрезвычайно глубокой истины. Действительно, страна пришла к такой разрухе, что в России... деньги потеряли свою силу... Крестьяне, например, денег не берут. Они говорят: “Зачем нам деньги?” И они правы»².

После Октябрьской революции, с выходом из войны, Советское правительство начало подготовку к стабилизации финансовой системы. Удалось вдвое сократить эмиссию, увеличить заготовительные цены на хлеб. Тогда же появился и проект чиновника особых поручений бывшего министерства финансов Георгия Эдуардовича Ломейера, предлагавшего выпуск банковских денег, тесно связанных с золотым обеспечением³.

Однако начавшаяся гражданская война обрушила эти планы. «В 1918 году эмиссия составила 33,7 млрд. рублей. В 1919-м — 163,7 млрд., в 1920-м — 943,6 млрд. рублей. Количество денежных знаков в обращении превысило тот предел, за которым деньги перестают выполнять свои функции, становятся бессмысленными, что и позволяет использовать их с большей эффективностью в качестве обоев»⁴.

Поэтому вполне естественно, что, принимая решение о переходе к НЭПу, X съезд РКП(б) принимает 15 марта резолюцию, поручавшую ЦК «пересмотреть в основе всю нашу финансовую политику... и провести в советском порядке нужные реформы».

27 марта Ленин пишет Е.А. Преображенскому, которого вводят в состав НКФина: «Суть дела: нам надо *именно теперь*... начать систематически готовить “оздоровление” валюты... Нельзя медлить с этим. Это надо обдумать и подготовить и начать...»⁵

А уже 14 апреля 1921 года, по докладу Преображенского, Политбюро принимает с поправками и дополнениями Ленина, предложение Финансовой комиссии ЦК по оздоровлению

---

¹ См. статью Д. Мурзина в журнале «Диалог». 1990. № 10. С. 62.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 32. С. 98.

³ См.: Денежная реформа 1921-1924 гг.: создание твердой валюты. Документы и материалы. М.: РОССПЭН, 2008. С. 15; статья Д. Мурзина в журнале «Диалог», 1990, № 10 с. 63.

⁴ См. статью Д. Мурзина в журнале «Диалог». 1990. № 10. С. 63.

⁵ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 52. С. 114.

денежного обращения и проведению деноминации совзнаков в соотношении «не менее 1:1000». Предлагалось также продумать вопрос о восстановлении банковских учреждений¹.

Деноминация была декретирована в ноябре 1921 года путем выпуска рублей образца 1922 года, но уже в соотношении 1:10 000. А до этого, вместо прежних конфискаций органами ВЧК драгметаллов и прочих ценностей, 6 сентября СНК поручает Наркомфину для увеличения золотовалютного фонда приступить к **покупке** у населения золота, платины и валюты, в соответствии с курсами на иностранных рынках.

Наконец, 6 октября 1921 года декретом Совнаркома учреждается Государственный банк «с целью способствовать кредитом и прочими банковскими операциями развитию промышленности, сельского хозяйства и товарооборота, а также... проведению других мер, направленных к установлению правильного денежного обращения»².

Все эти шаги, как и план ГОЭЛРО, свидетельствовали о серьезности намерений Советской власти, направленных на возрождение народного хозяйства страны. И это обстоятельство сразу вызвало позитивную ответную реакцию со стороны крупнейших экономистов и финансистов России, отнюдь не сочувствовавших прежде начинаниям коммунистов.

Первоначально местом, где происходили дискуссии по проблемам денежной реформы, стал Институт экономических исследований (ИЭИ) Наркомфина. Уже в марте, а затем в июне 1921 года здесь выступил с докладом известный банковский деятель, бывший директор и председатель Правления Русско-Сибирского торгового банка Владимир Василевич Тарновский.

Здесь же 25 мая был заслушан доклад «о незамедлительной реформе денежного обращения» уже знакомого читателям заместителя министра финансов в царском правительстве (1905 г.) Николая Николаевича Кутлера. 30 мая записку с тезисами по данному вопросу представил и руководитель финансовой секции ИЭИ, член Правления дореволюционного Госбанка Павел Петрович Гензель. В обсуждении этих проектов 3 июня приняли участие бывший член Госсовета и заместитель министра финансов царского правительства в 1906 году Н.Н. Покровский, член Совета Госбанка при Временном правительстве Н.Д. Силин, профессора В.Я. Железнов, В.Н. Твердохлебов и Н.Н. Шапошников.

---

¹ См: Денежная реформа 1921-1924 гг. С. 31, 33.

² Там же. С. 54, 236.

Предметом дискуссии стали несколько предложений, содержащихся в указанных докладах. Первое: отказ или резкое сокращение дальнейшей эмиссии бумажных денег. Второе: значительное сокращение государственного бюджета за счет расходов на армию, флот, госаппарат. И то и другое вполне согласовывалось с решениями ЦК РКП(б).

А дальше предлагались меры, выходявшие за эти рамки, но известные еще со времен финансовых реформ Наполеона и денежной реформы Витте. Первая: введение параллельно существующим бумажным деньгам банкнот, обеспеченных золотым запасом республики. Второе: проведение девальвации прежних денежных знаков на новые по курсу 10 000 к одному золотому рублю.

Для реализации такого проекта, как полагали его авторы, необходимо было прежде всего получение крупного иностранного займа, а для практического руководства всей реформой — создание особой концессии по учреждению эмиссионного банка — Банка России, который был бы достаточно независим от государственной исполнительной власти¹.

И то и другое сами участники дискуссии сочли весьма «утопичным», поскольку надежды на крупный заграничный заем, как и на золотой фонд самой России, — не реальны, ибо имеющиеся скудные золотовалютные резервы необходимы государству для безотлагательной борьбы с голодом. Стало быть, как заявил Н.Н. Покровский, — «средств для осуществления проекта не имеется и потому не следует и начинать реформу»².

От предложений о заграничном займе, а тем более иностранной концессии на эмиссионный банк России, как говорится, за версту пахло «плохой» политикой, и, вероятно, поэтому в Наркомфине ими не заинтересовались. Во всяком случае, на заседание коллегии наркомата, проведенное 24 сентября под председательством наркома Николая Николаевича Крестинского, профессору даже не пригласили. А принятые решения дальше деноминации, заявленной Политбюро еще в апреле, так и не продвинулись. Изменился лишь курс: один бумажный рубль образца 1922 года обменивался на 10 000 прежних расчетных знаков³.

То есть ни о какой радикальной финансовой реформе, декларированной X съездом партии, речь не шла. И об этом топ-

---

¹ См.: Денежная реформа 1921-1924 гг.. С. 46, 50, 52.

² Там же. С. 34, 35, 46, 96, 98, 237, 238.

³ Там же. С. 57.

тании на месте Ленин почти ежедневно получал самую наглядную информацию, когда ему на стол выкладывали для подписи кипы постановлений СТО и Малого СНК об отпуске миллиардов и миллионов этих самых «расчетных знаков» на самые различные государственные нужды. В конце концов, 17 октября 1921 года Владимир Ильич направляет письмо наркому финансов Крестинскому: «Хотел бы знать Ваше мнение, не пора ли произвести расчеты двоякого рода:

во-1-х, план (самый грубый и общий, в порядке первого приближения) восстановления нашей валюты. Скажем: при таких-то условиях, в течение стольких-то лет можно бы было последовательным применением таких-то мер осуществить то-то...

Во-2-х, нельзя ли перевести на золото наш *расходный* бюджет и сравнить (по *главным* рубрикам — и, может быть, по ведомствам и по областям, губерниям, столицам и пр., насколько возможно) с *довоенными* цифрами.

Надо приступить, и поскорее, к тому, чтобы путем такого или подобного расчета начать нам реформу нашего, совсем запущенного, ни с чем не сообразованного, стихийно, бессистемно вспухшего бюджета»¹.

А дабы дело не отдавать на откуп непрофессионалам, 20 октября на заседании Политбюро Ленин пишет постановление: поручить Наркомфину и Финансовой комиссии «подобрать в кратчайший срок группу лиц с солидным практическим стажем и опытом в капиталистической торговле, на предмет консультации по вопросам денежного обращения»².

Преображенский пытается убедить Ленина в том, что деминация в определенной мере сможет сдерживать рост эмиссии. Но 28 октября Владимир Ильич отвечает ему: «Ваш оптимизм все чаще — я вижу — опровергается фактами... **Весь темп** нашей денежной реформы надо *в корне* изменить.

Periculum in mora [опасность в промедлении]»³.

Затяжка в проведении реформы объяснялась не только неповоротливостью госаппарата. Многие из руководящих деятелей, причастных к экономике, испытывали внутреннее сопротивление и против госкапитализма, и против участия буржуазии в хозяйственной жизни, что и приводило их, как выразился Ю. Ларин, к неприятию этой якобы «коммунистической реакции». А золото — «презренный металл», и торгов-

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 53. С. 275, 276.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 182.

³ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 53. С. 313, 321.

ля как раз и были для них символом всех крайностей и «гримас НЭПа»¹.

В этой связи 7 ноября, в праздничном номере «Правды» появилась статья Ленина на весьма прозаическую тему — о значении золота и торговли в текущий момент. «Коммунизм и торговля?! — пишет Владимир Ильич. — Что-то очень уж несвязное, несуразное, далекое». Наверняка придет время, когда из золота сделают «общественные отхожие места на улицах нескольких самых больших городов мира» в память о кровавых преступлениях, веками совершавшихся во имя этого «презренного металла»².

Но пройдет немало десятков лет, продолжает Ленин, прежде чем это сможет произойти. «Пока же: беречь надо в РСФСР золото, продавать его подороже, покупать на него товары подешевле. С волками жить — по-волчьи выть... Не дадим себя во власть “социализму чувств” или старорусскому, полубарскому, полумужицкому, патриархальному настроению, коим свойственно безотчетное пренебрежение к торговле».

Да, с началом широкомасштабной Гражданской войны мы сами отрицали значение торговли. Что же заставляло пойти по этому пути? — «Военное положение, — отмечает в первую очередь Ленин, — исключало “коммерцию”». Но только ли это? — Нет: «и по военным соображениям; и по почти абсолютной нищете; и по ошибке; по ряду ошибок...»³

Новым в настоящий момент является «переход после ряда самых революционных действий к чрезвычайно “реформистским” действиям на том же поприще...»⁴

Если абстрагироваться от военного положения, то теоретическая ошибка состояла в том, пишет Ленин, что «мы рассчитывали — или, может быть, вернее будет сказать: мы предполагали без достаточного расчета — непосредственными велениями пролетарского государства наладить государственное производство и государственное распределение продуктов по-коммунистически в мелкокрестьянской стране. Жизнь показала нашу ошибку»⁵.

Теперь же «не на энтузиазме непосредственно, а при помощи энтузиазма, рожденного великой революцией, на личном интересе, на личной заинтересованности, на хозяйствен-

---

¹ См.: Деятели СССР и революционного движения в России. Энциклопедический словарь Гранат. М., 1989. С. 486.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 225, 226.

³ Там же. С. 473.

⁴ Там же. С. 226, 227, 228.

⁵ Там же. С. 151.

ном расчете потрудитесь построить сначала прочные мостки, ведущие в мелкокрестьянской стране через государственный капитализм к социализму...»¹

Задача состоит теперь в том, чтобы продержаться не только в материальном, но и «в моральном смысле — это значит не дать себя деморализовать, дезорганизовать, сохранить трезвую оценку положения, сохранить бодрость и твердость духа...»²

В соответствии с рекомендацией Ленина бюджет на 1922 год был сверстан в условных довоенных (золотых) рублях. И против такого «гарантированного» рубля в руководстве Минфина в принципе никто не возражал. Спорным являлся вопрос о темпах реформы. Доводы того же Преображенского сводились к тому, что это процесс долгий и через последующие деноминации «мы *приравняем* бумажки к золоту (через год, два и т.п.) *лишь* после *утрочения* курса рубля...»³

Но существовала и другая точка зрения. 12 ноября Владимир Ильич получает письмо старого партийца Арона Львовича Шейнмана, 6 октября вступившего в должность председателя правления Госбанка. Будучи ранее членом коллегии Наркомфина, он был хорошо знаком с проектами Кутлера, Тарновского, и некоторые их идеи вошли в его предложения.

Реформа «не терпит далее, — писал Шейнман, — никакого отлагательства... Необходимо решиться на девальвацию. Лишь после проведения этой меры можно будет говорить о *бездефицитном бюджете*, о безубыточном хозяйстве и т.д.» Для проведения реформы необходимо перечислить Госбанку 150 миллионов металлических рублей, дать право закупки золота и валюты, но главной базой преобразований должно стать «развитие в стране правильно поставленной торговли» как товарами государственного, кооперативного сектора, так и частного, в том числе и мелкой промышленности, при определенном регулировании цен государством, организации торговых палат, товарной биржи, допущении частных, кооперативных банков и т.п. К письму прилагался также список ученых и специалистов, которых необходимо было привлечь ко всей этой работе.

Ленин внимательно прочел письмо, сделал ряд замечаний, в частности, предостерег Шейнмана от излишнего «революционного» пыла при решении подобных вопросов, от покушений

---

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 151.

² Там же. С. 222, 239.

³ См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 53. С. 322.

на госмонополию внешней торговли. Посоветовал еще «100 раз» продумать все предложения, особенно о возможных формах иностранных инвестиций. Но, вместе с тем, проведение совещания со специалистами было поручено именно ему¹.

Это совещание состоялось в Госбанке 20 ноября 1921 года. Помимо уже известных нам финансистов — Гензеля, Кутлера, Покровского и Тарновского, пригласили профессора Московского университета Захария Соломоновича Каценеленбаума, профессоров Московского коммерческого института Николая Николаевича Шапошникова и Александра Александровича Соколова, профессора Экономико-статистического университета Семена Анисимовича Фалькнера и профессора Саратовского университета Леонида Наумовича Юровского.

Но серьезного разговора так и не получилось, ибо помимо них собралось еще около 50 руководителей и сотрудников Наркомфина, Госбанка, ВСНХ. Вместо привычной для профессуры обстановки ученых советов получилось нечто вроде достаточного обширного собрания. Может, отчасти поэтому большинство, в том числе и специалистов, сочло преждевременными какие-либо специальные меры по упорядочению денежного обращения, кроме самых общих мер по подъему народного хозяйства. Лишь Шейнман и Кутлер отстаивали необходимость незамедлительной реформы².

Опыт работы над планом ГОЭЛРО, которую возглавлял Глеб Кржижановский, лишней раз доказывал, насколько важно умение руководителя находить общий язык с учеными, невзирая на политические симпатии того или иного специалиста, ради вовлечения их в общее дело возрождения России. А это неизбежно ставило проблему кадрового обновления руководства Наркомата финансов, сложившегося в донэповские годы.

Прежде всего, многие функции Финансовой комиссии ЦК, во главе которой стоял Преображенский, переходят к Высшей экономической комиссии ЦК под председательством Каменева «для объединения всех экономических и финансовых вопросов». Формально она была утверждена Политбюро 1 декабря 1921 года, но фактически приступила к работе уже в ноябре. Что касается Преображенского, то он назначается председателем Главного управления по профобразованию. Наркомпроса, с оставлением в составе коллегии Наркомфина³.

---

¹ См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 54. С. 341-345.

² См.: Денежная реформа 1921-1924 гг.. С. 239, 240.

³ Там же.. С. 62, 805..

До этого в октябре нарком финансов Крестинский назначается полпредом РСФСР в Германии, с оставлением на прежнем посту вплоть до замены. А на одном из заседаний Политбюро Преображенский предлагает сделать заместителем наркома финансов Г.Я. Сокольникова, бывшего в тот момент председателем и Туркестанского бюро ЦК РКП(б) и Турккомиссии ВЦИК и СНК. Однако в связи со сложной ситуацией в Средней Азии Ленин с сожалением отвечает: «Увы! Это “связано” с... *Туркестаном*»¹.

Но, как только Григорий Яковлевич по делам приезжает в Москву, Владимир Ильич утром 26 ноября встречается с ним. О результатах беседы можно судить по записке Ленина Молотову с просьбой срочно провести опросом решение Политбюро о назначении Сокольникова «членом коллегии НКФина и членом Финансовой комиссии *при условии*, что он остается *председателем туркестанского бюро* и обязан *ездить* в Туркестан по надобности, впредь до полного упорядочения там»².

Несколько ранее, в сентябре, в состав коллегии Наркомфина вводится и работавший до этого председателем правительства Дальневосточной республики Александр Михайлович Краснощеков. Но, поскольку Крестинский уже прочно утвердился в Берлине на новом посту, уже в декабре встает вопрос о назначении и Сокольникова, и Краснощекова заместителями наркома финансов.

Столь стремительное появление Сокольникова на главной финансовой арене для многих поначалу казалось достаточно неожиданным. В годы Гражданской войны он был известен как боевой комиссар и командарм. В 1918-м — член Реввоенсовета 2-й армии Восточного фронта. В 1919-м — член РВС на Южном фронте, в 8-й и 9-й армии, куда входила казачья дивизия Ф. Миронова. И именно Сокольников был одним из тех, кто добился скорой отмены печально знаменитого Циркулярного письма Оргбюро ЦК о «расказачивании».

Лишь немногие помнили о том, что после Октября 1917-го Сокольников руководил реорганизацией Госбанка, национализировал частные банки, выступал против курса на аннулирование денег. Что, будучи в Туркестане, он сменил подразверстку на налог и провел денежную реформу до того, как это произошло в России.

И уж совсем мало кто знал, что еще в эмиграции, в 1914 году, он успешно закончил юридический университет и прошел

---

¹ В.И. Ленин. Биографическая хроника. Т. 11. С. 683.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 252.

полный курс докторантуры по экономическим наукам в Сорбонне. В принципе, в России 1920-х годов эти степени и звания не играли решающей роли, но для профессорской среды консультантов Наркомфина это, безусловно, имело значение и способствовало нахождению «общего языка».

Возможно, отчасти поэтому появление Сокольникова в Наркомфине не встретило сопротивления коллегии наркомата. А вот вокруг кандидатуры Краснощекова разгорелись страсти. «т. Преображенский говорил мне лично по телефону, — сообщает Ленин Молотову, — что он уйдет, если Краснощеков будет назначен вторым заместителем, таково же мнение всей коллегии, кроме, кажется, Сокольникова...

Считаю вопрос крайне важным, ибо не только вся коллегия, но и Преображенский допускают вопиющую ошибку, не умея оценить необходимость всестороннего использования человека, который, обладая солидным опытом по работе в Америке и в ДВР, подходит к финансовым вопросам со стороны практической. Это самое важное. Этого именно недостает Преображенскому и другим членам коллегии. Вся их оппозиция против Краснощекова сплошной и вредный предрассудок»¹.

И 31 декабря 1921 года Политбюро ЦК принимает решение: назначить Г.Я. Сокольникова первым заместителем наркома финансов, а А.М. Краснощекова вторым замом. Что же касается профессоров, в том числе и арестовывавшихся по делу «Помгола», то большинство из них в том же 1921 году переходит из положения «вольных» консультантов в кадры руководящего звена совслужащих различных структур Наркомфина и Госплана.

Важно и другое: сам вопрос о реформе денежного обращения переводится из сферы общих пожеланий и рассуждений в разряд практических государственных задач. В том же декабре 1921 года IX съезд Советов принимает специальное постановление, обязывающее правительство провести «ряд срочных финансовых мер, направленных к **восстановлению денежного обращения на основе золотой валюты**».

В 1921 году, когда были сказаны эти слова, многие полагали, что НЭП является политикой вынужденной, рассчитанной лишь на пару лет, пока не будут ликвидированы продовольственные трудности. Такому пониманию отчасти способствовало и то, что голод в значительной мере сузил возможности развертывания этой политики и масштабы предстоящих пе-

---

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 54. С. 106.

ремен еще не были столь очевидны. Поэтому не случайно вопрос о «сроках» НЭПа встал на X Всероссийской партконференции в мае 1921 года.

Прения по докладу Ленина выявили целый ряд «недоразумений», которые, как заметил Владимир Ильич, свидетельствовали о том, что для многих, особенно на местах, новая политика «остается в громадной степени неразъясненной, частью даже непонятной». И когда Осинский в ответ на эти «недоразумения» сказал, что НЭП — это «всерьез и надолго», Ленин поддержал его¹.

«Я думаю, — сказал Ленин, — что он совершенно прав. “Всерьез и надолго” — это действительно надо твердо зарубить себе на носу и запомнить хорошенько, ибо в силу сплетнического обычая распространяются слухи, что идет политика в кавычках, т.е. политиканство, что все делается на сегодня. Это неверно... Усматривать в этом хитрость — значит подражать обывателям, мелкой буржуазии, которая живет живучим образом не только за пределами коммунистической партии».

Но когда Осинский назвал срок — 25 лет, Владимир Ильич усомнился: «“Всерьез и надолго” — 25 лет. Я не такой пессимист, я не стану определять, какой, на мой взгляд, должен быть срок, но это, по-моему, немного пессимистично. Дай бог, чтобы мы на 5-10 лет рассчитывали, а то мы на 5 недель обыкновенно не умеем рассчитывать». Хотя, как увидим, в его выступлениях фигурировали и 10, и 20, и даже 30 лет².

Связывая будущее России с радикально новой производительной силой, которой являлась тогда электрификация, план ГОЭЛРО создавал новые возможности для развития новых производственных и общественных отношений. И в этом смысле любые попытки рассматривать НЭП *без* учета целей и задач, которые ставились планом ГОЭЛРО, а сам план *вне* политики НЭПа — малопродуктивны.

Размышляя над различными аспектами плана ГОЭЛРО, Ленин изначально придавал особое значение не столько технической, сколько политической стороне данного проекта. В уже приводившемся письме Кржижановскому от 23 января 1920 года Владимир Ильич писал: «Я думаю, подобный “план” — повторяю, не технический, а государственный — проект плана... надо дать сейчас, чтобы наглядно, популярно, для массы, увлечь ясной и яркой (вполне *научной* в основе)

¹ См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 43. С. 299, 300, 301.

² См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 40. С. 62, 63; Т. 43. С. 329, 330, 331, 383.

перспективой: за работу-де, и в 10-20 лет мы Россию всю, и промышленную и земледельческую, сделаем электрической...

Повторяю, надо увлечь *массу* рабочих и сознательных крестьян *великой* программой на 10-20 лет»¹.

Сегодня это, вероятно, назвали бы поисками «общенациональной идеи». Но это было бы неверным. Ленин искал не «идеи», а — как выразился

бы Чернышевский — того «**общего дела**», которое могло бы соединить *действия* широчайших народных масс.

Весь предшествующий политический опыт Владимира Ильича свидетельствовал о том, что сплотить самые различные по своему характеру классы и социальные группы способны не высокие слова или лозунги, а именно большое общее дело, которое отодвинет в сторону иные, менее значимые мотивы действий и поступков.

Представьте, к примеру, что для большой группы людей чрезвычайно важно перенести на другое место тяжелейшее бревно, перегородившее дорогу. Вот и надо для решения этой — всем понятной задачи — объединить как можно больше «рабочих рук». Незирая на то, совпадают ли у них взгляды на те или иные «идеи» и «идеалы». Важно одно — убрать бревно с дороги.

План ГОЭЛРО + НЭП как раз и мог стать таким «**общим делом**» возрождения России. «Сим победиши» — Так победим — записал Ленин в мае 1921 года².

«Гражданский мир»

Старый «правдист» Степан Степанович Данилов, бывший в годы Гражданской войны председателем весьма суровой Комиссии по борьбе с дезертирством, в сентябре 1921 года написал Владимиру Ильичу: «В обстановке жестокой гражданской войны, голода, нужды, тяжелых лишений мало было места альтруизму, любви даже внутри класса, среди трудящихся.

Сейчас мы получили передышку. С военного фронта центр тяжести переносится на борьбу с разрухой, с голодом, на работу по упорядочению и облегчению обыденной жизни.

Нельзя ли в этой мирной работе сделать одним из движущих рычагов альтруизм, чувство сострадания и любви к старому и малому, к слабому и больному, к беспомощному, голодному.

---

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 40. С. 62, 63.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 43. С. 402.

Я далек от мысли, что нам пора перековать штыки она косы и серпы, но думаю, что пора уже призывать к любви, состраданию, взаимной помощи **внутри класса**, внутри лагеря трудящихся»¹.

Как, вероятно, хотелось бы, чтобы Владимир Ильич написал в ответ что-то возвышенное и о любви, и об альтруизме, и о сострадании. Ведь написал же о нем Максим Горький: «В России, стране, где необходимость страдания проповедуется как универсальное средство “спасения души”, я не встречал, не знаю человека, который с такой глубиной и силой, как Ленин, чувствовал бы ненависть, отвращение и презрение к несчастьям, горю, страданиям людей.

В моих глазах эти чувства, эта ненависть к драмам и трагедиям жизни особенно высоко поднимают Владимира Ленина, человека страны, где во славу и освящение страдания написаны самые талантливые евангелия...

У нас все книги пишутся на одну и ту же тему о том, как мы страдаем, — в юности и зрелом возрасте: от недостатка разума, от гнета самодержавия, от женщин, от любви к ближнему, от неудачного устройства вселенной; в старости: от сознания ошибок жизни, недостатка зубов, несварения желудка и от необходимости умереть.

...Для меня исключительно велико в Ленине именно это его чувство непримиримой, неугасимой вражды к несчастьям людей, его яркая вера в то, что несчастья не есть неустраняемая основа бытия, а — мерзость, которую люди должны и могут отмести прочь от себя».

И, заключая эти размышления, Горький пишет: «Жизнь устроена так дьявольски искусно, что, не умея ненавидеть, невозможно искренне любить. Уже только эта одна, в корне искажающая человека, необходимость раздвоения души, неизбежность любви сквозь ненависть осуждает современные условия жизни на разрушение»².

Но говорить столь красиво Владимир Ильич не любил. Как заметил там же Горький — «он, как никто, умел молчать о тайных бурях своей души». Может быть, поэтому Ленин ответил Данилову кратко и совершенно категорически: «И “внутри класса” и к *трудящимся* иных классов развивать чувство “взаимной помощи” и т.д. безусловно *необходимо*»³.

¹ Цит. по: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 53. С. 187.

² Воспоминания о В.И. Ленине. В пяти томах. Т. 2. М., 1969. С. 252, 253.

³ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 53. С. 187.

В этом «и т.д.» как раз и сказалось обычное для него стремление избегать столь значительных и в то же время столь захватанных самыми разными руками слов, как «возлюби ближнего», «любовь к людям», «сострадание»... Но главное было сказано: не только «**внутри класса**», но и к «*трудящимся иных классов*».

Так уж случилось, что слова «гражданский мир» применительно к России написал в статьях, посланных Ленину, человек весьма одиозный, с «мутной» душой и биографией, исключенный в 1922 году из РКП(б) за антипартийную деятельность — Гавриил Мясников, или, как звали его уральцы — Ганька.

Между прочим, именно он в июне 1918 года положил начало уничтожению царской семьи, расстреляв, вопреки всем директивам, исходившим из Москвы, Михаила Александровича Романова и его секретаря. Тогда он был уверен, что «в Кремле совершают ошибку», сохраняя жизнь Романовых, но он сам исправит ее, и Михаил «будет убит... А как отнесутся к этому Свердлов и Ленин? А как бы не отнеслись, — писал он, — для меня безразлично. Я знаю свой долг, я его выполняю. ...На стороне Ленина и Свердлова только авторитет, а на моей стороне — авторитет правды» И пусть это «послужит сигналом к уничтожению всех Романовых...»¹.

Спустя всего несколько недель так оно и случилось. В середине июля, когда белые войска стали обходить Екатеринбург с юга, намереваясь отрезать его от Европейской России, по решению Уралоблсовета Романовы были расстреляны.

Один из активных участников этих событий М. Медведев (Кудрин) вспоминал, что вечером 16 июля Облсовет собрался в неполном составе. «Сообщение о поездке в Москву к Я.М. Свердлову делал Филипп Голощекин. Санкции ВЦИК на расстрел семьи Романовых Голощекину получить не удалось. Свердлов советовался с В.И. Лениным, который высказался за привоз царской семьи в Москву и открытый суд над Николаем II...»²

Дело в том, что еще в конце апреля 1918 года в Тобольск прибыл специальный отряд во главе с комиссаром В.В. Яковлевым (К.А. Мячиным), которому Ленин и Свердлов подписали мандат о чрезвычайных полномочиях для того, чтобы он доставил Николая II в Москву. Вся семья Романовых решительно заявила, что едет с ним. Однако, по распоряжению Урал-

¹ Никаноров ГЛ. Надрыв... М., 2006. С. 29, 30.

² «Московский комсомолец», 15 января 1998 года.

совета, угрожавшего подрывом железнодорожного пути, поезд развернули на Екатеринбург. Так Романовы и попали в дом Ипатьева¹.

В материалах следственной комиссии, образованной по приказу Колчака, зафиксированы показания телеграфистов, согласно которым Ленин тогда же направил командующему Североуральским фронтом Рейнгольду Берзину следующую телеграмму: «Взять под охрану царскую семью и не допускать каких бы то ни было насилий над ней, отвечая в данном случае собственной жизнью».

Наконец, известная телеграмма Ленина в Стокгольм 16 июля 1918 года убедительно свидетельствует о том, что о возможности предстоящего расстрела Владимир Ильич не только не знал, но и не подозревал².

И тем не менее, как пишет другой активный участник этих событий Григорий Никулин, Уралсовет принял решение «совершенно самостоятельно, на свой страх и риск». В ночь на 17 июля Романовы были расстреляны.

Сообщение в Москву послали лишь 18 июля в 12 часов. В нем говорилось о том, что расстрелян лишь Николай II, а его семья эвакуирована. Редактор «Уральского рабочего», член Облсовета В. Воробьев писал: «Помню, товарищам моим было очень не по себе, когда они подошли к аппарату: бывший царь был расстрелян постановлением Президиума областного Совета, и было неизвестно, как на это “самоуправство” будут реагировать центральная власть, Я.М. Свердлов, сам Ильич...»

В протоколе Совнаркома № 159 от 18 июля 1918 года записан ответ: «Постановили: Принять к сведению»³.

И вот теперь, спустя три года, с началом НЭПа, тот самый Гавриил Мясников, который фактически стал чуть ли не одним из «родоначальников» красного террора, пришел к выводу, что настала пора, когда, как говорится в Писании, — «волк почиет с агнцем». К этому письму Мясникова и его пониманию «гражданского мира» мы еще вернемся. Важно то, как отреагировал на это Ленин.

«В начале статьи, — пишет ему 5 августа 1921 года Владимир Ильич, — вы правильно применяете диалектику. Да, кто не понимает смены лозунга “гражданская война” лозунгом

¹ См.: *Иоффе Г.З.* Крах российской монархической контрреволюции. М., 1977. С. 150, 152.

² В.И. Ленин. Неизвестные документы. С. 243.

³ См.: *Иоффе Г.З.* Крах российской монархической контрреволюции.; *Никаноров Г.Л.* Надрыв... С. 12, 25, 29.

“гражданский мир”, тот смешон, если не хуже. Да, в этом вы правы.

...В вопросе “гражданский мир или гражданская война”, в вопросе о том, как *мы* завоевали и *продолжим* “завоевание” крестьянства (на сторону пролетариата), в этих двух важнейших коренных, мировых (= касающихся *сути* мировой политики) вопросах... вы *сумели* встать на точку зрения не мещанскую, не сентиментальную, а на марксистскую. Вы сумели там *по-деловому*, трезво *учесть* взаимоотношения *всех* классов»¹.

Иными словами, для Ленина «гражданский мир» был прежде всего союзом с подавляющим большинством народа — крестьянством. Для него это была проблема не только нравственная, не только вопрос, как писал Степан Данилов, о «любви и сострадании», но и неперемное условие достижения тех высоких целей, которые стоят перед Русской революцией. Упомянувшееся выше «бревно», лежавшее поперек дороги, надо было тащить, как говаривали на Руси, «всем миром».

«Чем глубже преобразование, которое мы хотим произвести, — напоминал Владимир Ильич одну из аксиом марксизма, — тем больше надо поднять интерес к нему и сознательное отношение, убедить в этой необходимости новые и новые миллионы и десятки миллионов»².

Вокруг этой проблемы, собственно, и разгорелась в партии накануне X съезда так называемая «профсоюзная дискуссия», суть которой как раз и сводилась к вопросу «о методах *подхода* к массе, овладения массой, *связи* с массой»³.

Необходимо отметить, что к самому понятию «массы» Ленин всегда относился конкретно — исторически. «Понятие “массы”, — пояснял он, — изменчиво, соответственно изменению характера борьбы».

Когда революционное движение в России только пробуждалось и делало первые шаги, «достаточно было нескольких тысяч настоящих революционных рабочих, чтобы можно было говорить о массе... Если несколько тысяч беспартийных рабочих, обычно живущих обывательской жизнью и влачащих жалкое существование, никогда ничего не слыжавших о политике, начинают действовать революционно, то перед вами масса».

Однако с началом и победой революции «понятие “массы” становится другим». Для удержания власти и достижения це-

---

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 78, 80.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 42. С. 140.

³ Там же. С. 206.

лей революции, пояснял Ленин летом 1921 года, под массами разумеют уже не только большинство рабочих, но и большинство сельского населения, всех трудящихся. Иное понимание, подчеркивал Владимир Ильич, — «недопустимо для революционера»¹

НЭП прежде всего обеспечивал доверие крестьянства к власти. А значит, и союз рабочего класса с крестьянством, составлявшим большинство населения России, без которого не то что строить, но и сохранить государство было невозможно.

Когда 30 декабря 1920 года Ленин, выступая перед делегатами VIII съезда Советов, сказал: «У нас государство на деле не рабочее, а рабоче-крестьянское... А из этого очень многое вытекает», — Бухарин с иронией выкрикнул: «Какое? Рабоче-крестьянское?»

Ленин услышал: «И хотя т. Бухарин сзади кричит: “Какое? Рабоче-крестьянское?”», но на это я отвечать ему не стану. А кто желает, пусть припомнит только что закончившийся съезд Советов, и в этом уже будет ответ». То есть для Владимира Ильича это была аксиома².

Без союза с крестьянством никакого будущего Русская революция не имела вообще. «10-20 лет правильных отношений с крестьянством и обеспеченная победа», — считал Ленин. А вот если эти «соотношения» будут нарушены, если они окажутся «неправильными», то тогда неизбежны «20-40 лет мучений белогвардейского террора. Aut — aut. Tertium non datur [Или — или. Третьего не дано]»³.

И не потому, что «красные» — хорошие, а «белые» — злые и плохие. А по той простой причине, что любая власть, не выражающая волю большинства народа, не опирающаяся на его поддержку, сможет держаться и управлять страной лишь с помощью самого жестокого террора, да и то до определенного предела и срока.

НЭП обеспечивал Советской власти доверие и поддержку со стороны крестьянства, а план ГОЭЛРО сулил деревне самые заманчивые и радужные перспективы. При этом никто и ничего не собирался навязывать деревне.

«Мы не боимся работать в течение 10 или 20 лет, — говорил Ленин на сессии ВЦИК, — но мы должны показать... крестьянам, что организация промышленности на современной высшей технической базе, на базе электрификации, которая

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 31, 32.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 42. С. 208.

³ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 43. С. 383.

свяжет город и деревню, покончит с рознью между городом и деревней, даст возможность культурно поднять деревню, победить даже в самых глухих углах отсталость, темноту, нищету, болезни и одичание»¹.

Теперь «самое главное и основное, — сказал Ленин, выступая 29 ноября 1921 года на Московском губернском сельскохозяйственном съезде, — чтобы в нашей крестьянской массе проснулось сознание необходимости улучшить крестьянское хозяйство и чтобы те практические шаги, которые сделаны, вы сами обсудили всесторонне. Все то, что вами будет здесь высказано, нами будет принято во внимание...»²

С началом НЭПа стремление к максимальному укреплению союза с крестьянством диктовало необходимость проведения системы мероприятий не только политического и экономического характера, но и определенной корректировки политики государства по отношению к церкви.

По расчетам В.А. Алексеева, 70% населения России, порядка 115-120 миллионов человек, а это не только подавляющая масса крестьянства, но и значительная часть рабочих, считали себя православными и старообрядцами. Как организация, РПЦ располагала мощным аппаратом управления своей паствой, насчитывавшим в 1915 году около 66 335 священнослужителей, а именно: 47 678 священников, 15 205 диаконов, 3282 протоиерея, 2 протопресвитера, 136 епископов, 29 архиепископов и 3 митрополита.

Около 11% населения страны (более 26 миллионов) числилось мусульманами, около 5% — протестантами, чуть более 4% — иудеями и 1% — сторонниками прочих религиозных культов³.

Сразу после Октябрьской революции отношения Советской власти с иерархией РПЦ приняли достаточно сложный и конфронтационный характер. И дело было не только в атеизме большевиков. Декрет об отделении церкви от государства, принятый в январе 1918 года, лишал РПЦ привилегированного положения в обществе и государственных субсидий. Были конфискованы церковные и монастырские земли, ликвидировались и некоторые другие источники доходов.

Вместе с тем, после 200-летнего перерыва, отменялось прямое подчинение церкви государству и санкционировалось

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 40. С. 108, 109.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 259.

³ См.: Алексеев В.А. Иллюзии и догмы. М., 1991. С. 10, 11, 20; Бабкин М.А. Духовенство русской православной церкви и свержение монархии (начало XX в. — конец 1917 г.). М., 2007. С. 428.

избрание в ноябре 1917 года Патриарха Московского и всея Руси Тихона (в миру — Белавина Василия Ивановича), его возведение на престол в Успенском соборе московского Кремля. А 13 марта управляющий делами Совнаркома В.Д. Бонч-Бруевич принял делегацию РПЦ и пообещал привлечь представителей церкви к разработке нового декрета, касающегося религиозных вопросов¹.

Между тем, уже в январе 1918 года, до принятия декрета об отделении церкви от государства, Патриарх ниспослал на большевиков *анафему*. В его послании говорилось: «Зло нашего времени, что новое государство строится без Бога, что люди полагаются только на свои силы, прильнули к земле, хлебу и деньгам и упились вином свободы».

Обращаясь к властям, Тихон писал: «Властью, данной нам от Бога, запрещаю вам приступать к тайнам Христовым. Анафемствую вас... Заклинаем и всех вас, верующих чад православной церкви, с таковыми извергами рода человеческого не вступать в какое-либо общение... А если нужно будет, то и пострадать за дело Христово зовем вас»².

Узнав об этом послании и об анафеме, Ленин, обращаясь к Александре Коллонтай, горько пошутил: «Вместе с Львом Толстым и Стенькой Разиным мы с вами, Александра Михайловна, кажется, попали в неплохую компанию».

И все-таки в мае 1918 года, с разрешения Совнаркома, в Успенском соборе Кремля, при стечении верующих, прошла и ночная пасхальная служба, и крестный ход. В августе это повторилось в день Успения Пресвятой Богородицы. До осени 1918 года не трогали и проживающих в Кремле монахов и монашек Чудова и Воскресенского монастырей³. 19 ноября 1918 года, выступая на съезде работниц, Ленин подчеркнул, что «бороться с религиозными предрассудками надо чрезвычайно осторожно... Внося остроту в борьбу, мы можем озлобить массу»⁴.

Но этот призыв остался благим пожеланием и для одной и для другой стороны. В какой-то мере это объясняется тем, что при относительной слабости всех политических партий, противостоявших Советской власти, РПЦ оставалась крупнейшей оппозиционной массовой организацией, обладавшей влиянием на широкие слои населения. И если в сфере экономики речь шла о «красногвардейской атаке на капитализм», то, —

¹ См.: *Алексеев В.А.* Иллюзии и догмы. С. 47.

² *Политические деятели России. 1917. М., 1993. С. 316.*

³ См.: *Алексеев В.А.* Иллюзии и догмы. С. 48, 50, 54.

⁴ *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 37. С. 186.

как справедливо заметил В.А. Алексеев, — по отношению к церкви имел место, частью направляемый из центра, а чаще иницируемый на местах и просто стихийный «кавалерийский наскок».

Но и противная сторона, как отметил в 1988 году на Поместном соборе митрополит Киевский Филарет (Денисенко), не поняла «подлинного смысла и положительного для нашего Отечества значения происходивших в то время принципиальных перемен в его жизни. Отсюда — осуществление Собором ряда деяний, враждебных новоустановленной народной власти, что со своей стороны повлекло возникновение напряжения и даже конфронтации между церковью и государством...»¹

О всех сложившихся перипетиях взаимоотношений РПЦ и Советской власти обстоятельно рассказано в монографии В.А. Алексеева «Иллюзии и мифы» (1991 год) и коллективной монографии В.М. Лаврова, В.В. Лобанова, И.В. Лобановой и А.В. Мазырина «Иерархия Русской православной церкви. Патриаршество и государство в революционную эпоху» (2008 год). Можно не соглашаться с рядом утверждений этих авторов, но огромный документальный материал, введенный ими в научный оборот, дает возможность сформировать и альтернативные точки зрения.

Оставаясь в годы Гражданской войны формально единой, РПЦ фактически была разрезана надвое. Хотя Патриарх в 1918 году отказался благословить «белое движение», а в 1919 и 1920-м не раз заявлял, что стоит «вне политики», что нет ни «белой», ни «красной» церкви, та часть РПЦ, которая находилась в Советской России, всячески проявляла по отношению к власти свою, мягко выражаясь, оппозиционность, и все «бывшие» искали опору именно в ней.

А то духовенство, которое несло пастырскую службу на территории «белых», сохраняя контакты с Патриархом, открыто являло не только лояльность по отношению к противникам Советов, но и активно сотрудничало с «белыми» правителями — Колчаком, Деникиным, Врангелем — в борьбе против Советской России. В конечном счете под крылом сначала Колчака, а потом Деникина было создано Временное Высшее церковное управление, объединившее священнослужителей, готовых к «священному походу» на Москву и даже формировавших свои роты, батальоны и «полки Иисуса». (Ирония истории: во главе ВВЦУ, по просьбе генерала Врангеля, в 1920 году был поставлен архиепископ Дмитрий (в миру — грузинский

---

¹ См.: Алексеев В.А. Иллюзии и догмы. С. 59, 66.

князь Давид Абашидзе), преподававший в свое время Священное Писание в Тифлисской духовной семинарии и хорошо знавший юного семинариста Иосифа Джугашвили, преуспевшего именно по его предмету.)¹

К концу Гражданской войны значительная часть этого духовенства оказалась в эмиграции и, оставаясь частью РПЦ, нисколько не скрывала своих антисоветских настроений и намерений. 21 ноября 1921 года в местечке Сремски Карловци неподалеку от Белграда открылся «Всеаграничный Русский Собор». Из принятых им решений достаточно упомянуть одно: требование возносить во всех церквях моления о восстановлении династии Романовых, дом которых должен продолжить царствование в России².

Вот так и получилось, что на советских плакатах того времени рядом с фигурами белого генерала, буржуа и помещика непременно соседствовала и карикатура на попа.

Положение Патриарха было достаточно сложным. От РПЦ отделились не только православные церкви Польши и Финляндии. При власти грузинских меньшевиков разорвала отношения с РПЦ Грузинская автокефальная церковь. Вопреки воле Патриарха Собор в Киеве провозгласил создание Украинской автокефальной православной церкви. Автономной стала Белорусская православная церковь. Не скрывало своих претензий на независимость — если не на лидерство — и Заграничное Русское Церковное Управление, во главе которого стал амбициозный митрополит Антоний (Храповицкий)³.

Патриарху, при его стремлении избежать раскола и сохранить единство РПЦ, приходилось учитывать все эти тенденции. Но главное, он был достаточно прозорлив, чтобы не видеть изменения настроений своей паствы в России.

Многие современники отмечали, что Пасха в 1921 году, несмотря на голод, была отпразднована широко и многолюдно. А главное — без всяких эксцессов. И это не было случайностью. Накануне Пасхи Ленин пишет Молотову: «Если память мне не изменяет, в газетах напечатано письмо или циркуляр насчет 1 мая, и там сказано: *разоблачать ложь религии* или нечто подобное.

Это нельзя. Это не тактично. Именно по случаю Пасхи надо рекомендовать *иное*; / не разоблачать ложь, / а *избегать, безусловно, всякого оскорбления религии.* / Надо издать дополни-

---

¹ См.: Алексеев В.А. Иллюзии и догмы. С. 101, 140, 141, 144, 151, 152, 155, 163, 164.

² Там же. С. 173, 176.

³ Там же. С. 42, 43, 169, 171, 176.

тельное письмо или циркуляр. Если Секретариат не согласен, то в Политбюро».

Секретариат и Политбюро согласились, и 21 апреля 1921 года, в дополнение в ранее публиковавшемуся циркуляру, «Правда» напечатала письмо ЦК РКП(б), в котором предлагалось не допускать каких-либо выступлений, «оскорбляющих религиозное чувство массы населения»¹

Когда Ленин получил письмо верующих из Череповецкой губернии с просьбой дать им возможность достроить церковь, сооружение которой было начато ими еще до 1917 года, Владимир Ильич написал: «Окончание постройки храма, конечно, разрешается...»²

А когда из Петрограда пришло письмо прихожан церкви при Военно-медицинской академии с просьбой отменить распоряжение о ее превращении в клуб академии, Ленин тут же написал в Наркомюст П.А. Красикову: «Удобно ли, даже при особых условиях, превращать церковь в клуб? Есть ли налицо какие-либо особые условия? Не лучше ли отменить и вернуть церковь? / Разберитесь, пожалуйста, и разузнайте повнимательнее, а мне пришлите краткое сообщение об итоге»³.

Но еще более жесткое письмо Красиков получил, когда 17 мая 1921 года Владимир Ильич узнал о его намерении запретить оперным певцам государственных театров участвовать в церковных хорах и богослужениях. Ленин отчитал Петра Андреевича за саму постановку подобных вопросов, за проработку Неждановой и других артистов и назвал такого рода борьбу с религией, практикуемую Наркомюстом и лично Красиковым, чушью и безобразием. А при встрече с ним потребовал не провоцировать верующих на протестные выступления⁴.

18 мая 1921 года Пленум ЦК РКП(б) обсуждал вопрос о проведении в жизнь пункта 13 программы партии, касавшегося мероприятий в области религиозных отношений. Получив проект постановления, Владимир Ильич настоял на том, чтобы проект «переделать в направлении таком, чтобы не выпячивать вопроса о борьбе с религией» и, в частности, выбросить пункт 7, предлагавший втянуть в обсуждение вопроса об отношении партии к религии все ячейки и комитеты партии.

Ленин высказался за то, чтобы «допустить, с рядом ограничительных условий, оставление в партии верующих, но заведомо честных и преданных коммунистов», а также изъять из

---

¹ См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 52. С. 140, 386.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 50. С. 278.

³ В.И. Ленин. Неизвестные документы. С. 413.

⁴ См.: Алексеев В.А. Иллюзии и догмы. С. 93.

проекта пункт 10, требовавший решительной борьбы с попытками «отдельных служителей культа создать новую организацию церкви», приспособив ее к Советской власти¹.

Этот последний пункт требует некоторых пояснений, ибо наша историческая публицистика, расписывая «богоборчество» большевиков, предпочитала умалчивать о тех сложных процессах, которые проходили внутри самой РПЦ после Октября 1917 года.

Расхожее представление о том, что «обновленчество» было целиком инспирировано ВЧК, а затем ГПУ, не соответствует действительности. И вышедшая в 1999 году интереснейшая монография М.В. Шкаровского «Обновленческое движение в Русской православной церкви XX века» дает достаточно полный материал для освещения этого вопроса.

Истоки обновленческих идей, как показал Шкаровский, уходили в далекое прошлое. И с ними были связаны имена не только религиозных деятелей и философов, но и духовные искания Федора Достоевского, Льва Толстого и других. Но организационно реформаторское течение среди духовенства и верующих стало оформляться в годы Первой русской революции.

Слишком тесная связь РПЦ со «старым режимом», превращавшая церковь в своего рода «идеологический департамент» во главе с самим государем и назначаемым им обер-прокурором Священного Синода, никак не соответствовали протестному духу мирян, да и приходского духовенства, вырвавшемуся наружу в это время.

Идеи «обновления» церкви приобрели тогда особую популярность в среде либеральной интеллигенции. Но были среди деятелей движения, в том числе среди священников — депутатов Государственной думы, сторонники и более радикальных партий — социал-демократов, социалистов-революционеров и т.п. А после Февральской революции 7 марта 1917 года в Петрограде оформился «Всероссийский союз демократического православного духовенства и мирян», который на синодальные субсидии стал выпускать газету и журнал «Соборный разум»².

Обер-прокурор Синода В.Н. Львов, назначенный Временным правительством, всячески поддерживал их деятельность. Именно тогда и выдвинулись такие руководители «обновлен-

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 54. С. 440, 721.

² См.: Шкаровский М.В. Обновленческое движение в Русской православной церкви XX века. М., 1999. С. 10, 11.

ческого» движения, как блестящий проповедник священник Александр Введенский, сторонник ориентации на рабочий класс о. Александр Боярский, священники Сергей Калиновский, Владимир Красницкий, профессор Духовной академии Борис Титлинов и другие.

Октябрьскую революцию «обновленцы» встретили в целом положительно. Выразив несогласие с рядом пунктов декрета об отделении церкви от государства, они все-таки восприняли его как «дело внутреннего церковного освобождения». А в выступлениях Введенского, Боярского, Калиновского и других. все более отчетливо стали звучать «социалистические» мотивы.

Предпринимались даже попытки создания «христианско-социалистической партии». С марта 1918 года «обновленцы» стали выпускать газету «Правда Божия», в которой, помимо требования церковных реформ, сразу же отмежевались от анафемы Патриархом большевиков как «врагов истины Христовой»: необходимо «не отвергать революцию, не отталкивать, не анафемствовать, — писала газета, — а просветлять, одухотворять, претворять ее».

Вполне естественно, что постепенно — и в центре и на местах — стали завязываться и контакты реформаторов с официальными властями, в том числе с соответствующими отделами НКЮста и ГПУ. Но это отнюдь не дает оснований для того, чтобы квалифицировать «обновленчество» как прямую «агентуру ГПУ». Всегда и везде государственные органы сотрудничали с теми, кто поддерживал это государство, а не с теми, кто противостоял ему. Кстати сказать, эти контакты «обновленцев» использовались иерархами в тех случаях, когда требовалось заступиться за арестованных священников или добиться каких-то облегчений для духовенства¹.

Вполне вероятно, что помимо истых и искренних реформаторов, у лидеров «обновленчества», как и во всех других массовых движениях, были различные мотивы их поведения. У одних это могли быть сугубо карьерные соображения, у других — элементарное приспособленчество.

Но важно понять другое: независимо от личных характеристик лидеров, это движение отражало настроение широчайших слоев — и паствы и пастырей, измученных и уставших от гражданской войны и не желавших ее возобновления.

---

¹ См.: *Шкаровский М.В.* Обновленческое движение в Русской православной церкви XX века. С. 12.

Вполне возможно, что, несмотря на остроту разногласий, взаимоотношения Патриарха и «обновленцев» так и остались бы внутрицерковным делом и в конце концов нашли бы свое разрешение на внутрицерковной арене. Но голод 1921-1922 годов сыграл роковую роль. И ключ к пониманию последующих событий следует искать не в доктринерском «богоборчестве» власти, а в драматической ситуации — и экономической и политической — весны 1922 года.

В оказании помощи голодающим приняли участие представители всех религиозных конфессий России. В начале июля 1921 года Алексей Максимович Горький приехал в Троицкое подворье. Договорились, что Патриарх Тихон выступит с обращением к архиепископам Кентерберийскому и Нью-Йоркскому «с призывом прийти на помощь хлебом и медикаментами пострадавшему от неурожая и эпидемий населению России». 7 июля эту акцию одобрило Политбюро ЦК РКП(б) и уже 10-го газеты сообщили, что обращение передано по радио¹.

А в конце июля туда же — в Троицкое подворье — пришли члены президиума Помгола Н.М. Кишкин и С.Н. Прокопович. Позднее, в своих воспоминаниях Е.Д. Кускова не скрывала мотивов этого визита: той части Помгола, которую представляли визитеры, при их политической претензии на представительство всей России, явно не хватало контактов с регионами и особенно с деревней, то есть именно тех связей, которыми обладала РПЦ.

«Надо было, следовательно, — писала Екатерина Дмитриевна, — осведомить церковную интеллигенцию о начатом деле и обязательно подчинить ее общей воле. Конечно, эту задачу мог выполнить не сам Комитет, а лишь высшая церковная власть». Патриарх, по словам Кусковой, долго думал, угощал гостей чаем с липовым медом, а затем ответил, что обратится к верующим с воззванием и проведет в Храме Христа Спасителя «всемирное моление»².

17 августа Патриарх обратился с письмом во ВЦИК, в котором просил дать разрешение на создание Церковного комитета помощи голодающим из представителей духовенства и мирян. В качестве условий успешной деятельности этого Комитета назывались следующие: создание на местах епархиальных комитетов, возможность самостоятельно собирать пожертвования на родине и за границей, а также самим распределять эту помощь среди голодающих, с тем чтобы имуще-

¹ См.: Всероссийский комитет помощи голодающим. С. 579.

² Там же. С. 458, 459.

ство Церковного комитета не подлежало никаким реквизициям, а деятельность — контролю РКП(б) и т.д.¹

В тот же день ВЦИК в принципе признал целесообразным создание такого комитета, но с утверждением положения о нем торопиться не стали. Настораживало, видимо, совпадение ряда условий с теми, которые формулировали члены Помгола, о намерениях которых власти уже были осведомлены.

Тогда же Патриарх представил и текст обращения во всем верующим России. При обсуждении текста в Совнаркоме его членов покорило призыв к всеобщему покаянию и фраза: «Молитвою у престола Божия, у родных Святынь исторгайте прощение Неба согрешившей земле». Каменев заметил: «Что это такое? Какой согрешившей земле?» Впрочем, цензурировать обращение не стали. В Помголе его распечатали в 100 000 экземпляров и 22-го, в день «всемирного моления», раздали всем верующим².

Что же касается разрешения ВЦИК на проведение сбора средств голодающим, то оно последовало в декабре 1921 года. Причем такое же разрешение одновременно давалось Центральному духовному управлению мусульман, Всероссийскому совету евангельских христиан, Совету всероссийского союза баптистов³.

Спорить о том, означала ли вся сумма указанных перемен некий «религиозный НЭП» — нет смысла. Несомненно одно: столь явное изменение политики государственной власти по отношению к религии безусловно способствовало усилению союза с широчайшими массами крестьянства и достижению «гражданского мира».

Ситуация осложнялась тем, что в это самое время — летом 1921 года (как и накануне Кронштадтского мятежа) в Петрограде и Москве на ряде государственных предприятий, в связи с задержкой зарплаты и ростом дороговизны, начались стачки. И сразу же в некоторых из них «засветились» нелегалы — меньшевики и эсеры. Усматривать в этом козни чекистов, сегодня, после выхода в свет многотомных публикаций документов этих партий, нет уже никаких оснований.

В этой связи в начале июля Ленин пишет Уншлихту: «Сообщают про Питер худое... Как бы-де **не прозевать второго Кронштадта**». И Политбюро принимает решение — по-

¹ Алексеев В.А. Иллюзии и догмы. С. 193, 194.

² См.: Алексеев В.А. Иллюзии и догмы. С. 194; Всероссийский комитет помощи голодающим. С. 460, 461.

³ См.: Алексеев В.А. Иллюзии и догмы. С. 191, 192.

ручить ВЧК принять необходимые меры предосторожности и направить в Питер «рабочих-металлистов из старых членов партии»¹.

Против эсеров-меньшевистского подполья были усилены репрессивные меры — аресты, высылка. Но надо было отделить этих активных противников от тех, кто готов был сотрудничать с Советской властью.

Решение этой задачи имело не только политический, но и определенный нравственный аспект. Ведь всего за 5-10-15-20 лет до этого с многими из них большевики сидели вместе в тюрьмах, отбывали каторгу и ссылку. С многими из них, несмотря на политическое противостояние, сохранялись и сугубо личные, дружеские отношения. И стричь теперь всех **ино**-партийцев под одну гребенку было по тем временам просто невозможно.

В самый разгар Гражданской войны, когда целый ряд меньшевиков заявили: «Мы от политики отказались, мы охотно будем работать», Ленин ответил им: «Нам чиновники из меньшевиков нужны, так как это не казнокрады и не черносотенцы, которые лезут к нам, записываются в коммунисты и нам гадят. Если люди верят в учредилку, мы им говорим: “Верьте, господа, не только в учредилку, но и в бога, но делайте вашу работу и не занимайтесь политикой”»².

В какой-то мере эту проблему решило создание — по инициативе Дзержинского, Рудзутака, Ярославского — Общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев. Его открытие состоялось в Москве в Доме союзов 21 марта 1921 года. Поначалу оно насчитывало лишь несколько сот человек, но через несколько лет число его членов перевалило за тысячу. Отделения Общества функционировали не только в Москве и Петрограде, но и в других городах России, Украины, Белоруссии, Грузии.

Помимо коммунистов, создавших свое Общество старых большевиков, в Общество политкаторжан и ссыльнопоселенцев вошли ветераны «Народной воли», свято хранившие заветы русского народничества, бывшие эсеры, меньшевики, бундовцы, анархисты и беспартийные участники российского революционного движения.

Общество стало издавать «Историко-революционный вестник», а затем журнал «Каторга и ссылка»; его члены выступали на предприятиях, в учебных заведениях, собирали и публиковали документы по истории борьбы против царизма. Вместе с

¹ См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 54. С. 441, 722.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 38. С. 254.

тем Общество взяло на себя и столь важную тогда заботу о материальных нуждах старых революционеров.

Но к «трудящимся иных классов» принадлежали не только крестьяне, рабочие и тем более старые революционеры, но и основная масса интеллигенции — ученые, инженеры, врачи, учителя, представители творческих профессий и значительная часть прежних чиновников-управленцев. После Октября 1917 года большинство этой интеллигенции Советскую власть не приняло. И об этом Ленин всегда говорил с большим сожалением.

То, что «более честные “служилые” элементы не пошли к нам работать», сказал он на VIII съезде РКП, привело к тому, что к партии и власти «присосались кое-где карьеристы, авантюристы, которые называют себя коммунистами и надувают нас... А у карьеристов нет никаких идей, нет никакой честности»¹. Об этой саботирующей интеллигенции Владимир Ильич как-то сказал Горькому: «Это — ее вина будет, если мы разобьем слишком много горшков»².

Менее всего Ленин полагался на то, что пропаганда или репрессии ВЧК заставят эту часть интеллигенции признать правоту и справедливость коммунистических идей. Такую задачу могла решить только жизнь и собственный опыт. А посему не надо ставить данный вопрос «на почву теоретической пропаганды коммунизма». Необходимо «им доказать это практически», то есть дать им возможность убедиться в том, что политика Советской власти действительно способствует возрождению страны³.

Задача эта была достаточно сложной, ибо каждая группа или слой интеллигенции требовали особого подхода. В 1921 году власти беспокоило положение в вузах обеих столиц. Конкретные причины для недовольства профессуры были двоякими. Прежде всего волновало низкое жалованье, усугублявшееся частой задержкой зарплаты. Неприятие вызывало и создание рабфаков и подготовительных курсов для рабочих, крестьян и красноармейцев, которые, по мнению преподавателей, резко снизили общий уровень подготовки студентов.

Накануне Кронштадтского мятежа, 13 февраля 1921 года, по этой причине прошла двухнедельная забастовка в МВТУ. Задержка зарплаты стала поводом и для шестидневной забас-

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 38. С. 199.

² В.И. Ленин и А.М. Горький. Письма, воспоминания, документы. Изд. 3-е. М., 1969. С. 319, 322.

³ См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 50.

товки в МГУ, и лишь вмешательство А.Д. Цюрупы, урегулировавшего конфликт, прекратило эти стачки. В этой связи весной 1921 года для Питера выделили две тысячи академических пайков, а для Москвы — 2063 основных и 189 семейных¹.

В апреле в МВТУ вновь возник конфликт, и на сей раз поводом стало административное вмешательство Главпрофобра во внутренние дела вуза. По традиции Совет профессоров и преподавателей избрал на пост ректора МВТУ профессора Ивана Андреевича Калининкова. Однако Главпрофобр отменил это решение. Тогда Совет училища, обратившись за поддержкой к студентам, объявил общую стачку протеста².

В дело вмешался Ленин, и 14 апреля Политбюро отменило постановление Главпрофобра. Калининков был восстановлен в должности ректора и введен в состав президиума Госплана. На следующий день Ленин пишет Молотову: «Сейчас узнал от Рыкова, что профессора (Московское Высшее техническое училище) *еще не знают решение...* Это безобразия, чудовищное опоздание. Ставлю вопрос об аппарате ЦК на Политбюро. Ей-ей, нельзя так... Вчера же обязательно было *огласить*»³.

А в ответ на протест против решения Политбюро со стороны председателя Главпрофобра Наркомпроса Владимир Ильич 19 апреля написал ему: «Что Калининков (так, кажись) — реакционер, охотно допускаю. Есть там и злостные кадеты, бесспорно. Но их надо *иначе* изобличить».

Не по подозрению и чохом, не голословно, а «на точном факте, поступке... Подготовить материал, проверить, изобличить и осудить *перед всеми...* Спеца военного ловят на измене. Но военспецы привлечены все и работают». А в Наркомпросе этого делать не умеют «и, сердясь на себя, срывают сердце на всех зря»⁴.

В этот же день, с санкции Ленина, «Правда» публикует статью А.В. Луначарского, в которой он объявляет выговор преподавателям МВТУ за прекращение занятий, указывает на недопустимость подобных методов протеста. А всем комячейкам вузов предлагалось установить с профессурой и беспартийным студенчеством такие отношения, которые бы способствовали налаживанию нормального учебного процесса и развитию науки в Советской России⁵.

¹ См.: Всероссийский комитет помощи голодающим. С. 569, 571.

² Там же. С. 571.

³ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 52. С. 147.

⁴ Там же. С. 155.

⁵ Там же. С. 388.

Однако осенью ВЧК получает информацию о том, что преподаватели московских и петроградских ВУЗов вновь начинают подготовку забастовки с участием студентов.

28 ноября Ленин принимает приехавших из Питера ректоров — Политехнического института Л.В. Залуцкого, Горного института Д.И. Мушкетова и Института гражданских инженеров Б.К. Правдзика. В ходе беседы они вручают Владимиру Ильичу записку о тяжелом финансовом положении столичных ВУЗов и вновь возвращаются к вопросу о «фильтрации» студентов при приеме в институты в связи с расширением сети рабфаков¹. Что касается материального обеспечения ВУЗов, то Ленин еще в сентябре поручил НКФину увеличить расходы на содержание высших учебных заведений за счет сокращения других статей бюджета. Позднее Владимир Ильич просит Н.П. Горбунова лично позаботиться о предоставлении МВТУ дополнительных помещений и средств для закупки за границей новейшего оборудования².

А вот относительно рабфаков — тут об «уступке» не могло быть и речи. В 1921 году состоялся первый выпуск рабфаков, усилилось их влияние в студенческих организациях, и это в значительной мере блокировало попытки вовлечь студенчество в «профессорские забастовки»³.

Критерием для Ленина были не слова, не заверения в лояльности, а дела, поступки и их практический результат. С самого начала своей революционной деятельности его занимал вопрос о том — «по каким признакам судить нам о *реальных* “помыслах и чувствах” реальных личностей? Понятно, — писал Владимир Ильич, — что такой признак может быть лишь один: *действия* этих личностей, а так как речь идет только об общественных “помыслах и чувствах”, то следует добавить еще: общественные действия личностей...»⁴

Эту мысль он неоднократно повторял и потом: «Не понимая дел, нельзя понять и людей иначе, как... внешне». Впрочем, тут же Ленин добавлял, что «можно понять психологию того или иного участника борьбы, но не *смысл* борьбы, не значение ее партийное и политическое»⁵.

Вот почему он считал, что никогда нельзя полагаться на слова и посулы лидеров и даже на их несомненную порядоч-

¹ См.: В.И. Ленин. Биографическая хроника. Т. 11. С. 691.

² См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 53. С. 158; т. 54. С. 40, 75, 570.

³ См.: Высылка вместо расстрела... С. 76, 143, 144.

⁴ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 1. С. 423, 424.

⁵ Там же. С. 221.

ность и честность. «Это важно для биографии каждого из них. Это неважно с точки зрения политики, т.е. отношения между миллионами людей»¹. Не важно потому, что результаты их политической деятельности выходят за рамки личной судьбы самих политических деятелей.

«В личном смысле, — пояснял Владимир Ильич, — разница между предателем по слабости и предателем по умыслу и расчету очень велика; в политическом отношении этой разницы *нет*, ибо политика — это фактическая судьба миллионов людей, а эта судьба не меняется от того, преданы ли миллионы рабочих и бедных крестьян предателями по слабости или предателями из корысти...»²

Безусловно, отстаивание своих политических убеждений, считал Ленин, есть дело политической честности каждого общественного деятеля. Но одновременно и дело его личной ответственности за реальные последствия проповеди этих взглядов. И последствий не для самого проповедника, а для судеб миллионов людей.

Именно поэтому не те или иные даже самые прекрасные душевные качества определяли отношение Ленина к тому или иному человеку, а его практические дела, его место в осуществлении великой программы возрождения новой России. Хотя в личном плане, давая характеристики людям, он всегда отмечал у них отсутствие или наличие честности и порядочности.

Когда сегодня Ленина обвиняют в том, что он якобы пытался «ввести единомыслие на Руси», то это чистейшие пустяки. Он никогда не стремился к «перековке» ни тех ученых и специалистов, ни тех представителей иных политических партий, которые были готовы сотрудничать с Советской властью.

Вот почему то обстоятельство, что многие разработчики плана ГОЭЛРО по *мыслям* своим поначалу были явными антисоветчиками, имело для Владимира Ильича второстепенное значение. Ибо главное состояло в том, что на *деле* они способствовали созданию документа, который, как считал Ленин, стал «**второй программой партии**»³.

Подобного рода подход объясняет и то, почему целый ряд фигурантов по делу «Помгола» (кстати, людей в большинстве своем честных и порядочных), арестованных 27 августа 1921 года, пробыли в ВЧК и в Бутырьках не долго.

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 39. С. 60.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 40. С. 131, 132.

³ См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 42. С. 157.

Бывший заместитель министра внутренних дел, а затем заместитель министра финансов в царском и Временном правительствах, член ЦК кадетской партии Н.Н. Кутлер после освобождения в октябре 1921 года был введен в состав Правления Государственного банка РСФСР и принял самое активное участие в проведении финансовой реформы в стране.

Один из основателей кадетской партии Ф.А. Головин был освобожден 17 сентября, старейший член этой партии, ректор Московского зоотехнического института М.М. Щепкин — 10 октября. А председателя ЦК партии кадетов Н.М. Кишкина, бывшего министра государственного призрения, назначенного Временным правительством «диктатором» в октябрьские дни 1917 года, одного из главных фрондеров в «Помголе», в 1922 году отозвали из Вологодской ссылки, и он стал работать в Наркомздраве РСФСР.

Доктор В.А. Левицкий, освобожденный еще 7 сентября 1921 года, возглавил Центральный государственный институт по изучению профессиональных заболеваний. Бывший кадет П.А. Велихов, выпущенный 17 сентября, вернулся на свою кафедру в Институт инженеров путей сообщения и в научно-технический отдел НКПС, а бывший член ЦК кадетской партии М.В. Сабашников — к своей издательской деятельности.

Переход к сотрудничеству с Советской властью приобретал все более массовый характер, особенно в среде инженеров, техников, врачей, учителей, то есть тех, кто испокон веков строил, лечил и учил Россию. И все-таки каким бы «стихийным» или, наоборот, «направляемым» ни был этот процесс, для несоветской интеллигенции важно было теоретическое и моральное обоснование подобного поворота. Как ни странно, такое обоснование было сформулировано в среде русского зарубежья.

Российская эмиграция по своему составу была достаточно пестрой. Были наиболее упертые — те, кто до конца стоял за вооруженную борьбу против Советской власти. В июле 1921 года Ленин получил письмо от Красина. Леонид Борисович сообщал, что в Париже состоялся так называемый «Съезд русского национального объединения», где собрались и монархисты (А. Карташев, М. Федоров и др.), и правые кадеты (П. Струве, П. Долгоруков и др.), и совсем правые эсеры типа В. Бурцева.

Съезд учредил «Русский национальный союз» во главе с Национальным комитетом, который поддержал в качестве пре-

тендента на русский престол бывшего главнокомандующего русской армии, великого князя Николая Николаевича, выразил симпатии итальянскому фашизму как «великой и жизнетворной силе», а также армии генерала Врангеля, расселявшейся из галлиполийского лагеря по Сербии и Болгарии¹.

Эта хорошо вооруженная, дисциплинированная, ставшая фактически профессиональной армия представляла собой достаточно серьезную силу. В нее входили: корпус Кутепова, состоявший из 25 тысяч солдат и офицеров бывшей Добровольческой армии; Донской корпус — из 20 тысяч казаков и 15 тысяч кубанцев².

Б. Александровский, работавший врачом в галлиполийском лагере, писал, что господствующим убеждением среди офицеров этой армии являлось то, что главной ошибкой, допущенной ими в прошлом, была «непростительная мягкотелость... Надо было в свое время перевешать и расстрелять всех проклятых слюнявых интеллигентов с Милюковым и Керенским во главе. Не будь их, ничего бы и не было, сидели бы мы сейчас спокойно в Москве и Петербурге»³.

Выступая на VIII съезде Советов в декабре 1920 года, Ленин говорил: «Мы прекрасно знаем, что остатки армии Врангеля не уничтожены, а спрятаны не очень далеко и находятся под опекой и под охраной и восстанавливаются при помощи капиталистических держав, что белогвардейские русские организации работают усиленно над тем, чтобы попытаться создать снова те или иные воинские части и вместе с силами, имеющимися у Врангеля, приготовить их в удобный момент для нового натиска на Россию»⁴.

Что касается командования этой армии, то оно действительно всерьез планировало высадку десанта на Черноморском побережье, прорыв на Кубань, а оттуда — новый поход на Москву. Конечно, подобные планы отражали скорее генеральские амбиции и надежды на помощь Антанты, нежели их реальные возможности. Но не считаться с вероятностью такого рода авантюры было нельзя.

Именно из этой среды вышли люди типа генерала В.В. Бискупского, которые уже в 1920 году стали активно сотрудничать с немецкими фашистами. Туда же потянулись и некото-

---

¹ См.: *Иоффе Г.З.* Крах российской монархической контрреволюции. С. 270, 274.

² Там же. С. 270.

³ Там же. С. 271.

⁴ *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 42. С. 130.

рые эмигрантские монархические группы. «Фашизм, — писала берлинская газета “Дни”, — стал модной этикеткой для искателей русского престола»¹.

Но и в более благопристойной среде эмигрантов, с которой пришлось иметь дело во время поездки за границу бывшему солисту Его Величества, ставшему Народным артистом республики Леониду Витальевичу Собинову, — в адрес тех интеллигентов и специалистов, которые стали работать в советских учреждениях, пришлось услышать: «Гробов на вас, оставшихся в России, не хватает, когда мы вернемся водворять порядок на родине»²

Впрочем, из двух миллионов человек, покинувших Россию в годы революции и гражданской войны булыжная часть, обремененная повседневными тяготами, ушла в частную жизнь. Их быт, психологию прекрасно описал Аркадий Аверченко в изданном в Париже сборнике рассказов «Дюжина ножей в спину революции». Ленин прочел его, 23 ноября 1921 года опубликовал рецензию — «Талантливая книжка» и предложил некоторые рассказы перепечатать в России, ибо, как он заметил, — «талант надо поощрять».

«Интересно наблюдать, — писал Владимир Ильич, — как до кипения дошедшая ненависть вызвала и замечательно сильные, и замечательно слабые места этой высокоталантливой книжки. Когда автор свои рассказы посвящает теме, ему неизвестной, выходит нехудожественно. Например, рассказ, изображающий Ленина и Троцкого в домашней жизни.

Злобы много, но только непохоже, любезный гражданин Аверченко! Уверяю вас, что недостатков у Ленина и у Троцкого много во всякой, в том числе, значит, и в домашней жизни. Только чтобы о них талантливо написать, надо их знать. А вы их не знаете.

..До настоящего пафоса, однако, автор поднимается лишь тогда, когда говорит о еде. Как ели богатые люди в старой России, как закусывали в Петрограде — нет, не в Петрограде, а в Петербурге — за 14 с полтиной и за 50 рублей и т.д. Автор описывает это прямо со сладострастием: вот это он пережил и почувствовал, вот тут уже он ошибки не допустит».

Разговор двух «бывших»: один — бывший сенатор, второй — бывший директор огромного металлургического завода на Выборгской стороне. «Теперь он — приказчик комисси-

---

¹ См.: *Иоффе Г.З.* Крах российской монархической контрреволюции. С. 268, 287.

² Минувшее. Исторический альманах. 1. М., 1990. С. 63.

онного магазина, и в последнее время приобрел даже некоторую опытность в оценке поношенных дамский капотов...»

«Оба старичка вспоминают старое, петербургские закаты, улицы, театры, конечно, еду в “Медведе”, в “Вене” и в “Малом Ярославце” и т.д. И воспоминания прерываются восклицаниями: “Что мы им сделали? Кому мы мешали?”... “Чем им мешало все это?”... “За что они Россию так?”...»

Аркадию Аверченко не понять, за что. Рабочие и крестьяне, — заключает Ленин, — понимают, видимо, без труда и не нуждаются в пояснениях»¹.

Но было в среде русского зарубежья достаточно много людей, которых волновали не столько тоска по утраченному, сколько будущее новой России. Это была, так сказать, элита русского зарубежья. Многие из них активно участвовали в борьбе против Советской власти в годы Гражданской войны. Но именно из этой среды как раз и вышли «сменовеховцы».

Идейное течение — «сменовеховство», — появившееся в эмиграции с началом НЭПа, связано с именем Н.В. Устрялова. До 1918 года Николай Васильевич как приват-доцент преподавал государственное право в Московском университете. В годы Гражданской войны входил в ЦК партии кадетов и в правительство Колчака, издавал в Омске газету «Русское Дело», а затем эмигрировал в Харбин, где вновь стал преподавать в тамошнем университете.

Летом 1921 года вместе с эмигрантами кадетского толка Ю.В. Ключниковым, С.С. Лукьяновым, С.С. Чахотиным, А.В. Бобрищевым-Пушкиным, Ю.Н. Потехиным и др. он выпустил в Праге сборник «Смена Вех», а с октября 1921 года стал издавать в Париже журнал под тем же названием.

Содержательный анализ этого течения (с интересующей нас точки зрения) проделала французский историк Тамара Кондратьева в книге «Большевики-якобинцы и призрак термидора», вышедшей в Москве в 1991 году.

Сменовеховцы полагали, что ход истории и логика самой жизни значат куда больше, нежели оценка и осознание их вождями революции. Поэтому объективные итоги происходящих исторических процессов могут оказаться прямой противоположностью их субъективных устремлений и идеалов. Как говаривал во времена Французской революции Сен-Жюст, — «сила вещей ведет нас, по-видимому, к результатам, которые не приходили нам в голову»².

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 249, 250.

² См.: Плимак Е.Г. Политическое завещание В.И. Ленина. Истоки, сущность, выполнение. М., 1989. С. 131.

С этой позиции сменовеховцы и рассматривали процессы, происходившие в Советской России. «Мы, — писал Устрялов, — вступили на “путь термидора”, который у нас, в отличие от Франции, будет, по-видимому, длиться годами и проходить под знаком революционной советской власти. Не бессмысленно бороться с новой Россией — долг русских патриотов, а посылно содействовать ее оздоровлению, честно идти навстречу “новому курсу” революционной власти, становящемуся жизненным, мощным и неотвратимым фактором воссоздания государства российского»¹.

Те, кто нуждался в моральном оправдании своего «поворота», вполне удовлетворились данным выводом. И если после поражения Первой русской революции знаменитые «Вехи» стали для многих оправданием *примирения с царской властью*, то теперь «Смена вех» помогла обосновать возможность и даже необходимость *сотрудничества с властью советской*.

«Ирония истории» на сей раз, видимо, состояла в том, что многие министры бывшего Временного правительства, свергнутого Советами в октябре 1917 года (военный министр А.И. Верховский, морской министр Д.Н. Вердеревский, министр финансов Н.Н. Кутлер, министры путей сообщения Н.В. Некрасов и А.В. Ливеровский, министр почт и телеграфа, а затем министр внутренних дел А.М. Никитин, министр труда М.И. Скобелев, министры просвещения А.А. Мануйлов, С.С. Салазкин и С.Ф. Ольденбург), теперь исправно служили в советских учреждениях.

Помимо рабочих, крестьян и интеллигенции существовал еще один социальный слой, с которым надо было определять свои отношения ради достижения того же «гражданского мира». Речь идет о нэпманах, арендаторах госпредприятий, концессионерах, которые играли достаточно большую роль в ряде отраслей народного хозяйства и особенно в торговле.

Экономическая политика Советской власти плюс восприятие (в какой-то мере) идей «сменовеховцев» не только прежде враждебными Советской власти «спецами», но и новой буржуазией, сделало возможными установить определенные формы сотрудничества и с лояльными «нэпманами» — реальными носителями и частнохозяйственного, и государственного капитализма.

---

¹ Кондратьева Т. Большевики-якобинцы и призрак термидора. С. 81.

Но именно это встретило наибольшее непонимание и даже сопротивление со стороны многих коммунистов, для которых они по-прежнему оставались потенциальной «буржуазной контрой». Стало быть, начинать надо было с официального изменения социального имиджа этого слоя. В данной связи Владимир Ильич предлагает «в понятие спецов обязательно включить не только инженеров и агрономов, но и торговцев»¹

Ленину пришлось напомнить, что «еще весной 1918 года коммунисты провозгласили и защищали идею **блока, союза** с государственным капитализмом против мелкобуржуазной стихии. Три года тому назад! В первые месяцы большевистской победы! Трезвость была у большевиков уже тогда»².

Теперь все это Владимиру Ильичу приходилось объяснять вновь. Капитализм «нам полезен в той мере, — пишет он, — в которой поможет бороться с распыленностью мелкого производителя... Меру установит практика, опыт. Страшного для пролетарской власти тут ничего нет, пока пролетариат твердо держит власть в своих руках, твердо держит в своих руках транспорт и крупную промышленность».

Но для того, чтобы союз с госкапитализмом стал реальным, необходимо было отказаться от некоторых представлений, сложившихся в предшествующие военные годы. В частности, по отношению к торговле и спекуляции. В период Гражданской войны это понятие ассоциировалось с сугубо криминальной деятельностью, подведомственной карательным мерам ВЧК. А теперь?

Теперь, объясняет Ленин, — «спекуляцию *нельзя* отличить от “правильной” торговли, если понимать спекуляцию в смысле политико-экономическом. Свобода торговли есть капитализм, капитализм есть спекуляция, закрывать глаза на это смешно».

Как же быть? Оставлять спекуляцию безнаказанной? И что такое «правильная» или «неправильная» торговля?

«Неправильная» торговля, отвечает Ленин, это всякого рода хищения, разворовывание национальных богатств, контрабанда, нарушение советских законов, уклонение от налогов, т.е. «*уклонение*, прямое или косвенное, открытое или прикрытое, от *государственного контроля, надзора, учета*». Это

¹ См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 54. С. 95.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 105. (выделено мною — ВЛ)

есть деяние наказуемое, которое должно караться «с тройной против прежнего строгостью»¹.

Опыт подобного рода публичного наказания продемонстрировали 15-18 декабря 1921 года, когда в Москве был проведен процесс над 35 предпринимателями — владельцами чайных, столовых, пекарен, сапожных мастерских и т.п. Им предъявили обвинение в нарушении советских законов о труде: эксплуатации малолетних, подростков, женщин, удлинении рабочего дня. Обвинителями выступали рабочие московских предприятий. Более десятка подсудимых приговорили к крупным денежным штрафам или к принудительным работам без лишения свободы².

Что же касается «правильной» торговли, пояснял Ленин, то это та, которая соблюдает законы и не уклоняется от государственного контроля, и коммунисты должны ее всячески поддерживать и развивать. А это значит, что им придется учиться опыту налаживания хозяйства и работать рядом «с комиссионерами-торговцами, с скупщиками, работающими на государство, с кооператорами-капиталистами, с концессионерами-предпринимателями и т.д.»³

Ну, а те, «кому “скучна”, “неинтересна”, “непонятна” эта работа, кто морщит нос или... опьяняет себя декламацией об отсутствии “прежнего подъема”, “прежнего энтузиазма” и т.п., — того лучше “освободить от работы” и сдать в архив, чтобы он не мог принести вреда...»⁴

Необходимо так же «пересмотреть и переработать все законы о спекуляции», т.е. и уголовный, и гражданский кодексы. Только так, заключает Ленин, мы добьемся того, чтобы «направить неизбежное, в известной мере, и необходимое нам развитие капитализма в русло *государственного* капитализма»⁵.

28 октября 1921 года СТО создает «Комиссию для пересмотра, систематизации и развития законодательства по новой экономической политике». В состав комиссии вводятся: Д. Курский (председатель), Н. Осинский, П.А. Богданов, Ю. Ларин и О.Ю. Шмидт⁶.

Свою позицию Ленин сформулировал предельно ясно: тот, кто будет всячески поднимать производительные силы стра-

¹ См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 43. С. 244.

² См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 574.

³ См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 43. С. 236, 237, 245.

⁴ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 108, 109.

⁵ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 43. С. 237.

⁶ См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 53. С. 446.

ны, поощрять хозяйственную инициативу на местах, развивать не только крупную, но и мелкую промышленность, ремесла, использовать местное сырье, топливные, водные ресурсы для оживления промышленности и земледелия, тот «больше пользы принесет делу всероссийского социалистического строительства, чем тот, кто будет “думать” о чистоте коммунизма... Это может показаться парадоксом: частнохозяйственный капитализм в роли пособника социализму? Но это несколько не парадокс, а экономически совершенно неоспоримый факт». В той ситуации, в которой оказалась разоренная войной крестьянская Россия, политически руководимая пролетариатом, утверждал Ленин, есть «возможность оказать содействие социализму через частнохозяйственный капитализм (не говоря уже о государственном)...»¹

Обо всем этом — и о частнохозяйственном, и о госкапитализме Владимир Ильич упоминал в это время чуть ли не в каждом своем выступлении. Никто особо не возражал. Все голосовали «за».

Но как только дело доходило до конкретного соглашения об аренде или иностранной концессии, тут сразу возникали проблемы.

Вот, мол, «своих» выгнали, а теперь «эти» прут и даже по-русски не говорят. Тут как бы переплелись два фактора. С одной стороны, претила неумемная алчность капиталистов, стремившихся урвать куски пожирнее, а с другой — то, что Ленин называл «комчванством»: сами, мол, с усами, и без них справимся².

Осенью 1921 года российский капиталист, «бывший король кожевенной промышленности», эмигрант П.Б. Штейнберг предложил взять концессию по закупке и вывозу за границу кожсырья. Предложение сулило государству изрядные доходы, и 21 ноября ВСНХ представил в Совнарком проект «Договора о концессии на сбор и торговлю кожевенным сырьем».

Однако 23 ноября в «Известиях» появилась статья Б. Горского «О данайцах, дары приносящих», в которой автор сообщал, что по его расчетам, если концессия будет принята, то буржуй-эмигрант Штейнберг будет получать не менее 300 процентов прибыли и стерпеть подобное невозможно. О том, что сырье это бесхозно гнило по деревням ввиду огромного количества палых от голода лошадей и коров, естественно, не упоминалось.

¹ См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 43. С. 233.

² См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 47, 49.

Прочитав статью, Ленин написал в Экономическую комиссию Каменеву и в Центросоюз Хинчуку: «По-моему, договор все же, поторговавшись сто раз и проверив сто раз, *надо* заключить, ибо за ученье дураки *должны* платить высокую цену».

При этом необходимо постараться соблюсти два условия: 1) выторговать у концессионеров «особую долю от сверхприбыли, считая сверхприбыль 100 или 200%»; 2) обучать у этих концессионеров наших хозяйственников «приемам и организации торговли» до тех пор, пока «мы, дураки, научимся у умных людей»¹.

В общем, говоря о политике «гражданского мира», можно отметить, что ставка Ленина на «общее дело» полностью оправдала себя. Наиболее наглядно это проявлялось на различных съездах общественных и профессиональных организаций. Их характер зависел прежде всего от того, что доминировало в выступлениях собравшихся: желание участвовать в созидательных процессах, польза которых для страны никем не оспаривалась, или стремление использовать трибуну съезда для общеполитической дискуссии и заклеить «ненавистный режим».

Когда в декабре 1921 года в Москве собрался Всероссийский съезд земотделов, в котором участвовали и ученые-аграрники, и агрономы, и руководители местных земельных органов, то при всей жесткой критике в адрес Наркомзема в выступлениях участников преобладало главное: желание практически помочь голодающей деревне, забота о предстоящем севе и о подъеме сельского хозяйства России.

Еще более продуктивно прошел и уже упоминавшийся VIII Всероссийский электротехнический съезд в октябре 1921 года, на который собралось более 1300 ученых, инженеров, техников и рабочих из 102 городов России. В приветствии, направленном съезду, Ленин выразил надежду, что «при помощи всех электротехников России и ряда лучших, передовых ученых сил всего мира» неимоверно трудная задача электрификации страны будет решена².

И при всей пестроте политических симпатий собравшихся, съезд прошел в очень серьезной и деловой атмосфере. Помимо доклада Г.М. Кржижановского о работе комиссии ГОЭЛРО, были заслушаны доклады А.Ф. Иоффе о строении материи, М.В. Шулейкина о развитии радиотелефонии, Г.О. Графтио об

¹ См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 251.

² Там же. С. 135, 136.

электрификации транспорта, Л.К. Рамзина о топливном снабжении России и другие. А главное, рекомендации съезда действительно сыграли важную роль в окончательной доработке плана ГОЭЛРО.

9 октября один из участников съезда инженер-энергетик П.А. Козьмин написал Ленину: «Сегодня закончился электротехнический съезд, который знаменует **громкую победу Советской власти над умами** не только массового инженера, но и значительного (большого) количества тех лидеров, у которых *еще оставалось чувство саботажа*»¹.

Кстати, говоря в приветствии съезду о помощи «передовых ученых мира», Ленин не блефовал. Спустя несколько месяцев он получил из Америки письмо известнейшего ученого-электротехника Чарльза Штейнмеца, который выражал «свое восхищение удивительной работой по социальному и промышленному возрождению, которую Россия выполняет при таких тяжелых условиях... Если в технических вопросах и особенно в вопросах электростроительства, — писал Штейнмец, — я могу помочь России тем или иным способом, советом, предложением и указанием, я всегда буду очень рад сделать все, что в моих силах».

Передавая это письмо Б.В. Лосеву, направлявшемуся в Россию, Штейнмец добавил: «Мне кажется, результаты мировой войны таковы, что если б не установление советского строя в России, то жизнь вообще не имела бы никакой ценности... Пусть в России узнают, что я и многие другие сочувствуют их цели, что всем сердцем и разумом мы с ними»².

Укрепление союза с крестьянством, вовлечение в позитивную работу широких слоев интеллигенции, определение форм сотрудничества с новой буржуазией — все это сглаживало имевшиеся противоречия и создавало реальные предпосылки для **консолидации** многомиллионного населения России.

«Правильно понять свою задачу»

Существовала еще одна проблема, которая по мере углубления НЭПа все более выходила на первый план. Можно было сколько угодно говорить об укреплении Советского государства, электрификации, новых формах взаимоотношений с

¹ В.И. Ленин. Биографическая хроника. Т. 11. С. 457.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 532, 533.

крестьянством и интеллигенцией, об использовании государственного и частнохозяйственного капитализма, но становилось все более очевидным, что реализация любых намерений и планов во многом зависела от функционирования государственного аппарата.

На этот счет у Ленина никаких иллюзий не было. Государство вроде бы стало новым, а аппарат его во многом оставался старым. Над этой проблемой Владимир Ильич размышлял и прежде, но с началом НЭПа она приобрела особую остроту. Бревно бюрократизма и сопутствующие ему волокита, взяточничество легли поперек дороги и нередко сводили на нет и осуществление государственных инициатив, и самостоятельность низов, и предпринимательство вполне «советских нэпманов».

Отсюда и возникала постоянная необходимость прибегать к «ручному управлению» со стороны верхов власти, в том числе и самого Ленина. Достаточно посмотреть его переписку хотя бы за осень 1921 года, те десятки писем в самые различные учреждения — и об отправке семян для сева, и о ликвидации задержки зарплаты рабочим, и о поставке машин и механизмов для строящихся электростанций, и т.д. и т.п., чтобы убедиться в том, что подобное функционирование госаппарата выходило за рамки административных неурядиц и становилось проблемой политической.

3 сентября 1921 года, получив от профессора Г.О. Графтио письмо с жалобой на Главный комитет государственных сооружений и Электрострой, повинных в волоките по отношению к нуждам Волховской ГЭС, Ленин пишет наркому юстиции Д.И. Курскому: «Волокита эта особенно в московских и центральных учреждениях самая обычная. Но тем более внимания надо обратить на борьбу с ней.

Мое впечатление, что НКЮст относится к этому вопросу чисто формально, т.е. в корне неправильно». Необходимо: «1) поставить это дело на суд; 2) добиться ошельмования виновных и в прессе и строгим наказанием». И еще: «обязательно этой осенью и зимой 1921-22 гг. поставить на суд в Москве 4-6 дел о московской волоките, подобрав случая “поярче” и сделав из каждого суда *политическое* дело...»¹

Особенно строго, с передачей дел в Ревтрибунал, необходимо судить чиновников, не реагирующих на жалобы, поступающие от рабочих и крестьян, добиваясь того, чтобы «суд по

---

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 53. С. 164, 165, 230.

делу о волоките был наиболее торжественный, *воспитательный* и приговор достаточно внушительен»¹.

Были, конечно, среди старых чиновников и явные саботажники, которые, как говорил Ленин, «делают нам гадости», которые «думают, что спасают культуру, подготавливая большевиков к падению, которые знают канцелярское дело в 100 раз лучше, чем мы». И коммунисты должны не хныкать или рассказывать анекдоты о «совбурах», а бороться, воевать с ними «по всем правилам искусства»².

Дело осложнялось тем, что во главе многих повинных в бюрократизме и волоките учреждений и ведомств стояли не старые чиновники, а известные коммунисты, заслуженные герои Гражданской войны, коих никак нельзя было заподозрить в саботаже. Это были те, о которых Ленин в октябре 1921 года писал, что это «чиновники» с пышным советским титулом, ни черта не понимающие, не знающие дела, лишь подписывающие бумажки...»³ Как быть с ними?

Ответ на этот вопрос Ленин дал в связи с «делом о плугах Фаулера».

Разговоры о производстве автоплугов системы Фаулера начались еще летом 1920 года. Но «чрезвычайная тройка», созданная для этого в отделе металлов ВСНХ, целый год занималась перепиской с различными ведомствами и подготовкой доклада по данному вопросу.

В октябре 1921 года по предложению Ленина СТО принимает постановление о ликвидации «чрезвычайной тройки» и необходимости расследования Наркомюстом причин волокиты. Однако, спустя почти два месяца Владимир Ильич получает письма из ВСНХ (от Богданова) и из Наркомзема (от Осинского), в которых они, ссылаясь на «объективные» причины, и в особенности на прежние заслуги ответработников, причастных к этому делу, решительно возражали против привлечения их к ответственности⁴.

Ленин посчитал эти ответы достаточным поводом для того, чтобы преподать урок новой «кадровой политики». 23 декабря 1921 года он пишет председателю ВСНХ Петру Алексеевичу Богданову:

«Считаю решительно и принципиально неправильным все Ваши рассуждения насчет дела о плугах Фаулера... Надо не бо-

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 53. С. 286.

² См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 43. С. 237.

³ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 53. С. 301.

⁴ См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 183, 556.

яться суда (суд у нас пролетарский) и гласности, а тащить волокиту на суд гласности... Вы отрицаете его пользу? его *общественное* значение, в 1000 раз большее, чем келейно-партийно-цеккистски-идиотское притупление поганого дела о поганой волоките без гласности?

Вы архинеправы принципиально. Мы не умеем гласно судить за поганую волокиту: за это нас всех и Наркомюст сугубо надо вешать на вонючих веревках. И я еще не потерял надежды, что нас когда-нибудь за это *поделом* повесят.

Ежели Вы думаете, что в РСФСР не найдется *одного* умного обвинителя и трех умных судей, действительно умных (не тоropyг, не крикунов, не фразеров), то я Вас обвиняю еще в песимизме насчет Советской власти.

...Почему не возможен приговор типа *примерно* такого:

Придавая исключительное значение гласному суду по делам о волоките, выносим на этот раз мягчайший приговор ввиду исключительно редкой добросовестности обвиняемых, предупреждая при сем, что впредь будем карать за волокиту и *святеньких, но безрукых* болванов (суд, пожалуй, повежливее выразится), ибо нам, РСФСР, нужна не святость, а *умение* вести дело... Впредь будем сажать за это профсоюзовскую и коммунистическую сволочь (суд, пожалуй, помягче выразится) в тюрьму беспощадно»¹.

Московский военный трибунал предъявил по этому делу ряду работников ВСНХ и Наркомзема обвинение в неисполнении возложенных на них обязанностей. Но, учитывая заслуги этих товарищей, в противовес тому, о чем писал Ленин, постановил наказанию их не подвергать. И только решением СТО Президиуму ВСНХ и коллегии Наркомзема было поставлено на вид за недостаточно серьезное отношение к производству автоплутов². Так что до «вонючих веревок» дело не дошло.

Ленин понимал, что дело не только в плохих или хороших чиновниках, но и в той системе сверхцентрализации властных функций государства, которые сложились в годы Гражданской войны. В этой связи он писал, что особенно «зло бюрократизма, естественно, концентрируется в центре; Москва не может не быть в этом отношении худшим городом и вообще наихудшим “местом” в республике»³.

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 54. С. 86, 87, 88, 89.

² Там же. С. 585, 586.

³ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 43. С. 234.

Теперь, не ломая управленческих структур, необходимо было постепенно сужать круг вопросов, которые подлежали компетенции центра. И прежде всего отказаться от дурной привычки, снимая с себя ответственность, тащить всё и вся на утверждение самого Ленина, Совнаркома, Политбюро.

19 сентября 1921 года Владимир Ильич пишет в Наркомпрод Н.П. Брюханову: «Мне думается, что неправильно давать *все* подобные телеграммы на подпись мне. Надо — может быть, постепенно, но все же переходить и *перейти* к тому, чтобы научить людей (в том числе губисполкомы) слушаться и без моей подписи — нормально слушаться, а не только экстраординарно... Не исполняет — покарать сугубо и проверить кару»¹.

Но не только бюрократизм аппарата управления народным хозяйством удручал Ленина. НЭП выветил и другую проблему. В наследство от «военного коммунизма» досталось и дробление экономики страны по отраслям, определенная «автономия» которых препятствовала созданию единого хозяйственного комплекса. А без него осуществление «обгоняющего проекта» было неосуществимым.

28 ноября Ленин пишет Цюрупе: «У меня план созрел:

В дополнение к должности зампреда *СТО* Рыкова (с правом решающего голоса в СНК) учреждается на равных правах должность второго зампреда *СТО*. Назначается, с освобождением от НКпрода, Цюрупа.

Права этих замов: решающий голос в СНК и *СТО*; председательствование, при отсутствии председателя. *Все* права председателя СНК в отношении участия во всех коллегиях и учреждениях... *по вопросам объединения и направления работы экономических наркоматов*».

Одна из задач: *Лично* ознакомиться с особенностями и работой всех экономических наркомов и *всех членов* их коллегий и ряда (10-100) крупнейших работников местных и областных в этой области». Постараться «выработать высококвалифицированный тип инспекторов-инструкторов для проверки и *постановки* всей экономической работы, во всех экономических учреждениях и центра и мест».

Главная цель, которую преследует этот план, состоит в том, чтобы «объединить на деле, подтянуть и улучшить *экономическую работу в ЦЕЛОМ*, особенно в связи и через Госбанк (торговля) и Госплан...

---

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 53. С. 201.

На сколько времени сии должности, “будем посмотреть”: может быть на 3-4 года, может быть на 30 лет»¹.

Так случилось, что в эти же дни, над той же проблемой улучшения управления народным хозяйством, размышлял Сталин. 29 ноября он пишет Ленину: «Раньше чем поставить этот вопрос в ПБ я решил обратиться к Вам с вопросом: каково Ваше мнение на этот счет. И. Сталин.

Едва ли нужно доказывать, — пишет он, — что подготовка и подрабатывание вопросов хозяйственного характера (финансы, денежный, кооперативы всех видов, индустрия, аренда, концессии, торговля), идущих потом на разрешение Политбюро, протекает у нас в условиях более чем ненормальных.

Начать с того, что различные комиссии по хозяйственным вопросам (кооперативная при Оргбюро, каменевская по кооперативному банку, финансовая при СТО, денежная, тарифная и др.) не связаны между собой, действуют вразброд, с одной стороны, с другой — не всегда связаны прямо с Политбюро, т.е. не все эти комиссии имеют в своем составе того или иного члена Политбюро.

Далее, сам ЦК и верхушка его, Политбюро, построены так, что в их составе почти нет вовсе знатоков хозяйственного дела... Политбюро в целом иногда вынуждено решать вопросы на основании доверия или недоверия к той или иной комиссии, не входя в существо дела».

В этой связи Сталин предлагал: «1) свести все существующие хозяйственные комиссии к 4-м комиссиям (финансово-денежная, промышленная, торговая с потребкооперацией, сельскохозяйственная с соответствующими видами кооперации), определив их по партийной линии при Политбюро, а по советской при СТО;

2) расписать четырех членов Политбюро по этим комиссиям... Пятого члена Политбюро, тов. Ленина, не связывать обязательством участия в работах комиссий, предоставив ему возможность увязать работу всех четырех комиссий через четырех членов Политбюро или в ином порядке»².

Как видим, общее направление размышлений Ленина и Сталина в основном совпадало: необходимо увязать между собой все отрасли хозяйственной политики. Но если у Сталина таким центром «увязки» оставалось, как и прежде, Политбюро, то Ленин предлагал, как написал он Рыкову, — «развить

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 253, 254.

² РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 2. Ед. хр. 263.

новую работу» и решать данную задачу через советские органы управления — СТО и наркоматы, координируя их деятельность с помощью Госбанка (финансовая политика) и Госплана (научный центр)¹.

В системе центральных советских учреждений существовал наркомат Рабоче-крестьянской инспекции, который как раз и создавался для того, чтобы осуществлять надзор и помощь работе госаппарата. Но, по мнению Ленина, он явно не справлялся с поставленной задачей, ибо сконцентрировал усилия на сугубо репрессивных мерах.

27 сентября 1921 года, ознакомившись с докладом заведующего топливной секцией РКИ Лонина, Ленин решил использовать его как повод для обстоятельного разговора о задачах деятельности Рабкрина и направил письмо наркому РКИ И.В. Сталину.

«Задача Рабоче-крестьянской инспекции, — пишет Владимир Ильич, — не только и даже не столько “ловить”, “изобличать” (это задача суда, с которым Рабкрин соприкасается близко, но отнюдь не тождественен), — сколько уметь поправить.

Умелое исправление вовремя — вот главная задача Рабкрина... Ознакомление с предварительным наброском доклада... убеждает меня в том, что *основа* дела не поставлена в Рабкрине как следует. В этом наброске доклада нет *ни изучения* дела, *ни подхода к исправлению*».

Ленин обстоятельно анализирует саму методику проверки отчетности советских учреждений и предлагаемых РКИ мер. Констатация инспекторов: «отчетность плоха», «отчетности нет»... Но найти виноватого в виде начальника, — замечает Ленин, — лишь весьма малая доля работы.

Исполнил ли свою задачу и свой долг Рабкрин? *Правильно ли он понял свою задачу?* Вот в чем главный вопрос. И на этот вопрос приходится ответить отрицательно». А задача РКИ состоит в том, чтобы *систематично*, неуклонно вести упорную и неослабную войну за расширение области применения хорошего образца. В Рабкрине должна быть календарная таблица, показывающая *ход* этой войны, успехи и поражения наши в этой войне»².

Но разговора об «основах дела» не получилось. В тот же день, 27-го, Владимир Ильич получил от Сталина ответ: «Возможно, — пишет он, — что Ваши обвинения, направленные против автора “предварительного” доклада, преждевремен-

¹ См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 54. С. 51.

² См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 127, 128, 129.

ны... “Предварительный” доклад составлен для ориентировки, а перечень вопросов — для того, чтобы облегчить Вам *предварительную* проверку, или, как принято ныне выражаться — “заинтересовать” Вас вопросом...

Я думаю, что инспекция *в наших условиях*, кроме прочего, имеет еще одно назначение: быть барометром, показывающим бурю или хорошую погоду. Если инспекция в данном случае правильно предвещает бурю и, следовательно, дает предупреждение, хотя бы по одному вопросу, то это уже не мало для такого хилого организма, как инспекция», во всяком случае до тех пор, добавляет Сталин, — «пока не обеспечим ее руководящих работников материально».

Лишь в постскриптуме к письму он пообещал приложить к докладу «проект конкретных мер улучшения аппаратов топучреждений». Об «основах дела» не упоминалось ни слова¹.

Именно летом 1921 года Ленин решил провести эксперимент: попробовать привлечь к организации помощи в перестройке госучреждений рабочих. В июле он предложил создать при Наркомате Рабоче-крестьянской инспекции особую Комиссию содействия хозяйственным органам (Комсохоор). Было создано два мобильных отряда для проверки работы местных советских органов. Один под руководством старого партийца, бывшего самарского токаря А.А. Коростылева, второй возглавил старый чиновник, инспектор бывшего Азово-Донского банка Н.А. Реске.

Тогда же, в июле, Ленин предложил председателю Комсохоора Коростылеву направить оба отряда из провинции в Москву. 26 июля он пишет: «В Москве гораздо труднее работать, чем в провинции: больше бюрократизма, больше развращенных и избалованных “верхушечных” людей и т.д.

Но зато работа в Москве будет иметь громадное показательное и *политическое* значение... Постепенно, но обязательно привлекать *беспартийных* из числа заведомо честных и уважаемых в каждом районе *рабочих*. Не жалеть времени и труда на приискание их, на ознакомление с ними.

Их понемногу и осторожно *вводить* в работу, пробуя подыскать *вполне подходящее* для каждого, соответствующее его способностям, занятие.

Главное — приучить рабочих и население к комиссии в том смысле, чтобы они *увидели помощь* от нее; главное — *за-*

---

¹ См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 548; РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 5724. л. 1.

воевать доверие массы, беспартийных, рядовых рабочих, рядовых обывателей.

Именно Вам как председателю комиссии и как человеку центра, члену коллегии *нелюбимой* Рабоче-крестьянской *инспекции* это будет нелегко. Но в этом вся суть... Только опираясь на это, можно двигаться дальше»¹.

Проблемы адаптации к новым условиям НЭПа существовали не только у РКИ. Одним из главных институтов и, можно сказать, символом Гражданской войны, безусловно, являлась ВЧК — Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией, саботажем и преступлениями по должности. О ее заслугах перед революцией и Советской властью Ленин говорил много раз, да и написано было немало. Сотни заговоров, шпионских сетей, бандформирований, уголовников, совчиновников, совершивших «преступления по должности» были обезврежены во время этой войны именно благодаря ЧК.

Одним из принципов «красного террора» являлась гласность. Данные об арестах и расстрелах публиковались в центральной и местной советской прессе, а сводные цифры за 1918-1919 годы были приведены в «Известиях» 6 февраля 1920 года. Но принцип этот соблюдался не везде и не всегда.

Поэтому в фундаментальной монографии Олега Борисовича Мозохина «Право на репрессии» приводятся и исследуются погубернские отчеты органов ВЧК за 1918-1921 годы. За эти четыре года было расстреляно **около 30 тысяч человек**, причем большинство их составляли уголовники и бандиты.

Однако, поскольку цифры по ряду регионов все-таки отсутствуют, Мозохин пишет: «Вне всякого сомнения, эти данные неполные. По всей видимости, сюда не вошли жертвы Крымской трагедии и Кронштадтского мятежа. Со всеми оговорками и натяжками число жертв органов ВЧК можно оценивать в цифру никак не более 50 тысяч человек»².

Дело, однако, не только в этих цифрах. Когда внесудебные расправы и насилие становятся профессией, это неизбежно рождает свои острейшие политические и моральные проблемы. Как раз в 1921 году группа сотрудников — коммунистов Туркестанского ЧК написала в ЦК РКП(б): «...Как это ни пе-

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 53. С. 67, 68.

² Мозохин О.Б. Право на репрессии. Внесудебные полномочия органов государственной безопасности. Статистические сведения о деятельности ВЧК — ОГПУ — НКВД — МГБ СССР (1918-1953). М., 2011. С. 40.

чально, но мы должны сознаться, что коммунист, попадая в карательный орган, перестает быть человеком, а превращается в автомат, который приводится в действие механически. Даже механически мыслит, так как у него отнимают право не только свободно говорить, но свободно индивидуально мыслить».

В письме говорилось о том, что сотрудники ЧК «стоят вне политической жизни республики, в них развиваются дурные наклонности, как высокомерие, честолюбие, жестокость, черствый эгоизм и т.д. И они постепенно, для себя незаметно, откальваются от нашей партийной семьи, образуя свою особенную касту... Партийные организации смотрят на них, как на прежнюю охранку — с боязнью и презрением... Являясь бронированным кулаком партии, этот же кулак бьет по голове партии»¹.

Публикаторы этого документа В.А. Козлов и Г.А. Бордюгов справедливо заметили: «Разве не ясно, что чекисты, написавшие такое горькое письмо, не стали ни “жандармами”, ни “автоматами”? Нельзя не видеть их драму, нельзя не видеть вновь, как сила вещей ведет к результатам, которые не приходили никому в голову».

Ну а приходило ли это в голову Владимиру Ильичу Ленину?

Еще в 1919 году, в уже упоминавшейся беседе с американским писателем Линкольном Стеффенсом, когда тот сказал, что «европейскую общественность» волнует проблема террора в России, Ленин ответил: «Уж не хотите ли Вы сказать, что те господа, которые только что убили и изувечили 17 миллионов людей в бессмысленной бойне, всерьез озабочены несколькими тысячами убитых в дни революции с ее сознательной целью: навсегда покончить с войнами... Но это, разумеется, вовсе не означает, что надо отрицать террор или преуменьшать то зло, которое он неизбежно приносит революции».

Напомнив собеседнику, что «есть ведь и белый террор», напомнив о тех зверствах, которые чинились при подавлении революции в Финляндии и Венгрии, Ленин сказал: «В революции, как и на войне... террор есть и он будет!.. И все это далеко не бессмысленно...»

Да, заключал Ленин, — террор «наносит вред революции, вредит ей извне и изнутри. Мы обязаны думать, как уменьшить или, по крайней мере, контролировать и направлять его. Но мы для этого должны знать психологию масс лучше, чем знаем ее теперь. Без этого нельзя обуздать стихию»².

---

¹ Бордюгов Г.А., Козлов В.А. История и конъюнктура. М., 1992. С. 249, 250.

² Яковлев Б.В. Страницы автобиографии. С. 702.

Конечно, «контролировать» удавалось не всегда. В начале 1918 года в Екатеринбурге был арестован двоюродный брат Ленина Виктор Алексеевич Ардашев. Получив сообщение об этом от родственников, Владимир Ильич тут же посылает запрос тогдашнему комиссару юстиции Урала Филиппу Голощекину. Запрос был получен, но ответ задержался. Когда же он пришел, в нем значилось: Ардашев В.А. «убит при попытке к бегству»¹.

Об истории расстрела царской семьи в июле 1918 года упоминалось выше, а в ноябре того же 18-го года председатель ЧК и военного трибунала 5-й армии Мартын Лацис выступил в Казани со статьей, в которой, указывая на зверства, чинимые контрреволюционными заговорщиками в тылу Восточного фронта, требовал поголовных репрессий против всех представителей буржуазии и буржуазной интеллигенции, независимо от того, «восстал он против Советов оружием или словом», а посему — «не ищите в деле обвинительных улик».

Эта статья вызвала резкую отповедь со стороны Ленина. Одно дело, написал он, когда «чрезвычайки внимательно следят за представителями классов, слоев или групп, тяготеющих к белогвардейщине», и совсем другое дело — «договариваться до таких нелепостей, которую написал в своем казанском журнале “Красный террор” товарищ Лацис...»²

Но и это указание Ленина некоторые чекисты стали трактовать по-своему. Был подготовлен проект инструкции, определяющей — кого же именно следует считать подозрительными: «Социальное происхождение — дворянское или буржуазное; образование — университетское...» Член коллегии Наркомюста Мечислав Юльевич Козловский «взял эту бумажку и постучал в дверь кабинета Ленина: “Скажите, Владимир Ильич, мне кажется, это немного касается и нас с вами?” — “Опасные дураки!” — заявил Ленин»³.

Но, возможно, эти реплики и замечания не были уж столь обязующими и не имели практического значения, ибо носили кулуарный характер, а не становились достоянием широкой гласности?

Откроем газету «Известия» за 26 октября 1918 года. В ней публикуется постановление Президиума ВЦИК от 25 октября «По поводу статьи “Почему вы миндаляничаете?”, помещен-

¹ См.: Исторический архив. 2001, № 2. С. 31.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 37. С. 410, 411.

³ Серж Виктор. От революции к тоталитаризму: воспоминания революционера. С. 222.

ной в «Еженедельнике Чрезвычайных Комиссий». Предыстория постановления такова.

Редакция этого еженедельника получила из Нолинского уезда Вятской губернии письмо, озаглавленное «Почему вы миндальничаете?», в котором три местных «робеспьера» протестовали против освобождения и высылки за границу резидента английской разведки Роберта Локкарта.

Авторы письма высказывались, в частности, за то, чтобы по отношению к таким вдохновителям контрреволюционного подполья и организаторам кровавых мятежей и диверсий при допросах применялись любые, самые крайние и жестокие «меры воздействия, вплоть до пыток», ибо за каждым сокрытым ими фактом могут стоять жизни многих и многих людей.

Редакция «Еженедельника Чрезвычайных Комиссий», сопроводив это письмо заявлением о том, что «пролетариат слишком силен и не нуждается в жестокости и мстительности по отношению к своим классовым врагам», сочла все-таки возможным опубликовать его в № 3.

Это письмо, лишь частично процитированное Александром Солженицыным в «Архипелаге Гулаг», многократно приводилось в современной исторической журналистике для доказательства того, что-де методы репрессий 1937 года якобы уходят своими корнями к самим истокам революции. И никто не упоминает о том, какую же реакцию вызвало предложение уездных «робеспьеров» тогда — у «истоков».

А реакция была быстрой и жесткой. На заседании ЦК РКП(б) 25 октября 1918, проходившем под председательством Ленина, принимается решение: «Осудить нолинцев за их статью и редакцию за ее напечатание. «Вестник ЧК» должен прекратить свое существование. Назначить политическую ревизию ВЧК комиссией от ЦК в составе Каменева, Сталина и Курского»¹.

Постановление ВЦИК от 25 октября было более пространным: «Прибегая по необходимости к самым решительным мерам борьбы с контрреволюционным движением, помня, что борьба с контрреволюцией приняла формы открытой вооруженной борьбы,.. Советская власть отвергает в основе как недостойные, вредные и противоречащие интересам борьбы за коммунизм меры, отстаиваемые в указанной статье»².

Сравните это постановление с текстом шифротелеграммы И.В. Сталина, опубликованным в исследовании О.Б. Мозо-

¹ В.И. Ленин и ВЧК. Сборник документов (1917-1922). С. 112, 113.

² Декреты Советской власти. Т. III. С. 450, 451.

хина: «ЦК ВКП(б) разъясняет, что применение физического воздействия в практике НКВД было допущено с 1937 г. с разрешения ЦК ВКП(б)... ЦК ВКП(б) считает, что метод физического воздействия должен обязательно применяться и впредь, в виде исключения, в отношении явных и неразоружившихся врагов народа как совершенно правильный и целесообразный метод»¹.

Разница между постановлениями 1918-го и 1937 года вряд ли требует пояснений.

В напряженный момент Гражданской войны, в официальной инструкции для работников ВЧК **о порядке производства обысков и арестов**, Дзержинский написал:

«Вторжение вооруженных людей на частную квартиру и лишение свободы повинных людей есть зло, к которому и в настоящее время необходимо еще прибегать, чтобы восторжествовало добро и правда.

Но всегда нужно помнить, что это зло, что наша задача, — пользуясь злом, искоренить необходимость прибегать к этому средству в будущем.

А потому — пусть все те, кому поручено произвести обыск, лишить человека свободы и держать его в тюрьме, относятся бережно к людям, арестуемым и обыскиваемым, пусть будут с ними гораздо вежливее, чем даже с близким человеком, помня, что лишенный свободы не может защищаться и что он в нашей власти»².

Всякий раз, когда напряжение на фронтах Гражданской войны хоть как-то ослабевало, ЦК РКП(б) стремился ограничить право ВЧК на применение внесудебных полномочий. В частности, 4 февраля 1919 года ЦК постановил, что право вынесения приговоров передается из ЧК в ревтрибуналы. 24 апреля ВЦИК утвердил это решение. Однако вскоре, в связи с наступлением Колчака, права ВЧК пришлось восстановить и Пленум ЦК 11 июня 1919 года признал возможным в местностях, объявленных на военном положении, расстреливать без суда шпионов, предателей, бандитов, уголовников, продавцов наркотиков и т.д.³

Наконец, 13 января 1920 года Пленум ЦК РКП(б) принял предложение Дзержинского: опубликовать в прессе сообщение о том, что с 1 февраля ВЧК прекращает применение выс-

¹ Мозохин О.Б. Право на репрессии. С. 213.

² Из истории Всероссийской Чрезвычайной комиссии. 1917-1921 гг. Сборник документов. М., 1958. С 103-104.

³ См.: Мозохин О.Б. Право на репрессии. С. 27, 28.

шей меры наказания. Комиссия в составе Дзержинского, Каменева и Троцкого разработала проект постановления, и 17 января ВЦИК и СНК ввели мораторий на расстрелы в отношении врагов Советской власти. Однако и на сей раз начавшаяся война с буржуазной Польшей привела к отмене этого решения¹.

Но все эти документы характеризовали «большую политику» Советской власти. А рядом с ней существовала могучая сила инерции и сложившаяся практика законоприменения. Виктор Серж, французский коммунист, работавший в Петрограде в аппарате Коминтерна, пишет, что когда стало известно о готовящемся решении ВЦИК и СНК о моратории, питерские и московские чекисты, дабы успеть до публикации декрета, стали «пускать в расход» тех, кого они считали наиболее опасными контрреволюционерами.

А когда Виктор Серж спросил одного из участников этой «акции» — почему они так поступили, тот ответил: «Мы думали, — сказал он, — что если народные комиссары начинают проявлять гуманизм, это их дело. Наше дело — навсегда разбить контрреволюцию, и пусть нас потом расстреляют, если захотят!» Это была отвратительная трагедия профессионального психоза».

Серж полагал, что этот «психоз» происходил по многим причинам — «из комплекса неполноценности еще недавно порабощенных, униженных; из самодержавных традиций, невольно проявлявшихся на каждом шагу; из подсознательной озлобленности бывших каторжников и тех, кто избежал виселиц и тюрем; из атрофии нормальных человеческих чувств, вызванной мировой и гражданской войнами; из страха и решимости бороться до конца».

Но главное — «эти настроения были усилены жестокостями белого террора. В Перми адмирал Колчак уничтожил четыре тысячи рабочих... В Финляндии от рук реакции погибло от 15 до 17 тысяч красных... В Будапеште Отто Корвин был повешен вместе со своими товарищами на глазах возбужденной толпы буржуа». И все-таки, заключает Виктор Серж, — «для меня, как и для многих, было очевидным, что упразднение ЧК, восстановление обычных судов и права на защиту отныне становилось условием внутреннего спасения революции»².

---

¹ См.: Мозохин О.Б. Право на репрессии. С. 34, 35.

² Серж Виктор. От революции к тоталитаризму: воспоминания революционера. С. 124, 125.

В том же 1920 году в Питере был арестован бывший генерал, ученый-химик А.В. Сапожников. Сам он «политикой» не занимался — разрабатывал новое антисептическое средство (гомоэмульсию), но два сына его были активными белогвардейцами. И вот при обыске его квартиры было найдено спрятанное оружие.

По тем временам незаконное укрывательство оружия грозило смертью. Суд, однако, приговорил Сапожникова к заключению «до окончания гражданской войны».

Горький, знавший Сапожникова, рассказал эту историю Ленину. «Гм-гм, — сказал Ленин, внимательно выслушав мой рассказ. — Так, по-вашему, он не знал, что сыновья спрятали оружие в его лаборатории? Тут есть какая-то романтика. Но — надо, чтоб это разобрал Дзержинский, у него тонкое чутье на правду.

Через несколько дней он говорил мне по телефону в Петроград:

— А генерала вашего — выпустим — кажется, уже и выпустили. Он что хочет делать?

— Гомоэмульсию...

— Да, да — карболку какую-то! Ну вот, пусть варит карболку. Вы скажите мне, чего ему надо...

И для того, чтобы скрыть стыдливую радость спасения человека, Ленин прикрывал радость иронией¹.

В июне 1921 года в Питере вновь начались аресты в связи с раскрытием ЧК так называемого «Союза возрождения России». Упомянутый выше Виктор Серж был хорошо знаком не только с чекистами, но и с теми, кто участвовал в этом «Союзе». По его мнению, «во время кронштадтских событий университетские преподаватели должны были счесть конец режима неизбежным и, видимо, подумывали об участии в его уничтожении. Дальше этого “заговорщики”, скорее всего, не пошли»².

После проведения обысков у арестованных, те, у кого не обнаружили компромата, были сразу же освобождены. Но в связи с этой группой проявилась и другая, названная чекистами «Петроградской боевой организацией», в которую, среди прочих, входили и офицеры, за которыми ЧК вело наблюдение еще во времена заговоров 1919 года. В их числе был поэт Н.С. Гумилев, профессор В.Н. Таганцев, сотрудник Госплана

---

¹ В.И. Ленин и А.М. Горький. Письма. Воспоминания. Документы. Изд. 3-е. М., 1989. С. 169, 171, 323.

² *Серж Виктор*. От революции к тоталитаризму: воспоминания революционера. С. 182.

М.К. Названов и другие. Эту группу выделили в особое производство как «дело Таганцева»¹.

Об этих арестах Ленин узнал от зампреда Госплана, профессора Петра Семеновича Осадчего, который постоянно попадал в поле зрения ЧК в связи с деятельностью его брата Павла Осадчего. 1 июня Владимир Ильич пишет зампреду ВЧК Уншлихту: «Вопреки моему точному предупреждению... произведен обыск в Петрограде у зампредгосплана Петра Семеновича Осадчего. Требую немедленного расследования, указания мне виновного в обыске точно и поименно и привлечения его к ответственности»².

2 июня на списке арестованной профессуры он подчеркивает фамилии профессора Электротехнического института П.А. Щуркевича и профессора Политехнического института Б.Е. Воробьева, которые и до этого, как бывшие члены кадетской партии неоднократно арестовывались ЧК. Уншлихту Ленин пишет: «Двое подчеркнутых — лично известны Осадчему — “такие же, как я”. Нельзя ли хоть домашний арест? Нельзя ли иные меры пресечения... Они не бегают ведь».

И относительно самих арестов: местным органам ЧК, отмечает Владимир Ильич, выдаются «мандаты не на персональные аресты, а на аресты “по усмотрению”», без учета политической зрелости сотрудников. Эту практику, — пишет Ленин, — необходимо менять, и ВЧК надо в подобных случаях выдавать лишь «персональные мандаты»³.

В конечном счете, помимо Щуркевича и Воробьева, все указанные в списке арестованные профессора (Л.В. Щерба, В.С. Мартынов, А.К. Мордвилко, В.Н. Тихонова, В.П. Осипов) были освобождены и в последующие годы (за исключением Н.Н. Мартиновича, эмигрировавшего в Финляндию) успешно работали в академических и высших учебных учреждениях Петрограда.

Тогда же, в июне 1921 года, Ленин получает письмо от академика Николая Степановича Таганцева. Имя это было Владимиру Ильичу знакомо. В свое время, после ареста Александра Ульянова в 1887 году, Мария Александровна Ульянова, по протекции их домашнего доктора Александра Алексеевича Кадьяна, обращалась к нему, как сенатору, с просьбой помочь ей добиться свидания с сыном. И сенатор действительно хлопотал об этом в судебной палате⁴. Теперь Николай Степанович про-

¹ См.: В.И. Ленин и ВЧК. С. 491.

² В.И. Ленин и ВЧК. С. 464.

³ Там же. С. 465, 466.

⁴ См.: Таганцев Н.С. Пережитое. Вып. 2. Пг. 1919. С. 32.

сил о смягчении участи своего сына — профессора-географа Владимира Николаевича Таганцева, арестованного ЧК, и о возврате вещей, конфискованных при аресте.

Ленин в тот же день — 17 июня, посылает это письмо Калинин, Курскому и Дзержинскому: «Очень просил бы рассмотреть возможно скорее настоящее заявление в обеих его частях (смягчение участи и увоз из квартиры Таганцева вещей, принадлежащих ему лично) и не отказать в сообщении мне хотя бы самого краткого отзыва»¹.

Уже на следующий день, 18 июня, конфискованные вещи вернули. А вот относительно судьбы В.Н. Таганцева лишь 5 июля Д.И. Курский сообщил, что просьба о смягчении его участи не может быть удовлетворена и Таганцев должен понести «суровое наказание в связи с его активной ролью в контрреволюционной организации»².

Видимо, не удовлетворившись этим ответом, Владимир Ильич попросил дать ему более подробную информацию. Поэтому, когда супруга упоминавшегося выше доктора А.А. Кадьяна — А.Ю. Кадьян (в девичестве баронесса Анна Нольде) обратилась к Ленину с той же просьбой о смягчении участи В.Н. Таганцева, приходившегося ей племянником, Ленин ответил: «Таганцев так серьезно обвиняется и с такими уликами, что освободить сейчас невозможно; я наводил справки о нем не раз уже»³.

Ситуация действительно осложнялась тем, что ни Таганцев, ни его товарищи нисколько не скрывали от следствия ни своих антисоветских убеждений и намерений, ни своих связей с иностранной разведкой. Того же Николая Гумилева арестовали не как поэта, а как кадрового офицера.

В августе 1914 года он ушел в армию добровольцем. Служил в разведке. Прошел путь от ефрейтора до прапорщика. За храбрость был награжден тремя георгиевскими крестами. В июне 1917-го добился перевода на Западный фронт. С июля служил в Париже адъютантом комиссара Временного правительства во Франции. Затем был переведен в Русский экспедиционный корпус на Западном фронте, пока солдаты не подняли мятеж, требуя возвращения на родину. С января 1918-го служил в шифровальном отделе Русского правительственного комитета в эмиграции, но в апреле через Англию уехал в Россию.

---

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 52. С. 278, 279.

² См.: В.И. Ленин и ВЧК. С. 471, 472.

³ Там же. С. 451.

В Петрограде вокруг него стали кучковаться другие офицеры. В 1919 году, во время массовых арестов, Гумилев избегал ВЧК, но по-прежнему своего отношения к Советской власти не скрывал. Виктор Серж — дальний родственник народовольца Кибальчича, работавший в Петрограде в аппарате Коминтерна и знавший Гумилева еще по Парижу, писал: «Я традиционалист, монархист, империалист, панславист, — говорил Гумилев. — Моя сущность истинно русская, сформированная православным христианством. Ваша сущность тоже истинно русская, но совершенно противоположная: спонтанная анархия, элементарная распущенность, беспорядочные убеждения... Я люблю все русское, даже то, с чем должен бороться, что представляете собой вы...»

...Он был честен и храбр, бесконечно влюблен в приключения и борьбу, — пишет В. Серж. — Иногда он читал волшебные стихи. Худощавый, своеобразно некрасивый — слишком удлиненное лицо, крупные губы и нос, конический лоб, странные глаза, сине-зеленые, чересчур большие, как у восточного идола; и действительно, он любил ассирийские иератические фигуры, сходство с которыми в нем находили. Это был один из величайших русских поэтов нашего поколения, уже ставший знаменитым».

После ареста Гумилева в 1921 году Виктор Серж ходил хлопотать за него в ЧК и Петросовет. «Товарищи из исполкома совета встревожили меня заверениями, что с Гумилевым в тюрьме очень хорошо обращаются, что он проводит ночи в чтении чекистам своих стихов, полных благородной энергии — но он признал, что составлял некоторые документы контрреволюционной группы. Гумилев не скрывал своих взглядов»¹.

Современный исследователь профессор Б.А. Старков, тщательно изучив все материалы этого дела, пришел к выводу: «В любом случае репрессирован он был на законных [для того времени — *ВЛ*] основаниях...»²

Обстоятельный анализ современной литературы и источников по данному делу был проведен профессором В.С. Измо- зиком в 2007 году. Он справедливо отметил, что реабилитация В.Н. Таганцева в 1992 году закрепила мнение, согласно которому дело Петроградской боевой организации — это «первое крупное политическое дело, от начала и до конца сфабрикованное Петрогубчека, и первое крупное политическое дело,

---

¹ *Серж Виктор*. От революции к тоталитаризму: воспоминания революцио- нера. С. 182.

² Исторические чтения на Лубянке. 1997-2007. М., 2008. С. 20.

инспирированное фактически по прямому “заказу” властных структур тех лет...»

Однако и в 90-е годы более последовательные и откровенные противники Советской власти придерживались иной точки зрения. Они полагали, что само название — «Петроградская боевая организация» возникло в ходе следствия. Но «в массе арестованных по “делу ПБО” можно выявить несколько структурно организованных групп (вокруг Н.С. Гумилева, вокруг Ю.П. Германа), имевших зарубежные контакты и внешнее финансирование». Поэтому отрицание существования организации и ее деятельности «может восприниматься как оскорбление памяти людей, участвовавших в движении сопротивления тоталитарному режиму»¹.

Поскольку любые ссылки на документы ВЧК наша историческая журналистика заведомо отвергает, В.С. Измозик приводит документы белой эмиграции. В частности, он цитирует доклад агента Бориса Савинкова в Финляндии полковника Г.Э. Эльвенгрена: «Организация эта объединяла в себе (или, вернее, координировала) действия многочисленных (мне известно девять), совершенно отдельных самостоятельных групп (организаций), которые, каждая сама по себе, готовились к перевороту».

Приводится также письмо бывшего ректора Петербургского университета, члена Государственного совета и члена ЦК кадетской партии Д.Д. Гримма от 4 октября 1921 года генералу П.Н. Врангелю: «Был арестован и Таганцев, игравший в последние годы видную роль в уцелевших в Петрограде активистских организациях... Некоторые из участников заговора дали весьма полные показания и раскрыли многие подробности... В списке расстрелянных значится целый ряд лиц, несомненно, принадлежавших к существовавшим в Петрограде активистским организациям»².

Обращались к Ленину с письмами и по поводу других арестованных по данному делу. 27 июля Владимир Ильич направляет в ВЧК запрос относительно возможности освобождения бывшего министра юстиции Временного правительства, работавшего в 1921 году в Наркомате финансов, С.С. Манухина. Ему было уже 65 лет, он болел, и в ноябре его удалось подвести под амнистию и освободить «в виду крайне болезненного состояния».

---

¹ Исторические чтения на Лубянке. С. 143.

² Там же. С. 145.

Под ту же амнистию удалось подвести и профессора Военно-медицинской академии Сергея Петровича Федорова. А инженера Бориса Владимировича Цванцигера, работавшего в ВСНХ, освободили под подписку о невыезде¹. Однако, когда речь заходила о Таганцеве, Гумилеве, Названове, Петроградская ЧК оставалась непреклонной.

В связи с одним из подобных запросов председатель Петрогубчека Глеб Иванович Бокий пожаловался Уншлихту на то, что все эти «хлопоты» и «ходатайства» Ленина лишь мешают следствию. 9 августа 1921 года Ленин ему ответил: «Вы говорите: “за него хлопочут” *вплоть* до Ленина и просите “разрешить Вам не обращать никакого внимания на всякие ходатайства и давления...”

Не могу разрешить этого.

Запрос, посланный мною, *не* есть ни “хлопоты”, ни “давление”, ни “ходатайство”.

Я обязан запросить, раз мне указывают на *сомнение* в правильности.

Вы обязаны мне *по существу* ответить: “доводы или улики серьезные, *такие-то*, я *против* освобождения, против смягчения” и т.д. и т.п.

Так именно по существу Вы мне и должны ответить.

Ходатайства и “хлопоты” можете *отклонить*; “давление” есть **незаконное** действие. Но, повторяю, Ваше смешение *запроса* от Председателя СНК с ходатайством, хлопотами или давлением *ошибочно*².

И все-таки есть основания полагать, что подобного рода «вмешательство» Ленина лишь ускорило суд над обвиняемыми.

24 августа 1921 года и Таганцев, и Гумилев, и другие — всего 61 человек были осуждены и расстреляны. Виктор Серж, с чужих слов, пишет: «Гумилев погиб на рассвете, на опушке леса, надвинув на глаза шляпу, не вынимая изо рта папиросы, спокойный, как обещал в своей поэме из эфиопского цикла: “И без страха предстану перед Господом Богом!” По крайней мере, так мне рассказывали»³.

Та же участь ждала и М.К. Названова, но запрос Ленина задержал расстрел. 19 августа Владимир Ильич написал Уншлихту: «Прошу Вас поручить кому следует представить мне:

1) точные справки, *каковы* улики и

2) копию *допроса* или допросов по делу *Названова* (в Петрограде)... Поставьте кому следует *на вид*, чтобы не опаздывали впредь»⁴.

¹ См.: Ленин и ВЧК. С. 491, 520, 527.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 53. С. 108, 109.

³ Серж Виктор. От революции к тоталитаризму. С. 182.

⁴ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 53. С. 130, 131.

С Михаилом Названовым Ленин был знаком еще в начале 90-х годов, когда тот, будучи студентом Технологического института, входил в марксистский кружок Германа Красина¹. Позднее Названов стал солидным инженером в сахарной промышленности и накануне ареста работал в ВСНХ и Госплане.

Владимир Ильич запрашивает Кржижановского, и тот 18 сентября присылает положительную характеристику Названова. Затем Ленин встречается с председателем ЦК профсоюза сахарной промышленности П.М. Юхновским и членом ЦК союза К.С. Тараненко, которые также положительно отзываются о Названове как специалисте².

А 10 октября Ленин обращается с письмом в Политбюро: «Я условился с т. Уншлихтом о задержании исполнения приговора над Названовым и переносу вопрос в Политбюро.

О Названове я имел летом 1921 письмо от Красина (еще до ареста Названова). Красин просил привлечь к работе этого, очень-де ценного инженера.

Кржижановский рассказывал мне, что он, зная Названова, не раз резко спорил с ним после 25.X.1917 и чуть не выгонял из квартиры за антисоветские взгляды. Весной же или летом 1921 заметил-де у него перелом и взял на работу при *Госплане*.

Затем у меня были двое товарищей из ЦК рабочих сахарной промышленности и на мой вопрос дали положительный отзыв о Названове, подтвердив этот отзыв и письменно. На основании изложенного я вношу вопрос в Политбюро... Со своей стороны предлагаю: отменить приговор Петрогубчека и применить приговор, предложенный Аграновым (есть в деле здесь), т.е. 2 года с допущением *условного* освобождения»³. И 10 октября Политбюро одобрило это решение.

Однако и после этого Ленину пришлось напоминать о данном постановлении. 17 декабря он пишет Уншлихту: «Прошу сообщить, по какой причине так задержано исполнение постановления Политбюро». И в тот же день Названова освобождают из-под стражи⁴.

Эти и подобные эпизоды все более укрепляли мнение Ленина о том, что ВЧК в прежнем ее формате не вполне вписывается в новые условия, созданные НЭПом. Еще 14 октября на заседании Политбюро, проходившем под председательством Ленина, был рассмотрен вопрос о «деле Таганцева» и за-

¹ См.: *Логинов В.Т.* Владимир Ленин. Выбор пути. Биография. С. 162, 214.

² См.: В.И. Ленин. Биографическая хроника. Т. 2. М., 1980. С. 418.

³ *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 53. С. 254, 255.

⁴ В.И. Ленин и ВЧК. С. 542.

слушан доклад Уншлихта «о неудовлетворительности данного состава Петрогубчека»¹.

Принимается решение о смене руководства Петрогубчека, а в Питер направляется комиссия в составе Каменева, Орджоникидзе и Залуцкого. Посылая это решение секретарю Петроградского губкома РКП(б) Николаю Угланову, Ленин пишет: «Петрогубчека негодна, не на высоте задачи, не умна. Надо найти лучших»².

3 и 8 ноября Политбюро вновь обсуждает этот вопрос. Председателем Петроградского ЧК назначают Станислава Адамовича Мессинга, возглавлявшего до этого Московскую ЧК, а во главе МЧК ставится зампред ВЧК И.С. Уншлихт³.

Претензий к ВЧК — и в особенности на ее недостаточную борьбу с экономической преступностью — поступало в это время к Ленину достаточно много⁴. И когда Чичерин пожаловался на то, что в черноморских портах «политически невоспитанные агенты ЧК, облеченные безграничной властью, не считаются ни с какими правилами» и своими обысками, поборами, оскорблениями и арестами «ссорят нас по очереди со всеми державами, представители которых попадают в район их действий», Ленин 24 октября ответил очень жестко: подобного рода «паршивых чекистов» надо арестовывать, доставлять в Москву и «подвести под расстрел чекистскую сволочь»⁵.

А 15 ноября на заседании Совнаркома, также проходившем под председательством Ленина, слушается доклад наркома юстиции Д.И. Курского о существующих нормах надзора за следственным аппаратом. Повод, казалось бы, был сугубо частный. 16 сентября Малый СНК рассматривал дело Межведомственной комиссии по ликвидации иностранного имущества, которое вела ВЧК, и решил, что чекист И.М. Васильев вел расследование пристрастно, а посему от этого дела должен быть отстранен. Однако представитель ВЧК заявил, что подобные решения не входят в компетенцию МСНК.

Когда этот конфликт дошел до Владимира Ильича, он прежде всего запросил представителя Наркомюста в президиуме ВЧК Л.А. Саврасова о том, опротестовывал ли он когда-либо действия ВЧК? Получив отрицательный ответ, Ленин и поручил Курскому представить Совнаркому доклад о возможных

¹ См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 53. С. 434.

² Там же. С. 272.

³ См.: В.И. Ленин и ВЧК. С. 516, 519, 521.

⁴ Там же. С. 484, 525, 530, 531 и др.

⁵ См.: В.И. Ленин. Неизвестные документы. С. 476, 477, 478.

изменениях и дополнениях в существующие нормы надзора за следственным аппаратом судов и ВЧК.

Заседание Совнаркома 15 ноября, как пишет его участник Г.М. Леплевский, проходило «с большой страстностью. Весьма активное участие в обсуждении вопроса принимал Дзержинский. Дзержинский попросил у Владимира Ильича разрешения выйти из зала заседаний во время голосования по той причине, что он хотел дать возможность голосовать двум своим замам (Фомину — по Наркомпути и мне — по Наркомвнутделу).

Владимир Ильич заявил, что нарком может и, присутствуя в зале заседания, не участвовать в голосовании и, естественно, в этом случае голосует его заместитель... 7 членов Совнаркома голосовало за отмену решения Малого Совнаркома об отстранении следователя Васильева, 6 членов голосовало за утверждение решения МСНК».

Но главное — комиссии в составе Дзержинского, Каменева и Курского поручили разработать положение о ВЧК в связи с переходом к НЭПу и порядок надзора Наркомюста над следственным аппаратом ВЧК¹.

В комиссии между Дзержинским и Каменевым возникают разногласия по вопросу о компетенции ВЧК. Коллегия ВЧК возражала против «передачи в различные органы розыска и следствия» и против отделения дел политических от дел «по крупным хищениям народного достояния». В связи с этим Каменев написал Ленину: «Это максимум, на который пошел Дзержинский и которым *конечно удовлетворился* Курский.

Я отстаиваю максимум: 1. Разгрузить ЧК, оставив за ним политические преступления, шпионаж, бандитизм, охрану дорог и складов. Не больше. Остальное — НКюсту. 2. Следственный аппарат ЧК влить в НКюст, передав его ревтрибуналам».

Владимир Ильич ответил Каменеву: «Я ближе к Вам, чем к Дзержинскому. Советую Вам не уступать и внести в Политбюро. Тогда отстоим максимум из максимумов. На НКЮ возложим еще *ответственность за недонесение* Политбюро (или Совнаркому) дефектов и неправильностей ВЧК»².

24 ноября Ленин подписывает постановление СНК о суровом наказании за ложные доносы. А 1 декабря Политбюро принимает резолюцию, предложенную Владимиром Ильичем: «а) сузить компетенцию ВЧК, б) сузить право ареста, в) назна-

¹ См.: В.И. Ленин и ВЧК. С. 529, 536; Воспоминания о В.И. Ленине. Изд. 2-е. Т. 4. М., 1979. С. 144, 145.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 54. С. 39, 569.

чить месячный срок для общего проведения дела, г) суды усилить, д) обсудить вопрос об изменении названия, е) подготовить и провести через ВЦИК общее положение об изменении в смысле серьезных умягчений»¹.

«Нет худа без добра»

Возможность еще раз пристально взглядеться и теоретически осмыслить новую реальность сам Ленин отчасти объяснял тем, что именно летом 1921 года ему пришлось взять определенную «дистанцию» по отношению к каждодневной текучке и посмотреть на происходящее как бы со стороны — «Нет худа без добра: я засиделся и 5 года (1921-1922) смотрел “со стороны”», — написал он в марте 1922 года².

Это отнюдь не означало, что он отгородился от текущих дел. Ежедневные заседания и совещания, регулярные выступления на различных съездах и собраниях, беседы с коллегами и самыми разнообразными посетителями, бесчисленные разговоры по телефону и масса других больших и малых, как выражался Ленин, — «дел и делишек», которые называли тогда в Совнаркоме «вермишелью», были способны вывести из строя кого угодно.

И уже летом 1921 года Владимир Ильич ощутил первые признаки того, что со здоровьем что-то не ладно. Головные боли, бессонница, повышенная утомляемость не раз проявлялись и ранее. Но теперь они становились все более продолжительными и явно выбивали из казалось бы привычного ритма работы.

Бесконечная череда текущих дел не давала возможности сосредоточиться и для того, чтобы подготовить тезисы большого доклада III конгрессу Коминтерна. Ленин 4 июня уезжает в Горки. 5 июня он пишет Троцкому: «Я нахожусь вне города. Уехал в отпуск на несколько дней по нездоровью», а 6-го, дабы отрешиться от рутинной «вермишели», просит Фотиеву прислать ему в Горки томики стихов Гейне и Гёте³.

Видимо, где-то в самом начале июня у него случился непонятный приступ. Позднее Ленин рассказывал врачам, что утром, когда он одевался, неожиданно закружилась голова. «Го-

¹ В.И. Ленин и ВЧК. С. 238, 239.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 411.

³ См.: В.И. Ленин. Неизвестные документы. С. 404; Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 43. С. 547.

ловокружение было сильное, Владимир Ильич не устоял на ногах и вынужден был, держась за кровать, опуститься на пол. Но сознания не терял. Тошноты не было. Головокружение продолжалось несколько минут и бесследно исчезло, почему Владимир Ильич не придал ему значения...»¹

III конгресс Коминтерна, продолжавшийся с 28 июня по 12 июля, видимо, дался ему нелегко. В всяком случае, позднее он объяснял задержку ответов на некоторые письма тем, что она произошла «из-за Коминтерна и болезни»². Ленин выступил на конгрессе с большим докладом 5 июля, а в прениях — 28 июня и 1 июля. Вероятнее всего, именно вскоре после доклада у него и случается вновь приступ сильнейшего головокружения.

«На этот раз оно сопровождалось потерей сознания: Владимир Ильич очнулся на полу около стула, за который, падая, он, по-видимому, хотел удержаться. Сколько времени продолжалось бессознательное состояние Владимир Ильич не смог указать, но, по его предположению, оно было непродолжительным — 2-3 минуты. Очнувшись, он чувствовал себя настолько хорошо, что приступил к своим обязанностям»³.

На сей раз Ленин обращается к врачу — Федору Александровичу Гетье, основателю и главврачу Солдатенковской больницы, записи которого цитировались выше. Владимир Ильич уже обращался к нему в 1919 году в связи с болезнью Крупской и по поводу случавшихся у него самых головных болей.

Надо сказать, что никаких симпатий по отношению к Ленину Федор Александрович до этого не испытывал. Он не скрывал, что источником его отношения к главе Советского государства являлись «газеты времен Керенского», а еще более «слухи и суждения», ходившие в интеллигентской среде. «Я представлял себе Ленина, — писал Гетье, — человеком совсем беспринципным, который ради известных целей, в которых на первом плане стояли его личные интересы, готов был сегодня идти рука об руку с немцами, завтра с монархистами и т.д.» Поэтому, когда заведующий Мосздравотделом В.А. Обух попросил Гетье встретиться с Лениным, Федор Александрович демонстративно заявил, что для него «все пациенты равны»⁴.

И вот его первые впечатления о Ленине: «Это был человек среднего роста, худощавый, широкий в плечах и, несомненно,

¹ РГАСПИ. Ф. 16. Оп. 3. Ед. хр. 24. Л. 2; Известия ЦК КПСС. 1991. № 2. С. 130.

² См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 53. С. 173, 174.

³ РГАСПИ. Ф. 16. Оп. 3. Ед. хр. 24. Л. 2; Известия ЦК КПСС. 1991. № 2. С. 130.

⁴ РГАСПИ. Ф. 16. Оп. 3. Ед. хр. 24. Л. 5.

крепкого телосложения. Большая голова с сильно развитыми лобными буграми и затылочной частью была обрамлена лишь на висках и сзади небольшой каемкой волос слегка рыжеватого оттенка, небольшие усы и борода того же оттенка окаймляли рот. Глаза несколько косили, и, быть может, от этого Ленин постоянно шурился. Лицо в общем было самое обыкновенное, чисто русское, ничем не бросающееся в глаза... Прищуренные и несколько раскосые глаза придавали хитрое выражение его лицу, но когда он смеялся, то глаза открывались и лицо приобретало необыкновенно добродушное выражение... Держался он очень скромно и, по-видимому, стеснялся меня»¹.

Забегая вперед, скажем, что со временем прежняя предубежденность сменилась у Федора Александровича глубочайшим уважением, искренней симпатией и, я бы даже сказал, — высочайшим пиететом по отношению к Владимиру Ильичу, что он и засвидетельствовал в своих сугубо личных записях, отнюдь не предназначавшихся для печати².

«Пользуясь случаем, — пишет профессор Гетье о своем первом визите 1919 года, — я подробно обследовал Владимира Ильича и был поражен хорошим состоянием его внутренних органов, если не считать незначительного расширения сердца, вызванного колоссальной работой, которую нес Владимир Ильич». Что же касается головных болей, то «в виду невралгического характера болей и появления их в определенные часы, я заподозрил у него скрытую малярию и рекомендовал ему применить хинин. Мое предположение оправдалось: хинин быстро купировал головные боли, и они более не повторялись»³.

Тогда, в 1919 году, «ни малейших признаков переутомления» у Ленина Федор Александрович не обнаружил. Теперь, через два года, вновь «обследовав его тщательно, я, как и в первый раз, — пишет Гетье, — не смог отметить никаких уклонений ни со стороны внутренних органов, ни со стороны нервной системы, и я объяснил себе происхождение головокружений большим переутомлением центральной нервной системы»⁴.

Позднее, в своих записях, профессор Гетье относил данный визит к осени 1921 года. Но это явная ошибка. Во всяком случае, уже 8 июля Ленин пишет заявление в Оргбюро ЦК РКП(б):

---

¹ РГАСПИ. Ф. 16. Оп. 3. Ед. хр. 24. Л. 6.

² См.: *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 54. С. 69, 116.

³ РГАСПИ. Ф. 16. Оп. 3. Ед. хр. 24. Л. 2.

⁴ Там же.

«Прошу Оргбюро или Секретариат ЦК (с утверждением Политбюро по телефону) разрешить мне отпуск согласно заключению доктора Гетье на один месяц с приездом 2-3 раза в неделю на 2-3 часа в день на заседания Политбюро, СНК и СТО».

Но Политбюро 9 июля принимает более жесткое решение: «Разрешить т. Ленину отпуск на один месяц с правом бывать во время отпуска только на заседаниях Политбюро (но не СНК и СТО, кроме специальных случаев — по решению Секретариата ЦК»¹.

И тем не менее, 11-го Владимир Ильич опять выступает на совещании ряда делегаций конгресса Коминтерна. 12 июля участвует в заседании Политбюро. Затем председательствует на заседании СТО, а вечером — Совнаркома. И только в 21.50 уезжает в Горки, в отпуск до 13 августа, успев перед отъездом написать М.Г. Бронскому, просившему принять его: «Болен!! Уехал!»²

Своего самочувствия Владимир Ильич ни от кого не скрывал. 13 июля в ответ на жалобу красноармейца И.А. Семянникова на самоуправство и хищения местных ответработников в Донской области, Ленин пишет Фотиевой: «Разыщите автора *спешно*, примите, успокойте, скажите, что я болен, но дело его двину»³.

18 июля, в ответ на приглашение Международного конгресса революционных профсоюзов, просит Рыкова передать делегатам: «Глубоко сожалею, что не могу по болезни исполнить этого, так как должен был по предписанию врача уехать из Москвы на месячный отпуск»⁴.

Даже своим соседям — крестьянам деревни Горки, пригласившим его на праздник по случаю электрификации села, Ленин 20 июля пишет: «Уважаемые товарищи! Мне нездоровится. Я быть не могу... Надеюсь, что вы меня извините»⁵.

Впрочем, назвать это отпуском довольно трудно. Уже 15-го он опять приезжает в Москву на заседание Политбюро, председательствует на заседании СТО, а затем Совнаркома. 16-го вновь приезжает на заседание Политбюро. 19-го опять председательствует на заседании СТО. 27 июля он вновь в Москве, где беседует с Кларой Цеткин перед ее отъездом в Германию. И каждый такой приезд это не 2-3 часа, как он обещал врачу, а полный 8-ми, а то и 10-часовой рабочий день.

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 53. С. 17, 379, 380.

² Б.И. Ленин. Биографическая хроника. Т. 11. С. 6.

³ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 53. С. 27.

⁴ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 72.

⁵ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 53. С. 48.

Да и в самих Горках все планы, касавшиеся отдыха, оказались лишь благими пожеланиями. Телефон звонил беспрестанно. С утра курьер привозил прессу и обширную почту с бесконечными деловыми бумагами, запросами, согласованиями, жалобами и личными просьбами. И Владимир Ильич вникал в суть буквально каждой из этих бумаг, писал или диктовал ответы Фотиевой по телефону. Естественно, что в начале августа, когда приближался конец отпуска, явного улучшения здоровья профессор Гетье не отметил.

Утром 8-го Ленин приезжает в Москву и два полных дня активно участвует в работе Пленума ЦК РКП(б). В бурных дебатах по тезисам о проведении в жизнь новой экономической политики, о мерах по борьбе с голодом, по вопросам об ускорении перевода армии на хозяйственные работы, о нарушении партдисциплины членами «рабочей оппозиции» он выступает более 20 раз и это, видимо, лишь усугубляет болезненное состояние.

9 августа, советуя Горькому поехать для лечения за границу, Владимир Ильич пишет: «Я устал так, что ничегошеньки не могу... В Европе в *хорошем* санатории будете и лечиться, и *втрое больше дела делать*... А у нас ни лечения, ни дела — одна *суетня*. **Зряшная суетня**»¹.

Судя по активности на пленуме, в этом «ничегошеньки не могу» и «зряшной суетне» было явное преувеличение. Но так или иначе, на вечернем заседании 9 августа ЦК принимает решение:

«Обязать тов. Ленина продолжить отпуск точно на то время и условиях, как будет указано врачом (проф. Гетье), с привлечением тов. Ленина на те заседания (советские или партийные), а равно и на ту работу, на какую будет *предварительное* формальное согласие Секретариата ЦК»².

В ночь на 10-е, в 0 час. 30 мин, Владимир Ильич едет в Горки, а в 9 утра 10 августа возвращается в Москву, ибо для всех уже становится очевидным, что обстановка в Горках складывается примерно такая же, что и в кремлевской квартире, с той лишь разницей, что осуществлять медицинский и прочий контроль в Москве было гораздо легче.

Для самого же Ленина одной из решающих причин переезда становятся, видимо, неполадки со связью или, как написал он наркомпочтелю В.С. Довгалевскому, — «безобразия с моим телефоном из деревни Горки. Сегодня, 6/8, суббота, Харьков —

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.53. С. 109.

² В.И. Ленин. Биографическая хроника. Т. 11. М., 1980. С. 180.

Москва слышно, как мне передают, *прекрасно*. У меня же: не слышат меня (я слышу Москву) и *прерывают* десятки раз. ... Когда мы получим на 30-40 верст телефон, подобный питерскому и харьковскому на 600-750 верст?»¹

С переездом в Москву все вновь вернулось «на круги своя». Из решения пленума реализуется немного: до конца августа ни одного публичного выступления, в заседании Политбюро Ленин участвует лишь 25-го, да и количество встреч невелико — с Шлихтером, Теодоровичем, Цюрупой, Сапроновым, Дзержинским и Уншлихтом.

Это лишь фиксация заседаний и встреч. Но достаточно перелистать Биохронику за этот месяц, чтобы убедиться, что объем работы, в сравнении с предшествующими месяцами, не уменьшился. И речь идет не о «зряшной суете», а о важнейших вопросах внутренней и внешней политики Советского государства.

За город ему удалось выехать лишь 27-29 августа. И, возможно, это была поездка на охоту с братом Дмитрием Ильичем в окрестности деревни Богданово Подольского уезда².

Ну, а в сентябре, судя по материалам той же Биохроники, о решении пленума 9 августа уже никто не вспоминал. 13-го Владимир Ильич участвует в заседании Политбюро и председательствует на заседании Совнаркома. 14-го — заседание Политбюро, 16-го — председательствование в СТО, 17-го — совещание работников Центросоюза. 20-го — Совнаркомом обсуждались десятки вопросов и продолжалось заседание не менее 4-6 часов. Что же касается встреч и бесед, то и они в сентябре тоже исчисляются десятками.

Все эти контакты, как и наблюдение за общим ходом дел, в частности, диктовавшим необходимость применения чрезвычайных мер для борьбы с голодом, приводят Ленина к мысли о необходимости нового разговора с партийным активом по вопросам, связанным с проведением новой экономической политики.

Выступления Владимира Ильича в мае на X партконференции о необходимости «зарубить себе на носу» и запомнить, что НЭП — это «всерьез и надолго», и резолюции конференции о том, что эта политика, установленная «на долгий, рядом лет измеряемый, период времени», — оказалось, видимо, недостаточно.

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 53. С. 101.

² См.: В.И. Ленин. Биографическая хроника. Т. 11. С. 267.

Но главное, эти сомнения — не без помощи политических оппонентов — уходили «вниз». Тамбовский уком РКП(б) весьма осторожно сообщал, что «кое-где, благодаря отчасти эсеровской агитации, наблюдается некоторое недоверие крестьян к новым мероприятиям Советской власти. Некоторые крестьяне видят в перемене курса продполитики новый подход, имеющий своей целью побудить лишь крестьян к поднятию сельского хозяйства, чтобы затем (примерно осенью) снова круто повернуть к разверстке»¹.

Возможно, эти соображения и побудили Владимира Ильича в начале октября определить для себя ряд сюжетов, которые необходимо развить в публичных выступлениях и в задуманных статьях. И первую из них — статью о предстоящей четвертой годовщине Октябрьской революции — он начинает разрабатывать задолго до юбилея².

Важно было еще и еще раз объяснить, почему после победы в гражданской войне стало необходимым предпринять шаги, которые многими воспринимались лишь как сдача завоеванных позиций. И лучший способ прояснить смысл данного поворота, полагал Ленин, — выйти за рамки текущих событий, выбрать иной — более масштабный угол зрения и посмотреть на произошедшее с точки зрения исторической перспективы.

«Чем дальше отходит от нас этот великий день, — пишет он, — тем яснее становится значение пролетарской революции в России, тем глубже мы вдумываемся также в практический опыт нашей работы, взятый в целом»³. Этот опыт Владимир Ильич осмысливает, пользуясь принятой ныне терминологией, в рамках **глобальных** проблем современности.

Главнейшая среди них — война и судьба человечества. Прошло три года со времени окончания мировой войны. Накануне ее во всех «цивилизованных» странах мира люди слышали — и со стороны правительств, и со стороны всевозможных международных общественных и политических организаций — тысячи самых торжественных заверений о том, что война бесчеловечна, что ее не будет, что ее никто не допустит. А в результате — десятки миллионов убитых. И миллионы людей во всем мире, пишет Ленин, размышляли «о причинах вчерашней войны и о надвигающейся завтрашней войне...»

---

¹ История Коммунистической партии Советского Союза. Т. 4. Кн. 1. М., 1970. С. 75, 76.

² См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 463-465, 470-476.

³ Там же. С. 144.

В 1921 году физик, нобелевский лауреат В. Нернст записал: «Можно сказать, что мы живем на острове, сделанном из пироксилина. Но, благодарение Богу, мы пока еще не нашли спички, которая бы подожгла его», то есть существует угроза и реальная техническая возможность уничтожения всей разумной жизни на Земле.

Но пророческая мысль Нернста, ставя проблему, не отвечала на вопрос — «что делать?». Мало того, она давала возможность уйти от ее решения. Например, в рассуждения о фатальной логике развития самой науки. Или в размышления о беспечном человечестве, которое, не ведая, что творит, уподобляется ребенку, играющему со спичками. Или, наконец, уйти в религиозно-мистические стенания о греховной природе самого человека, якобы побуждающей его к самоуничтожению.

Для Ленина вопрос о войнах не сводился к технической возможности «конца света», а определялся прежде всего антигуманной природой империализма. Именно империалисты, завершив раздел мира, придав войнам всемирные масштабы, не только превратили их в гигантскую человеческую мясорубку, но и поставили достижения человеческого разума на службу создания оружия чудовищной разрушительной силы.

Вот почему, пишет Ленин, вопрос о войнах «с 1914 года стал краеугольным вопросом всей политики всех стран земного шара. Это вопрос жизни и смерти десятков миллионов людей». В старой русской грамматике слова — «мир» как отсутствие войны, и «мир» как наша планета — имели разное написание. Теперь значение этих слов тесно переплелось между собой. И говоря о необходимости сохранения мира на Земле, Владимир Ильич замечает: «Если бы у нас было старое правописание, я бы написал здесь два слова “мира” в обоих их значениях...»¹

Оценку Октября Ленин соотносит с решением этой глобальной проблемы. Первый раз за сотни и тысячи лет те, кому всегда предназначалась лишь роль пушечного мяса, отказались покорно идти на бойню, вырвались из этого ада и ответили на войну революционным выходом из войны. Октябрь, вырвавший из войны «первую сотню миллионов людей на земле», одержал «первую победу дела для уничтожения войны...» И Советская Россия может гордиться тем, что именно «мы это начали... Существенно то, что лед сломан, что путь открыт, дорога показана»².

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 148, 149.

² Там же. С. 149, 150.

Ну а как же гражданская война? Современные «лениноеды» настолько замутили вопрос об отношении Ленина к этой войне, что придется сделать небольшое отступление, чтобы напомнить о некоторых фактах.

1917 год. С началом мировой войны, дабы отторгнуться от тех, кто ее затеял и поддерживал, Ленин выдвинул лозунг превращения империалистической войны в гражданскую, т.е. свержения тех **правительств**, которые затеяли эту кровавую бойню.

Но, вернувшись в Россию и убедившись, что рожденное Февральской революцией двоевластие открывает возможность менее болезненного, мирного пути перехода власти в руки большинства народа, Владимир Ильич сразу же *снимает этот лозунг*¹.

1918 год. Брестский мир. По сей день Ленина обвиняют в том, что ради прекращения войны он якобы **отдал** чуть ли не треть России. При этом умалчивают, что граница, установленная в Бресте, проходила по существовавшей на тот момент линии фронта.

То есть территории, отогнутые от России, были *уже заняты* немцами в ходе «великого отступления» 1915 года и последующих военных действий **до** октября. А Центральная рада, взявшая власть на Украине опять таки **до** Октября, заключала договор о пребывании немецких войск на Украине самостоятельно, без России, **до** Бреста, в январе 1918 года.

Надо напомнить и о том, что, заключая в марте Брестский мир, Ленин был абсолютно убежден в том, что, прекращая войну немедленно, он и просуществует недолго. Революция в Германии аннулировала его уже в ноябре 1918 года. Умалчивается, наконец, и то, что именно этот выход из войны позволил в июле 1918 года принять Конституцию РСФСР, впервые провозгласившую Россию суверенным федеративным государством.

1919 год. В марте по поручению президента США Вильсона и премьер-министра Великобритании Ллойд Джорджа в Москву прибывает Уильям Буллит. Огромные регионы России находятся в этот момент в руках белой армии и интервентов. И вот, от имени держав Антанты, Буллит предлагает Советской республике прекратить военные действия, заключить мир со всеми белыми и марионеточными правительствами,

---

¹ См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 57-61.; Логинов В.Т. Владимир Ленин. На грани возможного. С. 87-113.

признать их власть на занятых территориях и заодно — уплатить все «царские долги» западным странам.

Для Советского правительства — предложения крайне невыгодные. Однако Ленин соглашается на них, и к 12 марта условия договора были выработаны. Прислушайтесь к мотивировке: «Мы деловым образом, — говорит Ленин, — самые тяжелые условия мира подписали и сказали: “Слишком дорога для нас цена крови наших рабочих и солдат; мы вам, как купцам, заплатим за мир ценой тяжелой дани; мы пойдем на тяжелую дань, лишь бы сохранить жизнь рабочих и крестьян”»¹.

Увы, ни мира, ни даже временного перемирия в гражданской войне добиться не удалось. Весной 1919 года белая армия развернула поначалу успешное наступление на Восточном фронте, и адмирал Колчак отверг какие-либо переговоры.

1920 год. 25 апреля польские войска перешли границу, вышли к Днепру и заняли Киев. В ходе летнего контрнаступления части Красной армии продвинулись к Львову и Варшаве, но, оторвавшись от тылов, встретив яростное сопротивление поляков, откатились к прежней границе. Можно было, перегруппировав советские войска, вновь перейти в наступление.

Но Ленин решительно выступил за переговоры. И заключенный Рижский мир не зря сравнивали со «вторым Брестом», ибо он оставлял за Польшей ряд районов Западной Украины и Белоруссии. Мотивировка у Ленина та же: «Для нас 10 тысяч жизней русских рабочих и крестьян гораздо ценнее всего остального... Мы сознаем, что зимняя кампания потребует много жизней, и мы говорим: мы должны зимнюю кампанию избежать... Для нас вопрос о территориальных границах — 20-степенный вопрос по сравнению с вопросом о скорейшем окончании войны».

Это было сказано 22 сентября 1920 года на IX Всероссийской конференции РКП(б). И еще Владимир Ильич добавил: «Будущее захватывает нас целиком, и мы решили — пусть прошлое решат историки, пусть потом разберутся в этом вопросе»²

Разъясняя свою позицию Кларе Цеткин, Владимир Ильич говорил: «Могли мы без самой крайней нужды обречь русский народ на ужасы и страдания еще одной зимней кампании?»

Пока Ленин говорил, рассказывает Цеткин, «лицо его у меня на глазах как-то съезжилось. Бесчисленные большие и мелкие морщины глубоко бороздили его. Каждая из них была проведена тяжелой заботой или же разъедающей болью...»

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 39. С. 403.

² В.И. Ленин. Неизвестные документы. С. 282, 286, 287.

«Миллионы людей, — продолжал Владимир Ильич, — будут голодать, замерзать, погибать в немом отчаянии... Нет, мысль об ужасах зимней кампании была для меня невыносима»¹. 12 октября 1920 года договор о перемирии и условиях мира с Польшей был подписан в Риге, а в ноябре — с освобождением Крыма, в основном завершилась и Гражданская война.

Продолжая свои размышления в связи с четырехлетним юбилеем, Владимир Ильич пишет, что Октябрьская революция имеет всемирно-историческое значение и в том смысле, что впервые в истории современной цивилизации она создала государство **не буржуазное**, а установила власть трудящихся. Ей удалось «свергнуть остатки средневековья, снести их до конца, очистить Россию от этого варварства, от этого позора, от этого величайшего тормоза всякой культуры и всякого прогресса в нашей стране»².

Возьмите такие проблемы, пишет он, как вопрос о земле, о монархии, о наличии сословий, оставшихся от времен феодализма, о полном бесправии женщин, неравноправии нерусских народностей, о государственных преимуществах той или иной религии. Нет *«ни одной из самых передовых стран мира, — констатирует Ленин, — где бы эти вопросы были решены в буржуазно-демократическом направлении до конца»*. У нас же они решены законодательством Октябрьской революции до конца»³.

Но мы не собираемся на этом останавливаться, продолжает он, и вывели революцию за рамки антифеодальных преобразований, «мы вполне сознательно, твердо и неуклонно продвигаемся *вперед*, к революции социалистической, зная, что она не отделена китайской стеной от революции буржуазно-демократической, зная, что *только борьба* решит, насколько нам удастся (в последнем счете) продвинуться вперед...»⁴.

Несомненно, в процессе работы над этой статьей Ленин задумывался над тем, как теперь воспримут подобные оценки те, кто все эти годы, не жалея жизни, рвался вперед? Те, для кого «военный коммунизм» и стал той средой, которая сделала их коммунистами.

(Позволю себе привести рассказ Никиты Сергеевича Хрущева — таким, каким он запомнился мне — уже после его «исхода из власти»:

¹ Воспоминания о В.И. Ленине. Т. 5. С. 20.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 144.

³ Там же. С. 146, 147.

⁴ Там же. С. 145, 147.

«1919 год. Гнали белых на юг. Заняли какой-то городишко. Измучились, устали, свалились спать. Вдруг — “Подъем!” Кто-то из Москвы приехал. Чертыхаясь, собрались в каком-то зале, вроде театра. Выходит на сцену человек, в кожанке, лысоватый и начинает говорить... О мировой революции... Что покончим навсегда с капиталом... О коммунизме... Это Бухарин был... Поверишь, бывает так в жизни — будто пелена с глаз... А я ведь уже партийным был. Но вот с этого момента, считаю, и стал я коммунистом».)

Так как же теперь? Неужели их революционный порыв, их усилия, их подвиг были напрасны? От одной этой мысли можно было прийти в отчаяние. Вот над чем стоило задуматься.

После более чем двухмесячного перерыва, когда Ленин избегал публичных выступлений, он решает выступить 17 октября на II Всероссийском съезде политпросветов. Аудитория была самая благодатная: 307 делегатов являлись достаточно грамотными пропагандистами для того, чтобы проверить на них те выводы, которые сформулировал Владимир Ильич в канун годовщины Октября.

«Громадное большинство вас, товарищи, — коммунисты, — сказал он, — и, несмотря на большую молодость некоторых, — коммунисты, проделавшие большую работу в нашей общей политике в первые годы нашей революции.

И, как проделавшие большую долю этой работы, вы не можете не видеть, какой резкий поворот сделала наша Советская власть и наша коммунистическая партия, перейдя к той экономической политике, которую зовут “новой”... А по сути дела — в ней больше старого, чем в предыдущей нашей экономической политике»¹.

Суть поворота состоит в том, что если раньше мы безрасчетно полагали, что сумеем перейти «от старой русской экономики» непосредственно к коммунистическому производству, то «не весьма длинный опыт привел нас к убеждению в ошибочности этого построения...

Никакого сомнения в том, что мы понесли весьма тяжелое экономическое поражение на экономическом фронте, у коммунистов быть не может... И, конечно, неизбежно, что часть людей здесь впадает в состояние весьма кислое, почти паническое... Позиции были подготовлены заранее, но отступление на эти позиции произошло (а во многих местах провинции происходит и сейчас) в весьма достаточном и даже чрезмерном беспорядке»².

---

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 155, 156.

² Там же. С. 158, 159.

Всё это и определяет задачи культпросветработы. И прежде всего самым культпросветчикам необходимо избавиться от некоторых стереотипов.

Во-первых, предстоящая борьба — это не «последний бой», а борьба не только отчаянная, но и долгая.

Во-вторых, время манифестаций, «всеобщего универсального митингования» и декретов прошло. «Пора, когда надо было политически рисовать великие задачи, прошла, и наступила пора, когда их надо проводить практически». Сегодня любой рабочий вам скажет: «Что ты все показываешь, как мы хотим строить, ты покажи на деле — как ты умеешь строить. Если не умеешь... проваливай к черту!» И он будет прав».

Да, нам придется «в значительной мере» восстанавливать капитализм, учиться у капиталистов. Они «будут рядом с вами... Они будут вышибать у вас сотни процентов прибыли, они будут наживаться около вас. Пусть наживаются, а вы научитесь у них хозяйничать...» Научитесь торговать и управлять умнее, управлять — «тверже, чем управлял до тебя капиталист. Иначе ты его не победишь»¹.

И, наконец, третья главная задача — «нам нужно громадное повышение культуры». Сам факт создания у нас Чрезвычайной комиссии по ликвидации безграмотности, сказал Ленин, — «доказывает, что мы — люди (как бы это выразиться помягче?) вроде того, как бы полудикие, потому что в стране, где не полудикие люди, там... в школах ликвидируют безграмотность. Там есть школы сносные, — и в них учат».

Если эта «элементарная задача не решена, то говорить о новой экономической политике смешно». Мало того, и «на одной грамотности далеко не уедешь... Надо, чтобы человек на деле пользовался умением читать и писать», чтобы это «служило к повышению культуры, чтобы крестьянин получил возможность применить это умение... к улучшению своего хозяйства и своего государства»².

Возьмите борьбу «с волокитой, бюрократизмом или с таким истинно русским явлением, как взяточничество. Что мешает борьбе с этим явлением? Наши законы? Наша пропаганда? Напротив! Законов написано сколько угодно! Почему же нет успеха в этой борьбе? Потому, что нельзя сделать ее одной пропагандой, а можно завершить, только если сама народная масса помогает. У нас коммунисты, не меньше половины, не

---

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 166, 167, 169.

² Там же. С. 170, 171.

умеют бороться, не говоря уже о таких, которые мешают бороться».

Здесь говорили, заметил Ленин, что для этого надо ввести политпросветчиков в различные органы власти. Нет. Вы должны «показывать другим такие примеры не в качестве членов исполкомов, а в качестве рядовых граждан, которые, будучи политически просвещеннее, чем другие, умеют не только ругать за волокиту, — это у нас широко распространяется, — но показать, как на деле это зло побеждается»¹.

Заканчивая выступление, Владимир Ильич сказал: «На мой взгляд, есть три главных врага, которые стоят сейчас перед человеком, независимо от его ведомственной роли... если этот человек коммунист...

Первый враг — коммунистическое чванство, второй — безграмотность и третий — взятка».

Относительно безграмотности — это понятно, ибо, как отмечает Ленин, — «безграмотный человек стоит вне политики, его сначала надо научить азбуке. Без этого не может быть политики, без этого есть только слухи, сплетни, сказки, предрассудки, но не политика». Насчет взятки, тоже все ясно: «Если есть такое явление, как взятка, если это возможно, то нет речи о политике. Тут еще нет даже подступа к политике... Нет основного условия чтобы можно было заниматься политикой...»

Но почему, говоря о главных врагах, Ленин ставит на первое место «чванство», да еще — «коммунистическое чванство»? Сегодня это слово употребляется тогда, когда речь идет о надменности, спесивости, зазнайстве, тщеславии. Но если ограничиться таким толкованием, то нетрудно свести все дело лишь к индивидуальным чертам того или иного характера.

Между тем в начале XX века, если судить по словарю В. Даля, под «чванством» подразумевалась и глубинная основа всех указанных проявлений личности, а именно — требование «признания за собой каких-либо особых достоинств». Вот откуда спесивость, зазнайство, а главное — твердое убеждение в своих особых правах и привилегиях на власть и командование. А это как раз и переводит «чванство» из области индивидуальной психологии в сферу политики.

Видимо, именно так и понимал это слово Ленин, когда говорил, что коммунистическое чванство означает, что человек, являясь «членом правящей партии и каких-то государственных

---

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 171, 173.

учреждений», на этом основании воображает, что «все задачи свои он может решить коммунистическим декретированием»¹.

Главполитпросвет — Главный политический просветительный комитет, председателем которого являлась Н.К. Крупская, подчинялся Наркомату просвещения РСФСР во главе которого стоял А.В. Луначарский. И в выступлении Ленина было, как бы брошенное вскользь, пожелание, «чтобы не возникало таких проектов, как я здесь слышал, об отделении от Наркомпроса»².

О каком проекте шла речь, Владимир Ильич не упомянул. Но вскоре конфликт по этому вопросу вылез наружу.

24 ноября Крупская направила в Политбюро письмо, в котором просила разграничить функции Политпросвета и Агитпропа ЦК. Вызвано это было тем, что в недрах аппарата ЦК заготовили постановление о передаче некоторых функций Политпросвета Отделу агитации и пропаганды, который, по мнению Крупской, превращался в «новый комиссариат» со штатом в 185 человек.

Это письмо со своей запиской Ленин направил Сталину, который 26-го ответил, что письмо Крупской является «либо недоразумением, либо легкомыслием», что речь идет о проекте «мною **не** просмотренным и Оргбюро **не** утвержденным» и что он «будет утвержден в понедельник». Кроме того, проект предусматривает штат не в 185 человек, а лишь в 106, из коих центральный аппарат Агитпропа будут обслуживать лишь 48 человек, а «остальные 58 ч. работают в восьми нацменсекциях».

А далее, не скрывая раздражения, Сталин переносит существо вопроса совсем в иную плоскость. «Сегодняшнюю записку вашу на мое имя, в Политбюро, — пишет он Ленину, — я понял так, что вы ставите вопрос о моем уходе из агитпропа. Вы помните, что работу в агитпропе мне навязали, я сам не стремился к ней. Из этого следует, что я не должен возражать против ухода.

Но если вы поставите вопрос **именно теперь**, в связи с очерченными выше недоразумениями, то вы поставите в неловкое положение и себя и меня. Троцкий и другие подумают, что вы делаете это “из-за Крупской”, что вы требуете “жертву”, что я согласен быть “жертвой” и пр., что нежелательно»³.

И ни слова по существу, которое для Ленина заключалось в том, что ни в коем случае нельзя смешивать серьезное поли-

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 173, 174.

² Там же. С. 170.

³ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 5193. Л. 1-3.

тическое просвещение масс с агитацией. Потому-то он и сказал на съезде, что пусть Политпросвет, как и культура, остаются в Наркомпросе, и «если вы в это вникните, то согласитесь, что нужно бы создать чрезвычайную комиссию по ликвидации некоторых дурных проектов»¹.

Впрочем, надо полагать, что не эта фраза обеспокоила Сталина больше всего. Достоверных сведений о том, как восприняли речь Владимира Ильича на самом съезде политпросветчиков, обнаружить не удалось. Однако сохранилось довольно примечательное письмо Ленину от одного из слушателей. Его автором был старый большевик, известный в партии публицист Михаил Степанович Ольминский.

По мнению Михаила Степановича, никакой «ошибки» в прежней политике не было. Она диктовалась «марксистским сознанием». А если и отступала от него, то не в силу гражданской войны, а лишь по причине того, что вожди не могли отрываться от пролетарской массы.

Но мелкобуржуазное сознание, продолжал Ольминский, сидит не только в крестьянстве, но и в рабочем классе, в его партии «и даже в Ленине... До весны 1921 г. я был в оппозиции “справа”, но ни на минуту не терял веры, что Ленин “вывезет”. Считаю, что моя уверенность оправдалась.

Боюсь, не придется ли мне временно занять место оппозиции слева, — в советской политике чувствуется истерическая склонность бросаться из одной крайности в другую. Пора научиться быть немножко консерваторами»².

Слова Ольминского вполне можно было бы отнести к характеристике особенности восприятия жизни данным человеком, когда он, как сказал бы Достоевский, уперся в свою неподвижную мысль. Но дело было гораздо сложнее.

Стенограмма выступления Ленина после правки была опубликована в «Бюллетене съезда» № 2 19 октября 1921 года. А уже 26 октября Г.И. Петровский по прямому проводу сообщил П.А. Залуцкому в ЦК: «В Харькове, — по словам Петровского, — выступление Владимира Ильича вызвало чувство уныния среди рабочих, как выступление, которое сдает позиции». Поэтому Петровский просит «от имени харьковцев дальнейших (если это возможно) разъяснений Владимира Ильича, иначе ЦК КП Украины находится в растерянном состоянии».

Эту информацию Сталин пересылает Владимиру Ильичу с припиской: «Т. Ленин. Читал и думаю, что нужно немно-

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 170.

² РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 21420. Л. 2, 3.

го смягчить форму (имею в виду будущее выступление на московской конференции)». Аналогичную записку посылает Ленину и секретарь ЦК В. Михайлов: «Со своей стороны поддерживаю предложение т. Петровского. Считаю необходимым подробнее разъяснить основные моменты вашей речи на съезде Главполитпросветов»¹.

На VII московской губпартконференции Ленин выступил 29 октября. Он сразу сказал, что не будет комментировать все последние постановления Советской власти, связанные с НЭПом, а рассмотрит лишь один аспект данной темы. Это вопрос о тактике и революционной стратегии в связи с «поворотом нашей политики» и о том, «насколько теперешнее партийное знание и партийное сознание приноровились к этой новой экономической политике». И прежде всего — нужно ли и в каком смысле «говорить об ошибочности предыдущей экономической политики...»²

Да, — сразу же отвечает Ленин, — это необходимо. Ибо без понимания ее ошибочности нельзя определить направление новой политики. Готовясь к этому выступлению, Владимир Ильич в плане доклада пишет: «Ошибкой была наша экономическая политика до перехода к “новой”? Да или нет? Если да, в чем и почему?... В каком смысле штурм был ошибкой? (Исключает ли это понятие героизм штурмующих? *пользу штурма*? Нет, ошибки бывают полезны, если на них учатся, если они закаляют.)»³

На примере одного из эпизодов русско-японской войны — осады Порт-Артура — Владимир Ильич рассматривает соотношение таких методов борьбы, как штурм и осада. Попытки штурма крепости японцами кончились неудачей и привели к огромным жертвам. А вот длительная осада завершилась падением Порт-Артура. Можно ли было без штурма определить мощность укреплений, состояние гарнизона и т.п.? Нет, такого знания у японцев не было. Но именно осознание ошибочности штурма и позволило перейти к правильной осаде.

После Октября и в начале 1918 года мы «наэкспроприровали много больше, чем сумели учесть, контролировать, управлять и т.д.». Но уже тогда «по целому ряду пунктов» нам пришлось принимать решения (например, об оплате специалистов), соответствующие «не социалистическим, а буржуазным отношениям», то есть искать компромисс и «сделать шаг назад»⁴.

---

¹ Сахаров В.А. «Политическое завещание» Ленина. М.: МГУ, 2003. С. 102; РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 5191. Л. 1, 2.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 193, 194.

³ Там же. С. 470.

⁴ См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 198, 199.

Тогда мы «предложили капиталистам: “Подчиняйтесь государственному регулированию, подчиняйтесь государственной власти, и вместо полного уничтожения условий, соответствующих старым интересам, привычкам, взглядам населения, вы получите постепенное изменение всего этого путем государственного регулирования”...»

То есть первоначально, подчеркивает Ленин, мы сделали «попытку осуществить переход к новым общественным отношениям с наибольшим, так сказать, приспособлением к существовавшим тогда отношениям, по возможности постепенно и без особой ломки»¹.

Стратегический замысел того времени предполагал, «что обе системы — система государственного производства и распределения и система частноторгового производства и распределения — вступят между собою в борьбу в таких условиях, что мы будем строить государственное производство и распределение, шаг за шагом отвоевывая его у враждебной системы»².

Однако отчаянное сопротивление буржуазии, поддержанное иностранной интервенцией, перенесло борьбу на иную арену — гражданской войны. И речь уже шла не о «компромиссе» или «частичных уступках», а о смене государственной власти. Вот почему «попытка экономической политики Советской власти, рассчитанная первоначально на ряд постепенных изменений, на более осторожный переход к новому порядку» — не была реализована³.

Теперь, когда война кончена, когда, как выразился Ленин, — внешние и военные задачи «не стоят как неотложные», появилась возможность вернуться к прежней стратегии. И с весны 1921 года мы отступили «в целом ряде областей экономики к государственному капитализму», а это уже «не штурмовая атака, а очень тяжелая, трудная и неприятная задача длительной осады, связанной с целым рядом отступлений»⁴.

В частности, мы предполагали «более или менее социалистически» обменивать промышленные товары на продукты земледелия и с помощью такого товарооборота «восстановить крупную промышленность, как единственную основу социалистической организации. Что же оказалось?» Оказалось, что товарообмен сорвался, что «частный рынок оказался сильнее нас, и вместо товарообмена получилась обыкновенная купля-

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 201, 202.

² Там же. С. 199.

³ Там же. С. 203.

⁴ Там же. С. 205, 208.

продажа, торговля». Значит необходимо «еще отступление назад... к созданию государственного регулирования купли-продажи и денежного обращения». Такова реальная обстановка и «потрудитесь приспособиться к ней, иначе стихия купли-продажи, денежного обращения захлестнет вас!»¹

В ответ мы слышим голоса: «Если, дескать, коммунисты договорились до того, что сейчас выдвигаются на очередь задачи торговые, обыкновенные, простейшие, вульгарнейшие, мизернейшие торговые задачи, то что же может тут остаться от коммунизма?» Но скрывать от себя и от народа то, что есть, — значило бы «не иметь мужества прямо смотреть на создавшееся положение. При таких условиях работа и борьба были бы невозможны»².

«Нам надо стать на почву наличных капиталистических отношений». Только таким, «более длительным, чем предполагали, путем можем мы восстанавливать экономическую жизнь»³.

Мы имели летом в Донбассе «катастрофическое положение». И это при острейшем дефиците угля для промышленности. Тогда мы разрешили сдавать в аренду малые шахты и старые выработки. Теперь эти «мелкие крестьянские шахты» отдают нам «около 30% добываемого на них угля. И это способствует не только развитию производства в Донбассе, но и восстановлению «правильной системы экономических отношений», поднятю «на своих плечах крупной промышленности»⁴.

При этом необходимо помнить, что «восстановление капитализма, развитие буржуазии, развитие буржуазных отношений из области торговли и т.д. — это и есть та опасность, которая свойственна теперешнему нашему экономическому строительству... Ни малейшего заблуждения здесь быть не должно»⁵.

В своих октябрьских заметках 1921 года Ленин выражает эти мысли еще более лапидарно:

«Лобовая атака ошибка или проба почвы и расчистка ее? И то и другое, исторически глядя.

А глядя сейчас, при переходе от нее к другому методу, важно подчеркнуть ее роль, ошибки»⁶.

---

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 207, 208.

² Там же. С. 209.

³ Там же. С. 208, 210.

⁴ Там же. С. 206, 208.

⁵ Там же. С. 211, 212.

⁶ Там же. С. 476.

В другой записи, сделанной накануне выступления 29 октября:

«Еще шаг назад, еще отступление.

И не конченное еще... Сколько еще времени будем отступать?

Это неизвестно. Этого знать нельзя...

Не опасно ли это отступление? Не усиливает ли оно врага?... Да, опасно. Да, усиливает. Но всякая иная стратегия не только усилит врага, но *даст ему победу*»¹.

И еще одна важнейшая запись: лобовая атака дала «завоевание *возможности* “реформистского” перехода — или, иначе, возможности вступить на путь предварительного подхода, на мостки, на ступеньки, ведущие к цели»².

Судя по прениям, развернувшимся на губпартконференции после доклада Ленина, и здесь нашлись коммунисты, особенно из числа агитпропщиков, которые выступили против ряда положений, высказанных Владимиром Ильичем.

Сама постановка вопроса об ошибочности военного коммунизма: «и да, и нет» — никак не влезала в рамки «линейного» мышления. Редактор «Московского рабочего», заведомо МК РКП(б) И.Н. Стуков и член бюро МК В.Г. Сорин «очень плакались по поводу того, — сказал в заключительном слове Ленин, — что, дескать, вот говорят об ошибках, а нельзя ли ошибок не выдумывать? Т.т. Стуков и Сорин очень опасались, что это признание ошибки, так или иначе, целиком или наполовину, прямо или косвенно все же было вредным, потому что распространяло уныние...»

А преподаватель московского комвуза С.Л. Гоникман на полном серьезе, глубокомысленно произнес «почти целую речь на тему о том, что “историческое явление не могло сложиться иначе, чем оно сложилось”». Что же касается выступления Ларина, заметил Владимир Ильич, то он явно перепутал необходимость регулирования денежного обращения с регулированием промышленности³.

Отвечая им, Ленин сказал: «Суть дела вот в чем: имеет ли сейчас практическое значение признание ошибки? Сейчас осуществлению нашей экономической политики мешает ошибочное применение приемов, которые в других условиях были бы, может быть, великолепны, а теперь вредны». И необходимо осознать, что «это не есть выдуманная ошибка, это не

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 471.

² Там же. С. 475.

³ Там же. С. 214, 215.

есть ошибка из области истории, — это есть урок для правильного понимания того, что можно и что нужно делать сейчас»¹.

И лучше всего это доказывало выступление старого большевика, секретаря Московского совета профсоюзов С.М. Семкова, знакомого Ленину еще по школе в Лонжюмо, который «очень ясно сказал: “Что вы говорите о государственной торговле! В тюрьмах нас торговать не учили”».

Такого «комчванства» Ленин выдержать не мог: «А воевать нас в тюрьмах учили? А государством управлять в тюрьмах учили? — спрашивал он. — А примирять различные наркоматы и согласовывать их деятельность — такой, весьма неприятной, штуке учили нас когда-нибудь и где-нибудь? Нигде нас этому не учили».

«Тов. Семков, — заключил Владимир Ильич, — обнаружил ошибку, которая есть в рядах партии». Суть ее «состоит в перенесении приемов, подходящих к “штурму”, на период “осады”... Эту ошибку надо сознать и исправить»².

С окончанием гражданской войны, размышляет Владимир Ильич, мы боремся с «экономическим кризисом», с «распадом», (отдельно он выделяет и — «с послевоенной распущенностью»). Всем «надоела лень, разгильдяйство, мелкая спекуляция, воровство...» Для всех было ясно, что это — проявление «мелкобуржуазной стихии». И точно так же все знали, что для преодоления кризиса необходимы «организованность, дисциплина, повышение производительности труда»³.

Чего не знали? Вернее, что не вполне учитывали? — спрашивает Ленин. — Что за этим кризисом стоит вполне определенная «общественно-экономическая почва». И это не абстракция, не земля, не территория, а огромная масса крестьянства, составляющая большинство населения страны. И оно твердо решило, что двигаться вперед можно лишь «на почве рынка и торговли»⁴.

С началом НЭПа мы отступили на один шаг назад — к госкапитализму, то есть к концессиям, аренде госпредприятий и т.п. Что касается взаимоотношений с деревней, то думали, что после отмены продразверстки они будут строиться на основе товарообмена, а он «предполагал, — пишет Ленин, — (пусть *молча* предполагал, но все же предполагал) некий непосред-

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 215, 216, 217.

² Там же. С. 216.

³ Там же. С. 470, 473, 474.

⁴ Там же. С. 471.

ственный переход без торговли, шаг за шагом к социалистическому продуктообмену»¹.

Но и с товарообменом ничего путного не получилось. Разрушенная войной промышленность не смогла обеспечить необходимого количества товаров, и сама «жизнь, — отмечает Ленин, — сорвала товарообмен и поставила на его место *куплю-продажу*». Вот и надо теперь решать **главный вопрос**: идти вперед «на *почве* рынка, торговли или *против* этой почвы?», а говоря проще, со всей массой крестьянства или против него?²

Сразу заметим, что для Ленина такой дилеммы не существовало. Октябрьская революция победила как народная, рабоче-крестьянская. И гражданскую войну Советская республика смогла выиграть только потому, что большинство крестьянства, при всех его колебаниях, поддержало советскую власть против Колчака, Деникина, Юденича и других. И еще в 1919 году, на VIII съезде РКП(б), Ленин твердо заявил, что употребление насилия по отношению ко всей крестьянской массе может принести лишь «величайший вред» и будет «таким идиотизмом, таким тупоумием и такой гибелью дела, что сознательно так работать могут только провокаторы... *Действовать здесь насильем, значит погубить все дело*»³.

Задавались на Московской губпартконференции и такие вопросы: «Где границы отступления?»... До каких пор мы можем отступать? ...Этот вопрос, — отвечал Ленин, — неправильно поставлен, потому что только дальнейшее проведение в жизнь нашего поворота может дать материал для ответа на него».

А «отступать будем до тех пор, пока не научимся, не подготовимся перейти в прочное наступление. Ничего больше на это ответить нельзя... Надо браться за конкретную работу. Надо внимательно рассмотреть конкретные условия, положение, надо определить, за что можно уцепиться, — за речку, за гору, за болото, за ту или иную станцию, потому что, только когда мы сможем за что-нибудь уцепиться, можно будет переходить к наступлению. И не надо предаваться унынию...»⁴

В последующие дни наступивших октябрьских праздников Ленин выступает на собрании рабочих Прохоровской мануфактуры и собрании рабочих завода «Каучук» (6 ноября), на собрании рабочих, красноармейцев и молодежи Хамовнического района Москвы и собрании рабочих завода «Динамо»,

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 471.

² См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 32. С. 98.

³ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 38. С. 200.

⁴ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 220.

а вечером 7-го присутствует на торжественном концерте в Большом театре.

А далее опять непрерывная череда встреч, бесед, заседаний. 8-го участвует в заседании Политбюро, 10-го председательствует на Совнаркоме, 11-го — на СНК и СТО, 15-го — Совнарком, 17-го — опять Политбюро, 18-го сразу три заседания — Политбюро, СНК и СТО, 22-го — СНК, 24-го — Политбюро, 25-го — СТО, 26-го — Политбюро, 29-го — Совнарком. В повестках дня этих заседаний по 20-30 вопросов, каждый из которых требует напряженного внимания¹.

Немудрено, что к концу месяца Владимир Ильич вынужден был вновь обратиться за советом к врачу. Федор Александрович Гетье пишет, что «Ленин обратился ко мне за советом по поводу какого-то странного состояния, испытываемого им. По его словам, однажды проснувшись, он почувствовал себя не так, как всегда: голова была несвежая, его не тянуло к работе. А работа, дававшаяся раньше легко, требовала от него напряжения внимания и соображения, чувствовалась какая-то общая вялость, апатия... Он попробовал прибегнуть к испытанному средству, к которому прибегал раньше, когда чувствовал себя утомленным — к охоте. Но и охота не освежила его. Это смутило его...»

Незадолго перед тем Ленин получил информацию о том, что Павел Борисович Аксельрод, перед умом и эрудицией которого в давние годы Владимир Ильич преклонялся, заболел настолько, что стал совершенно неспособен даже к писанию статей. И вот теперь, пишет Гетье, Ленину «пришла мысль об Аксельроде и что он, подобно последнему, стал нероботоспособным»².

Федор Александрович успокоил его: хотя симптомы болезни несколько видоизменились, все дело по-прежнему в крайнем переутомлении. Диагноз доложили Политбюро, и 3 декабря состоялось решение о предоставлении Ленину десятидневного отпуска между 2 и 17 декабря.

6-го, уезжая в Горки, Владимир Ильич пишет Горькому: «Устал дьявольски. Бессонница. Еду лечиться». А вдогонку ему, 8-го, едет новое постановление Политбюро: «Признать необходимым соблюдение абсолютного покоя для т. Ленина и запретить его секретариату посылку ему каких бы то ни было бумаг,

¹ См.: Ленин В.И. Биографическая хроника. Т. 11. С. 580, 660.

² См.: РГАСПИ. Ф. 16. Оп. 3. Ед. хр. 24. Л. 3.

с тем чтобы т. Ленин смог выступить с короткой (хотя бы с получасовой) речью на съезде Советов»¹.

До конца отпуска оставался один день, и 16 декабря Владимир Ильич пишет в Политбюро: «Прошу продлить мне отпуск, согласно заключению врача на срок до 2-х недель (в зависимости от хода лечения)... На съезде Советов сделаю краткий доклад, согласно решению Политбюро»².

Чувствовал себя Владимир Ильич в эти дни совсем плохо. Мария Ильинична пишет, что «он был мрачный, утомленный» и «очень беспокоился, как сойдет у него доклад». Мог бы, наверное, и отказаться, тем более что на его заявлении об отпуске по болезни от 16 декабря, 21-го Политбюро дало положительный ответ³. Но 23-го, в 12 часов, он прибыл из Горок в Москву, а вечером, встреченный бурной овацией, поднялся на трибуну IX Всероссийского съезда Советов.

Свой отчет о работе ВЦИК и СНК он начал с констатации того, что прошедший год стал первым, когда «ни одного, по крайней мере крупного, нашествия на нашу Советскую власть... не было». В этом смысле он стал первым годом «хотя бы сравнительно элементарного отдыха от прямо зверского насилия», который мы смогли использовать для решения главной задачи: восстановления хозяйства, излечения «тех ран, которые были нанесены России»⁴.

Международное положение осталось неустойчивым, но определенное равновесие сил, хотя и шаткое, все-таки сложилось. И объясняется это тем, что народ, вступивший на путь создания нового общества, получил поддержку и сочувствие со стороны трудящихся во всем мире. Именно поэтому, хотя в материальном отношении «мы безмерно слабы, а морально... мы сильнее всех»⁵.

«Мы идем на самые большие уступки и жертвы, — продолжал Ленин, — идем, лишь бы сохранить мир, который был нами куплен такой дорогой ценой... Но есть предел, дальше которого идти нельзя. Мы не допустим издевательства над мирными договорами, не допустим попыток нарушать нашу мирную работу»⁶.

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 54. С. 62, 580, 581.

² Там же. С. 74.

³ См.: Известия ЦК КПСС. 1991. № 2. С. 130; Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 697.

⁴ См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 291, 301.

⁵ Там же. С. 293, 300.

⁶ Там же. С. 297, 298.

Эта наша позиция привела к тому, что экономическая блокада Советской республики оказалась уязвимой и теперь «Россия обросла, если можно так выразиться, целым рядом довольно правильных, постоянных торговых отношений» с наиболее развитыми капиталистическими державами. И в 1921 году наш импорт вырос втрое по сравнению с тремя предыдущими годами вместе взятыми¹.

Что касается внутреннего положения, заявил Ленин, то оно целиком определяется нашей новой экономической политикой, которая потребовала перемены **«сущности и формы»** союза пролетарского авангарда с крестьянством, приспособившая к этому «наше законодательство, нашу администрацию — в этом состояла главная наша работа за отчетный 1921 год»².

В 1921 году мы сделали лишь первые шаги. И важнейший из них — создание Госпланом, при участии лучших научных и технических сил России, плана возрождения народного хозяйства, рассчитанного, как минимум, на 15-20 лет. Он предусматривает не восстановление прежней дореволюционной экономики, а развитие производительных сил «на основе новой, на основе крупной промышленности и электрификации. Только в этом состоит избавление от нашего нищенства...»³

Если в 1918 и 1919 годах мы открыли 51 электростанцию (3,5 тыс. киловатт), то в 1920 и 1921-м — 221 станцию мощностью в 12 тыс. киловатт. А в ближайшее время войдут в строй Каширская станция под Москвой, которая одна даст 12 тыс. киловатт, и «Красный октябрь» под Питером — 10 тыс. киловатт. Пока в числе действующих станций преобладают мелкие, сельские и «они хотя и ничтожны, но все же показывают крестьянам, что Россия не остановится на ручном труде, не останется со своей примитивной деревянной сохой, а пойдет вперед к другим временам». Но «сроки тут, как я уже говорил, измеряются десятками лет...»⁴

Выросла добыча нефти и угля. Если в 1920 году Донбасс дал 272 миллиона пудов угля, то в 1921-м — 350 миллионов. По сравнению с довоенной добычей (1 млрд. 700 млн.) это крайне мало. Но впервые в этом году удалось довести выработку забойщика до прежней нормы. А вот в добыче торфа, благодаря новым технологиям, разработанным учеными, довоенный уро-

¹ См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 301, 302, 302.

² Там же. С. 305, 308, 309.

³ Там же. С. 312, 316.

⁴ Там же. С. 320, 321, 374.

вень удалось превзойти. Все это позволило от учета топливных ресурсов в саженьях дров переходить к более прогрессивной — «минерализированной» структуре топливного баланса¹.

Но дефицит топлива остается. Metallургия, даже при четырехкратном росте во второй половине года, дала лишь 6% того, что производила до войны. А это привело к тому, что «попытка снабдить крестьянство продуктами перешедшей в руки государства крупной промышленности нам не удалась»².

Неурожай нанес деревне гигантский урон. Государство делало все, чтобы спасти миллионы голодающих в пострадавших районах. Крайне важно, что осенью удалось обеспечить семенами и добиться успеха в расширении посевов. В итоге — «засеяно в голодающих губерниях 75% озимого клина, в губерниях, частично пострадавших от неурожая, — 102%, в губерниях производящих — 123%, в губерниях потребляющих — 126%»³.

Владимир Ильич подробно рассказал о той безвозмездной помощи в 2,5 миллиона пудов продовольствия и 600 тысяч золотых рублей, которая была получена из-за рубежа, о закупке продовольствия и семян для весеннего сева на сумму в 60 миллионов золотых рублей. При этом он прямо указывал продовольственникам, что даже «при значительных зарубежных закупках нам надо собрать налог полностью, иначе промышленность снова остановится, помощь голодающим не будет оказана, крестьяне семсуды не получат»⁴.

Казалось бы, уж коли так худо, недостает топлива и чугуна, не хватает хлеба, то вполне оправданно «нажать» как следует и на рабочих, и на крестьян для получения необходимого. Но именно этого и опасался более всего Ленин. Не «вышибать», а научиться хозяйствовать — в этом-то и заключается «значение новой экономической политики. Учитесь... Это учение чрезвычайно свирепое... Но это есть то настоящее учение, которое мы должны проделать»⁵.

«Мы приступаем к задаче нашего экономического строительства, — продолжал Владимир Ильич, — на основе нашего вчерашнего опыта, а в этом-то и кроется наша коренная ошибка». Да, прежний опыт «был великолепен, высок, величественен, имел всемирное значение...» Но «когда обстановка изменилась и мы должны решать задачи другого рода, то

¹ См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 317, 318, 319, 321.

² Там же. С. 307, 318, 318.

³ Там же. С. 313, 314.

⁴ В.И. Ленин. Биографическая хроника. Т. 12. М., 1982. С. 64.

⁵ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 323.

здесь нельзя смотреть назад и пытаться решить вчерашним приемом...»¹

Ну, а тем из «вчерашних бойцов», кто страдает коммунистическим чванством и не желает понять новых задач, Ленин напомнил басню Крылова «Гуси». Рассказывают, будто в древние времена гуси своим криком предупредили римлян о нападении врагов и тем самым спасли «вечный город». Но когда, спустя столетия, дальние потомки гусей стали кичиться тем, что их предки «Рим спасли», крестьянин «ответил хворостинной: «Оставьте предков вы в покое, а вы что сделали такое?»».

Научитесь мерить работу не сиюминутным результатом, «научитесь работать иным темпом, считая работу десятилетиями, а не месяцами, зацепляясь за ту массу, которая измучилась и которая не может работать революционно-героическим темпом в повседневной работе, — либо научитесь этому, либо вас назовут по справедливости гусьями»².

Ленин напоминает старую французскую поговорку: «Недостатки у человека являются как бы продолжением его достоинств. Но если достоинства продолжают больше, чем надо, и не там, где надо, то они являются недостатками. Вероятно, почти всякий из вас в личной жизни и вообще это наблюдал, и мы теперь наблюдаем на всем развитии и нашей революции, нашей партии и... на всем аппарате, управляющем Советской Россией...»³

Как на один из примеров справедливости этой истины Владимир Ильич указывает на ВЧК, на «то учреждение, которое было нашим разящим орудием против бесчисленных заговоров, бесчисленных покушений на Советскую власть со стороны людей, которые были бесконечно сильнее нас... Вы знаете, что иначе, как репрессией, беспощадной, быстрой, немедленной, опирающейся на сочувствие рабочих и крестьян, отвечать на них нельзя было. Это — достоинство нашей ВЧК».

Но вот кончилась война, начался НЭП, и «та обстановка, которая у нас создалась, повелительно требует ограничить это учреждение сферой чисто политической... Необходимо подвергнуть ВЧК реформе, определить ее функции и компетенцию... Перед нами сейчас задача развития гражданского оборота — этого требует новая экономическая политика, а это требует большей революционной законности»⁴.

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 309, 323, 324.

² Там же. С. 325.

³ Там же. С. 323.

⁴ Там же. С. 327, 328.

Завершая выступление, Ленин сказал: «Та задача, которую мы решаем в этом году и которую мы так плохо до сих пор решали, — соединение рабочих и крестьян в прочный экономический союз... эта задача не только русская, но и мировая». Новое общество, основанное на этом союзе, «рано или поздно, двадцатью годами раньше или двадцатью годами позже, оно придет, и для него, для этого общества, помогаем мы вырабатывать формы союза рабочих и крестьян, когда трудимся над решением нашей новой экономической политики»¹.

Короткого выступления, как видим, не получилось. Впрочем, судя по плану доклада, Ленин именно так и рассчитал. Особенность этого выступления очень точно уловил один из гостей съезда — японский коммунист Сэн Катаяма...

«Товарищ Ленин говорил приблизительно три часа, не обнаруживая никаких признаков усталости, почти не меняя интонации, неуклонно развивая свою мысль, излагая аргумент за аргументом, и вся аудитория, казалось, ловила, затаив дыхание, каждое сказанное им слово.

Товарищ Ленин не прибегал ни к риторической напыщенности, ни к каким-то жестам, но он обладал чрезвычайным обаянием... Я наблюдал многочисленную толпу и не видел ни одного человека, который бы двигался или кашлял в продолжение этих трех часов. Он увлек всю аудиторию»².

Итак, вопреки всем опасениям и самого Ленина, и его близких, «доклад прошел очень хорошо, и это, — пишет Мария Ильинична Ульянова, — сразу подняло его настроение. Владимир Ильич заявил после окончания заседания съезда, что надо куда-нибудь поехать отпраздновать этот успех, и мы отправились вместе с находившимся в Большом театре Н.И. Бухариным в “Метрополь”, где он жил тогда.

Владимир Ильич был очень весел и оживлен. Он с большим юмором принялся рассказывать нам о своей недолгой юридической практике в Самаре... Затем был вытребован т. Мануильский, который славился своим умением рассказывать анекдоты и “изображать” товарищей. Мануильский был в этот вечер в ударе, и его слушатели хохотали до упаду. [Мария Ильинична не упомянула, что лучше всего он «изображал» именно Ленина — ВЛ.] Домой мы вернулись чуть не в 4 часа ночи»³. А в полдень 24-го Ленин уезжает в Горки.

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 329.

² Письма В.И. Ленину из-за рубежа. Изд. 2-е. М., 1969. С. 425.

³ Цит. по: Известия ЦК КПСС. 1991. № 2. С. 130.

На следующий день он садится писать для продолжающегося съезда Советов «Наказ по вопросам хозяйственной работы». Главной задачей, которую должен поставить съезд, является «достижение в кратчайший срок» прочных успехов в снабжении крестьянства товарами, необходимыми «для подъема земледелия и улучшения жизни трудящейся массы крестьянства».

При этом необходимо, с одной стороны, более энергичное привлечение к «работе в данной области всех сколько-нибудь выдающихся сил из рядов беспартийных рабочих и крестьян», а с другой, представителей науки, техники, а также практиков, которые приобрели опыт в организации производства и торговли.

Наркомюсту предлагалось, осуществляя строжайший контроль за соблюдением законов «частниками», не допускать «ни малейшего стеснения их деятельности». А перед Наркомфином ставилась задача добиваться сокращения эмиссии и восстановления «правильного денежного обращения на основе золотой валюты»¹.

В какой мере все это соответствовало представлениям самих крестьян об их нуждах? Для уяснения этого вопроса вечером 26 декабря Ленин приезжает из Горок в Москву на совещание беспартийных крестьян, собранное Калининым в здании правительства в Кремле. Повторилась та же история, что и ровно год назад во время VIII съезда Советов.

Владимир Ильич вошел в зал и, пристроившись в первом ряду, лицом к президиуму, вынул записную книжку. Сидевший рядом с ним костромской крестьянин И.Г. Гаврилов рассказывает, что Калинин в этот момент говорил о том, что центральная власть знает о тяжелом положении крестьян и делает все возможное для облегчения жизни деревни.

Гаврилов бросил Михаилу Ивановичу реплику: «Уж больно ласково вы с нами обращаетесь, — не думаете ли и нас сделать коммунистами?..» Владимир Ильич, быстро повернувшись в мою сторону, дотронулся правой рукой и, пристально посмотрев на меня, сказал: «Не делайся, отец, не делайся коммунистом! Мы все время чистим партию от деланных коммунистов... Довольно и того, что являетесь все понимающими нас честными гражданами, и этого вполне достаточно для того, чтобы нам строить новую жизнь».

Когда Калинин кончил, «посыпались бесконечные жалобы на действия местных властей. Каждый говорил о своем уезде,

---

¹ См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 335, 336, 337.

чуть ли не о своей деревне... Получился шум, как на волостном сходе. Владимир Ильич, не говоря ни слова, быстро писал. Казалось, что из этого беспорядочного говора он улавливал что-то для него очень важное... Через некоторое время Ильич снова обернулся в мою сторону и сказал: «Вот и тут шумят, — видно, что очень наболело на душе. Я в последнее время принялся изучать постановления волостных и уездных съездов. Надеюсь в них найти разгадку той задачи, которую не нахожу возможности решить ни по какой политической экономии». И быстро отвернулся снова к своей записной книжке.

Так как мне показалось, что Владимир Ильич говорил, не обращаясь собственно ко мне, а как бы вслух думая, то я не посмел отозваться на его слова ни единым знаком»¹.

После того, как делегаты хоть как-то выговорились и шум поутих, они все-таки настояли на том, чтобы Ленин выступил. Стенограмма этого выступления сохранилась. «...Я хочу сказать, — начал Владимир Ильич, — что вот теперь около половины девятого, мы можем до половины десятого и даже попозже здесь заняться... Давайте распределим время на те вопросы, которые представляют больше всего значения для вас. Мое дело здесь, как я понимаю, больше слушать и записывать...»

И все-таки ему пришлось опять коротко рассказать о мерах, принимаемых для оказания помощи голодающим, о важности успешного проведения весеннего сева, ответить на конкретные жалобы, связанные с гужевой повинностью крестьян и т.д.

А в конце он сказал: «Повторяю, что я все указания, которые здесь делаются, записываю и о каждом из них в соответственный наркомат или совнархоз напишу, для того чтобы можно было принять меры». И тут же добавил, что решено значительно увеличить число *беспартийных* крестьян в составе ВЦИК, чтобы они не только жаловались, но и сами боролись со всеми непорядками и злоупотреблениями на местах².

Когда совещание закончилось, Владимир Ильич успел переговорить с членом ВЦИК, сельским учителем из Тверской губернии Иваном Андреевичем Петрушкиным. Разговор был коротким: на прямой вопрос, поставленный Лениным, Петрушкин ответил, что меры, намеченные съездом Советов, полностью отвечают чаяниям крестьян.

В том, что Петрушкин не подыгрывал начальству — сомнений не было. Выступления на съезде самих крестьян сви-

---

¹ Рабочие и крестьяне России о Ленине. Воспоминания. М., 1958. С. 286, 287, 288.

² См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 330, 333.

детельствовали о том, что новую политику Советской власти они не только приняли, но и по-своему осмыслили. Причем это касалось не только сугубо практических мер.

Весьма примечательным в этом отношении стало выступление делегата Московской губернии Головкина, седобородого старика в дубленом желтом полушубке и теплых катанках.

«Пережил я трех царей, — сказал Головкин, — и Александра Освободителя, и Александра Миротворца, и Николая Виноторговца, и говорю, что, слава богу, этих помазанников больше нет. Пока они были, я сидел за печкой с тараканами, ни земли, ни хлеба у меня не было, а теперь гляди, где я сижу — в президиуме Всероссийского съезда...

При старой разверстке я сам зарывал в землю хлеб, а теперь все держу открыто, не боюсь, так как продналог уплатил. Надо крестьянина больше удовлетворить, а он все даст своему государству. Крестьянство — это основа. Вот как в этом театре: стены — это крестьяне, крыша — рабочий, а окна и двери — интеллигенция. Подкопайте стены — рухнет все здание, сломается крыша, лопнут окна и двери. Погибнет крестьянин — все погибнет».

И еще Головкин сказал: «Наше советское хозяйство мы наладим обязательно. Построим мы скромно, честно, чисто, только не забывайте Карла Маркса. Дело это простое: вот у человека две руки, и он обязан одной работать для государства, а другой для себя, и тогда все пойдет очень хорошо благодаря новой экономической политике»¹.

Именно в эти дни Ленин реализует свою давнюю задумку — ввести крестьян, как тогда выражались — «от сохи», в состав руководства наркомата земледелия. Мысль об этом пришла Владимиру Ильичу еще в феврале, после встречи с Иваном Афанасьевичем Чекуновым. И то, что Чекунов, помимо земледельца, был когда-то трактирщиком и человеком глубоко верующим, несколько не смущало Ленина. В октябре Иван Афанасьевич был введен в состав коллегии Наркомзема, стал присутствовать на заседаниях Госплана.

Но оставался вакантным — после отставки С.П. Середы — еще более высокий пост: наркома земледелия. На него Ленин подыскивал крестьянина — сибиряка. Своими мыслями он поделился с заместителем наркома, старым партийцем И.А. Теодоровичем и 17 декабря получил от него письмо с характеристикой Василия Григорьевича Яковенко.

---

¹ Цит. по: *Драбкина Е.Я.* Зимний перевал. С. 129.

«По внешним данным, — писал Иван Афанасьевич, — это мужик лет за 40 [Яковенко в это время не было и 33-х — ВЛ], рослый, могучий, волосатый бородач от сохи, влюбленный в “землю”, безоговорочно преданный лозунгам Советской власти, дисциплинированный и трезвый, он удивительно умел сочетать “энтузиазм масс” с чисто мужицкой хозяйственностью и реалистичностью...

Авторитет его среди крестьянства был поразительный. Вера в его личную честность и разумность — повсеместно». И, подводя итог, Теодорович написал: «Знание мужицкой души, крестьянского быта, кровная связь с деревней, безупречность личная, героическое прошлое».

Преувеличений в этой характеристике не было. Сам Яковенко на одном из собраний рассказывал о себе так: «Деды и отцы мои — природные мозольные крестьяне. Сам я коренной хлебороб, крестьянин — сибиряк Канского уезда, села Тасеево. У плуга да у хлева проходила моя жизнь до тех пор, пока царь не нашел меня в тайге и забрил в солдаты. Вынес я в окопах и боях всю великую войну и уже тогда понял, что не может быть рабочим и крестьянам ни счастья, ни свободы, пока на их шее сидят царские псы — помещики и капиталисты».

За отвагу и храбрость заслужил Василий Григорьевич на фронте самую высшую солдатскую награду — три Георгиевских креста. А в июле 1917-го вступил в большевистскую партию. С началом Гражданской войны стал одним из вожаков сибирских партизан. После разгрома Колчака стал председателем Канского уездного исполкома Енисейской губернии.

Прислал характеристику на Яковенко и председатель Красноярского губревкома А.П. Спундэ: «Яковенко был бесспорно лучшим по идейности сибирским партизаном... Умеет сохранять постоянную прямо-таки “интимную” связь с крестьянством... Человек самостоятельный и сильный характером». В конце Спундэ добавил: надо «чтобы около него не было специфических цекистских интриг», иначе «может отойти от нас в силу своей искренности и щепетильности»¹.

24 декабря Ленин посылает несколько вопросов о Яковенко Емельяну Ярославскому. Тот отвечает кратко: «Уважение крестьянства? — Большое... Твердость? — Властный, твердый человек. Ум? — Умный, сметливый. Преданность Соввласти? — Преданность доказал и в период партизанства, и позже»².

¹ Биографические данные о В.Г. Яковенко собраны в Интернете его земляком — журналистом Пашнёвым.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 54. С. 93.

26 декабря Политбюро по предложению Ленина принимает решение о срочном вызове Яковенко в Москву. 28-го, когда Владимир Ильич приезжает на Пленум ЦК, Василия Григорьевича на съезде Советов избирают в состав ВЦИК. И, наконец, 31-го вечером состоялась их встреча. Ленин поручает Марии Гляссер сообщить по телефону членам Политбюро, что Яковенко «произвел на него хорошее впечатление», и он просит членов Политбюро также переговорить с Василием Григорьевичем. На телефонограмме пометка: «31 декабря, 21 час»¹.

А на заседании Политбюро, состоявшемся в этот день, принимается решение о «предоставлении Ленину 6-недельного отпуска с 1 января 1922 г. с запрещением приезжать в Москву для работы без разрешения Секретариата ЦК РКП(б) и с обязательством назначить один определенный час в день для переговоров по телефону по наиболее важным вопросам»².

В 11 часов 1 января Владимир Ильич уезжает в Горки.

---

¹ См.: В.И. Ленин. Биографическая хроника. Т. 12. М., 1982. С. 88.

² В.И. Ленин. Биографическая хроника. Т. 12. С. 87.

Глава 2

«ОТ ШТУРМА К ОСАДЕ»

«О пользе охоты на лис»

В один из солнечных зимних дней, после долгого перерыва, Владимир Ильич выбрался, наконец, на охоту. Прельстили тем, что это будет охота на лису «с флажками», которой он прежде весьма увлекался.

Сущность этой охоты, рассказывал один из ее участников Николай Васильевич Крыленко, состояла в том, что выслеженную лисицу «обтягивают красными флажками на довольно большом пространстве в круг, из которого есть только один выход, у которого становится охотник, и затем загоняют ее к этому выходу хлопками в ладоши и криками...

Эта охота является одной из самых красивых и в то же время самых трудных, поскольку требует... от охотника железной выдержки...

Мне пришлось стоять недалеко от Владимира Ильича, и я видел, как прямо на него, подозрительно обнюхивая своей острой мордочкой воздух, вышла яркорыжая красавица лиса.

Посыпанные снегом молодые ёлочки закрывали от нее Владимира Ильича. Лисица шла прямо на него, а он, вместо того, чтобы использовать момент для быстрого и меткого выстрела, весь так и застыл и смотрел, не отрывая глаз, на подходившего зверя, смотрел и... не стрелял.

Лисица остановилась, повернувшись к нему головой. Владимир Ильич начал поднимать ружье. Этого, конечно, было достаточно для того, чтобы зверь моментально, как молния, повернулся, махнул хвостом и скрылся.

На мой вопрос, почему он не стрелял, Владимир Ильич ответил:

— Она была так хороша и так красива...

И тут же со свойственным ему добродушием начал себя ругать, говоря, что он — «не охотник, а... сапожник» и т.д. Для меня однако было ясно, что он сознательно не хотел стрелять»¹.

Этот сюжет в свое время немало эксплуатировали в детской литературе. Однако смысл описанного эпизода был куда

¹ Воспоминания о В.И. Ленине. Том 2. М., 1957. С. 426.

интереснее, а крут ассоциаций, возникших в тот момент у Ленина, куда шире и сложнее, нежели представлял Крыленко.

Вот что написал в январе 1922 года об этой охоте на лису сам Ленин: выслеженную лисицу «окружают на известном расстоянии веревкой с красными флажками... Боясь явно искусственного “человеческого” сооружения, лиса выходит только тогда и только там, где эта “ограда” из флажков приоткрывается, а там ее и ждет охотник. Казалось бы, осторожность для такого зверя, которого все травят, качество самое положительное. Но и тут “продолжение достоинства” оказывается недостатком».

Иначе говоря, когда он, глядя на лису, двигавшуюся навстречу выстрелу, засмотрелся и задумался, в голове его, помимо прочих, мелькнула мысль о том, как велика сила привычки, инерции, как трудно вырваться за рамки сложившихся представлений даже тогда, когда тебе грозит смертельная опасность.

И, вспоминая выступления очень «левых» и очень «революционных» делегатов ряда европейских компартий на III конгрессе Коминтерна, Владимир Ильич заключил:

«Политические уроки даже из наблюдения такой тривиальной вещи, как охота на лис, оказываются небесполезными: с одной стороны, чрезмерная осторожность приводит к ошибкам. С другой стороны, нельзя забывать, что если заменить трезвый учет обстановки одним “настроением” или маханьем красными флажками, то можно сделать ошибку уже непоправимую; можно погибнуть при таких условиях, когда хоть трудности и велики, но гибель ничуть, ни чуточки еще не обязательна»¹.

Именно «трезвый учет» обстановки и привел Ленина к выводу, что после целого ряда революционных выступлений, прокатившихся по Европе в 1917-1920 годах, наступает длительная полоса относительной стабилизации.

После поражения «Польского похода», когда поначалу казалось, что победа так близка и конный корпус Гая прорвался аж до самых границ Германии, после подавления вооруженного выступления немецких рабочих в марте, стачки английских горняков в апреле 1921 года и целого ряда других событий — это становилось все более очевидным. И из этого надо было делать выводы.

Лозунгами всякой революции изначально не могли стать ни погоня за наживой, ни страсть к обогащению. «Человек, —

---

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 419, 421.

считал Фридрих Шиллер, — вырастает по мере того, как растут его цели». И все великие революции прошлого выдвигали овеянные романтикой вселенские милитантистские идеалы и в меру своих сил пытались их осуществить. Именно эти идеалы сплавляли массы людей и вызывали тот энтузиазм, который сметал все на своем пути. Именно так — как «мир» и «мир» — толковали главный лозунг Октября рабочие и солдаты.

Но те «лениноеды», которые называют Владимира Ильича исключительно «вождем мирового пролетариата», вкладывая в это тот смысл, что до России ему, мол, и дела не было, лишь делают вид, что не понимают разницы между периодами штурма и осады. Обвинения в разжигании «мирового пожара» так и остались на долгие годы одним из главных мотивов пропаганды, направленной против Советской России.

Между тем, ни в коей мере не отказываясь от поддержки коммунистического и национально-освободительного движения в других странах, Владимир Ильич переносит центр тяжести проблемы в иную плоскость.

«В настоящее время, — сказал он в мае 1921 года на X партконференции, — международное положение таково, что какое-то временное, неустойчивое, но все-таки равновесие установилось... Сейчас главное свое воздействие на международную революцию мы оказываем своей хозяйственной политикой... На это поприще борьба перенесена во всемирном масштабе. Решим мы эту задачу — и тогда мы выиграли в международном масштабе наверняка и окончательно. Поэтому вопросы хозяйственного строительства приобретают для нас значение совершенно исключительное...»¹

Однако умерить «революционный» пыл «левых», как на Западе, так и у себя в России, было не просто. На исполкоме Коминтерна и на III конгрессе Ленин резко критиковал сторонников «теории наступления» — тех немецких, французских, итальянских, австрийских, венгерских коммунистов, которые, как заявил Владимир Ильич, своими «левыми глупостями» способны загубить и коммунистическое и рабочее движение в своих странах. Он выступил даже против оказания Коминтерном финансовой поддержки подобного рода зарубежным группам².

Умеряли избыточный «революционный» пыл и в самой России. Орджоникидзе, Киров и советские органы власти на Кавказе получили послание, в котором указывалось на необ-

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 43. С. 340, 341.

² См.: В.И. Ленин. Неизвестные документы. С. 451, 452, 469.

ходимость «прекращения всяких шагов» и недопустимость любых попыток, направленных на организацию «Комитета освобождения Персии» и создания на ее территории так называемой «Гилянской республики», так как это является прямым нарушением Русско-персидского договора¹.

Компартия Эстонии, Латвии и Литвы, которые — рассчитывая на прямую поддержку России — активизировали свою нелегальную деятельность, по инициативе Ленина и Чичерина также было направлено специальное письмо, где прямо указывалось, что неприемлемы «всякие действия, рассчитанные на вовлечение России в военную борьбу с одним из этих государств или могущие иметь своим последствием такое вовлечение, могут повлечь обострение в ее международном положении»².

Эта позиция предполагала, среди прочего, возможность мирного сосуществования Советской России с капиталистическим окружением на основе прежде всего экономического сотрудничества. При всей остроте политической конфронтации оно постепенно пробивало себе дорогу. Еще 16 марта 1921 года было подписано торговое соглашение с Англией, и Ллойд Джордж, выступая в Палате общин, справедливо заметил, что оно означает признание Советского правительства де-факто. 6 мая возобновляются торговые отношения с Германией, затем следуют Норвегия, Австрия, Италия. Становилось все более очевидным, что для дальнейшего стимулирования этого процесса необходимо сделать какие-то дополнительные встречные шаги.

В конце концов те предварительные условия для любых отношений с Советской Россией, которые выдвинула уже упоминавшаяся Брюссельская конференция 19-ти европейских государств (6-8 октября 1921 года), содержала лишь один ультимативный и вполне конкретный пункт: признание долгов прежних российских правительств. Два других — о создании «нормальных условий экономической жизни» и «контроле» за распределением продовольственной помощи, как показал опыт сотрудничества с АРА, вполне могли стать предметом делового обсуждения.

Любопытно, что о своих решениях брюссельские конференции, вопреки принятым в цивилизованной дипломатии нормам, даже не уведомили Советское правительство. Впрочем, как выразился нарком по иностранным делам Г.В. Чиче-

---

¹ См.: В.И. Ленин. Неизвестные документы. С. 459, 467, 484.

² В.И. Ленин. Неизвестные документы. С. 449.

рин, «перед лицом голодающих масс подобными тонкостями дипломатического этикета» можно было пренебречь.

27 октября Политбюро обсудило этот вопрос и приняло положительное решение, а 28-го ВЦИК опубликовал «Декларацию о признании долгов». В ней говорилось, что Советское правительство готово вести переговоры о взаимных требованиях, признании довоенных долгов при условии заключения с Россией мира и признания ее другими странами.

Проект заявления Совнаркома по поручению Ленина написал Георгий Васильевич Чичерин. В нем говорилось, что Советское правительство готово сделать ряд существенных уступок, тем более что, учитывая интересы многочисленных мелких держателей соответствующих облигаций (особенно во Франции), «предложение признать на известных условиях старые долги идет навстречу собственным намерениям Советской России». Она готова, в частности, признать все обязательства по государственным займам царского правительства, сделанным до 1914 года¹.

Что касается других требований, то Советское правительство убедилось, что «частные своекорыстные интересы отдельных групп капиталистов не мешают ему в работе восстановления народного хозяйства... Оно восстановило частную торговлю, частную собственность на мелкие предприятия, право концессий и аренды на крупные» и заинтересовано в участии иностранного капитала в разработке естественных богатств России и готово предоставить концессионерам достаточно высокую прибыль².

Для этой цели Советская Россия предлагает созвать международную конференцию, которая могла бы рассмотреть «взаимные претензии держав друг к другу», а также «положить конец всяким действиям, угрожающим безопасности Советских республик», признать Советское правительство и заключить с ним «всеобщий мир»³.

24 октября Ленин просматривает проект Чичерина и делает ряд замечаний: «**Главное:** надо сказать и *тонко*, и точно о *наших* к ним претензиях». А 27 октября Политбюро ЦК РКП(б), обсудив вопрос «о признании долгов», постановило «принять в основе текст, предложенный тов. Чичериным, с поправками тов. Ленина...» На следующий день официальное заявление было отправлено правительствам Англии, Франции,

¹ См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 189, 187, 188, 573.

² Там же. С. 186.

³ Там же. С. 187.

Италии, Японии и США. И уже 6 января 1922 года Верховный совет стран Антанты принимает решение о созыве Международной экономической и финансовой конференции в Генуе и *приглашении на нее Советской делегации*¹.

Первым пунктом этого решения стало признание того, что «ни одно государство не может присвоить себе право диктовать другому государству принципы, на которых последнее должно регулировать свою систему собственности, внутренней экономической жизни и управления». Ленин расценил это заявление как косвенное признание неизбежности существования — наряду с капиталистической — коммунистической системы собственности. А стало быть, оно открывало дорогу уже для серьезных переговоров².

27 января Чрезвычайная сессия ВЦИК утвердила состав советской делегации на Генуэзской конференции. Председателем назначался Ленин, заместителем Чичерин «со всеми правами председателя на случай, если обстоятельства исключат возможность поездки тов. Ленина на конференцию»³.

Оговорка не была случайной. Еще 7 января Красин прислал телеграмму: «Приезд Ленина в Италию считаю недопустимым ввиду савинковцев, врангелевцев и фашистов». 12 января Владимир Ильич написал в Политбюро: «Думаю, что указанная Красиным причина в числе других причин исключает возможность поездки в какую-либо страну как для меня, так и для Троцкого и Зиновьева». В этой связи ЦК РКП(б) и принимает решение: в Геную во главе делегации поедет Чичерин⁴.

Из этого, естественно, вытекала необходимость срочной разработки директив, которыми делегация будет руководствоваться. Первый вариант соответствующего проекта Владимир Ильич написал уже 1 февраля. В нем говорилось: «Вся сумма речей и заявлений наших делегатов на конференции должна быть заранее рассчитана так, чтобы... получилось в итоге краткое, но ясное изложение всей совокупности коммунистических взглядов (по вопросам международных отношений и экономики)...»

Но от варианта к варианту эта «пропагандистская» задача все более суживалась и на передний план выходят сугубо деловые вопросы. «Программа эта должна быть буржуазно-пацифистской», — пишет Владимир Ильич 6 февраля. Мы пред-

---

¹ См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 582.

² Там же. С. 371, 581, 582.

³ Там же. С. 583.

⁴ В.И. Ленин. Известные документы. С. 492.

лагаем «ряд паллиативов и мер реформистского типа»: аннулирование всех долгов, пересмотр Версальского договора, предоставление льготных займов странам, наиболее пострадавшим от войны, меры по борьбе с инфляцией, топливным кризисом и т.п.¹

Чичерину он поясняет: «Мы предлагаем широкий порядок дня, намекаем на свою “паллиативную” программу... Отклоняют? ... Не хотите широкой, давайте более узкую... Пойдем и на самую даже узенькую, но только ни на что невыгодное для нас не пойдем. Ультиматумам не подчинимся. Если желаете только “торговать”, — давайте...»²

24 февраля, в последнем варианте проекта, Ленин указывает, что изложение коммунистических взглядов должно быть самым кратким — «...(например, в придаточном предложении), с прямым заявлением, что проповедывать наши взгляды здесь мы считаем неуместным, ибо пришли за торговым соглашением и за попыткой соглашения с пацифистской частью другого (буржуазного) лагеря. И одна из главных наших задач в Генуе как раз и состоит в том, чтобы выделить это пацифистское крыло буржуазного лагеря и объявить «желательным соглашением с ним не только торговое, но и политическое (как один из немногих шансов мирной эволюции капитализма к новому строю, чему мы, как коммунисты, не очень верим, но помочь испытать согласны и считаем своим долгом...)»³ Последнее предложение о «мирной эволюции» с точки зрения «левых» звучало уж совершенно «крамольным».

Крайне важной задачей, связанной с предстоящей конференцией, Владимир Ильич считал тщательный подбор состава делегации. Главное требование — *компетентность*. «Все члены делегации, — пишет Ленин 1 февраля, — должны подготовиться в общем ко всем политическим и финансовым вопросам, имеющим и могущим встать на конференции».

Для этого, среди прочего, они «должны *знать превосходно* книгу Кейнса («Экономические последствия мира») и подобные буржуазные и буржуазно-пацифистские книги...» И кроме того «каждый член делегации должен приготовиться специально, особо подробно, досконально к одному из важнейших дипломатических и одному из важнейших финансовых вопросов». Причем по избранной теме они обязаны предварительно выступить в печати⁴.

¹ См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 382, 383.

² Там же. С. 383, 386.

³ Там же. С. 407.

⁴ Там же. С. 374, 375, 380.

Это особо относится к подбору экспертов, которые поедут с делегацией в Геную. «Сначала экзамен им... Иначе к черту, — пишет Ленине Сталину и Каменеву 4 февраля. — Ей-ей, осырают... Всегда успеем взять говно в эксперты: сначала попытаемся выделить нечто путное»¹.

В тот же день, прочитав в журнале «Смена вех» статью о Генуэзской конференции, он, совершенно неожиданно для коллег, предлагает включить в состав экспертов ее автора — бывшего министра иностранных дел в правительстве Керенского, белоэмигранта, члена Парижского комитета партии кадетов Ю.В. Ключникова².

28 февраля 1922 года проект постановления ЦК «О задачах советской делегации в Генуе», предложенный Лениным, принимается Политбюро. В постановление включаются два дополнения Сталина: 1. «Вопрос о *признании Соввласти* ставить не в начале, а в конце конференции», не делая из него ультиматума; 2. В противовес предложения Красина о признании Центрсоюза, сельхозкооперативов и пр. субъектами переговоров, — «иметь в виду лишь один субъект — государство российское»³.

Те «вселенские» проблемы, которые занимали Владимира Ильича, ни в коей мере не отодвинули в сторону вопросов внутренней политики, требовавших безотлагательного решения. В конечном счете всё теперь зависело именно от этого. И хотя Политбюро пыталось сузить их круг, даже в Горках они заполняли все временное пространство. Так что с рождественскими каникулами, на которые рассчитывали врачи, так у Ленина ничего и не получилось.

Накануне отъезда в Горки, 28 декабря, Пленум ЦК заслушал доклады Рудзутака, Андреева и Шляпникова о роли профсоюзов в связи с НЭПом. Вопрос этот порождал изрядную сумятицу в умах и нещадно эксплуатировался не только меньшевиками и эсерами, но и «рабочей оппозицией», утверждавшими, что НЭП, улучшив положение крестьян, резко ухудшил положение и урезал права рабочих.

После обмена мнениями пленум создал комиссию в составе Рудзутака, Андреева и Ленина для выработки тезисов о задачах профсоюзов, которые могли бы лечь в основу резолюции предстоящего XI съезда партии. 30 декабря Ленин написал членам комиссии и Молотову, что в связи со сложностью

¹ В.И. Ленин. Неизвестные документы. С. 503.

² См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 380.

³ Там же. С. 586.

вопроса «особенно спешить не надо и... я через 3-4 дня, а может быть и раньше, закончу первый проект...» Обещание Ленин выполнил, и 4 января 1922 года тезисы были готовы¹.

Новая экономическая политика, писал Владимир Ильич, действительно внесла «ряд существенных изменений в положение пролетариата...». После завоевания власти коренным интересом российских рабочих является «повышение в громадных размерах производительных сил общества». Задача эта усугублялась ныне «послевоенным разорением, голодом и разрухой». А без ее решения «немыслима победа социализма»².

По сути дела, ради этого теперь и допущена «свободная торговля и капитализм, которые подлежат государственному регулированию, а, с другой стороны, государственные предприятия переводятся на так называемый хозяйственный расчет, то есть, по сути, в значительной степени на коммерческие и капиталистические начала»³.

Для обеспечения будущей эффективности производства, свободы маневрирования на рынке, вся полнота власти и на частных, и на государственных предприятиях сосредотачивается в руках директоров и заводоуправлений. И непосредственное некомпетентное вмешательство в их распорядительные функции профсоюзов, обязанных защищать интересы рабочих, «должно быть признано безусловно вредным и недопустимым».

Значит необходимо открыто признать наличие противоположности интересов труда и капитала и неизбежность на данном этапе классовой борьбы. «Отсюда вытекает, — пишет Ленин, давая ответ на один из самых дискуссионных вопросов, — что в данный момент мы никоим образом не можем отказать от стачечной борьбы, не можем принципиально допустить закона о замене стачек обязательным государственным посредничеством».

И это касается не только частнокапиталистических предприятий, но и государственных, где стремление администрации к увеличению прибыли и преувеличение «ведомственного усердия, неминуемо порождает известную противоположность интересов между рабочей массой и директорами, управляющими госпредприятий или ведомствами, коим они принадлежат».

¹ См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 341, 575.

² Там же. С. 341, 345.

³ Там же. С. 342.

При наличии пролетарской госвласти такие стачки являются средством «борьбы с бюрократическими извращениями этого государства, с его ошибками и слабостями, с вырывающимся из-под его контроля классовыми аппетитами капиталистов и т.п.» Только такими причинами, а также политической и культурной неразвитостью трудящихся масс, не умеющих использовать свои законные права, подобные забастовки могут быть объяснены и оправданы¹.

Именно об этой неразвитости, недостатке культуры достаточно широких слоев рабочей массы Ленину напомнило событие, произошедшее как раз в эти дни. 3 января, когда Владимир Ильич уже заканчивал работу над тезисами, «Правда» опубликовала заметку о самоубийстве инженера В.В. Ольденборгера.

Владимир Васильевич Ольденборгер принадлежал к числу тех инженеров, которые сразу после Октября стали честно сотрудничать с Советской властью. Будучи главным инженером Московского водопровода, он на протяжении всей Гражданской войны сумел обеспечивать его функционирование. И в большевистской среде его называли не иначе, как «нашим комиссаром воды».

Но в 1921 году, с появлением на Мосводопроводе инспекторов РКИ Семенова и Макарова, начались склоки, переросшие в травлю Ольденборгера. И все это — на глазах и при попустительстве комячейки и рабочего коллектива, который им же был создан. Дело кончилось доносом в ВЧК, обвинявшим главного инженера в техническом расстройстве водопровода и причастности к «контрреволюционной организации».

Ознакомившись с информацией по этому делу, Ленин оценил его как позорное для партии и Советской власти и 4 января предложил Политбюро привлечь к суду всех повинных в травле Ольденборгера, широко («внушительно и гласно») освещая его ход в центральной печати. Помимо гражданского суда, Владимир Ильич считал необходимым создание особого партийного суда с приданием ему *всей* партиячейки водопровода, не останавливаясь перед исключением ее членов из рядов РКП(б)².

А в тезисах о задачах профсоюзов Ленин написал: «Мы еще не скоро сможем осуществить, но во что бы то ни стало должны осуществить то, чтобы спецам, как особой социальной

---

¹ См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 343, 344, 346, 348.

² Там же. С. 354, 498, 576.

прослойке, ... жилось при социализме лучше, чем при капитализме, в отношении материальном и правовом, и в деле товарищеского сотрудничества с рабочими и крестьянами, и в отношении идейном, т.е. в отношении удовлетворения своей работой и сознания ее общественной пользы...»

Возвращаясь к делу Ольденборгера, Владимир Ильич заключает: «Если все наши руководящие учреждения, т.е. и Компартия, и Соввласть, и профсоюзы, не достигнут того, чтобы мы как зеницу ока берегли всякого спеца, работающего добросовестно, с знанием своего дела и с любовью к нему, хотя бы и совершенно чуждого коммунизму идейно, то ни о каких серьезных успехах в деле социалистического строительства не может быть и речи».

Что касается позорного случая с Ольденборгером, то «вина за такие явления ложится, конечно, в несравненно большей мере на Компартию и Соввласть в целом, чем на профсоюзы. Но речь идет сейчас не об установлении меры политической вины, а об определенных политических выводах»¹.

И один из них состоит в том, что этот конкретный трагический случай еще раз высветил тот печальный факт, что именно недостаток культуры, знаний, а зачастую и неосознанность своих коренных интересов, являются одним из главных препятствий для более широкого вовлечения трудящихся масс в процесс управления народным хозяйством.

Но признание этой бесспорной истины, подчеркивает Ленин в тезисах, отнюдь не означает отрицания необходимости участия рабочих профсоюзов в организации и управлении государственной промышленностью. Наоборот, именно профсоюзы, как ближайший сотрудник госвласти, должны стать для массы трудящихся школой управления. И, как во всякой школе, начинать надо с азов².

Необходимо вести систематическое производственное просвещение, ознакомление каждого рабочего со всем кругом вопросов, связанных с деятельностью предприятия — от заготовки сырья до реализации готовой продукции, «давая все более конкретное представление как о едином государственном плане социалистического хозяйства, так и о практической заинтересованности рабочего и крестьянина в осуществлении этого плана»³.

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 350, 351.

² Там же. С. 346.

³ Там же. С. 347.

При этом важно систематически выискивать и отбирать рабочих и крестьян, способных вести административную работу, обучать их выдвигать наиболее умелых на самые различные уровни управленческих структур. Мало того, представители профсоюзов должны непременно участвовать в выработке тарифов, в формировании и в составе не только заводоуправлений, но и в работе коллегий «всех хоз- и госорганов, связанных с экономикой...»¹

Все это позволит перейти «от причинившего немало вреда непосредственного, неподготовленного, некомпетентного, безответственного вмешательства в управление к упорной, деловой, рассчитанной на долгий ряд лет работе *практического обучения* рабочих и всех трудящихся управлять нархозяйством целой страны»².

Чтобы решать эту долговременную задачу, необходимо изменить сами профсоюзы, формы и методы их деятельности. И прежде всего перейти от поголовной и принудительной записи всех рабочих в союзы к добровольному членству. При этом от членов союзов «не следует требовать определенных политических взглядов; в этом смысле, как и в вопросе об отношении к религии, профсоюзы должны быть беспартийны». Вполне достаточно понимание ими необходимости товарищеской дисциплины и солидарности в защите интересов трудящихся и лояльности по отношению к Советской власти³.

Одной из самых «грозных опасностей для численно скромной компартии, которая, в качестве авангарда рабочего класса, руководит огромной страной... является опасность отрыва от масс...» Профсоюзы могут сыграть роль передаточного механизма от партии к массам.

Но для этого они «должны жить в гуще рабочей жизни, знать ее вдоль и поперек, уметь безошибочно определить по любому вопросу, в любой момент настроения массы, ее действительные потребности, стремления, мысли, уметь определить, без тени фальшивой идеализации, степень ее сознательности,... уметь завоевать себе безграничное доверие массы товарищеским отношением к ней, заботливым удовлетворением ее нужд»⁴.

---

¹ См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 346.

² Там же. С. 348.

³ Там же. С. 345.

⁴ Там же. С. 348.

Только так, проявляя «особый такт», можно достичь «с минимумом трений подъема этой массы на ступеньку выше в отношении культурном, хозяйственном, политическом»¹.

12 января 1922 года, после некоторых изменений и дополнений, проект тезисов был принят Политбюро за основу. А 17 января его опубликовала «Правда» как проект тезисов ЦК по вопросу о профсоюзах для XI съезда партии.

Тезисы «Основные положения финансовой программы», подготовленные для XI съезда, представил Г.Я. Сокольников. Их написанию предшествовали достаточно долгие и острые дискуссии.

6 января 1922 года Сокольников опубликовал в «Экономической жизни» статью «Гарантированный» рубль». Поскольку слухи о его назначении заместителем наркома уже просочились в среду финансовых работников и ученых-экономистов, то — в сочетании с решением IX съезда Советов — статью восприняли как программную.

«Стабилизация рубля на основе металлического обеспечения, — писал Сокольников, — этот курс должен быть взят теперь же, вся денежная (и шире — финансовая) политика должна иметь своей целью осуществление этой задачи». Но такая конечная цель не исключает, в качестве переходной меры, стабилизацию нынешнего денежного обращения.

Выпуск новых банковых билетов образца 1922 года, обмениваемых по курсу 1:10000, не гарантирует их размен на золото. Экономически это сейчас невозможно. Но в основу всех расчетов будет положен условный довоенный (золотой) рубль, в котором уже вычислен бюджет этого года.

Его курс определяется посредством деления данной суммы совзнаков на коэффициент их обесценивая с 1914 года. То есть, если пуд белой муки стоит сейчас 200 тысяч, а рубль обесценился в 100 тысяч раз, то по условному курсу этот пуд в данный момент стоит 2 довоенных (золотых) рубля.

И этот новый «стабилизированный» банковый билет будет функционировать в рамках существующего денежного обращения *«наряду и вместе с ним»*, постепенно замещая и «корректируя» нынешнюю бумажную систему, являясь в ней своего рода «островом устойчивости».

Но главное, в отличие от предшествующих проектов, базой для подобных преобразований, как считал Сокольников,

---

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 350.

должны стать не ожидание крупного заграничного займа и не только ограниченный золотой запас республики, а расширение внутреннего и внешнего товарооборота, торговли, опирающегося на развитие реальной экономики, в частности, мелкой промышленности и крестьянского хозяйства¹.

26 января Сокольников собрал на совещание узкий круг специалистов: членов Правления Госбанка Кутлера и Каценеленбаум, профессоров Гензеля, Соколова, Любимова, Фалькнера, Шапошникова, Юровского и ученого секретаря Института экономических исследований НКФ К.Ф. Шмелева.

Поскольку их интересы лежали в сугубо финансовой сфере, Григорий Яковлевич сосредоточил внимание именно на этой стороне реформы. Отмена конфискации золота и других драгметаллов, сказал он, ставит вопрос о разрешении на сделки купли-продажи золота, серебра, драгоценных камней и иностранной валюты, на открытие текущих и банковских счетов в золоте, о приеме его в платежи госналогов, обмене золота на совзнаки, котировке русского рубля и т.д. и т.п.

Надо учитывать, сказал Сокольников, что в ряде регионов, особенно на Юге, Урале, в Сибири, ДВР, Туркестане, значительное количество золота разошлось по частным рукам. Имеется оно и у новой буржуазии. Вовлечение его в легальный оборот даст дополнительные шансы для возможного восстановления в России золотого обращения².

Судя по всему, для профессуры подобное выступление замнаркома оказалось достаточно неожиданным, а по ряду пунктов гораздо более радикальным, нежели те предложения, которые формулировались ими на ноябрьском совещании в Госбанке.

Профессор Каценеленбаум даже переспросил: правильно ли он понял, что речь идет о легализации обращения золота? Сокольников ответил положительно, и далее прения приняли весьма оживленный характер.

Профессор С.А. Фалькнер сообщил, что конец 1921 года дал резкое повышение товарных цен: в октябре на 25%, в ноябре на 37%, в декабре на 93%, а в январе уже на 125%. Такой темп обесценивания денег ставит под вопрос саму возможность покрытия госбюджета. Предлагаемая легализация обращения золота приведет к тому, что оборот будет избегать бумажных знаков, а это означает полнейший крах всей существующей бумажноденежной системы. Аналогичную осто-

---

¹ См.: Денежная реформа 1921-1924 гг. С. 63-65.

² Там же. С. 69, 71.

рожную позицию занял и профессор Л.Н. Юровский. В будущем, сказал он, допускать сделки с золотом придется, но сейчас Наркомфин к этому не готов. Мало того, это опасно, ибо приведет к утечке золота за границу. И вообще в настоящее время «едва ли было бы возможно заменить существующую денежную систему другой системой»¹.

Профессор З.С. Каценеленбаум заметил, что бояться утечки золота за границу не надо. Она происходила и в 1916-1917, и в 1918 годах, что вполне соответствовало состоянию хозяйства страны. Но теперь, в условиях НЭПа, «я в этом не вижу особой беды, потому что взамен его будут притекать товарные ценности». В стране имеется драгметаллов на сумму примерно 300 млн. золотых рублей, а реальная стоимость всей массы бумажных денег лишь 50 млн. золотых рублей, т.е. в 6 раз меньше. Поэтому легализация золота в принципе возможна. Но она несовместима с монополией Госбанка и установлением им твердого курса продажи валюты. Ни один сумасшедший не понесет золотой десятирублевик в Госбанк по нынешнему курсу в 1,2 млн. рублей, если на нелегальной бирже за него дают 2,5 млн.²

Профессор П.П. Гензель заявил, что также не разделяет ряда опасений своих коллег. «Как известно, — сказал он, — и Витте ставили в вину то, что он слишком рано провел реформу денежного обращения». Что касается утечки капиталов, то «я утверждаю, что в течение 7 лет у нас происходит непрерывная пересылка золота и бриллиантов за границу... И в настоящее время золото в очень большом количестве продолжает вывозиться иностранными миссиями».

Легализация обращения золота поможет притоку в страну «полезных продуктов» из-за рубежа и будет способствовать оздоровлению рубля. Для этого, однако, необходимо ликвидировать госмонополию внешней торговли и установить реальный рыночный курс валюты³.

Возражая С.А. Фалькнеру, К.Ф. Шмелев сказал, что фактически частный оборот золотых и серебряных монет существует и государство бессильно его уничтожить. Даже поголовные обыски ВЧК оказались в этом смысле бессильны. И «уменьшение запасов золотых и серебряных монет у населения произошло не от принудительного изъятия их государственной

¹ См.: Денежная реформа 1921-1924 гг.. С. 76, 77, 87.

² Там же.. С. 73, 74, 75.

³ Там же.. С. 80, 81, 83.

властью, а по добровольному соглашению частных лиц между собой, — соглашению, которое гнало монеты за границу».

Поэтому легализация золотого обращения «даст возможность наиболее экономно... покупать на вырученную иностранную валюту товары за границей... А так как товарный оборот является экономическим полем действия бумажных денег, то, следовательно, увеличится потребность в бумажных деньгах»¹.

Предложение о легализации золотого обращения поддержали Н.Н. Кутлер и Н.Н. Шапошников. «В сущности, — сказал Кутлер, — эти меры являются совершенно бесспорными... Правда, это уничтожает монополию Банка, но ведь... она существует только на бумаге, а в действительности ее нет... Такие бесполезные запреты только роняют авторитет государственной власти»².

В выступлениях профессоров было немало иронических и скептических замечаний относительно экономической политики Советского государства, высказываний о том, что без ликвидации госмонополий Банка и внешней торговли, без поддержки со стороны Запада денежная реформа неосуществима. И у Сокольников не было никаких иллюзий относительно их экономических предпочтений и политических симпатий. Но он был твердо убежден в их профессионализме и поэтому, подводя итоги обсуждения механизма реформы, стремился прежде всего найти точки согласия.

Появление на рынке золота, сказал Сокольников, не может обрушить бумажноденежную систему. Даже если у населения имеется 300 миллионов золотых рублей, в обращение в лучшем случае поступит лишь их пятая часть. Большинство держателей золота не очень понимают и доверяют нашей политике и по-прежнему будут держать его в кубышках. Оно по-прежнему будет утекать и за границу. И совсем малая часть золота будет использована для уплаты налогов. Так что о переходе к золотой валюте говорить пока рано.

Сейчас крайне важно «выявление тех ресурсов, которые у нас есть», ибо запас товаров рынок уже рассосал, а неурожай и голод усугубили положение. «Надо дать свежую порцию товаров на внутренний рынок, мобилизовав то, что у нас есть для экспорта...» При всех вариантах денежной реформы «легализация обращения золота еще не означает, что мы должны открыть валютные отделы при бирже. Для нас более предпочтительным

---

¹ Денежная реформа 1921-1924 гг.. С. 87, 88.

² Там же.. С. 86, 87.

является Государственный Банк», и даже при ослаблении абсолютной госмонополии внешней торговли важно сохранить и хозяйственный рычаг, и государственное хозяйство¹.

В конечном счете, при голосовании были единогласно поддержаны такие меры, как прием золотой монеты в платежи, переводы в иностранной валюте за границу для закупки товаров, продажа соввалюты за границей и переводы оттуда в Россию в совзнаках, а также введение русского бумажного рубля в котировке за рубежом. Что касается разрешения купли-продажи золота, серебра, драгоценностей и инвалюты, то против этого проголосовали из десяти человек двое — Фалькнер и Юровский².

28 января, после обсуждения итогов этого совещания, Сокольников направляет письмо Ленину. Проинформировав о дискуссии с профессурой, он заключает: «Еще раз подчеркиваю цель предложений — расширить сферу хождения советского рубля, использовать металлофонд и ценности, составляющие частный скрытый матрезерв, для покрытия пассива торговли за границей, дав возможность применить его для этой торговли в интересах оживления товарооборота, экономии государственных металлоресурсов»³.

Получив письмо, Ленин 30 января просит Сокольникова прислать точную редакцию каждого из принятых на совещании пунктов, их точную мотивировку, а также обсудить итоги совещания в Госплане. Плюс к этому, для суждения о «государственных металлоресурсах», он просит дать ему точные данные о наличии золотого фонда⁴.

С этой справкой о золотом фонде получился полный конфуз. Делать какие-либо выводы из представленного документа — базового для реформы — было невозможно. 4 февраля Владимир Ильич пишет Сталину и Каменеву: «Ей-ей, осрамят, как Преображенский (председатель Финкомиссии!!) с бюджетом осрамил...

С золотой наличностью скандал. Ради бога, не миритесь с этим безобразием. Кто отвечает? Новицкий? Тогда под суд его за вранье. Сокольников? Тогда взять с него письменное ручательство. Если проврется, я подниму бешеный бой на съезде. Приучите... давать *полные* точные цифры, а то мы осраим себя и провалимся *неизбежно*»⁵.

---

¹ См.: Денежная реформа 1921-1924 гг.. С. 89, 91, 92, 242.

² Там же.. С. 67.

³ Там же.. С. 93.

⁴ Там же.. С. 241.

⁵ В.И. Ленин. Неизвестные документы. С. 503.

Сокольников присылает Ленину подробную справку о состоянии золотого фонда, равного 276,1 млн. золотых рублей (золото, платина, инвалюта). Из них обязательств, лежащих на фонде, — 104,8 млн., а свободная наличность — 171,3 млн., которая при выплате некоторых зарубежных платежей на 1922 год сократится до 122 млн.

После двух докладов Сокольникова о денежном обращении в Госплане, комиссия Наркомфина совместно с финансовой секцией Госплана 8 февраля признают предлагаемые им меры целесообразными и необходимыми¹.

Поскольку и профессура, да и многие наркоматы, жаловались на то, что стабилизации денежного обращения препятствует завышенный курс бумажного рубля по отношению к рублю довоенному, Сокольников 8 февраля обращается с письмом к Ленину.

«Ввиду того, — пишет он, — что декабрь и январь дали резкое повышение эмиссии (особенно декабрь), Наркомфин считал необходимым установить на февраль переводной коэффициент (с довоенных на нынешние рубли) значительно ниже действительного рыночного коэффициента обесценения, чтобы таким путем существенно урезать февральские расходы. Коэффициент установлен в 150 тысяч. Тогда как рыночный коэффициент — 230-250 тысяч».

Согласиться с предложением об установлении для наркоматов курса 1:600 тысяч невозможно. Это паникерство. «Комиссариаты в начале января “сорвали куш” в три триллиона на ликвидацию задолженности, теперь засыпают требованиями сверхсметных ассигнований. Приходится резать их “коэффициентом” ...». А вот для рабочих действительно надо сделать «поблажки».

Что касается предложения Е.А. Преображенского и О.Ю. Шмидта о корректировке коэффициента в соответствии с колебаниями рынка, то и это иллюзия. «Рынок на нашу политику идти с ним нога в ногу обязательно будет отвечать ускорением шага, т.е. ускорением обесценения. Состязание для нас невозможно и только приводит к форсировке обесценения»².

13 февраля Политбюро одобрило всю группу мер, выдвинутых Сокольниковым и принятых совместным заседанием комиссии НКФ и финсекцией Госплана, предложив коллегии Наркомфина приступить к их осуществлению. А уже 23 фев-

¹ См.: Денежная реформа 1921-1924 гг.. С. 95, 97, 105, 106, 107, 108.

² Там же.. С. 102, 103.

раля Сокольников пишет заведующему Госзнаком Т.Т. Енукидзе: «Предлагаю в первой половине марта приступить к печатанию обязательств Республики в купюрах 50 и 100 млн. руб. (5 и 10 тыс. по счету на знаках 1922 г.) и со второй половины марта прекратить печатание обязательств в 5 и 10 млн. руб., заменив выпуск таковых выпуском купюр дензнаков 1922 года соответствующего достоинства (500 руб. и 1000 руб.)»¹.

Присланные Сокольниковым Ленину 30 тезисов о финансовой политике для XI съезда РКП(б) как раз и стали своего рода итогом тех дискуссий, которые были проведены в начале 1922 года. Они были выстроены достаточно логично и местами действительно походили на научный доклад.

Прежние узкие пределы рыночного оборота, напоминал Сокольников, приводили к тому, что финансовая политика сводилась к распределению денежных знаков. А обеспечение государственного хозяйства происходило и частично происходит поныне в форме натурального снабжения. Теперь же оно все более зависит от отношений, складывающихся на товарном рынке. Это процесс позитивный. Однако он тормозится гиперинфляцией, а стало быть — нестабильностью цен.

Никакие сугубо монетаристские меры, в том числе и деноминация, сами по себе не приведут к желаемому результату. Лишь общий экономический подъем России, повышение производительности труда и улучшение методов хозяйствования и в промышленности, и в деревне, а на базе этого — формирование рынка, увеличение товарооборота, изменение налоговой системы могут решить проблему.

Для этого необходимо сохранение в руках государства лишь «командующих отраслей (транспорт, банк, уголь, нефть, металл, ткань)», наиболее мощных предприятий и избавление от излишнего балласта мелких и средних — сдачей их в аренду, концессии и т.п.

Важно также сократить и другие бюджетные расходы за счет урезки административного государственного аппарата, армии, численности самих наркоматов, а также ослабить государственную монополию внешней торговли. Центральная же идея тезисов состояла в том, чтобы, не дожидаясь конечных результатов подъема народного хозяйства, параллельно и одновременно в этом процессом, сочетая рыночные механизмы с грамотным государственным регулированием, продолжать постепенный переход от «совзначной» денежной

---

¹ Денежная реформа 1921-1924 гг.. С. 103, 109.

системы к восстановлению золотого обеспечения советской валюты¹.

Большинство конкретных предложений, содержащихся в тезисах, многократно обсуждались и не вызывали возражений. Поэтому, оценивая их в целом, Владимир Ильич 3 марта написал: «Тезисы Сокольникова... не дурны, но теоретичны... Предлагаю: дать на отзыв Госплану, Преображенскому и Краснощекову. Потом печатать с купюрами... Гвоздь, по-моему, в двух вещах:

1) как найти умных и свирепых людей для *травли* всех наркоматов (плюс Московский, плюс Петроградский Советы): сокращайте штаты на деле и жестоко;

2) как учить торговать и не волокитничать наши бюрократ-«*торги*» (в том числе Наркомвнешторг, Мосторг, Петро-торг и т.п. и т.д.)»².

Однако один из тезисов Сокольникова — о смягчении «абсолютной государственной монополии внешней торговли» — вызвал со стороны Ленина самые решительные возражения. Причем настолько серьезные, что для обсуждения этого вопроса он встречается с Каменевым, Сталиным и Зиновьевым. Вывод Владимира Ильича после этой беседы категоричен: Сокольников совершает «гигантскую ошибку, которая погубит нас наверняка, если ЦеКа вовремя не исправит его линии...»³

Вопрос этот был не нов. Он постоянно ставился в ходе научных дискуссий в Минфине. А в конце октября 1921 года за денационализацию внешней торговли России высказалась Балтийская экономическая конференция в Риге. Председатель советской делегации В.П. Милютин согласился с данной рекомендацией о чем и сообщил Политбюро.

10 ноября, по предложению Ленина, Политбюро отклонило это предложение. А заместителю наркома внешней торговли А.М. Лежаве Владимир Ильич поручил подготовить тезисы, направленные на укрепление госмонополии. И после одобрения Лениным, 4 января 1922 года, их принимает Высшая экономическая комиссия СНК⁴.

Однако и эти тезисы проблемы не решали, ибо в верхах партии идее смягчения монополии сочувствовали и Каменев, и Зиновьев, и Сталин, и Бухарин, и Пятаков, и другие. Основания для подобного мнения действительно были. Нерастороп-

¹ См: Денежная реформа 1921-1924 гг., С. 123-131.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 425.

³ Там же. С. 427.

⁴ Там же. С. 562, 590.

ность, забюрократченность Наркомвнешторга становились совершенно нетерпимыми.

Как раз в начале 1922 года разворачивается очередной скандал, связанный с закупкой продовольствия за границей. Французский коммерсант Юлий Вейлер предложил приобрести у него крупную партию мясных консервов. Предложение было крайне выгодно, ибо за товар он брал не золото, а соврубли. И цена была подходящая: фунт мясных консервов Вейлер отдавал по 75 тысяч рублей при рыночной цене за мясо в Москве — 200-225 тысяч¹.

Для любого приказчика задачка простейшая — бери и как можно скорее, ибо товар уже доставлен в Либаву. Но для ответственных работников-коммунистов — члена коллегии НКВТ Б.И. Плавника и зампреда Московского потребительского общества С.Д. Вульфсона, которые вели переговоры с французским купцом — проблема непомерная. До сих пор они закупали продовольствие на валюту, имея на то санкцию Политбюро. А тут санкция не нужна и отвечать придется самим.

Проходит неделя, другая, а стороны так к согласию и не приходят. Наконец 11 февраля Политбюро по докладу Каменева высказалось за скорейшую реализацию данной сделки. Все? Ан нет! Проходят опять недели. И это в те дни, когда тысячи голодающих ждут продовольствия как манны небесной.

3 марта, после обсуждения с Каменевым, Сталиным и Зиновьевым вопросов внешней торговли, Владимир Ильич пишет Каменеву письмо: «Москгубэконосо предлагает за соврубли купить консервы (или еду вообще). Две недели говорят с Внешторгом... Я бы предложил: поручить Президиуму ВЦИК тотчас принять следующее постановление:

Ввиду безобразия с волокитой по сделке (такой-то) о покупке еды за соврубли приказать Госполитупру (*надо притугнуть!*) разыскать виновных в волоките лиц... Идиоты две недели ходят и говорят! За это надо *гноить в тюрьме*, а не создавать изъятия. Москвичей за глупость на 6 часов клоповника. Внешторговцев за глупость плюс «центроответственность» на 36 часов клоповника. Так и только так *учить* надо. Иначе совработники и местные и центральные не выучатся².

Одновременно, помимо того, чтобы «пугнуть», Ленин предлагает членам Политбюро обсудить вопрос «о переводе служащих (всех, кто связан с экономикой) на тантьемы с оборота и с прибыли, с жесткой карой за убыточность, вялость, зевки, и

¹ См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 54. С. 631.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 428, 429.

с обязательством на торговые вопросы отвечать в 3-6 часов...»¹ Этот «эпизод» с консервами Владимир Ильич тогда же включает и в план своего доклада на XI съезде партии.

Но одно дело беспощадная борьба с бюрократизмом и волокитой Внешторга и совсем другое — отмена государственной монополии на внешнюю торговлю. Об этом как раз и шел разговор во время встречи Ленина с Каменевым, Сталиным и Зиновьевым 3 марта.

Мнение ученых, безусловно, крайне важно. Но зачастую они изучают действительность с точки зрения законов развития классического, цивилизованного рынка. Но в России складывался совершенно иной рынок. При той разрухе, голоде, нужде в самом необходимом, при той сумятице в умах, рожденной НЭПом, в данный конкретный момент «торговать свободно, — полагал Ленин, — мы не можем: это гибель России». Пустить иностранных купцов в страну в такой ситуации означает лишь одно: «иностранцы уже теперь взятками скупают наших чиновников и “вывозят остатки России”. И вывезут...»

«Проект Сокольникова доказал, — пишет Ленин, — что наш милый, талантливый и ценнейший т. Сокольников в практике торговли ничего не смыслит». Полагать, что за всеми сделками уследит Госбанк — «бюрократическая утопия!». А предоставлять право на ведение внешней торговли губернским экономическим совещаниям — «это значит “дублировать” плохой Внешторг плохими внешторгиками, из коих 90% купят капиталисты»

Поэтому «*надо пугнуть*»: опубликовать «от имени Президиума ВЦИК твердое, холодное, свирепое заявление, что мы дальше не отступаем в экономике и что покушающиеся нас надуть (или обойти монополию и т.п.) встретят террор; этого слова не употреблять, но “тонко и вежливо намекнуть” на сие». «Иностранцы, зная, что большевики не шутят, считаются с этим всерьез». Что же касается НКВТ, то надо менять людей. «То же самое с нашими гострестами, где “во главе” святенские члены ВЦИКа и “знаменитые” коммунисты, коих водят за нос дельцы»².

В тот момент вопрос о монополии внешней торговли не стал поводом для дискуссии. С Владимиром Ильичем все вроде бы согласились. 4 марта Политбюро приняло одобренные Лениным «Тезисы о внешней торговле». 13 марта соответствующее постановление принял ВЦИК.

---

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 425.

² Там же. С. 428, 429, 430.

Накануне партсъезда

До съезда партии оставались считанные недели, и в Москве уже вовсю разворачивалась организационная подготовка к нему. Особый интерес в этой связи представляют воспоминания Анастаса Ивановича Микояна, приехавшего в Москву по вызову Сталина 13 января 1922 года.

Сталин принял его у себя на кремлевской квартире. «Сказал, что вызвал и беседует со мной по поручению Ленина... Условия, сказал Сталин, в которых идет подготовка к XI съезду, коренным образом отличается от тех, которые были накануне X съезда. На горизонте не видно никаких разногласий, открытых группировок или политических платформ... Но от Троцкого можно всего ожидать... Он может выкинуть какой-нибудь политический трюк, хотя, судя по всему, это теперь маловероятно. Надо полагать, что он пойдет на съезд без разногласий, без платформ, демонстрируя полное единство.

И если в таких условиях в ЦК будет избрано относительно много бывших троцкистов, то это представляет опасность для дальнейшей работы ЦК. «Поэтому, — сказал Сталин, — мы озабочены тем, какие делегаты приедут на предстоящий партийный съезд и много ли среди них будет троцкистов... Вот почему, — сказал он в заключение, — Ленин поручил мне вызвать вас... и если вы разделяете такой взгляд на положение дел в партии, то попросить вас съездить в Ново-Николаевск (ныне Новосибирск — *АМ.*) к Лашевичу, чтобы передать ему от имени Ленина все, что я вам здесь сказал...»

Я собрался было уходить, как вдруг дверь тихо открылась (это было вечером, уже темнело) и вошел Ленин. Поздоровался и, улыбаясь, смотря на Сталина и на меня с присущим ему одному прищуром глаз, в шутку сказал: «Вы что, всё свои кавказские дела обсуждаете?» Сталин ответил, что передал мне все, о чем было условлено, что я согласен и поеду через день к Лашевичу...

Я находился под хорошим впечатлением от этой встречи со Сталиным. Спокойный, доброжелательный тон беседы, то, что провести ее со мной Ленин поручил Сталину, а... главное то, что Ленин запросто зашел к Сталину, особенно расположило меня к нему»¹.

В том, что Анастас Иванович достаточно точно передает содержание своего разговора со Сталиным, сомневаться не

¹ Микоян А.И. Так было. Размышления о минувшем. М., 1999. С. 198, 199.

приходится. Как и в том, что Ленин самого этого разговора не слышал. И вообще причастность Владимира Ильича к этой беседе вызывает ряд вопросов.

Именно в этот день, 13 января, во втором часу дня, Ленин приезжает из Горок в Москву. Надо полагать, что после дороги он, в соответствии с установленным режимом, обедал. Известно также, что после этого Владимир Ильич встретился с давним своим товарищем еще по Самаре Исааком Христофоровичем Лалаянцем. Они не виделись более четверти века. Лалаянец подробно рассказывал о своих злоключениях, так что беседа затянулась достаточно долго¹. А Микоян пишет, что Ленин пришел к Сталину, когда только начинало «темнеть».

Мало того, сразу после встречи с Лалаянцем Владимир Ильич пишет записку А.С. Енукидзе с просьбой помочь семье Исаака Христофоровича — «поговорите со Сталиным: как бы это сделать? ... Сталину, пожалуйста, перешлите это: кстати, я прошу его *договориться* с Лалаянцем о работе для Лалаянца... Мне этого не решить. Надо решить Сталину в Оргбюро...»² Так что встречаться со Сталиным в этот вечер Ленин вроде бы и не собирался.

И уж тем более сомнительно, что Владимир Ильич вот так «запросто зашел», как говорится, без стука, к Сталину в гости. Ни Сталин и никто из мемуаристов об этом никогда не упоминали. Тем более что 18 ноября 1921 года сам Ленин написал: о том, что Сталин живет в неудобной квартире, он не знал — «для меня это новость», т.е. он у него не бывал. А 13 февраля 1922 года Владимир Ильич с удивлением узнает, что новой квартиры Сталин так и не получил³.

О том, что именно Сталин занимается оргподготовкой к съезду, Ленин, конечно, знал. Что выборы делегатов на съезд проходят под контролем Оргбюро, он тоже, естественно, был осведомлен. Вопрос лишь в степени его причастности к самой «кухне». И — в расстановке акцентов.

Весь корпус ленинских документов начала 1922 года, связанных с подготовкой съезда, свидетельствует о том, что, нисколько не забывая о фракционной опасности, Владимира Ильича более всего беспокоили: с одной стороны, возможность использования критической ситуации в стране меньшевиками и эсерами, а с другой — степень понимания самой больше-

¹ См.: В.И. Ленин. Биографическая хроника. Т. 12. С. 116.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 54. С. 112.

³ См.: В.И. Ленин. Биографическая хроника. Т. 11. С. 646; Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 54. С. 162.

вистской элитой проблем НЭПа и уровень ее компетентности в решении новых задач.

21 января 1922 года Ленин пишет Троцкому: «Я не сомневаюсь, что меньшевики усиливают теперь и будут усиливать свою самую злостную агитацию. Думаю поэтому, что необходимо усиление и надзора и репрессий против них.

...Было бы, может быть, чрезвычайно полезно, если бы Вы пошли немедленно в открытый бой в печати... и обратились с внушительным призывом к партии подтянуться. Термин “государственный капитализм”, по моему мнению (о чем я неоднократно спорил с Бухариным), есть единственно правильный теоретически и необходимый, чтобы заставить косных коммунистов понять, что новая политика идет всерьез»¹.

20 февраля Ленин направляет большое письмо Курскому. «Деятельность Наркомюста, — пишет он, — видимо, совсем еще не приспособлена к новой экономической политике.

Прежде боевыми органами Соввласти были главным образом Наркомвоен и ВЧК. Теперь *особенно* боевая роль выпадает на долю Наркомюста...» В этой связи необходимо усиление репрессий «против политических врагов Соввласти и агентов буржуазии (*в особенности* меньшевиков и эсеров)», а также научиться карать тех чиновников-бюрократов, «ту, преобладающую у нас “коммунистическую” сволочь, которая умеет калякать и важничать, а работать не умеет...»

До сих пор в Наркомюсте нет «понимания того, что мы признали и будем признавать лишь *государственный* капитализм», т.е. при всем многообразии форм собственности защищать интересы человека труда.

Нэпманы должны знать: «Торгуй, наживайся, мы это тебе позволим, но *втрое* подтянем твою обязанность быть честным, давать правдивые и аккуратные отчеты, считаться не только с буквой, но и с *духом* нашего коммунистического законодательства, не допускать *ни тени* отступления от наших законов, — вот какова должна быть основная заповедь НКЮста в отношении *НЭПО*».

Между тем, при выработке нового гражданского законодательства «НКЮст “плывет по течению”; я это вижу. А он обязан бороться *против* течения». Не ограничиваться рамками прежнего «римского права», не перенимать «буржуазное понятие о гражданском праве, а создавать... новое отношение к “частным” договорам и т.п. Мы ничего “частного” не призна-

---

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 54. С. 130, 131.

ем, для нас *все* в области хозяйства есть *публично-правовое*, а не частное».

Но все это, заключает Ленин, «надо делать с умом». И «если НКЮст не сумеет добиться того, чтобы у нас капитализм был “вышколенный”, был “приличный” ... — тогда НКЮст ни к чему не годен...»¹

21 февраля проект гражданского кодекса обсуждался в Совнарком. И уже на следующий день его печальные результаты стали известны Владимиру Ильичу. 22-го он пишет членам Политбюро: «Обращаю внимание на то, что вчера в Совнарком совершенно изгадили, как мне сообщает тов. Горбунов, гражданский кодекс. Именно те предостережения, которые я делал в письме Курскому, оказываются не принятыми во внимание».

Ленин предлагает отложить утверждение проекта, создать специальную комиссию, внести необходимые поправки и дополнения, суть которых — «полностью обеспечить интересы пролетарского государства... Не рабское подражание буржуазному праву, а ряд ограничений его в духе наших законов, без стеснения хозяйственной или торговой работы».

При этом главное — обеспечить возможность «контролировать (последующий контроль) все без изъятия частные предприятия и отменять все договоры и частные сделки, противоречащие как букве закона, так и интересам трудящейся рабочей и крестьянской массы»².

Важно заметить, что все подобные указания Ленина диктовались не логическим развитием некой доктрины, засевшей у него в голове, а реальными потребностями жизни и конкретными фактами недопонимания сущности НЭПа, с которыми ему приходилось сталкиваться при анализе практики хозяйственной деятельности.

Так, несмотря на рекомендацию Ленина, еще 21 ноября 1921 года поддержавшего предложение ВСНХ о предоставлении эмигранту П.Б. Штейнбергу концессии на сбор и продажу кожсырья, Совнарком, после многократных обсуждений, 10 января 1922 года в концессии отказал.

Вместо нее, дабы не упускать такие барыши, решили создать акционерное общество, в правление которого командировали бы «свои» (три члена из пяти). И при этом постараться вовлечь в него и Штейнберга. 17 января в письме членам Политбюро Владимир Ильич прокомментировал это решение:

---

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 396–400.

² Там же. С. 401.

«*три коммуниста* (невежды в торговле?...) будут *учить торговле* двух купцов».

И далее: «Дело важное, и я крайне опасаясь, что большинство СНКома (против Цюрупы) делает ошибку опять-таки в духе “коммунистического чванства”: бояться дать доход купцу, умеющему торговать, и *заботиться* усердно об одном, о большинстве для коммунистов, кои большей частью немножечко дерут, зато уж в рот хмельного не берут».

Помимо процитированной басни Крылова «Музыканты», вспоминает Владимир Ильич и «Господ ташкентцев» Салтыкова-Щедрина: «Боюсь, — пишет Ленин, — что это “большинство” будет похоже на щедринских акушеров»¹, кои, как писал Щедрин, будучи «не обремененными знаниями и не имея за душой ничего, кроме чистого сердца и не вполне поврежденного ума», в любой момент, *коли прикажет начальство*, готовы стать хоть сапожниками, хоть музыкантами, хоть финансистами, кем угодно, даже акушерами, на том основании, что видели нагих женщин. Они «на все способны, потому что на все готовы».

По существу же дела Ленин предлагает: председателем акционерного общества сделать Штейнберга с правом «решать *все единолично*, а большинству правления лишь дать право *знать все* и обжаловать нам деяния Штейнберга, *не приостанавливая их*... А на тройку коммунистов возложим особым решением ЦК обязанность учиться и выучиться года в три, иначе прогоним с позором»².

Это предложение Политбюро обсудило 20 января и, не предвещая вопроса, вновь передало его на заключение в Совнарком. В этой связи 23 января Ленин опять обращается к членам Политбюро: не затягивая дело, опросом по телефону, принять предлагаемое им решение: «Штейнбергу, как представителю правления, действовать *единолично*», а, при несогласии по тому или иному вопросу, большинство может переносить спор в СТО. Этим мы «создадим возможность действительно по-коммерчески вести дело человеку, который коммерцию знает не из коммунистических брошюр...»³

Наконец 24 января СНК утвердил в основе проект устава «Акционерного общества внутренней и вывозной торговли кожаным сырьем» (Кожсырье). Учредителем его стали Наркомвнешторг, ВСНХ, Центросоюз и два капиталиста —

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 362.

² Там же. С. 362, 363.

³ Там же. С. 363.

П.Б. Штейнберг (директор-распорядитель) и В.И. Томингас. 1 февраля устав общества и соглашения между его учредителями были окончательно утверждены СТО¹.

Есть основания полагать, что в один из январских дней Владимир Ильич отправился на рекогносцировку в ближайшее Подмосковье. Судя по всему, это было Зубалово, где уже регулярно отдыхали Сталин, Каменев и Дзержинский. Поскольку зима была снежной и дороги совершенно замело, поехали на автодрезине ВЧК. Выбранное для отдыха место Ленину, видимо, не очень понравилось. Да и обустроить его обещали лишь к осени². А вот свои впечатления от поездки на дрезине он изложил 16 января в письме в ВЧК Уншлихту и в НКПС Фомину.

«Мне пришлось на днях, — пишет Ленин, — ознакомиться с состоянием *автодрезин* ВЧК.. Состояние, в котором я нашел автодрезины, хуже худого. Беспорядок, полуразрушение (раскрали очень многое!), беспорядок полнейший, горячее, видимо, раскрадено, керосин с водой, работа двигателя невыносимо плохая, остановки в пути ежеминутны, движение из рук вон плохо... в смысле хода — машины эти, видимо, “советские”, т.е. очень плохие..., хаос, разгильдяйство, позор сплошной».

Никто из железнодорожников и случайных попутчиков, оказавшихся в вагончике дрезины, Ленина не узнал, а потому в выражениях не стеснялись. «К счастью, — пишет Владимир Ильич, — я, будучи инкогнито в дрезине, мог слышать и слышал откровенные, правдивые (а не казенно-сладенькие и лживые) рассказы служащих, а из этих рассказов видел, что это не случай, а вся организация такая же неслыханно позорная, развал и безрукость полнейшая.

Первый раз я ехал по железным дорогам не в качестве “сановника”, поднимающего на ноги все и вся десятками специальных телеграмм, а в качестве неизвестного, едущего при ВЧК, и впечатление мое — безнадежно угнетающее. Если таковы порядки особого маленького колесика в механизме, стоящего под особым надзором *самого* ВЧК, то могу себе представить, что же делается вообще в НКПС! Развал, должно быть, там невероятный!»³

17 января в 17 часов Ленин уезжает в болшевский совхоз близ деревни Костино Московского уезда. Совхоз располагался на территории бывшего имения Крафта, и Владимира

¹ См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 579.

² См.: В.И. Ленин. Неизвестные документы. С. 539.

³ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 54. С. 114-116.

Ильича поселили в небольшом деревянном доме, отведя ему две комнаты. «В одной из них, передней, заставленной легкой плетеной мебелью, устроили кабинет, в другой помещалась спальня»¹.

Рабочий совхоза Федор Михайлович Ефремов, топивший в доме печи, вспоминал. Вставал Ленин рано. Позавтракав, отправлялся на прогулку. «Особенно он любил ходить к столетним дубам, которые росли метрах в 70 от домика, в котором он жил.

В том году были большие снегопады. Бывало, проснешься утром, выглянешь во двор и увидишь, что все занесено снегом, а около домика наметены большие сугробы. Тотчас же начиналась расчистка снега, но делать это у домика Ильич не позволял никому. Он сам брал лопату, и надо было видеть, с каким удовольствием Владимир Ильич работал, прокладывая дорожки во все стороны. В такие минуты он был особенно оживлен и весел. Он часто обращался ко мне с разными вопросами. А вопросов у него, надо сказать, было много. Особенно он интересовался положением в деревне... как живут крестьяне, как организована беднота, как обстоит дело с продовольственными вопросами и многое другое».

Казалось бы — чем не отдых? Но повторялась та же история, что и в Горках. «Ленин работал очень много, — рассказывает тот же Федор Ефремов. — Ежедневно к нему из Москвы доставляли толстую пачку газет, корреспонденций и разных бумаг... Поздно ночью в окнах домика можно было наблюдать свет: Ильич работал»².

И опять трещал телефон. Опять Ленин диктовал письма и распоряжения. Помимо утренней почты, днем срочные депеши доставлял мотоциклист. Несколько раз Владимир Ильич выезжал в Москву, участвовал в заседаниях, встречался с советскими и партийными работниками. И опять проявилась бессонница, периодически накатывали головные боли. И еще приходилось оправдываться: «Никак не могу быть в Политбюро, — писал он Уншлихту 31 января. — У меня ухудшение»³.

Здесь, в деревне, вдали от кремлевской суеты, он видел столетнюю жизнь как бы со стороны, отраженно — через этот нескончаемый поток входящих и исходящих бумаг. И, разгребая по утрам снег или глядя на столетние дубы, Владимир Ильич все более убеждался в том, что подмена живого дела бесконеч-

¹ Рабочие и крестьяне России о Ленине. Воспоминания. С. 296.

² Там же. С. 297.

³ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 54. С. 149.

ными заседаниями и совещаниями, бумаготворчеством и непомерной перепиской между учреждениями, превращает любую управленческую деятельность в фикцию.

«Нас затягивает», — пишет он Цюрупе 24 января, — поганое бюрократическое болото в писание бумажек, говорение о декретах, писание декретов, и в этом бумажном море тонет живая работа... Большинство наркомов и прочих сановников «лезет в петлю» бессознательно».

Ленин видел, что этим недостатком, к сожалению, страдает немало старых партийцев. В свое время, будучи в тюрьмах, ссылке, эмиграции, они имели достаточно времени для самых различных словопрений. И теперь необходимость ведения рутинной хозяйственной деятельности, связанной с конкретными большими и малыми задачами, воспринималась ими с большим трудом.

Неумение наладить повседневную работу, ее учет, проверку исполнения и эффективности принимаемых решений имели место и в аппаратах СНК и СТО. «...У нас, — отмечает Ленин, — полная фактическая безответственность на верхах, которая губит дело». Поэтому задача зампредов СНК и СТО «*во что бы то ни стало* оторваться от сутолоки и суматохи комиссий, говорения и писания бумажек, оторваться, *обдумать* систему работы и *переделать ее радикально*»¹.

Переписка с Цюрупой по этому поводу продолжалась и в феврале. В конечном итоге рекомендации Ленина свелись к следующему: «Центром тяжести Вашей работы должна быть именно эта переделка нашей отвратительно-бюрократической работы, борьба с бюрократизмом и волокитой, *проверка исполнения*... Проверка того, что выходит на деле — вот основная и главная Ваша задача».

Конкретно: «Минимум заседаний. Норма 1 раз в неделю СНК + 1 раз СТО по два часа»; «трижды процеживать» повестки дня СНК, СТО и Малого СНК «в смысле том, чтобы наркомы не смели тащить в них мелочь, а решали ее сами и сами за нее *отвечали*»; проверка целесообразности и успешности принимаемых решений; неуклонное сокращение бумаготворчества и «беспощадное изгнание лишних чиновников, сокращение штатов, смещение коммунистов, не учащих делу управления всерьез — такова должна быть линия наркомов и СНКома, его председателя и замов».

И, пожалуй, важнейшее: «Вам (и Рыкову) уделять *в первую голову* один или, если здоровье позволит, два часа в сутки на

---

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 364, 365.

личную проверку работы: вызывать к себе (или ездить) не сновников, а членов коллегий **и пониже**... Докапываться до сути, школить, учить, пороть всерьез. Изучать людей, искать *умелых* работников. В этом суть теперь; все приказы и постановления — грязные бумажки без этого»¹.

Из всего многообразия русской ненормативной (обценной) лексики Ленин иногда употреблял одно слово... Широкий читатель осведомлен об этом из многочисленных упоминаний наших «ленинородов», усмотревших в данном слове оценку российской интеллигенции как таковой.

Действительно, в сентябре 1919 года, в самый критический момент Гражданской войны, когда Деникин двигался на Москву, а Юденич изготовился к прыжку на Петроград, Владимир Ильич написал Горькому о той *части* питерской интеллигенции, которая прямо или косвенно поддерживала или сочувствовала Юденичу: они мнят себя «мозгом нации. На деле это не мозг, а...»² Вот и теперь, в деревне Костино, глядя на эти кипы бумаг, декретов, ведомственных распоряжений и постановлений, Ленин, в сердцах, написал: «Все у нас потонуло в паршивом бюрократическом болоте “ведомств” ... Ведомства — говно; декреты — говно. Искать людей, проверять работу — в этом все»³.

Даже в тех случаях, когда Владимир Ильич знал, что данное ведомство действительно занято важнейшим государственным делом, как, например, Наркомфин, готовивший денежную реформу, он требовал не упускать из виду и решения сугубо конкретных, практических задач. Владимир Ильич прямо указывал Сокольникову, что, помимо проблем финансовой политики, его наркомат обязан, используя экономические рычаги Госбанка, — закрытие кредита, передача в суд дел за просрочку платежей, за волокиту и т.п., — повседневно школить и контролировать ведомства, тресты. Иначе, писал он, — «весь твой НКФ и Госбанк ни к чему, одна болтовня и игра в бумажки». И тут же — для членов Политбюро — Ленин добавляет: «Так надо переделать работу и СНК и СТО... и Политбюро; иначе гибель неминуема»⁴.

Последнее замечание не было случайным. Бюрократическое болото стало засасывать и партаппарат. Здесь тоже все работали не жалея ни сил, ни времени. Однако проверка ис-

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 364-370.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 51. С. 48.

³ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 369.

⁴ Там же. С. 430.

полнения принятых решений, учет распределения партийных кадров, оценка эффективности их работы были поставлены совершенно неудовлетворительно.

Борис Бажанов — в 1922 году секретарь в Оргбюро, ставший в 1923-м помощником Сталина, а в 1928-м сбежавший за границу, — вспоминал: сотрудники Оргбюро обычно приходили на работу в 8 утра, а уходили в час ночи. Никаких перерывов и никакой личной жизни.

Но при всем этом, «в бумажном море, в котором тонет Оргбюро, полная неразбериха, ничего найти нельзя... Когда секретарю ЦК нужна какая-либо справка или документ из архива, начинаются многочасовые поиски в архивном океане». И у сотрудников «в собственных глазах ореол мучеников, идейных людей, приносящих себя в жертву для партии»¹.

Получив в Костино анкету переписи членов РКП(б) с 59 вопросами и десятками пунктов к каждому из них, вплоть до рода занятий дедушки, Ленин 14 февраля пишет Молотову: судя по этой анкете, учетно-распределительное дело в ЦК «поставлено никуда не годно». Видимо, «в этих “отделах” (ежели так называются сии учреждения при ЦК) на важных постах сидят дураки и педанты... Мы сами (“борясь с бюрократизмом под носом у себя...”) плодили под носом у себя позорнейший бюрократизм и глупейший».

Между тем, «власть у ЦеКа громадная, — напоминает Ленин. — Возможности — гигантские. Распределяем 200-400 тысяч партработников, а через них тысячи и тысячи беспартийных». И такое дело «вдрызг изгажено тупым бюрократизмом!»

Рекомендации он дает примерно те же, что и Цюрупе: «Вам надо *себя избавить* от мелочей (свалить их на помов и помомов) и заняться целиком делом... *заведующего направлением* работы по организации, учету и т.д.». Цюрупе Владимир Ильич написал, что для того, чтобы не утонуть в бюрократическом болоте, нужны «большой авторитет, ум, рука...», а Молотову посоветовал стать не просто секретарем, а «*политсекретарем*»².

Реакция на предложение Ленина последовала довольно скоро. 20 февраля, вечером, состоялось очередное заседание Политбюро. Повестка дня, как всегда, была перегружена. Кончили поздно. Но после того, как все разошлись, остались трое — Сталин, Каменев и Зиновьев. А утром 21-го, в конверте

¹ Бажанов Б. Воспоминания бывшего секретаря Сталина. Париж — Нью-Йорк, 1983. С. 36, 37.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 392, 393.

«Председателя Совета Народных Комиссаров» Ленин получает записку на 12 блокнотных листках от Сталина.

«т. Ленин! Сегодня ночью беседовали (я, Каменев, Зиновьев) о делах в связи с подготовкой к съезду и пришли к следующему:

1) Снять с коллегии **НКПС** Серебрякова, Емшанова, определить положение Борисова (фактич. руководителя) и пр.

2) Освободить Красина (**НКВТ**), ввести в коллегию Стомонова, наркомом — Фрумкина, замом Радченко. Фрумкину принять дела в Лондоне и, может быть, вместо Красина в Лондоне оставить Квятковского.

3) В **НКПрод** замом Смирнова... [л. 3 с пунктом 4 отсутствует — *ВЛ*]

5) **Госплан**. Пятакова замом, Осадчий в качестве третьего. Слаб (может быть, третьим Рамзина?)

6) **ВСНХ**. Смилга по сути слаб для преда, кроме того партийная публика к нему будет придирааться больше, чем к бесцветному Богданову. Нужно искать кандидата. Насчет Рыкова подождать до его приезда».

Указывалось и на другие кадровые передвижки: «**Крестинского снять**, Сокольников, может быть, назначить наркомом и тогда первым замом дать Шейнмана. Меня освободить от Инспекции и иметь в виду, может быть, Владимирова (Украина) в качестве наркома РКИ... В случае назначения Смирнова Наркомпросом, Яковлеву отдать в Наркомюст (в коллегию)...»

Но промеж всех этих предложений было, безусловно, самое важное (пункт 7): «**Секретариат ЦК**. Сталин, Молотов, Куйбышев. Заявить об этом на съезде в отчете ЦК, чтобы авансом покрыть атаки против Секретариата (нынешнего).

Такова должна быть, по нашему мнению, программа подготовительных работ к съезду и кампании на съезде.

Ваше мнение, т. Ленин...

Сталин. Вторник (21/II)»¹.

Вот так. Как говорится, поскольку вопрос *кто — кого?* решен окончательно и бесповоротно, остается решить вопрос *кого — куда?*

Против того, чтобы вместо Молотова сделать «политсекретарем» Сталина, — с точки зрения авторитета и твердой руки, — вряд ли можно было возражать. Еще в конце января, размышляя о работе Политбюро, где все это время председательствовал Каменев, Владимир Ильич записал себе для памя-

¹ РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Ед. хр. 24207.

ти: «Двойка»: Каменев + Сталин»¹. Но вот предложение сделать эти кадровые передвижки *программой* «подготовительных работ к съезду и кампании на съезде», да еще с обоснованием этого в отчетном докладе ЦК, который готовил Ленин, — вот это звучало явным диссонансом в сравнении с тем, о чем думал Владимир Ильич в связи с предстоящим XI партсъездом.

Видимо, после получения письма состоялся телефонный разговор, а еще вероятнее — Сталин и Каменев сразу же приехали в Костино, ибо беседа была слишком серьезной и долгой. О ее содержании мы можем лишь гадать. Известно лишь одно: во время этого разговора Ленин почувствовал себя плохо.

Поскольку, уезжая, Сталин и Каменев всячески винули себя за то, что недосмотрели и «перегрузили» Владимира Ильича, Ленин в тот же день напишет им записку: «О вашей вине или чем бы то ни было подобном, в связи с длинным разговором, смешно и говорить. В моей болезни *никаких* объективных признаков нет (сегодня после прекрасной ночи совсем болен), и мои силы мог предположительно оценивать только я. Причиной был я же, ибо вы меня неоднократно спрашивали, не утомился ли я».

И далее он высказывается по поводу некоторых решений, принятых Политбюро 20 февраля: о Радеке и Лапинском; по делу Г.И. Мясникова; об исполнении просьбы И.Т. Смилги о закупке оборудования для угольной и нефтяной промышленности; против вывода Сокольников из состава делегации на пленум Исполкома Коминтерна; а также о необходимости расширить и переделать проект декрета об РКИ². И ни слова по тем пунктам, которые значились в утреннем письме Сталина.

1 марта Ленин возвращается в Москву. О его настроении лучше всего говорит записка Каменеву 3 марта: «Ухудшение в болезни после трех месяцев лечения явное: меня “утешали” тем, что я преувеличиваю насчет аксельродовского состояния, и за умным занятием утешения и восклицания — “преувеличиваете! мнительность!” — **прозевали три месяца.**

По-русски, по-советски».

Больше всего Ленина беспокоит вопрос о том, сможет ли он выступить 27 марта с докладом на XI съезде РКП(б). Владимир Ильич знает, что доклад его крайне важен, и он будет его готовить, «ибо оказалось, что разговоров и заседаний *хуже* не выношу, чем **“сказануть раз в полгода”**». И тем не менее

¹ В.И. Ленин. Биографическая хроника. Т. 12. С. 140.

² См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 54. С. 176, 177.

пусть готовиться и Каменев, так как надо «себя гарантировать от сюрпризов...»

Своего состояния Ленин не скрывает и в конце пишет: «Имейте в виду, что обмен коротенькими записками (я извиняюсь очень, что сам пишу сегодня длинно) *нервы выносят лучше разговоров* (ибо я могу обдумать, отложить на час и т.д.). Очень прошу поэтому завести стенографистку и **чаще** посылать мне (перед Политбюро) записки в 5-10 строк. Я подумаю час-два и отвечу»¹.

Относительно того, что имел в виду Ленин, написав об «аксельродовском состоянии», а также о разговоре со Сталиным, состоявшемся сразу после возвращения из Костино, речь пойдет ниже. А вот после разговора с профессором Гетье решили проконсультироваться с невропатологом. Федор Александрович порекомендовал пригласить известного специалиста Даршкевича.

Утром 4 марта нарком здравоохранения Николай Александрович Семашко привез Даршкевича в Кремль и довел его до самой квартиры Ленина. Ливерий Осипович позвонил. Дверь открыл Владимир Ильич и, проводив в кабинет, где уже ожидал профессор Гетье, оставил их вдвоем. Федор Александрович рассказал коллеге о своих наблюдениях, а затем пригласили Ленина, который пришел вместе с Марией Ильиничной.

Видимо, какая-то моральная поддержка ему все-таки была нужна. Это сегодня беседы с психоаналитиками более или менее входят в быт. А тогда разговор с психотерапевтом — совершенно незнакомым человеком, которому надо «излить душу», был достаточно непривычен.

Профессор Даршкевич стал задавать обычные для такого приема вопросы, но ему, как и многим психотерапевтам, была свойственна уверенность в том, что своего пациента он видит, как говорится, насквозь. «Для меня, — писал он, — привыкшего по одному беглому взгляду на моего собеседника определять не только духовный склад его, но и его случайные душевные переживания, было ясно, что за человек находится передо мной»². Богатейший опыт Даршкевича давал для этой уверенности основания. Но возникала и опасность того, что какие-то узнаваемые признаки лягут в привычную, уже сложившуюся схему — диагноз.

После первых вопросов Ливерий Осипович опустил голову и, наблюдая краем глаза за пациентом, продолжил бесе-

¹ В.И. Ленин. Неизвестные документы. С. 5; Известия ЦК КПСС. 1989. № 1. С. 215.

² РГАСПИ. Ф. 16. Оп. 3. Ед. хр. 6. Л. 2, 3.

ду так, как будто он перед врачами-ординаторами «разбирает больного в аудитории». Напротив, как заметил Даршкевич, Владимир Ильич своими глазами «как бы пронизывал говорившего с ним, очень умно молчал, слушал то, что ему говорилось, и тщательно следил за своим собеседником, как бы стараясь проникнуться его мышлением. Он никогда не перебивал говорившего с ним, давал ему высказаться всецело, хотя и имел в запасе ряд вопросов, которые излагал все по порядку. Все то, что говорилось ему, всегда им воспринималось без труда; по крайней мере он редко переспрашивал говорившего. А то, что доводилось говорить ему самому, обнаруживало с его стороны ясное понимание темы разговора, хотя бы тема эта была для него совершенно новой»¹.

На вопрос — что его беспокоит больше всего? — Владимир Ильич ответил: «Я совсем стал не работник»... Главное, что тяготит его, — пишет Даршкевич, — это невозможность для него за последнее время читать так, как он читал раньше... Он прямо проглатывал книги. Чтобы не запустить текущей литературы и иметь возможность постоянно делать из нее все нужные выводы, ему необходимо прочитывать массу напечатанного, делать постоянно на нее ссылки, изменять свои воззрения и т.д. Вот эта-то работа и сделалась для него невозможной.

Невозможно для него и другое дело — принимать участие на бесчисленных заседаниях различных съездов, — продолжает свою запись Даршкевич. — Он должен являться туда вполне подготовленный, вооруженный конспектами всех тех речей, которые ему будет предстоять говорить, обдумавши хорошо свои позиции и пр. В прежнее время все это было для него делом весьма легким, не вызывало в нем никакого душевного волнения и никогда не требовало от него такого количества времени, которого не хватало бы на все остальные дела. Теперь не то... Участвовать во всех заседаниях с привычной для него подготовкой представляется для него делом совершенно невозможным».

Подобные жалобы весьма напоминали ситуацию, когда тяжелоатлет, привыкший поднимать в сумме упражнений 350 килограмм, вдруг начинает чувствовать, что ему с трудом удастся набрать лишь 300. Он, вероятно, так и написал бы: «Я уже не тот! Я ничегошеньки не могу! Я уже не работник!» Хотя для нормального человека и эти 300 килограмм остаются абсолютно недоступным весом.

---

¹ Известия ЦК КПСС. 1991. № 2. С. 131; РГАСПИ. Ф. 16. Оп. 3. Ед. хр. 6. Л. 3; Там же. Ед. хр. 24. Л. 3.

«Не мало мешают ему, — продолжал Даршкевич, — еще сильные головные боли, которые возникают у него тотчас же, как только он проработает сколько-нибудь лишнее время. Тяготят также и бессонницы. Сон у него вообще плох, но за последнее время, когда ему приходится много работать, он совершенно иногда лишается сна. Ночь, обреченная на бессонницу, вещь поистине ужасная, когда по утру надо быть готовым к работе»¹.

Трудно сказать, этими или другими словами говорил Владимир Ильич. Но смысл ответов Ленина Даршкевич передает, видимо, точно. В ходе беседы Владимир Ильич между прочим заметил, что считает свой хотя и частичный отход от дел вполне естественным: все-таки вот-вот стукнет 52 года. Это, мол, «вещь, повторяющаяся обычно с каждым революционным деятелем, когда он доживает до известного возраста. “Каждый революционер, — говорил В.И., — достигши 50 лет, должен быть готовым выйти за флаг: продолжать работать по-прежнему он больше уже не может; ему не только трудно вести какое-нибудь дело за двоих, но и работать за себя одного...”»². Эту фразу Ливерий Осипович наверняка передает дословно, ибо самому ему уже исполнилось 64.

Выражение «выйти за флаг», «остаться за флагом» употреблялось обычно в конноспортивных состязаниях и означало, что жокей не успевал в установленное время пройти дистанцию, обозначенную флажком. Иносказательно, в обыденной и литературной речи (например, в «Пошехонской старине» любимого Лениным Салтыкова-Щедрина) «остаться за флагом» означало — остаться без дела, отстать от других, в положении человека, которого превзошли в чем-либо.

Фразу эту Ленин сказал очень спокойно, без всякой рисовки и фальши, которую профессор, как опытный психолог, непременно бы заметил. Ливерий Осипович возразил: ради уменьшения нагрузки надо обзавестись надежными помощниками и переложить на них текущие дела. Ленин согласился: «О, да ведь у меня есть два заместителя — товарищ Рыков и товарищ Цюрупа, я могу их облечь полномочиями». И опять никаких сомнений или сожалений по поводу того, что ему придется передавать власть в другие руки, Даршкевич не уловил. Он записал лишь грустную фразу Владимира Ильича о том, что, мол, «его песня спета» и «свое дело он должен будет кому-то передать...» Патологическим стремлением к власти как та-

¹ Известия ЦК КПСС. 1991. № 2. С. 131; РГАСПИ. Ф. 16. Оп. 3. Ед. хр. 6. Л. 5, 6.

² РГАСПИ. Ф. 16. Оп. 3. Ед. хр. 6. Л. 4, 5.

ковой, о котором постоянно толковали его противники, пациент явно не страдал.

Владимира Ильича беспокоило совсем другое: не скажется ли болезнь на его умственных способностях, на его интеллекте? Вот что выводило его из душевного равновесия, и он прямо спросил об этом у профессора. Ливерия Осиповича вопрос удивил: «Ответами своими он удовлетворил меня во всех отношениях, так как двусмысленных фраз, а тем более фраз сбивчивых слышать от него не приходилось... Все его жалобы были чисто функционального свойства... Среди его жалоб нет ни одной, которая служила бы выражением органического заболевания головного мозга; наоборот, все то, что наблюдается у него, является следствием простого переутомления мозга»¹.

И Даршкевич заключает: «По моему мнению, у В.И. были два тягостных для него явления. Во-первых, масса чрезвычайно тяжелых неврастенических проявлений, совершенно лишивших его возможности работать так, как он работал раньше, а, во-вторых, ряд “навязчивостей”... Он очень смутился, не вполне понимая самый русский термин. Я перевел его на французский язык. Он обрадовался знакомому для него названию. “Des obsessions! Oh! Je les comprends bien! Ведь это, конечно, не грозит сумасшедствием!” Я успокоил его, сказав, что навязчивости тяжелы для человека только субъективно, но что они никогда не ведут за собой расстройства психики... Болезненные явления его несомненно тяжелы, но они не опасны ни для жизни, ни для трудоспособности его в будущем... Выслушав мое мнение на этот счет, В.И. значительно успокоился»².

Его, человека физически крепкого, сразу заинтересовал вопрос о том, какого рода нагрузки для него допустимы и «может ли он заниматься физическим трудом». Ответ, записанный профессором Гетье, получился неожиданным: «Даршкевич на мгновение задумался, а потом, не поднимая головы и как бы отвечая на свои мысли, сказал совершенно спокойно: “Отчего же нет. Легкие домашние работы возможны. Конечно, нельзя колоть дрова и носить их в третий этаж, как заставляли меня делать большевики. Ведь это абсурд — заставлять профессора таскать дрова”. Ленин расхохотался и подтвердил, что это полнейший абсурд»³.

Диагноз, поставленный профессором Даршкевичем, совпал с мнением профессора Гетье: переутомление, вызванное

---

¹ РГАСПИ. Ф. 16. Оп. 3. Ед. хр. 6. Л. 4, 6, 7.

² Там же. Л. 7.

³ РГАСПИ. Ф. 16. Оп. 3. Ед. хр. 24. Л. 3.

перегрузкой центральной нервной системы. Рекомендации: во-первых, переложить всю текущую работу на замов, «пусть его держат в курсе общегосударственных дел, но без бумаг, которые проходят через канцелярию». Во-вторых — не участвовать в съездах и собраниях. В-третьих — жить вне Москвы. Пусть друзья приезжают, но не по текущим делам.

Владимир Ильич не возражал. Он сказал, что должен «выступить на будущей неделе на очень важном съезде, речь на котором мною уже обдумана». Даршкевич ответил: «Как на исключение я могу согласиться на это, но прошу, чтобы это было в последний раз». А профессору Гетье Ливерий Осипович заметил, что надо разрешать пациенту «изредка выступать публично в качестве оратора. Такие выступления должны действовать благотворно на психику В.И., поддерживая в нем уверенность в работоспособности»¹.

Визит Даршкевича продолжался около четырех часов. Владимир Ильич заметно повеселел, и когда Ливерий Осипович уже спускался по лестнице, его догнала Мария Ильинична и сказала: «Брат стал совсем другой»².

6 марта, в Доме союзов на Большой Дмитровке, Ленин выступает на утреннем заседании коммунистической фракции V Всероссийского съезда рабочих металлистов. О том, что Ленин нездоров, многие знали. И он не стал скрывать этого от рабочих. Владимир Ильич прямо сказал, что болезнь «несколько месяцев не дает мне возможности непосредственно участвовать в политических делах и вовсе не позволяет мне исполнять советскую должность, на которую я поставлен». Но прозвучала и оптимистическая нота: «Я имею основания рассчитывать, — сказал Ленин, — что через несколько недель я смогу вернуться к своей непосредственной работе»³.

В начале своего выступления он предупреждает делегатов, что не собирается затрагивать темы, стоящие в повестке дня съезда. Свою задачу он видит в том, чтобы «поделиться своими выводами и соображениями по вопросу о главных задачах политики». Обуславливается это тем, что и в международном и во внутреннем положении страны происходит «некоторый перелом», который должен «вполне понять» каждый сознательный рабочий. Ибо именно они, даже не являясь сотрудами

¹ РГАСПИ. Ф. 16. Оп. 3. Ед. хр. 6. Л. 8; Там же. Ед. хр. 24. Л. 2, 3.

² РГАСПИ. Ф. 16. Оп. 3. Ед. хр. 6. Л. 10.

³ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 6.

ками госучреждений, несут на своих плечах «громадную долю государственной работы»¹.

В чем смысл этого перелома?

Советская власть вышла победителем из тяжелейшей гражданской войны. И всем известно, какая цена уплачена за эту победу: «Редко можно найти ту семью, такого красноармейца в России, — говорит Ленин, — которые этого не знали бы, и не только из газет, циркуляров или приказов, а из своей деревни, где он видел калек, видел семьи, которые эту войну выдержали, где он видит неурожай, голод мучительный и разорение, дьявольскую нужду и знает, чем они вызваны, хотя он не читает парижских изданий меньшевиков и эсеров, чтобы объяснить это злокачественными свойствами большевиков». И наиболее прочное настроение в массе — это настроение «отпора тем, кто навязал нам и поддержал против нас войну Колчака и Деникина»².

А ведь именно с ними, с державами, участвовавшими в «крестовом походе» против Советской России, расчленившими ее на сферы влияния, мы идем теперь на переговоры в Генуе. «Каждый крестьянин и каждый рабочий знает, — говорит Ленин, — что он воевал с этими державами и что они его не победили»³. Это прочно вошло в историческую память народа.

Но сегодня важно понять, что при том голоде и разрухе, в которых мы находимся, мы идем в Геную не ради международного престижа, а как купцы, ибо для восстановления страны торговля с капиталистическими странами «безусловно необходима». И они тоже осознали, что и им «*надо торговать с Россией*»: они знают, что без тех или иных форм экономических взаимоотношений развал у них будет идти дальше, как он шел до сих пор...»⁴

Что же касается угроз поставить Россию в Генуе на колени, «в “положение испытываемой”», то мы еще посмотрим, кто кого. Мы уже испытывались... *Пугать нас пустячками не следует*, ибо от этого только потеряют престиж те, кто пугает... Всякие попытки навязать нам условия, как побежденным, есть пустой вздор, на который не стоит отвечать»⁵.

Перелом происходит и во внутреннем положении России, и «нужно отметить, что у нас до сих пор замечается большая

---

¹ См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 1.

² Там же. С. 7, 8.

³ Там же. С. 5.

⁴ Там же. С. 2, 3.

⁵ Там же. С. 6, 8.

нервность, почти болезненность, при обсуждении этого вопроса...»¹ Да, переходя к НЭПу, мы в определенном смысле отступили. Но от чего, куда и насколько?

«Если кто помнит, — говорит Ленин, — что было в октябре 1917 года... то он знает, какую массу компромиссных предложений делали тогда большевики по отношению к буржуазии», дабы, «выражаясь по-мужицки, без скандала это уладить». Увы, компромисс был отвергнут. Началась война. Что ж — «пеняйте на себя, друзья!» Такова логика борьбы².

За три года гражданской войны, продолжал Ленин, мобилизуя на борьбу все человеческие и материальные ресурсы, мы зашли дальше, чем предполагали после Октября, и многие шаги в сфере народного хозяйства были не экономическими, а сугубо политическими мерами. И произошло это не в силу каких-либо доктринальных идей, якобы вычитанных у Маркса.

«...Нам пришлось проделать войну с неприятелем, превышающим наши силы в сто раз; понятно, что пришлось при этом идти далеко в области экстренных коммунистических мер, дальше, чем нужно; нас к этому заставляли... Мы завоевали громадные позиции, и если бы, начиная с 1917 по 1921 год, мы не завоевали себе этих позиций, у нас не было бы пространства для отступления — и в смысле географии, и в смысле экономическом и политическом»³.

Главное теперь — это «вопрос о границах отступления». Это вопрос о том — где и чем мы можем поступиться. Ответ определился вполне. Требования крестьянства в основном удовлетворены. Какие уступки сделаны буржуазии в городе и деревне — известно. На какие уступки иностранному капиталу готова пойти Советская власть — тоже известно. Теперь мы, заключает свою мысль Ленин, «можем сказать с полной твердостью, что отступление, которое мы начали, мы уже можем приостановить и приостанавливаем... *Достаточно. Дальше назад мы не пойдём, а займемся тем, чтобы правильно развернуть и группировать силы*»⁴.

Прежде всего это касалось самой правящей партии — РКП(б). С тех пор как она стала у власти, к ней неизбежно стали примазываться различного рода проходимцы, карьеристы и просто жулики. В декабре 1921 года закончилась чистка, из РКП(б) исключили и выбыло более 24% ее состава. «После

---

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 13.

² Там же. С. 8, 9.

³ Там же. С. 9, 10.

⁴ Там же. С. 8, 11.

того как мы начали чистку партии, — напомнил Ленин, — и сказали себе: “Шкурников, примазавшихся к партии, воров — долой”, стало у нас лучше. Сотню тысяч, примерно, мы выкинули, и это прекрасно, но это только начало»¹.

Владимир Ильич затрагивает, может быть, самый болезненный вопрос — о руководящих кадрах. Дело в том, что с окончанием войны изменился сам характер политической и государственной работы. Там, где раньше был нужен преданный революции «железный комиссар», теперь необходим был опытный хозяйственник и грамотный специалист. Между тем, «мы на практическую работу для исполнения насадили коммунистов со всеми их прекрасными качествами, но для этой работы совершенно непригодных»².

«У нас сплошь и рядом, — поясняет Ленин, — во главе учреждения ставится коммунист — человек заведомо добросовестный, испытанный в борьбе за коммунизм, человек, прошедший тюрьму, но такой, который торговать не умеет... Напрасно самых достойных, великолепнейших коммунистов, в преданности которых ни один человек, кроме сумасшедшего, не усомнится, посадили туда, куда надо ставить расторопного, добросовестно относящегося к делу приказчика, который гораздо лучше справится со своей работой, чем самый преданный коммунист»³.

Вот эта некомпетентность, неумение практически наладить новое дело и порождает бесконечные и бесполезные заседания, совещания, комиссии и подкомиссии, о которых хорошо написал накануне в «Известиях» в стихотворении «Прозаседавшиеся» Маяковский. На этих заседаниях «сочиняют что-нибудь особенное и мудреное... А то дело, которое им поручено, не делается. Не заботятся о том, чтобы сберечь копейку, которая им дана, и не стараются превратить ее в 2 копейки, а составляют планы на миллиарды и даже триллионы советские»⁴. Все это порождает отсутствие исполнительной дисциплины, безалаберность, бестолковщину, настоящую российскую обломовщину.

Делегатам съезда рабочих металлистов Ленин поясняет: «Был такой тип русской жизни — Обломов. Он все лежал на кровать и составлял планы. С тех пор прошло много времени. Россия проделала три революции, а все же Обломовы оста-

---

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 15.

² Там же. С. 14.

³ Там же. С. 14.

⁴ Там же. С. 16.

лись, так как Обломов был не только помещик, а и крестьянин, и не только крестьянин, а и интеллигент, и не только интеллигент, а и рабочий и коммунист... *Старый Обломов остался и надо его долго мыть, чистить, трепать и драть, чтобы какой-нибудь толк вышел*»¹.

Так вот, заканчивает Ленин, — «нам нужна проверка пригодности людей, проверка фактического исполнения. Следующая чистка пойдет на коммунистов, мнящих себя администраторами... В этом, еще раз в этом, только в этом теперь гвоздь всей работы, всей политики»².

После выступления на съезде металлистов, во второй половине дня 6 марта 1922 года, Ленин выезжает в деревню Корзинкино близ села Троицкое-Лыково Московского уезда. «ГПУ считало, — пишет Крупская, — что жить в Горках в то время было опасно, они напали на белогвардейские следы, и потому его устроили в Корзинкине — старом помещичьем доме. Дом был нелепый. Внутри большой темный зал, вышиной в два этажа. Во втором этаже в этот зал выходила открытая галерея, из которой шли двери в комнаты. В комнатах на стенах висели портреты Л. Толстого и была уймаща каких-то сонных мух, которых надо было вытравлять. Я тоже на недельку приехала к Ильичу»³.

Надежде Константиновне предстояло выступать на учительских конференциях, и она привезла с собой целую гору русской и иностранной литературы, так или иначе связанной с антирелигиозной тематикой. Это переплелось с тем, что Ленин пообещал новому журналу «Под знаменем марксизма» статью в ближайший номер, и «на прогулках, — пишет Крупская, — мы много разговаривали с Ильичем на антирелигиозные темы. Приближалась весна, набухали почки, мы с Ильичем ходили далеко в лес по насту. Снег размяк, но сверху покрылся ледяной коркой, можно было идти, не проваливаясь. Ильич говорил тогда о Дреусе, о Синклере, о том, как вредна поверхностная, наскокистая антирелигиозная пропаганда, всякая вульгаризация...»⁴

Ленин ознакомился с письмом Троцкого от 27 февраля 1922 года, открывавшем № 1-2 журнала «Под знаменем марксизма». В письме ставилась проблема воспитания проле-

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 13.

² Там же. С. 16.

³ Крупская Н.К. О Ленине. Сб. статей и выступлений. М., 1979. С. 69.

⁴ Там же. С. 71.

тарской молодежи. По его мнению, она состояла в том, что «старшее поколение рабочих-коммунистов, играющее ныне руководящую роль в партии и в стране, пробуждалось к сознательной политической жизни 10-15-20 и более лет тому назад. Мысль его начинала свою критическую работу с городского, с табельщика и мастера, поднималась до царизма и капитализма, а затем, чаще всего в тюрьме и ссылке, направлялась на вопросы философии истории и научного познания мира...

Нынешний молодой рабочий, — продолжал Троцкий, — пробуждается в обстановке советского государства... Те общие выводы, которые старшему поколению рабочих давались с бою и закреплялись в сознании крепкими гвоздями личного опыта, теперь получают рабочими младшего поколения в готовом виде... Но само советское государство еще полно противоречий, прорех, несогласованностей, смутного брожения, — словом, явлений, в которых наследие прошлого переплетается с ростками будущего. В такую, глубоко переломную, критическую, неустойчивую эпоху, как наша, воспитание пролетарского авангарда требует серьезных и надежных теоретических основ... Необходимо вооружить его мысль, его волю методом материалистического миропонимания»¹.

Вопрос об идейном воспитании молодежи, хотя и достаточно абстрактно, ставился Троцким правильно. И в этом смысле, как заметил Ленин, он сказал «все существенное». Но задачи, стоящие перед журналом, как и сама проблема, были куда шире и сложнее. А главное — она касалась не только молодежи.

«Одной из самых больших и опасных ошибок коммунистов (как и вообще революционеров, успешно проделавших начало великой революции) является представление, — пишет в своей статье Ленин, — будто бы революцию можно совершить руками одних революционеров... Авангард лишь тогда выполняет задачи авангарда, когда он умеет не отрываться от руководимой им массы, а действительно вести вперед всю массу».

Но чтобы вести их вперед, необходимо, отмечает Владимир Ильич, не только наиболее полно выразить их чаяния, но и преодолеть «темноту, невежество и предрассудки», на которые обрекала их прежняя жизнь. Эта просветительская работа по пробуждению самосознания широчайших слоев народа чрезвычайно сложна, ибо необходимо «знакомить их с фактами из самых разных областей жизни, подойти к ним и так и

---

¹ «Под знаменем марксизма». 1922. № 1-2. С. 5, 6.

эдак для того, чтобы их заинтересовать, пробудить их от религиозного сна, встряхнуть их с самых различных сторон, самыми различными способами и т.п.»¹.

О религии Ленин упомянул не случайно. Известный немецкий ученый Артур Дреус в своей книге «Миф о Христе», которую Ленин еще раз перечитал в Корзинкине, справедливо заметил, что только религия способна противостоять захватывающему весь мир и «ежедневно все более и более усиливающемуся натуралистическому (*материалистическому* — ВЛ.) потоку», то есть осознанию массами своего реального положения в жизни.

В современной журналистике выражение «религия есть опиум для народа», нередко приписываемое Ленину, толкуют как нечто оскорбительное для верующих и религиозного чувства. Между тем эта фраза, принадлежащая Марксу, обозначала нечто иное.

В те времена опиум был в медицине одним из главных средств анестезии, обезболивания. И в этом отношении религия, среди прочего, как раз и являлась способом преодоления боли и ужасов повседневной жизни, давая духовную опору в иллюзорном мире. Религия, писал Маркс, — это «сердце бессердечного мира», а критика религии «как *иллюзорного* счастья народа, есть требование его *действительного* счастья. Требование... *отказа от такого положения, которое нуждается в иллюзиях*»².

Именно после разговоров на эту тему в Корзинкине, когда гуляли они с Ильичем по лесу, Крупская написала: «Евангелие — редко священники — проповедует любовь к людям. Это самое, что есть ценное в религиозной морали и что не противоречит классовому интересу рабочих и крестьян. Они на своем знамени также выставляют равенство и братство. Но равенству и братству учит эксплуатируемых сама жизнь, общность их интересов, сближение, основанное на взаимопонимании. “Все за одного, один за всех”. И это обучение взаимопомощи трудовой жизнью гораздо ценнее, чем проповедь евангелия, сплетенная с самоуничтожением, терпением, отречением от всякой борьбы, от всех земных благ»³.

Задолго до революции, отвечая на вопрос — может ли священник стать членом марксистской партии? — Владимир

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 23, 26.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 1. С. 415.

³ Цит. по кн.: Кузнецов Ф.Ф. Растут новые люди.... С. 177.

Ильич написал: «Если священник идет к нам для совместной политической работы и выполняет добросовестно партийную работу, не выступая против программы партии, то мы можем принять его в ряды с.-д., ибо противоречие духа и основ нашей программы с религиозными убеждениями священника могло бы остаться при таких условиях только его касающимся, личным его противоречием, а экзаменовать своих членов насчет отсутствия противоречия между их взглядами и программой партии политическая организация не может. Но, разумеется, подобный случай мог бы быть редким исключением даже в Европе, а в России он и совсем уже мало вероятен»¹.

Способствовать идущему процессу духовного освобождения — долг коммунистов. Но «было бы величайшей ошибкой и худшей ошибкой, которую может сделать марксист, — писал Ленин, — думать, что многомиллионные народные (особенно крестьянские и ремесленные) массы, осужденные всем современным обществом на темноту, невежество и предрассудки, могут выбраться из этой темноты только по прямой линии чисто марксистского просвещения»².

Слишком часто авторы популярных брошюр, берущиеся за «пересказы марксизма, которые преобладают в нашей литературе и которые (нечего греха таить) часто марксизм искажают», в принципе не могут заинтересовать «совсем еще неразвитые массы», а способны лишь вогнать такого читателя в тоску и скуку.

В этом смысле, полагает Ленин, вместо брошюр, которые пишут «уродующие марксизм коммунисты», куда полезнее использовать старую атеистическую литературу XVIII века. И хотя сегодня ее можно педантски упрекать в наивности, устарелости, ненаучности и т.п., никто не может отказать ей в остроумии и таланте³.

Иное дело читатель более развитый. Для него журнал должен публиковать серьезные статьи о развитии современной науки. А для этого необходим прежде всего «союз с последовательными материалистами, которые не принадлежат к партии коммунистов... Союз с представителями современного естествознания, которые склоняются к материализму и не боятся отстаивать и проповедовать его против господствующих в так называемом “образованном обществе” модных философских шатаний в сторону идеализма и скептицизма»⁴.

---

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 17. С. 422.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 26.

³ Там же. С. 27, 28.

⁴ Там же. С. 29.

Но и этому, более развитому читателю, представителю интеллектуального «авангарда», опираясь на русскую материалистическую традицию Чернышевского и Плеханова, на новейшие данные естественных наук и, в частности, теорию Эйнштейна, необходимо подняться до глубокого понимания диалектики Маркса.

«Чтобы достигнуть этой цели, — пишет Ленин, — сотрудники журнала “Под знаменем марксизма” должны организовать систематическое изучение диалектики Гегеля с материалистической точки зрения, т.е. той диалектики, которую Маркс практически применял и в своем “Капитале” и в своих исторических и политических работах.

...Мы можем и должны разрабатывать эту диалектику со всех сторон, печатать в журнале отрывки из главных сочинений Гегеля, истолковывать их материалистически, комментируя образцами применения диалектики у Маркса, а также теми образцами диалектики в области отношений экономических, политических, каковых образцов новейшая история, особенно современная империалистическая война и революция дают необыкновенно много».

И вот итог этих размышлений: «Группа редакторов и сотрудников журнала “Под знаменем марксизма” должна быть, на мой взгляд, своего рода “обществом материалистических друзей гегелевской диалектики”¹.

«Практики», по самое горло загруженные повседневными неотложными делами, охрипшие от телефонного крика, вынужденные думать только о том — как столько-то пудов хлеба или угля отправить сегодня (а надо бы вчера) туда-то и туда-то, могли лишь иронизировать по поводу изучения Гегеля и, как выражался сам Владимир Ильич, ленинских «философских запоев».

Их отношение к данному предмету хорошо сформулировал Владимир Маяковский: «Мы / диалектику / учили не по Гегелю. / Бряцанием боев / она врывалась в стих, / когда / под пулями / от нас буржуи бегали, как мы / когда-то / бежали от них».

Но, удивительное дело, каждый раз, когда возникали какие-то сугубо практические, жизненные проблемы, Ленин-философ брал верх над «практиками».

10 марта Евгений Преображенский разослал членам Политбюро свои тезисы «Основные принципы политики РКП в

---

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 24, 29, 30.

современной деревне», предназначенные для XI съезда партии. Ленин внимательно изучил их и 16 марта предложил членам Политбюро «признать тезисы неподходящими»¹.

Более всего Владимира Ильича не устраивали в этом документе весьма приблизительные представления автора о предмете разговора, декларативность и стремление решать новые жизненные проблемы деревни с помощью общих доктринальных фраз: «Это ни к чему, — пишет Ленин. — Повторять их так голо — вредно; вызовет тошноту, скуку, злобу против жвачки». ... «Фразы. Пожелания, всем надоевшие. Это и есть *современный* “комбюрократизм”»².

Не надо вообще пытаться в деловом документе формулировать «основные принципы политики». Для этого есть программа партии. И нельзя выводить конкретные решения из общих и абстрактных соображений. «Все тезисы т. Преображенского, — пишет Ленин, — архи- и переакадемичны; интеллигентщина, кружковщина, литературщина, а не практическая гос- и хозработа»³.

Прежде всего сам Преображенский не вполне уяснил смысл «Основных принципов политики РКП в современной деревне». «Директивы в декретном порядке» — вот что предлагает автор. Это в корне неверно. Бюрократизм потому нас и душит, что мы все еще играем в “директивы в декретном порядке”. Хуже и вреднее этого автор ничего не мог бы придумать»⁴.

Рассуждения Преображенского о расслоении деревни с точки зрения «Азбуки коммунизма» справедливы. Кулачество, считает он, — «выполняет функцию в деле развития производительных сил по мелкобуржуазному методу интенсификации земледелия. Политика грубого внеэкономического подавления его... была бы вреднейшей ошибкой. Но столь же недопустимой ошибкой была бы тактика толстовского невмешательства в хозяйственно эксплуататорскую деятельность кулачества. И государство должно ограничить его эксплуататорские стремления»⁵.

Дайте вот такую «директиву» любому уездному начальнику, вот он и будет гадать — где у него «марксизм», а где «толстовство». Между тем для Ленина истина вполне конкретна. И надо

---

¹ См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 46.

² Там же. С. 45.

³ Там же. С. 43, 44.

⁴ Там же. С. 45.

⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 77. Л. 5.

не прописи писать, а думать и искать «как “ограничивать” кулаков, не приостанавливая роста производительных сил...»¹

Незнание реальных перемен, произошедших в деревне, неизбежно приводит автора тезисов к ошибкам. Рабочих тогдашних совхозов он, например, объявляет «кадрами сельскохозяйственного пролетариата». Но «это неверно. Это “комчванство”. Гораздо чаще это *не* пролетариат, а и “пауперы”, и мелкие буржуа, и все что хотите. Не надо обольщать себя неправдой. Это — главный источник нашего бюрократизма. И это *зря* дразнит крестьян, обижает их... Не надо говорить таких вещей, как “состав совхозов должен быть очищен от мелкособственнических элементов”, ибо это вызовет *смех*, и законный (вроде очистки крестьянских изб от дурного воздуха)».

Особенно раздражают Ленина пункты тезисов, связанных с кооперацией: «О “кооперировании” говорится голо и абстрактно. Это уже говорено тьму раз и надоело. Надо изложить совершенно иначе, не повторяя голого лозунга “Кооперируйтесь!”, а *указывая конкретно*, в чем *практический опыт* кооперирования и *как* ему помочь».

Владимир Ильич считает, что вместо писания «директив» надо было «хоть один *уезд* взять и показать *деловым* анализом, как надо помогать “кооперированию”, а не злить крестьян *глупо коммунистической игрой в кооперацию*; — как и в чем именно мы *на деле* помогли агрономическими улучшениями и пр. ...Не тот подход к теме. Вредный подход. Тошнит всех от общих фраз. Они *плодят* бюрократизм и поощряют его».

Так что же делать с тезисами? Их надо отвергнуть и не надо ничего сочинять, ибо они лишний раз доказали, что «главный недостаток партии в области работы в деревне — неизучение практического опыта. Это корень всех бед и всего бюрократизма». Поэтому необходимо на самом съезде собрать делегатов, работающих в деревне, и «темой совещания сделать отнюдь не “принципы”, а исключительно *изучение практического опыта*...»²

Можно лишь добавить, что письмо это как раз и являло собой образец «материалистического применения диалектики Гегеля» к анализу реальной действительности.

По предписанию профессора Даршкевича Ленин старается как можно больше времени проводить на воздухе. Гуляет в парке, часами просиживает на террасе, делает обтирания хо-

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 47.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 43, 46, 47.

лодной водой. Но никакого улучшения в состоянии здоровья это не приносит.

Да и трудно было ожидать иного, ибо, уезжая, он пишет секретарю ВЦИК Авелю Енукидзе, а затем Молотову: «Если я буду Вам нужен, очень прошу, не стесняясь, вызвать. Есть телефон (знают и телефонистки коммутатора III этажа и Фотиева); можно послать бумаги через Фотиеву. *Могу вполне и приехать*: я езжу охотно, это менее часа». А вскоре выяснилось, что во многих учреждениях вообще вывешены объявления о том, как и через кого устанавливать связь с Лениным¹.

И все-таки, несмотря на непрекращающуюся рутинную текучку, отъезды в Москву, он успевает сделать многое. В первую очередь Владимира Ильича занимают вопросы, связанные с подготовкой XI съезда партии.

Еще 8 марта Ленин получает от Молотова проект тезисов «Об укреплении партии», подготовленный для съезда Зиновьевым, где говорилось о порядке приема в РКП(б). После того, как по итогам чистки из партии выбыла четверть ее состава, коммунистов стало явно не хватать и в руководстве низовых звеньев аппарата управления, и в производственных коллективах, и особенно — на селе. Зиновьев, как и многие другие партработники, полагал, что для укрепления руководящей роли РКП(б) необходимо вновь расширить ее состав, отдавая, естественно, предпочтение рабочим.

Ленин ответил: «Я бы нисколько не возражал против облегчения приема в партию настоящим рабочим, но если не поставить чрезвычайно строгих условий, определяющих, кто может считаться рабочим крупной промышленности, то в эту дыру немедленно пролезет опять масса швали»². Вопрос этот XI партконференция не решила, а лишь высказала пожелание, чтобы XI съезд рассмотрел его. И вот теперь в тезисах Зиновьева вновь формулировалась та же идея: для приема в партию рабочих и крестьян вполне достаточен стаж в полгода, а остальным — не менее года³.

9 марта Ленин пишет Молотову: «Следует, по-моему, для рабочих требовать 3-х лет стажа, для крестьян и красноармейцев — 4-х лет, остальным 5 лет». Помимо этого ЦК должен «определить точнее» само понятие «стажа» для «проверки того,

---

¹ См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 54. С. 201; Ленинский сборник XXXVIII. С. 417; Исторический архив. 1961. № 5. С. 55; Известия ЦК КПСС. 1991. № 2. С. 132.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 285.

³ См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 501.

являются ли кандидаты действительно сколько-нибудь испытанными коммунистами»¹.

После получения этого письма, 13 марта, Политбюро утверждает доработанные тезисы Зиновьева, игнорируя предложения Ленина по вопросу о стаже, и в таком виде тезисы публикуются 17 марта в «Правде».

Владимир Ильич решает оспорить это постановление и обращается с письмом к Пленуму ЦК. 24 марта он диктует по телефону из Корзинкино: «Я считаю крайне важным удлинить стаж для приема новых членов в партию». Учитывая столь единодушное мнение членов Политбюро, поддержавших Зиновьева в этом вопросе, Ленин идет на компромисс.

«Предлагаю оставить полгода только для тех рабочих, которые не меньше 10 лет были фактическими рабочими в крупных промышленных предприятиях. Для остальных рабочих назначить 1S, 2 года назначить для крестьян и красноармейцев и 3 года для всех остальных... Я считаю крайне опасным оставить без изменения предлагаемые Зиновьевым краткие сроки»².

Владимир Ильич разъясняет свою позицию: две революции — февральская и октябрьская, две войны — империалистическая и гражданская, привели к гигантской передвижке в социальной структуре населения. Многие ремесленники и крестьяне, уклоняясь от фронта или желая получить «пролетарский паек», уходили на заводы. При таких изменениях считать рабочими всех, кто в данный момент так или иначе связан с промышленным производством, было бы чистой канцелярщиной и самообманом.

«Несомненно, что у нас, — полагал Ленин, — постоянно считаются за рабочих такие лица, которые ни малейшей серьезной школы, в смысле крупной промышленности, не прошли. Сплошь и рядом в категорию рабочих попадают самые настоящие мелкие буржуа, которые случайно и на самый короткий срок превратились в рабочих». И Владимир Ильич предупреждает о главной опасности: «Якобы пролетарский характер нашей партии на самом деле несколько не гарантирует ее от возможного перевеса, и притом в самый короткий срок, элементов мелкохозяйских»³.

Совершенно очевидно, что суть расхождений Ленина с предлагаемыми тезисами состояла в различном понимании

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 17, 18.

² Там же. С. 17-18.

³ Там же. С. 18.

руководящей роли коммунистов. Именно здесь, в Корзинкино, он формулирует мысль, которая пройдет через все его последующие выступления: все мы — коммунисты — лишь «капля в море», и партия будет сильна лишь постольку, поскольку сумеет своей работой выразить интересы и завоевать доверие широчайших слоев трудящихся. Только так она сможет претендовать на руководящую роль¹.

Иными словами, для Ленина авангардная роль партии менее всего определялась ростом числа ее членов. Главным был авторитет и степень их влияния на массы. «Если у нас, — пишет Владимир Ильич, — имеется в партии 300-400 тысяч членов, то и это количество чрезмерно, ибо решительно все данные указывают на недостаточно подготовленный уровень теперешних членов партии. Поэтому я усиленно настаиваю на необходимости удлинить сроки стажа...»²

Однако Пленум ЦК, собравшийся 25 марта, выслушав замечания Ленина, идет лишь на частичные уступки. Пункт тезисов Зиновьева об условиях приема в партию принимается в следующей формулировке: «Установить кандидатский стаж для рабочих — 6 мес., для красноармейцев — 1 год, для крестьян и прочих лиц — 15 года, с возложением особой ответственности на товарищей, рекомендующих новых членов партии»³.

На протяжении всего срока пребывания в Корзинкино Ленин тщательно готовит и пишет план доклада на XI съезде РКП(б). Он переделывает и переписывает его четыре раза. Мысль Владимира Ильича вращается вокруг тех же проблем, о которых он писал в эти дни членам ЦК, говорил на съезде металлистов. «Генуя. Мы себя в обиду не дадим». О Коминтерне — «тема т. Зиновьева? Выкинуть вовсе?» А вот итог «всемирно-исторических завоеваний великой русской революции» — это надо⁴.

О НЭПе — подробнее: о «госкапитализме» и «схоластике», о «приспособлении к крестьянству» и «умении торговать и управлять», о вопросе Устрялова — что это «эволюция или тактика?». О роли государства и его аппарата: «Советское государство. Первое в мире. Новая эпоха: хуже *первого паровоза!*» И какую проблему ни поднимает Ленин, все заканчивается одним: «Обеспечен успех, **если** хватит? Чего? **Культурности!!!**»;

¹ См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 414, 417.

² Там же. С. 18.

³ Там же. С. 501.

⁴ Там же. С. 409, 410.

«Чья возьмет? Чего не хватает? Культурности»; «Вопрос “только” в культурности!»¹

И о партии. «За отчетный год (1921-1922) в области нэпа мы не столько сражались, сколько были сражаемы». Но это была «разведка», «поиски экономической политики», «начало стройки», а главное — «Голод». Отбросить «сладенькое комвранье (тошнит)». Задача: «Во главе масс надо быть, иначе мы капля в море. “Полоса пропаганды декретами” прошла. Массы поймут и оценят **лишь** деловую практическую работу, **практический успех** в хозяйственной и культурной работе». Отсюда перегруппировка сил. «Ответственные коммунисты из передних рядов назад! / Простой приказчик — вперед! / Вершками. / Малые дела. / Культурная и хозяйственная работа». И еще: «сохранить перспективу»².

23 марта, посылая план Молотову, Ленин пишет: «План предполагаемого мною политдоклада Цека на съезде:

в основном повторение, в некоторых пунктах развитие того, что сказано в речи на съезде металлистов, 6.III.1922. Со всем коротко о Генуе. Несколько подробнее о *нэпе* и о понятии “государственного капитализма”.

..Главное, чего нам не хватает, — культурности, умения управлять... Экономически и политически *нэп* вполне обеспечивает нам возможность постройки фундамента социалистической экономики.

..Разрыв между величиим начатых осуществлением задач и нищетой, как материальной, так и культурной».

План должен был 25 марта озвучен на Пленуме ЦК, и Ленин пишет Молотову: «Если потребуется моя явка на пленум для объяснений по поводу нижеприводимого плана доклада, я безусловно могу явиться и явлюсь часа через 2-3 после вызова». И еще: все эти дни кратковременные спазмы, как и головные боли, не прекращаются. Поэтому, на всякий случай, Владимир Ильич просит «пленум ЦК назначить дополнительно докладчика от ЦК, ибо мой доклад слишком общ, затем я не абсолютно уверен, что смогу его сделать, а главное — от текущей работы Политбюро уже месяцами отстал»³.

21 марта, в связи с прибытием из Берлина немецких профессоров Клемперера и Фёрстера, Ленин поручил Николаю Горбунову составить список ответработников, которых необ-

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 410, 411, 412, 413, 416, 417.

² Там же. С. 409, 410, 413, 417, 418.

³ Там же. С. 60, 61, 62.

ходимо провести через медосмотр. В этот список он предложил включить Троцкого, Каменева, Сталина, Чичерина, Осинского, Брюханова «и несомненно целый ряд других»¹.

Включать в список, действительно, надо было чуть ли не всю «верхушку». В начале года Рыкова отправили на операцию в Германию. И после нее, 1 марта, Ленин телеграфирует Крестинскому: «Не выпускайте Рыкова пока не достигнет 70 кило». Крестинский ответил: «...Спросил сегодня у врача, можно ли надеяться, что Рыков увеличит свой вес до 70 кило. Врач ответил, что при характере Рыкова этого, вероятно, никогда не будет... Если он дойдет до 60 кило, то и это будет уже хорошее состояние здоровья... Рыков собирается около 15 марта выехать в Россию»².

У Зиновьева периодически повторялись сердечные приступы. Троцкий жаловался на переутомление и бессонницу. «Невралгия головы, — писал он Ленину, — сильно меня парализует... Производительность моей работы минимальна». На истощение, переутомление и невралгию жаловались Бухарин и Чичерин. Ленин настаивал на немедленном отдыхе Сталина и Каменева: иначе мы их «работоспособности... к съезду партии не сохраним»³. Так что в список медицинского обследования попали десятки партийных и советских руководителей.

Попал в него и сам Владимир Ильич. 25 марта Фёрстер и Клемперер осмотрели его и констатировали примерно то же самое, что и у других: хроническое переутомление, «возбудимость и слабость нервной системы, проявляющуюся в головных болях, бессоннице, легкой физической и умственной утомляемости и склонности к ипохондрическому настроению...» Они рекомендовали Ленину уехать подальше от Москвы — лучше всего куда-нибудь в горы⁴.

25 марта собирается Пленум ЦК. После ознакомления с планом доклада Ленина, принимается решение: назначить дополнительным докладчиком по политическому отчету ЦК на съезде Каменева. А вот тезисы Зиновьева утвердили в приведенной выше формулировке об условиях приема в партию⁵.

В этот день Владимир Ильич из Корзинкино возвращается в Москву. А 26 марта он пишет Молотову: «Прочитав реше-

¹ См.: В.И. Ленин. Неизвестные документы. С. 523.

² Там же. С. 441, 442, 509.

³ Там же. С. 432, 436, 497, 499, 511.

⁴ Там же. С. 524, 530.

⁵ См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Ед. хр. 77. Л. 1, 9.

ние пленума от 25/III по вопросу о сроках кандидатского стажа для вступления в партию новых членов, я бы хотел оспорить это решение на съезде». Поэтому он просит ознакомить с его письмом всех членов ЦК до постановки данного вопроса на съезде¹.

«Надо принять во внимание, что соблазн вступления в правительственную партию в настоящее время гигантский». Естественно, это рождает желание заполнить теплое местечко, а посему, по мере успехов советской власти, «напор в партию элементов мелкобуржуазных и прямо враждебных всему пролетарскому возрастет в гигантских размерах». Между тем, «нет сомнения, что наша партия теперь по большинству своего состава недостаточно пролетарская... Со времени войны фабрично-заводские рабочие в России стали гораздо менее пролетарскими по составу, чем прежде... Это — факт общеизвестный»².

В этой связи «безусловно необходимо, чтобы не обманывать себя и других, определить понятие “рабочий” таким образом, чтобы под это понятие подходили только те, кто на самом деле по своему жизненному положению должен был усвоить пролетарскую психологию. А это невозможно без многих лет пребывания на фабрике без всяких посторонних целей, а по общим условиям экономического и социального быта».

«С другой стороны, так же несомненно, — развивает свою мысль Владимир Ильич, — что партия наша теперь является менее политически воспитанной в общем и среднем (если взять уровень громадного большинства ее членов), чем необходимо для действительно пролетарского руководства в такой трудный момент, особенно при громадном преобладании крестьянства, которое быстро просыпается к самостоятельной классовой политике».

И Ленин предупреждает: «Если не закрывать себе глаза на действительность, то надо признать, что в настоящее время пролетарская политика партии определяется не ее составом, а громадным, безраздельным авторитетом того тончайшего слоя, который можно назвать старой партийной гвардией». Такая ситуация резко усиливает роль субъективных, личностных моментов: «Достаточно небольшой внутренней борьбы в этом слое, и авторитет его будет если не подорван, то во всяком случае ослаблен настолько, что решение будет уже зависеть не от него»³.

¹ См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 19.

² Там же. С. 19.

³ Там же. С. 20.

«Не отчет, а политические уроки»

27 марта в 12 часов 30 минут, открывая XI съезд РКП(б), Ленин сказал: «Первый год мы имеем возможность посвятить свои силы настоящим, главным, основным задачам социалистического строительства... Я уверен, что если мы сделанное нами оценим с надлежащей трезвостью и не побоимся глядеть прямо в глаза действительности, не всегда приятной, а иногда и совсем неприятной, то все трудности, которые только теперь вырисовываются перед нами во всем размере, все эти трудности мы, несомненно, преодолеем»¹.

Потом начались выборы президиума, секретариата, мандатной и редакционной комиссий, утверждение регламента и порядка дня съезда. А когда эти вопросы были решены, слово для политического отчета Центрального Комитета вновь предоставили Владимиру Ильичу.

Он начал с Генуи, перечислил все, что сделано: ЦК тщательно подобрал делегацию «из лучших наших дипломатов», выработал и многократно обсудил «детальные директивы» для переговоров. И главное, что теперь необходимо понять: мы идем в Геную не как коммунисты, пропагандирующие революционные идеи, но и не для того, чтобы поучаствовать в различного рода дипломатических играх, а исключительно «как купцы».

Это важно и для самих европейских держав. Их собственные интересы требуют развития торговли с Россией. А коли так, то хозяйственная необходимость проложит себе дорогу. «Через Геную, если достаточно сообразительны и не слишком упрямы будут наши тамошние собеседники, мимо Генуи — если им вздумается упрямитесь. Но цели своей мы достигнем!»².

Ленин попросил у делегатов «разрешение в детали этого вопроса не входить», ибо наша «печать уделяла этому вопросу много места, — на мой взгляд, даже непомерно много, — в ущерб действительным, практическим и насущным нуждам нашего строительства вообще, хозяйственного в особенности»³.

Среди большевиков было немало выдающихся ораторов, чьи выступления, полные артистизма, остроумия и блеска

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 67.

² Там же. С. 71.

³ Там же. С. 69.

эрудиции, вызывали всеобщее восхищение. Таким, к примеру, был на трибуне Луначарский. Были и другие — те, чей темперамент, властность интонации, эмоциональный накал заставляли аудиторию бурно «сопереживать» речь. Временами так выступал Троцкий. Ленин принадлежал к совсем другому типу ораторов.

Он не ставил перед собой задачу поразить слушателей блестящим эрудиции или остроумия (хотя в стенограммах его выступлений постоянно встречается ремарка — «смех в зале»). Не старался вызвать у слушателей и бурный эмоциональный взрыв. Владимир Ильич стремился добиться иного: чтобы аудитория **думала** вместе с ним.

«Говорил быстро, — писала о Ленине Крупская. — Стенографисты плохо записывали... Конструкция фраз у него трудная... Речь простая была, не вычурная и не театральная, не было ни «естественной искусственности», не «певучая» типа французской речи (как у Луначарского, например), не было и сухости, деревянности, монотонности типа английской — русская речь посередине между этими крайностями. И она была у Ильича такая — посередине — типичная русская речь»¹.

Выходя к аудитории, он ставил проблему. С разных сторон подходил к ней. Приводил аргументы «за» и «против». И создавалось ощущение, будто он думает вслух, втягивая слушателей в логику своих размышлений. А у слушателей, в свою очередь (конечно, не у всех), возникала уверенность в том, что они сами, по ходу выступления Ленина, проходят весь сложный путь поиска истины...

«Мне сдается (или, по крайней мере, такова моя привычка), — сказал Владимир Ильич, обращаясь к делегатам XI съезда, — что в политическом докладе ЦК нам надо вести речь не просто о том, что было за отчетный год, но и о том, какие за отчетный год получились политические уроки — основные, коренные, чтобы свою политику на ближайший год определить верно, чтобы кое-чему за год научиться»².

В докладе предстояло сказать немало неприятных, а то и обидных слов, задевавших многих делегатов — руководящих работников партийного и государственного аппарата разных уровней. Но для Ленина было важно не обидеть их, доказавших в годы Гражданской войны свою преданность революции, а помочь уяснить «всю громадную опасность, которая за-

¹ Воспоминания о В.И. Ленине. В 5 томах. Изд. 3. Т. 1. Воспоминания родных. М.: Политиздат, 1984. С. 595.

² См.: *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 72, 73.

ключается в нэпе», и понять, что одна из основных трудностей предстоящего 1922 года «лежит в нас самих»¹.

Речь его выстраивается как бы по концентрическим окружностям, вернее — по спирали, когда к одному и тому же вопросу он, казалось бы, возвращается дважды и трижды. Эту особенность выступлений Ленина подметил писатель Илья Эренбург: «...Он возвращался к уже высказанной мысли, но никогда не повторял ее, а прибавлял нечто новое. Некоторые из подражавших впоследствии этой манере говорить забывали, что спираль похожа на круг и не похожа — спираль идет дальше»². В конечном счете, благодаря подобного рода «повторам» из приводимых им аргументов и умозаключений выстраивалась смысловая и логическая связь конечных выводов.

«Политические события, — сказал Ленин, — всегда очень запутаны и сложны. Их можно сравнить с цепью. Чтобы удержать всю цепь, надо уцепиться за основное звено. Нельзя искусственно выбрать себе то звено, за которое хочешь зацепиться». Искусство политики как раз в том и состоит, чтобы найти его, то есть, выражаясь другими словами, определить — где тот гвоздь, на котором зависли все проблемы данного момента. И Владимир Ильич апеллирует к опыту предшествующих лет.

«В 1917 году в чем был весь гвоздь? — спрашивает он. — В выходе из войны, чего требовал весь народ, и это покрывало все. Выхода из войны революционная Россия достигла... Народ почувствовал, крестьянин видел, всякий возвращающийся с фронта солдат превосходно понимал, что в лице Советской власти он получает более демократическую, более близкую к трудящимся власть». А поскольку «основная потребность народа была учтена... это дало нам победу на много лет».

После Октября началась «полоса, когда декреты служили формой пропаганды. Над нами смеялись, говорили, что большевики не понимают, что их декретов не исполняют... Но эта полоса была законной, когда большевики взяли власть и сказали рядовому крестьянину, рядовому рабочему: вот как нам хотелось бы, чтобы государство управлялось, вот декрет, попробуйте... Без этого мы бы не стали во главе революционной волны, а стали бы плестись в хвосте»³.

---

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 78, 84.

² Ленин всегда с нами. Воспоминания советских и зарубежных писателей. М., 1969. С. 77.

³ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 109, 111.

А в чем был «гвоздь» в годы гражданской войны? — спрашивает Ленин, и отвечает: «Отпор военный... Любой беспартийный крестьянин понимал, что делается. Идет помещик. Коммунисты умеют с ним бороться. Вот почему крестьянин в массе своей был за коммунистов, вот почему мы победили».

Но у этой победы была и обратная сторона. В ходе войны, отмечает Ленин, мы возложили на крестьянство «очень тяжелые повинности, оправдывая их тем, что война никаких колебаний в этом отношении не допускает. И это оправдание, если взять его во всем объеме, было крестьянством принято, несмотря на ошибки, которых мы не смогли избежать».

Но смычки с крестьянской экономикой не получилось. «Ею до известной степени можно было и должно было пренебречь, когда стояла абсолютно неотложная и прямая нависшая задача отпора от опасности быть немедленно задушенными...» Вот и получилось в результате, что стройка новой жизни в эти годы «шла до известной степени в сторонке от того, что делалось в широчайшей крестьянской массе...»¹

До окончания Гражданской войны, хотя и с переменным успехом, мы наступали. И, по всем законам развития революций, забежали вперед. После окончания войны, «в 1921 году, — продолжал Ленин, — гвоздем было отступление в порядке». Надо было дать роздых и освободить экономическое пространство для крестьян, задавленных продрозверсткой. И именно потому, что мы наступали так успешно... захватили необъятно много, только поэтому у нас было так много места, что мы могли очень далеко отступать и сейчас еще можем далеко отступать, нисколько не теряя главного и основного».

Но наступление и отступление — не игра в солдатики. Это для оловянной фигурки, а не для живых людей, безразлично, куда ее двигают — вперед или назад. Наступление и отступление различны, в частности, по психо-моральному состоянию армии. При успешном наступлении общий порыв захватывает всех, «там дисциплину, — говорит Ленин, — если и не поддерживаешь, все сами собой прут и летят вперед...»

Совсем иное — «до известной степени подавленное» настроение порождается отступлением. «И в этом, — поясняет Владимир Ильич, — громадная опасность: отступать после победоносного великого наступления страшно трудно... Когда вся армия отступает, ей не ясно, она не видит, где остановиться».

---

¹ См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 73, 74, 97-98, 109-110.

ся, а видит лишь отступление, — тут иногда достаточно и немногих панических голосов, чтобы все побежали»¹.

Перед делегатами съезда Ленин не случайно оперирует образами и терминологией войны. Большинство делегатов участвовали в ней — и в той (1914-1917 гг.) и в другой (1918-1920 гг.). Кто-то, наверняка, помнил картинки июльского отступления 1917 года на Юго-Западном фронте, когда Корнилов поставил заградотряды с пулеметами и стал вешать бегущих на телеграфных столбах. А кто-то помнил картинки отступления славной Конармии из Польши в 1920 году, когда деморализация дошла до еврейских погромов. И здесь для отрезвления тоже пришлось прибегнуть к расстрелам. Таковы суровые законы войны. «Когда... правильное отступление, — говорит Ленин, — переходит в беспорядочное, командуют: “Стреляй!” И правильно»².

Подводя итоги отступления, Владимир Ильич заключает: «Отступление в общем и целом прошло в достаточном порядке, хотя голоса панические, к числу которых принадлежала “рабочая оппозиция” (и в этом был ее величайший вред!), и вызвали у нас частичные отрезывания, отпадения от дисциплины, от правильного отступления»³.

На упоминание «рабочей оппозиции» Александр Шляпников обиделся: вот, мол, теперь и против него пулеметы... Владимир Ильич ответил иронической репликой: «Бедный Шляпников! Ленин собрался на него пулеметы выставлять. Речь идет о партийных мерах воздействия, а вовсе не о каких-то пулеметах»⁴.

Итак, отступление кончилось. «Та цель, которая отступлением преследовалась, — сказал Ленин, — достигнута... Мы пришли в новое место...» Теперь, в 1922 году, «гвоздем», способным удержать всю конструкцию, становится смычка с крестьянской массой, то есть не только в том, как «существовать среди капиталистического уклада», но и осуществлять регулирование всей многоукладной экономики страны.

И тут не надо мудрствовать. Надо выводить Россию из голода и разрухи, помочь миллионам людей наладить нормальную жизнь. В этом вся философия. Мы должны устроить так, поясняет Владимир Ильич, чтобы крестьянин увидел связь нашей социалистической политики с «той работой, которой за-

---

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 88, 110.

² Там же. С. 88-89.

³ Там же. С. 88.

⁴ Там же. С. 120.

нят каждый крестьянин и которую он ведет так, как он может, выбиваясь из нужды, как он умеет, не мудрствуя (потому что, где ему мудрствовать для того, чтобы вылезти и спастись от прямой опасности мучительной голодной смерти?)»¹.

Вот и коммунистам-руководителям надо перестать суетиться, умничать и рассуждать о НЭПе. Резолюция съезда всякой «сутолоке, суматохе должна положить конец. Успокойтесь, не мудрствуйте, это будет засчитываться в минус. Практически надо доказать, что ты работаешь не хуже капиталистов».

Прислушайтесь, о чем говорят рабочие и крестьяне: «Капиталист умел снабжать. Он это делал плохо, он это делал грабительно, он нас оскорблял, он нас грабил. Это знают простые рабочие и крестьяне, которые не рассуждают о коммунизме, потому что не знают, что это за штука такая». Они ставят вопрос очень просто: «Капиталисты все же умели снабжать, а вы умеете?» И никакие ссылки на светлое будущее тут не помогут: «Принципы коммунистические, идеалы хорошие, — ну, расписаны так, что святые люди, в рай живыми проситесь, — а дело делать умеете?»²

«Отсрочки коммунистам были даны всякие, — продолжает Владимир Ильич, — в кредит было дано столько, сколько ни одному другому правительству не давалось». Эту «отсрочку и кредит от народа мы получили благодаря нашей правильной политике, и это, если выразиться по-нэповски, — векселя, но сроки на этих векселях не написаны, и, когда они будут предъявлены ко взысканию, этого... не узнаешь. Вот в чем опасность, вот особенность, которая отличает эти политические векселя от обыкновенных торговых векселей».

Экзамен, говорит Ленин, который устраивает для нас «русский и международный рынок, которому мы подчинены, с которым связаны», весьма серьезен. Это «проверка настоящая, с точки зрения народной экономики». И «либо мы этот экзамен соревнования с частным капиталом выдержим, либо это будет полный провал»³.

Для тех, кто был убежден в том, что история развивается в полном соответствии с приказами и предписаниями начальства, что администрирование является универсальным рычагом управления обществом, Ленин популярно излагает концепцию сменевеховца Устрялова.

¹ См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 76, 78, 87, 111.

² Там же. С. 79, 92.

³ Там же. С. 80, 81-82, 83.

«...Что такое новая экономическая политика большевиков — эволюция или тактика? Так поставили вопрос сменовеховцы... — люди, пришедшие к убеждению, что Советская власть строит русское государство и надо поэтому идти за ней».

Они рассуждают так: «...Эта Советская власть строит какое государство? Коммунисты говорят, что коммунистическое, уверяя, что это — тактика: большевики обойдут в трудный момент частных капиталистов, а потом, мол, возьмут свое. Большевики могут говорить, что им нравится, а на самом деле это не тактика, а эволюция, внутреннее перерождение, они придут к обычному буржуазному государству, и мы должны их поддерживать».

И, обращаясь к делегатам съезда, Ленин говорит: «Нам очень много приходится слышать, мне особенно по должности, сладенького коммунистического вранья, “комвранья”, кажинный день, и тошнехонько от этого бывает иногда убийственно. И вот, вместо этого “комвранья” приходит номер “Смены Вех” и говорит напрямик: “У вас это вовсе не так, это вы только воображаете, а на самом деле вы скатываетесь в обычное буржуазное болото, и там будут коммунистические флажки болтаться со всякими словечками”... “Я за поддержку Советской власти в России, — говорит Устрялов... — я за поддержку Советской власти, потому что она стала на дорогу, по которой катится к обычной буржуазной власти”».

Прав ли он, существует ли такая опасность внутреннего перерождения? Да, существует, считает Ленин: «Враг говорит классовую правду, указывая на ту опасность, которая перед нами стоит. Враг стремится к тому, чтобы это стало неизбежным. Сменовеховцы выражают настроение тысяч и десятков тысяч всяких буржуев или советских служащих, участников нашей новой экономической политики. Это — основная и действительная опасность»¹.

Видят ли коммунисты-теоретики, да и наша пресса, эту опасность? Видят. Только «не там, где следует», и поэтому «стреляют совсем мимо, глядят совершенно в другую сторону». Они вообще боятся того, что мы допустили восстановление капитализма, как такового, и государственного капитализма в особенности².

Дело дошло до того, что на пленуме Исполкома Коминтерна французские товарищи «по-детски расплакались... От са-

¹ См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 93, 94.

² Там же. С. 75, 84, 85.

мых хороших коммунистических чувств и коммунистических устремлений некоторые товарищи расплакались», ибо они посчитали, что «хорошие русские коммунисты» ведут дело к реставрации капитализма в России. И это уже не говоря о тех поэтах, которые пишут, что раньше, мол, хотя был «голод и холод в Москве», но зато «было чисто, красиво», а вот «теперь — торговля, спекуляция»¹.

Гвоздь вопроса в том, что, в определенном смысле, сейчас капитализм нужен народу. Его «мы можем и должны допустить... можем и должны поставить в рамки, ибо капитализм этот необходим для широкого крестьянства и частного капитала, который должен торговать так, чтобы удовлетворить нужды крестьянства. Необходимо дело поставить так, чтобы обычный ход капиталистического хозяйства и капиталистического оборота был возможен, ибо это нужно народу, без этого жить нельзя»².

Относительно же государственного капитализма беда наших теоретиков состоит в том, что они смотрят не на реальную жизнь, а заглядывают в старые книги. «А там написано совершенно не то: там написано про тот государственный капитализм, который бывает при капитализме, но нет ни одной книги, в которой было бы написано про государственный капитализм, который бывает при коммунизме. Даже Маркс не догадался написать ни одного слова по этому поводу и умер, не оставив ни одной точной цитаты и неопровержимых указаний. Поэтому нам сейчас приходится выкарабкиваться самим»³.

И тут тоже не надо мудрствовать. «Государственный капитализм, это — тот капитализм, который мы должны поставить в известные рамки и которого мы не умеем до сих пор поставить в эти рамки. Вот в чем вся штука». В чем дело? Политической власти хватает. Экономических средств — достаточно. Не хватает умения у тех, кто поставлен у руля для руководства народным хозяйством, чтобы его «подчинить себе, а не быть подчиненным»⁴.

Да, в наших руках государственная власть, главные политические и экономические рычаги воздействия на общество. И в этом наша сила. Но государственная власть это не только политическая воля авангарда господствующего класса. Это и обслуживающий его государственный аппарат управления, чи-

¹ См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 87, 88, 518.

² Там же. С. 85-86.

³ Там же. С. 84.

⁴ Там же. С. 85.

новничество, бюрократия, которые для народа как раз и являются реальной властью.

С первых своих работ Ленин не раз напоминал о том, что проводя в жизнь волю правящего класса, чиновничий аппарат обладает и определенной «автономией», имеет не только свои корпоративные интересы, но и возможности их реализации. Даже при «старом режиме» этому аппарату нередко удавалось блокировать те исходившие сверху начинания, которые не соответствовали интересам бюрократии¹.

Вот и нам, считает Ленин, пора признать, что аппарат у нас — не наш. Поэтому и государственная машина не всегда слушает тех, кто считает себя властью. «Вырывается машина из рук: как будто бы сидит человек, который ею правит, а машина едет не туда, куда ее направляют, а туда, куда направляет кто-то... Машина едет не совсем так, а очень часто совсем не так, как воображает тот, кто сидит у руля этой машины»².

Ленин рассказывает: «...Я попытался разобраться: взять конкретный случай, докопаться хоть раз до низов, выяснить, как это там выходит, почему эта машина не идет». И он препарирует перед делегатами уже известный нам эпизод с закупкой консервов.

«Москва голодает, летом будет голодать еще больше, мяса не привезли...» И вот: «Явился для этого французский гражданин... Продают мясные консервы... на советские деньги. Чего же проще? Оказывается, что ежели рассуждать по-советски и как следует, то совсем не просто...». Между руководителями ведомств — склока. «В чем дело? Не можем никак закупить продовольствия. Почему? Волокита Наркомвнешторга». Тогда 11 февраля... Политбюро ЦК принимает решение о «желательности закупки...»

Ленин комментирует: «Конечно, без Политбюро ЦК РКП как же это русские граждане могут такой вопрос решить! Представьте себе: как это могли бы 4700 ответственных работников (это только по переписи) без Политбюро ЦК решить вопрос о закупке предметов продовольствия за границей? Это, конечно, представление сверхъестественное».

Ну, хорошо, постановление принято. И что же? Опять проходит неделя, вторая... Вы думаете, чиновники спали? Наоборот. Непрерывно заседали комиссии. Страсти накалялись: «Один ответственный коммунист послал другого ответствен-

---

¹ См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 1. С. 186, 301; Т. 21. С. 32, 58; Логинов В.Т. Неизвестный Ленин. М.: ЭКСМО-Алгоритм, 2010. С. 332.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 86.

ного коммуниста к черту». Тот не остался в долгу: «Не буду с вами разговаривать впредь без нотариуса»... «Все устали, измучались, больны...». Великолепная иллюстрация к способности бюрократического аппарата имитировать и симулировать кипучую деятельность.

И тогда, рассказывает Владимир Ильич, — «я написал письменное предложение в ЦК: по-моему, всех, кроме членов ВЦИК, которые, вы знаете, неприкосновенны, всех, кроме членов ВЦИК, из московских учреждений посадить в худшую московскую тюрьму на 6 часов, а из Внешторга — на 36 часов».

Создали следственную комиссию, даже две... И что? Не успели посадить. Во-первых, «когда приехал Красин, Каменев поговорил с Красиным, дело было улажено и консервы мы купили». А, во-вторых, обе следственные комиссии так виновных и не нашли (в зале — общий смех). «В самом деле, из того, что я рассказал, совершенно очевидно, что виновного не найдешь. Просто обычное русское интеллигентское неумение практически дела делать — бестолковщина и безалаберщина».

Итог: «Так работать нельзя. Тут не новая, не экономическая и не политика, а просто издевка». И так не только в столице, но и «не в столичных городах постоянно делаются такие вещи и даже во сто раз хуже»¹. В чем дело? — спрашивает Владимир Ильич. «Политической власти совершенно достаточно... Чего же не хватает? Ясное дело... не хватает культурности тому слою коммунистов, который управляет...»

Он вспоминает гимназические уроки истории: «Нас учили: бывает, что один народ завоеует другой народ, и тогда тот народ, который завоевал, бывает завоевателем, а тот, который завоеван, бывает побежденным. Это очень просто и всем понятно. Но что бывает с культурой этих народов? Тут не так просто. Если народ, который завоевал, культурнее народа побежденного, то он навязывает ему свою культуру, а если наоборот, то бывает так, что побежденный свою культуру навязывает завоевателю».

Ленин поясняет: «Правда, тут может как будто получиться впечатление, что у побежденных есть высокая культура. Ничего подобного. Культура у них мизерная, ничтожная, но все же она больше, чем у нас. Как она ни жалка, как ни мизерна, но она больше, чем у наших ответственных работников—коммунистов, потому что у них нет достаточного умения управлять. ...Это признание очень неприятное. Или, по крайней мере, не

¹ См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 100, 101, 103, 104.

очень приятное, но мне кажется, что его надо сделать, ибо в этом сейчас гвоздь вопроса»¹.

Одна из главных проблем для Ленина в том и состояла, что НЭП поставил перед партией новые задачи, но «мы отстали от той потребности, которая имеется сейчас на очереди... Мы живем в традициях 1918 и 1919 годов. То были великие годы, величайшее всемирное историческое дело. А если смотреть назад на эти годы и не видеть, какая теперь задача на очереди, то это была бы гибель, несомненная, абсолютная гибель, и весь гвоздь в том, что сознать этого мы не хотим»².

Тут неизбежно опять возникает вопрос, без ответа на который трудно будет понять многие последующие события: а что, собственно говоря, плохого и вредного в том, что Ленин называет «администрированием»? Нажали, надавили, в конце концов — применили силу, зато добились результата.

Вот, к примеру, работа Георгия Пятакова на Донбассе... Стране нужен уголь. Без него — о восстановлении промышленности, о строительстве социализма — нечего и говорить. Георгия Леонидовича ставят во главе Центрального управления каменноугольной промышленности Донбасса (ЦПКП). И на IX съезде Советов Ленин хвалит Пятакова за достигнутые успехи³. Казалось бы, все в порядке — цель достигнута.

Но что есть цель новой экономической политики? — Укрепить связь с рабочей и крестьянской массой, завоевать ее полное доверие. Этого в тоннах и пудах не оценишь — они лишь средство. Главные перемены должны произойти в массовом сознании. А насильем, администрированием этого не добьешься. Они, как средство, приходят в противоречие с целью. Ибо в конечном счете необходимо, чтобы «рядовой трудящийся человек» осознал, что его не загоняют в социализм, а собственное его желание улучшить свою нищенскую жизнь, реально и ощутимо для него, связано с «работой, которую ведут во имя отдаленных социалистических идеалов...»⁴.

И вот на XI съезде Ленин вновь обращается к примеру Донбасса. Фамилии Пятакова он не называет — надо щадить самолюбие амбициозных людей. Но когда Владимир Ильич говорит, что во главе ЦПКП стояли «люди не только, несомненно, преданные, но люди действительно образованные и с громадными способностями, и даже не ошибусь, если скажу — та-

---

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 95, 96.

² Там же. С. 99.

³ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 319.

⁴ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 76, 77.

лантливые люди...», — то делегатам было ясно, о ком идет речь. И Ленин объясняет, почему ЦК РКП(б) был вынужден отозвать этого руководителя из Донбасса.

Применение им военно-бюрократических методов руководства в конечном счете привело к подавлению самостоятельности, инициативы, то есть стало препятствовать вовлечению массы рабочих в восстановление угледобычи. То, что в хозяйственной работе, да еще в условиях хаоса, разрухи и голода, неизбежно использование самых различных средств — это никому объяснять было не надо.

Но при всем при том, указывает Владимир Ильич, нельзя ни в коем случае «отрывать администрирования от политики, — вот в чем задача. Ибо наша политика и администрирование держатся на том, чтобы весь авангард был связан со всей пролетарской массой, со всей крестьянской массой. Если кто-нибудь забудет про эти колесики, если он увлечется одним администрированием, то будет беда»¹.

Даже с точки зрения сугубо прагматической очевидно, что голое администрирование не является наиболее эффективным методом управления, и Ленин называет его «*н е* полным умением управлять». Нажимные приемы руководства «породили в Донбассе склоку» А интриги и склоки, в свою очередь, парализовали работу. Между тем, в новых условиях умение управлять, считает Владимир Ильич, предполагает не только способность применить власть. Надо еще «уметь правильно расставлять людей, уметь избегать мелких столкновений, так чтобы государственная хозяйственная работа не прерывалась. Этого у нас нет — вот в чем ошибка»².

Для Ленина именно это — центральный вопрос съезда и «первая главная часть политического доклада ЦК». Владимир Ильич поясняет: «За этот год мы доказали с полной ясностью, что хозяйничать мы не умеем. Это основной урок. Либо в ближайший год мы докажем обратное, либо Советская власть существовать не может. И самая большая опасность — что не все это сознают...»³

На всех важнейших государственных и хозяйственных постах, говорит Ленин, у нас поставлены «лучшие коммунисты». Однако «толку от этого нет никакого». Потому что многие из них думают не о том, как добыть и продать крестьянам соль или ситец, а витают в мыслях о мировой революции и о

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 107.

² Там же. С. 106, 107, 416.

³ Там же. С. 80.

том, что смотрят на них «сорок европейских стран с надеждой на избавление от капитализма». Поэтому такой ответственный коммунист — «и лучший, и заведомо честный, и преданный, который каторгу выносил и смерти не боялся», — он новое дело свое делает «хуже рядового капиталистического приказчика... Этого мы не сознаем, тут осталось коммунистическое чванство — комчванство, выражаясь великим русским языком».

«...Не важничай, не чванься, что ты коммунист, а там какой-то приказчик беспартийный, а может быть белогвардеец, и наверное белогвардеец умеет дело делать, которое экономически надо сделать во что бы то ни стало, а ты не умеешь. Если ты ответственный коммунист, сотни чинов и званий и “кавалера” коммунистического и советского имеешь, если ты это поймешь, тогда ты своей цели достигнешь, ибо научиться этому можно»¹.

Учиться? Но у кого? У той же побежденной буржуазии — отвечает Ленин. Владимир Ильич пересказывает фрагмент из книжечки 1918 года, члена Исполкома Весьегонского уезда Тверской губернии Александра Тодорского «Год — с винтовкой и плугом»: «Он говорит, как он приступил к оборудованию двух советских заводов, как привлек двух буржуев и сделал это по тогдашнему: под угрозой лишения свободы и конфискации всего имущества... Но вот его вывод: “Это еще полдела — мало буржуазию победить, доконать, надо ее заставить на нас работать”».

Вот это — замечательные слова... Мы должны заставить и сделать так, чтобы их руками работать на нас, а не так, чтобы ответственные коммунисты стояли во главе, имели чины, а плыли по течению с буржуазией. Вот в этом — вся суть...»²

Естественно, проблемы управления не сводились лишь к обучению руководящих кадров. Необходимы были структурные изменения в самой верхушке аппарата власти. И на первый план здесь выходила проблема взаимоотношений высших партийных и государственных органов. «У нас создалось, — сказал Ленин, — неправильное отношение между партией и советскими учреждениями... Я показывал, как конкретное мелкое дело тащат уже в Политбюро. Формально выйти из этого очень трудно, потому что управляет у нас единственная правительственная партия». В какой-то мере, признается Владимир Ильич, — «тут была также большая моя вина, так как мно-

---

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 82, 83.

² Там же. С. 97, 98.

гое по связи между Совнаркомом и Политбюро держалось персонально мною». Но как только Ленин заболел и председательствующим на заседаниях Политбюро вместо него стал Каменев, все пошло в разлад.

Неподъемный для одного человека объем текущей работы, недифференцированность партийных и советских функций в управлении создали неравномерность нагрузки на оба ведущих колеса — Политбюро и Совнарком. «А когда мне пришлось уйти, — констатировал Ленин, — то оказалось, что два колеса не действуют сразу, пришлось нести тройную работу Каменеву, чтобы поддерживать эти связи».

Из своей болезни Владимир Ильич не делал тайны. «В ближайшее время, — сказал он, — мне едва ли придется вернуться к работе...» Выход из положения в том, чтобы «освободить Политбюро и ЦК от мелочей», а с другой стороны «повысить авторитет Совнаркома», роль и ответственность руководящих органов в центре и на местах, пресекая «всякое обращение по мелочам», входящим в их компетенцию.

Что касается работы Совнаркома, то она ложится на плечи двух заместителей Председателя СНК — Рыкова и Цюрупы, которые хорошо известны делегатам. Причем, Алексей Иванович Рыков должен быть одновременно членом Политбюро ЦК и Президиума ВЦИК, «потому что между этими учреждениями должна быть связь, потому что без этой связи основные колеса иногда идут вхолостую».

Разгрузить Совнарком и Политбюро удастся и в том случае, если сумеем наладить работу наркоматов. «У нас, — сказал Ленин, — 18 наркоматов, из них не менее 15-ти — никуда не годны...». Безответственность плодят и бесчисленные комиссии, создаваемые по любому вопросу. Их было 120. После чистки осталось 16. Надо добиться того, чтобы каждый знал свое дело и держал за него ответ и чтобы сами «наркомы отвечали за свою работу, а не так, чтобы сначала шли в Совнарком, а потом в Политбюро».

Одновременно необходимо изменить и характер работы советского парламента — ВЦИК: удлинить сроки работы сессий, чтобы обсуждение законопроектов происходило не наспех, а более основательно и строго, консультируясь с местными работниками, а также для того, чтобы этот высший орган советской власти проверял и добивался исполнения законов¹.

¹ См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 113, 114, 115, 116.

Все перечисленные проблемы, сказал Ленин, должны «стать гвоздем всей нашей работы на 1922 год», и мы сможем их решать лишь при трех условиях.

«Во-первых, при том условии, что не будет интервенции. Мы все делаем своей дипломатией для того, чтобы ее избежать, тем не менее она возможна каждый день.

...Второе условие — если финансовый кризис не будет слишком силен... Если он будет слишком силен и тяжел, нам придется многое опять перестраивать и все силы бросить на одно.

...И третье условие — чтобы не делать за это время политических ошибок. Конечно, если будем делать политические ошибки, тогда все хозяйственное строительство будет подрезано...»¹

Ну, хорошо. Не будем делать ошибок... Укрепим рубль... Научимся торговать... А дальше-то что? Ведь не зря в плане доклада Ленин пометил для себя: «сохранить перспективу»².

Владимир Ильич рассказывает делегатам о книжке «“Новый курс” в Советской России» Отто Бауэра, «у которого мы все когда-то учились... Он теперь пишет: “Вот они отступают к капитализму; мы всегда говорили: революция — буржуазная”». То же самое скажет вам любой меньшевик: «Вы теперь отступаете, а я всегда был за отступление... Давайте отступать вместе». И они тоже будут твердить: «У них там буржуазная революция»³.

Но не надо поддаваться панике: за что же, мол, боролись... Да, наша задача — «буржуазную революцию довести до конца». И сами белогвардейцы признают, что те авгиевы конюшни, в которых царизм 400 лет копил средневековый навоз, — «мы вычистили этот навоз за четыре года, — это величайшая заслуга». Человечество не забудет и того, говорит Ленин, что именно русская революция показала, как из реакционной войны, унесшей миллионы жизней, выйти революционным путем.

И, наконец, — «никакая сила в мире не может взять назад того, что Советское государство было создано. Это — всемирно-историческая победа... Впервые была найдена форма государства не буржуазного. Может быть, наш аппарат и плох, но говорят, что первая паровая машина, которая была изобретена, была тоже плоха, и даже неизвестно, работала ли она... Зато

---

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 112, 113.

² Там же. С. 413.

³ Там же. С. 89, 107.

теперь мы имеем паровоз. Пусть наш государственный аппарат из рук вон плох, но все-таки он создан, величайшее историческое изобретение сделано, и государство пролетарского типа создано...»¹

Ну, хорошо, государство «не буржуазное», «пролетарского типа», — а где же социализм? Еще в 1917 году Ленин писал о своих оппонентах: они «свели марксизм к такому убого-либеральному извращению, что кроме противоположения буржуазной и пролетарской революции для них ничего не существует, да и это противоположение понимается ими донельзя мертвенно». Делегатам XI съезда Владимир Ильич разъясняет: для нас завершить буржуазную революцию — «это значит только открыть дверь. Перед нами станет теперь задача постройки фундамента социалистической экономики. Сделано это? Нет, не сделано»².

Если удастся сомкнуться с крестьянской массой, тогда «наше дело будет абсолютно непобедимо...». Возможно, мы будем двигаться вперед «в сто раз медленнее... Неизмеримо, бесконечно медленнее, чем мы мечтали, но зато так, что действительно будет двигаться вся масса с нами. Тогда и ускорение этого движения в свое время наступит такое, о котором мы сейчас и мечтать не можем». И это, считает Ленин, — «основной политический урок новой экономической политики»³.

Вот на такой оптимистической ноте ему бы и закончить доклад. Но Владимир Ильич забывает в финале все тот же «гвоздь». Сущность политического момента — в подборе людей и проверке исполнения принимаемых решений. «Надо сознать и не бояться сознать, что ответственные коммунисты в 99 случаях из 100 не на то поставлены, к чему они сейчас пригодны, не умеют вести свое дело и должны сейчас учиться... У нас хватит времени на то, чтобы успеть выучиться, это надо сделать во что бы то ни стало. (*Бурные аплодисменты.*)»⁴.

На вечернем заседании с организационным отчетом ЦК выступил **Молотов**. Основная мысль его доклада сводилась к тому, что за прошедший год прежние фракции, группировки и течения внутри партии «изжиты». И теперь РКП(б) в полити-

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 107, 108, 109.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 33. С. 39, 40; Т. 45. С. 109.

³ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 78.

⁴ Там же. С. 116.

ческом и организационном отношении является «более крепкой, более спаянной организацией»¹.

Иной вопрос сейчас тревожит партию: ее социальный состав. Ибо в последнее время среди членов РКП(б) выходцы из непролетарских слоев составили 58 процентов. Чистка партии несколько улучшила ситуацию. «Выходила из партии, — сказал Вячеслав Михайлович, — та часть крестьянства, которая в рамках коммунистической партии не могла устроить своей жизни в условиях новой экономической политики. Они искали более свободных условий для своей хозяйственной инициативы мелкого предпринимателя...»²

В итоге в промышленных губерниях среди членов партии число рабочих возросло с 47 до 53 процентов, а в земледельческих губерниях с 31 до 38 процентов. Что касается руководящего звена, то в 29 центральных губерниях 17 секретарей губкомов являются выходцами из рабочих, но в целом по стране среди секретарей губкомов и обкомов, а также в составе их бюро преобладают выходцы из непролетарских слоев. Причем среди секретарей губернских организаций 27 процентов вступили в партию после Октября 1917 года. В этой связи Молотов мимоходом отметил «характерное явление»: усиление влияния «обывательского общественного мнения» на наших «отдельных товарищей»³.

Поскольку РКП(б) является правящей партией, говорил Вячеслав Михайлович, работа секретарей губкомов, укомов и ячеек «в очень большой мере захватывает также и сферу административно-распорядительской деятельности. К сожалению, в некоторых случаях работа партийного секретаря в значительной мере поглощается этой последней стороной деятельности»⁴.

С мест стали поступать записки с напоминанием о регламенте, и Молотов коротко рассказал об улучшении технического аппарата ЦК, об учете и перемещении партийных кадров, оживлении работы совпартшкол и дискуссионных клубов. Было указано на улучшение морального климата в организациях и «умиротворении партийных склоков», а также на меры по удовлетворению наиболее острой нужды партакти-

---

¹ См.: Одиннадцатый съезд РКП(б). Март-апрель 1922 года. Стенографический отчет. М.: Политиздат, 1961. С. 46.

² Там же. С. 51.

³ Там же. С. 56.

⁴ Там же. С. 54.

ва в продовольственном снабжении и медицинском обслуживании¹.

На следующий день, 28 марта, заведующий агитпропом МК РКП(б) И.Н. **Стуков** сказал: «Доклад т. Молотова есть не что иное, как доклад, пропитанный насковозь, от начала до конца, бесшабашным канцелярским благодушием и оптимизмом... Я считаю, что таких докладов на следующем, XII съезде у нас не будет»². Но это было сказано уже во время прений, а 27 марта, сразу после Молотова, слово для доклада Ревизионной комиссии предоставили старому партийцу Виктору Павловичу Ногину.

Вместе с членом комиссии Дмитрием Ивановичем Курским они обошли все комнаты дома № 5 на Воздвиженке, где помещался Секретариат ЦК. И главный вопрос, который возник у них — «есть ли действительно это аппарат, который называется ЦК, есть ли он ЦК, который непосредственно руководит важнейшими отраслями нашей партийной работы, или, наоборот, это тот аппарат, который является неким средостением между партией и ЦК. К сожалению, пришлось сделать вывод, что именно такое средостение создается у нас под видом того аппарата, который работает на Воздвиженке»³.

Времена, когда Яков Михайлович Свердлов успешно осуществлял функции партийного секретарства, а его «памятная записная книжка», решала проблему учета партработников, прошли⁴. Тогда все основывалось на личном знакомстве с людьми, их поведении в тюрьмах и ссылке, на фронтах Гражданской войны, где человек был, как на ладони. Сегодняшние аппаратчики, сказал Ногин, — «я даже не могу перечислить их фамилии, — в партии никому не известны... Все это хорошие партийные товарищи, но это — *партийная бюрократия, партийные чиновники...*»⁵ И вот к ним-то, **как к ЦК**, обращаются коммунисты.

Все они, естественно, заняты важной работой: составляют карточки, книги учета, рисуют диаграммы и таблицы, пишут справки, сводки, обзоры. Но беда в том, что материалы эти не востребуются ни членами Политбюро, ни членами ЦК, ни местными работниками. Но хуже всего — это канцелярии и приемные, т.е. места, куда попадает масса людей, приходящих в ЦК.

¹ См.: Одиннадцатый съезд РКП(б). С. 56-59.

² Там же. С. 99, 100.

³ Там же. С. 61.

⁴ Там же. С. 65.

⁵ Там же. С. 61.

Общая канцелярия Орготдела отличается «какой-то озлобленностью, странным отношением служащих и халатным отношением к работе...» А приемная Учраспредотдела «напоминает казенные учреждения, которые были при царе; она, конечно, совершенно не соответствует тому, что молодые провинциальные товарищи думают здесь найти. Они ведь думают, что здесь должна быть особая атмосфера, а попадают в такую обстановку, в которой их представление о ЦК немного подрывается».

Вывод: конечно, коммунисты-аппаратчики «отдают свои силы, но придать жизнь этому аппарату, ту жизнь, которая должна быть сущностью аппарата Центрального комитета, они не могут, потому что они от самого ЦК оторваны и оторваны от партийных организаций. Это все-таки средостение». И оно «способствует созданию и развитию партийной бюрократии. Устранение этого может быть достигнуто лишь при условии, что во главе отделов ЦК будут стоять члены ЦК, освобожденные от всех других обязанностей...»¹

Докладов Молотова и Ногина Владимир Ильич, видимо, не слышал. Собственное его выступление было достаточно продолжительным и утомительным. Нужна была хоть какая-то пауза. И ленинская запись выступлений 27 марта начинается с середины вечернего заседания.

О «единомыслии» и «единодушии»

Для тех, кого интересует политический строй Советской России начала 20-х годов, прения на XI съезде РКП(б) представляют особый интерес. Разумеется, речь идет лишь о тех, кто не пытается отделаться от конкретного анализа прошлого модной и малосодержательной фразой о «тоталитаризме», а стремится понять принципы функционирования данной системы в совершенно конкретный исторический период.

При всех ограничениях демократических прав и свобод, запрете деятельности других политических партий, как и обособленных фракций внутри РКП(б), взаимная критика, свобода обмена мнениями в среде новой правящей элиты несколько не умалялась и не ограничивалась. И это было характерным не только для общероссийских партийных форумов, но и для губконференций, заседаний различных съездов, исполкомов Советов и т.д. Поэтому большевистским лидерам при-

---

¹ См.: Одиннадцатый съезд РКП(б). С. 64, 65, 70, 71.

ходило выслушивать весьма неллицеприятную критику, ибо партия стремилась к осмысленному единству действий, а не показательному «единодушию».

Открывая прения по докладам, наркомюст Украины Николай **Скрыпник** посетовал на то, что в своем докладе Ленин не уделил внимания национальному вопросу. Между тем сменовеховское движение подхватило лозунг — «единая и неделимая Россия — бывший лозунг деникинцев и врангелевцев... Мы не будем себя обманывать, закрывать глаза, — говорил Скрыпник, — что... в весьма многих советских аппаратах... работники, к сожалению состоят не из коммунистов, а из сторонников сменовеховцев. Мы замечаем весьма много фактов и явлений, когда на практике линия советских аппаратов совсем иная, нежели та линия, которую дает наша партия».

И в этой связи «мы имеем перед собой вполне определенное явление как относительно Украины, так и других советских республик. Имеется тенденция к ликвидации той государственности рабочих и крестьян, которая добыта силою рабочих и крестьян этой страны».

В такой обстановке, заключил Скрыпник, партии необходимо твердо заявить: «Единая неделимая Россия — лозунг не наш. Мы ничего общего не можем иметь с этим лозунгом... Новая свободная рабоче-крестьянская Россия, иное объединение трудящихся — является нашим путем»¹.

Владимир **Антонов-Овсеенко** упрекнул Ленина в избыточном оптимизме относительно перспектив взаимоотношений Советской власти с Европой. Эти иллюзии, сказал он, должны быть решительно отброшены. Мы «будем находиться в положении осажденной крепости, ни в коем случае не возлагая сколько-нибудь серьезных надежд на существенную помощь заграничного капитала».

А посему «нам необходимо положиться на наши внутренние силы. Надо сказать рабочим и крестьянам, что мы вынуждены подтянуть животы, напрячь мускулы, чтобы выйти из тяжелого положения, опираясь на собственные силы и ресурсы, не ожидая от смычки с капитализмом каких-нибудь реальных результатов»².

Владимир Ильич вернулся в зал заседаний, видимо, уже после этого выступления. Во всяком случае его запись прений 27 марта начинается со следующего выступления — **Давида Рязанова**.

¹ Одиннадцатый съезд РКП(б). С. 73, 74.

² Там же. С. 79, 80, 81, 83

Как опытный оратор Рязанов начал с шутки: некоторые товарищи опасаются выступать с критикой ЦК, ибо «наш ЦК совершенно особое учреждение. Говорят, что английский парламент все может; он не может только превратить мужчину в женщину. Наш ЦК куда сильнее: он уже не одного очень революционного мужчину превратил в бабу...» Поскольку фамилии не назывались, зал ответил смехом.

Этот иронический тон Рязанов сохранил и тогда, когда перешел к критике доклада Владимира Ильича. «Тов. Ленин, — сказал он, — пришел к одному заключению: коммунистическая партия для всего того нового положения, в котором придется работать, абсолютно не годится». Этого Владимир Ильич, естественно, не говорил. Но Рязанову важна была не точность передачи ленинской мысли, а прокламирование идеи, которую он высказывал постоянно: все проблемы партии и ее аппарата порождены недостаточным развитием внутрипартийной демократии.

«Пока партия и ее члены, — говорил Рязанов, — не будут принимать участия в коллективном обсуждении всех мер, которые проводятся от ее имени, пока эти мероприятия будут падать, как снег, на голову членов партии, до тех пор у нас будет создаваться то, что т. Ленин назвал паническим настроением». И еще: «В последнее время, вместе с новой модой клясть и ругать так называемую эпоху военного коммунизма, у нас стали чересчур и весьма неосторожно играть словом “деклассированный” рабочий... Если этот пролетариат все еще состоит в значительной части из шкурников, мелкобуржуазных или отставших элементов, то является вопрос, на что мы будем опираться?»

Выход один (совсем как в тезисах Зиновьева): «Мы должны употребить все усилия, чтобы эти рабочие, которые у нас еще имеются, которые остались еще у нас на крупных предприятиях, вошли в Коммунистическую партию. (Аплодисменты.)... Если не будет этого основного пролетарского ядра, если оно действительно превратится в нечто окончательно растворившееся в этой огромной крестьянской массе, то нашей диктатуре пролетариата — естественная крышка»¹.

В конце выступления Рязанов заявил, что Ленин не прав в своем подходе к Генуэзской конференции. Надо идти туда не только как купцам, но и как коммунистам. То есть использовать трибуну конференции для сплочения всемирного пролетариата. По этому поводу Ленин записал лишь ироническую

---

¹ Одиннадцатый съезд РКП(б). С. 79, 80.

реплику: «Дипломаты не сконцентрировались на мобилизации *пролетарских* сил...»¹

А вот по выступлению **Преображенского** ленинские записи были куда обширнее. С началом НЭПа, сказал Евгений Александрович, в Советской России сложился весьма своеобразный хозяйственный строй, в котором — при том, что мы имеем диктатуру пролетариата, — очень сложно сочетаются «некоторые социалистические отношения и — в гораздо большей степени — товарно-капиталистические...»

Ленин назвал этот хозяйственный строй «государственным капитализмом». Но данный термин, заявил Преображенский, «только вводит в заблуждение». Ибо государственный капитализм тесно связан с сугубо капиталистической системой. Этот вопрос тем более важен, что партийные работники на местах и особенно молодежь, которая не имеет «той марксистской теоретической выучки, которую мы проходили».

Отчасти, полагал Преображенский, в этом повинен сам Ленин, который сделал «большую ошибку, когда он занимался из года в год совнаркомовской вермишелью и не мог... давать вовремя ответы, будучи всецело поглощен этой вермишелью и теряя на ней здоровье».

По мнению Преображенского, даже признавая «величайший упадок теоретического образования и теоретической разработки вопросов», необходимо вынести их на партийную дискуссию. ЦК совершил, как полагал Евгений Александрович, ошибку, не поставив на съезде вопрос о путях хозяйственного строительства. Тогда бы «каждый уезжающий с этого съезда знал, что он должен делать».

Что же касается компетентности партийного руководства работой, то даже в «верхах» не хватает профессионалов. А посему, помимо Политбюро и Оргбюро, ЦК должен создать Экономбюро, на которое и возложить соответствующие функции.

Как руководитель Главпрофобра, Преображенский посетовал на то, что ЦК пошел на чрезмерные политические уступки фрондирующей вузовской профессуре. Одно дело, полагал он, обеспечить ученым «лучшее материальное обеспечение», а другое — отдать им в руки «самые лучшие высшие учебные заведения»².

Судя по заметкам Владимира Ильича, вера Преображенского в возможность решить самый сложный теоретический вопрос («госкапитализм») в ходе партийной дискуссии, его надежды

¹ См.: Одиннадцатый съезд РКП(б). С. 81, 615.

² Там же. С. 82, 86.

на спасительную силу организационных перестроек в руководстве — все это было совсем не то, о чем размышлял Ленин. И в своих записях он пометает: «Мимо!»¹

Запись следующего выступления — замнаркома земледелия **В.В. Осинского (Оболенского)** у Владимира Ильича еще более пространна. Осинский подхватил вопрос о необходимости реорганизации высших органов управления страной. По его мнению, Ленин не прав, определяя «основное звено в цепи» как подбор кадров и учет опыта конкретной работы. Он напрасно пеняет на комчванство и некультурность. На самом деле, главная проблема в ликвидации устаревшего механизма управления, при котором решения всех инстанций упираются в Политбюро.

Даже сам Совнарком, полагал Осинский, стал «безответственным пасынком», ибо «если имеется директива Политбюро решить вопрос так, то стоп машина: комиссары смолкают». Да и сам Совнарком уязвим, ибо 16 наркомов — а чаще их замы — занимаются законодательством, исходя из сугубо ведомственных интересов. Выход в том, чтобы сосредоточить все законодательные функции исключительно во ВЦИКе, вместо СНК создать — как орган исполнительной власти — «кабинет» комиссаров, состав которого будет подбирать лично его председатель, ответственный только перед ВЦИКом.

Главная же ошибка Ленина, по мнению Осинского, состояла в преувеличении им роли дисциплины: «Было наступление — т. Ленин говорил: раз наступление — значит, дисциплина... Теперь мы отступаем, поэтому опять дисциплина...» Именно эта «милитарная» дисциплина «дает возможность нашим центрам поступать слишком самовольно и не дает возможности самодеятельности членам партии», не позволяет «духовно мобилизовать» партию. Между тем, необходимо «от чиновничьих методов перейти на путь общественной деятельности...» Необходим «общественный подъем», мобилизация «массы изнутри»².

На следующий день, утром 28 марта, прения продолжил зампред ВСНХ Владимир Павлович **Милютин**. Несогласие по отдельным вопросам — это одно дело, но «я думаю, — сказал он, — никого нет в этой зале, кто бы не согласился с теми уроками и выводами, которые сделал вчера т. Ленин».

Сейчас важно определить, что означает прекращение отступления. Во-первых, «национализированную промышлен-

---

¹ Одиннадцатый съезд РКП(б). С. 615.

² Там же. С. 86, 88, 89.

ность мы оставляем в своих руках. Здесь мы кладем предел нашему отступлению, но в отдельных конкретных случаях мы в определенной мере допускаем капитализм».

Во-вторых, применение капиталистических методов организации и хозяйственного управления, как и само капиталистическое хозяйство, «должно быть соподчинено нашему советскому хозяйству». В использовании капиталистических методов, подчеркнул Милютин, мы не можем заходить «слишком далеко, чтобы не была извращена в корне сущность диктатуры пролетариата».

Владимир Павлович поставил и другой важный вопрос: чему и у кого учиться? Если уж мы решили учиться у капиталистов, то надо «учиться по XX столетию, а не по XVII. Там учиться нечему. Надо учиться у капиталистов трестов и банков». Поэтому не надо противопоставлять хозяйственный расчет плановому хозяйству. Между тем наша финансовая система развалена, и крупные национализированные предприятия, поспешно переведенные на хозрасчет, будучи не обеспеченными кредитом, ведут бартерные «расчеты такие, какие ведут между собой дикари Полинезии, Фиджи и т.д.». Поэтому необходимо переводить такие предприятия на госснабжение и превратить, наконец, наши банки в действительно современные финансовые учреждения.

Ленин, заметил Милютин, пошутил относительно того, что финансовый кризис поможет нам избавиться от убыточных трестов и безруких руководителей. Но он не учел того, что рукастый дикий капитализм может захватить всё. «У нас опасность та, — заключил Владимир Павлович, — что при распределении национального дохода у нас идет перераспределение капиталов в руки мошенников и паразитов, которые его пропивают и проедают в кафе. Это величайшая опасность»¹.

Выступавший вслед за ним **А.А. Иоффе** продолжил тему, начатую Преображенским — о политике партии в ВУЗах. «Тов. Ленин вчера говорил о том, что мы некультурны». Между тем, по мнению Иоффе, в «учебных центрах республики происходит жесточайшая классовая борьба между кадетски-черносоотенной профессурой и Наркомпросом». Эта профессура выступает против рабфаков и за полную автономию высшей школы. Дело усугубляется тем, что студентам-коммунистам, чтобы как-то выжить, приходится работать. Это усиливает их «невосприимчивость к тем знаниям, которые рабочий класс никогда не мог получить».

---

¹ См.: Одиннадцатый съезд РКП(б). С. 90, 91, 93.

Наших рабфаковцев надо поставить «в такие материальные условия, чтобы они могли конкурировать с буржуазным студенчеством...» Но ЦК не прислушивается к нашему голосу и это ведет в ВУЗах к тому, что «мы получим в результате сдачу всех позиций, которые нами были завоеваны...»¹

А в выступлении председателя Иркутского горисполкома Якова **Шумяцкого** отразились те опасения, которые бродили в умах периферийных руководящих работников. Это у вас здесь в центре, сказал он, создаются всякие «смешанные экономические общества» и т.п. А на местах возникают не смешанные, а «смешные» общества, которые «разбазаривают все, что у них под рукой, и больше и больше катятся на лихой тройке, названной кстати тремя буквами: нэп. А куда их мчит эта тройка — неизвестно».

Ленин говорил о необходимости подбора работников. Но разве до сих пор, продолжал Шумяцкий, мы — т.е. ЦК, губкомы — не подбирали? «Мы до сих пор были уверены, что без ведома партии у нас как будто ничего не делалось». И кто будет подбирать кадры теперь? «Партия будет подбирать? — Отлично!» Но как будто бы во вчерашней речи Владимира Ильича (*так понял это Шумяцкий — ВЛ*) партия как будто «должна становиться в сторону от этого дела».

Надежды Владимира Ильича на то, что финансовый кризис поможет избавиться от «безруких» коммунистов-хозяйственников — неосновательны. «Я думаю, что в настоящей экономике есть какие-то основные объективные причины, создающие наши “невязки”, которые не будут изжиты никаким подбором лиц».

И еще: научиться торговать — дело нехитрое. Но уход в хозяйственные дела, заявил Шумяцкий, может привести к тому, что когда грядет мировая революция, когда «забьет тот набат, которого мы ждем с большим нетерпением», сумеют ли новоявленные «рукастые» коммунисты выполнить свой революционный долг².

Был ли Владимир Ильич в начале этого заседания — трудно сказать. Его записи начинаются с выступления уже упоминавшегося руководителя московского агитпропа Ивана **Стукова**. По его мнению, Ногин правильно указал на то, что Оргбюро ЦК «есть ни больше, ни меньше как определенное бюрократическое средостение между ЦК и партией».

¹ См.: Одиннадцатый съезд РКП(б). С. 94, 95, 95-96.

² Там же. С. 96, 97, 98.

Ногин тут же с места возразил: он говорил об Орготделе, а не Оргбюро ЦК. Но Стукова это не смутило: «...вовсе нет никакой разницы... Все в конечном счете заключается в том, каков Орготдел... Я думаю, что съезд должен принять такое решение, которое гласило бы, что “Оргбюро за нетрудоспособностью полагать снятым со всех видов довольствия” (смех)».

Что касается доклада Ленина, то если бы я — сказал Стуков — высказал его мысли от себя где-нибудь в Краснопресненском районе, «меня бы обвинили в том, что я сею панику... Он говорил такие вещи, о которых нельзя сказать простому смертному на каждом собрании без того, чтобы не быть обвиненным в упадочности, панике, в том, что он разлагает партию».

В качестве причины наших ошибок, продолжал Стуков, Ленин указал на нашу «некультурность». Это не так. На самом деле «партия до сих пор не овладела стихийным процессом нэпа, что нэп — этот стихийный процесс — ведет за собой партию, что партия, по существу дела, в значительной степени плетется в хвосте этого процесса, который называется нэпом...»¹.

Следующим выступил Александр **Шляпников**. «Вчера тут же Владимир Ильич сказал, — начал он, — что мы распространяем панику и что с паникерами нужно бороться пулеметным огнем». Ленин, по его мнению, лишь повторил то, что в августе 1921 года на Пленуме ЦК сказал Михаил Фрунзе. В этот момент Ленин и Фрунзе сидели в президиуме съезда и, видимо, обсуждали проект резолюции по политическому отчету. «Сейчас оба пулеметчика сидят рядом, — указывая на них, сказал Шляпников, — вот они эти два пулеметчика»². Но его драматический жест в сторону президиума вызвал в зале лишь смех.

Паника создается не нами, продолжал Александр Григорьевич. «У нас паника сейчас в партии есть, потому что партия в целом, как живой организм, в политической жизни не участвует». Отсюда и панические разговоры о «сдаче в аренду Советской власти», и обвинения ЦК «чуть ли не в государственной измене».

Но главное, по мнению Шляпникова, — «в связи с новой экономической политикой мы наблюдаем переоценки ценностей и поиски иной базы, новой опоры вне пролетариата... Нам говорили, что мы рабочие... должны мужику». Отсюда и стремление к «более “прочной базе”», отсюда и разговоры о том, что «пролетариат как класс, в том смысле, каким имел его в виду Маркс, не существует. Разрешите поздравить вас, —

¹ См.: Одиннадцатый съезд РКП(б). С. 99, 100, 101.

² Там же. С. 102.

с несвойственной ему патетикой воскликнул Шляпников, — что вы являетесь авангардом несуществующего класса».

Из всего сказанного, продолжал он, вытекает и отношение к промышленности. Сейчас с благословения Политбюро заключаются десятки договоров с промышленниками Швеции, Германии, Чехословакии, Англии. И за все мы платим золотом. Но ту же продукцию можно было бы вдвое дешевле изготавливать у нас. Однако, когда Шляпников стал сопоставлять стоимость паровозов, цистерн, котлов, труб, рельс, то тут же вылезла наружу чистейшая демагогия. Ибо брал он довоенные отечественные цены 1914 года и сравнивал их с западными ценами 1922 года.

Значит, не было искренности, а был лишь политический расчет, попытка заигрывать с рабочим классом, якобы отгесненным в сторону в угоду «мужику». «...Как же это, Владимир Ильич, случается, — поучал Шляпников, — что у машины-то как будто бы управляем мы, но едем... не туда, куда хотим? Эти странности происходят потому, что слишком далеко сидим от шофера нашей революции — пролетариата...»¹

Начало выступления Михаила **Ларина** сразу же вызвало в зале дружный смех: «т. Троцкий предупредил меня сейчас, — сказал он, — что о нэпе, по его мнению или по его наблюдениям, можно говорить только стихами. (*Смех.*) ...Но, памятуя слова т. Ленина о низкой культуре ответственных коммунистических работников, я буду говорить прозой. (*Смех.*)».

То, что Михаил Александрович относился к Владимиру Ильичу с уважением, даже почтением, — это несомненно. Но он принадлежал к числу ораторов, которые ради «красного словца» были вполне способны на бестактность. «Речь Ленина, — сказа он, — была очень хороша прежде всего тем, что он имел возможность ее сказать, что он выздоровел, что был здесь. Но если отнять от нее это ее главное достоинство, то останется немного».

Останется «очень много пословиц из прописей для начальных школ: “ученье — свет, а неученье — тьма”, “семь раз отмерь, один раз отрежь”... (*Троцкий с места.* Не вредные пословицы!)». Но нельзя устраивать, парировал Ларин, — «начальную школу из этого съезда...» И далее, защищая Каменева от обвинений в волоките, он ляпнул: «т. Ленин за время своей болезни... “потерял контакт с деловой работой партийных [центров]» и забыл], что «ни одна копейка золотого фонда не может уходить без разрешения Политбюро».

---

¹ См.: Одиннадцатый съезд РКП(б). С. 102, 103-104, 104-105.

Беда в том, продолжал Ларин, что на почве НЭПа якобы «постепенно выделяется и кристаллизуется крыло товарищей, скатывающихся к возврату буржуазии». Так в московском дискуссионном клубе говорили о возможности сдачи в аренду трех четвертей железных дорог, водного пути Петроград-Рыбинск, металлургических заводов Урала, электротехнической промышленности и т.п.

Тут уж с мест стали кричать, что все это неправда, но Ларин продолжал: коммунисты привлекают спецов «слишком широко...». Эти спецы «на наших... ответственных коммунистах... ездят, как угодно». Они «убеждены в развитии буржуазного хозяйства». Потому и «машина двигается не так, как хотят коммунисты, у которых вся власть, а так, как хотят спецы».

Политические осложнения может вызвать не ослабление смычки с крестьянством, а то, что «слишком много наша линия нагнута в сторону крестьянства». Но если случится «интервенция, т.е. война, тогда ясно, что мы принуждены будем вернуться... к старой экономической политике. Нельзя вести пролетариат на войну во имя превращения дома Ленина в ресторан “Яр”»¹.

Секретарь ЦК КПУ Дмитрий **Мануильский** выступил от имени украинской делегации. «В общем и целом, мы должны сказать, — заявил он, — что политическую линию ЦК партии мы всецело одобряем и приветствуем». Однако он не согласен с Лениным, его критикой Донбасской организации, которую можно объяснить лишь тем, что Владимир Ильич был «недостаточно информирован». То, что Пятаков и Рухимович люди талантливые — это несомненно. Но они не сработались с партийной организацией и поэтому их сняли.

Ленин сказал, что мы немного хитрим. «Но есть, товарищи, двоякого свойства хитрость: есть хитрость простодушная, хохлацкая, и есть хитрость ярославская... Правда говорят, что хитрость не порок, особенно когда мы с вами, т. Ленин, собираемся торговать».

А главное — пусть Владимир Ильич докажет, что «та группа талантливых администраторов, которые были сняты, заменена группой бездарных. Я утверждаю, что мы поставили другую группу талантливых администраторов и в течение февраля и марта 100% заданий было выполнено». То же самое можно сказать и по вопросу о независимости, затронутому Скрыпником. И надо надеяться, что «к будущему XII съезду у т. Ленина, вероятно, накопится много фактов, говорящих обратное».

---

¹ См.: Одиннадцатый съезд РКП(б). С. 109, 110, 111, 112, 114.

Что касается положения в партии, то «нужно подчеркнуть, что мы имеем в нашей партии два поколения: с одной стороны — старое поколение, прошедшее марксистскую и нелегальную школу, и другое поколение, которое этой школы не прошло и поддается демагогии».

Одна из причин — перегрузка коммунистов хозяйственной работой. «Каждый наш партком представляет не что иное, как отделение губпродкома, собирающее продналог... Поэтому как очередную задачу сейчас нужно поставить политическое воспитание членов партии, некоторую разгрузку не только в центре, но и на местах от советской работы, чтобы действительно изолировать немного партию от того подавляющего и захватывающего влияния, которое оказывает на нее наш советский аппарат»¹.

Один из лидеров рабочей оппозиции Сергей **Медведев** заявил, что Ленин «произнес политическую речь, весьма поучительную, дающую нечто новое для уяснения того, что такое новая экономическая политика, но, все-таки, отчета как отчета — не было». Между тем, весь курс экономической политики за этот год был направлен исключительно на удовлетворение потребностей крестьян, в ущерб интересам рабочих. То же самое можно сказать и об отношении к рабочему быту. Поэтому, когда на собраниях говорят — «наша республика бедна, нища, то рабочие недоверчиво качают головою, потому что видят, что есть такие слои населения, которые обуты, одеты и совсем не ходят опухшие от голода».

Если Медведев имел в виду нэпманов, то надо было так и сказать, ибо их снабжение определяли не линия партии и Наркомпрод. Но он этого не уточнял, а сказал вообще: по официальным данным, из ресурсов Наркомпрода в этом году лишь малая часть ушла рабочим, а львиная доля — «прочему населению». А о том, сколько из этих ресурсов пошло на помощь голодающим, Медведев даже не упомянул.

Отсюда, считал Медведев, «недоверие к нашей политике», уход из нее «лучших рабочих». Ленин правильно сказал: есть «реальная опасность того, что нэп таит в себе возможность эволюции в сторону утраты политического господства рабочего класса». Поэтому надо поворачиваться к жизни рабочих, «направлять государственную машину по пути, намеченному нашей партией в своей программе»².

¹ См.: Одиннадцатый съезд РКП(б). С. 115, 115-116, 116, 117.

² Там же. С. 118, 119, 119-120, 121.

Заместитель председателя ВСНХ Георгий Ипполитович **Ломов** начал свое выступление с указания на то, что «в речи Владимира Ильича в значительной мере обойден один вопрос, как указывали уже несколько товарищей, — вопрос о надвигающемся экономическом кризисе». Между тем, «по сути дела этот экономический кризис есть уже факт, хорошо нам знакомый».

Если кто-то этого не замечает, то объясняется это тем, что «финансовый кризис в значительной мере затемняет общее положение вещей». Наши тресты, получив ассигнования в золоте, тут же переводят его в существующие советские денежные знаки, чтобы не потерять на курсе. А их, в свою очередь, немедленно вкладывают в товарные ценности.

Получается видимый спрос на товар, а на самом деле госторговля — это торговля между трестами. И товары застревают здесь, наверху, их запасы растут, а до потребителя, до крестьянина, через государственную сеть они не доходят. Поэтому надо, не полагаясь на рыночную стихию и, как пошутил Владимир Ильич, сократить количество трестов на 30-40%, сохранив те, которые имеют для государства первостепенное значение. «Если взять западноевропейский государственный капитализм, то вы увидите, что западноевропейский государственный капитализм и финансовый капитал всегда предвидит, управляет событиями, дает определенную линию...».

Предложение Преображенского о создании для этой цели Экономбюро — бюрократическая затея. Поскольку партия кладет в основу своей экономической политики регионы и области, а в них существуют экономсоветы, то на них и надо делать ставку. Необходимо связать их с СТО, и это может создать небюрократическую структуру для народного хозяйства. «...Хотя Владимир Ильич пытается доказать, что наш государственный капитализм есть нечто особое, отличное от того государственного капитализма, который имеется на Западе, тем не менее было бы величайшим самообманом, если бы мы не учли заранее размера надвигающегося экономического кризиса...»¹

Выступавший после Ломова член ВЦСПС **В. Косиор** сказал: «Известно, что нет абсолютно хорошей политики. Даже, если бы она и была, то она может быть в значительной степени испорчена худыми организационными мероприятиями...» В этой истине его убедил доклад Молотова.

X съезд РКП(б) принял хорошую резолюцию о партстроительстве, в которой декларировалось, что партийные органы

¹ См.: Одиннадцатый съезд РКП(б). С. 122, 123.

«должны руководить ниже стоящими партийными организациями не путем циркулярных распоряжений, не путем декретов, а путем выдвигания известных политических принципов и организационных вопросов и путем обсуждения этих вопросов на широких собраниях членов партии. Практиковалась ли эта система? Нет, конечно!»

«Наша партия в целом, — утверждал Косиор, — у нас грузит дрова, метет улицы и лишь голосует, а не решает никаких вопросов». В партии установлен «режим ежовых рукавиц». Вот почему «рабочие массы отходят от партии». А все объясняется тем, что «резолуции X съезда ЦК в жизнь не проводились: система управления нашей партией осталась той же бюрократической, той же приказной и до известной степени военной, какой она была во время периода войны».

Мало того, стоит лишь критикнуть подобные методы — тут же зачисляются в оппозицию. А это негативно сказывается при новых назначениях и перемещениях партийных работников, которые якобы происходят «по соображениям абсолютно неделового характера» и лишь «культивируют» фракционность.

Что же касается критики Владимиром Ильичом недостатков в системе советского управления, то, по мнению Косиора, она «отвечает тем настроениям, которые на местах имеются, поскольку местам приходится весьма и весьма тяжело терпеть в своей практической работе от этих недостатков... Поэтому с этой точки зрения против того, о чем здесь говорил т. Ленин, конечно, спорить нельзя, спорить не приходится»¹.

Последним в прениях по докладу Ленина выступил **Троцкий**. Совершенно очевидно, что споры о том, «когда можно было перейти к продовольственному налогу — на 6 месяцев раньше или на год раньше?» — сказал он, лишены смысла. Все дело в конкретной ситуации. Если бы нас поддержало рабочее государство Германии или Франции, наша экономическая политика была бы более осторожной. Мы оставили бы частный капитал в мелких и средних предприятиях и национализировали лишь те, которыми действительно могли управлять. Но все сложилось по-иному. Началась война. Мы встали на путь «военного коммунизма». Это были не хозяйственные, а политические меры «самосохранения». Предпринятое теперь отступление — это маневр, который вносит глубочайшие изменения в методы работы.

Хозяйственные вопросы — крайне сложны. Но почему-то считается, что если внести их в губком или Политбюро, они

---

¹ См.: Одиннадцатый съезд РКП(б). С. 125, 126, 126-127, 127, 128.

сразу станут простыми. И «тот самый хозяйственник, который не справлялся с своей хозяйственной работой, когда заведовал губсовнархозом, в случае его назначения секретарем губкома получает помазание благодати. Точно в силу какого-то поистине “помазания” он решает, не задумываясь, все хозяйственные, военные, административные и всякие прочие вопросы... сколько пудов нефти надо дать сейчас сюда, сколько туда — кубов дров и пр. и пр.».

В результате «губком становится недифференцированным, нерасчлененным, неспециализированным аппаратом, вечно спешащим, торопливым советским аппаратом. При этом то, что есть худшего в бюрократизме, т.е. отношение к делу без знания существа дела, а подход с точки зрения только формы дела, неизбежно просачивается в партийный аппарат.

...Одновременно обезличиваются и советские органы. Ни один работник ни на одном посту не считает, что он отвечает за это — головой ли, репутацией ли деловой... Это самая опасная вещь во всей нашей работе! Я всячески приветствую то, что т. Ленин с такой решительностью этот вопрос поставил в своем вводном докладе».

Сменовеховцы, наши «полудрузья и полувраги, ...делают вывод, что раз мы допустили спекулянта, то мы должны легализовать спекулянтскую идеологию и спекулянтскую политику призвать к власти... Но мы им отвечаем: как рабочий класс, как правящая партия, мы можем допустить спекулянта в хозяйство, но в политическую область мы его не допускаем, а если этот спекулянт, вместе со спекулянтами иностранными, захочет нанести нам удар военный, мы сохраняем за собою возможность вернуть себе весь аппарат самообороны и военного коммунизма и ввести беспощадный террор!»

Ларин изволил пошутить относительно того, что красноармейцы не станут сражаться за ресторан «Яр». Большинство наших красноармейцев «в жизни заурядные крестьяне, и они говорят: “Дайте нам свободный рынок”». Но тот же крестьянин, глядя на «Яр», как трудовой человек глубоко возмущен. И наша задача добиться того, чтобы в его сознании «Яр» не перевесил «все остальное», т.е. воспитывать его революционное самосознание.

И напрасно Ларин острил насчет «прописей», ибо начинать надо с азов: в Красной Армии, например, с чистки сапог. «Некоторые товарищи шутили над этим “смазывай сапоги”, над тем, как мы учили не бросать окурков на пол и т.д. и т.д. Эти мелочи после больших перспектив (от которых мы не от-

казываемся!) создают некоторое впечатление отврата». Но без них все дальнейшее «будет уже верхоглядством или в лучшем случае — дилетантством, любительством, т.е. самой основной проклятой нашей болезнью».

Нынешняя молодежь «живет в обстановке сутолоки, неуклюжей постройки будущего социалистического хозяйства, да еще с осложнениями нэпа и всего прочего». У молодого рабочего «не закладывается фундамент классового опыта борьбы. Как же эту нехватку возместить? Сделать это все искусственными рецептами нельзя; можно возместить только повышением его теоретического уровня в духе марксизма, в духе материализма».

Троцкий подробно рассказал делегатам съезда о решении Коминтерна по заявлению Шляпникова и его сторонников. Обращаться в Коминтерн с жалобой на РКП(б) они формально имели полное право. Но им справедливо ответили: «Вы ставите себя по отношению к партии в положение “мы” и “они”, как если бы у вас была какая-либо другая партия в запасе!.. Это есть политика, которая в своем логическом развитии угрожает... поставить вас вне партии, вне Интернационала».

Ставить себя в положение «мы» и «они», заключил Троцкий, означает лишь одно: «бедственное положение страны эксплуатировать для знамени, которое может стать знаменем Кронштадта — только Кронштадта! (*Аплодисменты.*)»¹

Столь обильное цитирование и пересказ выступлений делегатов съезда имеет свой резон. Сегодня авторы многих исторических сочинений спешат донести до читателя прежде всего *свое* мнение, *свой* взгляд и *свою* оценку описываемых событий и их участников. Между тем, вероятно, гораздо важнее дать возможность самому читателю узнать, что думали и говорили *сами* персонажи исторического действия. В таком случае действительно появится шанс на выработку собственного мнения.

Другой аргумент состоит в том, что главные участники рассматриваемых событий, как правило, являлись людьми, которые по своему интеллектуальному уровню стояли неизмеримо выше, нежели их современные критики. И не случайно нынешним «лениноедам», при всем обилии новой информации, так и не удалось выйти за рамки тех оценок и дискуссий, которые происходили сто лет тому назад..

---

¹ См.: Одиннадцатый съезд РКП(б). С. 129, 131, 132, 133, 134, 134-135, 136, 137.

Всего для выступлений по отчетам ЦК записалось еще 23 делегата. Однако прения были прекращены. После этого — для заключения по обсуждению политического отчета ЦК РКП(б) дали слово Владимиру Ильичу.

При всей критике, которая прозвучала на съезде, сказал Ленин, — «ни одного серьезного возражения не было сказано против того, что нужно было перейти к новой экономической политике». Каждому ясно, что «мы должны были считаться с крестьянством, как с массой... Всякий разумный рабочий понимает, что это необходимо для пролетарской диктатуры, только т. Шляпников может шутить и издеваться над этим».

Да, история сложилась совсем не так, как это рисовалось прежде «и никакой Маркс и никакие марксисты не могли это предвидеть. И не нужно смотреть назад... Ведь никто не мог предвидеть того, что пролетариат достигнет власти в стране из наименее развитых и попытается сначала организовать крупное производство и распределение для крестьян, а потом, когда по условиям культурным, не осилит этой задачи, привлечет к делу капитализм».

Когда Преображенский говорит, что «госкапитализм есть капитализм и только так понимать можно и должно», то «я утверждаю, что это есть схоластика». Он «подходит ко всему с тем, что составляет его сильную сторону: он теоретик, устремленный на определенные рамки, привычные и обычные...» Историческая обстановка породила необычную новую реальность, и «государственный капитализм у нас теперь не тот, о котором писали немцы. Это — капитализм, допущенный нами». И если он «уродлив и плох, мы можем это исправить, потому что власть у нас в руках и нам бояться нечего...».

«Если плохо допустили, — продолжает Ленин, — виноваты мы, нечего валить на другого! Надо учиться, добиваться того, чтобы государственный капитализм в пролетарском государстве не мог и не смел выходить из рамок и условий, определенных ему пролетариатом... Если крестьянину необходима свободная торговля в современных условиях и в известных пределах, то мы должны ее дать, но это не значит, что мы позволим торговать сивухой. За это мы будем карать»¹.

Подобный подход Ленин проецирует и на сферу политическую. «Капитализм мы допускаем, но в тех пределах, которые необходимы крестьянству. Это нужно! Без этого крестьянин жить и хозяйствовать не может. А без эсеровской и меньшевистской пропаганды он, русский крестьянин, мы утверждаем,

---

¹ См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 117-121.

жить может. А кто утверждает обратное, то тому мы говорим, что лучше мы все погибнем до одного, но тебе не уступим!»

«Вот в чем политический лозунг дня, а не в споре о том, как понимали немецкие профессора государственный капитализм...» И вот почему предложение Преображенского «учинить общую дискуссию» в партии по вопросу о госкапитализме — «это была бы самая непроизводительная и неправильная трата времени»¹.

Другое предложение Преображенского — создании Экономбюро. Вроде бы хорошая схема: «политики» сидят в Политбюро, «орговики» — в Оргбюро, а умные «профессионалы» решают в Экономбюро хозяйственные проблемы. «Но гладко это только на бумаге, — говорит Ленин, — а в жизни смехотворно! Я решительно не понимаю, как мог человек, у которого есть чутье к живой политике... настаивать на таком предложении!»

Предложение о создании Экономбюро — вопрос политический. «Ведь только что все говорили и все согласились, и получилось полное единогласие..., что аппараты партийный и советский следует размежевать». Но совершенно очевидно, что если принять схему Преображенского и создать Экономбюро так, как он его понимает, то «тогда все, что мы говорили о разделении партийной и советской работы, пойдет на смарку».

Это лишний раз убеждает в том, что «нельзя точно разграничить, какой вопрос политический и какой организационный. Любой политический вопрос может быть организационным, и наоборот. ...Нельзя механически отделить политическое от организационного. Политика ведется через людей...» И когда Косиор критикует практику распределения ЦК партработников, то допущенные ошибки надо устранять, но при этом помнить: «Если у ЦК отнимается право распоряжаться распределением людей, то он не сможет направлять политику». А в хозяйственных вопросах тем более «отделять организационные вопросы от политики нельзя. Политика — это концентрированная экономика»².

Той же схоластикой веет и от утверждения Преображенского о том, что наша политика в вузах противоречит программе партии. Да, в программе написано, что комячейки и рабфаки наша опора. Но и те и другие «делают ошибки и мы должны их исправлять, это — азбучная истина. Как тут попра-

---

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 117, 120, 121.

² Там же. С. 122, 123.

вить, я не знаю... Но знаю, что пересол у нас имеется в смысле линии рабфаков и комячеек против профессоров». И когда ЦК увидел, что «тут был пересол..., тогда является Преображенский, вынимает программу и говорит: никаких политических уступок... Это — нарушение программы».

Что же такое с ним происходит? «Это делается оттого, что читается буква за буквой и строчка за строчкой, а на дальнейшее человек глядеть не хочет. Выдернул цитату... Если так начать управлять партией, то это приведет нас, наверное, к гибели»¹.

Для характеристики своих оппонентов Ленину приходится анализировать не только их политические воззрения, но и в какой-то мере вторгаться в сферу психологии. Существует определенный тип людей, говорит Владимир Ильич, — «которые любят проявлять свою натуру; это стремление законно, если у человека богато одаренная натура и он хочет ее проявлять. Дай бог всякому». Но когда речь идет о политике, «ЦК должен смотреть за тем, чтобы натура проявлялась с пользой»².

Посмотрите на Осинского: «У Осинского сильная его сторона — с энергией и нажимом наступать на то дело, за которое он берется». Он относится к числу «тех людей, которые по любому вопросу дадут платформу» или могут «сесть и в 10 минут написать систему управления». И вот «этот человек предложил перейти к системе кабинетной. Я утверждаю, что этот человек навсегда абсолютно убит. Я не стану это разбирать, подробно полемизировать, интерес весь в том, чтобы такая громадная сила, как Осинский, была бы использована правильно»³.

Или возьмите выступление Ларина: «В его преданности и знании дела, — говорит Владимир Ильич, — и тени ни у кого нет сомнения...» Нет сомнения и в том, что он «человек очень способный и обладает большой фантазией. Эта способность чрезвычайно ценна. Напрасно думают, что она нужна только поэту. Это глупый предрассудок! Даже в математике она нужна, даже открытие дифференциального и интегрального исчисления невозможно было бы без фантазии. Фантазия есть качество величайшей ценности, но у тов. Ларина ее маленький избыток».

Когда он говорит нечто вроде того, что Госплан собирается «сдать в аренду с железнодорожного транспорта» — все это фантазии. Они усугубляются тем, что когда Ларин говорит, он

---

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 121.

² Там же. С. 124.

³ Там же. С. 123, 124, 125.

не только «увлекается», его начинает подгонять «его собственная речь», он вообще перестает слышать.

По поводу истории с консервами «он обвинял меня и очень весело шутил и смеялся... Ларин тут сидел, все великолепно слышал и все великолепно помнит и сейчас же, взойдя на эту трибуну, сказал: “Ленин забыл, по болезни, — простим ему на этот раз, — что для траты золотого фонда нужно войти в Политбюро”... Ни одной копейки золотой на консервы не давали, давали бумажки советские и — представьте себе — купили».

«Конечно было бы смешно и нелепо думать, — продолжал Ленин, — что Ларин, говоря так, делает это из злых намерений; нет, не в этом дело, но у него фантазия летает за триллион километров, и от этого получается то, что дело запутывается».

То, о чем говорилось в докладе, кажется Ларину «прописями». Но еще в начале 1918 года насчет прописей меня, сказал Ленин, высмеивал левый эсер Камков: «Ленин проповедует сегодня “Не укради”, а завтра прибавит: “Не прелюбы сотвори”. Вот и вся премудрость Ленина». Как и Камков тогда, так и Ларин сейчас не понял, что «прописи» имеют прямое отношение «к основным моментам нашей новой экономической политики».

За годы Гражданской войны мы «накопили много героических людей, которые закрепили безусловно перелом во всемирной истории». Но это не оправдание для тех из них, кто не понял необходимости заново учиться решению новых задач. И начинать надо с азов, с прописей.

Ну, а что же делать с тов. Лариным? Владимир Ильич отвечает: «Например, я бы сказал так, что, если бы весь запас фантазии Ларина разделить поровну на все число членов РКП, тогда бы получилось очень хорошо. (Смех. Аплодисменты.) А пока мы этой операции сделать не можем, до тех пор государственное, хозяйственное, плановое, экономическое дело предоставить Ларину нельзя...»

Необходимо засадить его за написание учебников — «там его качества чрезвычайно были бы полезны, тогда бы у нас была разрешена задача, которую т. Троцкий хорошо подчеркнул, заявив, что основное дело сейчас — воспитание нового поколения, а его не на чем воспитывать». И вообще, «если правильно приложить силы Ларина и Осинского, при отсечении их неверных устремлений, мы получим гигантскую пользу от применения их сил»¹.

---

¹ См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 119, 125, 126, 127, 128, 129.

И совсем другое дело с Шляпниковым. Шляпников пытался тут шутить, сказал Владимир Ильич, — «шутка, конечно, хорошая вещь. Без шуток, конечно, нельзя говорить на большом собрании, потому что люди устали; надо по-человечески понимать. Но есть вещи, которыми шутить непозволительно; есть такие вещи, как единство партии».

В той ситуации, которую создал внутри страны НЭП. В том положении, когда извне мы окружены врагами, «если мы такими вещами будем шутить, тогда речи не может быть о том, чтобы мы устояли в трудном положении, в котором мы находимся... Так играть нельзя! Мы знаем, что от борьбы в партии мы немало теряем... И за этот год ЦК с полным правом может сказать, что партия пришла на съезд менее фракционной и более единой, чем в прошлом году». И, по убеждению Владимира Ильича, это «едва ли не главное завоевание...»¹

Через всю его речь, в самых различных вариантах, проходила мысль: «Пролетариат не боится признать, что в революции у него то-то вышло великолепно, а то-то не вышло. Все революционные партии, которые до сих пор гибли, — гибли от того, что зазнавались и не умели видеть, в чем их сила, и боялись говорить о своих слабостях. А мы не погибнем, потому что не боимся говорить о своих слабостях и научимся преодолевать слабости. (Аплодисменты.)»².

Трудно определить, на каких именно последующих заседаниях Ленин присутствовал. Даже в дни, когда он появлялся в президиуме, он через некоторое время уходил. Но одно несомненно: за ходом прений он пристально следил и стремился направлять всю работу съезда.

На вечернем заседании 28 марта Михаил **Фрунзе** от имени **бюро делегаций** зачитал проект резолюции по докладу ЦК. В нем всецело одобрялись политическая и организационная линии ЦК, обеспечившие партии «единство и сплоченность в коренных вопросах, связанных с труднейшим поворотом в русской и мировой пролетарской революции...» Меры, принятые за прошедший год, исчерпывают необходимые «уступки частнохозяйственному капитализму», и в этом смысле отступление можно считать законченным.

Практическими руководителями хозяйственной жизни на местах отныне становятся Советы. И, «сохраняя за собой общее руководство и направление всей политики Советского го-

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 128, 129, 130.

² Там же. С. 118.

сударства, партия должна провести гораздо более отчетливое разграничение между своей текущей работой и работой советских органов, между своим аппаратом и аппаратом Советов».

В этой связи ВЦИК «должен собираться систематически на длительные сессии», чтобы «на деле стать органом, разрабатывающим основные вопросы законодательства» и реально контролирующим работу как «отдельных наркоматов, так и деятельность СНК». В свою очередь необходимо усилить и функционирование самого Совнаркома по систематическому руководству и согласованию работы «всех органов государственного управления»¹.

Резолюция, предложенная Фрунзе, после ряда уточнений, принимается всем съездом при четырех воздержавшихся².

Интересные прения разгорелись вокруг отчета Центральной Контрольной Комиссии. Накануне выступления Арон Александрович **Сольц** имел обстоятельную беседу с Лениным. Ее содержание неизвестно, но незадолго до этого Владимир Ильич узнал о злоупотреблениях в жилищном отделе Моссовета и о том, что МК РКП(б) вывел из-под ответственности повинных в этом деле коммунистов. Ленин тут же написал в Политбюро: «Московский комитет (и т. Зеленский в том числе) уже не в первый раз фактически послабляет преступникам-коммунистам, коих надо вешать... Верх позора и безобразия: партия у власти защищает “своих” мерзавцев!!»³

Именно этот пафос и определил содержание доклада Сольца. В своем отчете о работе ЦКК он подметил чрезвычайно симптоматичный факт: с началом новой экономической политики «большевики заговорили об этике». Прежде — до и в ходе революции — принадлежность к большевикам никаких привилегий не сулила. Но «четыре года нахождения у власти... не могли пройти бесследно». И мы не могли не обратить внимания «на те элементы разложения, которые неизбежны в партии... имеющей всю полноту власти в виде диктатуры в своих руках».

НЭП создал условия, при которых «невыдержанные элементы нашей партии легче всего могли поддаться мелкобуржуазной стихии...» На этой почве к нам обращались «за разрешением торговать, наживаться, быть комиссионерами, жить так, как жили в старое время». Но коммунисты «должны соз-

---

¹ См.: Одиннадцатый съезд РКП(б). С. 159, 160.

² Там же. С. 163.

³ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 53.

нать, что тех уступок, которые делаются мелкобуржуазной крестьянской массе, мы себе позволить не можем...»

Осинский жаловался на дисциплину. Эти жалобы отчасти понятны: «мы устали от борьбы, мы измучены, и совершенно законным является наше желание демобилизоваться, отдохнуть от... милитаризации». Молодые товарищи, которые не прошли прежней большевистской выучки, тоже проявляют «желание освободиться от партийного ига». Среди них есть «элементы, которые почему-либо недовольны чем-нибудь в партии — где-нибудь их не так поставили (потому что в правящей партии появляются большие возможности делать карьеру, не в дурном смысле карьеру, а в смысле проявления себя, как личности), — эти элементы начинают использовать тот сырой материал, тот еще не прошедший партийной школы и дисциплины материал, который имеется».

И задача партии, задача ЦКК — воспитать новых товарищей «в смысле понимания того, что мы стоим перед величайшими трудностями, где требуется величайшая дисциплина, где она требуется в гораздо большей мере, чем она требовалась до сих пор». Основная мысль Сольца сводилась к тому, что разговоры о необходимости ликвидации Контрольной комиссии, якобы исчерпавшей свои задачи, совершенно неосновательны. Необходимо лишь уточнить ее функции, права и место в партийных структурах¹.

Первым оппонентом Сольца стал **Рязанов**. Он настаивал на том, что ЦКК необходимо упразднить, ибо партии не надо «никаких гувернанток ни в юбках, ни в штанах». Говорил Рязанов, как всегда, ярко, напористо. Над его шутками зал дружно смеялся. ЦКК «привлекает за выступления на партийном собрании — это нелепость в третьей степени». ЦКК привлекает за выступления в Московском дискуссионном клубе. Но эти клубы явились «признанием того, что идейная жизнь партии совсем замирает». Вместо того, чтобы на партсобраниях товарищи приучались дискутировать, создают клубы, где позволялось бы «говорить без того, чтобы какие-нибудь гувернантки им в этом отношении мешали». Но и там ЦКК констатирует, что, якобы, «за последнее время дискуссии в клубе приняли демагогический, непартийный характер» и «некоторые товарищи чересчур пугались всякого свободного слова и приходили от него в ужас»².

¹ См.: Одиннадцатый съезд РКП(б). С. 166, 167, 168, 169.

² Там же. С. 179, 180-181, 181.

Рязанову ответил **Литвин-Седой**. Он заявил, что Давид Борисович не всегда соотносит свои выступления с уровнем той аудитории, которая собиралась в клубе. «И вот перед нами, — рассказывал Седой, — стоит т. Рязанов с большой английской газетой и повторяет все сплетни, распускаемые международной буржуазией. Чувства ответственности не было и у т. Рязанова...»

ЦКК, как и контрольные комиссии на местах, продолжал Седой, надо сохранить, и дел для них хватит. Возьмите, к примеру, тресты, где сидят наши товарищи. «Они научились одному: класть себе великолепные оклады наравне со спецами и великолепно ими пользоваться и подчас раскладывать у себя на служебный персонал всю ту сумму, которую нужно было бы обратить на работу и на производство»¹.

Долго говорил **Шляпников**. Он вновь утверждал, что «несмотря на то, что у нас в прошлом году в этом зале происходила большая идейная потасовка, все же тогда, пожалуй, мы были больше едины, чем теперь». Главная опасность в том, что «сейчас сомнения, которые терзают и нас, они терзают сотни тысяч рабочих членов партии... Жутко, в конце концов, иметь перед собой молчаливую, по-видимому со всем согласную коммунистическую аудиторию...»².

Выступила **Коллонтай**. Она рассказала, что когда в ЦКК ее спросили: подчиняется ли она партийному решению? — ответ был таков: «Разумеется». Но «каждый раз, когда я увижу явления такого свойства, которые не соответствуют тому, что наша партия сама постановила, я буду обращаться в соответствующую партийную инстанцию с протестом и критикой... Мы должны и хотим быть не только голосующими, а и активными членами нашей партии»³.

Секретарь Ставропольского губкома **Мышкин** возразил Седому. Проблема в том, заявил он, что создание губернских контрольных комиссий неизбежно создает параллелизм с работой губкомов⁴.

Делегат Крымской организации В.Е. **Цифринович** поддержал Мышкина в том, что контрольные комиссии на местах действительно создают параллелизм в работе с губкомами. Прежние партийные суды на открытых общих собраниях успешно справлялись с аналогичными задачами.

НЭП создал принципиально иные условия работы. К примеру: «Если коммунист-хозяйственник должен ехать в коман-

¹ Одиннадцатый съезд РКП(б). С. 182, 184.

² Там же. С. 187, 188.

³ Там же. С. 199.

⁴ Там же. С. 184-186.

дировку из Крыма за картошкой и... видит, что если он взятки не даст, то он не сможет вывезти эту картошку? ...Самые ответственные товарищи говорили, что [взятки] нужно давать, лишь бы только доставить, а мы знаем случаи, когда таких коммунистов исключали из партии за взятки». Между тем, если оставить подобные дела за партийными судами, то в смысле воспитания коммунистов «они сделают больше, ибо в этом будет участвовать вся организация в целом»¹.

С заключительным словом выступил **Сольц**. «Тов. Рязанов считает, что не нужны эти... гувернантки в штанах. Я не знаю, какие гувернантки нужны т. Рязанову. (*Смех*) Тов. Рязанов — это седобородый мальчик, которого нужно одергивать». На IV съезде профсоюзов он «неожиданно для себя самого, — этого он не хотел, как он сам говорил, — получил для своей резолюции большинство. Он сам растерялся... Хотел только выругаться, отругаться, а получилось совсем иное». Поэтому, когда ЦК РКП(б) указал на недопустимость подобных выступлений, «ЦКК к этому присоединилась».

Что же касается членов «рабочей оппозиции», продолжал Сольц, то речь идет не о «преследовании инакодумающих рабочих», как они утверждают, а именно о фракционности. Оппозиционные документы они распространяют и по сей день, после решения ЦК РКП(б) и решения Коминтерна — «эта группа... оппозиция партии, а не оппозиция внутри партии»².

Цифринович бранил ЦКК за то, заметил Сольц, что она не дает конкретных правил поведения — «в каком случае нужно дать взятку, а в каком нет... Наша этика не похожа на ту буржуазную этику, которая устанавливала нормы и говорила: рюмку водки пей, а двух не пей. Полторы рюмки — это уже вопрос сомнительный... Устрой так, чтобы тот, который получил взятку, получил бы и соответствующее возмездие, потому что, если хлеб надо привезти, то нужно сделать, чтобы он был привезен. Это вопрос целесообразности. Но этики это не касается»³.

Сольц предложил принять резолюцию, подтверждающую необходимость существования контрольных комиссий в центре и на местах, поскольку «растет угроза разложения наименее стойких и невыдержанных членов партии», а также для «борьбы со склоками и группировками». Контррезолюцию внес **Мышкин**, который по-прежнему считал, что «существование двух параллельных руководящих партийных центров

¹ Одиннадцатый съезд РКП(б). С. 202.

² Там же. С. 203, 205, 206.

³ Там же. С. 206.

нецелесообразно», что бороться с болезненными явлениями в партии должны сами организации. За резолюцию Сольца проголосовало 223 делегата, за проект Мышкина — 89¹.

29 марта с докладом о профсоюзах выступил Михаил **Томский**. Этот вопрос привлекал особое внимание Ленина, и наверняка он следил за ходом прений, ибо в основу постановления ЦК, которое предлагалось для обсуждения, легли тезисы, написанные Владимиром Ильичем.

В дискуссионном клубе, сказал Томский, Рязанов намекнул на то, что ради успеха концессионной политики наши тезисы о профсоюзах якобы разрабатывались под нажимом иностранного финансового капитала. Это сущие пустяки. НЭП показал, что «мы не можем справиться со всей находящейся в наших руках промышленностью и часть ее принуждены передать на арендных условиях частному капиталу». При этом необходимо заявить, что «всякая сила, которую использует Советская власть для развития производительных сил страны, является прогрессивной, но не тогда, конечно, когда это выливается в создание булочных, кофейных и т.д.».

Очевидно, что существуют различия в поведении профсоюзов в концессиях, частных и государственных предприятиях. На государственных зарплату регулирует государство и профсоюзы знают, что нельзя платить рабочим больше, чем предусмотрено тарифом. Но мы не можем регулировать зарплату на частных предприятиях и концессиях. «Нужно быть круглым идиотом, чтобы взять концессии, если профсоюзы будут регулировать и, если захотят, смогут прописать какую угодно кузькину мать на предприятии... Думаю, что таких идиотов не водится».

По-иному встает и вопрос о стачках. Когда Милютин предложил стачки на частных предприятиях разрешить, а на государственных запретить, он лишь продемонстрировал чисто чиновничий подход к делу. Да только в Москве проходит по 30–40 забастовок в месяц. Если стать на путь запрета, то «от таких профсоюзов уйдут, с нами ничего общего не будут иметь. Советская власть дискредитируется...». Значит, надо подходить конкретно.

Если данную забастовку возглавляют меньшевики, которые таким способом «политически борются против Советской власти», если они «пытаются стачку превратить в орудие борьбы против Советской власти», то и профсоюзы, и партия,

---

¹ См.: Одиннадцатый съезд РКП(б). С. 207, 208.

и власть к такой забастовке «будут относиться как к контрреволюционному действию».

Но «законом Советской республики стачка, как таковая, не запрещена, и это умышленно сделано». Ибо «в 99 случаях никакой политики нет, а вопрос касается конкретных случаев и вопросов, которые могут быть налажены и устроены». Стачки на госпредприятиях направлены не против советской власти, а «против приказчиков Советской власти, ... вышедших из-под контроля и не понимающих политики Советской власти. Здесь пролетариат одергивает своего приказчика...»

И у наших профсоюзов существует множество возможностей «для разрешения конфликтов мирным путем, т.е. посредством примирительных камер, третейского суда или еще чего-нибудь. И только тогда, когда нельзя столковаться... может иметь место стачка под контролем высших профсоюзных организаций».

Но тут другие, ортодоксальные коммунисты, к которым принадлежит т. Рязанов, возмущаются: это-де то же самое — арбитраж, примирительные камеры, — что говорят сегодня оппортунисты на западе, а прежде — наши меньшевики. Но мы потому и отвергаем концепцию «нейтральности профсоюзов», что рабочий не нейтрален по отношению к характеру существующей государственной власти и он различает — буржуазное это или пролетарское государство.

Главный вывод Томского таков: «Профессиональное движение есть беспартийное движение. Им руководить чрезвычайно трудно и сложно. Требуется масса деликатности. Вот на этой платформе доверия масс и руководства беспартийными, которых больше, перед которыми партия есть кучка, и нужно стоять»¹.

В выступлении **Ларина** главный удар нацеливался против самой идеи использования буржуазии для экономического возрождения страны. «Мне кажется, — сказал он, — что пора бросить ту потемкинскую деревню, так сказать, выражаясь ленинским стилем, “комвранье”, которое было воздвигнуто по поводу восстановления производства русской буржуазией при помощи аренд и концессий».

Буржуазия устремляет свои взоры (и капитал) не в промышленность, а в торговлю, которая приносит гораздо больший и более быстрый доход. Ничего, кроме желания урвать и украсть, от нее ждать нельзя. Мало того, буржуазия не пускает в ход новые заводы или фабрики, а берет лишь те, кото-

¹ См.: Одиннадцатый съезд РКП(б). С. 233, 236, 237, 238, 242.

рые уже на ходу. Вывод: аренда предприятий играет в народном хозяйстве ничтожнейшую роль и «это есть просто игра в буржуазию».

«...Если кто-нибудь спас Россию и русское хозяйство за это время, — продолжил Ларин, — то это сделали лучшие силы рабочего класса, вопреки злоупотреблениям, злоумышлениям и неспособности к работе в новых условиях буржуазных деятелей, которые были поставлены во главе этих фабрик и заводов. ...Мне хочется напомнить превосходные слова на этот счет самого великого мечтателя земли русской, который на этот раз сказал... (Галоса. Кто это?) Вы желаете знать, кто этот фантаст? Вы это узнаете по слогу».

И Ларин стал читать фрагмент из речи Ленина в январе 1920 года на III съезде совнархозов о том, что в массе рядовых рабочих и крестьян скрываются тысячи талантливых организаторов, которые способны вывести Россию из нищеты. «Это сказал, как вы догадываетесь, Владимир Ильич Ленин, — закончил свою речь Ларин. — И это его высказывание я противопоставляю его теперешнему настроению, мимолетному, как надо надеяться»¹.

Ларин мог бы и не доказывать здесь, что рабочий класс сохранил русскую промышленность, сказал следующий оратор — генеральный секретарь Профинтерна С.А. Лозовский. Сегодня проблема не в отвлеченных суждениях о рабочем классе, а в том, чтобы определить линию работы в профсоюзах «в... конкретных условиях, в лето от рождества Христова... 1922-е».

Капиталистические отношения, рождающиеся на почве НЭПа, не сводятся к аренде и измеряются не десятками тысяч рабочих. Перевод госпредприятий на хозяйственный расчет, их соревнование с предприятиями частными нередко происходит «за счет большей эксплуатации. Задача союзов, и особенно коммунистов в союзах, заключается в том, чтобы при этом соревновании... максимум интересов рабочего класса был сохранен».

Мы уже видели такую практику, когда во время экономических конфликтов на бастующих заводах коммунистические ячейки продолжали работать. Но тогда отрыв от массы неизбежен и рабочие «пойдут с теми, кто ничего общего не имеет с ячейками и борется с коммунизмом и с нашими профсоюзами»².

¹ Одиннадцатый съезд РКП(б). С. 255, 256, 257.

² Там же. С. 258, 259, 261.

Слово взял Давид **Рязанов**. Совершенно очевидно, говорил он, что «без разделения функций организации и управления не может быть нормального хода производства». И функция управления должна находиться не в руках профсоюзов, а у экономических органов советского государства. Но Томский в этой связи полагает, что мы вообще «временно... отстраняем рабочих от этой работы», дабы не отпугнуть буржуазию.

Отсюда и колебания в вопросе о стачках. Да, «малокультурные рабочие... иногда не знают, что у них имеются другие способы отстаивания своих интересов...» Но это не повод для запрещения стачек. Статьи Зиновьева и других на эту тему лишь запутывают вопрос. «Право бастовать остается, и остается нерушимо в Советской конституции».

«Я остаюсь при старом убеждении, что, даже отступая назад, мы не должны отступать дальше, чем это указывает практика буржуазно-демократических республик...» Там, например, тарифы устанавливаются по соглашению предпринимателей с профсоюзами. Этим тарифам придается публично-правовой характер закона. Почему же нам не воспользоваться такой практикой.

Коснулся Рязанов и вопроса об отношении к специалистам: «В силу целого ряда условий мы получили на свою долю огромную массу весьма бесталанных, безграмотных спецов. Такие безграмотные спецы плохо устраивались и при старом порядке». Ленин призывает беречь всех спецов, как зеницу ока. Да после этого эти бездарные спецы, «которые так заполнили наши учреждения... задерут нос превыше Ивана Великого».

Если на управленческие органы не будет управы, «то они... в своем влечении к хозяйственному расчету готовы будут отказать от всего — от программы, от марксизма, а будут кричать: вот мы какие! Мы за половинную плату довоенного времени выкачиваем теперь больше, чем в довоенное время! Вот до какого чистоганного восторга доходят представители новейшей экономической политики...»¹

Последним в прениях по докладу Томского выступил **Троцкий**. «...Как говорил в докладе т. Ленин третьего дня, — сказал он, — мы начали в хозяйственной политике крутым и непримиримым разрывом с буржуазным прошлым ... Что вместо этого? Централистический верховный священный ВСНХ, который все распределяет, все организует, обо всем заботится... Мы на этом плане осеклись. Почему? Потому, что оказа-

¹ См.: Одиннадцатый съезд РКП(б). С. 264, 265, 265-266, 266-267, 267, 268.

лись недостаточно подготовленными или, как формулировал т. Ленин, в силу нашего низкого культурного уровня... Тут была в общем и целом революционная неизбежность, — но... ошибка была в том, что пролетариат брал на себя неспособность в области хозяйственного строительства».

НЭП определил крутую перемену профессиональной политики партии. Конечно, Томский лучше Рокфеллера будет отстаивать интересы рабочего класса. Но «Рокфеллер положит Томского на обе лопатки в 5 минут... в области маневрирования на рынке... Здесь мы у него, у Рокфеллера, должны учиться». И очевидно, что маневрирование несовместимо с контролем профсоюзов над повседневной работой хозорганов. Контроль можно осуществлять «через общегосударственные учреждения».

Ошибается Рязанов и в отношении к спецам. Раз мы вынуждены учиться «у буржуазных спецов в этой проклятой коммерческой сфере», то неизбежно и повышение их роли в нашем обществе. И история на московском водопроводе, где группу рабочих за травлю спеца отдали под суд, это «окрик авангарда рабочего класса по отношению к рабочему классу в целом».

«Разве не бывало так, — напомнил Троцкий, — что во время отступления армия беспощадно расстреливала дезорганизаторов? Кого? Подлецов? Вовсе не всегда, нередко людей, которые растерялись, свихнулись... Расстрел был жестоким орудием предостережения другим. В хозяйственной области тоже необходимы бывают суровые меры».

Обращаясь к Рязанову, Троцкий сказал: «Вот вы написали очень хорошую книжку — “Комментарии к Коммунистическому манифесту”... (Рязанов: Потому что я нашел свободное время во время удаления моего из профдвижения.) Если дело обстоит так, то Рязанов этим произнес против себя самую убийственную реплику... Потому что комментариев, которые он написал к Коммунистическому манифесту, никто из нас не напишет. Я не думаю, чтобы нашелся человек, который знал бы так досконально марксистскую литературу, как Рязанов — тут ему и книги в руки...»¹

С заключительным словом выступил **Томский**. Из речи Троцкого вытекает, сказал он, что «на основании рынка мы должны отбросить рабочих от управления... Это никуда не годится...» Не надо путать хозяйственный вопрос с политикой и педагогикой — «воспитанием рабочих масс в духе управления». Да и на практике «отбросить рабочих» немислимо, ибо

¹ См.: Одиннадцатый съезд РКП(б). С. 269-270, 273, 274, 274-275.

«на профсоюзы и на коммунистов в профсоюзах давят всей своей тяжестью многомиллионные беспартийные массы».

Что же касается Рязанова, то он «напоминает мне того хорошего человека, — пошутил Томский, — про которого тесть сказал: “Хороший у меня зять, умеет танцевать, петь и говорить, только не тогда, когда следует все это делать”». Его позиция по отношению к спецам неприемлема, «ибо масса на почве голода, стремления к уравнительности во что бы то ни стало, конечно, будет настроена против спецов. Спец живет лучше, ему платят больше, спец командует... Конечно, многие спецы воруют, но многие и не спецы воруют... Надо из спецов отобрать лучшее и создать условия, чтобы они могли себя проявить в достаточной степени».

Относительно критики Ларина Томский заметил, что воюет он «фантастической статистикой. Кто же не знает, что в Метрополе, в комнате Ларина, в любой час и минуту каждый может узнать, сколько яиц в Советской России находится с теми, которые вы съели и которые вы кушаете в настоящий момент? Кто не знает цены этой статистике с потолка?»

Ларин доказывал, что рабочий класс спас после революции производство. «Кто об этом спорит? Ленин спорит? Я спорю? Но нас в данное время не интересует, кто спас Рим. Нас интересует вопрос, как и кто будет строить новый Рим... Какое в данной экономической обстановке наиболее целесообразный метод управления производством? На этот вопрос отвечать надо, и на него Ларин ничего не отвечает, и Рязанов не отвечает»¹.

С некоторыми поправками ленинские тезисы «О роли и задачах профсоюзов...» съезд принимает единогласно.

Еще более острый характер приняло обсуждение вопроса о финансовой политике. Здесь, помимо доклада Сокольников, пришлось ставить содоклад Преображенского. Фактическими содокладами стали и выступления Ломова, Киселева, Пятакова, Ларина, В. Шмидта и других.

Сокольников обратил внимание делегатов на то, что вопрос о финансовой политике обсуждается на партийном съезде впервые. С того момента, когда рядом с госсектором появился рынок, от него зависит и вся наша госиндустрия. Поэтому, если мы хотим, чтобы «машина нашего... государства могла продолжать действовать», важно понять, что рынку необходим инструмент обмена — денежная система. Мы долж-

¹ См.: Одиннадцатый съезд РКП(б): С. 235, 275, 276, 279.

ны иметь «твердую валюту, а не ту... кувыркoм скатывающуюся вниз валюту», которая сейчас предлагается народному хозяйству¹.

На недостаток проектов «иногда самого фантастического свойства» жаловаться не приходится. Все — рабочие, крестьяне, бухгалтера, чиновники «думают, что можно найти какой-то магический секрет, который дал бы возможность от плохих денег перейти к хорошим немедленно...» Например — «перейти на золотую валюту».

Но у нас сохранилась лишь малая часть золотого запаса. «С этим запасом... мы могли бы прожить некоторое время... Что было бы после того...? Мы остались бы у разбитого корыта!» Выйти из кризиса «силами финансовой техники, изобретательности финансистов, конечно, никак невозможно». Выход «только на основе подъема нашей индустрии, ... нашего сельского хозяйства, ... развития нашей внутренней... и внешней... торговли»².

Бюджет на 1922 год предусмотрел расходы на 1 миллиард 800 миллионов довоенных рублей. Доходы от госпромышленности были явно завышены и дефицит составил около 1 миллиарда. Мы вынуждены не только сокращать бюджетные расходы, «вплоть до военного», но и децентрализовать их, т.е. перенести часть расходов (на здравоохранение, просвещение, социальное обеспечение, отчасти юстицию и т.д.) на местные бюджеты. Многие из них уже сейчас являются более прочными, да и при изымании местных налогов исполкомы проявляют гораздо большую активность и инициативу. Надо научиться «жить за счет собственных ресурсов»³.

Для этого необходимо прежде всего избавиться от предвзвешенности относительно «бесплатности» госуслуг. От нее (оплата жилья, освещения и т.п.) выигрывают лишь более состоятельные слои населения. Переход к платности железнодорожных услуг дал НКПС триллионные выручки. Продажа марок позволила Наркомпочтелю самим выплачивать зарплату служащим. Солидный доход от сбора за срубленные деревья получает и Наркомзем.

Но главная проблема — финансирование госпромышленности. Полностью держать ее на госбюжете мы не можем. И «мы должны ей предложить опереться на рынок и поддержать пролетарское государство, а не сосать его». Для это-

---

¹ См.: Одиннадцатый съезд РКП(б). С. 298, 299.

² Там же. С. 299, 301.

³ Там же. С. 303, 305.

го необходимо менять отношение с предприятиями, создать пространство для проявления их инициативы, ввести промышленный налог с тем чтобы часть продукции они могли реализовывать сами. И товарищ Ленин прав: рынок станет для них самым жестким экзаменатором¹.

В развернувшейся дискуссии критике подверглась прежде всего деятельность Госбанка, использовавшего эмиссию в качестве инструмента стабилизации финансовой системы. Эмиссия сама по себе, говорил **Преображенский**, не может являться панацеей. Ею надо уметь маневрировать, определять рамки ее применения, чтобы она не подрывала работу жизненно важных госпредприятий. Иначе мы бьем по собственному карману.

Если, к примеру, будет хороший урожай и крестьянский рынок расширится, то сжимать эмиссию нецелесообразно. Необходимо использовать и товарные запасы для долгосрочного кредита под этот урожай. Сокольников, конечно, может оттягивать денежную реформу, но рынок долго ждать не будет. Он может стихийно взорвать всю систему бумажной валюты. Нас выручает пока лишь отсутствие централизованной частной торговли и то, что рынки носят локальный, местный характер².

Преображенского поддержал **Пятаков**. Недостаток оборотного капитала у предприятий? снятых с госснабжения — вот причина переживаемого кризиса. Антиэмиссионная позиция, господствующая в Наркомфине, не учитывает интересы промышленности. А экономику нельзя перехитрить никакими «финансовыми фокусами»³.

О том же говорил и **Ломов**: политика Наркомфина не согласовывается с производством и ВСНХ. Когда Госбанк авансирует предприятия на несколько месяцев вперед по курсу данного дня, он вынуждает хозяйственников срочно закупать любые товары, а потом перепродавать их по новым ценам, ибо через месяц курс будет совершенно иной. Тресты превращаем в спекулянтов. А когда Сокольников говорит нам: «посмотрим, кто из вас не лопнет», то при такой политике «лопнут в первую очередь самые нужные для государства предприятия и... лопнет сам т. Сокольников. (Смех.)»⁴

Не менее острый характер приняло и обсуждение вопроса о зарплате. Нынешние миллионные заработки, доказывал

¹ См.: Одиннадцатый съезд РКП(б). С. 306, 309.

² Там же. С. 315-321.

³ Там же. С. 341.

⁴ Там же. С. 332.

А. Андреев, — фикция. До войны средний квалифицированный рабочий получал 22 рубля 83 копейки, а в Питере и до 30. В ноябре 1921 года его заработок (в довоенных рублях) упал до 12 рублей, в декабре — до 9.15, в январе 1922 года — до 6.15, в феврале — 5.05, а в марте до 4.50. Рабочие вошли в полосу обнищания¹.

О том же говорили А. Спундэ, В. Шмидт, М. Ларин. Сокольников возразил: сравнивать довоенную зарплату с нынешней некорректно, ибо при существующих социальных льготах и реальной практике зарплата является лишь одним из источников бюджета рабочей семьи. И все-таки, сказал Андреев, бесспорно то, что с довоенных времен зарплата выросла лишь в 5 раз, а цены в 15. И Наркомфину надо искать *компромисс* между реальными жизненными потребностями рабочих (в частности, при введении налогов и платности услуг) и государственными интересами².

Пересказывать полностью ход этих дискуссий не имеет смысла. А их краткое изложение все-таки упрощает и примитивизирует выступления. Можно лишь заверить, что чтение и анализ этих текстов даст современному читателю для понимания истории НЭПа никак не меньше, чем стенограммы уже упоминавшихся выступлений ученых-экономистов на коллежиях Госбанка.

Комиссия съезда внесла ряд поправок в тезисы Сокольников, учли их критику Лениным и другими. Но курс, взятый в начале НЭПа, остался неизменным. Поднять экономику страны может лишь рост промышленности, транспорта, крестьянского хозяйства и товарооборота. При этом «необходимо, нисколько не ставя задачи немедленного возвращения к золотому обращению, твердо установить, что наша экономическая и финансовая политика решительно ориентируется на восстановление золотого обеспечения денег...»³ Резолюцию приняли единогласно.

Не менее острыми и интересными были дискуссии и по другим вопросам, обсуждавшимся съездом. Особенно по докладу Зиновьева о партстроительстве, сообщению Яковлева об агитации и пропаганде и пр. И здесь выступления докладчиков, делегатов отличали и высокая степень самокритичности, стремление к глубокому анализу новой реальности, самостоятельность мышления и отсутствие какого-либо чинопочита-

¹ См.: Одиннадцатый съезд РКП(б). С. 322-323.

² Там же. С. 323, 358-359.

³ Там же. С. 539.

ния, что — при всей остроте прений — позволяло сохранить атмосферу товарищества и превращало съезд, как выразился Калинин, в рыцарский «турнир самого цвета Коммунистической партии»¹.

Предстояло обсуждение вопроса о работе партии в деревне, и 31 марта Ленин встречается с В.В. Осинским. После того как 18 марта, по предложению Владимира Ильича, тезисы Преображенского о политике РКП(б) в деревне были отвергнуты, именно Осинскому — заместителю наркома земледелия поручили возглавить аграрную секцию съезда.

«Обдумывая нашу беседу с Вами», — пишет Ленин 1 апреля, после вечерней встречи с ним, — я пришел к выводу, что до тех пор, «пока мы недостаточно собрали фактов хозяйственной жизни на местах, пока мы недостаточно изучили действительные условия и потребности теперешнего крестьянского хозяйства», ни партия, ни Соввласть не должны связывать себе руки «какими-либо предписаниями, директивами или правилами...» Тем более что именно на этот путь — «излишней и неудачной, скороспелой, не проверенной опытом регламентации», могут легко встать власти на местах. Поэтому, замечает Ленин, крайне важно «не причинять зла во имя благочестивого желания делать добро». Главная задача состоит именно в тщательном сборе и внимательнейшем изучении местного практического опыта. Необходимо, в частности, крайне осторожно вторгаться с дела сельхозкооперации, изучить последствия применения наемного труда и аренды, возможные формы помощи беднякам и т.п.

Цель всей работы — оказать «практическую помощь делу немедленного расширения посевов, увеличению запашки, увеличению количества сельскохозяйственных продуктов, уменьшению тяжелой нужды крестьянства...» 2 апреля съезд большинством голосов при немногих воздержавшихся утвердил резолюцию «О работе в деревне», в которую вошли все предложения Ленина².

Выборы в ЦК и ЦКК

Предстояли выборы руководящих органов партии и было совершенно очевидно, что от их результата во многом будет зависеть реализация того политического курса, который оп-

¹ См.: Одиннадцатый съезд РКП(б). С. 441.

² См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 132, 133, 529.

ределил съезд. И точно так же, как это было сделано на X съезде, решили собрать партийцев, чтобы обсудить кандидатуры в состав нового Центрального Комитета.

Для исследователя единственным свидетелем данного факта является Вячеслав Михайлович Молотов, точнее — запись его воспоминаний, сделанная писателем Феликсом Чуевым в 1975 году. Вот она: «Где-то возле Свердловского зала Кремля [Ленин] комнату нашел, уговорились: фракционное собрание, троцкистов — нельзя, рабочую оппозицию — нельзя, демократический централизм тоже не приглашать, только одни крепкие сторонники “десятки”, то есть ленинцы. Собрал, помоему, человек двадцать от наиболее крупных организаций перед голосованием»¹.

Как рассказывает Молотов, на этом совещании, после того как список был согласован, Ленин сказал: «...Надо предупредить товарищей, чтобы твердо голосовали за этот список без поправок! Список “десятки” надо провести целиком. Есть большая опасность, что станут голосовать по лицам, добавлять: вот этот хороший литератор, его надо, этот хороший оратор — и разжижат список, опять у нас не будет большинства. А как тогда руководить!»

Целиком полагаться на точность этих воспоминаний — трудно. И не только потому, что записывались они спустя более полувека. Если об аналогичном совещании на X съезде есть целый ряд воспоминаний, записки и заметки самого Ленина, конспект, а также краткая запись его выступления², то в данном случае рассказ Молотова — единственный источник.

Мало того, есть основание полагать, что в памяти Вячеслава Михайловича совещания сторонников Ленина на XI и на X съездах каким-то образом совместились. И это неслучайно, ибо X съезд сыграл в его жизни решающую роль. Именно на нем его избрали членом, а затем секретарем ЦК и перевели на работу из провинции в Москву.

Судите сами: «Сталин, — рассказывает Молотов о совещании **на XI съезде**, — упрекнул Ленина, дескать, у нас секретное или полусекретное совещание во время съезда, как-то фракционно получается, а Ленин говорит: “Товарищ Сталин, вы-то старый, опытный фракционер! Не сомневайтесь, нам сейчас нельзя иначе. Я хочу, чтобы все были хорошо подготовлены к голосованию...”»

---

¹ Сто сорок бесед с Молотовым. Из дневника Ф. Чуева. М.: «Терра», 1991. С. 181.

² См.: В.И. Ленин. Неизвестные документы. С. 419, 420.

А вот воспоминания делегата **X съезда** Константина Ивановича Бухарина: «Перед выборами ЦК сторонники Ленина собираются в отдельном зале для предварительного обсуждения кандидатур в ЦК... На обращенный к нему в полушутливой форме вопрос: “Не составляем ли мы фракцию, заседаю в отдельной комнате?”, Ленин отвечает: “Когда нужно сохранить единство партии, можно допустить и фракцию”»¹.

В краткой записи выступления Ленина на данном совещании X съезда 13 марта 1921 года этот фрагмент выглядит так: «Имеет ли право большинство быть большинством... Здесь не фракция... Мы должны использовать свое право на выборах. Мы боролись на выборах делегатов для того, чтобы победить на съезде. И это мы должны сделать»².

И еще. По словам Молотова, в своем выступлении на совещании во время **XI съезда**, Ленин якобы все время использовал термины «совещание десятки», «собрание десятки», «список десятки». Совершенно очевидно, что имеются в виду десять делегатов **X съезда**, подписавших во время дискуссии о профсоюзах ленинскую «Платформу десяти» (Ленин, Артем-Сергеев, Калинин, Сталин, Каменев, Зиновьев, Петровский, Лозовский, Рудзутак, Томский).

Но на XI съезде этим термином ни Ленин, ни его сторонники уже не пользовались. Ибо считалось, как заявил тогда в своем докладе на съезде сам Молотов, что прежние фракции и течения внутри партии «изжиты». Да и собирали на данное совещание не прежних сторонников «десятки», а, как сказал Вячеслав Михайлович, — «человек двадцать от наиболее крупных организаций». Так что, вероятнее всего, речь шла о **совещании «Бюро делегаций»**, о котором говорил Фрунзе.

Однако, вне зависимости от того, насколько точны различные детали в воспоминаниях Молотова, они проливают свет на происхождение реального и весьма важного документа. Вячеслав Михайлович утверждает, что на списке кандидатур в состав ЦК, принятом указанной группой делегатов, Ленин якобы своей рукой делает против фамилии Сталина пометку: «генеральный секретарь»³. Пометки — «секретарь» были сделаны и против фамилий Молотова и Куйбышева.

Читатель помнит, что в письме 21 февраля 1922 года Сталин просил Ленина заявить о реорганизации Секретариата «на съезде в отчете ЦК» и поставить данный вопрос в центр

¹ РГАСПИ. Ф. 70. Оп. 4. Д. 197. Л. 9.

² В.И. Ленин. Неизвестные документы. С. 419, 420.

³ См.: Сто сорок бесед с Молотовым. С. 181.

всей «кампании на съезде». Но поскольку Владимир Ильич в своем докладе этот вопрос даже не затронул, «тройка», видимо, порешила добиваться поддержки реформы непосредственно при выборах ЦК, хотя по Уставу партии персональный состав Секретариата определялся не съездом, а пленумом ЦК.

Какова личная роль Ленина в этой комбинации, определить трудно. Оригинал списка с его рукописными пометками, о котором рассказал Молотов, в архиве нет. Но то, что подобная затея не могла быть осуществлена без ведома Владимира Ильича — это очевидно. Отметим лишь, что объяснения по данному вопросу на съезде приходилось давать Каменеву.

Указанный выше список кандидатур, заранее отпечатанный в типографии, с соответствующими пометками против фамилий Сталина («генеральный секретарь»), Молотова и Куйбышева («секретарь»), был предложен делегатам при голосовании.

Готовился еще один список: «Список членов ЦК РКП и их кандидатов, предлагаемый губерниями, не входившими в краевые организации». Возможно, он стал реакцией на появление указанного выше списка и авторы его опасались, что руководители крайкомов, принимавшие участие в совещании, недостаточно считаются с их мнением. Этот «губернский» список тоже был отпечатан, но при голосовании им воспользовались лишь менее десятка делегатов¹.

Вообще к заранее заготовленным спискам отношение большинства делегатов было настороженным. Многие, вероятно, усматривали в этом и нарушение давних партийных традиций, и ущемление партийной демократии. Во всяком случае, как отмечалось выше, во время выборов, по требованию делегатов, Каменеву пришлось давать по этому поводу объяснение.

Смысл его сводился к тому, что «указание на некоторых билетах на должности секретарей не должно стеснять» голосующих, ибо оно «является лишь пожеланием известной части делегатов». Такое разъяснение вполне удовлетворило съезд и было им одобрено².

Поэтому при голосовании каждый делегат мог взять либо первый типографский список, либо традиционный (тоже полиграфический) бланк, который представлял собой чистый лист с надписью: «Предлагаю в члены ЦК РКП(б) следующих товарищей». Заполнялся он каждым голосующим от руки.

¹ См.: Сахаров В. А. «Политическое завещание» Ленина. С. 171.

² См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 78. Л. 6.

В.А. Сахаров обстоятельно проанализировал итоги выборов, состоявшихся **2 апреля**. При тайном голосовании всего было подано 482 бюллетеня. Четыре признали недействительными, так что учитывалось **478** голосов. В архиве сохранились все 478 бюллетеней. Из них 167 — первого списка, лишь 9 — «губернского» и **302** — традиционного образца. Большинство, как видим, предпочло именно такой вариант волеизъявления¹.

Впрочем, и те, кто воспользовался первым, не опускали его в урну механически: вычеркивались одни фамилии, вписывались другие. Из 167 делегатов, взявших *данный бюллетень*, кто-то как раз и подал единственный голос против Ленина. По одному «против» в этом списке получили также Троцкий и Сталин, два голоса «против» — Каменев, три — Зиновьев, десять — Молотов и т.д.²

Самое поразительное, что — при полной свободе выборов и тайном голосовании — в конечном счете наибольшее число голосов получили и были *избраны членами ЦК именно те 27 человек, которые предлагались первым списком*. Так что свою «мобилизующую роль» он сыграл. И дело не в том, что некоторые из тех, кто брал чистый бланк, переписывали в него кандидатов из типографского бюллетеня. Гораздо важнее, что участники совещания, о котором рассказал Молотов, имели достаточно точное представление об уровне авторитета предлагаемых кандидатов, ибо если последний из членов ЦК — Зеленский (№ 27) получил 345 голосов, то следовавший за ним Пятаков — лишь 157.

Вот только с определением степени популярности того или иного кандидата у составителей проекта получилась явная нестыковка.

В типографском бюллетене (167 голосов) очередность первой десятки выглядела следующим образом: 1. Ленин; 2. Троцкий; 3. Зиновьев; 4. Каменев; 5. Сталин (генеральный секретарь); 6. Молотов (секретарь); 7. Томский; 8. Рудзутак; 9. Дзержинский; 10. Бухарин.

А вот реальные итоги голосования по всем 478 бюллетеням: 1. Ленин (477 голосов); 2. Троцкий (477); 3. Бухарин (476); 4. Калинин (476); 5. Дзержинский (473); 6. Радек (472); 7. Томский (472); 8. Рыков (470); 9. Раковский (468); 10. Сталин (463). Далее шли: Андреев (462), Рудзутак (460), Петровский (459), Смирнов (459), Орджоникидзе (456). Каменев оказался на 16-м

¹ См.: РГАСПИ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 21. Л. 1-478.

² См.: Сахаров В.А. «Политическое завещание» Ленина. С. 172.

месте, получив столько же, сколько и Фрунзе (454 голоса), Зиновьев — на 19-м (448), а Молотов аж на 25-м (404)¹.

Получилось так, что Бухарин с 10 места перекочевал на 3-е, Калинин — с 11-го на 4-е, Радек — с 19-го на 6-е, Рыков — с 20-го на 8-е. Несомненным успехом стали результаты выборов и для Троцкого, ибо на X съезде, получив 452 голоса из 479 он оказался позади не только Каменева, Зиновьева, Сталина и Рыкова, но даже после Молотова (453 голоса). Как видим, на XI съезде итоги голосования для «руководящей тройки» (Каменев, Зиновьев, Сталин) оказались менее удачными.

При выборах **кандидатов в члены ЦК РКП(б)** круг достаточно авторитетных партийцев также выявился вполне определенно. Если последний из избранных (№ 19) Пятаков прошел 281 голосом, то следовавшие за ним с большим отрывом — Лашевич получил 208 голосов, а Антонов-Овсеенко лишь 94. В первую десятку избранных по списку кандидатов в члены ЦК РКП вошли: Киров (452), Гусев (448), Лепсе (493), Киселев (436), Комаров (433), Мануильский (427), Лебедь (425), Бубнов (422), Михайлов (411), Шмидт (398).

Более разбросанными оказались голоса при **выборах ЦКК**. Тут, видимо, список заранее не готовили. Было подано 465 карточек, заполненных от руки. Восемь признали недействительными. По одному голосу получили 22 кандидата, десятки кандидатов — по 3-5 голосов. Избранными в члены ЦКК были пятеро: Сольц (408), Шкирятов (390), Ченцов (296), Коростылев (276), Варенцова (268). Кандидатами в члены ЦКК стали двое: Муранов (291) и Самойлов (202). Все остальные в списке кандидатов получили менее 50 голосов².

Итак, по сравнению с X съездом, число членов ЦК увеличилось с 25 до 27, а кандидатов в члены ЦК — с 15 до 19. Из членов ЦК, избранных на X съезде, помимо Артема-Сергеева Ф.А., погибшего в 1921 году, в новый состав ЦК не вошли: бывший секретарь Уралбюро ЦК И.Я. Тунтул, бывший председатель ЦК Союза металлистов А.Г. Шляпников и председатель ЦК Союза текстильщиков И.И. Кутузов, а секретаря исполкома Петрогубсовета Н.П. Комарова и секретаря ЦК РКП(б) В.М. Михайлова перевели из членов в кандидаты в члены ЦК РКП(б).

Наоборот, *из кандидатов в члены ЦК РКП(б)* перешли секретарь МК РКП(б) И.А. Зеленский, начальник Главэнерго, член Президиума ВСНХ РСФСР В.В. Куйбышев, секретарь Петроградского комитета и Северо-Западного бюро ЦК РКП(б) И.Н.

¹ РГАСПИ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 19. Л. 2.

² Там же. Л. 3, 4.

Смирнов и председатель ВСНХ Украины В.Я. Чубарь. *Новыми членами ЦК* стали: секретарь ВЦСПС А.А. Андреев, секретарь Иваново-Вознесенского губкома РКП(б) И.И. Коротков, председатель ЦК Союза строителей Т.В. Сапронов и замнаркома финансов Г.Я. Сокольников.

Из прежних кандидатов в члены ЦК РКП(б) в список вновь избранных не вошли П.А. Залуцкий, В.П. Милютин, В.В. Осинский, Н.А. Угланов. Новыми кандидатами в члены ЦК стали: председатель Петроградского потребительского общества А.Е. Бадаев, заведующий отделом агитации и пропаганды ЦК РКП(б) А.С. Бубнов, новый секретарь Уралбюро ЦК РКП(б) Т.С. Кривов, секретарь ЦК КП Украины Д.З. Лебедь, новый председатель Союза металлистов И.И. Лепсе, управляющий Нефте-синдикатом Петрограда С.С. Лобов, бывший секретарь ЦК КП Украины Д.З. Мануильский, секретарь Нижегородского губкома РКП(б) А.И. Микоян, ответственный секретарь ЦК КП Туркестана А.Р. Рахимбаев и зампред ВСНХ РСФСР И.Т. Смилга.

Заранее подготовленный список при выборах ЦК действительно сыграл свою консолидирующую роль. Прежде всего, он вобрал в себя наиболее известных и авторитетных партийцев. Необходимо отметить и то, что он включил в себя и некоторых представителей оппозиционных групп, выступавших на X съезде. Из числа тех, кто поддерживал Троцкого, в руководящие органы партии вошли Радек, Смилга, Смирнов, Пятаков; из так называемой буферной группы — Бухарин, Преображенский; из числа «децистов» — Сапронов, Бубнов; от бывших членов «рабочей оппозиции» Киселев. Это в определенной мере также способствовало успешному прохождению «типографского» списка.

Что касается замысла, связанного с реорганизацией Секретариата, то в данном случае результаты оказались более противоречивыми. В список членов ЦК Сталина вообще не вписали 13 делегатов, Зиновьева — 20, Каменева — 21. А один из делегатов, включивших Сталина в список, пометил: «только не секретарем». Но столь определенного мнения придерживалось, видимо, явное меньшинство. Да и не ради «призовых мест» задумывалась вся история с Секретариатом.

Кандидатуру Сталина как генерального секретаря поддержали 166 делегатов, голосовавших первым списком, а 27 делегатов, воспользовавшихся вторым бюллетенем, также сделали соответствующую пометку, вписывая его фамилию. То есть за Сталина как генерального секретаря проголосовало 193 делегата, или чуть более 40% общего их числа. Остальные 273 сво-

его отношения к данному вопросу не сформулировали. Но с голосами 193 делегатов все-таки нельзя было не считаться¹.

Списки выбранных в ЦК и ЦКК были оглашены в тот же день, 2 апреля, и работу съезда пора было заканчивать. Хотя на многих заседаниях Владимир Ильич не присутствовал, за его ходом и всеми прениями он, как уже отмечалось, следил очень внимательно.

Многое в выступлениях радовало, давало новую информацию, наводило на новые мысли. Но кое-что и настораживало, а именно — степень понимания, глубина осмысления проблем, стоящих перед страной.

Прения и резолюция по его докладу свидетельствовали о том, что всё вроде бы понято и принято. Но 31 марта он вдруг узнает, что работа над важнейшим декретом «Об основных частных имущественных правах, передаваемых РСФСР, охраняемых ее законами и защищаемых судами РСФСР», порученная Политбюро Наркомюсту, прекращена.

А когда Н.П. Горбунов, по просьбе Ленина, запрашивает об этом Д.И. Курского, тот, как говорится, на «чистом глазу» отвечает, что отказ от работы над этим декретом, узаконивавшим многообразие форм собственности, вполне естественен, ибо съезд «отменил отступление».

Ленин сдержанно, но резко отвечает: «Я вынужден поставить Вам на вид, что мотивировка такая есть насмешка и что волокита, проявленная и проявляемая Вами, недопустима». И проект данного декрета должен быть представлен на утверждение в двухдневный срок, не позднее 3 апреля².

А в последний день работы съезда произошёл ещё один казус. Десятки, если не сотни раз на заседаниях говорилось о необходимости повсеместного перехода к хозрасчету, платности услуг и т.п. Все соглашались и кивали головами...

Но вот, при обсуждении резолюции о печати и пропаганде, Рязанов вносит предложение о недопустимости публикации в коммунистических газетах и, особенно в «Правде», каких-либо коммерческих объявлений всяких торгашей, как «ненужной пакости». И делегаты дружно голосуют за эту поправку, которая явно шла вразрез с общим курсом НЭПа, ибо предполагала оплату газеты за «казенный кошт», т.е. за счет золотого фонда и налоговых поступлений.

Узнав об этом, Ленин пишет Каменеву: «Говорят, съезд провел отмену объявлений в *“Правде”*. Нельзя ли исправить, ибо

¹ См.: Сахаров В.А. «Политическое завещание» Ленина. С. 173.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 54. С. 222.

это ошибка явная?» Каменев отвечает, что это невозможно, т.к. резолюция уже принята съездом. Тогда Владимир Ильич сам приходит на заседание.

«Я попросил слово к порядку, — сказал он, — чтобы попросить у съезда отступления от порядка и нормы. Существует порядок, что после того, как решение принято, всякое вмешательство в этот вопрос неправильно. Я прошу съезд дать мне 4-5 минут, чтобы высказаться против того решения, которое было ошибочно принято».

О сути предложения Рязанова Ленин сказал: «Если бы действительно перед нами была наивная молоденькая барышня лет двенадцати, которая вчера услышала бы, что на свете есть коммунизм, надела бы беленькое платье с красными ленточками и сказала бы, что коммунисты — это чистые торговцы, — это было бы смешно, над этим можно было бы благодушно посмеяться, а всерьез что же мы делаем? Откуда возьмет деньги “Правда”, которую вы лишили объявлений? Спрашивается, сколько надо денег “Правде”... Вы не знаете? Ну и я не знаю!»¹.

Владимир Ильич явно нервничал, запись его выступления получилась довольно сбивчивая, но оно, видимо, произвело на делегатов сильное впечатление, и поправка Рязанова была отменена. После этого, в связи с закрытием съезда, Ленин выступил с написанным заранее **заключительным словом**.

«Первое отличие, которое бросается в глаза при сравнении этого съезда с предыдущим, — сказал он, — это бульшая сплоченность, большее благодушие, большее организационное единство». По главным дискуссионным вопросам нашей политики «разногласий в нашей партии не оказалось или не оказалось в сколько-нибудь заметном размере». И это — «живое доказательство неправоты наших врагов, которые не уставая твердили и твердят, что партия наша впадает в старчество, теряет гибкость ума... Нет, этой гибкости мы не потеряли».

По поводу отсутствия разногласий Владимир Ильич позже пояснил: «Такие речи, как речи гг. Преображенского, Осинского, Ларина на XI съезде партии, в прениях по докладу ЦК, показали наглядно, что внимание очень многих и очень видных руководящих работников партии устремлено не туда, куда следует его устремить. “Твоя” задач нашей политики определен в этих речах неправильно. Я надеюсь, что мне удастся побеседовать об этом с читателями подробнее в недалеком будущем»².

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 135, 530.

² Там же. С. 169.

А продолжая свое заключительное слово на съезде, Ленин сказал: «Весь гвоздь теперь в том, чтобы авангард не побоялся поработать над самим собой, переделать самого себя, признать открыто свою недостаточную подготовленность, недостаточное умение. Весь гвоздь в том, чтобы двигаться теперь вперед несравненно более широкой и мощной массой, не иначе как вместе с крестьянством...»¹

Позднее Ленин отметил: «Это **единственная** речь, которую я предварительно *написал* (и, несмотря на это, наши ослы не могли перепечатать без ошибок!). Так что теперь это **единственная правильно** переданная (после исправления) речь»²

На следующий день, 3 апреля, состоялся пленум нового состава ЦК, избранного съездом. Поскольку писано об этом пленуме много, а толкование его решений приобрело принципиальное значение в силу избыточной политизации многих авторов, постараемся максимально придерживаться текста самого документа³.

Итак, на пленуме присутствовали члены ЦК: Ленин, Троцкий, Зиновьев, Каменев, Сталин, Дзержинский, Петровский, Калинин, Ворошилов, Орджоникидзе, Ярославский, Томский, Рыков, Андреев, И.Н. Смирнов, Фрунзе, Чубарь, Куйбышев, Сокольников, Молотов, Коротков; кандидаты в члены ЦК: Киров, Киселев, Кривов, Пятаков, Мануильский, Лебедь, Сулимов, Бубнов, Бадаев; от ЦКК Сольц.

Первый пункт повестки дня: «Конституирование ЦК». И тут сразу встает довольно неожиданный вопрос — «о председателе». Известно, что такого рода поста или должности — председателя партии, председателя ЦК или Политбюро у большевиков ранее не существовало.

В свое время Яков Михайлович Свердлов, руководивший Секретариатом ЦК, подписывал некоторые документы как «Председатель ЦК РКП». Но специально это никак не оформлялось и уж тем более не было связано с претензией на роль лидера партии⁴. На заседаниях Политбюро обычно председательствовал Ленин, а в его отсутствие, как правило, Каменев. Кто и зачем поднял теперь данный вопрос, в протоколе не зафиксировано.

Пленум принимает решение: «Подтвердить единогласно установившийся обычай, заключающийся в том, что ЦК не

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 136, 137, 138.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 54. С. 245.

³ См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 78. Л. 1.

⁴ Известия ЦК КПСС. 1989. № 8. с. 136.

имеет председателя. Единственными должностными лицами ЦК являются секретари, председатель же избирается на каждом данном заседании»¹.

Решение вполне понятное: все члены ЦК являлись «должностными лицами» в руководящих государственных, партийных, профсоюзных органах, а трое секретарей — Сталин, Молотов, Куйбышев — руководителями аппарата ЦК. Не более того. Никакого отношения к политическому лидерству в партии и стране это не имело.

Естественно, тут же, на пленуме, вновь встает вопрос о том типографском списке, который фигурировал при голосовании на съезде. И Каменеву опять приходится давать разъяснение. Пленум принимает решение: «Принять к сведению разъяснение т. Каменева, что им во время выборов, при полном одобрении съезда, было заявлено, что указание на некоторых билетах на должности секретарей не должно стеснять пленум ЦК в выборах, а является лишь пожеланием известной части делегатов»².

Поскольку должности генерального секретаря в РКП(б) ранее действительно не существовало, — она была лишь в Коминтерне, Крестинтерне и Профинтерне — ставится вопрос: «о Секретариате». Принимается следующее постановление: «Установить должность генерального секретаря и двух секретарей. Генеральным секретарем назначить т. Сталина, секретарями т.т. Молотова и Куйбышева».

В.А. Сахаров полагает, что это и был тот самый «момент истины», когда Владимир Ильич сделал выбор: «он **желал видеть во главе партии в качестве генерального секретаря именно Сталина**». И далее: «Ленин проводил Сталина к власти и обеспечил ему главенство в партийной и, значит, всей политической иерархии потому, что, размышляя о преемнике, он останавливал свой взгляд на Сталине»³.

Вряд ли протокол пленума и другие предшествующие документы дают основания для подобного рода «рабочей гипотезы». Скорее наоборот. К тексту приведенного выше постановления «о Секретариате» Ленин, тут же на пленуме, дабы исключить различные толкования функций секретариата, вносит дополнение.

Вот оно: «ЦК поручает Секретариату строго определить и соблюдать распределение часов официальных приемов и опуб-

¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 78. Л. 6.

² См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 78. Л. 6.

³ Сахаров В.А. «Политическое завещание» Ленина. С. 177, 178.

ликовать его; при этом принять за правило, что никакой работы, кроме действительно принципиально руководящей, секретари не должны возлагать на себя лично, перепоручая такую работу своим помощникам и техническим секретарям»¹.

Читатель, вероятно, помнит, что в цитированном выше письме от 14 февраля 1922 года, предлагая Молотову взять на себя функции «политсекретаря», Владимир Ильич писал: «Власть у ЦК громадная. Возможности — гигантские... Вам надо *себя избавить* от мелочей (свалить их на помов и помпов) и заняться целиком делом *политсекретаря...*»² Согласитесь — вряд ли Ленин думал тогда о Молотове как о своем возможном преемнике.

Вероятнее всего, в основу «рабочей гипотезы» В.А. Сахарова легла та роль в «политической иерархии», которую данный пост приобрел значительно позднее. Но это была уже другая страница истории. А тогда, в 1922 году, роль и функции «генерального секретаря» вполне определились на примере других центральных учреждений. Генеральным секретарем Коминтерна стал Д.З. Мануильский, генсеком Профинтерна — С.А. Лозовский, аналогичные должности появились в Крестинтерне (А.П. Смирнов), Спортинтерне. И, естественно, никто из названных лиц не претендовал на политическое лидерство в своей «епархии». Заметим, кстати, что в последующей обширной переписке со Сталиным и другими членами Политбюро Ленин термином «генеральный секретарь» не пользовался.

А рассматривая после съезда вопрос о разграничении функций центральных советских (Президиум ВЦИК, СНК, СТО) и центральных партийных органов (Политбюро, Оргбюро и ЦКК), Владимир Ильич не включает в этот перечень Секретариат ЦК³. Судя по всему, тот статус, который гораздо позднее приобрела эта должность, до сих пор довлеет над умами исследователей. Это и объясняет тот накал страстей, который бушует вокруг факта избрания Сталина генсеком на XI съезде. Между тем, трансформация роли и места, которая со временем происходила с различными звеньями центрального партаппарата — это предмет особого исследования, относящегося к более поздним годам истории РКП(б).

Далее пленум переходит к вопросу о «составе Политбюро». Указаний на то, кто докладывал этот (и предшествующие) вопросы, были ли какие-то прения вокруг них, в протоколе нет. Но прения, видимо, все-таки были.

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 139.

² Там же. С. 392, 393.

³ Там же. С. 152, 200.

Во время обсуждения состава Политбюро Каменев пишет Ленину: «Рыкова именно за его сегодняшнюю гнусную речь нельзя бы вводить». Можно лишь предположить — да и то с натяжкой, — что именно Рыков говорил о «председателе», поскольку во всех перечисленных выше случаях должность «генерального секретаря» предполагала наличие *председателя*.

Относительно «речи» Ленин отвечает: «Не пойму, чего “гнусного”? Хитреца маленькая!» И далее: если не вводить в Политбюро Рыкова, — «тогда Вы должны найти иного зампред СНК». Каменев уступает: «Придется Рыкова»¹. Между прочим, характер этой переписки дает основание предполагать, что именно Каменев председательствовал на данном заседании.

Пленум принимает решение включить в состав Политбюро семь человек: Ленин, Троцкий, Сталин, Каменев, Зиновьев, Томский, Рыков. Кандидатами в члены Политбюро утверждаются трое: Молотов, Калинин, Бухарин.

Следующий вопрос — «о составе Оргбюро». В него вводят всю тройку секретарей — Сталина, Молотова, Куйбышева, а также Рыкова, Томского, Дзержинского и Андреева. Кандидаты: Рудзутак, Зеленский, Калинин. Таким образом, Сталин, Рыков и Томский являются одновременно членами и Политбюро, и Оргбюро ЦК РКП(б). На этом «конституирование ЦК» завершается.

Далее Пленум ЦК рассматривает еще полтора десятка вопросов: предложение Троцкого о контрагитации за границей по поводу анархистов, меньшевиков, эсеров и пр.; информацию Дзержинского о применении амнистии 26 февраля 1919 года к эсерам; сообщение Цюрупы о реорганизации Малого СНК; о составе ВЦИК и созыве его 3-й сессии; о назначении Бухарина редактором «Правды»; об утверждении представителями РКП(б) в Коминтерне Зиновьева, Бухарина, Радека, а кандидатами — Ленина и Троцкого и другие вопросы.

На следующий день, вечером 4 апреля, Ленин уезжает в Горки.

«...Не прозевать второго Кронштадта»

Конец зимы и начало весны 1922 года стали особо тяжкими. Несмотря на помощь государства и благотворительных организаций, голодная смерть уносила десятки и сотни тысяч жизней.

¹ В.И. Ленин Неизвестные документы. С. 527.

Писатель Михаил Андреевич Осоргин, высланный по делу «Помгола» в Казань, рассказывал: «...Бродили по улицам города пришельцы из деревень. Страшные пришельцы из мертвых деревень. И всех страшнее были дети. Их привозили на телегах, а на пункте сортировали на твердых и мягоньких. Из твердых трупиков складывали нечто вроде поленицы, а еще мягких старались оживить до конца...

Американцы имели в Казани несколько столовых детских. Многим они помогали пережить тяжелейшие дни, но никак не мирится русское чувство с американской системой. Они правы, конечно: всем помочь невозможно, нужен выбор. И они помогают — жизнеспособным...

Правильно это и логично, но непонятно нам, чуждо — не умеем мы кормить здорового ребенка за счет синего, умирающего мальчика! Непрактичны мы в вопросах милосердия и... мне вот как-то особенно дорога и мила в русском человеке эта непрактичность. Логики в ней нет, а есть какая-то высшая правда»¹.

Евдокия Павловна Николаевская писала в марте из Оренбурга в Берлин сыну Борису Ивановичу: «Зимою по улицам валялись трупы; да и теперь их где-то есть целые склады. На базаре горы домашней рухляди. Дороги и поезда представляют что-то ужасное. И, собираясь ехать, готовятся к загробной жизни. Недавно... утром на улице видела волка. Они, говорят, стали завсегдатаями города, приманка — трупы».

Цены в том же Оренбурге взлетели до небес: «мука 4.000.000, масло 300.000 фунт, мясо 60.000 фунт, молоко 100.000, рис 150.000 фунт, пшено 130.000 фунт... Визит доктора 100.000, микстура 300.000-400.000...»²

Кризис, о котором говорили на XI съезде, из области пессимистических прогнозов переместился в реальную жизнь и поставил под угрозу все надежды на возрождение России и на тот «гражданский мир», который только-только начинал складываться в стране.

Все будущее Республики зависело теперь от успеха весеннего сева. После этой страшной зимы надо было обеспечить деревню не только семенами, но и подкормить, поставить на ноги миллионы пахарей, чтобы смогли они провести этот спасительный сев.

¹ Всероссийский комитет помощи голодающим. Документы. С. 525.

² Николаевская Е.П. Жизнь не имеет жалости. Письма 1922-1935 гг. сыну Борису Ивановичу Николаевскому из Оренбурга и Москвы в Берлин и Париж. М.: РОССПЭН, 2005. С. 50, 51, 52.

Для засева ярового клина в голодающих губерниях требовалось 33 миллиона пудов семян. Предполагалось, что до 1 апреля 1922 года в Россию будет доставлено 15 миллионов. Остальные Наркомпрод должен был обеспечить за счет тех губерний, где хлеб был. Но для зарубежных закупок валюты хватало лишь на 9 миллионов пудов. Задерживался отпуск денег и для финансирования Американской организации помощи (АРА). И это не говоря уже о систематических задержках выплат гострестам и бюджетникам¹.

Бедствие, обрушившееся на деревню, голод и всеобщая нужда, а рядом с этим безудержное мотовство нэпманов и спекулянтов, гиперинфляция, рост дороговизны и при этом задержка зарплаты рабочим и служащим — все это создавало самую благоприятную почву для антисоветской агитации и протестных движений.

Стачки в Москве, Петрограде и ряде других городов, как это отмечали на XI съезде РКП(б), приобретали хронический характер. И сразу же во многих из них «засветились» нелегалы — меньшевики и эсеры. Усматривать в этой информации козни чекистов, сегодня, после выхода в свет многотомных публикаций документов этих партий, нет уже никаких оснований. И у Ленина было достаточно причин для того, чтобы в этой связи написать Уншлихту: «Как бы... не прозевать второго Кронштадта»².

Активизировались и те группы либеральной интеллигенции, которые прежде составляли основу электората партии кадетов на выборах в Государственные думы, а ныне так и остались вне влияния государственной политики Советской власти. Повсеместно стали стихийно возрождаться и заново возрождаться различного рода экономические, профессиональные, научные, религиозные и т.п. объединения, общественные организации и союзы.

А с конца 1921 года началась «издательская горячка», то есть появление частных издательств, которые росли как грибы. До августа 1922 года было дано разрешение на создание в Москве 337 издательств, а в Петрограде — 83. Стали выходить такие журналы, как «Экономист», «Экономическое возрождение», «Мысль», «Новая Россия», «Голос минувшего», «Утренники», «Летопись Дома литераторов». Вокруг них и стала группироваться новая общественность³.

---

¹ См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 54. С. 6, 154, 155, 167, 550; В.И. Ленин. Биографическая хроника. Т. 12. С. 113, 118, 130, 234, 245.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 54. С. 441.

³ См.: Высылка вместо расстрела. С. 145, 146.

Впрочем, новой ее можно было называть весьма условно. В большинстве своем в прежние годы это были достаточно известные имена и лица, принадлежавшие видным кадетам, эсерам, народным социалистам, меньшевикам или, по крайней мере, симпатизировавшие им.

Возрождать эти партии, а тем более входить в их еще существовавшие нелегальные группы, большинство не стало, хотя какие-то личные связи с ними и эмигрантскими центрами сохранялись. Вот так и сложилась та достаточно пестрая по своим политическим настроениям, формально беспартийная общественность, которая впервые открыто и активно проявила себя при создании «Помгола».

Чекисты отметили, что даже разгром «Помгола» в августе 1921 года не снизил этой активности. Наоборот, в репрессиях «против отдельных деятелей комитета, русская “общественность” получила наглядное доказательство возможности выступать безнаказанно и открыто».

Мало того, по мнению ГПУ, постепенно начинается процесс ее дифференциации. Народные социалисты группируются вокруг издательства «Задруга», кадеты и правые эсеры — вокруг издательства «Берег», меньшевики — вокруг издательства «Книга», а и те, и другие, и третьи — в многочисленных кооперативных организациях. В общем, как выразилась современная исследовательница С.Г. Семенова, — «интеллигенция особенно воспользовалась первыми полутора годами НЭПа, чтобы создать себе хоть какую-то, пусть островную, узкую почву под ногами»¹.

Подобного рода неформальные группы стали возникать и внутри советских учреждений — в Наркомфине, в Наркомземе. О так называемой «Лиге наблюдателей», в которую входили бывшие меньшевики — видные сотрудники ВСНХ, подробно рассказал в своих мемуарах Н. Валентинов. По данным Главлита, из 50 периодических изданий, выходивших при различных наркоматах Советской России, лишь в 16 редакциях преобладали коммунисты, в 13 большинство принадлежало беспартийным, а редакции 21 издания являлись чисто беспартийными².

С точки зрения участия в каких-либо открытых контрреволюционных акциях эта формально беспартийная общественность особой опасности для власти не представляла. Это

---

¹ См.: Высылка вместо расстрела. С. 9, 141, 146.

² Там же. С. 147.

при том, что рамки «разговорного жанра» были раздвинуты достаточно широко.

«Описываемое время, — свидетельствует Н. Валентинов, — наполнено страстным и почти свободным обсуждением социально-экономических проблем. Позднее, начиная с 1929 года, все это исчезает, заменяясь решениями, изготовленными жрецами Кремля и в порядке грозного приказа спускаемыми сверху вниз в головы людей, уже потерявших права рассуждать и обсуждать.

Так не было... Люди тогда остро интересовались экономическими вопросами. За них хватались, о них спорили, о них рассуждали, и не одни коммунисты, а, вместе с ними, параллельно, широчайший слой так называемой “беспартийной интеллигенции”¹.

Это создавало определенные иллюзии относительно того, что критическая направленность подобных обсуждений и выступлений может стать лучшим способом борьбы с бюрократизмом, с тем поганым чиновничеством, которое лишь дискредитирует и партию и Советскую власть. Именно так, в частности, думал и Гавриил Мясников, о котором упоминалось в связи с расстрелом семьи Романовых.

Беспощадная критика, от кого бы она ни исходила, считал он, является лучшим лекарством от всех болячек и безобразий, творящихся в стране. А посему необходимо дать не только полную свободу слова, но и свободу печати всем — от монархистов до анархистов.

То, что всякий кризис в голодной и разоренной войной стране дает богатейшую пищу не только для критики, но и для самых сенсационных разоблачений — это несомненно. Но столь же несомненно и то, что критика эта может иметь разнонаправленные результаты. Она может способствовать устранению всяких мерзостей и ошибок, накопившихся в данной системе. Но она же способна раскачать и разрушить эту систему как таковую. И дело не в дозировке критики, а именно в ее направленности.

Ленин, как может быть никто другой, знал силу печатного слова. И он же доказал, что пресса может стать могучим оружием не только агитации, но и политической организации. Не случайно такие успешные периоды истории большевистской партии, как «Эпоха “Искры”» или «Эпоха “Звезды” и “Правды”», были связаны с деятельностью именно этих органов печати.

---

¹ Валентинов Н. НЭП и кризис партии. С. VII.

5 августа 1921 года Владимир Ильич пишет Мясникову: то, что «болезней у нас много» — это факт. То, что «нужда и бедствия велики» — тоже факт. То, что были допущены громадные ошибки — «наши *общие* ошибки, все ошибались, и *СТО*, и *СНК*, и *ЦК*» — и это факт неоспоримый.

Но столь же очевидно и то, что мы эти ошибки видим и «не прикрашиваем своего положения. Знаем все трудности. Видим *все* болезни. Лечим их систематически, упорно, не впадая в панику».

А вы, как говаривал Грибоедов в «Горе от ума» — «шли в комнату, попали в другую». Применительно к России, — «может ли кто отрицать, что буржуазия разбита, *но не уничтожена?* что она *притаилась?* Нельзя этого отрицать». Нельзя отрицать и того, что ей всегда готова прийти на помощь буржуазия других стран.

А она «сильнее нас и во много раз. Дать ей *еще* такое оружие, как свобода политической организации (= свободу печати, ибо печать есть центр и основа политической организации), значит облегчать дело врагу... Мы самоубийством кончать не желаем и потому этого не сделаем».

Эти, казалось бы — «прописи», имели с началом НЭПа и более конкретное содержание. На состоявшемся в январе 1922 года Всероссийском съезде работников печати, а затем и на XI съезде РКП(б) выяснилось, что из-за недостатка средств число партийных газет в стране сократилось с 863 до 382, а их общий тираж составил лишь 1,5 млн. на всю Россию. Даже тираж центральных газет упал с 300-400 тысяч до 100 тысяч.

Большинство редакций возглавлялось сотрудниками, вступившими в партию после Октября. Мало того, многие из них не только не имели достаточной профессиональной подготовки, но и вели газеты «по совместительству» с другими видами партийной работы. Переход от агитационной стилистики времен Гражданской войны к темам, связанным с экономикой, хозяйственными проблемами, жизнью и бытом рабочих, крестьян, оказался им явно не по зубам. Потому-то и жаловались на партсъезде на «бесцветность», «тоску» и «зеленую скуку» многих органов партийной печати.

Совершенно очевидно, что если бы была дана возможность возродить буржуазную прессу, то она (при «естественной» поддержке зарубежья) вполне могла бы превзойти официальную прессу и в профессиональном, и особенно в материальном отношении. Так что, если в число достоинств полководцев входит умение выбора места и времени сраже-

ния, то ни один из них не стал бы принимать боя на данном поле и в столь невыгодный момент.

Заканчивая письмо Мясникову, Ленин пишет: «То, что вы говорите о поднятии хозяйства..., о борьбе за “влияние” на крестьянство и т.д., содержит в себе *много* верного, много полезного.

Отчего бы вам не *выделить* этого? Мы сойдемся и будем работать дружно в одной партии. Польза будет громадная, *но не сразу, а очень* медленно.

Оживлять Советы, привлекать беспартийных, проверять *беспартийными* работу партийных — вот это абсолютно верно, вот где работы *тьма*... И на этой работе болезнь можно (и должно) лечить, медленно, но действительно *лечить*, а не туманить себе голову “свободой печати”, этим “блестящим” болотным огоньком»¹. К сожалению, Мясников к совету Ленина не прислушался и кончил весьма печально.

Между тем сами лидеры новой общественности своих намерений нисколько не скрывали. Как выразился на заседании Вольно-экономического общества один из учредителей бывшей кадетской партии князь Дмитрий Иванович Шаховской, — «мы так долго молчали, что надо поговорить. Пора линию обороны перестроить на линию наступательную»². И проходившие *весной 1922 года* некоторые профессиональные съезды наглядно продемонстрировали, какова эта «перестройка».

На собравшемся в марте Всероссийском агрономическом съезде тон задали не собственно агрономы, а как раз представители «общественности». И в центре их внимания оказались отнюдь не проблемы предстоящего сева.

Упомянутый выше член бывшего Временного правительства князь Шаховской, бывший член Временного правительства и кадетского ЦК А.А. Мануйлов, бывший министр земледелия Временного правительства, эсер С.Л. Маслов, бывший министр иностранных дел в царском правительстве Н.Н. Покровский, как, впрочем, и такие профессора-аграрники, как эсер Б.Д. Бруцкус и уже упоминавшийся А.Г. Доренко, Л.Н. Литошенко и другие сосредоточили в своих докладах внимание на необходимости создания «правового, демократического государства», замене местных Советов учреждениями земского типа, восстановлении частной собственности на землю и т.п.

¹ См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 79, 80, 81, 82, 83.

² Высылка вместо расстрела. С. 151.

Вообще сам агрономический съезд был нужен им, по выражению Бориса Бруцкуса, лишь как «символ возрождения общности, утверждающей свою свободу»¹. И это говорилось в тот момент, когда обескровленная голодом деревня как никогда нуждалась в помощи именно агрономов и ученых-аграрников.

Примерно то же самое произошло и на 2-м Всероссийском съезде врачей, собравшемся в мае 1922 года. Подобного рода съезды, проводившиеся Пироговским обществом русских врачей-общественников, имели свои традиции. Они и прежде не ограничивались сугубо медицинскими проблемами, а регулярно клеймили «бюрократический строй самодержавия». Эту традицию они продолжили и на съезде 1922 года.

Тон и здесь задавали бывшие кадеты Горвиц-Власова, Лозинский, Дембо, меньшевики Вигдорчик, Грановский, Станкевич, эсер Фрумкин и другие, выступавшие на сей раз «единым фронтом». Профессор Химико-фармацевтического института Любовь Михайловна Горвиц-Власова, заявив, что «социальная функция» интеллигенции — «быть мозгом нации», продолжила: «Будучи слугами народа, врачи не могут быть и не будут его прислужниками тогда, когда на смену угнетения пролетариата колесо истории выдвинуло его официальную диктатуру».

Соответственно, практические предложения, помимо главного — «демократизации государственного строя», сводились к необходимости создания самостоятельной организации врачей, противостоящей государственным учреждениям здравоохранения.

Безусловно, в деловой критике врачей было немало справедливо и в иной обстановке надо было внимательнейшим образом отнестись к их замечаниям. Но съезд происходил критической весной 1922 года и государственная власть вправе была ожидать от медиков не только политических деклараций и осуждений, но и экстренной практической помощи в борьбе с последствиями голода и эпидемиями, бушевавшими на юге страны и в Средней Азии. Да и такие характеристики Советской России, прозвучавшие на съезде, как «страны смерти» и т.п., тоже мало способствовали налаживанию сотрудничества².

В общем, грань между экономическими и политическими выступлениями, между словом и делом, «разговорным жанром» и реальным политическим действием становилась весь-

---

¹ См.: Высылка вместо расстрела. С. 152-155.

² Там же. С. 78-80, 85, 152.

ма зыбкой и условной. И все эти веяния, происходившие в стране, не остались незамеченными там — «за бугром».

Попытку создать платформу, которая могла бы объединить усилия многочисленных и разнородных оппозиционных групп в России, была предпринята в эмиграции группой «Народный союз». В нее входили народные социалисты, правые эсеры, левые кадеты, кооператоры, беспартийные, кучковавшиеся вокруг газеты «Дни», издававшейся Керенским с 1922 года в Берлине. В группу вошли: эсер Николай Чайковский, позднее народные социалисты Алексей Пешехонов, Афанасий Петрищев, Сергей Мельгунов и другие.

Достаточно полное представление об этой платформе дает доклад члена «Народного союза» Николаева, попавший в руки зарубежных агентов ГПУ. «Здоровые ростки живой жизни, — говорилось в докладе, — пробиваются помимо официальной Советской России. Антитеза Ленина: Россия Советская и Эмигрантская — устарела. Есть новая Россия в пределах РСФСР.

Она растет в кооперации, в высшей школе, в литературе, в частной промышленности и торговле, советских учреждениях и органах армии, шаг за шагом отвоевывая у власти одну позицию за другой...

Работа в частной промышленности, торговле, кооперации укрепляет тот базис чисто экономических отношений, который, по существу дела, является противосоветским плацдармом.

Увеличивая хозяйственную мощь и сопротивляемость социальных групп, вовлеченных в экономический оборот, мы расширяем этот плацдарм. Уходит почва из-под ног коммунистической власти. Последняя изолируется, оказывается у себя в доме в капиталистическом окружении...

Советская буржуазия, которая рождается на наших глазах, бывшие комиссары, спекулянты, дельцы, подрядчики, нагретые руки около казенных учреждений — поддерживают советскую власть до поры до времени. Когда они закрепят свое положение — советская буржуазия превратится в силу консервативную...

Необходимо отложить инсurreкционные иллюзии. Это не значит, что инсurreкция [вооруженная борьба, восстание — ВЛ] невозможна ни при каких условиях. Нельзя лишь строить ВСЕ политические расчеты на хроническом повстанчестве или одновременном взрыве. Взрыв не исключается вовсе, но он не должен быть поставлен во главу угла. Главное НЭП...

Последний носит стихийный характер. Мы привносим сюда определенное содержание — нашу идеологию и практические методы, чтобы регулировать этот стихийный поток, направляя его в наших интересах. Приемы борьбы указываются самой жизнью.

Во-первых, поддержка проявлений всякого оппозиционного настроения, стремление влить эти проявления в организационные формы сознательного протеста против существующего политического режима. Необходимо объединить эти отдельные разрозненные протесты хотя бы идеологически, выдвигая и проводя общие лозунги.

Во-вторых, деловая, легальная критика отдельных мероприятий большевистской власти, отсюда подход к дискредитированию общих политических принципов ее. Пути для такой критики — доклады, заседания научных обществ, съезды и конференции, специальная пресса.

В-третьих, захват советского административного аппарата при помощи вытеснения из учреждений коммунистов.

В-четвертых, съездовая кампания (она уже открыта съездами химиков и геологов в Петрограде).

В-пятых, борьба за опорные пункты. Это, в первую очередь: а) кооперация, особенно сельско-хозяйственная; б) высшая школа и в) литература.

а) Кооперация — по отзыву коммунистов, “кооперация есть база антисоветских течений”. Такой же взгляд на кооперацию должны твердо усвоить антибольшевистские силы, не уступая здесь коммунистам ни пяди.

б) Высшая школа — задача — блок между профессурой и студенчеством и вовлечение последнего в сферу активных противосоветских настроений. Почва для этого имеется...

в) Литература — заслуживает большого внимания. Сейчас идет решительный бой на идеологическом фронте. За поражением и отступлением коммунистов на фронте экономическом — последует их крах в борьбе идеологий. Выходящие в последнее время в Москве и Петрограде издания содержат открытую критику большевистского режима. Нет и следа былой монополии коммунистической книги.

В конечном итоге изоляция большевистской власти от широких масс населения, в том числе и от Красной Армии, создаст благоприятную почву для политического переворота¹.

Характерно, что основные идеи этого документа совпадают и с докладом кадета профессора-правоведа В.Б. Эльяшеви-

---

¹ Высылка вместо расстрела. С. 161, 162, 163.

ча, сделанным на эмигрантском Съезде торгово-промышленных деятелей. Ссылаясь на письмо лично знакомого ему профессора из России, Эльяшевич заявил: «Там, внутри Советской территории, также есть не менее подлинная, небольшевистская Россия, идущая своим путем. Она, конечно, принуждена приспособляться к Советскому режиму, но она небольшевистская».

Ростки новой жизни уже вышли наружу, и они задавят большевиков. В связи с этим должна изменяться наша стратегия, наша программа и, может быть, и наша тактика. В России есть антибольшевистская жизнь. Нужно поддержать все ее элементы морально и материально. Нужно поддержать тех лиц и те силы, кто внутри России работает не с большевиками, а против них»¹.

Конечно, те или иные положения этих докладов могли не разделяться всеми участниками заграничной оппозиции. Но главные, объективно существовавшие направления для антисоветской деятельности формировались достаточно грамотно. «Несмотря на отдельные уклонения от истины, — говорилось в препроводительной записке ГПУ, — в общем и целом, факты констатированы правильно».

И столь пространное цитирование данных документов понадобилось для того, чтобы рассматривать те или иные действия Советской власти в их историческом контексте. Иначе они, как полагают некоторые исследователи, носят совершенно «иррациональный» характер, перенося проблему из области политики в сферу психопатологии.

Поскольку во всех приведенных выше случаях «общественники» ставили вопрос о взаимоотношениях с государством, то, видимо, и государству надо было как-то определять свою позицию. И уже в марте 1922 года Ленин сформулировал ее в уже упоминавшейся статье «О значении воинствующего материализма».

Он констатировал два бесспорных факта. Во-первых, немалая часть этих «общественников» состоит у Советской власти на государственной службе и даже получает за это государственные деньги. А во-вторых, они это государство и эту власть не только не приемлют, но и всячески ей противодействуют, нисколько не скрывая своего желания насадить в России западную демократию.

---

¹ Всероссийский комитет помощи голодающим. С. 157.

Посему, дабы избежать от необходимости явного лицемерия, их стоило бы вежливо препроводить в страны этой самой демократии, ибо там им «самое настоящее место»¹.

15 мая 1922 года, в связи с дискуссией на III сессии ВЦИК по проекту Уголовного кодекса РСФСР, предусматривавшего в ряде статей применение расстрела за различные контрреволюционные преступления, Ленин пишет письмо наркому юстиции Д.И. Курскому: «Добавить право замены расстрела высылкой за границу, по решению Президиума ВЦИК (на срок или бессрочно)»².

На следующий день Дмитрий Иванович встречается с Лениным. Дискуссия на сессии ВЦИК показала, что неясно само определение «контрреволюционных выступлений». И 17 мая Владимир Ильич направляет ему черновые варианты этого определения, дабы — без фальши и прикрас — «открыто выставить принципиальное и политически правдивое (а не только юридически-узкое) положение, мотивирующее *суть* и *оправдание* террора, его необходимость, его пределы».

«Контрреволюционные преступления» — это пропаганда или агитация, участие в организациях или содействие организациям и лицам, объективно помогающим той части международной буржуазии, которая стремится к *насильственному свержению* Советской власти путем интервенции, блокады, шпионажа, финансирования прессы и т.п. Эти преступления караются «высшей мерой наказания, с заменой, в случае смягчающих обстоятельств, лишением свободы или высылкой за границу»³.

ВЧК, а затем ГПУ уже давно вели учет тех, кто — по мнению чекистов — относился к категории лиц, так или иначе помогающих противникам Советской власти и являющихся кандидатами на высылку за рубеж. Однако тут возникали свои проблемы. Как, к примеру, отличить необходимую деловую критику от сознательной «дискредитации мероприятий Советской власти», на которую в документе ГПУ указывалось как на признак враждебной деятельности?

Тут открывался широчайший простор для субъективных оценок, а главное — для произвола тех, кого на местах надели властью. На их взгляд и сам Владимир Ильич с такими его фразами в переписке, как «чекистская сволоочь» или «коммунистические мерзавцы», вполне мог попасть в число высы-

¹ См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 33.

² Там же. С. 189.

³ Там же. С. 190, 191.

лаемых. Вот почему, в связи с решением о высылке, Ленин 19 мая пишет Дзержинскому: «Надо это подготовить тщательнее. Без подготовки мы наглумим».

Главное, привлечь к этому делу людей, действительно способных дать объективную оценку. А посему, — «обязать членов Политбюро уделять 2-3 часа в неделю на просмотр ряда изданий и книг, *проверяя* исполнение, *требуя письменных отзывов...* Добавить отзывы ряда литераторов-коммунистов (Стеклова, Ольминского, Скворцова, Бухарина и т.д.)».

Здесь же Владимир Ильич высказывает свое мнение о двух изданиях. В Питере запретили журнал «Новая Россия». — «Не рано ли закрыта? Надо разослать ее членам *Политбюро* и обсудить *внимательнее...* Конечно, *не все* сотрудники этого журнала кандидаты на высылку...». А вот в питерском журнале «Экономист» — «я думаю, *почти все* — законнейшие кандидаты на высылку за границу...»¹

Не померещилась ли Ленину опасность там, где ее совсем не было? Ведь журнал с декабря 1921 года издавался Русским техническим обществом при участии весьма солидных экономистов и предпринимателей.

Но вот что написал один из ведущих сотрудников «Экономиста», известный социолог, профессор Питирим Александрович Сорокин: «Вопреки всем препятствиям, книги [в России] все же выходят и среди них немало антикоммунистических. Если в них не все сказано *expressis ver bis*, то читатель понимает теперь и намеки. Спасает положение только безграмотность цензоров, порой пропускающих действительно вредное для коммунизма».

И там — «за бугром» — это прекрасно понимали. На заседании эмигрантского Комитета Банков в Париже — организации, связанной как раз с зарубежными интервенционистскими кругами, главный секретарь Комитета А.М. Михельсон заявил: «Как новое явление в Совроссии следует отметить появление там экономических журналов серьезного характера. При этом обнаруживается факт, вызывающий в нас чувство морального удовлетворения: сведения и выводы этих журналов во всем совпадают с нашими. Эти выводы во многом идут гораздо дальше и сформулированы они значительно резче»².

22 мая Ленин получает письмо наркома здравоохранения Н.А. Семашко. Он информирует о тех тенденциях и течениях, которые проявились на уже упоминавшемся съезде врачей, и

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 54. С. 265, 266.

² Высылка вместо расстрела. С. 147, 159.

предлагает согласовать с ГПУ те меры, которые в этой связи следует принять.

«Я считаю нужным, — пишет Николай Александрович, — не оставлять членов Политбюро в неведении относительно этих течений, которыми так успешно пользуются кадеты, меньшевики и эсеры, тем более что, насколько мне известно, эти течения широко распространены среди не только врачей, но и спецов других специальностей»¹.

На обороте этого письма Ленин посылает Сталину проект резолюции Политбюро: «Поручается Дзержинскому (ГПУ) при помощи Семашко выработать план мер и доложить Политбюро...» Здесь же пометки о голосовании опросом: «за» — Сталин, Троцкий, Каменев, Рыков, Молотов. И только Михаил Томский пишет: «Воздерживаюсь, ибо вопрос съезда врачей требует иной постановки дела. Во многом виноваты мы самим и в первую голову т. Семашко»².

Томский имел в виду, что настроения врачей во многом объясняются ошибками самого Наркомздрава. Но так или иначе, весной 1922 года стало очевидным, что поезда, как говорится, разошлись на разные пути. В одном, руководствуясь порой самыми благими намерениями, думали — в лучшем случае — о «вечных демократических ценностях» и обретении «духовной свободы», в другом — о «хлебе насущном», о том, где достать деньги для предстоящего сева и спасении голодающих «до нового урожая».

Еще в феврале Ленин неоднократно запрашивал Сокольникова о состоянии золотого фонда. Ответ был самым неутешительным: за 1921 год израсходовали более половины. Оставалось всего 226 миллионов золотых рублей³.

Катастрофичность ситуации не отрицали ученые-экономисты. Даже такой сторонник радикальной финансовой реформы, как Николай Николаевич Кутлер констатировал, что в сложившейся ситуации любые шаги в этом направлении «не только не облегчают тяжелого финансового положения государства, но напротив, усиливают финансовое затруднение... За истощением золотого фонда... Россия осуждена на некоторое время остаться при бумажном денежном обращении».

¹ Высылка вместо расстрела. С. 192.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 54. С. 270; Высылка вместо расстрела. С. 192.

³ См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 54. С. 154, 155, 167; В.И. Ленин. Биографическая хроника. Т. 12. С. 234, 245; Голанд Ю.М. Дискуссии по экономической политике. С. 38.

А время это, по мнению более скептически настроенных специалистов, может продлиться аж до 1929 года¹.

Здесь же, не говоря уже о севе, буквально на носу, в начале апреля 1922 года, Генуэзская конференция, возможность крупных сделок, столь необходимых стране. И было яснее ясного, что без достаточного золотого фонда никто с Россией разговаривать не станет. Таким образом, «без этого фонда, — пишет Ленин, — никакая государственная работа вообще, никакое хозяйственное строительство, в частности, и никакое отстаивание своей позиции, в особенности, немислимы»².

Как известно, в российской истории существовала определенная традиция. Она проявлялась и во времена Ивана Грозного, и при Петре I, и Петре III, и при Екатерине Великой, когда государственная власть, вынуждаемая обстоятельствами, влезала в церковную казну, не останавливаясь ни перед изъятием монастырских земель, ценностей, освященных колоколов, ни даже перед расправой с непокорными священнослужителями. И это не считалось богохульством, ибо благо государства ставилось превыше всего. К подобному способу решения государственных проблем прибегли и в 1922 году. Однако — реакция со стороны руководства РПЦ была иной.

Все упоминавшиеся выше оппозиционные группы и течения в интеллигентской среде **сами по себе** вряд ли представляли для государства серьезную опасность. Она могла возникнуть лишь при их соединении с каким-либо массовым движением, направленным против власти. Именно эту угрозу и создало обращение Патриарха РПЦ к православным верующим России с призывом к протесту.

26 февраля было опубликовано постановление ВЦИК «О порядке изъятия церковных ценностей, находящихся в пользовании групп верующих». В этом постановлении говорилось: «Ввиду неотложной необходимости спешно мобилизовать все ресурсы страны, могущие служить средством борьбы с голодом в Поволжье и для обсеменения его полей, Всероссийский Центральный Исполнительный комитет... постановил:

Предложить местным Советам в месячный срок со дня опубликования сего постановления изъять из церковных имуществ, переданных в пользование групп верующих всех религий по описям и договорам, все драгоценные предметы из золота, серебра и камней... и передать в органы Наркомфина, со

¹ См.: Денежная реформа 1921-1924 гг. С. 18, 112, 115, 239, 243.

² В.И. Ленин. Неизвестные документы. С. 517.

специальным назначением в фонд Центральной комиссии помощи голодающим».

В постановлении ВЦИК специально оговаривалось, что *изъятию не подлежат* те предметы, которые могут «существенно затронуть интересы самого культа».

Поначалу, как показывают современные исследования, изъятие церковных ценностей происходило «весьма спокойно. Местные власти не торопили церковные организации к скорейшей и полной передаче церковных ценностей государству, нередко предоставив выполнение этих мер самим приходским комитетам по оказанию помощи голодающим»¹.

В Москве и Московской губернии, как и в других местах, к этой акции приступили лишь в середине марта. Причем было немало случаев, когда сами священники «тихоновской ориентации» выступали на митингах и собраниях с призывом к активной поддержке постановления ВЦИК².

В Петрограде 5 марта президиум губисполкома предоставил духовенству возможность «самим производить изъятие, участвовать в запечатывании, установлении точного веса ценностей в губфинотделе и даже сопровождать церковные ценности до места назначения, пока они не превратятся в хлеб»³.

В небольшом городке Шуя, в 250 верстах от Москвы, это мероприятие вроде бы тоже началось мирно. 13 марта, после изъятия ценностей в трех церквях, комиссия явилась в собор, но встретив возбужденную толпу прихожан, убралась восвояси. 14-го благополучно провели изъятие ценностей в местной синагоге, а 15-го вновь пришли к собору. Но тут, на площади, комиссию опять ждала еще более возбужденная толпа.

Подъехавшие шесть конных милиционеров были встречены камнями и палками, а когда на подмогу прибыла полурота пехотного полка с двумя пулеметами, на колокольне ударили в набат, и разъяренная толпа стала окружать красноармейцев. Командир приказал дать залп в воздух, но это не остановило возбужденных людей, в ответ из толпы раздались револьверные выстрелы. Тогда красноармейцы дали второй залп, и толпа бросилась врассыпную, оставив на площади 4 убитых и 10 раненых. В тот же вечер представители верующих сдали 3,5 пуда серебра из ценностей собора⁴.

¹ Алексеев В.А. Иллюзии и догмы. С. 203.

² Там же. С. 205.

³ Шкаровский М.В. Обновленческое движение в русской православной церкви XX века. С. 15.

⁴ См.: В.И. Ленин. Неизвестные документы. С. 519, 520.

Аналогичные протестные выступления, хотя и без таких жертв, имели место в Петрограде у Казанского собора и на Сенной площади, в Москве у Дорогомиловской заставы и в Сокольниках, в Орехово-Зуевском уезде, в Смоленске и некоторых других местах.

Поворот, произошедший в середине марта, не стал для руководителей государства и местных советских властей неожиданностью. 15 марта Патриарх Тихон дал интервью газете «Известия». Он заявил о том, что церковь с пониманием относится к постановлению ВЦИК и просит лишь о том, чтобы власти, не предпринимая разрушений, бережно отнеслись к выдающимся с исторической и художественной точки зрения богослужебным предметам¹. И ни слова, даже намек, на возможность сопротивления.

Но и властям, и церковнослужителям Москвы, Петрограда, Смоленска и той же Шуи был хорошо известен и другой документ, написанный не без влияния архиепископа Никандра: воззвание Патриарха к духовенству и всем верующим, разосланный за две недели до этого — 28 февраля 1922 года².

В нем говорилось, что «мы не можем одобрить изъятие из храмов, хотя бы и через добровольное пожертвование, освященных предметов, употребление коих не для богослужебных целей воспрещается канонами Вселенской церкви и карается ею, как святотатство, мирян — отлучением от нее, священнослужителей — низвержением из сана»³.

Митрополит Введенский — по духу документа — назвал его декретом: «Декрет передается благочинным. Благочинные рассылают его настоятелям. Настоятели оглашают народу. Для религиозного, вернее сказать, для религиозно-суеверного человека декрет этот ужасен. Ведь он кончается угрозой отлучения от церкви, анафемой. Это предел возможной, мыслимой церковной кары.

Поэтому декрет на церковную толпу производит, конечно, ужасающее впечатление. Не надо отдавать. Является жажда мученичества. Надо пострадать за церковь, за Христа, за золотые и серебряные чаши!.. Духовные и мирские агитаторы весьма ловко подогревали это настроение. И, по призыву настоятеля, епископа, приходского совета, а иногда случайного человека,

¹ Алексеев В.А. Иллюзии и догмы. С. 203.

² Лавров В.М., Лобанов В.В., Лобанова И.В., Мазырин А.В. Иерархия Русской Православной Церкви, патриаршество и государство в революционную эпоху. М., 2008. С. 196.

³ Алексеев В.А. Иллюзии и догмы. С. 201, 202.

экзальтированной женщины, собирается толпа, мешает представителям Советской власти в их работе, буйствует, бесчинствует, избивает, ломает черепа. Ломает черепа во имя Христа... И случилась реакция. Ломая черепа Советской власти, тихоновская церковь переломила свою шею»¹.

Между тем, обстановка — и без того напряженная — осложнилась тревожными сведениями, полученными из-за рубежа. 5 марта в ГПУ пришло донесение, в котором сообщалось: «Штаб Врангеля ведет лихорадочную работу по подготовке новой авантюры». Планируется новая высадка белых в Крыму, с расчетом на то, что к десанту присоединятся около 4 тысяч бывших белых офицеров и солдат, скрывавшихся в горах полуострова. Для переправки десанта предназначались пароходы «Дон», «Рион» и «Саратов», которые должны были прибыть из Бизерты к сербскому и болгарскому побережью. Другой агент ГПУ доносил, что одновременно ведутся переговоры о вторжении с Петлюрой и остатками украинской армии, находившимися в Польше².

Судя по тем данным, которые имеются у современных исследователей о состоянии армии Врангеля, о функционировании его штаба, сведения эти вызывают самые серьезные сомнения. Но тогда, весной 1922 года, ГПУ такими документами не располагало. А «береженого Бог бережет»: советские войска в районах возможного вторжения на Юге и Западе были приведены в состояние полной боеготовности³. Так что момент для призывов к массовым протестным действиям был выбран Патриархом совсем не удачно.

16 марта, получив информацию о событиях в Шуе, Политбюро ЦК РКП(б) принимает решение: «Опросив товарищей, имевших отношение к делу изъятия ценностей из церквей, Политбюро пришло к заключению, что дело организации изъятия церковных ценностей еще не подготовлено и требует отсрочки по крайней мере в некоторых местах»⁴.

17 марта Троцкий рассылает членам Политбюро проект новых директив. Основная мысль: использовать для изъятия ценностей тот неформальный раскол, который происходит

---

¹ Введенский АИ. Церковь и государство. Очерк взаимоотношений церкви и государства в России. 1918-1922. М., 1923. С. 246.

² См.: Русская военная эмиграция 20-х — 40-х годов. Документы и материалы. М., 1998. С. 207, 208.

³ См.: Карпенков С.В. Очерки истории белого движения на Юге России. М., 2012. С. 351.

⁴ В.И. Ленин. Неизвестные документы. С. 522.

между духовенством, лояльным по отношению к Советской власти, и так называемыми «князьями церкви».

«Разумеется, — пишет он, — наша агитация и агитация лояльных священников ни в коем случае не должны сливаться, но в нашей агитации мы ссылаемся на то, что значительная часть духовенства открыла борьбу против преступного скаредного отношения к ценностям со стороны бесчеловечных и жадных “князей церкви”».

Для этого необходимо «обеспечить полное осведомление обо всем, что происходит в разных группировках духовенства, верующих и пр.», а также взять «под защиту государственной власти тех священников, которые открыто выступают в пользу изъятия... К учету изъятых церковных ценностей при помголах допустить в губерниях и в центре представителей лояльного духовенства, широко оповестив о том, что население будет иметь полную возможность следить за тем, чтобы ни одна крупница церковного достояния не получила другого назначения, кроме помощи голодающим».

Главная задача состоит в том, чтобы «агитации придать характер, чуждый всякой борьбы с религией и церковью, а целиком направленный на помощь голодающим». Повсеместно должны функционировать «официальные комиссии или столы при комитетах помощи голодающим для формальной приемки ценностей, переговоров с группами верующих и пр. Строго соблюдать, чтобы национальный состав этих официальных комиссий не давал повода для шовинистической агитации».

Одновременно необходимо создать на местах секретные комиссии из числа руководителей губкомов, военных и других должностных лиц, которые вместе с Центральной комиссией должны будут, предварительно «тщательно подготовив все в деталях», руководить всем процессом изъятия ценностей, «ни в коем случае не форсируя слишком кампанию и не прибегая к применению силы, пока политически и организационно вся операция не обеспечена целиком».

«Видных попов по возможности не трогать до конца кампании, но негласно, но официально (под расписку через губполитотделы) предупредить их, что в случае каких-либо эксцессов они отвечают первыми»¹.

Ознакомившись с этим документом, Ленин 19 марта направляет членам Политбюро письмо — то самое «знаменитое» письмо, без которого и поныне не обходится ни одно из творений «лениноедов», обвиняющих Владимира Ильича

---

¹ См.: В.И. Ленин. Неизвестные документы. С. 520, 521, 522.

в стремлении разгромить Русскую православную церковь как таковую и физически ликвидировать духовенство в целом как сословие.

Но это заведомая неправда. Не затрагивая, в отличие от Троцкого, внутрицерковные разборки, Ленин пишет не об отношении к религии или церкви вообще, а лишь о «**реакционном духовенстве**», т.е. той малой **части** священнослужителей, которая, в отличие от прочих пастырей, изначально активно противостояла Советской власти.

И он рассматривает их не как служителей культа, а исключительно как политических деятелей, которые уже после окончания Гражданской войны попытались *дестабилизировать* обстановку в стране и вновь «испытать политику насильственного сопротивления советскому декрету». Для Ленина был важен прежде всего именно этот контекст событий, произошедших в Шуе и других местах¹.

В голодной стране, где большинство населения считало себя верующими, при том количестве неурядиц и безобразий, которые действительно имели место, призыв Патриарха к религиозному протесту вполне мог стать объединяющим моментом для всех недовольных и полностью дестабилизировать обстановку в стране.

А тогда прощай не только спасительный сев, но и та попытка устроения гражданского мира, который после стольких мучений выстрадала Россия. Один из знакомых Екатерины Кусковой именно в это время заметил: «Религиозный пафос верующих так же насыщен враждой и ненавистью, как пафос марксистский... Война еще в душах... Все ею отравлено»².

Короче, это был конфликт не между религией и «богоборческой властью», а между двумя политическими силами — государством и церковными иерархами, способными поднять против него массу. Причем в то самое историческое время, которое справедливо называют «моментом истины».

Поэтому, пишет Ленин, — «именно теперь и только теперь, когда в голодных местностях едят людей, и на дорогах валяются сотни, если не тысячи трупов, мы можем (и поэтому должны) провести изъятие церковных ценностей с самой бешеной и беспощадной энергией и не останавливаясь перед подавлением какого угодно сопротивления...

Ибо никакой иной момент, кроме отчаянного голода, не даст нам такого настроения широких крестьянских масс,

---

¹ См.: В.И. Ленин. Неизвестные документы. С. 517.

² Всероссийский комитет помощи голодающим. С. 461.

который бы либо обеспечивал нам сочувствие этой массы, либо, по крайней мере, обеспечил бы нам нейтралитет этих масс...»¹

Речь шла не об экспроприации имущества сельских приходов или тех городских церквей, которые сами едва сводили концы с концами и оставались в стороне от политических игр. Ленин дважды указал в письме, что изъятию подлежат прежде всего ценности «в наиболее богатых лаврах, монастырях и церквях»².

Что же касается «шуйских мятежников» и других «самых влиятельных и опасных черносотенцев... не только этого города, а и Москвы и нескольких других духовных центров», — пишет Ленин, то — *не трогая самого Патриарха Тихона* — их следует арестовать, судить и расстрелять, дабы «проучить эту публику так, чтобы на несколько десятков лет ни о каком сопротивлении они не смели и думать»³.

На следующий день, 20 марта, на заседании Политбюро, проходившем без участия Ленина, обсуждалась докладная записка ГПУ. Если в ленинском письме ставился вопрос о наказании «мятежников», выступивших против решения государственной власти, то записка ГПУ продолжала «углублять» мысль Троцкого, излагавшуюся в проекте директив 17 марта.

«ГПУ располагает сведениями, — говорилось в докладной записке, — что некоторые местные архиереи стоят в оппозиции реакционной группе синода, и что они в силу канонических правил и других причин не могут резко выступить против своих верхов.

Поэтому они полагают, что с арестом членов синода им представляется возможность устроить церковный собор, на котором они могут избрать на патриарший престол и в синод лиц, настроенных более лояльно к Советской власти. Оснований для ареста Тихона и самых реакционных членов синода у ГПУ и его местных органов имеется достаточно»⁴. И хотя ГПУ ссылалось на то, что эта идея исходит из недр самой РПЦ, Политбюро санкции на столь радикальные меры не дало. 20 марта ограничились тем, что с некоторыми поправками приняли проект директив, изложенных Троцким 17 марта⁵.

¹ В.И. Ленин. Известные документы. С. 516, 517.

² Там же. С. 518, 519.

³ Там же. С. 518, 519.

⁴ Шкаровский М.В. Обновленческое движение в русской православной церкви XX века. С. 14.

⁵ См.: В.И. Ленин. Известные документы. С. 520.

Буквально через несколько дней, 24 марта, «Петроградская группа прогрессивного духовенства» выступила с декларацией, авторы которой «решительно отмежевались от части священнослужителей, укоряли их в контрреволюционности, игре в политику на народном голоде. Но в этом воззвании отмечалось, что “в принципе на это благословили нас и патриарх Тихон, и митрополит Вениамин, и другие архиереи”». После этого представители «обновленцев» встретились с руководителями губкома партии, а А. Введенский и А. Боярский вошли в состав Петропомгола¹.

Пасху в апреле отметили в городах и тех местах, куда не добрался голод, с небывалым размахом. Во всех церквях звонили колокола, святили куличи, красили яйца и где была возможность — повсюду ходили крестным ходом. А «богоборческая» власть приняла решение: накануне Пасхи, 14 апреля, на всех предприятиях и в учреждениях рабочий день заканчивался в 12 часов, а возобновлялся лишь 18 апреля.

Забегая вперед, отметим, что все предшествовавшие события еще более укрепили Троцкого в мысли о правильности намеченной им линии. И еще 30 марта он вновь обращается в Политбюро с письмом, в котором полностью поддерживает меры, предложенные ГПУ.

Нисколько не скрывая своего неприятия по отношению к «обновленцам» как к представителям «буржуазно-соглашательского, сменовеховского крыла» служителей культа и их попыткам проведения церковной реформации, Троцкий пишет: «Сегодня же надо повалить контрреволюционную часть церковников, в руках коих фактическое управление церковью...

Мы должны, во-первых, заставить сменовеховских попов целиком и открыто связать свою судьбу с вопросом об изъятии ценностей; во-вторых, заставить довести их эту кампанию внутри церкви до полного организационного разрыва с черносотенной иерархией, до собственного нового собора и новых выборов иерархии... Просто перескочить через буржуазную реформацию церкви не удастся. Надо, стало быть, превратить ее в выкидыш...»²

А дальше... дальше машина покатила по проложенным рельсам. 26 апреля в Москве открылся первый судебный процесс над священнослужителями. 7 мая трибунал приговорил

---

¹ См.: *Шкаровский М.В.* Обновленческое движение в русской православной церкви XX века. С. 16.

² Там же. С. 14.

11 человек к расстрелу, 4-х к пяти годам, 13 к трем годам, 10 — к одному году и 14 человек было освобождено¹.

На следующий день Каменев внес в Политбюро предложение об отмене приговора. Однако Троцкий заявил, что оснований для этого нет. И все-таки Президиум ВЦИК заменил шести осужденным расстрел на пятилетний срок заключения. Мотивировка: «пойти максимально навстречу ходатайству *прогрессивного духовенства*»².

В ходе процесса был допрошен и Патриарх Тихон, с которого 9 мая взяли подписку о невыезде. А 12-го к нему на аудиенцию, получив санкцию ГПУ, явились представители «Петроградской группы прогрессивного духовенства»: А.И. Введенский, Е.Х. Белков, С.Я. Стадник и В.Д. Красницкий.

С заявлением от их имени выступил Красницкий: «Указав на только что закончившийся процесс московского Губревтрибунала, коим по делу о сопротивлении изъятию ценностей вынесено одиннадцать смертных приговоров, наша группа моральную ответственность за эту кровь возлагает на Патриарха Тихона, распространившего по церквам свое послание — прокламацию от 28-го февраля».

Группа считала, что именно это послание привело «к сокрытию в потайных местах церковного имущества, к набатным звонам и к организации мирян в целях сопротивления Советской власти». Иными словами, «послание на местах явилось сигналом для новой вспышки руководимой церковной иерархией *гражданской войны церкви против Советской власти*».

Обвинив Патриарха в «вовлечении церкви в контрреволюционную политику», в «превращении церкви в политическую организацию, прикрывавшую своей ризой и впитавшую в свои приходские советы те безответственные элементы, кои хотят именем церкви и под знаменем церкви свергнуть Советскую власть», представители группы попросили Патриарха собрать Поместный Собор, а до этого — устраниваться от управления церковью.

Комментируя итоги этого визита, митрополит Введенский писал: «Патриарх Тихон должен был уйти для спасения церкви. Иначе погибла бы церковь. Здоровый церковный инстинкт, правильное понимание существа дела... все это заставило прогрессивное духовенство иметь нравственное мужество сказать Патриарху в лицо слово правды.

¹ См.: «Правда», № 101, 1922, 9 мая.

² См.: В.И. Ленин. Неизвестные документы. С. 522, 523.

Патриарх эту правду понял, принял и ушел¹.

Трудно сказать, насколько точно Введенский передал сказанное, но после этой встречи Патриарх Тихон действительно временно передал свои обязанности митрополиту ярославскому Агафангелу. Тот, однако, отказался присоединиться к «обновленцам». Тогда 15 мая они явились на прием к Калинин, который заявил, что правительство «принимает к сведению заявление Патриарха о его временном самоустранении».

А 16 мая «обновленцы» информировали ВЦИК о создании Высшего Церковного Управления. 18-го они вновь пришли к Патриарху, дабы благословил он открытие канцелярии по ведению текущих дел. Во главе канцелярии была поставлен епископ Леонид (Скабеев). 19-го Патриарх переехал в Донской монастырь, а в Троицкое подворье, где он жил до этого, тут же вселилось Высшее Церковное Управление. Все это, пишет М.В. Шкаровский, — «придавало некоторую видимость законности ВЦУ. Таким образом, церковные реформаторы, казалось бы, пришли к власти...», назвав этот переворот «церковной революцией»².

Из книги в книгу кочует утверждение, что в ходе изъятия церковных ценностей погибли и были расстреляны около 10 тысяч человек. Откуда взялись эти данные?

Современный исследователь Георгий Хмуркин, автор книги «Ленин: взгляд сквозь призму метаистории» (М., 2015) полагает, что источником этой цифры является работа находившегося в эмиграции в США протопресвитера Михаила Польского — «Новые мученики российские. Первое собрание материалов», изданная в Нью-Йорке в 1949 году.

Это он указал, что при изъятии ценностей погибло, было расстреляно 8.100 человек. Откуда взялась эта цифра, какими источниками, кроме воспоминаний эмигрантов, он пользовался, М. Польский не сообщает.

Г.Г. Хмуркин проделал огромную работу, изучив 35 диссертаций, освещавших данную проблему в самых различных регионах страны. Причем отдельным епархиям было посвящено по несколько диссертаций, защищенных уже в начале нашего XXI столетия. Так что более репрезентативного исследования пока не существует.

---

¹ См.: *Введенский АИ.* Церковь и государство. С. 248, 249; *Лавров В.М., Лобанов В.В., Лобанова И.В., Мазырин А.В.* Иерархия Русской Православной Церкви... С. 171, 192.

² См.: *Шкаровский М.В.* Обновленческое движение в русской православной церкви XX века. С. 18.

И что же?

В Москве судили и расстреляли 5 человек (4 священника и 1 мирянин), в Петрограде и губернии — 4, в Шуе — 3 (2 священника, 1 мирянин), в Смоленске — 5 (1 священник, 4 мирянина). К высшей мере наказания приговорили: в Новочеркасске — 5, в Новгородской епархии — 3 (2 священника, 1 мирянин), в Пензенской — 2, в Томске — 7, в Иркутской и Читинской областях — 2, в Ставрополье — 1.

И хотя часть этих приговоров не была приведена в исполнение, общая цифра не достигает и 40 человек. Конечно, и это ужасно, но одно очевидно: рассказы о «десяти тысячах невинно убиенных» являются не более чем идеологическим мифом.

Многие действительно полагали тогда, что проблема взаимоотношений с церковью в основном решена. Ленин, однако, не питал на сей счет никаких иллюзий. И когда в Наркомюсте стали поговаривать о том, что теперь «церковный отдел» можно ликвидировать, ибо дело сделано, Владимир Ильич ответил: что касается отделения церкви от государства, то может оно и так. Но вот относительно отделения людей от религии, все обстоит совсем не так¹.

Впрочем, следует особо отметить, что с последней декады марта 1922 года Ленин прямого участия в церковных делах уже не принимал. 27 марта открывался XI съезд РКП(б) и ему надо было сосредоточиться на завершении подготовки отчетного доклада и других документов съезда.

Лишь 12 апреля он принял участие в голосовании членов Политбюро о включении епископа Антонина в ЦК Помгола для непосредственного участия в работе по реализации церковных ценностей для помощи голодающим².

Всего в результате их изъятия было получено 33 пуда золота, 24 тысячи пудов серебра, 14 пудов жемчуга и десятки тысяч драгоценных камней — гораздо меньше, чем предполагали. Еще меньше удалось реализовать, ибо спрос на золото и драгоценности на Западе в связи с кризисом резко упал. Но и то, что получили, было благом³.

Весна 1922 года, помимо так называемой «церковной революции», вписала в историю России и совершенно иную стра-

¹ См.: Воспоминания о В.И. Ленине. Изд. 2-е. Т. 4. М., 1979. С. 146.

² См.: В.И. Ленин. Биографическая хроника. Т. 12. С. 282.

³ См.: История СССР. М.: «Наука». Т. 8., 1967. С. 61.

ницу, которую современники справедливо назвали «Великим севом».

К середине мая только в Поволжье завезли 25 миллионов пудов семенного зерна: 105% задания. Елизавета Драбкина пишет, что немало было людей, убежденных в том, что уж они-то знают свой народ, которые уверяли, что «не меньше третьей его части, а то половину крестьяне съедят: “Это неизбежно, инстинкт жизни заставит”. Эти люди не знали русского крестьянина, его чувства к земле: человек может умереть, но земля должна быть засеяна, в ней — жизнь...»

Та же деревня не услышала призыва Патриарха подняться против «миродержателей тьмы». Произошло чудо: «лежавшая пластом деревня собрала остаток своих сил и поднялась, готовая к новой схватке со смертью».

Елизавета Драбкина, побывавшая в наиболее пострадавших от голода районах, рассказывает: «На пункты раздачи семян потянулись не люди, а тени с мешками за спиной... Семья тащила на себе. Пахали на себе, впрягаясь в соху по десять человек. Падали, лежали на земле, поднимались, снова пахали. Если не могли тянуть соху, ковырял землю лопатами. Ели курай, помет, падаль, но высеяли все семена до последнего зернышка...

Весна в тот год выдалась не ранняя и не поздняя. Перед самым севом прошли обильные дожди. Зерно ложилось во влажную пашню. Быстро зазеленели густые всходы. К концу мая выколосилась яровая рожь. Пшеница пошла в трубку. Все обещало хороший урожай. И те, кто буквально кровью своей засеяли эти поля, мечтали теперь об одном: дожить до нового хлеба!»¹.

Несостоявшийся отпуск

Ленин полагал, что его пребывание в Горках будет временным, ибо ни о каком отдыхе там не могло быть и речи. Деловая нагрузка оставалась той же, что и в Москве, прибавлялось лишь время на довольно изнурительную дорогу. Но и возвращаться в Корзинкино, откуда он уехал накануне съезда, Владимир Ильич не собирался.

На этом, в частности, настаивал Дзержинский. «Мне кажется, — написал он, — стоит Вам из Корзинкино уехать, и я думаю, что можно сейчас вернуться в Горки, хотя не произведе-

---

¹ Драбкина Е.Я. Зимний перевал. С. 151, 152.

ны еще работы. Я опасаясь Вашего пребывания сейчас в Корзинкино, так как враги наши об этом знают...»¹

Дабы не превращать Горки в проходной двор, ГПУ решило выселить оттуда находившийся по соседству санатории МК РКП(б). Однако, узнав об этом, 4 апреля Ленин выступил против, ибо он уже твердо решил сменить место пребывания. Вероятно, еще 31 марта он встретился с немецкими врачами О. Фёрстером и Г. Клемперером, которые, осмотрев Владимира Ильича и выписав ему снотворное (веронал) и сосудорасширяющее (сомнацетин), посоветовали уехать куда-нибудь в горы².

6 апреля Ленин приезжает в Москву на очередное заседание Политбюро, а вечером встречается с Орджоникидзе и обсуждает с ним вопрос о возможности найти на Кавказе подходящее место для лечения и отдыха. О содержании их беседы говорит письмо Владимира Ильича Георгию Константиновичу от 7 апреля.

«Чтобы испробовать лечение всерьез, — пишет Ленин, — надо сделать отдых отдыхом... Признаться должен откровенно, что недоверия к “окраинам” у меня чрезвычайно много... Я прямо-таки ожидаю, что выйдет какой-нибудь “анекдот” вместо всякого лечения. Даже здесь под Москвой мне случилось видеть, как после кучи обещаний получались “анекдоты”, для исправления коих оставалось одно: уехать из означенного места назад в Москву... А из-под Тифлиса или из-под Новороссийска “назад в Москву” не уедешь. Боюсь я, признаться, дальней поездки: не вышло бы утомления, ерунды и сутолоки да склоки вместо лечения нервов»³.

В тот же день он обговорил вопрос о поездке с членом коллегии ГПУ А.Я. Беленьким, отвечавшим за охрану Ленина. Сошлись на том, что при выборе места необходимыми условиями являются: наличие телеграфа и радио, шифровальщики, охрана, возможность получения книг, документов Политбюро, СНК, Госплана, газет по экономике и т.д.⁴

Во время очередного визита в Горки профессора Гетье решили посоветоваться и с ним. Оказалось, что Федор Александрович прекрасно знал кавказские курорты. Крупные курорты Ленин отвергал: «Ну где в Эссентуках у нас хорошее лечение? Явный вздор! Будет хаос, бестолочь, неустройство, усталость, а не лечение, дерганье нервов, обращение местных работни-

¹ В.И. Ленин. Неизвестные документы... С. 531.

² См.: В.И. Ленин. Неизвестные документы. С. 530; Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 54. С. 220.

³ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 54. С. 229, 230.

⁴ См.: В.И. Ленин. Неизвестные документы. С. 530.

ков». Перебрали Нальчик, Кисловодск, Боржом, Абастуман, Бакурьяны, Красную Поляну. Выяснилось, что из-за базедовой болезни Крупской морское побережье исключается, нежелательна и высота более тысячи метров¹.

17 апреля Ленин пишет Орджоникидзе: «Посылаю Вам еще несколько маленьких справок. Они сообщены мне доктором, который сам был на месте и заслуживает полного доверия: Абастуман совсем-де не годится, ибо похож на “гроб”... Прогулок нет, иначе как лазить, а лазить Надежде Константиновне никак нельзя. Боржом очень годится, ибо есть прогулки по ровному месту... Наш доктор предупреждает против ранней поездки, де будут холода и дожди сугубо до половины июня. На этот последний счет я не так боюсь, если дом не протекает и отапливается...»²

Хлопоты по поводу предстоящего отдыха никак не отразились на распорядке дня Владимира Ильича, и все, как и прежде шло своим чередом: заседания, совещания, встречи и беседы, переписка и т.д. и т.п. А с 10 апреля одним из главных вопросов становится Генуя.

О том, какую роль Ленин сыграл в подготовке советской делегации к этой международной конференции рассказывалось выше. С ее началом, поскольку связь была установлена надежная, сводки о всем, что там происходило, начинают поступать в Москву практически ежедневно.

Открыли конференцию 10-го в генуэзском дворце в Сан-Джорджо в 3 часа пополудни. На ней были представлены 29 европейских стран. В состав российской делегации по предварительной договоренности вошли представители Украины, Белоруссии, ЗСФСР и ДВР. И в тот же день, после выступлений премьер-министра Италии Факты, Ллойд Джорджа (Англия), Барту (Франция), Вирта (Германия), слово предоставили Чичерину.

Незадолго до этого, на одном из приемов, Георгий Васильевич появился в мешковато сидевшей на нем форме командарма Красной армии, в буденовке с красной звездой. И тем, кто не знал его, могло показаться, что и на конференции они могут столкнуться с каким-то красным солдафоном.

Каково же было их изумление, когда на трибуну вышел человек в безукоризненно сшитом фраке, который начал свою речь на русском языке, но, заметив неточность перевода, продолжил на французском (языке дипломатии того времени), а

¹ См.: В.И. Ленин. Неизвестные документы. С. 442, 532.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 54. С. 241, 242.

когда стало очевидным, что Ллойд Джордж французского не понимает, свободно перешел на безупречный английский.

«...Российская делегация, — сказал Чичерин, — признает, что в нынешнюю историческую эпоху, делающую возможным параллельное существование старого и нарождающегося нового социального строя, экономическое сотрудничество между государствами, представляющими эти две системы собственности, является повелительно необходимым для всеобщего экономического восстановления».

Ради этого Россия не только открыта для переговоров, но готова предоставить в концессии свои богатейшие ресурсы — угольные, рудные, лесные, пространства для сельскохозяйственных угодий. Но любые попытки восстановления экономии, заявил Чичерин, тщетны, пока над Европой будет висеть опасность новой войны. Поэтому Россия одновременно предлагает начать всеобщее сокращение вооружений, запретить ядовитые газы и другие варварские формы войны¹.

С протестом против сокращения вооружений тут же очень нервно выступил Барту, ссылаясь на то, что вопрос этот не включен в повестку дня данного форума. Но его речь лишь скомпрометировала «союзников». И центр тяжести дальнейших переговоров они переносят в комиссии и кулуары конференции.

На следующий день на заседании политкомиссии Ллойд Джордж и Барту выставили на обсуждение совместный доклад экспертов. От советского правительства требовали признания финансовых обязательств всех своих предшественников, проведения реституции (возврата) национализированной собственности иностранцев, возмещения прочих убытков, причиненных им, создания для этого в России третейских судов, а также прекращения коммунистической пропаганды за рубежом. Советская делегация потребовала двухдневного перерыва.

14 апреля было опубликовано интервью Ленина американской газете «Нью-Йорк Геральд». «Россия хорошо знает, — сказал Владимир Ильич, — что она может ожидать от буржуазных государств... Однако глубоко ошибаются те, которые собираются предложить русской делегации в Женеве унижительные условия. Россия не позволит обращаться с собой, как с побежденной страной»².

¹ См.: История дипломатия. Т. 3. М.-Л., 1945. С. 170.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 160.

Это была директива. И когда 14 апреля состоялось частное совещание с английской, французской, итальянской и бельгийской делегациями в английской резиденции на вилле Альбертис, Чичерин решительно заявил, что предложения экспертов абсолютно неприемлемы. А утром 15-го советская делегация заявила о контрпретензиях России.

Вопрос этот стали готовить задолго до Генуи. Еще в марте 1920 года для этого СТО была создана специальная комиссия. Группа специалистов тщательно подсчитала тот ущерб, который был нанесен России интервенцией и блокадой стран Антанты. Помимо потерь каждой отрасли народного хозяйства — от угольной, нефтяной промышленности вплоть до птицеводства — в этот реестр включили и стоимость вывезенного интервентами на Севере и Юге имущества, вплоть до железнодорожных рельс, болтов и гаек.

Финансовые претензии западных стран к России, составляли 18 миллиардов золотых рублей, хотя действительная сумма долгов царского и Временного правительств лишь немного превышала 12 миллиардов. А вот сумма российских контрпретензий намного превышала 30 миллиардов¹.

Это заявление произвело на «союзников» ошеломляющее впечатление. Ллойд Джордж ответил категорически, что дальнейшее обсуждение «русского вопроса» бессмысленно и конференция таким образом «распадается». И тогда советская делегация пошла на решительный шаг: ночью 15 апреля Чичерин позвонил руководителю немецкой делегации Вирту и предложил немедленно встретиться.

Еще в ноябре 1921 года Ленин писал о возможности заключения самостоятельного договора России с Германией («без Англии») и предложил продумать *проект* такого документа. Но тогда, в переговорах с Красиным, опасаясь гнева «союзников», немцы слишком осторожничали².

Теперь ситуация была иной. Переговоры России на вилле Альбертис повергли их в глубочайшее уныние. Они были убеждены, что там заключается некое соглашение за счет Германии. И Вирт согласился на эту ночную встречу с Чичериным.

К 3 часам утра 16 апреля в немецкой резиденции в местечке Рапалло был подписан так называемый Рапальский договор. Обе стороны отказывались от взаимных долгов, от реституции национализированного имущества немецких граждан, возобновляли в полном объеме дипломатические отноше-

---

¹ См.: История дипломатия. Т. 3. С. 174.

² См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 54. С. 41.

ния и устанавливали режим взаимного благоприствования в торговле.

Это событие произвело эффект разорвавшейся бомбы. Две страны, которым здесь, в Генуе, предназначалась роль чуть ли не изгоев, вырвались из уготованного им гетто. И хотя сами немцы поначалу испугались содеянного, а Англия и Франция объявили договор недействительным, дело было сделано. Прецедент был создан. И, как написал Ленин в проекте резолюции ВЦИК, Советская Россия отныне «признает нормальным для отношений РСФСР к капиталистическим государствам *лишь* такого типа договоры»¹.

Твердая позиция, широкий резонанс, который вызвали предложения советской делегации, поколебали и «союзников». Ллойд Джордж заявил, что общественное мнение Запада признает, что внутреннее устройство России является делом самих русских, что Запад готов несколько уменьшить сумму задолженности России, что реституция вовсе не означает общего возвращения предприятий, что в каких-то случаях можно удовлетвориться сдачей их в аренду бывшим собственникам и что можно, наконец, начать переговоры о предоставлении России *каких-то* кредитов².

И тут руководители советской делегации, возлагавшие столько надежд на эту конференцию, дрогнули: а не отступить ли дальше от директив ЦК ради таких возможностей? Соответствующий запрос был послан в Москву. И уже 17 апреля был получен достаточно жесткий ответ за подписью Ленина и других членов Политбюро.

Военные долги и проценты по ним, говорилось в телеграмме, покрываются полностью нашими контрпретензиями. Реституция отвергается в принципе. Максимальная уступка — преимущественное право бывших собственников взять в аренду или концессию их бывшие предприятия. Признать довоенные долги можно лишь при условии, что выплаты по ним начнутся через 15 (минимум 10) лет. Но все это лишь в том случае, если сама Советская Россия *немедленно* получит заём примерно в один миллиард долларов. Таков «предел наших уступок»³.

Однако 22 апреля Рудзутак присылает телеграмму, в которой высказывает опасения, что в переговорах с Ллойд Джорджем Чичерин склонен выйти за указанные рамки. Тогда 24-го

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 193.

² См.: История дипломатия. Т. 3. С. 175, 177, 184.

³ См.: В.И. Ленин. Неизвестные документы. С. 533, 543.

Политбюро принимает предложенный Лениным проект телеграммы Чичерину, в которой вновь указывалось, что любая форма признания частной собственности иностранных капиталистов (в том числе — компенсация) неприемлема и от этого делегация не может отступить «ни на йоту»¹.

И все-таки 2 мая Чичерин и Литвинов телеграфируют в Москву, что они считают необходимым, на определенных условиях, согласиться на выплату компенсаций бывшим собственникам, ибо без этого на переговоры о предоставлении кредита России Ллойд Джордж идти отказывается.

В тот же день Ленин пишет в Политбюро: «Ввиду неслыханных позорных и *опасных* колебаний Чичерина и *Литвинова* (не говоря о Красине) предлагаю *огреть*». Далее, на обсуждение Политбюро предлагался текст телеграммы:

«Крайне жалеем, что и Чичерин и частью Литвинов скатились до *нелепостей* Красина. Ввиду таких колебаний предписываем делегации безусловно порвать, и как можно скорее, причем ясно и точно мотивируйте несогласием восстанавливать частную собственность и заявите, что лишь на условии очень выгодного немедленно займа мы соглашались на частичные уступки, стоя безусловно на договоре, как равного с равным, между двумя системами собственности».

Далее следовала фраза: «В случае малейших еще колебаний дезавуируем публично в ЦИКе и уволим от должности». Но при обсуждении в Политбюро текст телеграммы по предложению Сталина смягчили, эту фразу выбросили и в таком виде она ушла в Генуэу².

Опасения Ленина, — «что нас хотят надуть», высказанные в этой телеграмме, вполне оправдались. Выяснилось, что западные державы предполагают предоставить России заем на сумму и при условии погашения за ее счет претензий бывших иностранных собственников.

Переговоры некоторое время еще продолжались, но было очевидно, что все планы «союзников», касающиеся Советской России, рухнули. 19 мая Генуэзскую конференцию закрыли, приняв предложение собраться вновь в Гааге через два месяца.

Как видим, эта конференция заняла довольно большое место в делах, которые весной 1922 года занимали Ленина. Но она, естественно, не была его единственной заботой. Большие

¹ См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 164, 538.

² Там же. С. 172, 542.

и малые вопросы постоянно вторгались в его распорядок дня и одним из них стала Курская магнитная аномалия (КМА).

С давних пор было известно, что в этом районе возможны большие запасы железной руды. Но геологоразведку здесь начали лишь после Октября, в 1919 году. В 1920-м приняли соответствующее постановление СТО. Однако гражданская война стопорила все эти начинания.

5 апреля Владимир Ильич встречается с давним своим знакомым (еще по «Союзу борьбы...») инженером Людвигом Карловичем Мартенсом, который, проработав ряд лет в США, возглавил в 1921 году коллегия Главметалла. Он заявил, будто уже *доказано*, что в районе КМА имеется «невиданное в мире богатство, которое способно перевернуть все дело металлургии».

На следующий день Ленин пишет Рыкову и Кржижановскому письма с предложением послать в район КМА вместе с Мартенсом «инженера из Госплана, более знакомого с русскими условиями и способного проверить, нет ли тут какого-либо увлечения». Тогда же Ленин встречается с председателем правления Югостали И.И. Межлауком, одним из тех руководителей трестов, о которых Владимир Ильич упоминал на XI съезде как об успешных хозяйственниках-коммунистах.

Но когда после этого Рыков предлагает привлечь к работе по КМА зарубежных специалистов, Ленин решительно возражает. А Кржижановского просит, после своего отъезда в отпуск, взять под контроль всю эту проблему. «Дело это надо вести *сугубо* энергично, — пишет Владимир Ильич. — Я очень боюсь, что без тройной проверки дело заснет»¹.

Вообще, во всем, что касалось природных богатств России, Ленин был предельно острожен и никогда не решал подобных вопросов без совета с учеными и специалистами. В частности, к проблеме КМА он привлек академика П.П. Лазарева.

По той же причине, когда 20 апреля Ленин получает письмо американского промышленника Вашингтона Вандерлипа с просьбой о личной встрече для переговоров о предоставлении ему концессии на Камчатке, Ленин прежде всего направляет это письмо на консультацию к ученым: «Надо разузнать все про это (у *Кржижановского* и др.) и сказать мне»².

С крайней настороженностью относился Ленин и к переговорам о концессии с английским промышленником Лесли Уркартом, начавшимся еще летом 1921 года. И не только по-

¹ См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 54. С. 226, 227, 230.

² В.И. Ленин. Биографическая хроника. Т. 12. С. 290.

тому, что Уркарт в свое время щедро финансировал Колчака. Гораздо более беспокоило то, что принадлежавшие ему до Октября предприятия затрагивали энергетический и промышленный потенциал Юга Урала.

Поэтому, по предложению Владимира Ильича, создается из толковых специалистов Особая комиссия СТО под председательством старого партийца И.К. Михайлова для предварительного обследования региона. Перед ней ставится задача — ответить прежде всего на вопрос: «Сладим мы без концессионера (вероятно) или нет? если нет, почему?»¹.

И совсем по иному Ленин относился к концессионерам, предложения которых были действительно выгодны для России. Еще в ноябре 1921 года Внешторг заключил договор о взаимных поставках с «Американской объединенной компанией медикаментов и химических продуктов» Юлиуса Хаммера. Сам владелец компании отнесся к Октябрьской революции с симпатией, сочувствовал коммунистам, за что и был посажен в американскую тюрьму.

Хаммер получил концессию на разработку Алапаевского асбестового рудника на Урале и обязывался поставить в Петроград 1 миллион пудов пшеницы. С взаимными поставками ему сразу не повезло, ибо НКВТ приволок в США сухую дрянь или, как деликатно выразился Ленин, товар «дурного качества». Тем не менее 1 миллион пудов пшеницы, столь необходимой в этот момент России, были отправлены².

В апреле в Москву прибыл сын Ю. Хаммера, секретарь его компании 24-х летний Арманд Хаммер. 11 мая, получив от него письмо, Владимир Ильич пишет ему ответ, а Зиновьеву направляет телефонограмму:

«Сегодня написал рекомендательное письмо к Вам и Вашему заместителю для товарища американца *Арманда Хаммера*. Его отец — миллионер, коммунист (сидит в *тюрьме* в Америке). Он взял у нас первую *концессию*, очень выгодную для нас. Он едет в Питер, чтобы присутствовать при разгрузке первого парохода с пшеницей и наладить получение машин для концессии (асбестовые рудники).

Очень прошу немедленно распорядиться, чтобы не было допущено никакой волокиты и чтобы надежные товарищи понаблюдали лично за успехом и быстротой всех работ для этой концессии. Это крайне, крайне важно»³.

---

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 54. С. 178.

² Там же. С. 225.

³ Там же. С. 253, 254.

Но, как положено, в Питере, директора концессии Б. Мишелла, приехавшего с Хаммером, уполномоченный НКВТ К.М. Бегге для начала попросту обхамил. Узнав об этом, Ленин 22 мая вновь обращается к Зиновьеву:

«...Вопреки моему письму... *Мишелл* (коллега Хаммера) горько жалуется на *“невежливость и бюрократичность Бегге, который его принял в Питере”*

Я буду обжаловать поведение Бегге в Цека. Это черт знает что! Несмотря на мое специальное письмо к Вам и *Вашему заму*, сделали *наоборот...* Прошу Вас проверить и расследовать специально этот случай».

Конфликт был быстро улажен, но, не довольствуясь этим, Владимир Ильич добивается принятия специального постановления Политбюро о поддержке данной концессии. «Тут маленькая дорожка к американскому “деловому” миру, — пишет он Сталину для членов Политбюро, — и надо *всячески* использовать эту дорожку»¹.

Ленин прекрасно понимал, что предстоящий отъезд на Кавказ, да и вообще состояние здоровья, могут на достаточно долгий срок вырвать его из этой повседневной текучки больших и малых дел. Тем важнее было так выстроить работу заместителей, чтобы его отсутствие не застопорило деятельность центральных органов власти.

В этой связи 11 апреля он пишет обширный проект «Постановления о работе замов (заместителей председателя СНК и СТО)». По существу, это стало продолжением той работы, которую он начал еще в январе 1922 года, когда писал Цюруппе: «*Нас затягивает* поганое бюрократическое болото...»² Но этот апрельский проект уже учитывает полученные им замечания Цюрупы и Рыкова.

Задачи оставались прежними: разграничение функций между центральными партийными (Политбюро и Оргбюро ЦК) и советскими (СНК, СТО) органами, а также проверка исполнения принимаемых решений, без которой вся распорядительная деятельность власти тонула в бумажном болоте.

Что касается разграничения функций, то Ленин стал цепляться чуть ли не к каждой бумажке. «Эта телеграмма, — пишет он по поводу одной из них Сталину, — совершенно неправильно направлена в Политбюро. Подобный вопрос дол-

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 54. С. 270, 272, 652.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 364.

жен быть решен в советском порядке... Поэтому голосовать по существу данной телеграммы я отказываюсь»¹.

Сами СНК и СТО, пишет Ленин в постановлении о работе заводов, должны разгрузиться «от мелочных вопросов», кои должны решаться соответствующими ведомствами. И надо добиться, чтобы и Малый СНК и распорядительные заседания СТО также «не допускали бюрократического взбухания и гипертрофии их функций», дабы наркомы и ведомства проявляли большую самостоятельность и ответственность.

Сами наркомы личными посещениями учреждений и гострестов не только в Москве, но и в провинции, «в целях проверки и подбора людей», должны помогать им в улучшении работы и повышении производительности труда. При этом коммунистов необходимо расставлять «в самом низу иерархической лестницы», чтобы «действительно бороться с бюрократизмом и волокитой» и тем самым облегчить «судьбы тех несчастных граждан, кои вынуждены иметь дела с нашим никуда не годным советским аппаратом»².

Отчеты Экосо и гострестов надо обязательно печатать в прессе, дабы приучать население к открытости и контролю их работы. То же относится и к государственной статистике. А газета «Экономическая жизнь» должна быть не органом «полунезависимого» интеллигентского обмена «мнений» и «перебранки» между журналистами, а органом СТО, органом «хозяйственного управления»³.

В этой связи, прочитав в «Правде» статью Н. Осинского «Новые данные из местного опыта», Ленин 12 апреля пишет ему: «Нам больше всего недостает именно таких статей... Самое худое у нас — чрезмерное обилие общих рассуждений в прессе и политической трескотни при крайнем недостатке *изучения* местного опыта. И на местах и вверху могучие тенденции борются против его правдивого оглашения и правдивой оценки. Боятся выносить сор из избы, боятся голой правды...

...Не бояться вскрывать ошибки и неуменье; популяризировать и *рекламировать* изо всех сил всякого сколько-нибудь выдающегося местного работника, ставить его в образец... Чем больше углубляться будем в живую практику, отвлекая внимание и свое и читателей от вонюче-канцелярского и вонюче-интеллигентского московского (и совбуровского во-

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 54. С. 250, 251.

² См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 153, 155.

³ Там же. С. 156.

обще) воздуха, тем успешнее пойдет улучшение и нашей прессы и всего нашего строительства»¹.

И, наконец, еще одна мысль, пронизывающая проект постановления о задачах работы зампредов СНК и СТО. Необходимо максимальное привлечение к проверке деятельности госаппарата и госучреждений беспартийных рабочих и крестьян — «дело исключительно народное, — пишет Владимир Ильич, — но в то же время такое, без постепенного развития которого Соввласть неминуемо осуждена на гибель»².

В этой связи он вновь обращается к вопросу о составе ВЦИК. Несмотря на решение IX съезда Советов, заметных изменений так и не произошло. В письме Сталину для членов Политбюро Ленин отмечает: «Сессия ВЦИКа показала неправильность организации состава ВЦИКа. Громадное большинство членов его должностные лица.

Предлагаю вынести решение Политбюро:

Признать необходимым, чтобы не менее 60% членов ВЦИКа были рабочие и крестьяне, не занимающие никаких должностей на совслужбе, чтобы не менее 67% членов ВЦИКа были коммунисты...»³

При обсуждении во ВЦИКе проекта положения об учреждении прокурорского надзора Ленин сталкивается еще с одним вопросом, вызвавшим разногласия не только среди членов ВЦИК, но и в самом Политбюро.

В проекте, внесенном Наркомюстом 13 мая, в полном соответствии со всеми правовыми нормами, устанавливалось, что прокуроры на местах, минуя местные исполкомы, подчинены исключительно прокурору республики и обязаны опротестовывать любые решения местных властей с точки зрения их законности.

Но, поскольку среди членов ВЦИК преобладали упомянутые выше «должностные лица» центрального и местного аппаратов власти, члены комиссии ВЦИК забраковали данный проект, настаивая на «двойном подчинении» прокуроров, т.е. не только прокурору республики, но и руководству губерний. Члены Политбюро Каменев и Рыков согласились с ними⁴.

20 мая Владимир Ильич направляет в Политбюро письмо «О “двойном” подчинении и законности». Он сразу обнажает замалчиваемую суть спора: «...Я прихожу к выводу, — пи-

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 54. С. 237.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 157.

³ Там же. С. 203.

⁴ Там же. С. 551.

шет он, — что защита “двойного” подчинения по отношению к прокуратуре и отнятие у нее права опротестовывать всякое решение местных властей не только неправильно принципиально, не только мешает основной нашей задаче неуклонного введения законности, но и выражает интересы и предрассудки местной бюрократии и местных влияний, т.е. худшего средостения между трудящимися и местной и центральной властью, а равно центральной властью РКП»¹.

Что касается доводов оппонентов, будто «двойное» подчинение «есть законная борьба против бюрократического централизма, за необходимую самостоятельность мест и против высокомерного отношения центра к губисполкомам», то они совершенно несостоятельны.

«“Двойное” подчинение необходимо там, где надо уметь учитывать действительно существующую неизбежность различия. Земледелие в Калужской губернии, — поясняет Ленин, — не то, что в Казанской. То же относится ко всей промышленности. То же относится ко всему администрированию и управлению», где учет местных различий «является основой разумной работы». Иное дело прокурорский надзор. «Нет сомнений, что мы живем в море беззаконности и что местное влияние является одним из величайших, если не величайшим противником установления законности и культурности».

«Законность не может быть калужская и казанская, а должна быть единая всероссийская и даже единая для всей федерации Советских республик... Поэтому решение большинства комиссии ВЦИК не только представляет из себя величайшую принципиальную неправильность, не только ошибочно применяет принцип “двойного” подчинения, но и подрывает всякую работу по установлению законности и минимальной культурности»².

22 мая Политбюро большинством голосов приняло предложение Ленина и направило свое решение в комфракцию в ЦИК. Тем не менее и после этого фракция продолжала отстаивать «двойное» подчинение. 24 мая Политбюро вновь потребовало выполнения решения ЦК. Но «местные влияния» оказались достаточно сильны, решение вопроса затянулось, и лишь 8 июля ВЦИК принял пункт 5 «Положения о прокурорском надзоре» в ленинской редакции³.

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 201.

² Там же. С. 197, 198, 199.

³ Там же. С. 551.

Когда после XI съезда Ленин договаривался о поездке в отпуск на Кавказ, предполагалось, что она состоится в начале мая. Но шли дни, недели и становилось ясно, что по состоянию здоровья отправляться в столь далекое путешествие нереально.

Профессор Клемперер настаивал на том, чтобы до отъезда Ленину сделали операцию. Он предполагал, что головные боли, бессонница вполне могут быть вызваны хроническим отравлением свинцом от двух пуль, оставшихся после покушения 1918 года. 18 мая, после того, как из Германии прибыл профессор-хирург Ю. Борхардт, состоялся консилиум.

Профессор Розанов высказал сомнения относительно целесообразности операции. Но Фёрстер поддержал коллег, и Владимир Ильич, дабы устранить препятствия для поездки, согласился. «Ну, одну-то — сказал он Розанову, — давайте удалим, чтобы ко мне не приставали и чтобы никому не думалось»¹.

22 апреля, в свой день рождения, он едет на 3-ю Миусскую улицу в Институт биологической физики, где, в связи с предстоящей операцией, ему делают рентгеновские снимки грудной клетки. Из института Ленин уехал не скоро. Встретив академика Петра Петровича Лазарева, с мнением которого очень считался, пошел осматривать институт. Разговор от биофизики быстро перекинулся на геофизику, речь пошла о Курской магнитной аномалии, и Владимир Ильич «уговорил Петра Петровича давать ему краткие рапортчики... по любимой форме Ильича — что сделано, какие нужды»².

На следующий день, 23-го, Ленин поехал на Ходынку в Солдатенковскую больницу, и в 12 часов профессор Борхардт, которому ассистировал Розанов, провел операцию по извлечению пули. Розанов «был уверен, что операция будет амбулаторная и Владимир Ильич через полчаса после операции поедет домой. Борхардт категорически запротестовал против этого и потребовал, чтобы больной остался в больнице хотя бы на сутки»³.

Спорить с ним не стали, в женском корпусе отыскивали изолированную палату (№ 44), где Ленин переночевал, сделал перевязку, а потом уехал домой. Самое время было отправиться на отдых. Вот только на Кавказ Владимир Ильич уже не считывал...

¹ Известия ЦК КПСС. 1991. № 2. С. 133.

² Воспоминания о В.И. Ленине. Изд. 20-е. Т. 3. М., 1979. С. 316-317.

³ Известия ЦК КПСС. 1991. № 2. С. 133.

В уже приводившемся письме от 17 апреля Владимир Ильич написал Серго Орджоникидзе, что желал бы, чтобы дом, в котором его намерены поселить, не протекал и отапливался. Тогда кавказские товарищи, видимо, посмеялись в усы. Ленин явно недооценил кавказского гостеприимства. Для Владимира Ильича в Боржоми готовили роскошный дворец в мавританском стиле в парке на берегу Куры, ранее принадлежавший наместнику Кавказа великому князю Михаилу Николаевичу, а затем его сыну великому князю Николаю Михайловичу¹.

Ленину для отдыха только и не хватало «дворца в мавританском стиле». Он и так тяготился шикарным неоклассицизмом «Большого дома» в Горках. К тому же в подготовку «мавританского дворца» вовлекли такое количество людей, что о конспирации нечего было и думать. Так что, как и предполагал Владимир Ильич, с поездкой на Кавказ опять получился «анекдот». И он предлагает Уншлихту телеграфировать на Урал, за подписью Дзержинского и Сталина, просьбу подыскать нормальное помещение, пригодное для лечения и отдыха около Екатеринбурга или Перми.

Уральцы ответили довольно быстро. В четырех верстах от Екатеринбурга есть прекрасное местечко Шарташ — сосновый лес, большое чистое озеро и вполне приличный домик, который можно быстро привести в порядок. Этот вариант Владимира Ильича вполне устраивал, и уральцам дали команду готовиться в приему гостей². 10 мая Ленин сообщает Орджоникидзе: «Я на Кавказ не еду. Будьте любезны, пока (все лето) для конспирации распространяйте осторожненько слух, что еду»³.

Надо сказать, что всю вторую половину мая чувствовал себя Владимир Ильич неважно. 15 мая, прочитав письмо Крестинского о необходимости ленинской статьи для зарубежной прессы об организации кампании по оказанию России хозяйственной помощи, Ленин отвечает: «не могу по болезни». 18 мая приходит письмо от известнейшего экономиста Д. Кейнса. Он предлагает Ленину выступить со статьей в «Манчестер Гардиан». И Владимир Ильич опять отвечает, что просьбы выполнить не сможет, «так как болен»⁴.

А тут подошло еще одно грустное событие. 20 мая исполнилось 35 лет со дня казни Александра Ульянова. Так уж сло-

¹ См.: Известия ЦК КПСС. 1991. № 2. С. 138.

² Там же. С. 134, 138.

³ В.И. Ленин. Известные документы. С. 537.

⁴ См.: В.И. Ленин. Биографическая хроника. Т. 12. С. 329, 337.

жились, что в семье с самого начала старались не говорить об этом, да и сами подробности дела толком никто не знал. «Все мы держались после нашего несчастья тем, что щадили друг друга», — писала Анна Ильинична.

Теперь выяснилось, что дело это находится в создаваемом Архиве Октябрьской революции. Заведующий Истпартом ЦК РКП(б) Михаил Степанович Ольминский сказал, что с ним можно ознакомиться. И вот, накануне печальной даты, Владимир Ильич с сестрами и Надеждой Константиновной пришли в здание архива, находившееся на месте нынешней Библиотеки имени В.И. Ленина.

Данного эпизода в 12 томе «Биографической хроники» нет. Единственным источником, освещающим этот факт, являются воспоминания Елизаветы Яковлевны Драбкиной, которая воспроизводит рассказ Ольминского¹.

«Заранее заготовленные документы лежали на столе. Хотя Владимир Ильич знал о том, что его ожидает, он вздрогнул, увидев переплетенный том, на котором писарским почерком с завитушками было выведено: **“ДЕЛО 1 МАРТА 1887 ГОДА”**, и не мог сразу раскрыть этот том; помедлил, подержал в руках, видимо, сделав над собой усилие, чтобы подавить волнение, и лишь потом раскрыл его...

...Одно дело знать об аресте брата, другое — увидеть воочию, каким образом чудовищное легкомыслие одного из участников тайного общества позволило полиции напасть на его след и обрекло на гибель самого виновника провала и его сотоварищей. Одно — сознавать умом, что брат прошел, должен был пройти, следствие, был судим, казнен; другое — читать страницу за страницей изложенные жандармским слогом бумаги и собственными глазами видеть, как пришла в действие полицейская машина, как захватила она любимого брата, втолкнула в каземат Петропавловской крепости, дотащила до эшафота и затянула петлю на его шее»².

После оглашения приговора — семерых к повешению, остальных на каторгу — 11 из 15 осужденных, в том числе четверо смертников, обратились к Александру III с ходатайством о смягчении наказания. В их числе был и Александр Ульянов.

На протяжении всего процесса мать просила его подать прошение на Высочайшее имя о помиловании. Но он сознательно шел на смерть, беря на себя всю вину за организацию покушения на государя. «У меня есть долг перед Родиной», —

¹ См.: *Драбкина Е.Я.* Зимний перевал. С. 164-169.

² Там же. С. 164, 165.

говорил он Марии Александровне, стоя перед ней на коленях и умоляя простить за причиненное горе.

То, чего не смогла сделать мать, добился на последнем свидании 24 апреля их родственник, известный журналист Матвей Леонтьевич Песковский. Он совершенно извел и деморализовал Александра своими разговорами о том, что мать лежит при смерти и казни не перенесет, что братья и сестры останутся круглыми сиротами...

Но, по мнению чиновников, прошение Александра было «неправильным» и «дерзким». В нем не было и тени раскаяния за содеянное. Он писал лишь о судьбе матери. И эту бумагу даже не стали показывать царю, хотя по другим — «правильным» прошениям приговор был смягчен, в том числе двум смертникам¹.

И, наконец, последние страницы дела — о приведении в исполнение приговора 8 мая 1887 года. «Сегодня в Шлиссельбургской тюрьме... подвергнуты смертной казни государственные преступники... При объявлении им за полчаса до совершения казни, а именно в 35 часа утра, о предстоящем приведении приговора в исполнение, все они сохранили полное спокойствие и отказались от исповеди и принятия св. таинств...

Первоначально выведены для свершения казни Генералов, Андреюшкин и Осипанов... По снятию трупов вышеозначенных казненных преступников были выведены Шевырев и Ульянов, которые так же бодро и спокойно вошли на эшафот».

По мере того, как Ленин «вчитывался в страницы этого дела, — пишет Елизавета Драбкина, — он бледнел и бледнел, и, как выразился Ольминский, стоявшие рядом буквально физически чувствовали, как у него перехватывает дыхание».

То обстоятельство, что ни сам Владимир Ильич, ни его сестры не упоминали об этом посещении архива, вполне объяснимо. Даже спустя пять лет, в сороковую годовщину гибели Александра Ульянова, Анна Ильинична писала, что ей «все еще трудно глубоко ворошить прошлое, трудно запечатлеть его на бумаге» и то «больное чувство, которое она испытывает при мысли об Александре Ильиче, сковывает язык и делает рассказ мучительным»².

Конечно, и для Ленина это посещение архива стало сильнейшим психологическим стрессом. Дальше тянуть с отды-

---

¹ См.: Семья Ульяновых. Изд. 2-е. М., 1985. С. 244-246; *Логинов В.Т.* Владимир Ленин. Выбор пути. Биография. С. 74.

² *Драбкина Е.Я.* Зимний перевал. С. 163, 164, 168.

хом было нельзя, пора было уезжать. Тем более что из Екатеринбурга пришло, наконец, известие, что домик в Шарташе к приему гостей готов.

21 мая Владимир Ильич обращается ко всем руководителям центральных учреждений и организаций с письмом. «Уезжая в отпуск на несколько месяцев, — пишет он, — я очень просил бы поставить осведомление меня о наиболее важных делах и о ходе выполнения наиболее важных решений, планов, кампаний и т.д. следующим образом:

— посылать мне 1-2 раза в месяц самые краткие (не более 2-3 страниц) сообщения на эту тему и распорядиться о высылке мне важнейших из текущих печатных изданий... Держать связь с моим секретарем (Фотиева, Лепешинская)»¹. А уже 24 мая Ленин просит Сталина сообщить членам Политбюро, что он уезжает в отпуск «на днях».

24 мая Мария Ильинична отправилась в Москву подсобрать вещи, необходимые для поездки, и осталась в городе на следующий день. Но 25-го, в четверг, все планы рухнули. Случилось то, чего более всего опасался Владимир Ильич.

---

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 268-269, 272.

Глава 3

«РОССИЯ БУДЕТ СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ»

Странная болезнь

25 мая 1922 года пришлось на четверг. Но по решению профсоюзов его объявили нерабочим днем по случаю церковного праздника Вознесения Господня¹.

И в Горках, и в окрестных деревнях звонили колокола. Весь этот день Владимир Ильич чувствовал себя хорошо. Гулял. Разве что после ужина появилась легкая изжога, но это случалось и прежде. Спать лег вовремя, но заснуть никак не мог. За окном вовсю пели соловьи, и он решил не ворочаться с боку на бок, а, как обычно, встать и прогуляться.

Вышел из флигеля и направился по аллее. В кустах сирени заливались соловьи: сначала один, потом неподалеку второй... Владимир Ильич остановился, стал слушать. Но когда соловьи, стараясь перепеть друг друга, вошли, как говорится, в раж, он стал собирать мелкие камешки, бросать в кусты и сразу почувствовал слабость в правой руке.

Вернувшись во флигель, снова лег, но около четырех почувствовал себя совсем плохо. Температура — 38,5. Головная боль довела до рвоты, и лишь после этого, уже под утро, он уснул. А когда проснулся, ощутил какую-то неловкость в правой руке и ноге, не смог писать и читать — «буквы поплыли», но еще больше его обеспокоило то, что впервые проявились затруднения в речи — он не смог «высказать своих мыслей теми словами, какими хотел». Однако буквально через час все эти ощущения прошли бесследно².

Днем 26-го приехали врачи: Семашко, Гетье, Левин, Розанов. «Вот посмотрите, Владимир Ильич будет уверять теперь, что у него паралич», сказал, смеясь, Н.А. Семашко. Эти слова, — пишет Мария Ильинична, — покорибили, а в душе было недоверие — уж не мозговое ли что-либо у Владимира Ильича? Но врачи успокоили нас...»³

¹ См.: Известия ЦК КПСС. 1991. № 3. С. 199.

² См.: Известия ЦК КПСС. 1991. № 2. С. 134, 135; РГАСПИ. Ф. 16. Оп. 2. Ед. хр. 12. Л. 2.

³ См.: Известия ЦК КПСС. 1991. № 2. С. 134, 135; РГАСПИ. Ф. 16. Оп. 2. Ед. хр. 12. Л. 2.

После осмотра, памятуя о рвоте и о том, что накануне вечером Ленин ел рыбу, которая вполне могла оказаться несвежей, они решили, что в основе приступа лежит «все-таки желудочно-кишечное расстройство (гастроэнтерит), который на почве переутомления и нервного состояния вызвал временное, преходящее расстройство мозгового кровообращения»¹.

Гетье прописал английскую соль, полный покой и заверил, что все скоро пройдет. А Мария Ильинична вновь уехала в Москву собираться в Шартан. «Настроение было хорошее, — пишет она. — Казалось: проведет Владимир Ильич месяца два... на полном отдыхе и вернется к работе здоровый и отдохнувший. Нашим надеждам, однако, не удалось сбыться».

Вечером 27-го позвонил П.П. Пакалн, а когда она приехала в Горки, выяснилось, что с желудком у Владимира Ильича все в порядке, но головная боль, расстройство речи, слабость в правых конечностях лишь усугубились. Тогда же Петр Петрович впервые рассказал Марии Ильиничне о двух обмороках бывших у Ленина зимой².

Утром 28 мая Гетье привозит известного невропатолога профессора Василия Васильевича Крамера, который впервые приходит к выводу, что «у Ленина мозговое заболевание, характер которого, — как он сказал Троцкому, — был ему не совсем ясен».

А 29 мая проводится консилиум профессоров В.В. Крамера, Г.И. Россолимо, Ф.А. Гетье и Н.А. Семашко. В этот же день в Горки приезжает врач-невропатолог Алексей Михайлович Кожевников, который будет пользоваться Ленина последующие дни и месяцы и благодаря которому мы располагаем фактически ежедневными сведениями о состоянии здоровья Владимира Ильича³.

Для опытных медиков в симптомах болезни было слишком много противоречивого. Они не укладывались в обычную картину атеросклероза. Парезы правой руки и ноги повторялись, но быстро исчезали. Головные боли также носили периодический характер. Но самое поразительное — даже во время приступов полностью сохранялся профессиональный интеллект. И так же, как и Крамер, профессор Гетье «откровенно признавался, что не понимает болезни Владимира Ильича»⁴.

---

¹ Лотухин Ю.М. Болезнь, смерть и бальзамирование В.И.Ленина. Правда и мифы. М., 1997. С. 16, 151.

² См.: Известия ЦК КПСС. 1991. № 2. С. 134, 135.

³ См.: Лотухин Ю.М. Болезнь, смерть и бальзамирование В.И.Ленина. С. 16, 150.

⁴ Там же.

Перебирали самые различные варианты. И одно из предположений, составлявших врачебную тайну, сводилось к возможности сифилитического поражения головного мозга. Авторитетнейший современный исследователь академик Юрий Михайлович Лопухин пишет: «Для врачей России, воспитанных на традициях Боткина, который говорил, что “в каждом из нас есть немного татарина и сифилиса” и что в сложных и непонятных случаях болезней следует непременно исключить специфическую (т.е. сифилитическую) этиологию заболевания, такая версия была вполне естественной. Тем более что в России сифилис в конце прошлого — начале текущего века в разных формах, включая *наследственную* и *бытовую*, был широко распространен.

Это предположение было мало и даже ничтожно маловероятным... Однако консилиум врачей решил тщательно проверить и эту версию. Профессор Григорий Иванович Россоломо в разговоре с сестрой Ленина Анной Ильиничной Ульяновой 30 мая 1922 года сказал: “...Положение крайне серьезно, и надежда на выздоровление явилась бы лишь в том случае, если в основе мозгового процесса оказались бы сифилитические изменения сосудов”¹.

Уже 29 мая Кожевников и медсестра Мария Петрашева взяли у Ленина кровь из вены и спинномозговую жидкость из позвоночного канала для исследования на реакцию Вассермана. «Владимир Ильич очень терпелив был, — пишет Мария Макаровна. — Во время пункции он только крикнул. Не охал, не стонал — не в его характере это было»².

Все анализы дали отрицательный результат. 30 мая профессор-офтальмолог Михаил Иосифович Авербах изучил глазное дно и сетчатку глаз. Но и здесь не было «изменений сосудов или патологических образований, которые указывали бы на атеросклероз, сифилис или другую причину болезни мозга»³. Контрольные проверки многократно проводились и позднее, но и они лишь подтверждали тот же отрицательный результат.

В «лихие 90-е» и в последующие годы вопрос о диагнозе болезни Владимира Ильича стал излюбленным сюжетом для наших СМИ. То, что для врачей в 1922 году было одним из предположений, ими же отвергнутым, стало для прессы и те-

---

¹ См.: Лопухин Ю.М. Болезнь, смерть и бальзамирование В.И.Ленина. С. 18, 19; Известия ЦК КПСС. 1991. № 3. С. 187.

² Лопухин Ю.М. Болезнь, смерть и бальзамирование В.И.Ленина. С. 19, 159.

³ Там же. С. 19.

левидения главной интересующей их версией. И это несмотря на то, что результаты всех анализов не только опубликованы, но и по сей день лежат в архивах. Значит, речь идет о заведомой лжи...

Стыдно! Пусть эта ленинородская «чернуха» останется «знаком беды» и времени и полнейшего профессионального, интеллектуального убожества и бесстыдства нашей «исторической журналистики».

Можно лишь добавить, что новейшее исследование американских неврологов из Калифорнийского университета в Сакраменто дали им основания утверждать, что причиной болезни Ленина стала мутация гена NT5E, переданная ему по отцовской линии. В результате этого наследственного заболевания сосуды головного мозга накапливают известь и постепенно начинают окаменевать. Именно этот процесс и констатировал в 1924 году Николай Семашко¹.

Многие из тех, кто наблюдал Ленина в последние годы его жизни, писали о том, что эта история болезни — сюжет для высокой трагедии. Предчувствия близкого конца у него были. Он вспомнил, как еще в сибирской ссылке один из крестьян, с которым он хаживал на охоту, как-то сказал ему: «А ты, Ильич, помрешь от кондрашки», — и на мой вопрос, — рассказывал Ленин, — почему он так думает, тот ответил: «Да шея у тебя уж больно короткая».

При этом рассказе, пишет Кожевников, — «хотя Владимир Ильич смеялся и придал ему характер шутки, стало невероятно грустно, так как по интонации Владимира Ильича чувствовалось, что и сам он придерживается мнения этого крестьянина»². Отец Ленина — Илья Николаевич скончался 12 января 1886 года на 55 году от кровоизлияния в мозг, а генетически Владимир Ильич был гораздо ближе к нему, нежели к матери.

Но не ранней смерти опасался Ленин. Такие признаки болезни, как хроническая бессонница и мучительные головные боли, быстрая утомляемость, ухудшение памяти, онемение конечностей — стали проявляться задолго до обращения к врачам.

Владимир Ильич стал брать у Дмитрия Ильича Ульянова специальную медицинскую литературу, а от ее чтения *немедиками* довольно часто рождаются самые мрачные мысли. И бо-

¹ Vinters H., Lurie L., Mackowiak P.A. Vessels of Stone: Lenin's "circulatory disturbance of the brain" // Vol. 44. Issue 10. October 2013. P. 1967-1972.

² Известия ЦК КПСС. 1991., № 3. С. 185.

лее всего он боялся утраты интеллекта и работоспособности. Федору Александровичу Гетье Ленин рассказывал, как ужасал его пример Павла Борисовича Аксельрода, чей ум и эрудиция в молодости восхищали Владимира Ильича и который со временем «потерял работоспособность настолько, что не мог написать даже небольшой статьи. Вот этот-то страх дойти до такого состояния, — пишет Гетье, — заставил Ленина обратиться ко мне по собственному почину»¹.

Доживать свой век беспомощным стариком вне того дела, которому отдал свою жизнь, Ленин не хотел и не мог. Профессор Даршкевич назвал его предчувствия «навязчивостями» и тогда — в марте 1922 года — ему и доктору Гетье удалось успокоить Владимира Ильича. Но прошло почти три месяца, а симптомы болезни лишь усиливались и учащались. И вот, наконец, эти новые сильнейшие приступы...

«В день моего приезда [26 мая — ВЛ.] и в последующие дни, — писал Лев Григорьевич Левин, — он был в угнетенном состоянии, не верил в свое выздоровление. Его очень угнетали те расстройства со стороны речи, со стороны памяти, которых он не мог, конечно, не заметить при исследовании. Его очень пугало и огорчало то, что он не находит некоторых слов, что он не может назвать некоторые предметы по имени, что он сбивается в счете. Он очень огорчился, например, когда, увидев ромашку и незабудку, не мог вспомнить названия этих хорошо знакомых цветов. Он часто повторял: “Какое-то необыкновенное, странное заболевание”.

...В один из первых дней болезни, вечером, Мария Ильинична сказала мне, что Владимир Ильич хочет меня видеть. Я вошел к нему и, оставшись с ним наедине, сел у его постели... В маленькой комнате тишина, полумрак. Владимир Ильич слегка приподнялся на локте левой руки и, приблизив свое лицо ко мне, внимательно, пронизывающе глядя мне в глаза сказал:

— А ведь плохо.

— Почему плохо, Владимир Ильич?

— Неужели вы не понимаете, что это ведь ужасно, это ведь ненормальность.

Я стал всячески успокаивать Владимира Ильича, убеждать его в том, что это все временное, преходящее, что все, что его пугает — небольшое расстройство речи, памяти, внимания, способности сосредоточиться, все это явления временного

---

¹ РГАСПИ. Ф. 16. Оп. 3. Ед. хр. 24. Л. 38, 56.

расстройства кровообращения в мозгу, что можно ему ручаться, что все это пройдет. Он недоверчиво качал головой, несколько раз повторял: «Странная, необыкновенная болезнь», лег опять и не сказал больше ни слова»¹.

И когда 29 мая консилиум врачей так и не пришел к определенному и окончательному диагнозу, а рекомендации, как и в марте, свелись прежде всего к запрету всякой работы и постельному режиму, Ленин принял свое решение, выношенное задолго до описываемых событий.

Летом 1909 года Владимир Ильич и Надежда Константиновна встретились с Лафаргами. «Поль Лафарг вместе со своей женой Лаурой, дочерью Маркса, — рассказывала Крупская, — жили в Дравейль, в 20-25 верстах от Парижа. Они уже отошли от непосредственной работы». Поехали на велосипедах. «Лафарги встретили нас очень любезно. Владимир стал разговаривать с Лафаргом о своей философской книжке...» В 4 главе «Материализма и эмпириокритицизма» Ленин цитировал работу Лафарга «Материализм Маркса и идеализм Канта»...

«Скоро он докажет, — сказала Лаура про мужа, — насколько искренни его философские убеждения», и они как-то странно переглянулись. Смысл этих слов и этого взгляда я поняла, когда узнала в 1911 году о смерти Лафаргов. Они умерли, как атеисты, покончив с собой, потому что пришла старость и ушли силы, необходимые для борьбы».

В своем предсмертном письме Поль Лафарг писал: «В здоровом уме и твердой памяти я убиваю себя раньше, чем неумолимая старость отнимет у меня одну за другой все радости и удовольствия жизни, разрушит мои физические силы и умственные способности, парализует мою энергию и мою волю и сделает меня бременем для других и для самого себя... Я назначил себе срок, когда я расстанусь с жизнью и наметил способ осуществления моего решения: подкожное впрыскивание цианистого калия. Я умираю, унося с собой радостную уверенность в том, что дело, за которое я боролся сорок пять лет, восторжествует... Да здравствует коммунизм!».

«Эта смерть произвела на Ильича сильное впечатление, — пишет Крупская. — Вспоминали мы нашу поездку к ним... И хотелось ему сказать над телом Лафаргов, что недаром прошла их работа, что дело, начатое ими, дело Маркса, с которым и Поль Лафарг, и Лаура Лафарг так тесно были связаны, ши-

¹ *Лотухин Ю.М.* Болезнь, смерть и бальзамирование В.И.Ленина. С. 151, 152.

рится, растет и перекидывается в далекую Азию. В Китае как раз поднималась в это время волна массового революционного движения. Владимир Ильич написал речь, Инесса перевела. Я помню, как, волнуясь, он говорил ее от имени РСДРП на похоронах».

Именно тогда Ленин и сказал Крупской: «Если не можешь больше для партии работать, надо уметь посмотреть правде в глаза и умереть так, как Лафарги»¹.

В ночь на 30 мая 1922 года Ленин спал хорошо. «Проснулся в 10 часов, — записывает Кожевников, — и хотел идти умываться. На предложение не вставать согласился не сразу. Поинтересовался, долго ли будет хворать и высказал уверенность в том, что не поправится. Во время разговора испытывал нехватку слов... Сказал: “Почему остается врач? Это лишние аппараты”»².

В тот же день при его осмотре офтальмологом Михаилом Иосифовичем Авербахом, «Владимир Ильич, улучив момент, когда они остались с профессором одни в комнате, схватил его за руку и с большим волнением сказал: “Говорят, Вы хороший человек, скажите же правду — ведь это паралич и пойдет дальше? Поймите, для чего и кому я нужен с параличом?” Но в это время вошла сестра и разговор был прерван»³.

И в этот же день Ленин потребовал, чтобы к нему вызвали Сталина. Данный эпизод подробно описан Марией Ильиничной Ульяновой, и мы приведем его полностью.

«Уговоры Кожевникова отказаться от этого свидания, так как это может повредить ему, не возымели никакого действия. Владимир Ильич указывал, что Сталин нужен ему для совсем короткого разговора, стал волноваться, и пришлось выполнить его желание. Позвонили Сталину, и через некоторое время он приехал вместе с Бухариным.

Сталин прошел в комнату Владимира Ильича, плотно закрыв за собой, по просьбе Ильича, дверь. Бухарин остался с нами и как-то таинственно заявил: “Я догадываюсь, зачем Владимир Ильич хочет видеть Сталина”. Но о догадке своей он нам на этот раз не сказал. Через несколько минут дверь в комнату Владимира Ильича открылась и Сталин, который казался мне несколько расстроенным, вышел. Простившись с

¹ См.: Воспоминания о Ленине. В пяти томах. Т. 1. М., 1984. С. 343, 347.

² Известия ЦК КПСС. 1991. № 3. С. 198.

³ Там же. С. 188, 189.

нами, оба они (Бухарин и Сталин) направились мимо большого дома через домик санатория во двор к автомобилю.

Я пошла проводить их. Они о чем-то разговаривали друг с другом вполголоса, но во дворе Сталин обернулся ко мне и сказал: «Ей (он имел в виду меня) можно сказать, а Наде (Надежде Константиновне) не надо». И Сталин передал мне, что Владимир Ильич вызывал его для того, чтобы напомнить ему обещание, данное ранее, помочь ему вовремя уйти со сцены, если у него будет паралич. «Теперь момент, о котором я Вам раньше говорил, — сказал Владимир Ильич, — наступил, у меня паралич и мне нужна Ваша помощь»¹.

Вероятнее всего, упоминаемый Лениным первый разговор со Сталиным на эту тему состоялся в самом начале марта 1922 года, до встречи с профессором Даршкевичем, которому удалось тогда несколько успокоить Владимира Ильича. Мария Ильинична в этой связи размышляла: «Почему В.И. обратился с этой просьбой к Сталину? Потому что он знал его за человека твердого, стального, чуждого всякой сентиментальности. Больше ему не к кому было обратиться с такого рода просьбой»².

Тогда, в марте, Сталин сохранил просьбу Ленина в тайне. Разве что, судя по «догадке» Бухарина, поделился с Николаем Ивановичем. Теперь же, в мае, об этом сразу узнали не только Бухарин, Мария Ильинична, но и доктор Кожевников, записавший в «Журнале дежурных врачей»: «30 мая... Приезжал Сталин. Беседа о *suicidium*» (самоубийство — *лат.*). Эта запись доктора особенно примечательна, ибо она не только еще более расширяла круг информированных лиц, но и переводила сугубо конфиденциальную, товарищескую просьбу Ленина в факт истории его болезни³.

Продолжим, однако, рассказ Марии Ильиничны Ульяновой о 30 мае 1922 года. Итак, «Владимир Ильич просил Сталина привезти ему яду. Сталин обещал, поцеловался с Владимиром Ильичем и вышел из его комнаты. Но тут, во время нашего разговора, Сталина взяло сомнение: не понял ли Владимир Ильич его согласие таким образом, что действительно момент покончить счеты с жизнью наступил и надежды на выздоровление больше нет?

«Я обещал, чтобы его успокоить, — сказал Сталин, — но, если он в самом деле истолкует мои слова в том смысле, что

¹ Известия ЦК КПСС. 1991. № 3. С. 188.

² Известия ЦК КПСС. 1989. № 12. С. 197.

³ См.: Известия ЦК КПСС. 1991., № 3. С. 198.

надежды больше нет? И выйдет как бы подтверждение его безнадежности?»¹. Обсудив это, мы решили, что Сталину надо еще раз зайти к Владимиру Ильичу и сказать, что он переговорил с врачами и последние заверили его, что положение Владимира Ильича совсем не так безнадежно, болезнь его не неизлечима и что надо с исполнением просьбы Владимира Ильича подождать. Так и было сделано.

Сталин пробыл на этот раз в комнате Владимира Ильича еще меньше, чем в первый раз, и, выйдя, сказал нам с Бухариным, что Владимир Ильич согласился подождать и что сообщение Сталина о его состоянии, со слов врачей, Владимира Ильича, видимо, обрадовало. А уверение Сталина, что когда, мол, надежды действительно не будет, он выполнит свое обещание, успокоило несколько Владимира Ильича, хотя он не совсем поверил ему: «Дипломатничаете, мол»¹.

После отъезда Сталина Ленин долго разговаривал с Кожевниковым. К нему он с самого начала проникся особым доверием, и аргументы доктора, видимо, подействовали. Во всяком случае в «Журнале дежурных врачей» Алексей Михайлович записал, что его пациент начинает верить, что у него нет паралича².

2 июня на аэроплане прилетел из Бреслау известный немецкий невропатолог профессор Отфрид Фёрстер. На следующий день, 3 июня, Сталин послал полпреду РСФСР в Германии Крестинскому письмо: «Вы, должно быть, догадываетесь, что положение Ильича было критическое, — иначе мы не рискнули бы на экстренный вызов Фёрстера в Москву. Одно время положение казалось почти безнадежным, но теперь оно значительно улучшилось, и есть теперь надежда полностью восстановить Ильича при условии, если уход за пять-шесть месяцев будет тщательный под наблюдением знающих врачей. Нужны невропатолог (Фёрстер) и по внутренним (Клемперер)»³.

Оптимизм Сталина основывался на том, что после осмотра и исследования Ленина, проведенного 2 июня Фёрстером, профессор согласился с диагнозом российских медиков, полагавших, что первопричина болезни в сильнейшем переутомлении, и предписал на ближайшую неделю постельный режим. «Никаких признаков органической болезни центральной нервной системы, в особенности мозга, — говорилось в заключении консилиума, — налицо не имеется». Справедли-

¹ Известия ЦК КПСС. 1991. № 3. С. 188.

² См.: РГАСПИ. Ф. 16. Оп. 2. Ед. хр. 12. Л. 7.

³ Известия ЦК КПСС. 1991., № 3. С. 199.

ности ради необходимо отметить, что о предшествующих обмороках у Владимира Ильича Фёрстеру не было сказано ни слова. Между тем позднее от писал, что факт этот уже тогда мог дать «ключ к правильному диагнозу»¹.

В начале июня симптомы болезни стали ослабевать, хотя бессонница, головные боли, чувство неловкости и слабости в правых конечностях давали о себе знать. А 11 июня показалось, что наступило явное улучшение. Кожевникову Владимир Ильич сказал, что утром, проснувшись, ощутил, будто «в меня вошла новая сила. Чувствую себя совсем хорошо. Еще ни разу с начала болезни не чувствовал себя так хорошо»².

В этот день его консультировал вновь прибывший накануне из Германии терапевт, профессор Георг Клемперер. «В отличие от профессора Фёрстера, — пишет Мария Ильинична, — Клемперер обладал меньшим тактом и умением подходить к больному. Его болтовня и шуточки раздражали Владимира Ильича, хотя он встретил его любезно и наружно был с ним очень вежлив». Но после его ухода Ленин решительно сказал: «Пусть летит обратно. Это не его специальность»³.

Но толк от консультации все-таки был. Днем 13 июня Владимира Ильича перенесли на носилках из флигеля в Большой дом и поместили в комнате, из которой был выход на террасу. «Такой способ передвижения, — пишет Мария Ильинична, — был ему не особенно приятен. Но врачи свято блюли установленный режим и порядок. На носилках он сидел, одетый в свою обычную серую тужурку и кепи... Вид у него был несколько смущенный... Обещание врачей, что уже в ближайшие дни он сможет пользоваться террасой, сыграло, вероятно, решающую роль в его согласии занять именно эту комнату»⁴.

Ленин попросил разрешения читать и встречаться с коллегами. Но в чтении ему было отказано, а на «посещение друзей» дали согласие, но при обязательном условии о делах не говорить. «Тогда лучше не надо», — сразу же ответил Владимир Ильич. Немецкая профессура по-прежнему полагала, что все его болезни от переутомления и лучшим лекарством является полный покой.

В этом Владимир Ильич как раз и не соглашался с ними. Он был убежден, что болезнь развивается по каким-то своим законам, вне прямой зависимости от его поведения, а безделье

¹ Известия ЦК КПСС. 1991. № 2. С. 132.

² РГАСПИ. Ф. 16. Оп. 2. Ед. хр. 12. Л. 14.

³ Известия ЦК КПСС. 1991. № 1. С. 191.

⁴ Там же. С. 192.

и искусственная изоляция лишь усугубляют ее. 15-го он сказал Кожевникову: «Чувствую себя хорошо и больницу можно разогнать». А когда ему напомнили о повторяющихся порезах ноги и руки, ответил: «Правда, неприятны эти “кондрашки”, но в виду того, что они происходят в скромном размере, с этим можно мириться». И в доказательство того, что он в полном порядке, стал вальсировать с Марией Ильиничной¹.

В этот день Ленин диктует сестре письмо Сталину для членов Политбюро: «Покорнейшая просьба освободить меня от Клемперера. Чрезвычайная заботливость и осторожность может вывести человека из себя и довести до беды... Убедительно прошу избавьте меня от Фёрстера. Своими врачами Крамером и Кожевниковым я доволен сверх избытка. Русские люди вынести немецкую аккуратность не в состоянии, а в консультировании Фёрстер и Клемперер участвовали достаточно»².

После ознакомления с этим письмом членов Политбюро, Троцкий на бланке председателя Реввоенсовета пишет пространную записку: «1. Клемпереру посетить В.И. еще один раз вместе с Фёрстером и затем уехать. 2. Фёрстера поселить здесь. О его визитах к В.И. особо условиться».

А в конце самое главное: «Обратить внимание врачей, пользующих В.И. на то, что больной будет чем дальше, тем больше расширять рамки установленного режима и что поэтому необходимо ему твердо внушить необходимость строго подчиняться режиму в течение продолжительного времени и что только таким путем будет обеспечено полное восстановление работоспособности.

В качестве одного из способов воздействия на больного (если другие способы оказались недостаточны) возможно прямое постановление ЦК партии, предлагающее больному строгое соблюдение режима. Такое постановление может быть вынесено только по соглашению с врачами»³. Тон и содержание этой записки вряд ли нуждаются в комментариях.

17 июня Сталин ответил Владимиру Ильичу: «Т. Ленину. В связи с Вашим письмом о немцах мы немедленно устроили совещание с Крамером, Кожевниковым и Гетье. Они единогласно признали ненужность в дальнейшем Клемперера, который посетит Вас лишь один раз перед отъездом. Столь же единогласно они признали полезность участия Фёрстера в общем наблюдении за ходом Вашего выздоровления... По по-

¹ РГАСПИ. Ф. 16. Оп. 2. Ед. хр. 12. Л. 18, 19.

² В.И. Ленин. Неизвестные документы. С. 540.

³ РГАСПИ. Ф. 16. Оп. 2. Ед. хр. 111. Л. 3.

ручению Политбюро Сталин. 17/VI-22 г. P.S. Крепко жму руку. А все-таки русские одолеют немцев. Сталин»¹.

Письма эти, между прочим, свидетельствует о том, что с самого начала болезни весь ход лечения и все действия врачей непременно согласовывались с Политбюро. И если по многим другим проблемам между членами Политбюро возникали разногласия, то по вопросу о «режиме» для Владимира Ильича их не было. Так что «полный покой» был санкционирован.

Ленин настаивал на отъезде немецких врачей, считал, что вокруг него подняли слишком много шума и суеты, что он «на верном пути к выздоровлению и совершенно нет необходимости в “этих травах”». Но 20 июня Клемперер вновь приехал в Горки и, судя по разговору, прощаться не собирался.

Ленин опять диктует записку Сталину, в которой настаивает на отправке Клемперера и Фёрстера из России. Сталин посылает ее по кругу членам Политбюро, и каждый письменно фиксирует свою позицию. Троцкий: Ленин понял, что его просьба не выполнена и это «свидетельствует о “бдительности”, но согласиться на эти предложения, конечно, нельзя». Зиновьев: «Немцев оставить, Ильичу — для утешения — сообщить, что намечен новый осмотр всех 80 товарищей, ранее осмотренных немцами...». Остальные члены ПБ — Томский, Каменев, Сталин — соглашаются с Троцким и Зиновьевым².

В какой-то форме (вряд ли в столь пренебрежительной, как высказался Зиновьев) Ленину сообщают о мнении членов Политбюро. И тогда он принимает свое решение — отказаться от установленного для него режима. Днем 21 июня он работает над своим выступлением на декабрьском съезде Советов, а когда узнает, что в Горки к брату Дмитрию Ильичу приехала жена с маленькой дочкой Ольгой, вопреки всем запретам, отправляется их проведать во флигель³.

Вечером того же дня Владимир Ильич признался Кожевникову, что ему «без политики жить трудно», что полное безделье лишь угнетает его, необходимо какое-то дело. И для него таким делом может быть только политика. Даже тогда, когда он — по болезни — вроде бы и не занимается ею, всё равно все его мысли только об этом. «Политика — вещь, захватывающая сильнее всего, — сказал он. — Отвлечь от нее могло бы только еще более захватывающее дело, но такого нет»⁴.

¹ В.И. Ленин. Неизвестные документы. С. 541.

² Там же. С. 541, 542.

³ См.: РГАСПИ. Ф. 16. Оп. 2. Л. 23, 24.

⁴ Там же.

23-го, когда Ленин спускался с лестницы, чтобы погулять в парке, вновь случился спазм, и он упал. Но и это его не смутило. Отныне, сказал он Пакалну, будем гулять вместе и на вас, «кроме полицейских функций, будут лежать и медицинские». И еще попросил, чтобы в его комнате кресла поставили так, чтобы при ходьбе они всегда были под рукой. В общем было ясно, что о постельном режиме теперь уже говорить не приходится¹.

24 июня все тот же Клемперер, а также Крамер, Левин, Кожевников, Семашко провели консультацию. Пока собирались, Владимир Ильич стал расспрашивать Семашко о видах на урожай, об открывшейся 15 июня Гаагской конференции и начавшемся 8 июня процессе над эсерами. Но разговор прервали, так как, по мнению врачей, говорить о «политике» было еще рано. Это, впрочем, нисколько не мешало самому Клемпереру в разговоре с Владимиром Ильичем не только переходить с немецкого языка на английский и наоборот, но и выспрашивать его мнение о Сан-Стефанском договоре и Берлинском конгрессе 1878 года, об оценке роли Горчакова и Бисмарка².

Когда Кожевников сказал, что для Владимира Ильича необходимо найти дело не менее интересное, чем политика, видимо, Клемперер тут же предложил: простые, но достаточно азартные игры. Ему ответили, что все попытки усадить Ленина за домино он отверг — «забывать козла» Владимир Ильич не хотел. Тогда пусть играет в шашки, продолжил доктор, но непременно с более слабыми противниками. Для Ленина — заядлого шахматиста — это звучало просто оскорбительно. «Это они меня за дурака считают», — сказал он Кожевникову и на глазах у него появились слезы³.

После этого Клемперер в Горках уже не появлялся. Фёрстер остался. Он продолжал регулярно посещать Владимира Ильича, и отношения явно стали налаживаться. Существенную роль в этом сыграло, видимо, и то, что Фёрстер, как отметила Мария Ильинична, всегда «старался, если к тому была хоть какая-нибудь возможность, пойти навстречу Владимиру Ильичу в высказываемых им желаниях»⁴.

Симптомы болезни проявлялись без всякой видимой причины. Утром 26-го он чувствовал себя великолепно. Сделал гимнастику, походил по комнате и решил присесть у окна. Но

¹ См.: Известия ЦК КПСС. 1991. № 3. С. 194, 195.

² Там же.

³ РГАСПИ. Ф. 16. Оп. 2. Ед. хр. 12. Л. 28.

⁴ Известия ЦК КПСС, 1991, № 3, с. 190.

именно в этот момент произошел спазм, и Владимир Ильич буквально рухнул в кресло. Хотел позвать Кожевникова, но не мог вспомнить его отчество.

Приступ вскоре кончился. А когда пришли Надежда Константиновна, Мария Ильинична и врач, Ленин лишь пошутил: «Когда министр или нарком абсолютно гарантирован от падения? Когда он сидит в кресле». Он сказал это смеясь, но, как записал Кожевников, его смех «произвел впечатление смеха сквозь слезы. Глаза грустные и влажные»¹.

А дело для Владимира Ильича все-таки нашли. Были необходимы какие-то упражнения для рук, и 30 июня из совхоза Горки пришла работница и стала учить его плетению корзин. Это было незнакомо и интересно, но, естественно, «политику» заменить не могло.

2 июля случилось так, что привычная «блокада» общения была прервана. В Горки приехала Инночка Арманд — дочь Инессы. Кожевников записал: «Было свидание с дочерью недавно умершей хорошей знакомой в течение 5 минут. Расспрашивал об ее жизни». После смерти Инессы Ленин и Крупская всячески опекали ее. Пяти минут, конечно, было мало, но все-таки... А днем к обеду приехала сестра — Анна Ильинична, вечером зашел брат — Дмитрий Ильич. Такого интенсивного общения у Владимира Ильича давно уже не было.

Обо всем, что происходило в Горках, естественно, докладывали Сталину, и 11 июля в 12 часов он приехал сюда сам. Позднее, в статье «Тов. Ленина на отдыхе», опубликованной в «Правде» 24 сентября 1922 года, Иосиф Виссарионович рассказывал: «Тов. Ленин во время моего первого свидания с ним в июле, после полуторамесячного перерыва, произвел на меня именно такое впечатление старого бойца, успевшего отдохнуть после изнурительных непрерывных боев и посвежевшего после отдыха. Свежий и обновленный, но со следами усталости, переутомления.

“Мне нельзя читать газеты, — иронически замечает тов. Ленин, — мне нельзя говорить о политике...” Тут же смеется над врачами, которые не могут понять, что профессиональным политикам, получившим свидание, нельзя не говорить о политике... Процесс эсеров, Генуя и Гаага, виды на урожай, промышленность и финансы — все эти вопросы мелькают один за другим. Он не торопится высказать свое мнение, жалуясь, что отстал от событий. Он главным образом расспрашивает и

¹ РГАСПИ. Ф. 16. Оп. 2. Ед. хр. 12. Л. 29.

мотает на ус. Очень оживляется, узнав, что виды на урожай хорошие»¹.

Запись Кожевникова добавляет существенные детали. Во время свидания (с 12.30 до 13.30) Владимир Ильич «немного волновался, но свидание прошло совершенно гладко. Оно было продолжительнее, чем предполагалось, т.к. трудно было его остановить. Владимир Ильич остался очень доволен свиданием».

Записал Кожевников и впечатления Сталина: «На тов. Сталина свидание произвело благоприятное впечатление и он нашел Владимира Ильича в гораздо лучшем состоянии, чем предполагал. Он мало отличался от Владимира Ильича до болезни». Врачи тут же учли это: со следующего дня, с 12 июля, Ленину разрешили прогулки в саду и в парке.

Более подробно Кожевников пишет и о содержании беседы: «Вечером В.И. вкратце рассказывал мне о содержании разговора. Говорили об урожае — он ожидается очень хороший, только еще не выяснено, во сколько раз он превысит прошлогодний.

Затем В.И. сообщил, со слов Сталина, что к эсерам будет применена условная амнистия, т.к. они заявили на суде, что будут продолжать вооруженную борьбу с Советской властью. Если они это действительно заявили, то это бестактно или даже глупо с их стороны и, конечно, при таких условиях другого приговора быть не может. Будет сдержано обещание, данное в Берлине, высшая мера наказания не будет применена, но амнистия будет условная. Если борьба возобновится, то амнистия будет аннулирована.

...Ходом дел в Гааге В.И. в общем доволен, но считает, что события идут слишком быстро. Если бы дело шло медленнее, то успех был бы полнее и раскол, уже намечающийся, был бы глубже. По-видимому, все же Франция, Англия, Америка расколются... Большое значение В.И. придает заявлению в английском парламенте, что Япония осенью эвакуирует Дальний Восток»².

В этот вечер он лег рано и в хорошем настроении. Но в три часа ночи разбудила гроза, а когда она кончилась, вороны раскричались так, что было уже не до сна. Владимир Ильич обдумывал вчерашний разговор и что-то в нем его зацепило. Был в беседе сюжет, который как-то проскочил среди других текущих дел.

¹ Сталин. И. Соч. Т. 5. С. 134, 135.

² РГАСПИ. Ф. 16. Оп. 2. Ед. хр. 12. Л. 41, 42, 43.

Сталин рассказал, что немецкие врачи, обследовав руководящую верхушку партии и Советов, пришли к выводу, что большинство из них за прошедшие годы потрепали здоровье и нуждаются в лечении. Вот и порешили сократить число функционирующих членов Политбюро, а остальных отправить на отдых.

Была, видимо, затронута еще одна тема — о бывших оппозиционерах. Во всяком случае, рассказывая Кожевникову о разговоре со Сталиным, Ленин почему-то вспомнил о том, что Пятаков вместе с Бухариным, Радеком и другими «левыми» выступал против Брестского мира. «Теперь это деление сгладилось», — заметил Владимир Ильич. То, что все это проскочило в разговоре со Сталиным как бы между прочим, Ленина насторожило. Так уже было в марте, накануне XI съезда, когда информация о реорганизации аппарата и новой роли Секретариата ЦК была погружена в «вермишель» текущих назначений и перемещений.

Утром 12-го, до прихода врачей, Ленин не диктует, а впервые сам пишет письмо Каменеву — не о Гааге, не о суде над эсерами и даже не об урожае: «т. Каменев! Ввиду чрезвычайно благоприятного факта, сообщенного мне вчера Сталиным из области внутренней жизни нашего ЦК, предлагаю ЦК сократить до Молотова, Рыкова и Куйбышева с кандидатами Каменев, Зиновьев и Томский. Всех остальных на отдых, лечиться. Сталину разрешить приехать на августовскую конференцию. Дела замедлить — выгодно кстати и с дипломатической точки зрения. Ваш Ленин.

P.S. Приглашаю на днях Вас к себе, хвастаю моим почерком; среднее между каллиграфическим и паралитическим (по секрету).

P.P.S. Только что услышал от сестры о бюллетенях, вами обо мне выпущенных. И хохотал же! “Послушай, ври да знай же меру!”»

Кожевников в своих записях пояснил: «очень смеялся, когда узнал о том, что в первом бюллетене было сказано о желудочно-кишечном заболевании, сопровождавшимся нарушением кровообращения. Во время консультации сказал, я думал, что лучшие дипломаты в Гааге, а оказывается они в Москве — это врачи, составившие бюллетень о моем здоровье»¹.

Письмо, как видим, получилось спокойное, даже веселое. Но Каменев хорошо знал Ленина и ему стало ясно, что Ильич не пропустил мимо ушей предложение о сокращении чис-

---

¹ В.И. Ленин. Неизвестные документы. С. 543.

ла функционирующих членов Политбюро. Ведь он сам предлагал пропустить всех их через врачебную комиссию. Но в письме Ленин не вводит в остающийся узкий состав ПБ ЦК ни самого Каменева, ни Зиновьева — они только кандидаты, а Сталина вообще хочет отправить в отпуск до Всероссийской партконференции.

14 июля Каменев приехал в Горки. Свидание (с 12.30) продолжалось полтора часа. «Из них полчаса, за обедом, — пишет Кожевников, — Владимир Ильич жадно слушал рассказ Каменева, задавал вопросы, всем интересовался, особенно было по-видимому приятно узнать о стабилизации рубля и о прекрасном урожае...

После обеда еще уходил на 5 минут “посекретничать” с Каменевым у себя в кабинете...

Л.Б. Каменев нашел, — отмечает Кожевников, — что В.И. не хуже, чем бывал зимой, когда сильно уставал или после бессонной ночи. И не заметил бы, что В.И. перенес серьезную болезнь, если бы этого не знал. Письмо полученное Л.Б. от В.И., по словам первого, написано прекрасно и почерк мало отличается от обычного почерка В.И.»¹.

Видимо, за 5 минут «секретничанья» во время пребывания в Горках разговор о партийных делах не закончился, и Каменев обещал изложить свои соображения в письме. Письмо это Ленин получил, судя по всему, 15-го и, к сожалению, оно не сохранилось. Так что о его содержании можно судить лишь по ленинскому ответу.

Каменев откровенно написал о том, что предполагаемую процедуру отправки на лечение можно использовать для того, чтобы отодвинуть некоторых членов ПБ в сторону. И прежде всего речь идет о Троцком. Он претендует на особую роль в партии, а посему представляет собой главную угрозу губительного раскола. И его пребывание в Политбюро якобы превращает этот руководящий орган в корабль с не заделанной брешью, когда ради спасения приходится выбрасывать пушки за борт. Вопрос же о том, кого — куда следует решать не на заседании ПБ или членов ЦК, а на более узком «частном совещании».

Наверняка Лев Борисович писал не столь прямолинейно — он даже не назвал фамилии Троцкого. Но Ленин понял, кого он имеет в виду под «здоровой пушкой». Цитируя письмо Каменева, Владимир Ильич пишет: «Выкидывает ЦК или готов выкинуть здоровую пушку за борт», — Вы пишете. Разве это не

---

¹ РГАСПИ. Ф. 16. Оп. 2. Ед. хр. 12. Л. 45.

чрезмерное преувеличение? Выкидывать за борт Троцкого — ведь на это Вы намекаете, иначе нельзя толковать — верх нелепости. Если Вы не считаете меня оглупевшим уже до безнадежности, то как Вы можете это думать???? Мальчики кровавые в глазах...»

Что касается «частного совещания», которое решит, кого отправлять на отдых, а кого оставить, то его надо отложить для того, чтобы: «1) позондировать почву сначала и 2) обеспечить, что совещание не взорвет страсти. Я ругаться не буду наверняка. А другие?» В ответ, вероятнее всего по телефону, Каменев пообещал провести совещание с коллегами и о его итогах сообщить Ленину¹.

16 июля с утра к Ленину пришел Бухарин, отдохнувший в соседнем доме отдыха. «Говорил за обедом об урожае, — пишет Кожевников, — о стабилизации рубля, о понижении процента учета Госбанком, а потом с глазу на глаз о партийных делах. На Николая Ивановича В.И. произвел очень хорошее впечатление и Н.И. тоже нашел, что зимой после утомления В.И. бывал часто хуже и вид у него теперь лучше, чем зимой...

После ужина было вторичное свидание с Бухариным, продолжавшееся 10 минут. Во время свидания, между прочим, В.И. спросил Н.И., что нового в Германии. На уклончивые ответы Бухарина В.И. заявил: «Ну Ратенау ухлопали, а кого-нибудь еще ухлопали?» Откуда В.И. узнал об убийстве Ратенау [немецкого промышленника и политического деятеля], он не сказал. После свидания В.И. читал»².

Вероятно, в беседе с Бухариным был затронут и вопрос о высылке за границу руководителей уже упоминавшихся «антисоветских групп интеллигенции». Дело это приобретало все более затяжной характер. 1 июня 1922 года ГПУ представило в Политбюро ЦК РКП(б) докладную записку, в которой анализировались настроения различных оппозиционных групп в ВУЗах, общественных организациях, частных издательствах, на различных ведомственных съездах, в кооперации, трестах и других учреждениях³.

Готовил записку особоуполномоченный ГПУ, бывший эсер, ставший большевиком в 1917 году, Яков Агранов. И поскольку лояльная интеллигенция, то есть большинство специалистов, которые строили, лечили и учили Россию, находились вне сферы его интересов, то выборочные агентурные данные,

¹ В.И. Ленин. Неизвестные документы. С. 544, 547.

² РГАСПИ. Ф. 16. Оп. 2. Ед. хр. 12. Л. 47.

³ См.: Высылка вместо расстрела. С. 75.

приведенные им, рисовали достаточно мрачную, а главное — масштабную картину грозящей опасности.

Главный вывод сводился к тому, что «ослабление репрессий окрылило надежды антисоветской интеллигенции, и в последнее время различные ее слои в разных формах ведут... упорную контрреволюционную работу». А это «диктует необходимость принятия ряда мер по пресечению деятельности руководителей движения»¹.

8 июня Политбюро обсудило представленный Уншлихтом соответствующий доклад и приняло развернутое постановление. В частности, именно на этом заседании было принято решение «о создании особого совещания из представителей НКВД и НКЮ, которому предоставить право в тех случаях, когда имеется возможность не прибегать к более суровому наказанию, заменять его высылкой за границу или в определенные пункты РСФСР»².

Особое совещание, как орган внесудебных репрессий, было учреждено в России Александром III еще в 1881 году и просуществовало до 1917 года. Именно его решениями отправлялись в Сибирь активные участники оппозиционного и революционного движений самых различных партий. В их числе были и большевики — Ленин, Сталин, Дзержинский, Троцкий и другие.

При рассмотрении положения об Особом совещании во ВЦИК, его название — дабы не напоминать о «старом режиме» — заменили на Особую комиссию, сократили срок возможной высылки — в сравнении с прежним Особым совещанием — с пяти до трех лет, а главное — узаконили возможность замены ссылки в Нарым или Туруханский край высылкой за границу³.

На том же заседании Политбюро 8 июня для рассмотрения списка высылаемых «верхушек враждебных группировок» учреждалась комиссия в составе Уншлихта, Курского и Каменева, а также несколько других комиссий по проверке союзов специалистов.

И уже 22 июня Уншлихт представил список из 11 врачей, кои «за использование своего положения делегатов съезда для антисоветской агитации, рассчитанной на подрыв доверия к Советской власти в момент внешних затруднений», отправлялись на два года в административном порядке в голодающие

---

¹ Высылка вместо расстрела. С. 75, 80.

² Там же. С. 82.

³ См.: *Мозошин О.Б.* Право на репрессии. С. 48, 49.

губернии, Киргизию и Туркестан для работы по специально-сти, предоставив им неделю на сборы¹.

А на места за подписью Уншлихта пошли телеграммы с требованием доставки в Москву списков «антисоветской интеллигенции», подлежащей ссылке или высылке. Так решение Политбюро и указания Ленина в письме от 19 мая 1922 года о «штучном» отборе из «верхушек» стало приобретать расширительный характер. И теперь анализ мотивов высылки (иначе, как выразился Владимир Ильич, — «мы наглупим») из рук членов Политбюро и наиболее образованных коммунистов переходил в компетенцию местных чекистов. Немудрено, что только из Украины сразу же пришел список на 73 человека, кои были сочтены «вредными» и «неблагонадежными»².

Видимо, об этом и зашел разговор у Бухарина с Лениным во время визита 16 июля 1922 года. Во всяком случае, именно в этот день Владимир Ильич пишет Сталину: то, что за границу надо высылать верхушку меньшевиков, народных социалистов, кадетов — кои «неисправимы» — это бесспорно. Но у меньшевиков это должны быть фигуры такого калибра, как А.Н. Потресов или Н.А. Рожков, у эсеров — такие, как А.В. Пешехонов или В.А. Мякотин, у кадетов — такие, как «веховцы» А.С. Изгоев или С.Л. Франк.

Если той же меры заслуживают В.Н. Розанов, Н.А. Вигдорчик или М.М. Магула, то не как врачи, а как активные меньшевики, а А.Б. Петрищев и А.Г. Горнфельд — не как литераторы, а как активнейшие народные социалисты. К таким же «неисправимым» следует отнести сотрудников журналов «Экономист», «Мысль», «Летопись Дома литераторов», статьи которых прочел сам Владимир Ильич.

Все они, пишет Ленин, «враги самые беспощадные» и даже если «подобных господ» наберется по всей России «несколько сот... выслать за границу безжалостно. Очистим Россию надолго»³.

Забегая вперед, отметим, что когда в конце июля комиссия Уншлихта, Курского и Каменева составила сводные списки «активной антисоветской интеллигенции» Москвы, Петрограда и Казани на 107 человек, тут же пошел поток ходатайств от различных учреждений и ведомств об отмене высылки для целого ряда лиц. И Политбюро создало новую комиссию под

---

¹ См.: В.И. Ленин. Неизвестные документы. С. 546; Высылка вместо расстрела. С. 82, 84.

² См.: Высылка вместо расстрела. С. 73, 85, 101.

³ См.: В.И. Ленин. Неизвестные документы. С. 545.

председательством Дзержинского с правом отмены решения для тех, кто — при всей их оппозиционности — действительно необходим стране¹.

Возвращаясь в Горки, сразу скажем, что отрицательно на здоровье Ленина все эти «политические» свидания никак не повлияли. Чувствовал он себя хорошо. Отлично спал. Никаких головных болей. Много читал. Много — по несколько часов — гулял в парке. Правда, от длительной ходьбы уставал и тогда присаживался на лавочку, а если день был хороший, ложился на траву и смотрел в небо. И для него самого было важно, что уставал именно от ходьбы, а не от «политики».

Усердно занимался правописанием, устным счетом. Учился плести корзины. Врачи предлагали различного рода тесты, физические упражнения. Он дисциплинированно выполнял все их предписания. Тренировались и в запоминании сложных незнакомых слов. Название мексиканского вулкана — Попокатепетель — далось не сразу, но потом запомнилось твердо. И в последующие дни, на вопросительный взгляд врача, Ленин, улыбаясь, тщательно выговаривал — Попокатепетель. В устном счете перешли к умножению трехзначных чисел на двухзначные, потом на трехзначные и т.д.²

Но за всем этим он не забывал и о другом — обещанном Каменевым 15 июля ответе относительно Троцкого. И утром 18 июня Владимир Ильич «написал очень скоро, крупным почерком записку Сталину». Вот ее текст: «Тов. Сталин! Черкните за себя и за Каменева, не забыл ли он: условились, что он ответит насчет Троцкого после общего совещания. Ваш Ленин»³.

19 июля во время очередной консультации Фёрстера и Крамера Владимир Ильич «поднял вопрос о чтении газет, и профессор Фёрстер разрешил до воскресенья читать газеты за май, июнь и начало июля, а в воскресенье прочесть новую газету». Для Ленина это уже был праздник. «Настроение очень хорошее, — отмечает Кожевников, — голова не болит»⁴.

Пришел ответ от Сталина. Текст его, как и письма Каменева от 15-го, не сохранился. Но есть короткая записка Ленина: «т. Сталин! Очень внимательно обдумал Ваш ответ и *не* согласился с Вами». То есть, вопрос о Троцком, о том, чтобы «выкинуть здоровую пушку за борт», был закрыт. И тут же, дабы сгла-

¹ См.: В.И. Ленин. Известные документы. С. 556, 557.

² См.: РГАСПИ. Ф. 16. Оп. 2. Ед. хр. 12. Л. 45, 46, 47, 49.

³ Ленин В.И. Известные документы. С. 547; РГАСПИ. Ф. 16. Оп. 2с. Ед. хр. 12. Л. 48.

⁴ Ленин В.И. Известные документы. С. 547; РГАСПИ. Ф. 16. Оп. 2с. Ед. хр. 12. Л. 49.

дуть конфликт, Владимир Ильич добавляет: «Поздравьте меня: получил разрешение *на газеты!* С сегодня на старые, а с воскресенья *на новые!* Ваш Ленин»¹.

Чтение газет буквально захватило его. Он читал их часами, но не подряд, а выборочно, ориентируясь по заголовкам. Некоторые статьи расстраивали, хотя он и старался скрыть это от окружающих. 21-го прочел очередной отчет о процессе над эсерами, а потом сказал Кожевникову, что «читать этого и не надо было, т.к. процесс протекает мимо него»².

А в результате — разболелась голова. Но когда врачи посоветовали ограничить чтение беллетристикой, Ленин никак не хотел признать, что в этом повинны именно газеты. Мало того, 26-го он настоял на том, чтобы ему доставили и белоэмигрантскую прессу. Фёрстер, Крамер и Кожевников уступали до определенного предела. И когда 28-го Сталин прислал письмо с просьбой дать интервью американскому корреспонденту, они, как говорится, стали стеной и Владимиру Ильичу пришлось «категорически отказать»³.

В этот день, 28-го, к нему приехал Троцкий. Виделся он с Лениным в период болезни крайне редко, и после приведенной выше переписки относительно «здоровой пушки» визит этот носил явно демонстративный характер. Встреча, как отметил дежурный врач, прошла «оживленно», но ее сократили до получаса. Троцкий нашел, что у Владимира Ильича прекрасный вид, «как будто у него был насморк, который прошел, и нельзя поверить, что В.И. перенес такую тяжелую болезнь»⁴.

29 июля Ленина осматривали Фёрстер, Крамер и Семашко. Владимир Ильич всячески бодрился, много шутил, но все-таки признался, что кроме головной боли иногда «шалит ножка», появляется ощущение, будто он ее «отлежал». Это несколько насторожило врачей. Но на следующий день, 30-го, приехал Сталин. Во время встречи «В.И. был в прекрасном настроении. Говорили исключительно о делах, преимущественно о партийных, в связи с предстоящей конференцией. Сталин, — отметил врач, — по-видимому, смотрит на В.И. как на совершенно здорового человека». Поэтому и встреча продолжалась 1 час 20 минут⁵.

1 августа в Горки прибыл Зиновьев. Свидание продолжалось 1 час. Кожевников записал: «На Зиновьева В.И. произвел

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 54. С. 273.

² РГАСПИ. Ф. 16. Оп. 2. Ед. хр. 12. Л. 53.

³ Там же. Л. 56.

⁴ Там же. Л. 56.

⁵ Там же. Л. 57.

очень хорошее впечатление и по его состоянию трудно даже представить, что В.И. перенес столь тяжелую и серьезную болезнь. Говорит все время исключительно о делах. В.И. был очень оживлен, вспоминал из прошлого иногда даже очень мелкие факты, которые и Зиновьев не помнил. К концу беседы В.И., по словам Зиновьева, несколько раз брался за голову и по-видимому несколько устал¹.

Как видим, в разговорах с Кожевниковым и Зиновьев, и особенно Сталин и Троцкий высказывались весьма оптимистично. Однако Каменеву, Сталину и Зиновьеву Троцкий написал другое: «Владимир Ильич в разговоре со мной несколько раз говорил о “параличных явлениях” у него и посматривал глазком на меня: что скажу?.. Я почувствовал “ловушку” и промолчал.

Мне кажется, он хотел узнать, так ли это. То, что он то же слово употребил в разговоре с т. Зиновьевым, свидетельствует, мне кажется, о том, что этот вопрос его сейчас больше всего интересует. Нужно бы выяснить “линию” в связи с тем, что говорят врачи».

Сталин, прочитав записку, отвечает: «Пожалуй, верно». Соглашается и Каменев: «Наблюдение верно», а Зиновьев предлагает: «“Линия”, по-моему, должна заключаться в том, чтобы опровергать эту версию».

Но Троцкий возражает: «Опровергать “вообще” — произведет впечатление обратное тому, которое желательно. Нужно получить от Фёрстера точное разъяснение, чем болезнь отличается от “параличных явлений”, ибо В.И. **не поверит**, что мы не справлялись об этом и не знаем, — а если справлялись и молчим или отвечаем общо, — значит *паралич*».

Каменев отвечает: «Предлагаю устроить перед отъездом Фёрстера совещание с ним Зиновьева, Троцкого, Сталина и Каменева. Это перед отъездом вообще нужно бы». Сталин соглашается: «Предложение Каменева следует принять». И последняя запись: «За. Поручить т. Енукидзе устроить это. Г. Зиновьев. Троцкий»².

2 и 3 августа Ленин чувствовал себя хорошо, разве что стал побаливать заплombированный зуб. Но это не помешало Владимиру Ильичу засесть за чтение доклада о финансовой политике на 1922-1923 годы. Но вечером 3-го стала собираться гроза, голова начала побаливать и доклад пришлось отложить.

¹ РГАСПИ. Ф. 16. Оп. 2. Ед. хр. 12. Л. 58.

² РГАСПИ. Ф. 16. Оп. 2. Ед. хр. 111. Л. 4.

А 4 августа, в пятницу, неожиданно случился приступ болезни, от которого растерялись сами врачи.

В 12 часов 48 минут отказали правая рука и нога. Минут через 20 это стало проходить, но полное расстройство речи продолжалось дольше. Лишь через полтора часа все пришло в норму. Дежурный врач записал: «В.И. все время был в сознании и понимал, что с ним происходит. При параличе все время себя исследовал... Несколько раз брал часы и смотрел, сколько времени продолжается приступ... В.И. сравнивает этот приступ с первым, бывшим в мае... Чтобы успокоить, я стал доказывать, что между майским и сегодняшним приступом большая разница». По просьбе врача он пересказал читанное утром, а на вопрос о вулкане в Мексике уверенно ответил: Попокатепель¹.

Владимир Ильич помнил, что в мае за первым приступом последовал еще более тяжелый второй, и на случай ухудшения решительно настоял — «в порядке исключения» — на том, чтобы к нему на 15 минут вызвали Сталина, ибо, как он заявил, его «очень волнует решение одного вопроса».

В субботу, 5-го, Сталин приехал. Ленин уже чувствовал себя хорошо и действительно уложился в 15 минут. Но о чем был разговор — неизвестно². Известно лишь, что Сталин доставил ему приветствие от XII Всероссийской партконференции и Владимир Ильич попросил его поблагодарить делегатов и выразил надежду на скорое возвращение к работе.

Врачи, однако, думали по-другому. Утром 7-го профессора Фёрстер и Крамер зачитали Ленину новый распорядок дня, предлагаемый ими на ближайшие две недели. Пункт о свиданиях был сформулирован в нем так: «Свидания разрешаются только тогда, когда врач находится в доме. Политические свидания не разрешаются».

О реакции Ленина пишет Кожевников: «Этот пункт крайне разволновал и рассердил В.И. Он потребовал, во-первых, чтобы на врачей не возлагали “полицейские обязанности”, во-вторых, он совершенно не согласен с запрещением политических посещений, т.к. это равносильно полному запрещению свиданий».

Врачи немного уступили, и пункт о свиданиях стал звучать так: «Свидания разрешаются с ведома врачей в случаях, когда у В.И. является настоятельная потребность выяснить какой-нибудь вопрос и он его сильно волнует, но свидание не должно

¹ РГАСПИ. Ф. 16. Оп. 2. Ед. хр. 111. Л. 61, 62.

² Там же.

продолжаться более 3 часа». Фёрстер сообщил, что он ненадолго уезжает, оставляя Владимира Ильича на попечении российских коллег, и Ленин вежливо простился с ним, «благодарил его за заботу, пожелал счастливой дороги и т.п.»

А тут как раз приехали в Горки Орджоникидзе, Петровский и Крестинский. Беседуя с ними, Ленин все еще был взволнован конфликтом с врачами и, как пишет Кожевников, руки у него, особенно правая, сильно дрожали, и «даже Орджоникидзе нашел, что В.И. говорил плохо». Однако «в общем впечатление от свидания у всех троих хорошее». Вот только сам Владимир Ильич «после свидания волновался еще больше и боялся, что вследствие волнения, он произвел плохое впечатление на своих посетителей»¹.

Проводив гостей, он написал письмо Сталину, которое потребовал немедленно отправить с нбронным. Письмо это им самим ошибочно датировано 7 июля (7VII). Речь идет о явной опiske, которая характерна в начале месяца при его написании римскими цифрами. О том, что письмо это не может быть отнесено к началу июля, говорит прежде всего нормальный ленинский почерк.

В июне и начале июля Владимир Ильич, как указывалось выше, усердно и ежедневно упражнялся в правописании для того, чтобы выправить почерк, резко изменившийся во время болезни. Поэтому он и диктовал свои послания Марии Ильиничне. Лишь 12 июля в письме Каменеву и 13 июля — Фотиевой он впервые отмечает, что почерк его «начинает становится человеческим»².

В письме Сталину упоминаются пять фактов: 1. Свидание с Каменевым в четверг; 2. Острый приступ болезни в пятницу; 3. 15-минутный разговор со Сталиным в субботу; 4. Конфликт с врачами; 5. Отправка данного письма Сталину. Ни один из указанных фактов в июль не укладывается. И, наоборот, четыре из них (№№ 2-5) фиксируются дежурными врачами 4-7 августа. То, что они не отметили беседу с Каменевым, вполне объяснимо, если эта беседа состоялась утром, до обычного прихода врачей в полдень. Видимо, этим и объясняется требование нового распорядка дня о необходимости при свиданиях обязательного присутствия врача в доме.

Итак, вот текст письма 7 августа 1922 года: «Т. Сталин! Врачи, видимо, создают легенду, которую нельзя оставить без опровержения. Они растерялись от сильного припадка в пятни-

¹ РГАСПИ. Ф. 16. Оп. 2. Ед. хр. 111. Л. 64, 65.

² См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 54. С. 273.

цу и сделали сугубую глупость: попытались запретить “политические” посещения (сами плохо понимая, что это значит!!). Я чрезвычайно рассердился и отшил их. В четверг у меня был Каменев. Оживленный политический разговор. Прекрасный сон, чудесное самочувствие. В пятницу паралич. Я требую Вас экстренно, чтобы успеть сказать на случай обострения болезни. Успеваю все сказать в 15 минут и на воскресенье опять прекрасный сон. Только дураки могут тут валить на политические разговоры. Если я когда волнуюсь, то из-за отсутствия своевременных и политических разговоров. Надеюсь, Вы поймете это, и дурака немецкого профессора и Ке отошьете. О пленуме ЦК непременно приезжайте рассказать или присылайте кого-либо из участников. С комприветом Ленин»¹.

Сталин приехал 9 августа в 5 часов пополудни. Ленин, видимо, как и в письме, убеждал его в том, что приступы болезни никак не связаны с его «политическими» свиданиями. Беседа длилась менее получаса, дальнейшие посещения разрешили, но договорились, что по поводу их формата надо посоветоваться с врачами.

11-го к Ленину приехали председатель ЦИК Азербайджана С.А. Агамали оглы и сопровождавший его секретарь ВЦИК Авель Енукидзе. Владимира Ильича интересовали положение в Азербайджане и Закавказской Федерации, вопрос о создании в республике Красной Армии, отношение азербайджанцев к созданию нового алфавита и т.д. Но серьезного разговора не получилось, ибо время его ограничили 10 минутами².

На следующий день под руководством профессора Крамера провели исследование функций памяти и запоминания, устойчивости внимания, проделали опыты с текстами, и «все эти испытания показали, что функции эти у В.И. можно считать почти абсолютно восстановленными»³.

15-го вновь приехал Сталин и, помимо текущих дел, разговор пошел о реорганизации Наркомата рабоче-крестьянской инспекции. Зампред СНК А.Д. Цюрупа, назначенный в мае по совместительству наркомом РКИ, из-за болезни к этой работе так и не приступал. И, как заметил Ленин, — «боюсь, что работа не совсем правильно стоит... *Переделки* аппарата и улучшения его нет... Я все надеялся, что приток новых работников в коллегии РаКри оживит дело, но из расспросов Сталина не мог видеть этого»⁴.

¹ В.И. Ленин. Неизвестные документы. С. 542.

² См.: РГАСПИ. Ф. 16. Оп. 2. Ед. хр. 12. Л. 67.

³ Там же. Л. 68.

⁴ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 54. С. 274.

Беседа продолжалась час и к концу ее, как заметил Кожевников, Владимир Ильич несколько утомился. Алексей Михайлович даже пометил в «Журнале дежурных врачей», что у Ленина опять появилось дрожание в правой руке.

Но все это быстро прошло. На следующий день, 16-го, Ленин чувствовал себя хорошо и, дабы не пререкаться с врачами, обратился напрямую к Сталину с просьбой прислать к нему для беседы поочередно на полчаса Л.Б. Красина, замнаркома финансов М.К. Владимирову и зампреда ВСНХ И.Т. Смилгу, «согласовав этот вопрос утром в день приема с врачами»¹.

Владимиров приехал на следующий день. Визит длился полчаса и, как заметил врач, «В.И. остался этим свиданием очень доволен». Обсудили вопрос о политике Наркомфина по отношению к нэпманам в связи с тяжелейшим финансовым положением страны. Спустя несколько дней Ленин написал Владимирову: «Насчет уловления “нэпманов” советую очень обдумать... Вводить ли подходящий налог или принудительный заем?» Но решить это можно лишь тогда, когда будут реальные данные о нэпманах и их доходах².

19 августа состоялась встреча с Иваром Смилгой. Он пришел за поддержкой: написал Сталину заявление с просьбой освободить его от должности зампреда ВСНХ и начальника Главтопа, ибо сработаться с Рыковым никак не может. Склок Ленин не терпел и просьбу Смилги не поддержал. Лишь посоветовал ему озаботиться улучшением работы Главтопа. О том же Владимир Ильич написал и Сталину, попросив его приехать 23-го в Горки³.

Разговор со Смилгой был не из тех, которые доставляют удовольствие, но настроению Владимиру Ильичу не испортил. Он «долго разговаривал со мной, — пишет Кожевников, — и сказал, что сегодня, пожалуй, первый день, что не болела голова. Самочувствие очень хорошее.. Вообще последние три дня В.И. производит впечатление здорового человека»⁴.

Он действительно чувствовал себя хорошо. Много гулял, ежедневно читал газеты, старательно выполнял все упражнения, предписанные врачами. 21-го состоялось свидание с Красиным. Леонид Борисович собирался в Берлин, и они обсудили предстоявшие там переговоры о концессии с Лесли Уркартом. Кожевников пометил, что получасовая встреча прошла

¹ См.: В.И. Ленин. Биографическая хроника. Т. 12. С. 363.

² См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 54. С. 274.

³ См.: Ленинский сборник XXVIII. С. 423-424.

⁴ РГАСПИ. Ф. 16. Оп. 2. Ед. хр. 12. Л. 73.

«очень хорошо и В.И. не устал». Вечером «В.И. виделся несколько минут с Мещеряковым и Преображенским». На следующий день на полчаса приехал Рыков. А вот 23-го беседа со Сталиным превысила норму: она длилась уже час. И никаких «признаков усталости замечено не было»¹.

Иногда, впрочем, появлялось ощущение того, что правая нога начинает неметь, но оно быстро проходило. И дабы успокоить Кожевникова, Владимир Ильич становился на одну эту ногу, демонстрируя полную ее дееспособность. 24 августа вернулся Фёрстер, и вместе с Крамером они стали буквально через день приезжать в Горки.

Все их исследования устойчивости внимания, зрительной и слуховой памяти, запоминания, утомляемости и т.п. давали самые хорошие результаты. К этой работе привлекли и доктора А.П. Нечаева, у которого были свои методы психологического тестирования. И, как записано в книге дежурных врачей, его «результат получился весьма хорошим»².

Посоветовавшись, врачи удлиннили время прогулок, решили читать научную и иностранную литературу. Но главное. — пообещали *через месяц выписать на работу*, а пока продлили время свиданий до часа. И все, кто приезжал после этого — 25-го Раковский, 27-го Каменев, 29-го Скворцов-Степанов, 30-го утром опять Сталин, — укладывались в данный лимит. А вот 31-го разговор с Свидерским затянулся на 1 час 20 минут.

«Я уже почти здоров...»

В эти последние дни августа одной из тем, привлекавших особое внимание Владимира Ильича, стал вопрос о взаимоотношениях РСФСР с другими советскими республиками. Вероятнее всего, именно с этим были связаны и два часовых визита Сталина (23-го и 30-го), и беседа с предсовнаркома Украины Раковским (25 августа).

Дело в том, что по мере реализации новой экономической политики эта проблема становилась все более актуальной. Секретарь ЦК КП Украины Дмитрий Мануильский писал по этому поводу Сталину: «Опыт истекшего года показал, что то положение, которое создалось на окраинах и, в частности, на Украине, приводящее к ряду конфликтов между ведомствами

¹ См.: РГАСПИ. Ф. 16. Оп. 2. Ед. хр. 12. Л. 74, 75.

² Там же. Л. 78.

центра и мест, дальше длиться не может. Это положение, приводящее к тому, что ответственные товарищи должны тратить три четверти своего времени на урегулирование конфликтов, должно быть радикально пересмотрено, ибо оно не отвечает более объективной обстановке».

Мануильскому удалось наиболее полно выразить отношение к проблеме управленцев-прагматиков, той части «ответственных товарищей», которые сожалели о том, что им приходится «тратить три четверти своего времени» из-за какой-то «независимости». В годы революции и гражданской войны, считал он, — «это была неизбежная уступка национальной стихии, приведенной революцией в движение, и которая, опираясь на недовольство крестьянской массы, могла превратиться в серьезнейшую “Вандею”. Изменение экономической политики внесло успокоение в деревню, выбив почву из-под ног политических сепаратистов, пытавшихся использовать экономику для своих целей».

«Нынешняя форма взаимоотношений, — писал он, — изжила себя и на место единого руководства у нас создается несколько “хозяев”, что не может не отражаться губительно на самом хозяйстве. Теперь, когда в нашем административном аппарате надлежит установить и поднять чувство ответственности за порученное каждому дело, эта система двойственности вносит лишь путаницу и затрудняет положение с хозяйственным возрождением страны»¹.

Необходимость урегулирования взаимоотношений между РСФСР и независимыми советскими республиками, но с иных позиций, отстаивал и председатель Совнаркома Украины Христиан Раковский. Он полагал необходимым признать, что «Советская федерация не является однородным национальным государством», а посему важно «выработать действительную федерацию, которая обеспечила бы для всех одинаковые условия революционного строительства, объединила бы рабочий класс всех национальностей России на основе равноправия...»

Раковский считал, что НЭП освободил «мелкобуржуазную капиталистическую стихию не только в окружающей среде, но и у самих наших государственных органов и государственных хозяйственных объединений. Они стали проявлять ту же жадность к наживе и то же стремление к захвату, которое характерно вообще для капитализма, безразлично, является ли он государственным или частным. Ясно выразилась борьба за

---

¹ Известия ЦК КПСС. 1989. № 9. С. 193.

захват предприятий между центральными органами и местными органами».

Это особенно недопустимо теперь, когда «при страшной нищете, переживаемой республикой, все национальные расовые чувства обострились и сам пролетариат поддался общей мелкобуржуазной стихии». Все это говорит о том, что «необходимость урегулирования этих отношений между центром и местами для более правильного распределения всех благ страны между трудовыми массами всей федерации несомненна»¹.

С необходимостью безотлагательного решения указанных проблем был целиком согласен и Сталин. «Мы пришли к такому положению, — писал он Ленину, — когда существующий порядок отношений между центром и окраинами, т.е. отсутствие всякого порядка и полный хаос, становятся нетерпимыми, создают конфликты, обиды и раздражение, превращают в фикцию т.н. единое федеративное народное хозяйство, тормозят и парализуют всякую хозяйственную деятельность в общероссийском масштабе»².

В конце концов 10 августа Политбюро заслушало доклады Раковского и Мануильского «О взаимоотношениях между РСФСР и Украиной» и постановило образовать комиссию Оргбюро ЦК, которая должна к октябрьскому Пленуму ЦК РКП(б) подготовить предложения по более общему вопросу: о взаимоотношениях РСФСР со *всеми* независимыми советскими республиками «для оформления его потом в советском порядке».

На следующий день, 11-го, комиссия Оргбюро была сформирована. В нее вошли: Сталин, Куйбышев, Раковский, Орджоникидзе, Сокольников, А. Мясников (Армения), Агамали оглы (Азербайджан), Мдивани (Грузия), Г. Петровский (Украина), Червяков (Белоруссия), Янсон (ДВР), Ф. Ходжаев (Бухара) и А. Ходжаев (Хива). Созыв комиссии возлагался на Куйбышева, но ее фактическим руководителем был Сталин³.

Вскоре после этого, как рассказывал Сталин, «по просьбе гг. Орджоникидзе, Кирова и Мясникова, в присутствии этих товарищей», он написал набросок тезисов об объединении республик, который и привез Ленину⁴.

Первый пункт этого документа говорил о том, что Октябрьский переворот показал: решение национального вопроса в

¹ Известия ЦК КПСС. 1989. № 9. С. 211, 212.

² Там же. С. 198.

³ Там же. С. 191.

⁴ См.: Сахаров В.А. «Политическое завещание» Ленина. С. 226, 227.

бывшей Российской империи возможно лишь «в форме самостоятельных национальных республик». Второй пункт утверждал, что в годы Гражданской войны стало очевидным: отстоять национальное раскрепощение можно только «военным союзом всех советских республик». В третьем, — что начало восстановительного периода доказало: только «хозяйственным союзом» республик можно достигнуть общего экономического подъема. Четвертый пункт говорил о том, что Генуя и Гаага показали, что лишь «единым дипломатическим и внешне-торговым фронтом» можно отстоять само существование советских республик. И, наконец, пятый, — что внешней безопасности и умножения материальных богатств можно достигнуть «только более тесным военно-хозяйственным союзом всех советских республик».

Общий вывод: необходимо завершить процесс объединения республик «в одну федерацию, слив военное и хозяйственное дело и внешние сношения (иностранные дела, внешняя торговля) в одно целое, во всем остальном сохраняя за республиками самостоятельность, полную автономию во внутренних делах»¹.

Как видим, тезисы ограничивались общей постановкой вопроса о федерации, не определяя ее конкретные организационные формы. И, как писал Сталин в 1923 году, когда он ознакомил с этим документом Владимира Ильича, проект был «одобрен им в бытность мою у т. Ленина в “Горках”, кажется, в конце августа п/г»². Какие именно мысли и рекомендации были высказаны при этом Владимиров Ильичем, Сталин не указал. Но сразу после этого свидания Сталин пишет первоначальный проект предложений для комиссии ЦК по вопросу об объединении республик, который как раз и проясняет сущность соображений, высказанных Владимиром Ильичем.

Первое: «Признать своевременным объединение республик РСФСР, Украины, Белоруссии и Закавказской федерации в Союз Сов. Соц. Республик». Второе: «В основу объединения положить принцип добровольности равноправия республик с сохранением за каждой из них права свободного выхода из союза». Это были два — хорошо узнаваемых ленинских «гвоздя», на которых держалась его концепция решения проблемы объединения.

Комиссии ЦК поручалось также выработать проект *Декларации* об образовании Союза и проект *Договора* о созда-

¹ См.: Сахаров В.А. «Политическое завещание» Ленина. С. 646, 647.

² Там же. С. 227.

нии Союза, предусмотрев образование «союзных законодательных и исполнительных органов», слияние республиканских комиссариатов — Военно-Морского, Иностраннных дел, Внешней торговли, Путей сообщения, Почт и телеграфов в союзные наркоматы и подчинение республиканских наркоматов — НКФ, НКПрод, ВСНХ, НКТруд, РКИ директивам соответствующих комиссариатов Союза. Оба проекта комиссия должна была представить на одобрение Президиума ВЦИК, а затем внести на рассмотрение Первого съезда Советов СССР¹.

Принципиальные вопросы объединения республик были таким образом обговорены и можно было надеяться, что работа по созданию Союза будет успешно завершена. Может быть, отчасти и поэтому самочувствие у Владимира Ильича все эти дни было очень хорошим.

Самое важное — врачи отметили принципиальный перелом в настроении своего пациента. «Во время визитации, — записывает 1 сентября Кожевников, — В.И. очень бодр. Теперь он не сомневается в том, что здоровье восстанавливается вполне». Теперь его уже беспокоит «мысль о том, что еще целый месяц нельзя будет приступить к обычным занятиям». Но порадовало другое решение консилиума: «При желании, в хорошую погоду, В.И. может прокатиться в экипаже»².

И уже 2 сентября, после полуторачасовой беседы с Зиновьевым, в 18 часов, впервые за время болезни, Ленин выехал за пределы Горок. После стольких дней вынужденного лежания, сидения, вышагивания по исхоженным аллеям знакомого парка, после всяческих ограничений ему хотелось вырваться из привычного круга и он «все время просил пускать лошадей полным ходом». Проехали 10 верст. Остановились в лесу. Владимир Ильич вышел из экипажа, погулял, а потом пустились в обратный путь. После 20-верстовой езды никакой «усталости В.И. не ощущал»³.

На следующий день поездка повторилась, а когда после полуторачасовой прогулки Ленин вернулся в Горки, пустили фотографов, которые и запечатлели его в экипаже, в саду, с детьми и в комнате. «Настроение бодрое, веселое, голова не болит», — записывает Кожевников. В этот день «много разговаривал со мной об отвлеченных вещах»⁴. И можно лишь пожалеть о том, что Алексей Михайлович не написал о каких именно «отвлеченных вещах» они беседовали.

¹ См.: Сахаров В.А. «Политическое завещание» Ленина. С. 647, 649.

² См.: РГАСПИ. Ф. 16. Оп. 2. Ед. хр. 12. Л. 81, 82.

³ Там же. Л. 83.

⁴ Там же. Л. 83.

Прогулки стали ежедневными. Погода стояла хорошая и 4, 5, 6, 7, 8-го (6-го вместе с Надеждой Константиновной, а 7-го — с Марией Ильиничной) они уезжали в лес. Там он много гулял, собирал грибы, а иногда, где-нибудь на лужайке, зажмурив глаза, сидел на солнышке. Продолжались и свидания.

4 сентября целый час беседовал с Дзержинским. Они не виделись достаточно долго, и Феликс Эдмундович проинформировал о ходе операции по высылке наиболее активных представителей «антисоветской интеллигенции». В ночь с 16 на 17 августа, по заранее подготовленным спискам, в Москве, Петрограде и некоторых других городах было арестовано более ста человек (в Москве — 61, в Питере — 35), которым предъявили постановление коллегии ГПУ о высылке на три года за границу¹.

Списки составлялись на протяжении всего августа, была подготовлена и смета расходов. На одного депортируемого отпускалось около 212 млн. рублей дензнаками 1922 года: германская виза — 49 млн., железнодорожный билет от Москвы до Себежа — 15 млн., билет от Себежа до Берлина — 13 тысяч германских марок (по курсу 1 тыс. марок = 6-7 млн. рублей), питание на двое суток до Себежа — 8 млн. рублей, от Себежа до Берлина 2 тыс. марок и временное пособие — 5 тыс. марок².

Впрочем, вскоре выяснилось, что часть отъезжающих (33 человека) заявили о желании уехать с семьями за свой счет. И по маршруту не Москва — Берлин, а до Риги, или на пароходе от Петрограда до Штеттина. Их сразу освободили, дав неделю на сборы³.

Освободили из-под ареста, помимо 12 человек, находившихся под домашним арестом, также профессора Н.О. Лосского и журналиста Н.М. Волковысского, которые взяли на себя работу по оформлению документов. Им предоставили автомобиль, и на их плечи легли все хлопоты по получению виз, по обмену рублей на инвалюту для депортируемых и их семей⁴.

30 августа газета «Известия» опубликовала интервью Троцкого американской корреспондентке Л.А. Стронг. «Те элементы, которые мы высылаем или будем высылать, — заявил он, — сами по себе политически ничтожны. Но они потенциальные орудия в руках наших возможных врагов.

---

¹ См.: Высылка вместо расстрела. С. 115, 116, 122.

² Там же. С. 111, 112.

³ Там же. С. 112, 113.

⁴ Всероссийский комитет помощи голодающим. С. 532.

В случае новых военных осложнений... все эти непримиримые и неисправимые элементы окажутся военно-политической агентурой врага. И мы будем вынуждены расстреливать их по законам войны. Вот почему мы предпочли сейчас, в спокойный период, выслать их заблаговременно. И я выражаю надежду, что вы не откажетесь признать нашу *предусмотрительную гуманность* и возьмете на себя ее защиту перед общественным мнением»¹.

Сохранилась краткая запись Дзержинского о его беседе с Владимиром Ильичем: не полагаясь только на сотрудников ГПУ, «тщательно составлять списки, проверяя их и обязуя наших литераторов давать отзывы. Распределить между ними всю литературу».

Своему зампреду по ГПУ Дзержинский пишет более подробно: из-за отсутствия компетентных людей «у нас в этой области большое рвачество и кустарничество... Сведения должны проверяться с разных сторон так, чтобы наше заключение было безошибочно и бесповоротно, чего до сих пор не было из-за спешности и односторонности освещения...

Надо помнить, что задачей нашего отдела должна быть не только высылка, а содействие выпрямлению линии по отношению к спецам, т.е. внесение в их ряды разложения и выдвигания тех, кто готов без оговорок поддерживать Советскую власть»².

На следующий день после встречи с Дзержинским, 5 сентября, Ленин полтора часа беседовал с Калининым. «Владимир Ильич, — записал в своем дневнике Михаил Иванович, — был довольно оживлен, думает с октября приступить к работе, хотя опасается, как бы врачи не запретили»³.

5 сентября, как и 16 августа, дабы не затруднять врачей согласованиями, Ленин напрямую пишет записку Сталину с просьбой прислать к нему в Горки председателя Средазбюро ЦК РКП(б) Яна Рудзутака и председателя правления Центросоюза Льва Хинчука. Хинчук приехал на следующий день. Повод для вызова был вполне конкретный. Один из эмигрантов, некто А.С. Орлов, издал за границей брошюру, направленную против российского Центросоюза. Владимир Ильич расспросил Льва Михайловича о работе кооперации и предложил ему в двухнедельный срок написать брошюру, обобщающую первый опыт деятельности Центросоюза в условиях НЭПа⁴.

¹ Высылка вместо расстрела. С. 23.

² Там же. С. 24.

³ В.И. Ленин. Биографическая хроника. Т. 12. С. 372.

⁴ См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 54. С. 655.

В эмигрантской прессе, которую читал в эти дни Ленин, гораздо больше, нежели брошюра Орлова, огорчило Владимира Ильича письмо Горького Анатолю Франсу, опубликованное в «Социалистическом Вестнике» 20 июля. Начавшийся тогда процесс над эсерами Горький оценил как приготовление «к убийству людей, искренне служивших делу освобождения русского народа», и просил Франса обратиться к Советскому правительству, дабы это «преступление» предотвратить и «сохранить ценные жизни социалистов».

Первое желание, возникшее у Ленина — ответить. «Думал было обругать его в печати (об эсерах), — пишет он Бухарину в Германию 7 сентября, — но решил, что, пожалуй, это чересчур». Со времени написания Горьким письма прошло более двух месяцев, со дня окончания суда, сохранившего «ценные жизни социалистов», — месяц. «Я мало видел газет (заграничных почти не видал). Значит, и “обстановку” мало знаю», — продолжает Владимир Ильич и просит Бухарина: «Может быть, Вы его выдаете и беседуете с ним? Напишите, пожалуйста, Ваше мнение». А в конце письма дописывает: «P.S. Я уже почти здоров»¹.

Накануне, 6-го, он завел разговор с Фёрстером и Крамером относительно того, нельзя ли ему «начать знакомиться с делами» ранее 1 октября. Он продолжил его и в следующий их приезд 8-го. Но ответ был, видимо, слишком уклончивым: ссылались на то, что после интенсивных бесед вновь появляются признаки расстройства сна, нелады с желудком.

Это ужасно расстроило Владимира Ильича. «По-видимому В.И. угнетает то, — записал Кожевников 9-го, — что здоровье еще не вполне восстановилось. Он рассчитывал, что в сентябре будет уже совершенно здоров, но ожидания эти не вполне оправдались и, по-видимому, это очень огорчает В.И.»

Кожевникову Ленин сказал, что «свое теперешнее нервное состояние он сравнивает с тем, какое у него было еще в 1897 году, когда В.И. сидел в тюрьме и боялся, что его не выпустят в указанный срок. Тогда тоже была бессонница и нелады с кишечником». Потом это повторялось дважды — в конце ссылки и в эмиграции, и оба раза это было связано с нервным перенапряжением².

Свиданий однако Ленин не прекращает. После трехдневного перерыва, в воскресенье 10-го, приезжает Томский. Еще до этого он просил Владимира Ильича написать письмо В

¹ См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 54. С. 279, 280, 654.

² См.: РГАСПИ. Ф. 16. Оп. 2. Ед. хр. 12. Л. 89, 90.

Всероссийскому съезду профсоюзов, который открывался 17 сентября. Ленин ответил, что ему не хотелось бы «ограничиться общим и простым приветствием», а посему «надо побеседовать более или менее обстоятельно о какой-нибудь специальной теме». Вот и поговорили они об этом в Горках полтора часа¹.

11 сентября состоялся консилиум: приехали профессора Фёрстер, Крамер и Гетье. Решили дату выхода Владимира Ильича на работу, хотя и с определенными ограничениями во времени и нагрузке, не менять. «Настроение получше, — фиксирует Кожевников, — т.к. еще раз В.И. было категорически заявлено, что с 1 октября он сможет приступить к работе... Был оживлен, шутил». Повод нашелся. Профессор Гетье между прочим заметил, что пациент несколько пополнил: прогулки в экипаже это хорошо, но было бы полезно побольше ходить пешком, — сказал он².

Но за всеми шутками и независимо от «ограничений» врачей Владимир Ильич сам прекрасно понимал, что к прежнему режиму работы возврата не будет. Из этого следовало сделать самые серьезные выводы. А прежде всего позаботиться об укреплении Совнаркома и СТО. И в этот же день Ленин пишет письмо «Секретарю ЦК т. Сталину» для голосования «членов Политбюро по телефону».

«Ввиду того, что т. Рыков получил отпуск с приезда Цюрупы (приезд ожидается 20.IX), а мне врачи обещают (конечно, лишь на случай, если ничего худого не будет) возвращение на работу (вначале очень умеренную) к 1.X, я думаю, что на одного т. Цюрупу взваливать всю текущую работу невозможно, и предлагаю назначить еще двух замов (зампред СНК и зампред СТО), именно: т. Троцкого и Каменева. Распределить между ними работу при участии моем и, разумеется, Политбюро, как высшей инстанции»³.

Казалось бы, все понятно. СНК и СТО надо укрепить, и Ленин выкатывает туда две «здоровые пушки» — Троцкого и Каменева. Но все понятно, если смотреть на это с точки зрения дела. А вот если взглянуть на данное предложение через призму личных отношений, то все сразу осложняется.

Первым в перечне фамилий у Ленина стоит Троцкий — значит, он идет на зампреда СНК, а Каменев — на зампреда СТО, но это менее значимая должность, ибо СТО — всего лишь

¹ См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 555.

² См.: РГАСПИ. Ф. 16. Оп. 2. Ед. хр. 12. Л. 89.

³ В.И. Ленин. Неизвестные документы. С. 548-549.

комиссия Совнаркома. Помимо этого, хотя в письме и оговаривалось, что Политбюро остается «высшей инстанцией», из семи его членов уже четверо, то есть большинство, оказывается в Совнаркоме. Иными словами, такая передвижка могла существенно изменить тот расклад сил, который сложился за время болезни Ленина.

Получив ленинское письмо, Сталин на следующий день, 12 сентября, приезжает в Горки. Они проговорили более двух часов. После отъезда Сталина, размышляя о беседе (и памятуя о совете Гетье), Владимир Ильич долго гулял: «ходил в санаторий во вторую дачу (около 5 версты), там долго сидел, вернулся домой, обошел без отдыха весь парк и фруктовый сад» — это запись Кожевникова. На следующий день, 13-го, состоялась двухчасовая беседа Ленина с Каменевым, причем половина ее проходила конфиденциально в саду¹.

Между тем, на ленинском письме Сталин делает пометы: «Совершенно секретно», подчеркивает слова «по телефону», а по существу предложения Ленина пишет: «За (Сталин)». Встретившись с Троцким, он показывает ему письмо и от себя добавляет, что Льву Давыдовичу предполагается отдать под «специальное попечение» ВСНХ.

Выстраиваться в один ряд с другими зампредами СНК, как и вообще погружаться в мелочную рутину хозяйственных дел, проходящих через ВСНХ, Троцкий явно не хотел. Помимо этого он как раз собрался в отпуск для подготовки доклада конгрессу Коминтерна. «Если ЦК назначит, — якобы заявил он, — то, разумеется, как всегда, подчинюсь ЦК, но... буду смотреть на такое решение, как на глубоко нерациональное, целиком идущее против всех моих организационных и административно-хозяйственных воззрений, планов и намерений».

И тут же, прямо под голосованием Сталина — «За», Троцкий пишет: «Категорически отказываюсь». Остальных членов Политбюро Сталин опрашивает по телефону: Рыков — «за», Томский — «воздерживаюсь», Калинин — «не возражаю, Каменев — «воздерживаюсь».

Полученный результат (три «за», двое — «воздержались», один — «против») Сталин сразу же оформляет официальным протоколом. 14 сентября, без приглашения Троцкого на заседание, Политбюро принимает решение: «Политбюро ЦК с сожалением констатирует категорический отказ т. Троцкого и

---

¹ См.: РГАСПИ. Ф. 16. оп. 2. Ед. хр. 12. Л. 89.

предлагает т. Каменеву приступить к исполнению обязанностей заместителя с приезда т. Цюрупы»¹.

В эти дни состоялся и разговор Троцкого с Лениным (видимо, по телефону), в котором он изложил мотивы своего отказа. Заместитель у председателя СНК должен быть один, полагал Троцкий, причем — постоянный и освобожденный от других постов. А существование «коллегии замов», каждый из которых несет множество других функций — наркомов, а уж тем более совмещение поста председателя ВСНХ, он считает совершенно нецелесообразным.

Владимир Ильич заметил, что ни о каком кураторстве ВСНХ или другого хозяйственного ведомства речь не шла, и он предполагал отдать под наблюдение Троцкого прежде всего Наркомпрос. Но коли Лев Давыдович не хочет, Владимир Ильич «против моего желания не станет предлагать меня в замы». В принципе же он согласен, что вопросы структуры органов управления и подбора кадров действительно нуждаются в серьезном изучении и обсуждении. Так изложил суть беседы Троцкий².

Можно полагать, что такая версия имела под собой реальные основания. Именно в это время в Наркомпросе обострился конфликт между Луначарским и комфракцией профильного профсоюза, которая обвинила его в полном развале всей школьной работы. Дело дошло до того, что комфракция обратилась в ЦК партии с просьбой заменить Луначарского Троцким, чтобы он «железной рукой» навел порядок в школьном деле.

Очевидно, что предлагать Троцкому опекать ВСНХ, который уже курировали по линии СНК такие «крепкие хозяйственники», как Цюрупа и Рыков, Владимир Ильич не мог. Не мог он, в дополнение к наркомвоену, предлагать и пост наркома просвещения. А вот в качестве зампреда СНК заниматься проблемами культуры, образования и просвещения, которым Ленин придавал первостепенное значение, — это вполне могло иметь место.

Надо сказать, что любой самый простой вопрос, если его политизировать, а тем более перенести в сферу личностных отношений, может приобрести скандальный, а главное — типичный характер. Поэтому даже к самым искренним свидетельствам участников тех или иных интриг или склок сам Ленин относился весьма критически. Мария Ильинична спра-

¹ См.: В.И. Ленин. Неизвестные документы. 1891-1922. С. 548, 549; Сахаров В.А. «Политическое завещание» Ленина». С. 662, 663, 664.

² См.: Сахаров В.А. «Политическое завещание» Ленина. С. 661, 662.

ведливо написала о Владимире Ильиче: «Дело было для него на первом плане, личное он умел подчинять интересам дела...»

И она подробно характеризует отношение Ленина к Троцкому и Сталину: «На одном заседании ПБ Троцкий назвал Ильича “хулиганом”. В.И. побледнел, как мел, но сдержался. “Кажется, кое у кого тут нервы пошаливают”, что-то вроде этого сказал он на эту грубость...»

Симпатии к Троцкому и помимо того он не чувствовал — слишком много у этого человека было черт, которые необычайно затрудняли коллективную работу с ним. Но он был большим работником, способным человеком, и В.И., для которого, повторяю, дело было на первом плане, старался сохранить его для этого дела...

Чего ему это стоило — вопрос другой. Крайне трудно было поддерживать равновесие между Троцким и другими членами ПБ, особенно между Троцким и Сталиным. Оба они — люди крайне честолюбивые и нетерпимые. Личный момент у них перевешивает над интересами дела... Авторитет В.И. сдерживал их, не давал этой неприязни достигнуть тех размеров, которых она достигла после смерти В.И. Думаю, что по ряду личных причин и к Зиновьеву отношение В.И. было не из хороших. Но тут он опять-таки сдерживал себя ради интересов дела¹.

Все это Мария Ильинична написала предельно лаконично и точно. А вот ее соображение относительно того, что предложение Троцкому стать зампредом СНК, сделанное Лениным 11 сентября, носило «характер дипломатии» — вызывает сомнения, ибо переносит вопрос в столь неприятную для Владимира Ильича зыбкую сферу интриг. А ее сделанное тут же указание на то, что за время ленинской болезни Зиновьев так ни разу и не появлялся в Горках — фактически неточно².

Все, видимо, было и проще и сложнее. Именно после консилиума 11 сентября Владимир Ильич убедился в том, что работать в прежнем режиме не сможет и что надо укреплять СНК. Сама Мария Ильинична там же пишет, что по отношению к Троцкому Ленин стремился «сделать возможным дальнейшую совместную работу с ним». Поэтому и написал он в этот день указанное письмо. Троцкий отказался?! Что ж, насильно на такие посты не назначают. Вот и все.

Ленин думал только о деле и не до «дипломатии», а говоря проще — не до интриг ему было. Как говорят в таких слу-

¹ Известия ЦК КПСС. 1989. № 12. С. 197.

² Там же. С. 198.

чаях — «не царское это дело». Вот сентябрьская запись врача Алексея Михайловича Кожевникова: «В.И. видит, что он еще недостаточно поправился не только для большой работы, но даже не уверен, что сможет ее нести в том размере, как это было выработано. Сомневается В.И. и в том, что сможет выступить с большой речью на конгрессе Коминтерна»¹.

В связи с предстоящим конгрессом Ленин 18 сентября пишет Зиновьеву: «Насчет докладчика я согласен *условно*: 1) Троцкий должен быть тоже для замены (*и для самостоятельного* доклада); 2) я вправе *надуть*, но только если здоровье или дела *не позволяют*»².

Он думал только о деле. Поэтому все те дни, когда происходили описанные выше события, он и занимался только делом, а не выяснением отношений. Именно в эти дни его беспокоит ход переговоров Красина с Лесли Уркартом, завершившихся как раз 9 сентября подписанием в Берлине предварительного концессионного договора. Изучив его и сопоставив с выводами комиссии И.К. Михайлова, обследовавшей сдававшиеся в концессию предприятия Урала и Алтая, Владимир Ильич 12 сентября направляет письмо Сталину с просьбой «довести это до сведения членов Политбюро».

«Прочитав договор Красина с Уркартом, — пишет Ленин, — я высказываюсь против его утверждения». Его беспокоит ряд пунктов. И прежде всего пункт о финансировании Советским правительством работ по восстановлению предприятий, разрушенных в годы Гражданской войны. Уркарт принимал самое активное участие в финансировании интервенции против Советской России. Комиссия Михайлова доказала, что «в разрушениях виноваты не мы, а иностранцы. И мы же будем платить!!»

С самого начала концессии замышлялись как один из способов восстановления народного хозяйства. Но если заводы, шахты, рудники надо восстанавливать самим, за свой счет, то иностранные концессии во многом утрачивают свой смысл. И этот договор создает на будущее прецедент, «наверное и непременно *будет* прецедентом. *Фактически* так сложится непременно и невзирая ни на какие словеса и заверения». Суть дела в том, пишет Ленин, что «обещая нам доходы через два или три года, Уркарт с нас берет деньги сейчас. Это недопустимо... Это кабала и грабеж»³.

¹ РГАСПИ. Ф. 16. Оп. 2. Ед. хр. 12. Л. 96.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 54. С. 284.

³ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 208.

18 сентября вернувшийся из Берлина Красин приехал в Горки. Они беседовали долго — 2,5 часа. Кожевников записал: «По-видимому В.И. несколько взволновало при свидании с Красиным обсуждение одного вопроса о концессии». Но переубедить Ленина Леонид Борисович так и не смог. В этот день Владимир Ильич написал Зиновьеву: «Насчет Уркарта я отказываюсь от своих колебаний», то есть — выступаю решительно против такой концессии.

Доводы те же, что и в письме от 12 сентября, плюс — слишком долгий срок концессии (99 лет) и «необъятность размеров» (Кыштым, Таналык, Риддер, Экибастуз). Тем более что переговоры Красина с американской компанией «Интернэйшнл Барнедолл корпорейшн» создавали куда более благоприятный прецедент. 20 сентября 1922 года они завершились подписанием двух договоров сроком на 155 лет на эксплуатацию Балаханских нефтяных промыслов (Баку) и на бурение новых скважин. Уж тут-то выгода для страны была несомненна¹.

Сказать, что болезнь отступила и он совершенно забыл о ней — нельзя. Всю неделю, с 9 по 15 сентября, он ни разу не выезжал в лес и 15-го трижды почувствовал легкие спазмы в конечностях. Никаких патологических изменений Фёрстер и Крамер не отметили, но обязали Владимира Ильича к ежедневному двухчасовому послеобеденному отдыху. Однако в «режим» он никак не укладывался. 16-го поехал на лошади на прогулку в лес и гулял так долго, что за ним пришлось посылать автомобиль².

17-го Мария Ильинична записывает в своем дневнике: «Здоровье Ильича все улучшается. Завтра Фёрстер будет в последний раз перед отъездом в Германию... За последние дни много гуляем. На днях ездили довольно далеко в лес за брусничкой. Ильич очень любит детей... и с крестьянскими ребятами у него всегда длинные и веселые разговоры. Часто бывало, мы дорогой набирали целый автомобиль белокурых головок и катали их. На этот раз тоже был забран один мальчуган, который вызвался указать нам дорогу. Ильич всю дорогу весело разговаривал с ним»³.

Но долгие прогулки становились все реже и реже, ибо, несмотря на все врачебные ограничения, текущие дела начинают буквально захлестывать Владимира Ильича. 12-го, в про-

---

¹ См.: *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 54. С. 284, 285, 656; РГАСПИ. Ф. 16. Оп. 2. Ед. хр. 12. Л. 93

² См.: РГАСПИ. Ф. 16. Оп. 2. Ед. хр. 12. Л. 91.

³ Известия ЦК КПСС. 1991. № 5. С. 184.

должение своего разговора с Хинчуком (6 сентября), Ленин пишет ему письмо. Брошюра о работе кооперации в условиях НЭПа — это не «отповедь» эмигрантской прессе. Ее задача — анализ роста торгового оборота Центросоюза, размеров и числа мест продаж по деревням и районам. «Вообще мне кажется необходимым, — пишет Ленин, — иметь точные данные для характеристики того, *как глубоко* проникает оборот в деревню и *как широко* и *как именно*».

Через несколько дней, вдогонку, когда уже идет корректура, он посылает Хинчуку письмо с просьбой добавить данные о том «в *скольких* волостях (и%) и в *скольких* деревнях (и% от всех деревень) есть пункты продажи?» Как определяются продукты первой необходимости и предметы роскоши? Относится ли к предметам роскоши чай и какова его максимальная цена? И особо — как идет продажа *сельхозорудий*? Заканчивает Владимир Ильич письмо словами: «P.S. Брошюра очень хороша»¹.

13 сентября, выполняя договоренность с Томским, он заканчивает проект письма V Всероссийскому съезду профсоюзов и просит Сталина показать его Томскому (а если надо, другим членам Политбюро) и вернуть «*переписанным на машине, завтра же*. 17-го, на первом же заседании съезда, Томский зачитывает это письмо Ленина.

«Мне первый раз приходится после долгой болезни, — писал Ленин, — выступать — хотя бы и письменно — перед съездом. Позвольте мне поэтому ограничиться горячим приветствием и немногими краткими словами о положении и задачах нашей промышленности и нашей республики». Казалось бы, в таких случаях всероссийской рабочей аудитории надо сказать что-то оптимистическое, бодрящее, многообещающее... Другие, возможно, так и сделали. Но это был не тот жанр, которым пользовался Владимир Ильич в общении с рабочими.

«Наше положение, — продолжает он, — особенно трудно, потому что нет средств для восстановления основного капитала, машин, орудий, зданий и т.п., а ведь именно эта промышленность, так называемая “тяжелая индустрия”, есть основная база социализма. В капиталистических государствах обычно восстанавливают этот основной капитал посредством займов. Нам не хотят дать займа...

Остается необыкновенно трудный и долгий путь: скапливать понемногу сбережения, увеличивать налоги, чтобы постепенно восстанавливать разрушенные железные дороги,

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 54. С. 281, 283, 285.

машины, здания и прочее. Во всем мире мы пока остаемся одни...

Пока мы остаемся одни, задача восстановления нашего народного хозяйства ложится на наши плечи необыкновенно тяжело. Необходимо величайшим образом напрягать силы всех крестьян и всех рабочих, необходимо усовершенствовать и удешевлять наш государственный аппарат, который у нас еще очень плох... Усилить и улучшить работу — в этом единственное спасение рабоче-крестьянской власти»

970 делегатов съезда, представлявших более 5 миллионов организованных рабочих, прислали Ленину ответ: «От одной мысли, что Вы опять с нами, что мы опять увидим Вас за рулем — наша бодрость увеличивается, и вера в окончательную победу превращается в уверенность... Мы приложим все усилия к тому, чтобы наша крупная промышленность была в ближайшие же годы восстановлена в размерах, далеко превышающих довоенные»¹.

Вечером 20 сентября, после отпуска, в Горки приехал Бухарин. Он встретился с Лениным, а на следующий день пришел утром и, как отметил Кожевников, «за завтраком В.И. был весело настроен, много смеялся и шутил в разговоре с Бухариным»².

Возможно от него Владимир Ильич и узнал, что в комиссии Оргбюро ЦК по вопросу об объединении советских республик, о работе которой они беседовали со Сталиным в конце августа, возникли проблемы. Как раз 23-го и 24-го в комиссии должны были обсуждать итоговую резолюцию, поэтому накануне, 22-го, Ленин пишет записку Сталину с просьбой сообщить — как, в конечном счете, решается в комиссии ЦК данный вопрос³.

Сталин ответил в тот же день большим письмом. И выяснилось, что «единомыслие» Сталина с Лениным по вопросу об объединении республик, проявившееся в проекте резолюции о создании СССР, было связано не столько с принципиальным согласием Сталина, сколько, по-видимому, с желанием успокоить Владимира Ильича и не втягивать его в дебаты по существу дела. Впрочем, это лишь догадки. Но факт остается фактом — тот «первоначальный проект», который они обговаривали с Лениным в конце августа, в комиссии не обсуждался, уступив место другому документу, внесенному Стали-

---

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 209, 210, 556; Т. 54. С. 282.

² РГАСПИ. Ф. 16. Оп. 2. Ед. хр. 12. Л. 93.

³ См.: В.И. Ленин. Биографическая хроника. Т. 12. С. 384.

ным, а именно — «Проекту резолюции о взаимоотношениях РСФСР с независимыми республиками».

В нем оба ленинских «гвоздя», о которых упоминалось выше, были просто выдернуты. Ибо принцип равноправия всех республик и, как было записано, добровольное «объединение республик: РСФСР, Украины, Белоруссии, Закавказской федерации в Союз Сов. Соц. Республик», подменялось иной формулой — «вступление независимых Советских республик: Украины, Белоруссии, Азербайджана, Грузии и Армении в состав РСФСР», то есть федерация республик заменялась их автономизацией¹.

Современный исследователь В.А. Сахаров пишет, что автор термина «автономизация» неизвестен, что корни его — в тех интригах, которые развернулись позднее, а Сталин, при обсуждении принципов объединения республик в сентябре 1922 года им не пользовался. Между тем, как раз в письме Сталина Ленину от 22 сентября он пишет именно об «автономизации», как о наиболее целесообразном решении².

Сахаров прав, полагая, что сталинский «проект резолюции» мог появиться в первых числах сентября. Во всяком случае уже 11-го он обсуждался в Баку на пленуме ЦК КП Азербайджана, 15-го — на заседании ЦК КП Грузии, 16-го — на пленуме ЦК КП Армении, президиуме Закрайкома РКП, за пленуме Центрального бюро КП Белоруссии³.

У сторонников «автономизации» — тех руководящих работников, которые на практике сталкивались с проблемами управления страной, были свои аргументы. Сталин изложил их в указанном письме к Ленину. Тот полный хаос, который существует в отношениях между «центром и окраинами», — считал он, приводит к тому, что постановления центральных органов РСФСР (СНК, СТО, ВЦИК) — «необязательны для независимых республик». Сплошь и рядом они их отменяют. А когда центр блокирует подобные решения, это вызывает протесты против «незаконных действий» Москвы.

«Вмешательство ЦК РКП в таких случаях, — пишет Сталин, — происходит обычно после того, как центральные учреждения окраин уже дали свои декреты, отменяемые потом центральными учреждениями Москвы, что создает волокиту и тормоз в хозяйственных делах и вызывает на окраинах не-

¹ См.: Известия ЦК КПСС. 1989. № 9. С. 192.

² См.: Сахаров В.А. «Политическое завещание» Ленина. С. 228; Известия ЦК КПСС. 1989. С. 199, 200.

³ См.: Известия ЦК КПСС. 1989. № 9. С. 195-198.

доумение среди беспартийных и раздражение среди коммунистов»¹.

Поэтому, полагал Сталин, вопрос стоит просто. «Одно из двух: **либо** действительная независимость и тогда — невмешательство центра, свой НКВД, свой Внешторг, свой Концессионный комитет, свои железные дороги, причем вопросы общие решаются в порядке переговоров равного с равным, по соглашению, а постановления ВЦИК и СТО РСФСР не обязательны для независимых республик;

либо действительное объединение советских республик в одно хозяйственное целое с формальным распространением власти СНК, СТО и ВЦИК РСФСР на СНК, ЦИК и экономсоветы независимых республик, т.е. замена фиктивной независимости действительной внутренней автономией республик в смысле языка, культуры, юстиции, вудел, земледелия и прочее»².

В приведенном выше письме Мануильского Сталину от 4 сентября Дмитрий Захарьевич писал, что необходима «ликвидация самостоятельных республик», ибо их «независимость» являлась лишь тактическим ходом, вынужденным обстоятельствами гражданской войны. В письме Ленину Сталин выразил эту мысль еще более определенно.

«За четыре года гражданской войны, — писал он, — когда мы ввиду интервенции вынуждены были демонстрировать либерализм Москвы в национальном вопросе, мы успели воспитать среди коммунистов, помимо своей воли, настоящих и последовательных социал-независимцев, требующих настоящей независимости во всех смыслах...

Молодое поколение коммунистов на окраинах игру в независимость отказывается понимать как игру, упорно признавая слова о независимости за чистую монету и также упорно требуя от нас проведения в жизнь буквы конституции независимых республик.

Сейчас речь идет о том, — писал Сталин, — как бы не «обидеть» националов; через год, вероятно, речь пойдет о том, как бы не вызвать раскол в партии на этой почве, ибо «национальная» стихия работает на окраинах не в пользу единства советских республик, а формальная независимость благоприятствует работе». Исходя из всего вышесказанного, Сталин и предлагал свой план «автономизации»³.

---

¹ Известия ЦК КПСС. 1989. № 9. С. 199.

² Там же. С. 198-199.

³ Там же. С. 199.

В том проекте резолюции, который он внес в комиссию Оргбюро ЦК, столь откровенных размышлений, естественно, не содержалось. В ней вообще ни разу не упоминалось ни о Федерации, ни о Союзе. Зато в резолюции детально прорабатывался вопрос о том — «кого — куда»: какие комиссариаты остаются только в Москве, какие, оставаясь в республиках, подчиняются директивам соответствующих наркоматов РСФСР, а какие могут себя «считать самостоятельными». Республиканские органы борьбы с контрреволюцией соответственно подчинялись ГПУ РСФСР.

Поскольку, как видим, решение вопроса об объединении приобретало сугубо административный характер, в проекте резолюции специально указывалось, что он не подлежит публикации, а передается «как циркулярная директива» для проведения в советском порядке через республиканские ЦИКи или съезды Советов с последующими выступлениями на Всероссийском Съезде Советов с соответствующими декларациями, выражающими «пожелания этих республик»¹.

Как и следовало ожидать, данный проект вызвал самые различные толки. Секретарь ЦК КП Украины Мануильский, как мы видели, целиком поддерживал «ликвидацию самостоятельности республик», а вот председатель СНК Украины Христиан Раковский выступил решительно против.

В отличие от Мануильского и Сталина, он не смотрел на объединение республик как на проблему взаимоотношений «центра и окраин». Для него вопрос о независимости был производным от принципов национальной политики партии. Однако, «вместо того, — писал он, — чтобы выработать действительную федерацию... на основе равноправия, *данный проект проходит мимо этой задачи*. Данный проект игнорирует, что советская федерация не является однородным национальным государством»².

Федеративная система управления, считал Раковский, должна быть «строго централизованной», а главнейшие природные богатства республик «могут быть объявлены кондоминимумом, т.е. общей собственностью Советского Союза». Но сужение хозяйственной инициативы республик с ликвидацией самостоятельности лишь ограничит их возможности в развитии местных производительных сил.

Тем более что в проекте говорится об обязанностях республик, «о подчинении директивам центра, но ничего не сказано

¹ Известия ЦК КПСС. 1989. № 9. С. 192, 193.

² Там же. С. 211.

о правах» республиканских органов управления. Они «живут при полном неведении, что им позволено... и часто рискуют быть уличены или в отсутствии инициативы или в действиях, имеющих сепаратистский характер»¹.

И еще: формальное упразднение независимости не только «умаляет революционно-освободительную роль пролетарской России». Оно ослабляет ее влияние за пределами страны. Ибо «форма независимых республик давала нам возможность *производить максимум революционного эффекта* на всех окраинах, а также за границей.

Посредством независимого Азербайджана, Бухары, Хивы и пр. Советская федерация получала возможность оказывать максимум мирного революционного проникновения на восток. Посредством независимой Советской Украины — Советская федерация имела возможность совершать такое же революционное проникновение в Галицию, Буковину, Бессарабию. Без всякой серьезной надобности мы сами себя *лишаем этого оружия...*»².

Посылая это письмо Сталину, Раковский одновременно в письме Мануильскому заявлял: «Я считаю своим партийным долгом реагировать против резолюции по взаимоотношениям РСФСР с независимыми республиками, находя ее вредной для укрепления позиций Советской власти на всех окраинах»³.

Проблемы возникали и на Кавказе, особенно в Грузии. Предвидя их, Сталин направил туда Орджоникидзе, Енукидзе и Сокольникову. В Баку все прошло гладко. 11 сентября пленум ЦК КП Азербайджана постановил: признать необходимым формальное закрепление «единства Азербайджана с Россией на началах широкой автономии». Агиткампании по этому поводу решили не проводить, но «вести подготовительные работы, с целью выяснения отношений к этой реформе широких слоев рабочих и крестьян»⁴.

Орджоникидзе из Тифлиса шлет телеграмму в Эривань секретарю ЦК КП Армении С.Л. Лукашину (Срапионяну): «По тезисам, которые я тебе передал, ЦК Азерб. КП и ряд уездов вынесли положительное решение. Здесь ЦК, по-видимому, будет брыкаться. Необходима поддержка ЦК Армении. Если пленум нельзя созвать, то хотя бы решение президиума и ответственных товарищей к субботе вечеру»⁵.

¹ Известия ЦК КПСС. 1989. № 9. С. 211.

² Там же. С. 212.

³ Там же. С. 213.

⁴ Там же. С. 195.

⁵ Там же. С. 195.

ЦК КП Грузии, собравшийся 15 сентября, действительно стал «брыкаться». Члены ЦК — большинством пять против одного (Элиава), а также шесть кандидатов в члены ЦК приняли решение: «Предлагаемое на основании тезисов тов. Сталина объединение в форме автономизации независимых Республик считать преждевременным. Объединение хозяйственных усилий и общей политики считаем необходимым, но с сохранением всех атрибутов независимости». Всего на этом заседании присутствовало 25 человек. Но против данного решения голосовали лишь шестеро: Орджоникидзе, Енукидзе, Киров, Сокольников, а также Гогоберидзе и Кахиани. Старейший грузинский партиец Миха Цхакая воздержался. В партийные массы данный вопрос решили не переносить.

16-го пришла телеграмма от Лукашина: «Пленум Цека КП Армении и Эриваньского комитета КПА и совещание ответственных работников единогласно высказались за тезисы по вопросу о политико-экономических взаимоотношениях Совреспублик и вынесли определенную мотивированную резолюцию»¹.

В тот же вечер собирается президиум Закавказского краевого комитета РКП. Принимается постановление: «1. Одобрять тезисы о политическом, военном и хозяйственном объединении Закреспублик РСФСР, принять к сведению сообщение ЦК КПА и ЦК АКП о присоединении их к этим тезисам. Принято 4 против 1 при 1 воздержавшемся. 2. Постановление ЦК КПГ о том, что принятое им решение по данному вопросу не переносится в партийные массы, принять к сведению... Принято 4 против 2»².

И в этот же день, 16-го, проводится пленум Центрального Бюро Компартии Белоруссии. Своего отношения к тезисам он не сформулировал, но сразу поставил вопрос о присоединении к Белоруссии Витебской и Гомельской губерний, входивших в состав РСФСР. Что касается взаимоотношений между наркоматами Белоруссии и РСФСР, то наиболее целесообразной пленум признал ту форму отношений, которая установлена между Советской Россией и Украиной³.

А на самой Украине с ответом тянули и попросили перенести заседание комитета ЦК по данному вопросу с 22 сентября на 15 октября⁴. Иными словами, партийное руководство двух

¹ Известия ЦК КПСС. 1989. № 9. С. 197.

² Там же. С. 198.

³ Там же, с. 197.

⁴ См.: Сахаров В.А. «Политическое завещание» Ленина. С. 230.

республик (Украины и Белоруссии) явной поддержки тезисам не высказало, одной республики (Грузия) выступило против и двух (Азербайджан и Армения) одобрило полностью.

То есть, «автономизация», казалось бы, упрощая и централизуя управленческие структуры Союза, фактически усложняла процесс объединения, ибо взбудрила куда более сложный — *национальный* вопрос.

Однако, отправив 22-го письмо Ленину, Сталин, не дожидаясь его ответа, собрал 23 сентября комиссию ЦК. Главные оппоненты отсутствовали: Раковский находился в Гурзуфе, Мдивани болел. Проект Сталина сразу приняли за основу при одном воздержавшемся. Резолюцию грузинского ЦК постановили отклонить.

На следующий день, 24-го, заседание продолжили. Но поскольку началось обсуждение проекта резолюции по пунктам и к тому же пришел Мдивани, страсти накалились. Сам Мдивани голосовал против каждого пункта. Иногда (по вопросу о национальных армиях) его поддерживал Агамали оглы, иногда (о комиссариатах продовольствия) председатель украинского ЦИК Петровский и белорусского ЦИК Червяков, иногда (об ограничении прав амнистии) и Петровский, и Червяков, и Агамали оглы. Они же, вместе с Мдивани, голосуют за обсуждение данной резолюции в бюро губкомов республик.

И тем не менее, внося в протокол заявление Петровского о том, что ЦК КП Украины данный вопрос не обсуждал, с целым рядом поправок, резолюция об «автономизации» — о формальном вхождении Украины, Белоруссии, Азербайджана, Грузии и Армении в состав РСФСР — 24 сентября принимается¹.

Не дожидаясь получения материалов комиссии, Ленин все более активно втягивается в обсуждение данного вопроса. 23-го он 2,5 часа беседовал с председателем Средазбюро ЦК РКП Яном Рудзутаком. В тот же день вечером — с Бухариным. 24-го к нему приезжает Пятаков. 25-го — член комиссии ЦК Сокольников, то есть и о заседании ЦК КП Грузии и о работе комиссии он получает информацию из первых рук. В тот же день Владимиру Ильичу доставили и все материалы комиссии. А 26-го он 2 часа 40 минут беседует со Сталиным².

О содержании этой беседы известно из письма Ленина Каменеву, написанному в тот же день, после отъезда Сталина: «т. Каменев! Вы, наверное, получили уже от Сталина резолюцию

¹ См.: Сахаров В.А. «Политическое завещание» Ленина. С. 200-205.

² См.: В.И. Ленин. Биографическая хроника. Т. 12. С. 385, 386, 388.

его комиссии...» Вряд ли Владимир Ильич сомневался в том, что Каменев в курсе данного дела, но, на всякий случай, пишет: «Если не получили, возьмите у секретаря и прочтите, пожалуйста, немедленно».

Что же так озаботило и насторожило Ленина? Главное — вопрос «о вхождении независимых республик в РСФСР». «Я беседовал об этом, — пишет Владимир Ильич, — вчера с Сокольниковым, сегодня со Сталиным. Завтра буду видеть Мдивани (грузинский коммунист, подозреваемый в “независимстве”). По-моему, вопрос архиважный. Сталин немного имеет устремление торопиться».

Со всей определенностью Ленин дает понять, что с выдиранием тех двух «гвоздей», которые обговаривались со Сталиным в конце августа (равноправие всех независимых республик и право их выхода из Союза), с подменой их «автономизацией», он просто так — без боя — не согласится. А поскольку существование руководящей «тройки» не было для него секретом, он пишет Каменеву: «Надо Вам (Вы когда-то имели намерение заняться этим и даже немного занимались) подумать хорошенько; Зиновьеву тоже».

Этот решительный настрой Ленина Сталин ухватил уже во время беседы. «Одну уступку, — сообщает Владимир Ильич Каменеву, — Сталин уже согласился сделать. В § 1 сказать вместо “вступления” в РСФСР — “Формальное объединение вместе с РСФСР в союз советских республик Европы и Азии”.

Дух этой уступки, надеюсь понятен: мы признаем себя равноправными с Украинской ССР и др. и вместе и наравне с ними входим в новый союз, новую федерацию, “Союз Советских Республик Европы и Азии”».

Но это заявление останется простой декларацией, если не изменить последующие пункты резолюции: вместо вхождения членов ЦИК республик во ВЦИК РСФСР — образование общефедерального ВЦИКа; вместо вхождения республиканских комиссариатов в соответствующие комиссариаты РСФСР — формирование общефедеральных наркоматов в Москве, с обязательным представительством их во всех республиках, входящих в Союз.

«Важно, чтобы мы, — пишет Ленин, — не давали пищи “независимцам”, не уничтожали их *независимости*, а создавали еще *новый этаж*, федерацию равноправных республик... Это мой предварительный проект. На основании бесед с Мдивани и др. товарищами буду добавлять и изменять. Очень прошу и Вас сделать то же и ответить мне».

«Сталин согласился отложить внесение резолюции в Политбюро Цека до моего приезда, — сообщает Ленин. — Я приезжаю в понедельник, 2/Х. Желая иметь свидание с Вами и с Рыковым часа на 2 утром, скажем, в 12-2, и, если понадобится, вечером, скажем 5-7 или 6-8». Копии этого письма Владимир Ильич попросил разослать «*всем членам Политбюро*»¹.

Каменев хорошо знал Ленина и по тону письма понял, что лучше не «сопротивляться». Но 27 сентября он ответил Владимиру Ильичу не письмом, а весьма характерной для него короткой запиской: «По-моему или не трогать совсем вопроса о «независимости» (что, видимо, уже невозможно), или провести Союз так, чтобы максимально сохранить формальную независимость... Договор о Союзе должен заключать обязательно: а) пункт о праве одностороннего выхода из Союза; б) точное распределение областей ведения».

В приложенной к записке схеме был и Союзный ЦИК и Союзный СНК наряду с ЦИК и СНК РСФСР и других республик. Каменев рассчитал (в зависимости от численности населения) представительство каждой республики в Союзном ЦИКе, расписал субординацию наркоматов. Но характерно, что в самом заголовке схемы — «Форма Союза Советских республик», слово «независимых» он вычеркнул².

Сталин реагировал на замечания очень быстро. Вместо «вступления Республик в РСФСР» он вносит в резолюцию комиссии ЦК формулировку о необходимости заключения договора между республиками об объединении их в «Союз Социалистических Советских Республик». Дабы обойти проблемы, возникшие с грузинским ЦК, заменяет перечень закавказских республик — Федерацией Закавказских Республик. Принимается также формулировка о праве свободного выхода из «Союза».

После этого, за подписями Сталина, Орджоникидзе, Мясникова и Молотова, резолюция рассылается всем членам и кандидатам в члены ЦК РКП(б) со следующим пояснением: «Мы считаем, что резолюция Комиссии Цека... в основе правильная и безусловно приемлемая, нуждается в уточнении некоторых пунктов, касающихся главным образом строения общесоюзных центральных органов и отчасти их функций. В этом убедили нас беседы с некоторыми членами Цека и рядом националов с мест». О беседе с Лениным и его замечаниях — не упоминалось³.

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 211, 212, 213.

² См.: Известия ЦК КПСС. 1989. № 9. С. 206, 207.

³ Известия ЦК КПСС. 1989. № 9. С. 205, 206.

27 сентября Сталин дал симметричный **«Ответ на письмо тов. Ленина тов. Каменеву»**, адресуя его не только Ленину, но и *всем* членам Политбюро. И, как всегда, оказалось, что в политике дело не только в провозглашении тех или иных принципов, но и в механизме их реального осуществления.

С «предложением т. Ленина» о формальном объединении советских республик в Союз, пишет Сталин, «по-моему, можно согласиться...». Это то, что касается § 1 резолюции. А вот его замечание по § 2 о «создании наряду с ВЦИКом РСФСР ВЦИКа федерального, по-моему, не следует принять...», то есть и после беседы с Лениным Сталин с ним не согласился.

Сталин мотивирует свою позицию сугубо практическими соображениями: «Существование двух ЦИКов в Москве, из коих один будет представлять, видимо, “нижнюю палату”, а другой — “верхнюю”, — ничего кроме конфликтов и трений не даст. Предлагаю вместо поправки т. Ленина следующую поправку: “в соответствии с этим ЦИК РСФСР преобразуется в общесоюзный ЦИК, решения которого обязательны для центральных учреждений, входящих в состав союза республик”».

«Я думаю, — развивает свою мысль Сталин, — что всякое иное решение в смысле поправки т. Ленина должно привести к обязательному созданию **русского** ЦИКа с исключением отсюда восьми автономных республик (Татреспублика, Туркеспублика и прочее), входящих в состав РСФСР, к объявлению последних независимыми наряду с Украиной и прочими независимыми республиками, к созданию двух палат в Москве (русского и федерального) и, вообще, к глубоким перестройкам, что в данный момент... не целесообразно и, во всяком случае, преждевременно».

Поправки Ленина по § 3, продолжает Сталин, — «незначительны» и носят «чисто редакционный характер». По § 5 «поправка т. Ленина, по-моему, излишня». Что же касается § 4, то, памятуя об упреке Ленина в его адрес — об излишней торопливости, Сталин пишет: «по-моему, товарищ Ленин “поторопился”, потребовав слияния наркоматов финансов, продовольствия, труда и народного хозяйства в федеральные наркоматы. Едва ли можно сомневаться в том, что эта “торопливость” даст пищу “независимцам” в ущерб национальному либерализму т. Ленина»¹. Итак, после беседы с Владимиром Ильичем, после письменного обмена мнениями, Сталин принял вызов — позиция Ленина получает вполне определенную политическую оценку: «**национальный либерализм**».

¹ Известия ЦК КПСС. 1989. № 9. С. 208.

На следующий день, 28-го, состоялось заседание Политбюро. Как и было обещано Ленину, до его приезда резолюция комиссии ЦК не обсуждалась. Но и Каменев, и Сталин знали, что 27-го Владимир Ильич встречался с Мдивани, утром 28-го — с Орджоникидзе, что на 29-е к нему записаны на прием члены ЦК КП Грузии М.С. Окуджава, Л.Е. Думбадзе, К.Н. Цинцадзе, а затем — председатель СНК Армении А.Ф. Мясников.

И во время заседания Политбюро Каменев пишет записку Сталину: «Ильич собрался на войну в защиту независимости. Предлагает мне повидаться с грузинами. Отказывается даже от вчерашних поправок».

Сталин отвечает: «Нужна, по-моему, твердость против Ильича. Если пара грузинских меньшевиков воздействует на грузинских коммунистов, а последние на Ильича, то спрашивается — причем тут “независимость”?»

Каменев: «Думаю, раз Владимир Ильич настаивает, хуже будет *сопротивляться*». Сталин заключает: «Не знаю. Пусть делает по своему усмотрению»¹.

Именно в эти дни, в конце сентября, вступила в завершающую фазу и эпопея с высылкой «антисоветской интеллигенции». Список кандидатов на отправку за рубеж стремительно сокращался.

По ходатайству самых различных учреждений и ведомств решение о высылке отменили по отношению к бывшему эсеру Н.И. Ракитникову, к меньшевикам Н.А. Рожкову и В.Н. Крохмалю, народным социалистам В.И. Чернолусскому, Г.В. Филатьеву и Н.Д. Кондратьеву, профессорам Л.Н. Юровскому, И.Х. Озерову, Н.А. Изгарышеву, П.А. Велихову, В.М. Штейну, А.А. Рыбникову, В.Е. Фомину, И.И. Кукроевскому, М.С. Фельдштейну, геологу Н.Е. Паршину, писателю Е.И. Замятину, журналисту П.И. Лопатину и другим. Все они вернулись на свои прежние места работы. По указанию Дзержинского, из списков вычеркнули и целый ряд студентов.

В конечном счете, по данным на январь 1923 года было выслано около 60 человек. Их поименные списки опубликованы в документальном сборнике «Высылка вместо расстрела». И биографические справки о высылаемых свидетельствуют о том, что речь шла не о наказании за «инакомыслие», как это утверждает наша историческая журналистика. У большинства — целый реестр арестов, судимостей, даже смертных при-

¹ Известия ЦК КПСС. 1989. № 9. С. 208, 209.

говоров и соответственно — амнистий по сугубо политическим мотивам¹.

Юрий Пятаков и известнейший в последующем социолог Питирим Сорокин знали друг друга еще по Петербургскому университету. Потом дороги разошлись: Пятаков стал большевиком, Сорокин — активнейшим эсером, которого после Октября 1917 года неоднократно арестовывали и даже приговаривали к расстрелу за участие в подготовке вооруженных выступлений. В 1922 году он стал одним из ведущих сотрудников журнала «Экономист».

Незадолго до отъезда за границу Питирим Александрович зашел к Пятакову. «Почему вы изгоняете нас», — спросил он. «Ты не учиываешь», — ответил Юрий Леонидович, — что сейчас в России идут два процесса. Один из них — воссоздание буржуазного общества; другой — процесс приспособления Советской власти к нему. Первый процесс идет быстрее, чем второй. Наша задача — затормозить развитие этого первого процесса, но ты и другие ссылаемые ускоряете его»².

Один из ссылаемых, писатель Михаил Осоргин вспоминал: «...В одной бумажке оказалось изложение нашей вины — “нежелание примириться и работать с советской властью”. Думаю, что по отношению к большинству это обвинение было неправильным и бессмысленным. Разве подчиниться — не значит примириться? Или разве кто-нибудь из этих людей науки и литературы думал тогда о заговоре против власти и борьбе с ней? Думали о количестве селедок в академическом пайке! Непримирие внутреннее? Но тогда почему из ста миллионов выпали только пятьдесят человек?»³

Среди депортируемых, безусловно, были достойные люди, думавшие не только о селедке. Но, отвечая Питириму Сорокину, Пятаков имел в виду то обстоятельство, что их стремление дискредитировать власть, вытаскивавшую страну из послевоенного хаоса и разрухи, их проповедь во благо свободного, не регулируемого государством рынка, могла стать объединяющей идеей для куда более широких мелкобуржуазных масс и куда более радикальных контрреволюционных элементов. А это уже пахло новой войной.

Уезжали небольшими партиями. Первыми, 23 сентября, поездом на Ригу отправилась группа, в которую входил и П.А. Сорокин. Следующая группа, пароходом «Обербургомистр Ха-

¹ См.: Высылка вместо расстрела. С. 40, 41, 173.

² Сорокин П.А. Дальняя дорога. Автобиография. М., 1992. С. 144.

³ Высылка вместо расстрела. С. 40.

кен», отплыла в Штеттин 29 сентября. Еще одна группа на пароходе «Пруссия» отплыла в Германию 16 ноября. Был еще и третий пароходный рейс, доставивший в сентябре из Одессы в Турцию трех украинских профессоров; был и четвертый — итальянский пароход «Жанна», на котором в Константинополь прибыл С.Н. Булгаков¹.

Какой же из них считать «философским пароходом»? Это словосочетание появилось в нашей исторической журналистике в самом конце XX века, а затем прочно вошло и в научный оборот. В 20-е годы, современникам, оно и в голову не могло прийти, ибо большинство среди 57 депортированных составляли кооператоры и агрономы, врачи, журналисты и преподаватели ВУЗов. Были среди них монархисты и черносотенцы, кадеты и эсеры, меньшевики и совершенно беспартийные.

Что же касается философов, то П.А. Сорокин и Ф.А. Степун уехали поездом. Философы Н.А. Бердяев, И.А. Ильин, С.Л. Франк — на пароходе «Обербургомистр Хакен», И.И. Лапшин, Н.О. Лосский и Л.П. Карсавин — на пароходе «Пруссия», С.Н. Булгаков — на пароходе «Жанна».

Есть и другой, более существенный вопрос. В начале XX столетия философия, как наука, насчитывала в России немало известных имен. На международных конгрессах философов ее представляли Г.И. Челпанов, Е.В. Де Роберти, Н.А. Васильев, В.Н. Ивановский, Б.В. Яковенко и другие. В 20-е годы на университетских кафедрах философии успешно трудились десятки профессоров, весьма далеких не только от марксизма, но и от материализма как такового. И никто из них не был подвергнут депортации. Именно тогда впервые в системе Академии наук был создан и Институт философии.

Философы, которых выслали в 1922 году за границу, принадлежали к особому направлению русской религиозной философии, тесно связанному со знаменитыми «Вехами» и именуемому ныне как «Русская философия Серебряного века». В последние десятилетия их труды многократно издавались и переиздавались в России, и так уж случилось, что само понятие «русская философия» стало ассоциироваться исключительно с этим направлением.

В № 5 журнала «Вопросы философии» за 2015 год была опубликована интересная статья С.Н. Корсакова «Мифы и истины в истории русской философии», в которой автор попытался разобраться в этой проблеме. «Если система догм отве-

---

¹ См.: Высылка вместо расстрела. С. 38, 39, 426.

чает идеологическому мэйн-стриму данного социума, — пишет он, — то противостоять ей практически невозможно. Никакими ссылками на факты не опровергнуть то, что принято в качестве идеологической “истины”.

Исследователь, который хочет остаться верен самому себе, попадает тогда в положение Галилея, изготовившего телескоп и предложившего коллегам самим убедиться в справедливости полученных им результатов. Коллеги отказались смотреть в телескоп. Им и так было ясно, что купол неба создан Всевышним в неизменном виде и с раз и навсегда определенным количеством небесных тел».

Сергей Корсаков приводит слова философа Ивана Луппола: «Русская душа» вместе с «развесистой клюквой» входила в ассортимент российской экзотики. Якобы национальной чертой русских является склонность в сторону этико-религиозных вопросов и мистическое их решение... Все, что не укладывалось сюда, считалось не русским».

Попытка Корсакова определить реальный спектр российской философской мысли в 20-е годы тем и закончилась. В этом же номере журнала «Вопросы философии» один из коллег обвинил его в «русофобстве».

О том, какие страсти будут кипеть вокруг их рейса, пассажиры «Обербургомистра Хакена» и не помышляли. Они ожидали в Штеттине торжественной встречи и тщательно готовили ответные речи...

Но вот пароход причалил, и никто их не встретил. Шел дождь. Мужчины пошли искать какую-нибудь подводку. Потом погрузили на нее вещи и побрели вслед до ближайшей гостиницы.

«Нагнать другие государства»

А в Подмосковье в эти дни с конца сентября стояла отличная погода. Ленин много гулял, голова уже не болела, всех своих собеседников он дотошно расспрашивал о делах, о положении на местах и... считал дни до отъезда. В письме Инночке Арманд Крупская пишет, что Владимир Ильич рвется к работе и добавляет: «Впрочем, публика приезжает уже к нему и в одиночку, и высыпками». 29-го они еще раз объехали на автомобиле окрестности Горок, а 2 октября перебрались в Москву¹.

¹ См.: В.И. Ленин. Биографическая хроника. Т. 12. С. 393, 394.

Все лето шли разговоры о ремонте московской квартиры Ленина. Помимо ремонта комнат, надо было построить на крыше застекленную веранду, подвести к ней лифт, обновить старую вытяжную вентиляцию. Владимир Ильич писал Авелю Енукидзе грозные записки: «Убедительно прошу Вас *внушить* (и очень серьезно) заведующему ремонтом квартиры, что я *абсолютно* требую полного окончания к 1 октября. Непременного полного... И *внушить* еще от себя. Я нарушения этой просьбы не потерплю».

Но, естественно, по-настоящему за дело взялись лишь в конце сентября, когда на ремонт вместо десяти нагнали чуть ли не полторы сотни рабочих. И все-таки, когда Ленин вернулся в Москву, выяснилось, что «ремонт был почти закончен, но в комнатах так сильно пахло краской от заново выкрашенных окон и дверей, что пришлось на некоторое время поселиться в другой части здания Судебных установлений, рядом с кабинетом Цюрупы в трех небольших комнатах»¹.

А 3 октября, в 17 часов, впервые после долгого перерыва Ленин вновь председательствовал на заседании Совнаркома. «Заседание было многолюдным, — вспоминала Лидия Александровна Фотиева, — присутствовало 54 человека. Пришли не только члены Совнаркома и их заместители, но все, кто имел хотя бы отдаленное право присутствовать на заседании СНК...

Товарищи предполагали сделать это заседание особенно торжественным. Пригласили фотографа, заготовили приветственные речи. Но все вышло иначе. Владимир Ильич как-то незаметно вошел в зал из своего кабинета, сел на председательское место, открыл заседание и приступил к деловому обсуждению повестки, не дав никому произнести речей»².

Повестку дня намеренно разгрузили, оставив лишь десяток вопросов: о кодификационной работе; о фонде заработной платы на октябрь; о местном бюджете; об обращении драгметаллов, камней и инвалюты; договор о лесных концессиях; о сплаве леса на границе с Финляндией; об организации Управления рыбным хозяйством РСФСР; о переписи московских служащих; о филателии.

«Товарищи всячески старались, — рассказывает Мария Ильинична, — сделать это заседание возможно менее продолжительным... Они постарались разгрузить Владимира Ильича от чтения и ответов на записки, которыми Ильич обменивался обычно с присутствующими на заседании... “Если что нуж-

¹ Известия ЦК КПСС. 1991. № 5. С. 185, 191.

² В.И. Ленин. Биографическая хроника. Т. 12. С. 395.

но — пишите записки, а не болтайте”, — говорил он обыкновенно..

На этот раз Фотиева сговорилась с товарищами, чтобы записки для Владимира Ильича посылали не ему, а ей, с тем чтобы она передала их Ильичу после заседания. Таким путем хотели избежать утомительного для Владимира Ильича “раздвоения сознания”. Однако, “не получая ответов, Владимир Ильич догадался в чем дело, и написал мне, — вспоминает Фотиева, — записку: “Вы, кажись, интригуете против меня? Где ответы на мои записки?”»¹.

Заседание уложили в два часа, а потом пришел П.А. Оцуп и началось фотографирование. В 21.30 Владимир Ильич был уже дома, где его ждали Крамер и Кожевников.

Вот запись Кожевникова: «Мы с Крамером видели В.И. в 9.30 после председательствования в СНК. Вид у В.И. бодрый и веселый. В.И. сообщил, что из деревни он переехал накануне на автомобиле. Переезд его несколько не утомил. Чувствовал он себя хорошо, только беспокоит зуб. Он болит, правая щека несколько опухла, по-видимому назревает флюс.

Заседание мало утомило В.И., но он сам указывает, что были небольшие ошибки, т.к. он отвык от председательствования и еще не достаточно вошел в курс дел и не втянулся в работу.

Приступов паралича не было»².

Зуб заболел совсем не кстати. 5 октября открывался Пленум ЦК, и в его повестке дня было по крайней мере три вопроса, требовавшие присутствия Владимира Ильича: концессионный договор с Уркартом; доклад комиссии Сталина об объединении республик, а также доклад о монополии внешней торговли.

С 12 сентября, когда Ленин высказал свое отрицательное отношение к подписанному Красиным концессионному договору с Уркартом, споры по этому вопросу лишь обострились. В частности, и Красин, и Чичерин высказывали опасения, что отказ от договора может вызвать экономические санкции против Советской России.

4 октября Владимир Ильич встретился с И.К. Михайловым — председателем комиссии, обследовавшей предприятия, намеченные к сдаче в концессию. И беседа с ним лишь укрепила негативное отношение Ленина к данному варианту договора. Он пишет Каменеву: «Сейчас видел Михайлова... Я про-

¹ Известия ЦК КПСС. 1991. № 5. С. 186.

² РГАСПИ. Ф. 16. Оп. 2. Ед. хр. 12. Л. 98.

тив концессии Уркарта. Давайте сойдемся сегодня у меня в 9S час. (я у дантиста в 8S)»¹.

5 октября, в 11 часов, в зале заседаний СНК, Пленум ЦК начал свою работу. Во время обсуждения концессионного договора Ленин записал несколько выступлений, а затем выступил сам против утверждения договора. Вернуться к этому вопросу он считал возможным лишь при условии сокращения размеров и срока концессии, а также уменьшения сумм, которые надо было выплачивать Уркарту для восстановления предприятий.

На следующий день он пишет Пятакову: «Вчера вы высказывались, как и я, против концессии Уркарта. Поэтому я думаю, что вы способны и согласитесь проверить еще раз вопрос об этой концессии (тем более что вчерашнее наше решение, в сущности, еще раз оттягивает вопрос).

Проверка, на мой взгляд, должна *главным* образом коснуться вопроса о монополии; здесь центр тяжести вопроса... В какой отрасли, на каком продукте получается у Уркарта монополия... Главное из всех вопросов — Экибастуз и его значение для Урала.

Меня очень удивило, что Богданов обмолвился: “Кузбасс ближе” (он много дальше), а т. Кржижановский сказал, что я придерживаюсь устарелых и отвергнутых взглядов Менделеева. Какой тут может быть спор, когда Экибастуз имеет ветку к Иртышу и обеспечивает несравненно более близкий и дешевый водный транспорт к Уралу? В чем тут суть?

Если Кузбасс гораздо дороже и дальше (транспорт не по воде), то мы *не вправе* отдать Уркарту *всего* Экибастуза; возьми S — пожалуйста.

Прошу Вас показать это письмо только Кржижановскому; не передавать этой проверки ни в чьи чужие руки; произвести ее самому... Беретесь ли и скоро ли рассчитываете закончить»².

В тот день, 5 октября, на пленуме успели обсудить еще и вопрос о денежной реформе в Закавказье, а доклад комиссии Сталина, как и вопрос о внешней торговле, перенесли на следующий день. Владимир Ильич намеревался выступить, тем более что пришла, наконец, резолюция ЦК КП Украины о взаимоотношениях РСФСР с независимыми республиками, принятая 3 октября по докладу Г.И. Петровского.

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 54. С. 292.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 216, 217.

Как и следовало ожидать, идея «автономизации» не встретила сочувствия у украинских руководителей. Они категорически высказались за «необходимость сохранения независимости УССР» в том формате, который был определен комиссией Политбюро ЦК РКП(б) во главе с Фрунзе в мае 1922 года. А «фактическое централизованное руководство независимыми республиками может быть вполне достигнуто соответствующими директивами по партийной линии».

Если же ЦК РКП(б) признает необходимым «вхождение УССР в состав РСФСР», то членам ЦК КПУ, являющимся членами ЦК РКП(б), следует на пленуме настаивать на «конструировании [федерального] ВЦИКа и его Президиума из представителей РСФСР и независимых республик, избираемых общедифедеративным Съездом Советов и ВЦИКов, но при том число представителей республики во ВЦИКе и Президиуме должно быть формально установлено и должно быть введено постоянное представительство в Президиуме в Москве»¹.

Ленин не мог не заметить, что даже после того, как под его нажимом резолюция комиссии Сталина претерпела принципиальные изменения и в нее вошла декларативная часть об объединении равноправных республик в Союз республик, украинское руководство все еще толковало о вероятности «вхождения УССР в состав РСФСР». Так что повод для выступления на пленуме у Ленина был.

Однако выступить ему не пришлось. С вечера 5-го зуб разболелся до крайности, щеку раздуло, и утром 6-го Владимир Ильич написал Каменеву: «Я сегодня с флюсом и с температурой. Думаю не выходить ни утром в ЦК, ни вечером в СТО. / Давайте сноситься бумагами»².

Видимо, с помощью записочек, приходивших из зала заседаний пленума, Ленин следил за ходом прений. В конечном счете в качестве директивы приняли именно ту резолюцию комиссии ЦК, о которой говорилось выше, дополненную и подписанную Сталиным, Орджоникидзе, Мясниковым и Молотовым после встречи Сталина с Лениным 26 сентября.

Ее декларативная часть сомнений не вызывала. Но любой опытный политик знает, что «дьявол кроется в деталях». А вот как раз детали — механизм объединения и конструирования центральных органов управления СССР — в резолюции не были прописаны достаточно четко. И это оставляло пространство для различных толкований, что, в частности, и вы-

¹ Известия ЦК КПСС. 1989. № 9. С. 214.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 54. С. 292.

звало у украинских руководителей опасения простого поглощения своей республики Россией.

Вероятно, в этой связи — во время обсуждения данного вопроса на пленуме, Ленин и пишет записку Каменеву: «Великорусскому шовинизму объявляю бой не на жизнь, а на смерть. Как только избавлюсь от проклятого зуба, съем его всеми здоровыми зубами.

Надо *абсолютно* настоять, чтобы в союзном ЦИКе *председательствовали* по очереди / русский / украинец / грузин **и т.д.** / *Абсолютно!*»¹

Впрочем, для конкретной проработки всех деталей «советского законопроекта на основе этой директивы [резолюции комиссии ЦК — ВЛ] и проведения его через съезд Советов (с предварительным внесением на утверждение ЦК)» пленум создал комиссию в составе: Сталина, Каменева, Пятакова, Рыкова, Чичерина, Калинина и представителей Украины, Грузии, Азербайджана, Армении и Белоруссии². Так что «точка» в этом вопросе еще не была поставлена, и Ленин не зря написал, что он собирается объявить «бой не на жизнь, а на смерть».

Получил продолжение и другой вопрос, обсуждавшийся на пленуме 6 октября без Ленина, — доклад Сокольников о монополии внешней торговли. Собственно говоря, доклад этот, казалось бы, не ставил под сомнение сам принцип монополии. На нее, вроде бы, никто и не покушался. Речь шла лишь о «временном» разрешении ввоза и вывоза «отдельных категорий товаров», на «отдельных» участках границы и через «некоторые» порты. Но это был тот самый случай, когда решение по частному вопросу обрушивало сам общий принцип.

Пафос и аргументы сторонников этого решения был вполне понятны. Внешторг и Центросоюз настолько забюрократичены и неповоротливы, что государство терпит на этом огромные убытки. Пример закупки консервов, приведенный Лениным на XI съезде, был у всех на памяти и многим казалось, что если снять чиновничьи перегородки и препоны, товарооборот возрастет многократно и польза для страны будет огромной. Тем более что и монополия была в определенной мере иллюзорной, ибо значительная масса дефицитных товаров шла через границу через контрабандистов.

Но кажущаяся простота решения данной проблемы таила в себе гигантскую опасность. Вообще во всей этой истории

---

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 214.

² См.: Известия ЦК КПСС, 1989, № 9, с. 214, 215.

проявился достаточно распространенный среди хозяйственных руководителей узкий прагматизм. Тот самый прагматизм, который рассчитывает лишь на сиюминутный успех — «сегодня на завтра». Ведь так просто: ослабить монополию и крестьянский рынок все сам раскрутит... Куда раскрутит? — А там видно будет!

От анализа глубинных процессов, происходивших в стране в связи с переходом к рынку, процессов не изученных и мало понятных многим тогдашним руководителям, попросту отмахивались. Важно было пополнить казну как можно скорее, без оглядки на то, к чему это может привести. Вот так и на пленуме ЦК 6 октября — проголосовали «за» и все тут...

Это наблюдение само по себе было достаточно грустным, а тут еще у Владимира Ильича опять разболелся зуб... Утром 10-го, когда Иван Кутузов зашел за ним, чтобы ехать, как было обещано накануне, на съезд профсоюза текстильщиков, Ленину пришлось писать делегатам съезда письмо:

«Извиняюсь, что пришлось вас надуть! У меня случилась болезнь зуба, которая в самом начале моей работы не только оторвала меня от нее, но и опять — на целую неделю — испортила мне нервы. Всякие свидания (на съездах) должен опять отменить на неделю... Надеюсь, что тов. Кутузов вам все расскажет подробно...»¹

На утреннем заседании съезда Кутузов рассказал, что Владимир Ильич подробно расспрашивал его «о настроении делегатов и что делается на местах». А о самочувствии Ленина сказал так: «Я только что от него, и когда приехал, то я сам заметил, что он изменился после вчерашнего... Тут же приехали врачи, которые категорически запретили еще на недельку ему ходить куда-либо»². Отказался он и от выступления на V съезде РКСМ.

А вечером того же 10-го было заседание Совнаркома, причем на сей раз по полной программе — 14 вопросов: о работе комиссий по рассмотрению кодексов законов; о кодексе законов о труде; кодексе законов о земле; кодексе гражданских законов; закон о местном бюджете; положение о советском судостроительстве; положение о губернских съездах Советов и губисполкомах; об арбитражных комиссиях при ведомствах; о численности Красной Армии; о сокращении штатов Наркомпути; о займе у Норвегии и др.

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 218.

² Там же. С. 561.

Ленин председательствовал все заседание, вел запись выступающих и выступил сам. После заседания задержался для разговора с Пятаковым. А дома его опять ждали врачи — Крамер и Кожевников.

Как ни бодрился Владимир Ильич, но пришлось признать, что «сильный флюс очень его беспокоил и три ночи он почти совершенно не спал из-за боли. Теперь зуб почти прошел, но благодаря бывшей болезни нервы настолько разошлись, что временами появляется желание плакать... Но В.И. все же удается это подавить, не плакал ни разу. Сегодня председательствование ему было легче. Ошибок он не делал. Вообще работой, по его словам, себя не утомляет. Изредка немного поболит голова, но быстро проходит. Сон, после того, как прошел зуб, снова хороший»¹.

Владимир Ильич явно бодрился, когда сказал, что работой он «себя не утомляет». Все дни, когда из-за зуба чувствовал он себя погано, он не отлеживался, а делал дело. 7 октября Ленин позвонил наркому внешней торговли Красину. 9-го коллегия НКВТ принимает резолюцию: «Поручить тт. Красину и Фрумкину опротестовать в ЦК и перед тов. Лениным постановление, угрожающее коренным изменениям экономической жизни Республики... Поручить т. Красину поговорить с тов. Лениным о возможности приостановки проведения в жизнь данного постановления...» С аналогичной просьбой к Ленину обращается председатель Центросоюза Хинчук и ряд других хозяйственников².

11 октября Владимир Ильич встречается с Красиным, а 12-го — со Сталиным. В обоих случаях речь идет о решении Пленума ЦК по монополии внешней торговли, причем статью по этому вопросу Леонид Борисович направляет в Политбюро. Вечером того же дня, 12-го, Ленин вновь беседует с Красиным, а на следующий день пишет большое письмо «секретарю ЦК т. Сталину» для всех членов ЦК РКП:

«Решение пленума ЦК от 6/Х (протокол № 7, п. 3), — говорилось в письме, — устанавливает как будто неважную, частичную реформу... Но на деле это есть срыв монополии внешней торговли. Неудивительно, что этого добивался и добился т. Сокольников. Он всегда этого добивался, он... всегда брался доказывать, что монополия нам же невыгодна.

...Вопрос был внесен в пленум наспех, — пишет Ленин. — Ничего подобного серьезной дискуссии не было. Никаких

¹ РГАСПИ. Ф. 16. Оп. 2. Ед. хр. 12. Л. 98.

² В.И. Ленин. Биографическая хроника. Т. 12. С. 406, 407.

причин торопиться нет... Решать важнейшие вопросы торговой политики со вчера на сегодня, не собрав материалов, не взвесив *за* и *против* с документами и цифрами, где же тут хоть тень правильного отношения к делу? Усталые люди голоснут в несколько минут и баста. Менее сложные политические вопросы мы взвешивали по многу раз и решали нередко по несколько месяцев»¹.

Григория Сокольников Ленин высоко ценил, но знал и некоторые его слабости: Григорий Яковлевич был большим любителем парадоксов. «Парадоксы товарища Сокольников всегда остроумны, — пишет Владимир Ильич, — но надо же отличать парадоксы от тяжелой истины».

Сокольников, к примеру, полагает, что для организации вывоза и ввоза товаров надо покрыть страну сетью закупочных контор, владельцы которых будут свято блюсти инструкции НКВТ и аккуратно платить государству пошлины. Но как все это осуществить? Где средства контроля? — спрашивает Ленин. — «Никакая “законность” в деревенской России по подобному вопросу абсолютно невозможна».

Обращаясь к членам ЦК, Владимир Ильич напоминает о прописях: «Мы все читали в “Капитале”, как внутренне преобразуется и смелее капитал при быстром росте процента и прибыли. Все помнят, что капитал способен быстро доходить до риска головой...» Что это значит на практике? «Лен стоит в России 4 рубля с полтиной, в Англии — 14 рублей... Какая сила удержит крестьян и торговцев от выгоднейшей сделки? Покрывать Россию еще сетью надзирателей?»

«Мы начали, — продолжает Ленин, — возводить систему: и монополия внешторга и кооперация начаты постройкой. Через год-два будут некоторые итоги. Прибыль от внешней торговли измеряется сотнями процентов, мы *начинаем* получать миллионы и десятки миллионов. Мы *начали* строить смешанные общества, начали учиться получать *половину* их (чудовищной) прибыли... Мы бросаем это в надежде на пошлины... бросаем все и гонимся за призраком!»

«Не успев испытать режима монополии, который только начинает нам давать миллионы (и будет давать десятки миллионов и больше) мы вводим полный хаос, толкаем те самые подпорки, которые едва-едва начали укреплять». В демонополизации и НКВТ и Центросоюз, вполне естественно, усматривали угрозу для своих ведомств. Но финансовая, фискальная практика советской власти являлась лишь одной сторо-

---

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 220, 221.

ной дела. Ленин не был бы Лениным, если бы он, казалось бы, вполне конкретную проблему не анализировал на уровне самой высокой политики.

Основной аргумент сторонников демонополизации — все равно, мол, товар уходит за рубеж через контрабандистов без всякой пользы для государства. Но в массовом сознании контрабандист — это нарушитель закона, борьба с которым считается правомерной. А вот демонополизация внешней торговли таит в себе более грозную опасность. Она способна *стравить власть со всей массой крестьянства*.

«Никакое сравнение с контрабандой вообще (“все равно, дескать, и контрабанда против монополии тоже идет всюю”), — пишет Ленин, — абсолютно неправильно: одно дело специалист-контрабандист на границе, другое дело *все* крестьянство, которое *все* будет защищать себя и воевать с властью, пытающейся отнять “собственную” его выгоду»¹.

В беседе с Лениным 12 октября Сталин высказал мнение, что, к примеру, открытие — на время — таких центральных и поднадзорных портов, как Петроградский и Новороссийский, вполне позволит осуществить самый строгий контроль за вывозом и никакой беды не принесет.

«Мне кажется, — считает Ленин, — оба примера показывают крайнюю опасность подобных экспериментов хотя бы для самого небольшого списка товаров. Открытие Питерского порта усилит контрабанду льна по финляндской границе до ужасающих размеров. Вместо борьбы с контрабандистами-профессионалами на нас свалится борьба со *всеми крестьянством* льноводческого района. Почти наверное мы будем биты в этой борьбе и притом непоправимо».

А открытие на юге «Новороссийского порта выкачает быстро излишки хлеба...» Все боятся, что они вовсе не против монополии как принципа, но «если по частям, на время открываются разные порты, то *ни один купец не даст ни гроша за подобную “монополию”*». Это ясно. Надо несколько раз подумать и посчитать, прежде чем идти на такой риск». В итоге Ленин вносит в ЦК предложение: «Отсрочить решение этого вопроса на два месяца, т.е. до следующего пленума, а до тех пор собрать сведенные вместе и проверенные *документы* об опыте нашей торговой политики»².

В тот же день, 13-го, Секретариат ЦК разослал членам ЦК копии письма Ленина и тезисов «О режиме внешней торгов-

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 221.

² Там же. С. 222, 223.

ли», подготовленных Красиным. Зиновьев сразу проголосовал «решительно против пересмотра решения» пленума. Остальные поддержали предложение Ленина об отсрочке. Поддержали, хотя некоторые и не были с ним согласны.

О своем несогласии, в частности, заявил Сталину Бухарин. Да и сам Сталин написал членам ЦК: «Письмо тов. Ленина не разубедило меня в правильности решения пленума Цека от б/Х о внешней торговле... Тем не менее, ввиду настоящего предложения т. Ленина об отсрочке решения пленума Цека исполнением, я голосую *за* отсрочку с тем, чтобы вопрос был вновь поставлен на обсуждение следующего пленума с участием т. Ленина»¹.

Голосовали опросом. В итоге получилось: «за» 14 против одного — Зиновьева. Сам Ленин проголосовал 14 октября и настроение у него, судя по всему, было хорошим. 15-го к нему опять пришли врачи — профессор В.В. Крамер и А.М. Кожевников. Алексей Михайлович записал: «Вид у В.И. хороший, состояние бодрое. В.И. считает, что он мог бы работать больше, а близкие его, наоборот, находят, что он переутомляется. Поэтому В.И. было предложено, кроме субботы и воскресенья, временно устроить днем отдыха еще и среду. Сначала В.И. этому противился, но потом на это согласился, как на временную меру... В общем нервы крепче. Сон удовлетворительный. Паралича ни разу не было»².

Так уж получилось, что в эти дни у Владимира Ильича было достаточно поводов для хорошего настроения. 15-го у него вновь был Красин, а на следующий день Леонид Борисович прислал письмо, подробно рассказывавшее о работе группы инженеров во главе с председателем Главного сланцевого комитета ВСНХ профессором И.М. Губкиным.

Работали они над проблемой использования горючих сланцев и сапропеля. Причем думали не только о сиюминутных нуждах страны, но и заглядывали далеко в будущее. И все это практически на голом энтузиазме.

16 октября Ленин пишет в Президиум ВЦИК, в Совнарком Каменеву, в Наркомат финансов Владимирову, в Президиум ВСНХ Богданову: «Тов. Красин прислал мне письмо, в котором сообщает о крупнейших успехах группы инженеров во главе с тов. Губкиным, которая с упорством, приближающимся к героическому, и при ничтожной поддержке со стороны государственных органов, из ничего развила не только обстоя-

¹ См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 562, 563.

² РГАСПИ. Ф. 16. Оп. 2. Ед. хр. 12. Л. 99.

тельное научное обследование горючих сланцев и сапропеля, но и научилась практически изготавливать из этих ископаемых различные полезные продукты... Эти работы, по свидетельству т. Красина, являются прочной основой промышленности, которая через десяток, другой лет будет давать России сотни миллионов.»

И Ленин предлагает: 1. Полностью обеспечить эти исследования финансами; 2. Устранить все бюрократические препоны, тормозящие данную работу; 3. Наградить всю группу орденами Трудового Красного Знамени и крупной денежной премией¹.

Другой повод — статья Гарольда Вэра «Американский тракторный отряд», опубликованная «Правдой» 15 октября. Этой публикации предшествовала целая история, за которой Владимир Ильич внимательно следил.

Еще в июле 1921 года в США оформилось «Общество технической помощи Советской России», которое поставило своей целью содействие восстановлению народного хозяйства России путем отправки в нее высококвалифицированных рабочих и техников. В его создании, помимо выходцев из России, принимали участие многие американцы и канадцы.

Общество имело около 70 отделений в США и Канаде, насчитывало 20 тысяч членов и открыло множество школ — автомобильную, тракторную, электротехническую, шахтерскую и др. С конца 1921 года по октябрь 1922-го оно направило в Россию семь сельскохозяйственных коммун, две строительные, одну шахтерскую и ряд групп².

Первая группа в 65 человек прибыла в Тамбовскую губернию в апреле 1922 года. Ей отвели территорию разоренного во время антоновского восстания совхоза «Ира» в Кирсановском уезде. К осени 1922 года коммунары сумели поднять хозяйство, увеличить поголовье скота, построить лесопилку, механические мастерские, заложить двухэтажный дом для жилья.

В Тираспольском уезде Одесской губернии, при станции Мигаево, в мае 1922 года, прибывшими из Канады украинцами и галичанами была создана «Первая канадская агрокультурная коммуна имени тов. Ленина». Разрушенное помещичье имение коммунары превратили в крупное и эффективное хозяйство. Помимо улучшения культуры земледелия, они отстрои-

---

¹ См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 224.

² Там же. С. 567, 568.

ли кузнечную, токарно-слесарную, механическую, столярно-плотницкую мастерские, работавшие на электроэнергии.

Важно, что и здесь и в тамбовской губернии американцам и канадцам удалось установить самые добрые отношения с окрестными крестьянами. Коммунары помогали в запашке земли безлошадным, ссужали хлебом, инвентарем, бесплатно ремонтировали сельскохозяйственные орудия. В свою очередь крестьяне знакомились с новейшими приемами обработки земли, с невиданными ими доселе тракторами, электротехникой¹.

На Лидиевском руднике Юзовского района Донбасса с лета 1922 года работала группа американских шахтеров. Как раз в октябре они написали Ленину телеграмму: «Радуясь Вашему выздоровлению и возвращению на боевой пост, шлем Вам к пятилетию Октябрьской революции свой горячий братский привет... Мы счастливы быть полезными первому в мире рабоче-крестьянскому государству и обещаем... поддержать его на трудовом, а если понадобится, и на военном фронте»².

В числе подобного рода отрядов и групп, в июле 1922 года прибыл из Америки и тракторный отряд Гарольда Вэра. 32-летний Гарольд успел окончить Пенсильванский сельскохозяйственный колледж, стал агрономом, шесть лет успешно фермерствовал в Деловаре, потом занимался молочным животноводством в графстве Честер, увлекался механизацией сельхозработ.

Когда в начале 1922 года он узнал, что «Общество друзей Советской России» собирает пожертвования для голодающих Поволжья, Гарольд сразу предложил свои услуги. Но не для благотворительности, а для того, чтобы помочь устройству в России фермерских хозяйств.

Получив от «Общества технической помощи Советской России» 75 тысяч долларов, закупив трактора и семена, он вместе с другими коммунарами, после трехнедельного морского путешествия, прибыл в Либаву. Оттуда их направили в самую глухомань — Оханский уезд Пермской губернии, в совхоз «Тойкино».

Дело заладилось. Распахали полторы тысячи десятин под озимые, около тысячи засеяли, начали строительство механических мастерских, жилого дома, а главное — сразу же стали терпеливо обучать местных крестьян механической обработке земли и новейшим приемам агротехники. Впрочем, хвата-

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 566, 567.

² Там же. С. 567.

ло и трудностей: то срывали поставку строительных материалов, то вместо бензина для тракторов привозили керосин¹.

Обо всем этом Ленин прочел еще 30 августа в «Известиях». На следующий день Владимир Ильич пишет Рыкову: «Советую распорядиться, чтобы обратили сугубое внимание. Проверить... Если правда, *поддержать всячески*... Надо и орден Трудового Знамени дать... Заставить Наркомфин или Наркомзем разработать **спешно** облегченные условия привлечения еще тракторов... А у нас бюрократизма — **бездна!**»².

О бюрократизме он вспомнил не зря. Подтверждение того, что американцы действительно добились реальных успехов, Владимир Ильич получил из Пермского губисполкома. 10-го он направляет письмо председателю правления Всероссийского нефтесиндиката В.А. Трифонову с просьбой принять срочные меры по полному обеспечению американских волонтеров бензином и смазочными маслами³.

А 14 октября, собрав все материалы, Ленин направляет их в «Правду» Л.С. Сосновскому с предложением давать информацию о работе американских сельскохозяйственных групп ежемесячно⁴. Вот так и появилась в «Правде» 15 октября статья Гарольда Вэра «Американский тракторный отряд».

20 октября Ленин пишет председателю Пермского губисполкома А.В. Семченко, что американской группе «удалось бы достигнуть еще больших результатов, если бы не обычные в нашей практике недостатки», что местные организации «могут скорее вникнуть в возникающие препятствия» и поэтому просит «оказывать максимум поддержки означенной группе» и сообщить о тех «потребностях, кои Вы не в состоянии разрешить сами»⁵.

В тот же день Владимир Ильич направляет благодарственные письма «Обществу друзей Советской России» и «Обществу технической помощи Советской России». «Несмотря на гигантские трудности, — пишет он, — в особенности ввиду крайней отдаленности от центра» и разорения во время гражданской войны, американским группам в Пермской, Тамбовской и Одесской губерниях, а также группе шахтеров в Донбассе удалось добиться «успехов, которые следует признать совершенно исключительными». Выражая благодарность от имени Советской Республики, Ленин просит «иметь в виду,

---

¹ См.: «Правда», 18 июня 1973; «Правда», 21 ноября 1990.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 54. С. 276.

³ См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 54. С. 296, 297.

⁴ См.: В.И. Ленин Биографическая хроника. Т. 12. С. 414.

⁵ См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 231, 232.

что... помощь по тракторной обработке земли является для нас особенно своевременной и важной»¹.

Ходатайствуя перед Президиумом ВЦИК о признании хозяйств американских волонтеров образцовыми, он пишет 24 октября: «Американское общество технической помощи России организует в настоящее время до 200 артелей с 800-1000 тракторами для отправки в Россию. Если это дело удастся, то в каждом уезде мы сможем иметь хотя бы одно показательное сельское хозяйство с американской техникой, чему я придаю огромное значение»².

В эти же дни Владимир Ильич занимается еще одним вопросом, имевшим прямое отношение к будущему сельскохозяйственного производства в России. Он получает письмо от замнаркома земледелия Осинского о судьбе Шатиловской опытной станции в Новосильском уезде Тульской губернии.

Основал ее еще в 1896 году председатель Московского общества сельского хозяйства И.Н. Шатилов. Здесь, на протяжении многих лет, известный селекционер П.И. Лисицын вел работу по созданию новых сортов овса. Он отказался даже от сугубо академической научной работы, как писал Осинский, лишь бы только «увидеть свой овес в массовом распространении».

И вот теперь существование опытной станции поставлено под угрозу. Ее преобразовали в Шатиловский овсяной трест («Госсемкультура»), но смету его из бюджета Наркомзема исключили. Рассуждали, видимо, очень просто: в связи с всеобщей «коммерциализацией», трест, как и другие тресты, якобы должен зарабатывать сам и находиться на хозрасчете.

23 октября Ленин беседует по этому вопросу с управделами СНК Н.П. Горбуновым и просит его связаться с Наркомземом, собрать и проверить все данные о работе треста. А 25-го просит Л.С. Сосновского выступить в «Правде» со статьей «о значении этих работ вообще и о работах Шатиловского треста и русского селекционера Лисицына в частности... Предварительно рекомендую Вам познакомиться с книжкой, вышедшей у нас в переводе Тимирязева «Обновленная земля»»³.

В финансовый комитет СНК Ленин пишет: «Придавая работам Шатиловского треста огромное государственное значение и будучи уверен в том, что улучшение культур растений по американскому типу является одной из важнейших баз для увеличения производительности нашего сельского хозяйства

¹ См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 229, 230.

² Там же. С. 233.

³ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 54. С. 301.

прошу... удовлетворить по возможности нужды Госсемкультуры». И финкомитет утверждает смету Шатиловского треста на октябрь-декабрь 1922 года в сумме 2,5 триллионов рублей¹.

И в эти же дни удается ускорить принятие еще одного важного решения — о «торговой концессии Вольфа». Один из известнейших финансовых олигархов Германии Отто Вольф, возглавлявший консорциум немецких фирм, подписал 9 октября в Берлине соглашение о создании смешанного русско-германского акционерного общества «Русгерторг».

Вся деятельность этого общества ставилась под контроль НКВТ. Мало того, консорциум Вольфа предоставлял «Русгерторгу» товарный кредит в размере 750 тысяч фунтов стерлингов на закупку предметов, производимых консорциумом, под 10 процентов годовых сроком на год.

Соглашение произвело огромное впечатление за границей и создавало благоприятную почву для переговоров с другими фирмами и компаниями. Однако в Политбюро оно встретило сопротивление в лице Каменева, который заявил, что соглашение, якобы, носит кабальный характер и ущемляет интересы отечественного производства².

Трудно сказать — занял эту позицию Каменев с чьей-либо подачи или, заваленный потоком бумаг, не изучил внимательно соглашение. Выяснять этого Ленин не стал, а 18 октября, проконсультировавшись с заместителями наркома внешней торговли А.М. Лежавой и М.И. Фрумкиным, направил письмо Сталину для членов Политбюро.

«Нахожу, что возражения тов. Каменева, — пишет Владимир Ильич, — целиком основаны на недоразумении, и думаю, что вопрос надо поставить завтра же на решение Политбюро, ибо разногласие между мной и Каменевым требует авторитетного и окончательного решения».

Каменев утверждает, что Вольф, в обмен на право закупки и вывоза сырья, будет сбывать в Россию «неизвестные нам товары» своего консорциума. Но это сплошное недоразумение, указывает Ленин, ибо за нами — право проверки списка предлагаемых товаров и никаких обязательств по закупке ненужных товаров Россия не себя не берет.

Кроме того, в соглашении специально оговорено, что Вольф будет поставлять станки, машины, оборудование для электротреста. Это выгодно ему, ибо германская промышлен-

---

¹ См.: *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 54. С. 307, 665; Исторический архив. 1962. № 1. С. 60-61.

² См.: *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 563.

ность остро нуждается в заказах. Это «абсолютно необходимо и нам», так как мы развиваем эти отрасли промышленности у себя и сразу укрепляем их новейшими немецкими технологиями.

Россия «нуждается теперь, — пишет Ленин, — в протекционизме, особенно для всей легкой индустрии, ибо тогда мы сможем восстановить эту индустрию и облегчить тем интересы нашего пролетариата. Ничего общего с каким-либо фритредерством или даже с открытием границ, хотя бы при сохранении таможенных пошлин», это соглашение не имеет.

Что касается вывоза задешево сырья, то и это утверждение Каменева — «совершеннейшее недоразумение... Во-первых, мы получаем 10% дивиденда, во-вторых, мы получаем 10% прибыли так же, как и Вольф, и в-третьих, если прибыль превышает 40%, то мы получаем 75% остальной части, тогда как консорциум получает только 25%.

...Такой договор, — заключает Ленин, — бесконечно выгоден для нас уже тем, что мы получаем дележ прибыли, которая, вероятно, способна достигнуть не одной сотни %, пополам. Интересы нашей возрождающейся промышленности и, следовательно, наших промышленных предприятий охранены при этом полностью»¹.

На следующий день, утром 19 октября, состоялось заседание Политбюро ЦК РКП(б), где Ленин выступил с докладом. Для Каменева это был достаточно жесткий урок, хотя Владимир Ильич и смягчил его ссылкой на явное «недоразумение». К чести Каменева, он еще был способен извлекать из уроков правильные выводы. Принятое решение гласило: «Ввиду достижения соглашения вопрос снят». И в этот же день декретом Совнаркома договор с германским консорциумом был утвержден².

Впрочем, через неделю Ленину вновь пришлось столкнуться с еще одним «недоразумением». В пятницу 27-го позвонил председатель Госплана Кржижановский и сообщил, что при формировании бюджета в смете Наркомвоена обнаружено превышение на 26 триллионов рублей (599 вместо 573). Это явная вина Пятакова, подписывавшего смету, который просто «прозевал» ошибку. Однако 28-го СНК, на котором вместо Ленина председательствовал Каменев, эту смету утвердил.

Владимир Ильич пишет Каменеву: «Вчера я узнал, что Вам не удалось в СНК исправить этой ошибки. Вы предполагаете, по Вашим словам, пока оставить ее. Обдумав дело, я нахо-

¹ См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 225, 226, 227.

² Там же. С. 564.

жу этот путь архиопасным и ненадежным и принципиально неверным... Иначе мы запутаемся надолго; я очень извиняюсь за свое предложение (опаздывающее), но иначе поступить не могу»¹. Опросом членов Политбюро (при воздержавшемся Троцком) решение СНК об утверждении сметы Военного ведомства было отменено.

Эпизоды эти крайне важны для понимания того, какая нагрузка все более и более ложилась на Владимира Ильича. Когда просматриваешь страницы его биографической хроники с октября 1922 года, видишь то бесчисленное количество документов, которые приходили к Ленину и уходили от него с резолюциями и поручениями. Казалось, вполне естественным был бы лишь их беглый просмотр и переадресовка в соответствующие инстанции. Но быть «свадебным генералом» Ленин не мог и так работать он просто не умел.

Владимир Ильич вникал в суть дела, советовался со специалистами, знакомился с документами и литературой, запрашивал необходимые сведения. И одновременно шли ежедневные встречи и беседы с партийными и советскими работниками, совещания и заседания Политбюро, Совнаркома, СТО с множеством вопросов, к которым необходимо было заранее готовиться. И чем активнее включался он в работу, тем шире становился и круг людей, чей чиновный покой он тревожил.

После вечернего заседания СНК 24 октября, где успели обсудить 15 вопросов, Ленин встретился с врачами. «Мы с Крамером, — записывает Кожевников, — видели В.И. через час после заседания Совнаркома. Вид у В.И. очень хороший, бодрый и неутомленный, хотя В.И. сам говорит, что непосредственно после заседания он себя чувствовал немного утомленным. Голова почти никогда не болит. Паралича ни разу не было. Сон хороший. Настроение значительно лучше... В конце сессии ВЦИК В.И. предполагает выступить с небольшим приветствием — минут в 15 и думает, что это его не разволнует и не расстроит»².

Возможно, как всегда в беседах с врачами, Владимир Ильич несколько бодрился. Зато куда более откровенным оказался Каменев. Он подробно доложил Крамеру и Кожевникову, что во время заседания СНК Ленин «критиковал один из пунктов законопроекта. А затем, не заметив, что перевернулась страница, вторично стал читать, но уже другой пункт, снова

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 305, 665.

² РГАСПИ. Ф. 16. Оп. 2. Ед. хр. 12. Л. 99.

стал его критиковать, не заметив, что содержание этого пункта было совершенно иное».

Разговор этот происходил 29-го на квартире у Каменева в присутствии Сталина и Зиновьева, и «все трое, — как записал Кожевников, — находят, что В.И. легко утомляется и, по-видимому, переутомляется»¹.

Судя по всему, кроме них этого пока никто не заметил (как не заметили при встрече 24-го врачи), и дела продолжали идти своим ходом с нарастающим объемом. 26 октября Владимир Ильич получил письмо корреспондента влиятельных английских газет «Обсервер» и «Манчестер Гардиан» М. Фарбмана с вопросами для интервью, а Чичерин написал, что ответы надо дать не позднее 27-го.

Вопросы касались прежде всего внешней политики и были вызваны поездкой по России мэра Лиона, лидера французских радикал-социалистов Эдуара Эррио, проходившей с 20 сентября по 10 октября 1922 года. Он побывал в Москве, Петрограде, на Путиловском заводе, в Нижнем Новгороде и везде весьма доброжелательно отмечал усилия Советского правительства по восстановлению народного хозяйства и ратовал за «сближение двух великих народов на благо всего мира»².

Встречали его повсюду очень тепло, и это дало повод английской прессе поднять шум относительно того, что Россия якобы готова заключить союз с Францией против Англии. Об этом и был первый вопрос Фарбмана.

Ленин ответил, что сближение с Францией — «сильнейшей континентальной державой», не означает перемены отношений с Англией, что «дружественные отношения с обеими державами являются вполне возможными и составляют нашу цель». Мало того, он убежден, что дружественные отношения этих держав к России являются гарантией преодоления имеющихся между Англией и Францией разногласий и укрепления мира в Европе³.

Следующие четыре вопроса касались ближневосточной политики России: способствует ли окончание греко-турецкой войны англо-русскому соглашению? ...И не является ли для России участие в урегулировании ближневосточного вопроса лишь делом престижа?

Ленин ответил, что мир, сменивший греко-турецкую войну, безусловно является «выигрышем международной полити-

¹ РГАСПИ. Ф. 16. Оп. 2. Ед. хр. 12. Л. 101.

² См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 568.

³ Там же. С. 237, 238.

ки вообще» и, в частности, облегчит решение спорных вопросов с Англией на Ближнем Востоке. Что касается проливов, ограничения прав России и ущемления прав Турции, то «такое ограничение неминуемо приведет к ряду весьма практических и непосредственных, в частности экономических неудобств, от которых сама же Франция и Англия пострадают, по всей вероятности, в самом недалеком будущем».

«Наш опыт решения в течение пяти лет национального вопроса в государстве, содержащем в себе такое обилие национальностей, которое едва ли можно найти в других странах, — поясняет Ленин, — всецело убеждает нас в том, что единственно правильным отношением к интересам наций в подобных случаях будет максимальное их удовлетворение и создание условий, которые исключают всякую возможность конфликтов на этой почве»¹.

Видно было, что все эти мысли давно выношены Лениным. А тут еще — за несколько дней до интервью — 24 октября он получает из Тифлиса материалы о продолжении конфликта с Закавказским членом ЦК КП Грузии, настаивавших на непосредственном вхождении Грузии в Союз республик, минуя Закавказскую федерацию. Все это связывается между собой: и проблему Союза и, казалось бы, частную проблему черноморских проливов Владимир Ильич рассматривает и конкретно и под углом зрения судеб современной цивилизации вообще.

«Наш опыт, — отмечает он в интервью, — создал в нас непреклонное убеждение, что только громадная внимательность к интересам различных наций устраняет почву для конфликтов, устраняет взаимное недоверие, устраняет опасение каких-нибудь интриг, создает то доверие, в особенности рабочих и крестьян, говорящих на разных языках, без которого ни мирные отношения между народами, ни сколько-нибудь успешное развитие всего того, что есть ценного в современной цивилизации, абсолютно невозможны»².

Ну, а насчет «престижа», иронизирует Ленин, — «я уверен, что ни в одной державе нет в народных массах такого равнодушия и даже такой готовности встретить вопрос престижа как престижа самой веселой насмешкой». Вопрос о черноморских проливах является делом «самого реального и непосредственного жизненного интереса России и целого ряда федерированных с ней государств», а никак не делом престижа.

---

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 238, 240.

² Там же. С. 240.

«Я надеюсь, — заключает Ленин, — что всей нашей международной политикой в течение пяти лет мы вполне доказали, что к вопросам престижа мы относимся совершенно равнодушно и никогда не способны выдвигать какое бы то ни было требование или ухудшать действительные шансы мира между державами только из-за престижа»¹.

Шестой вопрос Фарбмана касался договора с Уркартом: не означает ли отказ от него победу «левых коммунистов»? Отказ от договора, — отвечает Ленин, — связан в значительной мере с нежеланием Англии допустить Россию на ближневосточную конференцию. Он «вызвал такое возмущение в России и настолько сплотил не только правых коммунистов с левыми, но и гигантскую массу беспартийного русского населения, рабочих и крестьян, что... мотивировка нашего отклонения договора с Уркартом выразила непосредственно, можно сказать, не только общепартийное, но именно общенародное настроение...»²

Последний — седьмой вопрос затрагивал судьбу самого НЭПа: антирусская пресса в Англии утверждает, — писал Фарбман, — что недавние аресты промышленников в Москве означают конец НЭПа и возврат к политике конфискаций. Ленин ответил, речь идет не об ограничении свободы торговли, не о преследовании «промышленников», а об аресте биржевых спекулянтов — «черных биржевиков», через которых осуществлялась контрабандная переправа платины и золота в слитках за границу. Мы не только не кладем «конец “новой экономической политике”», — заканчивает интервью Ленин, но и принимаем законодательные меры «для устранения всякой возможности отклонения от нее»³.

В воскресенье 29 октября у Владимира Ильича был день отдыха. Но, как всегда, навалилась куча дел. Утром он принял делегата IV конгресса Коминтерна от Компартии Великобритании Гарри Вебба. Говорили о предстоящих в Англии парламентских выборах. Днем состоялся разговор с Каменевым об упоминавшемся выше решении Совнаркома, утвердившим завышенную смету Военного ведомства. Потом от Фрумкина пришли бумаги, касающиеся переговоров с Уркартом. И лишь под вечер Владимиру Ильичу вместе с Надеждой Константиновной все-таки удалось вырваться в театр.

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 239.

² Там же. С. 242.

³ Там же. С. 243, 244.

Поехали в первую студию Московского художественного театра на Триумфальной площади. В этот день там шел спектакль «Сверчок на печи» Диккенса. Выбор оказался не очень удачным. Ленин был весь в делах. Через день ему предстояло выступить с речью, и он уже обдумывал ее план...

«Уже после первого действия, — пишет Крупская, — Ильич заскучал, стала бить по нервам мешанская сентиментальность Диккенса, а когда начался разговор старого игрушечника с его слепой дочерью, не выдержал Ильич, ушел с середины действия»¹.

Кожевникову сам Ленин рассказал: «В воскресенье был на спектакле в студии, но скоро устал и уехал после первой картины второго действия»². А вернувшись домой, попали на музыкальный вечер, который устроила Мария Ильинична. Слушали пение С.А. Крыловой под аккомпанемент О. Тоом³.

31 октября, впервые после болезни, Ленин публично выступил на заключительной сессии ВЦИК в Андреевском зале Большого Кремлевского дворца. Когда в 12 часов он поднялся на трибуну, зал встал и аплодисменты долго не давали ему говорить. Владимир Ильич был взволнован и ограничиться 15 минутами, как он обещал врачам, никак не мог.

Из всех внешнеполитических событий последних месяцев он выбрал для начала своей речи — главное: освобождение Приморья. Пятилетняя гражданская война завершилась. Еще 26 октября, по решению Политбюро, Ленин послал приветственную телеграмму председателю Совета Министров Дальневосточной республики по случаю вступления 25 октября Красной Армии и партизан во Владивосток.

Территория «последней из связанных с Советской Россией республик», — сказал он членам ВЦИК, — освобождена и «к окончанию войны сделан шаг, кажется, достаточно решительный: сброшены в море последние силы белогвардейцев». Дабы «не впасть в тон чрезмерного самохвальства», — заметил Владимир Ильич, в этом сыграла свою роль не только сила Красной Армии, но и изменение международной обстановки и наша дипломатия⁴.

Если же оценивать наши внутренние дела, продолжал он, то громадным завоеванием является тот «Кодекс законов о труде», который приняла эта сессия ВЦИК. В то время как на

¹ Воспоминания о В.И. Ленине. В пяти томах. Т. 1. Изд. 3-е. М., 1984. С. 603.

² РГАСПИ. Ф. 16. Оп. 2. Ед. хр. 12. Л. 100.

³ См.: Биографическая хроника. Т. 12. С. 444.

⁴ См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 245.

Западе идет наступление на интересы пролетариата, мы закрепляем основные права наших рабочих в новом кодексе. Конечно, хотелось бы лучшего. Но пока, при существующих условиях, «подобное пожелание было бы неправильным».

Мы знаем, сказал Ленин, что пока, в сравнении с капиталистическими странами, — «мы наименее культурны, производительные силы у нас развиты менее всех, работать мы умеем хуже всех. Это очень неприятно». Но именно потому, что мы не прикрываем этого казенными, благовидными фразами, «именно потому, что мы все это сознаем и не боимся сказать с трибуны, что на исправление этого направлено больше сил, чем у любого из государств, мы и добьемся того, чтобы нагнать другие государства с такой быстротой, о которой они и не мечтали»¹.

Точно так же огромное значение имеет принятый сессией земельный кодекс. Мы думали прежде всего о том, отметил Владимир Ильич, — «чтобы крестьянин получил наибольшее удовлетворение от земли... Вопрос о земле, вопрос об устройстве быта громадного большинства населения — крестьянского населения — для нас вопрос коренной». И если впредь у крестьян появятся новые предложения, касающиеся «изменения старых законов», то эти предложения встретят «самое благожелательнейшее отношение»².

Важнейшее значение имеют и принятые этой сессией ВЦИК «Кодекс гражданских законов РСФСР» и «Положение о губернских съездах Советов и губернских исполнительных комитетах». В Кодексе мы «старались соблюсти грань между тем, что является законным удовлетворением любого гражданина, связанным с современным экономическим оборотом, и тем, что представляет собой злоупотребления нэпом, которые во всех государствах легальны и которые мы легализировать не хотим».

Положение о губернских съездах Советов и губисполкомах — это вопрос о власти на местах. Если революция и добилась успехов, сказал Ленин, то это произошло «потому, что мы всецело полагались на местные элементы, что мы открывали им полный простор действий...» Сложнейшая проблема взаимоотношений местных властей и центра не всегда «решалась нами идеально: при общем уровне культуры, который мы имеем, нам о таком идеальном решении мечтать нечего. Но что

¹ См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 246, 247.

² Там же. С. 247, 248.

она решена искреннее, правдивее и прочнее, чем в каком бы то ни было государстве...»¹.

В заключение Владимир Ильич коснулся вопроса о государственном аппарате — «вопроса, который меня особенно интересует и который, я думаю, должен также интересовать и всех вас, хотя формально ни на вашей повестке, ни в списке вопросов он не стоит».

То, что этот аппарат, — «который раздут гораздо больше, чем вдвое, который очень часто работает не для нас, а против нас, — эту правду нечего бояться сказать...» Наши лучшие рабочие шли во власть и брались за самые трудные дела, «брались сплошь и рядом неправильно, но умели поправляться и работать». Однако эти десятки «мужественных людей» были окружены сотнями чиновников, которые «сидят и саботируют или полусаботируют, путаясь в объеме своих бумаг, — это соотношение губило сплошь и рядом наше живое дело в непомерном море бумаг».

«...Уровень культуры наших рабочих низок.. Годы и годы должны пройти, чтобы мы добились улучшения нашего государственного аппарата, подъема его — не в смысле отдельных лиц, а в полном его объеме — на высшие ступени культуры. Я уверен, — закончил свое выступление Ленин, — что, посвятив свои силы в дальнейшем такой работе, мы к самым лучшим результатам подойдем необходимо и неизбежно»².

Кожевников, присутствовавший на этом заседании, записал: «В.И. говорил сильно, громким голосом, был спокоен, ни разу не сбился. Речь была прекрасно построена, не было никаких ошибок. После речи В.И. сказал, что он не утомился, не волновался и думает, что по этому поводу можно ослабить врачебный контроль. После этого В.И. разговаривал с разными лицами, затем снимался в группе с членами сессии»³.

С 17.30 Ленин председательствует на заседании Совнаркома. В повестке дня более 20 вопросов: доклад уполномоченного СНК по железнодорожным заказам за границей Ю.В. Ломоносова; об отпуске кредита Наркомпути для приобретения акций Промбанка; о выпуске государственного выигрышного займа и государственной лотереи; о ссуде Армении на развитие сельского хозяйства; положение о Малом СНК; о квартирном налоге; о таможенных пошлинах на бумагу; о колле-

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 248, 249.

² Там же. С. 250, 251.

³ РГАСПИ. Ф. 16. Оп. 2. Ед. хр. 12. Л. 100.

гии Наркомпроса; о местном бюджете; о фонде зарплаты на ноябрь и другие.

Заседание закончилось в 21 час. И опять Владимира Ильича поджидали врачи. «Вид несколько утомленный, — записывает Кожевников. — В.И. сам говорит, что он несколько устал, но во время беседы В.И. становился все живее и скоро от усталости не осталось и следа». Видно было, что работа, при всей ее напряженности, доставляет ему удовольствие.

Но это впечатление Алексея Михайловича. А ведь 29-го Каменев, Зиновьев и Сталин настаивали, что «В.И. легко утомляется и, по-видимому, переутомляется». Им виднее. Тем более сам Владимир Ильич рассказал, что «в ночь с четверга на пятницу он долго не мог уснуть. Два раза принял сомнацетин по 2 таблетки, но все-таки не заснул. В 3 часа пошел гулять, вернувшись с прогулки лег, скоро заснул и спал хорошо».

И Кожевников записывает: «В общем В.И. чувствует себя хорошо, но все-таки легко устает... Решено по субботам и воскресеньям устраивать более полный отдых без всяких свиданий, по возможности уезжать из Москвы. По средам тоже отдых, но допустимы свидания с друзьями»¹.

«Не назад к феодализму, а вперед к социализму»

В среду 1 ноября у Ленина как раз был день отдыха. Утром, получив материалы к предстоящему 2-го заседанию Политбюро, он проводит совещание со Сталиным, Каменевым и Зиновьевым. Пишет тезисы о кооперативном банке, предусматривавшие его поддержку Госбанком, а затем встречается с профессором Ю.В. Ломоносовым².

В предшествующих главах тема транспорта не затрагивалась, хотя состояние железных дорог России было в центре внимания всей политики НЭПа и без решения проблем, стоявших перед НКПС, ни о каких успехах восстановления народного хозяйства не могло быть и речи.

Это умолчание объясняется тем, что вышедшие недавно монографии Александра Сергеевича Сенина, к которым и отсылается читатель³, достаточно полно раскрывают данную тему.

¹ РГАСПИ. Ф. 16. Оп. 2. Ед. хр. 12. Л. 100.

² См.: В.И. Ленин. Биографическая хроника. Т. 12. С. 454.

³ Сенин А.С. Московский железнодорожный узел. 1917-1922. М., 2004; Железнодорожный транспорт России в эпоху войн и революций. 1914-1922 гг. М., 2009.

Обе книги профессора Сенина — пример того, как добросовестное эмпирическое исследование, казалось бы, частного вопроса, построенное на фундаментальном анализе фактов, дает для понимания общих проблем эпохи гораздо больше, нежели самые остроумные сугубо «теоретические» построения на сей счет.

Беседа Ленина 1 ноября с бывшим статским советником, членом коллегии НКПС Юрием Владимировичем Ломоносовым как раз и касалась транспорта. Его доклад, заслушанный накануне на Совнаркоме, впечатлял. Складывалось представление, что железнодорожный кризис, если и не миновал, то явно пошел на спад. Исследование Александра Сенина позволяет перевести это представление на язык цифр.

Если за весь период 1921-1922 годов российские заводы выпустили лишь 68 паровозов (в том числе Луганский — 30, а Сормовский — 27), то к лету 1922 года комиссия Ломоносова закупила в Швеции и Германии 220 паровозов, а за весь 1922 год — 837. Общая численность паровозов почти достигла довоенной (19.584). Помимо этого, в Канаде и Англии купили 1,5 тысячи цистерн. Все это и позволило оживить работу железнодорожного транспорта и поставить вопрос о ликвидации комиссии, а стало быть и о дальнейшей работе Ломоносова¹.

Юрий Владимирович Ломоносов был человеком неординарным и неуживчивым. Отчасти это объяснялось тем, что в прежние времена он долго работал инспектором Российских государственных и частных железных дорог, то есть занимал должность вполне самостоятельную, при которой ему постоянно приходилось конфликтовать с людьми. Будучи требовательным к себе, он не щадил и подчиненных.

Но в еще большей мере его неуживчивость объяснялась характером, о котором он сам в октябре 1922 года написал Ленину так: «Я уже человек старый, со сложившимся философским, административным и техническим мировоззрением, и человек сильной воли. Меня можно сломить, но не согнуть. Служить могу, прислуживаться нет».

Когда в 1920 году Владимир Ильич запросил его характеристики у тех, кто с ним работал прежде, мнения были самые пестрые. От «не наш человек», «помпадур», «занимался мордобитием», прежде ходил «со шпагой и в треуголке», «жена из фрейлин» и т.п., но «работает хорошо», «сделал дорогу доход-

---

¹ См.: Сенин А.С. Железнодорожный транспорт России в эпоху войн и революций. С. 298, 299, 300.

ной», «человек решительный», «спецы ненавидят за перекидку от белых к красным» и т.п. Но все сходились в одном: «Дело знает»¹

От предложения перейти после ликвидации комиссии на работу в НКПС Юрий Владимирович поначалу отказался. «Слишком я искушен в интригах путейской среды, — писал он Ленину в том же письме, — чтобы не понимать, что тащат меня сейчас в НКПС вовсе не для того, чтобы использовать мой опыт, знания и волю, а именно чтобы сломать, опаску-дуть, закопать так, чтобы я уже встать не мог.

Есть только один путь использовать силы и знания. Это — путь научного творчества. Заприте меня с 2-3 красотками в совхоз или в немецкий университетский городишко на 5-7 лет... Стоить это будет Республике гроши, а одна разработка тепловозов и электровозов даст миллионы сбережений. В этом и только в этом направлении я могу пригодиться. Закончить свои труды могу только я, а начальников дорог вы найдете сотни и притом более спокойных».

Однако в разговоре с Лениным 1 ноября он сказал, что согласен занять пост временно исполняющего должность заместителя наркома пути. Оставалось уговорить Дзержинского, и в тот же день Владимир Ильич посылает ему телеграмму в Сухуми: «Ломоносов сейчас здесь, предложил мне назначить его вридзамом. Уверяет, что мы через месяц, к Вашему приезду, вполне свободно будем судить, сладит ли он с враждебными ему спецами и профсоюзами; уверяет, что он не годится в советчики или в члены коллегии, равняющиеся советчику. Я думаю, что он действительно хочет управлять железными дорогами, имея Вас в качестве политического руководителя»².

Последняя фраза не была случайной. Владимир Ильич знал, что кто-то из «доброхотов» намекал Дзержинскому, что Ленин, мол, метит Ломоносова на его место. За место это Феликс Эдмундович не держался. Еще в апреле 1922 года он писал Владимиру Ильичу: «Во главе [транспорта] должен стоять не администратор (как я) и не инженер-специалист своего дела, а гибкий и авторитетный экономист-политик... Я к этой роли не гожусь, не будучи ни политиком, ни экономистом...

Намеченная реформа на транспорте (упразднение комиссаров, организация правлений и привлечение свежих сил, децентрализация, резкое сокращение штатов, переход на всеобщую платность и т.д.) с успехом будет проведена только, если

¹ См.: В.И. Ленин. Неизвестные документы. С. 342-347.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 54. С. 306.

во главе НКПС станет свежий для транспорта, авторитетный и смелый политик-экономист... Я лично мог бы с транспорта не уходить, если это нужно будет»¹.

Предлагая «вридзамом» наркома пути Ломоносова, и дабы отсечь любые подозрения, Ленин в телеграмме 1 ноября пишет Дзержинскому о Юрии Владимировиче: «Убежден, что никакого стремления иного рода у него нет. Очень прошу согласиться и не видеть в этом задних мыслей, которых у меня нет и в помине... Думаю, что в роли партийного и политического вождя железных дорог Вы необходимы»².

На следующий день Дзержинский ответил, что он находит нецелесообразным назначение Ломоносова временно исполняющим обязанности заместителя наркома в свое отсутствие и предлагает ему согласиться поработать пока членом коллегии. А окончательное решение об использовании Ломоносова отложить до возвращения Феликса Эдмундовича в Москву³.

Так это дело и зависло. Опасения Ленина, что Ломоносов «уйдет в профессора», оправдались. Он опять уехал за границу — сначала в Германию, потом в Англию, да там в 1927 году и остался. А первый в мире магистральный тепловоз Ломоносова, построенный в Германии в 1924 году, эксплуатировался на российских железных дорогах еще несколько десятилетий. В день первой поездки тепловоза в России, Ломоносову была послана правительственная телеграмма: «Сегодня совершена опытная поездка тепловозом... Результаты блестящие... Очень сожалеем, что Вас нет сейчас с нами»⁴.

С октября за Владимиром Ильичем оставался должок, о котором ему не раз напоминал Чичерин. В Россию, специально для того, чтобы получить интервью у Ленина, вновь приехал писатель, корреспондент «Манчестер Гардиан» Артур Рансом — тот самый Рансом, уже приезжавший в феврале с письмом Джона Кейнса, которого Владимир Ильич в связи с болезнью так и не смог тогда принять.

27 октября он изложил свои вопросы в письменном виде, но дни шли, а встреча откладывалась. 2 ноября Чичерин попросил Ленина с ответом не затягивать, ибо на 6-ое у Рансома уже закуплены обратные билеты.

3-го день выдался тяжелым. С 11 до 14.30 Владимир Ильич проводил совещание бюро делегации РКП(б) на IV конгресс-

---

¹ В.И. Ленин. Неизвестные документы. С. 531.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 54. С. 306.

³ Там же. С. 665.

⁴ См.: Сенин А.С. Железнодорожный транспорт России в эпоху войн и революций. С. 296, 307.

се Коминтерна. С 17.30 он председательствовал на заседании Совнаркома, рассмотревшем 36 вопросов. И все-таки после заседания, в 20.30, Ленин встречается с Рансомом.

Ответы на три письменных вопроса у Владимира Ильича были уже готовы. Но писатель оказался интересным собеседником, они говорили не только о НЭПе, которого касались все его вопросы, но и о выборах в Англии, о фашистском перевороте в Италии. И Ленин после беседы решил переписать свои ответы заново, пообещав успеть до отъезда Рансома¹.

Некоторые его вопросы вызывали у Владимира Ильича улыбку, ибо являли собой типичную для многих иностранцев попытку судить о России по наблюдениям за жизнью центральных московских улиц, да и то, как сказали бы нынче — в пределах Садового кольца.

«Я нахожу громадное экономическое оживление, — спрашивал Рансом, — все покупают и продают... Нарождается новый торговый класс». Почему нэпман *«не показывает признаков стремления быть политической силой?»*

«...Ваш вопрос, — отвечает Ленин, — напомнил мне одну беседу в далекие, далекие времена в Лондоне. Дело было вечером в субботу. Мы гуляли с приятелем, лет двадцать назад. На улицах было необыкновенно оживленно. Торговцы расположились везде на улицах, освещая свои товары небольшими металлическими трубочками с нефтью или чем-то подобным. Огоньки были очень красивы. Движение на улицах прямо-таки необыкновенное. Все покупали или продавали.

...Мой приятель был “экономист” и принялся сейчас же выкладывать свою премудрость: вот, дескать, за этой необыкновенной экономической деятельностью должно следовать стремление к политической силе. Я посмеивался над таким пониманием Маркса. Обилие мелких торговцев и их оживленная деятельность нисколько еще не свидетельствует об экономической большой силе...»²

Рансом: но в России торговля высоко прибыльна и она в руках нэпманов. Производство возможно лишь в редких случаях, а находящееся в руках государства просто убыточно. *«Не означает ли это постоянного экономического усиления нэпманов и постоянного ослабления государства?»*

Ленин: «У Вас “получается впечатление, что в России... производство возможно лишь в самых редких случаях” ... А как же,

¹ См.: В.И. Ленин. Биографическая хроника. Т. 12. С. 459-460.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 259.

подумал я, быть с миллионами и миллионами русских крестьян? Что они засевают землю, это, по-видимому, случай не редкий и не самый редкий, а преобладающий в России? Случай “даже” более многочисленный, чем “купля-продажа” чего бы то ни было “нэпманом”? И вероятно, крестьянское производство в России не только “возможно”, но и чрезвычайно “прибыльно”? Иначе откуда получились бы те сотни миллионов продналога, которые так необыкновенно быстро и легко уже внесли государству наши крестьяне? Откуда бы тот всеобщий подъем строительной деятельности и в деревнях необъятной России и в городах...?»¹

А в промышленном производстве, поясняет Ленин, надо различать легкую и тяжелую индустрию. В легкой — производство «явно оживает, а оно часто находится либо в собственности государства под управлением его служащих, либо во владении арендаторов... Производство в тяжелой индустрии... действительно невыгодно; отсюда действительно тяжелое положение нашего государства». Но крестьяне исправно платят налог за землю. Налоги дают нам и доходы нэпманов. Эти средства и следует обратить «на помощь тяжелой индустрии»².

Рансома волновал тот странный парадокс, который, по его мнению, имел место в России: действительность, реальная жизнь не укладывалась в рамки существующих доктрин. Если брать капиталистические мерки, — положение должно ухудшаться. Если брать коммунистические критерии, то и тогда ситуация должна быть хуже, ибо налицо упадок тяжелой индустрии.

Однако каждое лицо, кого я встречаю, — с искренним удивлением говорит Рансом, — соглашается, что положение его лучше, чем год тому назад. По-видимому, что-то происходит, чего не допускает ни капиталистическая, ни коммунистическая идеология. И та и другая предполагает прогресс. Но что, если вместо прогресса, мы регрессируем? ...Разве невозможно, что Россия движется назад, к периоду сельскохозяйственно-го производства...? Разве не может быть мыслим подобный период при пролетарской диктатуре, как раньше при феодальной диктатуре?»

Вдаваться в споры о доктринальных критериях Ленин не стал. Он берет лишь бесспорные факты. Стабилизируется рубль. Оживляется крестьянское хозяйство и легкая промышленность. Госбанк получил чистый доход более 20 миллионов

---

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 260, 261.

² Там же. С. 261, 262.

золотых рублей. Совершенно очевидно, что с точки зрения «капиталистических мерок» это явное улучшение.

Но эти же факты означают плюс и с коммунистической точки зрения. Доходы от Госбанка и Внешторга, налоги с возрождающегося крестьянского хозяйства и легкой индустрии, наконец, налоги с нэпманов — все это «начало подготовки средств государства для помощи тяжелой индустрии...»

«Как может быть такая вещь, — пишет Ленин, — что капитализм и коммунизм противоположны, а *плюсом* являются разные обстоятельства с *обеих* противоположных точек зрения? Это возможно, ибо переход к коммунизму возможен и через государственный капитализм, если власть в государстве в руках рабочего класса. Это именно и есть «наш теперешний случай».

«...Мы медленно, с перерывами, с шагами назад от времени до времени, поднимаемся по линии государственного капитализма. А это — линия, ведущая нас вперед, к социализму и коммунизму (как высшей ступени социализма), а никоим образом не назад к феодализму»¹.

И когда Рансом рассказал о циркулирующих по Москве слухах о том, что, мол, зимой НЭП прикроют, введут карточки и реквизируют склады нэпманов, Ленин ответил: «Охотно подтверждаю полную несостоятельность слухов, будто мы думаем возвращаться назад к карточной системе... Ничего подобного нельзя себе и представить в современной России. Это — слухи, пускаемые злобно людьми, которые очень злы на нас, но не очень умны»².

Владимир Ильич закончил писать ответы Рансому в воскресенье 5 ноября в 9 часов вечера. Утром в понедельник он послал их Бухарину с просьбой прочесть, дать замечания и тотчас вернуть. И в тот же день, — «как раз когда я укладывался, чтобы уехать из Москвы, — писал Рансом, — мне сообщили по телефону, что ответы готовы. Я спешно отправился в Кремль и получил их как раз вовремя, чтобы захватить их с собой к поезду»³.

По тону и содержанию этого интереснейшего интервью никак не заметно, что писал его Ленин в тот день, когда совершенно неожиданно болезнь опять напомнила о себе. С утра его немного подташнивало, а потом вновь случился кратковременный паралич правой ноги. Владимир Ильич успел

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 262, 263.

² Там же. С. 263, 264.

³ Там же. С. 572, 573.

сесть на диван, и никто этого не заметил. Приступ длился не более минуты, но настроение было испорчено напрочь.

Врачи приехали в 17.30, но никаких следов болезни уже не было. «Со стороны нервной системы, — записал Кожевников, — никаких отклонений от нормы нет. Объем всех движений, как рук, так и ног, полный. Сила очень хорошая, тонус нормален. Никаких патологических рефлексов нет»¹.

Настроение было испорчено не только потому, что болезнь напомнила о себе, а прежде всего потому, что 7 ноября, в день пятой годовщины Октябрьской революции, Ленин предполагал выступить в Большом театре на торжественном заседании пленума Моссовета совместно с делегатами IV конгресса Коминтерна и представителями рабочих организаций Москвы. Теперь о таком выступлении не могло быть и речи.

Пришлось отказаться и от других публичных выступлений — на беспартийной конференции работниц и крестьянок, на открытии клуба электростанции «Электропередача». А рабочим памятного ему завода Михельсона Владимир Ильич 7 ноября написал: «Очень жалею, что маленькое нездоровье именно сегодня заставило меня сидеть дома. Шлю вам самые горячие приветствия и пожелания к пятилетнему юбилею»².

Ответил он и тем рабочим коллективам, которые по случаю праздника прислали подарки. Питерские текстильщики передали Владимиру Ильичу шерстяной плед с пожеланием, «чтобы Вы ощутили от нашего скромного подарка вместе с физическим теплом и то рабочее сердечное тепло, которым Вас хочется окутать, а также и обратили внимание на то, что в условиях... кризисов мы работаем несколько не хуже довоенного...» Ленин ответил: «Сердечно благодарю за присланный плед, нахожу его превосходным»³.

А рабочим Стодольской суконной фабрики в Клинцах (Гомельская губерния), приславших отрез на костюм, поблагодарив их, Ленин написал: «По секрету скажу, что подарков посылать мне не следует. Прошу очень об этой секретной просьбе пошире рассказать всем рабочим»⁴.

Отказавшись 7 ноября от публичных выступлений, Владимир Ильич в остальном никак не меняет своего распорядка дня. 9-го с утра и до 14.14 он председательствует на заседании Политбюро, 10-го (с 18 часов) — на заседании СТО. Принимает Пятакова (6-го), Каменева (8 и 10-го), Радека (10-го). Ко-

¹ РГАСПИ. Ф. 16. Оп. 2. Ед. хр. 12. Л. 101.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 270.

³ Там же. С. 257, 572.

⁴ Там же. С. 272, 574.

минтерновцы просят его принять Клару Цеткин, и утром 8-го Ленин сам посещает ее.

Поговорили о делах, связанных с предстоящим конгрессом Коминтерна, а когда речь зашла о положении в Советской России, Ленин сказал Кларе: «Я должен вам рассказать еще кое-что, что вас особенно порадует.

Представьте себе, на днях я получил письмецо из глухой деревушки... Около сотни детей из приюта пишут мне: «Дорогой дедушка Ленин, мы хотим тебе рассказать, что мы стали очень хорошими. Учимся прилежно. Уже хорошо умеем читать и писать, делаем много хороших вещей. Мы хорошенько моемся каждое утро...»

Вот видите, милая Клара, мы делаем успехи во всех областях, серьезные успехи. Мы учимся культуре, мы умываемся, и даже каждый день...» И тут Ленин рассмеялся, рассмеялся своим прежним веселым смехом, в котором звучало так много доброты и уверенности в победе.

А на вопросы о здоровье Владимир Ильич ответил: «Я чувствую себя вполне хорошо и совершенно крепким, я даже стал «благоразумным», по терминологии господ докторов. Я работаю, но щажу себя и строго придерживаюсь предписания врачей. Покорно благодарю, больше не хочу болеть. Это скверная штука — дел очень много...»¹

Действительно, текущие дела наваливались каждый день и «благоразумие» все больше отступало на второй план. Нарком продовольствия Н.П. Брюханову Владимир Ильич пишет о необходимости принять срочные меры для сохранения собранного зерна. Заместителю наркома финансов М.К. Владимирову — о регулировании цен. Г.М. Кржижановскому — о финансировании Донбасса. Г.В. Чичерину — о нападении фашистов на торговый отдел представительства РСФСР в Италии и т.д. и т.п. Лишь в субботу, 11-го, он позволяет себе выехать на прогулку, да и та длится менее часа.

Никаких признаков ухудшения здоровья, даже при такой нагрузке, за все эти дни не отмечалось. И уже с 10 ноября Ленин начинает готовиться к выступлению на конгрессе Коминтерна. Он еще раз проверяет и перепроверяет все данные, характеризующие развитие Советской России, просит редактора немецкой секции ИККИ М.Л. Левина помочь в переводе доклада на немецкий язык. А 13 ноября, с часу дня до двух, выступает в Андреевском зале Кремля перед делегатами IV конгресса Коминтерна.

¹ Воспоминания о В.И. Ленине. Изд. 2-е. М., 1979. С. 34-36.

«Я числюсь в списке ораторов главным докладчиком, — начал он, переждав бурные и долгие аплодисменты, — но вы поймете, что после моей долгой болезни я не в состоянии сделать большого доклада». Свое выступление Ленин ограничивает лишь одним вопросом — о новой экономической политике, который он считает «важнейшим, по крайней мере для меня, ибо я над ним сейчас работаю»¹.

Еще в 1918 году, сказал Владимир Ильич, он пришел к выводу, что государственный капитализм был бы шагом вперед при том положении, в котором находилась Россия. В то время «мы были поглупее, чем сейчас, но не настолько уж глупы, чтобы не уметь рассматривать такие вопросы».

Дело в том, что хозяйственный строй России представлял собой переплетение самых разнородных укладов: 1) патриархального, т.е. наиболее примитивного, все еще сохранившегося в земледелии; 2) мелкого товарного производства, которое вело большинство крестьянских хозяйств; 3) частнокапиталистического уклада; 4) государственного капитализма и 5) социалистического уклада².

Почему же при таком положении — и «это всем кажется весьма странным, что несоциалистический элемент расценивается выше, признается вышестоящим, чем социализм, в республике, которая объявляет себя социалистической».

Между тем это вытекает из анализа реального соотношения удельного веса перечисленных выше элементов в хозяйственном строе России. Мы, сказал Ленин, — «не переоценивали ни зародышей, ни начал социалистического хозяйства, хотя мы уже совершили социальную революцию». Мы твердо знали, что в экономике страны господствует мелкобуржуазный элемент и именно он преобладает.

А это означает, что «мы уже тогда в известной степени сознавали: да, было бы лучше, если бы мы раньше пришли к государственному капитализму, а уже затем — к социализму». Конечно, это не был «готовый план отступления. Этого не было». Например, о свободе торговли, которая «имеет основное значение для государственного капитализма, здесь нет ни слова. Все же общая, неопределенная идея отступления этим была дана»³.

Эта — тогда еще «очень смутная идея», приобрела определенные очертания в 1921 году, когда, после победы в гражданской войне, мы наткнулись на самый большой внутренний

---

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 278.

² Там же. С. 279.

³ Там же. С. 280, 281.

политический кризис, который «обнаружил недовольство не только значительной массы крестьянства, но и рабочих..., когда большие массы крестьянства, не сознательно, а инстинктивно, по настроению были против нас.

...Массы почувствовали то, чего мы тогда еще не умели сознательно формулировать, но что и мы вскоре, через несколько недель признали, а именно: что непосредственный переход к чисто социалистическим формам, к чисто социалистическому распределению превышает наши наличные силы и что если мы окажемся не в состоянии произвести отступление... то нам угрожает гибель»¹.

Итак, весной 1921 года, продолжает Ленин, мы перешли к новой экономической политике и теперь, «в конце 1922 года, мы уже в состоянии сделать некоторые сравнения. Что же произошло?.. Принесло ли нам пользу это отступление?.. Если ответ получился бы отрицательный, мы все были бы обречены на гибель. Я полагаю, что все мы со спокойной совестью можем утвердительно ответить..., что мы этот экзамен выдержали».

Когда Ленин стал рассказывать о финансовой реформе и о том, что количество русских рублей превышает квадриллион, он добавил — «я уверен, что здесь не все знают даже что эта цифра означает. (Общий смех.)» Но дело даже не в том, что мы стали зачеркивать эти нули, а в том, что в результате нашей политики начался процесс стабилизации рубля.

«...Мы научимся и впредь, — заметил Владимир Ильич, — добиваться на этом пути успехов, если только не сделаем какой-нибудь особенной глупости... Мы постигли важнейшее: постигли условия стабилизации рубля. Это доказывается не каким-нибудь теоретическим анализом, а практикой, а она, я считаю, важнее, чем все теоретические дискуссии на свете»².

Но самое важное — мы добились поворота в настроении крестьянства, которое «за один год не только справилось с голодом, но и сдало продналог в таком объеме, что мы уже теперь получили сотни миллионов пудов, и притом почти без применения каких-либо мер принуждения... Крестьяне довольны своим настоящим положением. Это мы спокойно можем утверждать».

Далее: подъем легкой промышленности в Питере и Москве несомненен. И это позволило улучшить положение рабочих, добиться перемены также в их настроении и ликвидировать

---

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 282.

² Там же. С. 283, 284.

то недовольство, которое имело место в 1921 году. «Мы, которые изо дня в день следим за положением и настроением рабочих, не ошибаемся в этом вопросе».

Конечно, положение в нашей тяжелой индустрии остается крайне трудным. Для ее подъема нужны значительные средства. И хотя наша торговая деятельность дает нам некоторый, весьма скромный капитал, мы будем экономить на всем, хотя прекрасно понимаем, что «это часто делается за счет населения». Но мы идем на это потому, что знаем: без восстановления тяжелой промышленности, «мы, как цивилизованное государство, — я уже не говорю, как социалистическое, — погибли»¹.

Итак, наша цель — «создать социалистический порядок.. Важнее всего была для нас экономическая подготовка социалистического хозяйства. Мы не смогли подготовить его прямым путем. Мы принуждены были сделать это окольными путями. Государственный капитализм, как мы его установили у нас, ... не соответствует обычному понятию государственного капитализма. Мы имеем в своих руках все командные высоты.. Мы имеем в руках пролетарского государства не только землю, но и все важнейшие части промышленности.. У частного же капиталиста мы учимся и приглядываемся к тому, как мы можем подняться и какие ошибки мы совершаем»².

«Несомненно, — сказал Ленин, — что мы сделали и еще сделаем огромное количество глупостей. Никто не может судить об этом лучше и видеть это нагляднее, чем я. (Смех.)... Если наши противники ставят на вид и говорят, что, дескать, Ленин сам признает, что большевики совершили огромное количество глупостей, я хочу ответить на это: да, но, знаете ли, наши глупости все-таки совсем другого рода, чем ваши».

Ленин вспомнил одного из персонажей романа Ивана Тургенева «Рудин» — женоненавистника Пигасова. Отрицая способность женщин к логическому мышлению, он утверждал: «мужчина может, например, сказать, что дважды два — не четыре, а пять или три с половиною; а женщина скажет, что дважды два — стеариновая свечка».

Так вот, озлобленность ставит под сомнение здравый смысл критиков большевизма. «...Я позволю себе, — сказал Владимир Ильич, — привести здесь для сравнения слова одного знаменитого русского писателя, которые я несколько изменю, тогда они получатся в таком виде: если большевики де-

---

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 287, 288.

² Там же. С. 289, 290.

лают глупости, то большевик говорит: “Дважды два — пять”; а если его противники... то у них выходит: “Дважды два — стеариновая свечка”¹.

Один из слушателей этого выступления Ленина — чешский коммунист Бедржих Рунге, написал: «Он анализировал, делал выводы и постоянно ссыался на хладнокровное взвешивание всех обстоятельств, а еще больше на здравый человеческий смысл... Ленин часто улыбался и его лицо с могучим лбом было постоянно озарено иронической улыбкой и умным взглядом, которым он окидывал собрание, выискивал лица и с ними разговаривал»².

А вот впечатление врача: «В.И. выступал на пленуме конгресса Коминтерна, — пишет Кожевников, — и сказал на немецком языке часовую речь. Говорил свободно, без запинок, не сбивался. После речи В.И. мне сказал, что в одном месте он забыл, что он уже говорил, что ему еще нужно сказать и спросил меня заметил ли я это.

Я совершенно искренне ответил, что я этого не заметил. Затем В.И. сообщил, что у него 11/XI был опять коротенький паралич в правой ноге. Настроение в общем хорошее, спрашивал мое мнение, сможет ли он выступить на Съезде Советов с большой 2-х часовой программной речью. Я ответил утвердительно»³.

В последующие дни, когда Ленин принимал делегатов конгресса Коминтерна, настроение у него было отличное. 15-го, в час дня пришли итальянцы — Амадео Бордига, Джованни Джерманетто и другие. «Ленин был в прекрасном настроении, веселым и дружественным, — вспоминал Джерманетто. — Он беседовал почти с каждым из нас по-французски или по-итальянски... Узнавал из каких мы приехали городов и областей, интересовался борьбой рабочих каждой местности и слушал ответы делегатов с таким вниманием, с каким был способен слушать великий учитель рабочего класса»⁴.

В тот же день, с 19 часов, они принял «левых оппозиционеров» из компартии Чехословакии Богумила Илека и В. Штурца. Тут уж веселья было мало, потому что критиковал он их нещадно. 16-го Ленин участвует в совместном заседании бюро делегации РКП(б) с делегатами компартии Германии. Он всячески убеждает их в том, что их партия станет массовой лишь

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 291.

² Письма В.И. Ленину из-за рубежа. Изд. 2-е. М., 1969. С. 439, 440.

³ РГАСПИ. Ф. 16. Оп. 2. Ед. хр. 12. Л. 102, 103.

⁴ В.И. Ленин. Биографическая хроника. Т. 12. С. 482.

тогда, когда ее члены будут работать на заводах и в реформистских профсоюзах, когда партия установит союз с трудящимися крестьянами.

«Ленин разговаривал с нами — вспоминал Вальтер Ульбрихт, — с присущим ему темпераментом, но в то же время терпеливо и убедительно. Его сердечность и непринужденность при общении со всеми товарищами особенно поразила нас»¹.

18 ноября, с 11-ти, состоялась беседа Ленина с делегатами II конгресса Профинтерна от Унитарной всеобщей конфедерации труда Франции (Сежете) Гастоном Монмуссо и Пьером Семаром. Говорили об условиях присоединения конфедерации к Профинтерну, о положении во Французской компартии².

После беседы Ленин пишет Троцкому, что оба француза считают возможным объединение ФКП с Сежете. «На время Коминтерн отказывается от всякой идеи главенства партии и зовет... Сежете к дружной работе... Они оба говорят: итог будет, что все революционные рабочие войдут в партию и тогда ее очистим. Тогда это будет на деле коммунистическая партия.

Почему бы нет? ...Партия — дрянь. Улучшить ее нельзя... Сежете — сама на деле партия. В ней не больше анархистов, чем [“политиканов”] в партии... Сделаем прыжок... И будем посмотреть... Вопрос самолюбия, недоверия, традиции, вопрос “кто начнет”. Начнем мы?»³

20-го, с 12 часов, Владимир Ильич проводит совещание бюро делегации РКП(б) на конгрессе Коминтерна (Ленин, Троцкий, Зиновьев, Радек, Бухарин). В связи с тем, что Бухарин выступил на конгрессе против включения в программу Коминтерна переходных и частичных требований рабочего класса, обвинив их сторонников в оппортунизме, бюро принимает «Заявление русской делегации», которое дезавуирует это выступление.

Важнейшие пункты заявления были продиктованы Лениным: «Русская делегация единогласно подтверждает, что выставление переходных требований... и теоретическое обоснование их в общей части программы Коминтерна не могут быть рассматриваемы как оппортунизм». Конгресс принял заявление в качестве резолюции⁴.

В эти же дни, 14-го, Ленин председательствует на заседании Совнаркома, 16-го участвует в заседании Политбюро, 17-го

¹ В.И. Ленин. Биографическая хроника. Т. 12. С. 484.

² Там же. С. 487.

³ В.И. Ленин. Неизвестные документы. С. 565.

⁴ См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 54. С. 347, 348, 667.

председательствует на заседании СТО. И это не считая приемов и бесчисленных текущих дел с диапазоном вопросов от сокращения Красной Армии, регулировании цен и налогов, о курсе рубля, составе советской делегации на Лозаннской конференции и т.п., до — необходимости помощи селекционеру Ивану Мичурину в Тамбовской губернии и строительства ирригационной системы в Туркестане.

Вечером 18-го Владимира Ильича осматривал профессор-офтальмолог Михаил Иосифович Авербах. Никаких отклонений от нормы он не нашел, и 19-го, в воскресенье, после долгого перерыва Ленин отправился на охоту. Лишь на следующий день он рассказал врачам:

«В общем ходили 5-6 часов. В лесу случился паралич [ноги] во время ходьбы. В.И. подошел к пню, приволакивая ногу и задевая носком, но до пня дошел. Не надолго присел и после этого ходил еще 2 часа»¹. Чувствовал он себя, видно, достаточно хорошо. Во всяком случае вечером он еще успел принять Ивара Смильгу и целый час беседовать с ним о проблемах, возникших в связи с введением хозяйственного расчета в промышленности².

20 ноября в 18 часов 30 минут (и это после совещания по коминтерновским делам, упоминавшегося выше) Ленин выступил в Большом театре на пленуме Московского Совета, собравшегося совместно с пленумами всех районных советов столицы.

Свою речь он начал с извинения за то, что 7 ноября, из-за болезни, не смог прибыть на торжественное заседание Моссовета. Теперь же он возвращается к исполнению своих обязанностей, хотя, как он выразился, — «в силу уменьшения работоспособности должен присматриваться к делам в гораздо более значительный срок, чем этого хотел бы». Впрочем, заметил Ленин, при наличии трех замов — Цюрупы, Рыкова и Каменева — «мы разделим работу хоть немножко по справедливости»³.

Прошло более полутора лет с тех пор, как начался переход к НЭПу. В сфере внешней политики, сказал Владимир Ильич, нам не пришлось делать — «если употребить старое сравнение, никаких пересадок, ни на другие поезда, ни на другие упряжки». Хотя некоторые государства до сих пор отказываются садиться с нами за один стол, тем не менее экономические, а

¹ РГАСПИ. Ф. 16. Оп. 2. Ед. хр. 12. Л. 103.

² См.: В.И. Ленин. Биографическая хроника. Т. 12. С. 489.

³ См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 300.

за ними и дипломатические отношения налаживаются и «наладятся непременно».

А те, кто этому противодействует, рискуют оказаться опоздавшими, т.е. в убытке. Тот же Уркарт, являвшийся активным сторонником гражданской войны, теперь садится вместе с Красиным за один стол «и начинает говорить: “А почему? А сколько? А на сколько лет” (Аплодисменты.)»¹

За несколько дней до этого выступления, 15 ноября, газеты сообщили о том, что Народное собрание Дальневосточной республики постановило воссоединить ДВР с РСФСР.

Надо было пройти через развал Российской империи после свержения царизма и позор Брестского мира... Через расчленение страны на бесчисленные «демократические республики» в годы гражданской войны... Претерпеть огромные разрушения и голод... Принести гигантские жертвы и, как сказал Ленин, — «главную ценность — человеческие жизни в невероятно большом масштабе», чтобы понять те чувства, которые испытывали в этой связи и Владимир Ильич, и сидевшие в зале...

Теперь уже окончательно и победно кончилась кровопролитная война и вновь собрана разодранная в клочья страна. Поэтому, когда Ленин сказал: «Владивосток далеко, но ведь это город-то нашенький... И здесь и там — РСФСР», — зал все понял и вновь взорвался аплодисментами².

Что касается внутренней политики, продолжал Владимир Ильич, то здесь «пересадка» 1921 года дается труднее, ибо перед нами встали совершенно новые задачи. «Ни одного из старых завоеваний мы не отдадим. Вместе с тем... старое может оказаться прямой помехой. Эту задачу понять всего труднее. А ее нужно понять, чтобы научиться работать, когда нужно, так сказать, вывернуться совершенно наизнанку».

«В условиях, в которых мы были до сих пор, нам некогда было разбирать — не ломаем ли мы чего лишнего, некогда было разбирать — не будет ли много жертв, потому что... борьба была не на жизнь, а на смерть... Раньше коммунист говорил: “Я отдаю жизнь” и это казалось ему очень просто, хотя это не всякий раз было так просто»³.

Теперь же перед нами стоит иная задача. «Мы теперь должны все рассчитывать, и каждый из вас должен научиться быть расчетливым». Мы должны перейти к новым экономическим усло-

¹ См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 301, 307.

² Там же. С. 303, 305.

³ Там же. С. 304, 305, 306.

виям жизни, не особо рассчитывая на помощь извне, «и должны добиться успеха в одиночку». Нам придется иметь дело и с нашими и не нашими купцами. И не надо думать, что «где-нибудь представители торговли..., превратившись в агнцев, предоставили нам всяческие блага задаром. Этого не бывает...»

Мы можем рассчитывать лишь на то, что «привыкши оказывать отпор, и тут, вывернувшись, окажемся способными и торговать, и наживаться, и выходить из трудных экономических положений». Мы должны еще «приспособиться к новой экономической политике. Все ее отрицательные стороны... нужно уметь перегнуть, уметь сводить к определенному минимуму, уметь устраивать все расчетливо. Законодательство наше дает полную возможность этому. Сумеет ли мы дело поставить? Это еще далеко не решено»¹.

Владимир Ильич вновь заговорил об отступлении. Но поскольку его мысль о приостановке отступления сразу же вызвала массу толков и слухов о якобы свертывании НЭПа вообще, Ленин разъяснил: «Мы сейчас отступаем, как бы отступаем назад, но мы это делаем, чтобы сначала отступить, а потом разбежаться и сильнее прыгнуть вперед... Где и как мы должны теперь перестроиться, приспособиться, переорганизоваться, чтобы после отступления начать упорнейшее наступление вперед, мы еще не знаем. Чтобы провести все эти действия в нормальном порядке, нужно, как говорит пословица, не десять, а сто раз примерить, прежде чем решить»².

В конечном счете мы должны добиться того, чтобы «все массы и все население проверяли наш путь и сказали бы: “Да, это лучше, чем старый строй”. Вот задача, которую мы себе поставили... А этого еще нет. Поэтому НЭП продолжает быть главным, очередным, все исчерпывающим лозунгом сегодняшнего дня»³.

Наша цель остается прежней — социализм. И это не утопия и не икона, расписанная торжественными красками. «Наша партия, — сказал Ленин, — маленькая группа людей по сравнению со всем населением страны... Это зернышко поставило себе задачей переделать все, и оно переделает.

...Мы социализм протащили в повседневную жизнь и тут должны разобраться. Вот что составляет задачу нашего дня, вот что составляет задачу нашей эпохи... Все мы вместе решим эту задачу во что бы то ни стало, так что из России нэповской

¹ См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 304, 306, 308, 309.

² Там же. С. 302.

³ Там же. С. 308.

будет Россия социалистическая. (Бурные и продолжительные аплодисменты.)»¹

В 19-30 Владимир Ильич был уже у себя в кабинете. Чувствовал он себя, видимо, хорошо. Публичные выступления, судя по всему, давали ему какой-то новый запас энергии. И он еще более полутора часов беседовал с Сокольниковым по ставшим уже обычными при их встречах вопросам: о состоянии финансов РСФСР, о работе Госбанка, о налогах, курсе рубля, о финансировании тяжелой промышленности, регулировании хлебных и товарных цен и т.п.²

Еще в конце апреля, в связи с благоприятными прогнозами на урожай, курс рубля по отношению к золоту стал постепенно стабилизироваться. В этой связи 29 июня 1922 года Совнарком принял решение: «Признать своевременной попытку введения валюты, обеспеченной золотом, в виде билетов Государственного Банка». А 20 июля Политбюро утверждает для 10-ти рублевого билета название «червонец» и его курс: 1 рубль = 1 золотнику и 78,24 долей золотой, деленных на 10³.

Однако поскольку стабилизация рубля продолжалась, а споры о «параллельных валютах» не утихали, возникла иллюзия, что с переходом к выпуску «червонца» можно не торопиться, а осуществлять его «постепенно, по мере учета опыта». Но с конца сентября началось новое падение совзнака⁴.

Все эти месяцы Сокольников регулярно информировал Ленина о положении дел, и с возвращением Владимира Ильича к работе решено было активизировать финансовую реформу. Уже 11 октября Совнарком принял декрет, повторяющий постановление Политбюро от 20 июля о выпуске банковских билетов, обеспеченных золотом⁵.

Подведены были и итоги дискуссии ученых и специалистов относительно «параллельных валют». Утверждения о том, что «червонец» окончательно угробит бумажные дензнаки, ссылки на европейский опыт, писал Сокольников, некорректны, ибо ситуация в России своеобразна в принципе. В этом смысле ссылки на Запад — следствие столь распространенного в ученых кругах «европоцентризма». Между тем Восток, в частности Китай, дает любопытный опыт использования системы «параллельных валют»⁶.

---

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 309.

² См.: В.И. Ленин. Биографическая хроника. Т. 12. С. 490.

³ См.: Денежная реформа 1921-1924 гг. С. 190, 191, 192.

⁴ Там же. С. 195.

⁵ Там же. С. 250.

⁶ Там же. С. 261.

Своеобразие российской ситуации состоит в переплетении двух процессов — хозяйственной дезорганизации и хозяйственной консолидации. В этом смысле, перефразируя известное изречение, каждая страна имеет ту валюту, которую она заслуживает. Золотого запаса республики недостаточно для обеспечения всего народного хозяйства. А весь госсектор финансируется за счет бумажных совзнаков. И крах этой системы означал бы экономический и политический крах Советской власти.

Но именно это своеобразие и создает возможность для умелого (!) маневрирования и *комбинирования* бумажными деньгами внутри страны с золотым обращением во внешних отношениях¹.

Богатейшие ресурсы России — хлеб, лен, нефть, залежи золота и платины — позволяют значительно увеличить экспорт, а полученное золото направить на развитие промышленности и крестьянского хозяйства. А поскольку стоимость бумажных денег отражает их золотое обеспечение, это позволит преодолеть их дискредитацию в глазах населения, поддержать и стабилизировать рубль и превратить банковские билеты в устойчивую валюту Советского государства.

О всех перипетиях научных споров вокруг этих вопросов, судя по выступлениям в октябре и ноябре 1922 года, Ленин знал. И несмотря на возражения некоторых ученых и сопротивление Пятакова и Е. Преображенского, решение было принято.

13 ноября Политбюро принимает решение о выпуске новых бумажных совзнаков образца 1923 года в соотношении 1 к 10 знакам 1922 года. А 27 ноября первые червонцы, равные по золотому обеспечению соответствующей царской монете, выпускаются в оборот. К концу года их было в обращении уже на сумму 3,6 миллиона золотых рублей².

После встречи с Сокольниковым 20 ноября совсем поздно к Ленину пришли профессор Крамер и Кожевников. Владимир Ильич откровенно рассказал им, что 18-го, до прихода профессора Авербаха, у него был кратковременный паралич правой ноги, и о повторном приступе — 19-го на охоте. Но на сей раз, и это после почти часового выступления в Большом театре, осмотр никаких отклонений от нормы не показал.

Визиты и записи врачей в эти недели были, как видим, крайне нерегулярны: 5, 7, 13, 20 ноября. Но именно с 21-го

---

¹ См.: Денежная реформа 1921-1924 гг. С. 267.

² Там же. С. 251.

мы получаем новый источник — «Дневник дежурных секретарей В.И. Ленина». И он куда более ценен, нежели медицинские записи, поскольку главным его содержанием являлась не болезнь, а работа Владимира Ильича.

Потребность в таком дневнике была очевидна, ибо в связи с болезнью росло число поручений, как устных, так и телефонных, количество отправляемых и получаемых писем и записок. И такой регистрационный документ позволял контролировать исполнение ленинских заданий, а позднее — осуществлять контроль и со стороны Секретариата ЦК РКП(б).

Для дневника использовали делопроизводственную книгу регистрации исходящей корреспонденции, в которой сделали четыре графы: число, чье дежурство, поручения, отметка об исполнении. Но не только это. На титульном листе было написано: «Просьба в этот дневник записывать все поручения и все события за дежурные часы с отметкой об исполнении поручений. 21/XI-22 г.»¹

Записи вели секретарь СНК и СТО Л.А. Фотиева, ее помощник М.А. Володичева, секретари Н.С. Аллилуева, М.И. Гляссер, С.А. Флаксерман и библиотекарь Ш.Н. Манучарьянц. Причем записи эти порой были столь подробны, что напоминали хронометраж рабочего дня Ленина. И, в сочетании с другими документами и продолжавшимися записями врачей, появляется возможность более полного, можно сказать, более стереоскопического отражения деятельности Владимира Ильича.

Как обычно, во вторник, 21-го, с 18 часов он председательствует на СНК. Рассмотрели более 30 вопросов. В четверг, 23-го, с 11 часов участвует в заседании Политбюро — более полутора десятков вопросов. В пятницу, 24-го, с 18 часов председательствует в СТО. И каждое из этих заседаний тянуло за собой целый шлейф дел и встреч.

Перед очередным заседанием СНК и СТО Владимир Ильич встречается с Каменевым, перед Политбюро — со Сталиным, заранее просматривает документы по обсуждаемым вопросам, запрашивает дополнительную информацию. Помимо этого появляются какие-то иные текущие дела, требующие срочного решения, возникает необходимость незапланированных встреч.

Такой незапланированной встречей стала 22 ноября беседа с уполномоченным Американской администрации помощи (АРА) в России полковником Уильямом Гаскеллом. До этого по всем делам помощи голодающим он имел дело в Каменевым

---

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 602.

невным. Но теперь, накануне отъезда в Штаты, им было сделано Каменеву совершенно неожиданное и конфиденциальное заявление: если Ленин пошлет приглашение, то министр торговли США Герберт Кларк Гувер (он же председатель АРА) готов переехать в Россию для того, чтобы помочь ее экономическому восстановлению¹. Это предложение было более чем неожиданным.

Буквально за неделю до этого Владимир Ильич беседовал с Л.С. Райхелем — представителем американского Общества технической помощи России, организовавшем сельскохозяйственные и другие производственные американские коммуны, поставлявшем для них тракторы, семена и т.п.

Во время беседы Ленину пришлось убеждать Райхеля в том, что не надо слушать «злопыхательств капиталистической прессы», что «новая экономическая политика ничего радикально не изменила в общественном строе Советской России и изменить ничего не может», ибо только при этом условии американское Общество технической помощи будет продолжать свою деятельность².

А до этого, 10 ноября, Владимир Ильич получил из США в знак симпатии и уважения фотографию известного ученого электротехника Чарлза Штейнмеца, с которым, как рассказывалось выше, он обменялся весьма содержательными письмами весной 1922 года.

Но и в случае с Райхелем, и в случае с Штейнмецом все было ясно. Речь шла о людях, искренне сочувствовавших социалистическим преобразованиям в России. А Гаскелл говорил о Гувере — крупнейшем американском капиталисте, преуспевающем бизнесмене и политическом деятеле.

Ленин внимательно выслушал Гаскелла и, как он сам написал, — «выразил полное согласие и рассыпался в комплиментах». В тот же день он написал Гуверу письмо: «Господин полковник Гаскелл... передал мне на специальном свидании со мной, что Вы при известных условиях согласились бы переехать в Россию, посвятив себя работе над ее экономическим восстановлением; я с чрезвычайным интересом приветствую это предложение и заранее благодарю Вас за него».

Ленина нисколько не смущала и не пугала возможность появления в экономических верхах Советской России такого, как говорится, заклятого буржуя. «Повторяю, — пишет он, — то, что я сказал мистеру Гаскеллу, именно что помощь нам от вы-

¹ См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 54. С. 212.

² См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 296.

дающегося организатора и “вождя промышленности” в стране с противоположными, по отношению к нашим, принципами экономического строя имела бы исключительно важное значение и была бы нам особенно желательна и приятна»¹.

Письмо это Владимир Ильич срочно разослал членам Политбюро и Чичерину. Однако, дабы не втягивать Ленина в какую-нибудь политическую интригу или авантюру, подредактированное письмо Гуверу «в духе проекта Ленина» отправили 28 ноября за подписью заместителя наркома иностранных дел Литвинова, который вел до этого неофициальные переговоры с американскими деловыми кругами о хозяйственном сближении между Россией и США. Но из затеи с Гувером так ничего и не вышло. Он так и оставался до 1928 года министром торговли США. Но сам этот эпизод для 1922 года был весьма примечателен².

«Я кончил ликвидацию своих дел»

Упоминавшееся выше заседание СТО 24 ноября Ленин до конца не довел. Через полтора часа после его начала он вышел, передав, как обычно, председательствование Каменеву. Не то чтобы Владимиру Ильичу стало плохо — все предшествующие дни приступов не было, но какой-то дискомфорт он явно почувствовал.

Это не помешало ему при выходе из зала переговорить с уполномоченным эконосовета Туркестана М.В. Сафоновым, потом — в кабинете час беседовать с заместителем председателя Реввоенсовета Склянским, а затем — у себя на квартире с председателем Госплана Кржижановским.

Но утром 25-го, часов в 10, приступ все-таки случился. Когда Ленин проходил по коридорчику квартиры, в правой ноге внезапно начались судороги, она ослабела и, дабы не упасть, Владимир Ильич ухватился за стоявшее здесь высокое зеркало. Но зеркало закачалось, он отпустил его и осел на пол.

Пролежал он минуты полторы. На шум в коридор выбежали Надежда Константиновна и Мария Ильинична, стали поднимать его, но «В.И. сказал, что встанет сам и действительно встал, дошел до своей комнаты и лег». Это запись Кожевникова, приехавшего по вызову вместе с Крамером в 12 часов.

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 54. С. 312.

² См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 54. С. 667; В.И. Ленин. Биографическая хроника. Т. 12. С. 453, 470.

Доктора отметили, что во время приступа речь у Владимира Ильича несколько не пострадала, да и правая рука действовала хорошо. Они предложили Ленину «целую неделю отдыхать, не участвовать ни в одном заседании и не производить официального приема»¹.

27 ноября приступы болезни повторились. «Первый был в 10 часов и продолжался полторы-две минуты, захватив только ногу. В 12 часов — второй приступ. Был полный паралич ноги и руки, речь не пострадала. В.И. произносил вполголоса для проверки слова и это ему вполне удавалось. Сознание все время было ясное. Приступ продолжался 20 минут. Накануне В.И. чувствовал себя неважно. Объективное исследование нервной системы ничего патологического не обнаружило»².

В «Дневнике дежурных секретарей» о болезни лишь краткая запись Надежды Аллилуевой утром 25 ноября: «Владимир Ильич нездоров, в кабинете был только пять минут, диктовал по телефону три письма» — одно Сталину, два Троцкому. И запись вечером: «Пришел в 6 часов. Несколько минут говорил по телефону. С 6S до 7S — был А.Д. Цюрупа»³.

В воскресенье 26-го опять — и утром, и вечером — приходил в рабочий кабинет, опять принимал Цюрупу, говорил по телефону, давал поручения секретарям. То же и в последующие дни: телефонные звонки, письма, поток различного бумаг, книг. 29-го он полтора часа беседует со Сталиным, потом более часа с замнаркомом РКИ В.А. Аванесовым. 30-го — с Адоратским, который приносит «чистые листы» сборника Маркса и Энгельса «Письма. Теория и политика в переписке Маркса и Энгельса»⁴.

По записям врачей, 28, 29, 30 ноября чувствовал себя Владимир Ильич хорошо. Но прошедшие приступы, при всей их кратковременности, не только еще раз напомнили о болезни, но и, судя по всему, заставляли думать о перспективе.

Среди принесенных ему книжных новинок — сборник последних писем Энгельса. Издатели дали ему свое название: Ф. Энгельс. «Политическое завещание (из неопубликованных писем)». После ухода Адоратского он пишет на обложке этой книги: «Сохранить на полке. 30.XI.1922. Ленин». И особо просит библиотекаря Шушанику Манучарьянц оставить этот сборник на месте, под рукой»⁵.

¹ См.: РГАСПИ. Ф. 16. Оп. 2. Ед. хр. 12. Л. 104.

² Там же. Л. 105.

³ См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 459, 460.

⁴ Там же. С. 460.

⁵ См.: В.И. Ленин. Биографическая хроника. Т. 12. С. 609.

При всей загруженности текущими делами, Ленин постоянно помнил о тех вопросах, решение которых он не довел до конца. Одним из них являлся вопрос о монополии внешней торговли. Постановление пленума ЦК по докладу Сокольникова 6 октября ему удалось заблокировать через Политбюро 16 октября и отложить окончательное решение до пленума ЦК в декабре.

27 ноября, сразу после приступа, Ленин забирает к себе на квартиру все материалы по монополии внешней торговли. На следующий день он звонит Фрумкину, а затем поручает А.М. Лежаве «позондировать почву», то есть переговорить с членами ЦК, наркомками, хозяйственниками о том, что они думают по данному вопросу. 29-го Владимир Ильич беседует об этом с председателем комиссии СНК по монополии внешней торговли Аванесовым и просит его сформулировать выводы комиссии¹.

30 ноября Политбюро ЦК назначает дату проведения пленума — 15 декабря. А уже 3 декабря Ленин получает от Аванесова выводы комиссии СНК. Она решительно подтверждает необходимость сохранения монополии, которая не может быть отменена «ни полностью, ни даже частично», как из соображений экономических, так и политических. И на следующий день, при очередной встрече с Аванесовым, Владимир Ильич высказывает ему полное удовлетворение этим выводом².

В оставшиеся до пленума дни он постоянно держит под контролем этот вопрос. Опять встречается с Аванесовым, Фрумкиным, Цюрупой, а 12 декабря — с торгпредом в Германии Стомоняковым, который привез письмо полпреда Крестинского, формулировавшего свою позицию по поддержке монополии. И в этот же день Ленин пишет коротенькую записочку Троцкому: «Посылаю Вам письмо Крестинского... Я буду воевать на пленуме за монополию. А Вы?»³

Вопрос был задан не случайно. Противники монополии тоже, как говорится, не дремали. Упоминавшееся выше октябрьское письмо Бухарина против монополии внешней торговли ходило среди членов ЦК, партактива и звучало не только остроумно, но и достаточно аргументировано.

Николай Иванович писал, что Ленин и Красин игнорируют те бесчисленные убытки, которые несет страна от «неработоспособности НКВТ», который он называл не иначе, как

---

¹ См.: В.И. Ленин. Биографическая хроника. Т. 12. С. 505, 506, 509.

² См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 54. С. 671.

³ Там же. С. 323.

«системой Главзапора», и этот забюрократизированный аппарат еще долго будет не в состоянии «мобилизовать крестьянский товарный фонд и пустить его в международный товарооборот»¹.

13 декабря, спустя почти месяц после появления бухаринского документа, Ленин диктует письмо Сталину «для пленума ЦК»: «Я считаю самым важным разобрать письмо т. Бухарина». С момента возникновения разногласий по этому вопросу Владимир Ильич предупреждал, что вопрос о монополии внешней торговли это не только вопрос о коммерции и организации товарооборота с границей. В конечном счете он способен сравнить деревню с Советской властью, то есть связан с проблемой союза с крестьянством. «Это такой коренной вопрос, — указывает Ленин, — из-за которого безусловно можно и должно побороться на партийном съезде»².

Что же касается «Главзапора», то Владимир Ильич напоминает об английских фритредерах XIX века, демагогически утверждавших, что только полная свобода торговли и невмешательство в нее государства улучшит материальное положение трудящихся. Прилепить противнику обидный ярлычок — было их излюбленным приемом. Вот и в бухаринском выражении «система Главзапора», — замечает Ленин, — «ничего, кроме совершенно вульгарной фритредерской фразы, здесь нет»³.

Конечно НКВТ работает плохо — это факт. Но «неработоспособность эта не больше и не меньше, чем неработоспособность всех наших наркоматов...» Что из этого следует? Только то, что надо долго и упорно добиваться того, чтобы они работали хорошо. Но ведь сейчас решается совсем другой вопрос: «Будет ли наш НКВТ работать на пользу нэпманов или он будет работать на пользу пролетарского государства»⁴.

Сам крестьянин не станет напрямую торговать с иностранными фирмами, и в деревню хлынут отовсюду злостные спекулянты-скупщики, агенты иностранных компаний, орудующие долларом, «мы не удержим свободной торговли в рамках, которые намечает решение пленума б.Х... У нас вырвут из рук торговлю силой напора не только контрабандистов, но всего крестьянства», ибо такой экспортер «мобилизует вокруг себя все крестьянство самым быстрым, верным и несомненным образом»⁵.

¹ См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 333, 334.

² Там же. С. 221, 333.

³ Там же. С. 335.

⁴ Там же. С. 333, 334.

⁵ Там же. С. 334, 336.

Бухарин считает, что решить подобные проблемы можно с помощью хорошо поставленной таможенной охраны. И это — «самая поразительная его ошибка, причем чисто теоретическая...» Не надо засорять себе глаза. «Никакая таможенная политика, — напоминает Ленин, — не может быть действительной в эпоху империализма и чудовищной разницы между странами нищими и странами невероятно богатыми... В указанных условиях полностью сломать эту [таможенную — ВЛ] охрану может любая из богатых промышленных стран.. Денег для этого у любой промышленной страны более чем достаточно...» А это неминуемо сломит всю нашу российскую промышленность наверняка¹.

Вот и получается на практике, что Бухарин защищает интересы спекулянта и верхушки крестьянства против пролетариата, который не сможет поднять свою незащитную промышленность без охраны ее, во-первых, государственной монополией внешней торговли, а, во-вторых, созданием системы смешанных обществ.

Эта система «есть единственная система, которая в состоянии действительно улучшить плохой аппарат НКВТ, ибо при этой системе работают рядом и заграничный и русский купец. Если мы не сумеем даже при таких условиях подучиться и научиться и вполне выучиться, тогда наш народ совершенно безнадежно народ дураков»².

Посылая это письмо Сталину, «для пленума ЦК», Ленин одновременно направляет его копии Троцкому и Аванесову. И поскольку на пленуме предстояло иметь дело в такой «тяжелой артиллерией», как Каменев, Зиновьев, Сталин, Бухарин, Владимир Ильич пишет Аванесову в сопроводительной записке, что необходимо заранее обдумать получше «как поставить борьбу»³.

Его беспокойство объяснялось и тем, что состояние собственного здоровья оптимизма не внушало. Еще во время визита врачей 4 декабря Крамер и Кожевников отметили некоторые признаки ухудшения: «Чувствует он себя не очень хорошо... Сам В.И. находит тоже, что последнее время он стал легче утомляться. Вид не особенно хороший, цвет лица землистый. Было предложено уехать на несколько дней в Горки и совершенно не заниматься. Сначала В.И. не хотел на это согласить-

---

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 335.

² Там же. С. 335, 336.

³ Там же. С. 589.

ся, но в конце концов его удалось уговорить поехать в четверг после заседания и вернуться в понедельник или во вторник»¹.

Однако запрет на «занятия» лишь усилил деловую активность Владимира Ильича. Все последующие дни до отъезда он проводил в своем кабинете до десятого часа ночи. Беседы с коллегами, поток документов, касающихся самых различных вопросов — от финансирования электротехнической и металлургической промышленности, Донбасса и Азнефти, государственных театров и цирков до помощи питомнику И.В. Мичурина и обязательного полного обеспечения хлебом учителей и учащихся всех школ.

4 декабря, после встречи с врачами, он садится писать заметки для советской делегации на Международном конгрессе мира в Гааге, открывавшемся 10 декабря по решению Амстердамского интернационала профсоюзов. Никаких иллюзий относительно того, что соглашательские профсоюзы выйдут за рамки общих пацифистских фраз, у Ленина не было. А посему, считал он, важно разоблачать те предрассудки, которые по вопросу о войне укоренились в сознании широких масс.

«Ответим на войну стачкой или революцией» — таков жутко радикальный лозунг, выдвигаемый вождями европейского реформизма. Но такое уже было, когда в 1912 году делегаты конгресса Интернационала под колокольный звон всех базельских церквей клялись в том, что никогда рабочие разных стран не станут стрелять друг в друга... Разве это помешало началу мировой кровавой бойни?

За признанием «преступности войны» и кажущейся радикальностью угрозы — ответить на войну стачкой или революцией — лишь легкомысленные и пустые слова, которыми успокаивают трудящихся.

«...“Ответить” на войну стачкой невозможно, — пишет Ленин, — точно так же, как невозможно “ответить” на войну революцией... Велика тайна, в которой война рождается, и как беспомощна обычная организация рабочих, хотя и называющая себя революционной, перед лицом действительно надвигающейся войны».

Война обычно вспыхивает «в самый неожиданный момент». Она сразу же обрушивает на людей массу «теоретических и житейских вопросов, ... отнимая всякую возможность у громадного большинства призываемых относиться к этим вопросам со сколько-нибудь ясной головой и сколько-нибудь добросовестной непредубежденностью». И вся мощь и влия-

---

¹ РГАСПИ. Ф. 16. Оп. 2. Ед. хр. 12. Л. 106.

ние господствующей буржуазной прессы, разжигая шовинистические страсти, обеспечит тот несомненный факт, что вопрос о войне «громдадное большинство трудящихся будет неизбежно решать в пользу своей буржуазии».

Поэтому, не ждать начала войны, а стремиться — пока не поздно — предотвратить ее, памятуя о том, что миропорядок, установленный Версальским миром, чреват новой войной. Надо взять конкретные конфликтные ситуации, существующие в мире, и «разъяснить на их примере, как война может возникнуть ежедневно из-за спора Англии и Франции относительно какой-нибудь детали их договора с Турцией, или между Америкой и Японией из-за пустяковинного разногласия по любому тихоокеанскому вопросу, или между любыми крупными державами из-за колониальных споров или из-за споров об их таможенной или вообще торговой политике и т.д. и т.д.»

Ну, а если война начнется, то опять-таки — «бойкот войны — глупая фраза, — пишет Ленин. — Коммунисты должны идти на любую реакционную войну», добиваясь создания «незаконной организации для длительной работы против войны всех участвующих в войне революционеров...»¹ Вот об этом, ссылаясь на опыт Первой мировой войны, подобрав ораторов, свободно владеющих европейскими языками, и надо говорить на Гаагском конгрессе и в его кулуарах.

Заметим, что именно так и поступила российская делегация, выдвинув программу массовых действий, направленную против Версальского мира, против агрессивной политики держав, за вывод союзных войск из «оккупированных по мандату Лиги наций, т.е. по праву сильного», областей Германии, Ближнего Востока, Африки и т.д.²

Вот такое письмо — в промежутках между «вермишелью» текущих дел — написал Ленин 4 декабря 1922 года. А 5 декабря, среди прочих дел, он направляет письмо в Рабоче-крестьянскую инспекцию Алексею Ивановичу Свицерскому.

Дело в том, что еще 2 декабря у Владимира Ильича побывал профессор-зоолог Николай Михайлович Книпович. В молодости он увлекался политикой, был социал-демократом «плекхановцем», но с годами наука взяла верх и он стал одним из основателей русской школы ихтиологов.

И Ленин и Крупская хорошо знали его сестру Лидию Михайловну, бывшую народоволку, примкнувшую к большевикам, а через нее и брата, о котором Ленин писал: «крупнейшее

¹ См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 318-322.

² Там же. С. 585.

научное имя и *безусловно добросовестный*, на редкость добросовестный человек»¹. Николай Михайлович не раз бывал у Владимира Ильича и с увлечением, а чаще — с горечью, рассказывал о том, что творится в рыбо-промысловом хозяйстве страны.

«У меня имеются сведения, — пишет Ленин Свидерскому, — что Управление островным хозяйством Северного Ледовитого океана торгует с колонистами Новой Земли спиртом и спаивает инородцев... Управление якобы назначает такие грабительские цены, что колонисты стараются сбывать продукты промысла приезжающим туда норвежцам-зверопромышленникам, которые предлагают им товары по менее грабительским ценам».

Во-вторых, в низовьях Дона и Азовском море ведется хищнический лов рыбы, в том числе молоди осетровых рыб и почти переведшейся белуги. Причем происходит это и в запретных зонах за особую плату охране.

«Начальник охраны вод Донпродкома был отстранен от должности за хищнический лов рыбы в низовьях Дона. Этого господина *только* отстранили от должности... Прошу Вас назначить расследование обоих дел... Следует не только припугнуть, но и как следует притянуть и почистить за эти безобразия»².

В эти же дни Ленин получает от наркома юстиции Д.И. Курского письмо с жалобой на решение Малого Совнаркома от 28 ноября о ликвидации существовавшего при Наркомюсте отдела по отделению церкви от государства. С того времени, когда в мае 1922 года Патриарх Тихон формально отошел от дел и переехал в Донской монастырь, а «обновленцы», образовав свое Высшее церковное Управление, переселились в Троицкое подворье, в жизни РПЦ произошло немало событий...

Хотя к лету 1922 года «обновленцев» — не без помощи ГПУ — поддержало 37 из 74 архиереев, в том числе такие влиятельные, как митрополит Сергей (Старогородский) и архиепископы Евдоким и Серафим, их победа все-таки оставалась весьма иллюзорной. Пока речь шла о противостоянии авторитету Патриарха Тихона, они кое-как держались вместе. Но когда управление РПЦ перешло в их руки и встал вопрос о дележе постов и должностей, начался идейный и организационный раскол — «раскол в расколе».

В «обновленческой» среде сформировались три течения: собственно «Живая церковь» во главе с В. Красницким, «Союз

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 53. С. 307.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 54. С. 316, 317.

церковного возрождения» под руководством епископа Антония и «Союз общин древнеапостольской церкви» под началом А. Введенского. И каждое из этих течений претендовало на лидерство¹.

6 августа 1922 года «живоцерковцы» провели Всероссийский съезд «белого духовенства» и мирян, избрали свой ЦК и порешили собрать летом 1923 года Поместный Собор для того, чтобы отлучить Тихона от церкви. А до этого предлагалось провести перевыборы в приходских советах. В обращении к мирянам Октябрьская революция признавалась «справедливым судом Божиим за социальные неправды человечества» и прихожан призывали ставить в епархиях лишь тех клириков, которые признавали Советскую власть².

Однако столь рьяные попытки продемонстрировать лояльность по отношению к власти, как и стремление примирить «теорию классовой борьбы с учением Христа», не встретили поддержки у значительной части духовенства. Да и у миллионов мирян, искавших в церкви духовную опору в это «смутное время», распри иерархов вызывали самые негативные чувства.

И как реакция на радикализм «обновленцев», стали возникать региональные «автокефалии». Так, «Петроградская автокефалия» во главе с епископом Алексием (Симановским), — а после его высылки в Казахстан епископом Николаем (Янушевичем), — признав Советскую власть и установив контакт с губисполкомом, отказалась подчиняться обновленческому ВЦУ³.

Мало того, Е.А. Тучков, возглавлявший 6 отделение ГПУ по работе «с церковниками всех конфессий», с тревогой докладывал Антирелигиозной комиссии при Политбюро о том, что сторонники Тихона «стали после первого испуга приходить в себя и организовываться, ... а в иных местах и действовать, выгоняя обновленцев из епархиальных управлений»⁴.

5 сентября П.Г. Смидович направил письмо руководителям ВЦУ митрополиту Антонину и протоиерею Красницкому с предложением «обсудить и преодолеть вопросы возникших разногласий в движении церковного обновления». Призыв по-

¹ См.: *Алексеев В.А.* Иллюзии и догмы. С. 239, 240.

² См.: *Алексеев В.А.* Иллюзии и догмы. С. 238; *Шкаровский М.В.* Обновленческое движение в Русской православной церкви XX в. С. 22, 23, 24.

³ См.: *Шкаровский М.В.* Обновленческое движение в Русской православной церкви XX в. С. 23.

⁴ *Лавров В.М., Лобанов В.В., Лобанова И.В., Мазырин А.В.* Иерархия русской православной церкви, патриаршество и государство в революционную эпоху. С. 173.

действовал, и к осени 1922 года, как полагает В.А. Алексеев, — «все три течения через взаимные компромиссы нашли путь к согласованным действиям по подготовке Поместного Собора, объединившись под началом ВЦУ». Дело дошло до того, что в СНК было направлено предложение — на манер старорежимного Святейшего Синода — придать ВЦУ функции государственного органа «по руководству церковной жизнью»¹.

Это предложение поддержки не встретило, но родилась встречная идея: создать специальный государственный орган по делам церкви для наблюдения за всеми культами, а прежний отдел при Наркомюсте упразднить, как слабomощный и неспособный решать новые задачи. На это решение Малого СНК и жаловался Ленину Д.И. Курский.

В этой связи Владимир Ильич и вызвал на 5 декабря члена Малого Совнаркома Г.М. Леплевского. «Я ожидал приема в зале заседаний Совнаркома, — вспоминал Леплевский. — Не прошло и пяти минут, как открылась дверь кабинета и Владимир Ильич, чрезвычайно утомленный, с серым и крайне болезненным лицом, вышел в зал в своей тужурке хаки, подошел ко мне, поздоровался и... попросил подробно изложить ему все мотивы членов Малого Совнаркома и мои личные, легшие в основание решения об упразднении отдела культов Наркомюста.

...Я говорил о том, что процесс отделения церкви от государства должен считаться законченным, что... для охвата новых тенденций, обнаружившихся в делах церкви, потребовалась бы иная, гораздо более мощная государственная организация». Вот тут-то Ленин и произнес — «с тонкой и иронической усмешкой» — ту фразу, которая упоминалась выше: «Что касается утверждения, что процесс отделения церкви от государства завершен, то это, пожалуй, и так; церковь от государства мы уже отделили, но религию от людей, мы еще не отделили».

«Владимир Ильич в спокойных и рассудительных тонах убеждал меня и просил передать всем членам Малого Совнаркома, что такое увлечение революционным максимализмом в иные моменты может оказаться вреднее революционного минимализма (доподлинные слова Владимира Ильича), что такой максимализм есть чаще всего результат государственной неопытности и желания выскочить из неприятной действительности»².

Решение Малого СНК от 28 ноября было отменено, проблемы взаимоотношений с культами так и остались за малень-

¹ См.: Алексеев В.А. Иллюзии и догмы. С. 239, 241.

² Воспоминания о В.И. Ленине. Изд. 2-е. Т. 4. М., 1979. С. 145, 146.

ким отделом Наркомюста, а вопрос о создании «более мощной государственной организации» по делам религий отпал сам собой. Мало того, решение Политбюро ЦК от 14 ноября о завершении в месячный срок суда над Патриархом Тихоном спустили на тормозах. А когда к этому вопросу вернулись в январе 1923 года, то Антираигозная комиссия сняла с Патриарха обвинения в связи с белогвардейскими организациями и эмигрантским Карловацким Собором¹.

Замечание Леплевского о том, что вечером 5 декабря Ленин выглядел плохо, свидетельствует о том, что болезнь прогрессировала. И в четверг 7 декабря с заседания Политбюро ему все-таки пришлось уйти до его окончания. Забрав с собой текущие материалы, он в 18 часов 15 минут уезжает в Горки.

Но и переезд в деревню самочувствия не улучшил. Кратковременные приступы паралича правой ноги повторялись фактически ежедневно. И, вернувшись утром 12-го в Москву, он сразу собрал своих заместителей — Рыкова, Каменева и Цюрупу, чтобы еще раз обсудить с ними как свой режим дальнейшей работы, так и распределение обязанностей. Выше уже отмечалось, что сам Владимир Ильич был глубоко убежден, что между работой и его состоянием здоровья прямой связи нет, ибо болезнь развивается по каким-то своим законам. А коротенькие, как он сам выражался, «кондрашки» Ленин считал не столь уж обременительными, тем более что нередко ему удавалось скрыть их от стороннего глаза — «отсидел», мол, ногу.

Поэтому за собой Владимир Ильич по-прежнему оставлял четыре рабочих дня: понедельник, вторник, четверг и пятницу с 11 до 14 и с 18 до 21 часа. Речь шла о заседаниях Политбюро, СНК и СТО, причем особо оговаривалось председательствование замов в СНК и СТО на тех частях заседаний, где не председательствовал он сам. Плюс к этому, не менее двух раз в неделю, Ленин должен был проводить часовые совещания с замами².

Дабы обеспечить действительно политическое руководство, всю «вермишель» текущих рутинных дел, по мнению Владимира Ильича, надо было переложить на Малый СНК и распорядительные заседания СТО. Причем на этих заседаниях «председательствуют не замы, но только их подпись делает решения этих заседаний окончательными».

---

¹ См.: Лавров ВМ., Лобанов ВВ., Лобанова ИВ., Мазырин АВ. Иерархия русской православной церкви, патриаршество и государство в революционную эпоху. С. 173, 174.

² См.: Ленин ВИ. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 328.

Далее, для того, чтобы избежать сугубо ведомственного подхода и для наблюдения за работой наркоматов, Ленин считал необходимым распределение их «между замами так, чтобы все трое (а в случае надобности и их помощники из числа управделов) «сидели» на определенной работе *по два месяца*, а потом *ее меняли*. (Это необходимо в интересах ознакомления всех замов со *всем* аппаратом в целом и в интересах достижения настоящего единства управления.)

...Так как работа улучшения и исправления всего аппарата гораздо важнее той работы председательствования и калякания с замнаркоматами и наркоматами, коя до сих пор занимала замов целиком, то необходимо установить и строго проводить, чтобы *не менее двух часов* в неделю каждый зам «опускался на дно», посвящая личному изучению самые разнообразные, и верхние и нижние, части аппарата, самые неожиданные при том»¹.

Эти предложения были посланы замам и Сталину еще 9 декабря. Так что к утреннему совещанию 12-го они успели заранее обсудить свои возражения, которые касались не только распределения наркоматов, но и режима Ленина. Рыков, в частности, озвучил предложение о предварительной фильтрации через замов посетителей Владимира Ильича. Однако он решительно отверг подобного рода заботу.

В этот день, 12-го, Ленин успел сделать еще целый ряд дел — с 18 часов переговорить с Дзержинским о работе комиссии по «грузинскому вопросу» (речь об этом будет идти ниже — *ВЛ*), с 19.45 со Стомоняковым о монополии внешней торговли. И только спустя полтора месяца (24 января 1923 года) Владимир Ильич признался Фотиевой, что именно вечером 12 декабря, «накануне моей болезни Дзержинский говорил мне о работе комиссии и об «инциденте», и это на меня очень тяжело подействовало»².

Утром 13-го приступы повторились дважды, причем второй приступ продолжался более обычного — несколько минут и захватил не только ногу, но и правую руку. В 11 часов приехали Крамер и Кожевников. Предписание было совершенно категорическим: немедленный отъезд в Горки и полный отдых. Спорить с ними было бесполезно. От немедленного отъезда Владимир Ильич отказался, но заявил, что «сегодня же начнет ликвидировать свои дела». И действительно, в

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 328, 329.

² Там же. С. 470, 476.

12 часов, после ухода врачей, он вызвал на квартиру Фотиеву, которой так и сказал — «для ликвидации дел»¹.

Своим заместителям Ленин продиктовал письмо: «Ввиду повторения болезни я должен ликвидировать сейчас всякую политическую работу и возобновить свой отпуск. Поэтому наши разногласия с вами теряют практическое значение».

С предложенным им накануне распределением наркоматов он по-прежнему не соглашался: «Думаю, что надо теснее согласовывать это распределение со способностью отдельных замов к чисто административной работе; по-моему, главный недостаток данного вами вчера распределения состоит в отсутствии такого приспособления. Функции председательствования... должны быть гораздо строже отделены от функций проверки и улучшения административного аппарата. К первым функциям (т.е. председательствование, контроль за правильностью формулировок и т.д.) больше подходит т. Каменев, тогда как функции чисто административные свойственны Цюрупе и Рыкову».

Впрочем, и этот вопрос, замечает Ленин, придется отложить «до моего возвращения из отпуска». Единственное, что необходимо зафиксировать уже сейчас — категорическое несогласие с предложением Рыкова о предварительной фильтрации замами личного приема Владимира Ильича: «Я не согласен в корне, — настаивает он, — выдвигаю против него прямо обратное — о полной свободе, неограниченности и даже расширении приемов»².

И, наконец, главное: поскольку его присутствие на Пленуме ЦК фактически становится нереальным, Ленин диктует письмо Троцкому (копии Фрумкину и Стомонякову): «Мне думается, что у нас с Вами получается максимальное согласие... Во всяком случае, я бы очень просил Вас взять на себя защиту нашей общей точки зрения о безусловной необходимости сохранения и укрепления монополии внешней торговли.

...В случае нашего поражения по этому вопросу мы должны будем перенести вопрос на партийный съезд. Для этого понадобится краткое изложение наших разногласий перед партийной фракцией предстоящего съезда Советов. Если я успею, я напишу таковое и был бы очень рад, если бы Вы поступили таким же образом. Колебание по данному вопросу причиняет нам неслыханный вред...»³

¹ См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 470, 471; РГАСПИ. Ф. 16. Оп. 2. Ед. хр. 12. Л. 106.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 331.

³ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 54. С. 324.

Указанные письма Ленин диктовал с 12 часов. В 12.30 к нему пришел Сталин. Они разговаривали более двух часов. Речь шла о предстоящем пленуме и, судя по всему, Владимир Ильич своего боевого настроения не скрывал. Однако к компромиссу они так и не пришли и именно вечером этого дня (с 19-30 до 20.25) он продиктовал приведенное выше письмо Сталину для Пленума ЦК, в котором, анализируя письмо Бухарина, давал жесткую политическую оценку попыткам демополизации внешней торговли. В конце дня Фотиева записала: «Настроение неплохое, шутил. Беспокоился только о ликвидации дел»¹.

На следующий день он озаботился тем, чтобы все материалы о монополии были пересланы Троцкому, написал записку Аванесову о том, что необходимо еще раз обдумать, «как поставить борьбу», а позднее встретился с Ярославским и сугубо конфиденциально попросил его записать прения на пленуме. Особенно выступления Бухарина и Пятакова. И в этот же день Ленин узнает, что Политбюро перенесло пленум с 15 на 18 декабря².

Утром 15-го его ждала еще более важная новость: Каменев, Зиновьев и Сталин заявили, что они снимают свои возражения против монополии внешней торговли. «Ввиду накопившихся за последние два месяца новых материалов, ... говорящих в пользу сохранения монополии внешней торговли, — писал Сталин, — считаю своим долгом заявить, что снимаю свои возражения против монополии внешней торговли, письменно сообщенные мною членам Цека два месяца назад»³.

Трудно сказать, чего тут было больше — действительного пересмотра позиции или желания успокоить Ленина и снять остроту конфликта. Да и сама перспектива получить в качестве оппонентов и Ленина и Троцкого вряд ли могла понравиться «тройке». Так или иначе, но сделанные ими заявления обнадеживали.

«Надеюсь, — информирует Владимир Ильич в тот же день Троцкого, — пройдет наше решение, ибо часть голосовавших против в октябре, теперь переходит частью или вполне на нашу сторону». Но тут же Ленин добавляет: «Если паче чаяния не пройдет наше решение, обратимся к фракции съезда Советов и заявим о переносе вопроса на партсъезд»⁴.

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 471.

² См.: В.И. Ленин. Биографическая хроника. Т. 12. С. 538-540.

³ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 589.

⁴ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 54. С. 325.

Более всего Владимир Ильич опасался, что в связи с его болезнью вопрос о монополии будет вновь отложен. «Если существует опасение, — предупреждает Ленин Троцкого, — что меня этот вопрос волнует и может даже отразиться на состоянии моего здоровья, то думаю, что это совершенно неправильно, ибо меня в десять тысяч раз больше волнует отяжка, делающая совершенно неустойчивой нашу политику по одному из коренных вопросов»¹.

Об этом он сообщает 15-го и Сталину для информирования членов ЦК РКП(б): «Я решительно против отяжки вопроса о монополии внешней торговли. Если из каких бы то ни было предложений (в том числе и из предположений, что желательно участие на этом вопросе мое) возникнет мысль о том, чтобы отложить до следующего пленума, то я бы высказался самым решительным образом против, ибо уверен, что Троцкий защитит мои взгляды несколько не хуже, чем я, это — во-первых; во-вторых, Ваше заявление и Зиновьева и, по слухам, также Каменева, подтверждает, что часть членов ЦК изменили уже свое прежнее мнение; третье, и самое главное: дальнейшие колебания по этому важнейшему вопросу абсолютно недопустимы и будут срывать всякую работу». И именно в этом письме Ленин сообщает, что поскольку уже договорился с Троцким «о защите моих взглядов на монополию внешней торговли», он может теперь «уезжать спокойно» в Горки².

Другое важное дело, которое занимало Владимира Ильича на протяжении ноября — начала декабря 1922 года, было связано с его предстоящим выступлением на X съезде Советов, который открывался 23 декабря. Для него оно являлось принципиально важным. Прошел год с тех пор, как 23 декабря 1921 года Ленин выступил с отчетным докладом ВЦИК и СНК на IX съезде. Теперь надо было подвести итоги.

Известно, что Владимир Ильич не принадлежал к числу тех политических лидеров, для которых их референты, спичрайтеры и помощники заранее готовят тексты устных или печатных выступлений. Впрочем, и появились-то такие лидеры в Советской России гораздо позже. Ленин всегда сам собирал материалы для своих докладов и речей. Не стала исключением и подготовка выступления на X съезде Советов.

Единственное поручение, которое он дал в этой связи управляющему делами СНК и СТО Николаю Петровичу Гор-

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 54. С. 326.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 338-339.

бунову — подобрать из газет наиболее интересные статьи, характеризующие состояние экономики страны. И тот же Горбунов доставлял ему книги, отчеты, исследования, списки которых Владимир Ильич составлял сам.

Среди проработанных им документов — отчет о работе промышленности председателя ВСНХ П.А. Богданова; доклад зампреда ВСНХ В.П. Милютин, возглавлявшего комиссию СТО по подготовке материалов к X съезду, о положении в торговле, финансах и промышленности; записка завотделом ЦСУ В.Г. Михайловского о финансовом и экономическом положении страны; записка члена Президиума ВСНХ, заместителя наркома финансов А.М. Краснощекова о финансировании промышленности; расчеты Л.Н. Крицмана по количеству обрешающихся денег и стабилизации рубля; материалы переписи совслужащих 1922 года; записка И.И. Ходоровского о шефстве городских партийных ячеек над сельскими и сельских над городскими и т.д. и т.п.

План-конспект доклада получился довольно кратким — всего две странички. Но и они дают представление о том, что именно Ленин считал необходимым сказать съезду. Главная мысль: будущее Советского государства всецело зависит от прочности союза рабочего класса и крестьянства — «в этом залог *непобедимой силы*». В годы Гражданской войны не столько большевистская пропаганда, сколько практика белых генералов доказала, что свержение Советской власти означает возвращение к власти помещиков и буржуазии. «Деникин и прочие *учителя* хорошие; учили серьезно», — пишет Ленин. И эта «война *спаяла* рабочий класс и крестьянство».

Но война завершена. «Голод прошлого года тоже преодолели» Теперь — для дальнейшего укрепления союза необходимо браться «*всецело за экономику*». Это — главная задача. И речь идет не об «экономике» вообще, а о такой, которая со временем позволит «*подойти* к социализму».

Прошедший год стал своего рода проверкой. И этот экзамен, в принципе, выдержан. Ленин приводит цифры — в финансовой сфере началась стабилизация рубля, т.е. сделан «*малый шаг вперед*». Внешний и внутренний товарооборот вырос. Улучшилось положение в легкой промышленности. В тяжелой индустрии — «*трудно, но не безнадежно: шагок есть вперед*». И отдельным вопросом — кооперация: «*Центросоюз: его особое значение*» в нынешних условиях.

Большое место в своем выступлении Владимир Ильич намеревался отвести госаппарату. Он повторяет те оценки, которые давал уже не раз: «Госаппарат вообще: **из рук вон пло-**

хо; ниже буржуазной культуры... Часто: не нам принадлежит этот аппарат, а мы принадлежим ему!!»

Но почва для оптимизма есть и тут. Ленин использует статистическое обследование беспартийного специалиста Ф. Кина (Фрумкина), который, опросив 230 инженеров, пришел к выводу, что среди спецов, работающих в советских учреждениях, помимо прежних — явно враждебных Советской власти, растет число тех, кто все больше и больше втягивается в сотрудничество с ней. Но это, подчеркивает Владимир Ильич, — «*работа многих лет*» и вопрос не частных «переделок», а именно «*всей культуры, а ее поднять — нужны годы*».

О хронологических рамках происходящих процессов Ленин говорит очень осторожно. Надо лишь свыкнуться с мыслью о том, что если в предшествующее пятилетие (1917-1922) мы двигались быстро, иногда даже слишком быстро, то теперь процессы будут идти «*медленнее*», по крайней мере, в предстоящее пятилетие — 1922-1927 годов. Впрочем, тут же Владимир Ильич ставит после даты «1927» два вопросительных знака.

Но если протяженность процессов во времени зависит от множества факторов и потому не столь определена, то ответ на главный вопрос — «как (NB) *подойти* к социализму?» — у Ленина совершенно категоричен: «Не иначе, как через *нэт*»¹.

Работу над планом-конспектом выступления Владимир Ильич закончил, видимо, 12 или 13 декабря. Ибо корректуру сборника «На новых путях» с расчетами Крицмана получил лишь 12-го, а 15-го он сообщил Сталину, что «конспект речи у меня был уже написан несколько дней назад»².

В общем, доклад практически был вполне готов. И тем горше после приступов болезни, начавшихся как раз 13 декабря, было сознавать, что столь тщательно готовившееся выступление может — и почти наверняка — не состояться.

15-го вечером (в 20.30) Владимир Ильич позвонил Фотиевой и стал диктовать ей по телефону уже не раз упоминавшееся письмо Сталину для членов ЦК: «Я кончил теперь ликвидацию своих дел и могу уезжать спокойно». Но вскоре диктовку прервал и попросил Лидию Александровну придти к нему на квартиру. Когда она пришла, Ленин продолжил: «Осталось только одно обстоятельство, которое меня волнует в чрезвычайно сильной мере...». Этим обстоятельством как раз и был

¹ См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 440-441.

² Там же. С. 338, 440, 605.

вопрос о его выступлении на X Всероссийском съезде Советов, открывавшемся 23 декабря.

«Во вторник у меня будут врачи, — продолжает диктовать Владимир Ильич, — и мы обсудим, имеется ли хоть небольшой шанс на такое выступление. Отказ от него я считал бы для себя большим неудобством, чтобы не сказать сильнее... Я предлагаю поэтому, не приостанавливая подготовки для выступления кого-либо другого вместо меня, сохранить до среды возможность того, что я выступлю сам, может быть, с речью, сильно сокращенною против обычного, например, с речью в три четверти часа. Такая речь... будет полезна и политически и в смысле личном, ибо устранил повод для большого волнения»¹.

Он все еще не терял надежды. Но ждать визита врачей во вторник 19-го не пришлось. Уже с вечера 14-го он почувствовал себя неважно. А утром 15-го Фотиева записала: «Настроение неважное, сказал, что чувствует себя хуже, ночь не спал»². В пятницу, как записано в «Дневнике дежурных врачей» за 15-ое: «Весь день было чувство тяжести в правых конечностях... Попробовал писать. Но с очень большим трудом написал письмо, которое секретарша разобрать не смогла, и Владимиру Ильичу пришлось его продиктовать. Вид у Владимира Ильича плохой, утомленный. Владимир Ильич сообщил, что ночью, около часа, у него случился паралич правых конечностей, который продолжался 35 минут. Речь не была затронута. Затем движения стали восстанавливаться»³.

Врачи пришли на следующий день 16 декабря, в 11 часов — В.В. Крамер и А.М. Кожевников. Осмотр показал: «...В правых конечностях значительное ослабление силы и некоторое нарушение координации. Движения все возможны, но они совершаются медленно и неуклюже... Попадать кончиком пальца на кончик носа не удастся, причем палец всегда отклоняется влево от носа... Писать может только крайне медленно, причем буквы очень мелкие, лезут одна на другую... Речь не расстроена. Счет производит быстро и без ошибок. Вообще все психические функции выполняются хорошо»⁴.

Врачи вновь заявили, что Владимиру Ильичу необходим немедленный отъезд в Горки, постельный режим и полный отказ от работы. Тут же ему предъявили и телеграмму из Бер-

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 338.

² Там же. С. 472.

³ Известия ЦК КПСС. 1991. № 6. С. 189.

⁴ Там же. С. 189, 190.

лина от собиравшегося в Москву профессора Фёрстера, заочно «подтверждающая, что до выступления на съезде должно быть не менее 7 дней полного отдыха».

Уезжать из Москвы Ленин опять отказался. Начальнику охраны П. Пакалну он сказал, что «дорога на аэросанях утомительная, а на автомобиле ехать нельзя». Но это походило скорее на отговорку. Указанные Фёрстером семь дней кончались как раз 23 декабря. Приступ вроде бы длился всего полчаса, и Владимир Ильич надеялся, что, может быть, так и дотянет до съезда Советов. И на вопрос Фотиевой, как он себя чувствует, Крупская ответила неопределенно: «Средне, по внешности ничего, а там сказать трудно»¹.

Но самообман менее всего был свойственен Ленину. И вечером 16-го (около 21 часа) Надежда Константиновна позвонила Фотиевой и попросила сообщить Сталину от имени Владимира Ильича, что он «выступать на съезде не будет». Вторая просьба к Фотиевой — «конспиративно позвонить Ярославскому» и напомнить, чтобы он «записывал речи Бухарина и Пятакова, а по возможности и других на пленуме по вопросу о внешней торговле»².

Исход этого Пленума ЦК, открывавшегося в понедельник 18 декабря, все еще беспокоил его. Но опасения оказались напрасными. 18 декабря Пленум единогласно отменил постановление Пленума ЦК от 6 октября. Как вспоминал Емельян Ярославский, — «Предложение Ленина было принято пленумом ЦК, хотя прения и были; и принято было оно, если память мне не изменяет, единогласно. Во всяком случае, в выступлениях Зиновьева и Каменева не было ничего, что указывало бы на их серьезные расхождения с Лениным. Поэтому, записывая коротко ход прений для записки Ленину (о чем он со мной условился накануне, что я перешлю ему секретную записку), я старался всячески успокоить Ильича, указывал в записке, что принципиальных расхождений у него нет с Пленумом ЦК»³.

Однако записей Ярославского Ленин 18 декабря не получил. После принятия резолюции о монополии внешней торговли и окончания утреннего заседания пленума, Ярославский передал свою «секретную записку» в секретариат Ленина. Далее, по его словам, — «Володичева дала кому-то переписать мою запись и машинистка, вообразив почему-то, что это ру-

¹ См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 473; Известия ЦК КПСС. 1991. № 6. С. 197.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 473.

³ Известия ЦК КПСС. 1989. № 4. С. 188.

копись т. Сталина, обратилась к нему за справкой по поводу неясно написанного слова». Сталин тут же вынес эту историю на пленум.

В рассказе Ярославского (в его письме Фотиевой и Володиной 22 января 1924 года) явно что-то не так. Перепутать почерк Ярославского и Сталина в секретариате Ленина не могли. Вероятнее всего, записку Ярославского показала Сталину Надежда Аллилуева. И на вечернем заседании пленума Сталин предлагает проект резолюции: «В случае запроса т. Ленина о решении пленума по вопросу о внешней торговле, по соглашению Сталина с врачами, сообщить ему текст резолюции с добавлением, что как резолюция, так и состав комиссии приняты единогласно». Тут же, в черновике протокола, запись: «Не записывать в протокол».

А далее еще одно решение: «Отчет т. Ярославского ни в коем случае сейчас не передавать и сохранить с тем, чтобы передать тогда, когда это разрешат врачи по соглашению с т. Сталиным». И в этот машинописный текст подлинника рукой Фотиевой вписано: «На т. Сталина возложить персональную ответственность за изоляцию Владимира Ильича как в отношении личных сношений с работниками, так и переписки». Здесь же пометка Фотиевой: «Не записанное решение»¹.

Таковы обстоятельства принятия 18 декабря этого важного документа. Заверения Ленина в том, что он гораздо больше страдает не от избыточной политической информации, а «**из-за отсутствия**» оной и уж тем более от радужных реляций о всеобщем единстве, было проигнорировано.

В «Дневнике дежурных секретарей» 19, 20, 21 и 23 декабря рукой Надежды Аллилуевой проставлены лишь даты. Никаких «личных сношений» или «переписки» не зафиксировано.

Между тем 19-го у Владимира Ильича немного поднялась температура и его осматривал лечащий врач-терапевт Федор Александрович Гетье, а 20-го из Германии прибыл профессор Фёрстер. «Владимир Ильич, — пишет Мария Ильинична, — встретил его очень радушно», но осмотр дал фактически те же результаты, что и 16 декабря, а главное — те же рекомендации: отдых, постельный режим. Впрочем, Фёрстер не был столь категоричен. Во всяком случае против диктовки записки Троцкому не возражал².

¹ См.: Известия ЦК КПСС. 1989. № 12. С. 189, 191, 195; Сахаров В.А. «Политическое завещание» Ленина. С. 217-218.

² См.: Известия ЦК КПСС. 1991. № 6. С. 190; Известия ЦК КПСС. 1989. № 12. С. 191.

21 декабря Крупская пишет: «Лев Давыдович! Проф. Фёрстер разрешил сегодня Владимиру Ильичу продиктовать письмо, и он продиктовал мне следующее письмо к Вам...» Решением пленума о монополии внешней торговли Ленин был безусловно доволен. На одних оппонентов, видимо, действительно подействовали его аргументы. Другие — спасовали перед самим фактом возможного противостояния Ленину. Так или иначе, победу надо было закреплять.

И Ленин диктует: «Как будто удалось взять позицию без единого выстрела простым маневренным движением. Я предлагаю не останавливаться и продолжать наступление и для этого провести предложение поставить на партсъезде вопрос об укреплении внешней торговли и о мерах к улучшению ее проведения. Огласить это на фракции съезда Советов. Надеюсь возражать не станете и не откажетесь сделать доклад на фракции». Крупская делает приписку: «В.И. просит также позвонить ему ответ. Н.К. Ульянова»¹.

В.А. Сахаров эту диктовку считает фальшивкой. Но вот записка (автограф сохранился) Каменева Сталину: «Сегодня ночью звонил мне Троцкий. Сказал, что получил от Старика записку, в которой Старик, выражая удовольствие принятой пленумом резолюцией о Внешторге, просит, однако, Троцкого сделать по этому вопросу доклад на фракции съезда [Советов] и подготовить там почву для постановки этого вопроса на партсъезде. Смысл, видимо, в том, чтобы закрепить сию позицию. Своего мнения Троцкий не выражал, но просил передать этот вопрос в комиссию ЦК по проведению съезда. Я обещал передать тебе, что и делаю». Документ, как видим, весьма примечательный для характеристики и Троцкого, и Каменева, и их отношения к Ленину².

Сохранился и автограф ответа Сталина Каменеву 22 декабря: «Записку получил. По-моему, следует ограничиться заявлением в твоём докладе, не делая демонстрации на фракции». Но Сталина беспокоит и другое: «Как мог Старик организовать переписку с Троцким при абсолютном запрещении Фёрстера»³.

Валентин Сахаров отрицает столь очевидную связь между тремя указанными документами⁴. Он ссылается опять-таки на отсутствие пометок о канцелярской регистрации. Но главное,

¹ См.: Известия ЦК КПСС. 1989. № 12. С. 191; Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 54. С. 327, 672.

² Известия ЦК КПСС. 1989. № 12. С. 191.

³ Там же. С. 192.

⁴ См.: Сахаров В.А. «Политическое завещание» Ленина. С. 220, 387.

он убежден, что не было у Ленина оснований для того, чтобы «продолжать наступление», ибо на пленуме всё якобы закончилось полной и окончательной победой ленинской позиции.

Но хорошо известно, что Владимир Ильич не очень доверял столь демонстративному единству. И что если от сотрудников своего секретариата, работавших на пленуме, он знал о тех долгих прениях, запись которых Ярославским ему так и не передали? А что если и в самой «победной резолюции» его что-то насторожило? В ней, помимо клятвенных заверений о неизбежности монополии, указывалось на необходимость составления «твердого списка» хозорганов, которым предоставлялось право «непосредственной торговли» под контролем Внешторга. Да и сам проект резолюции Сталина, Каменева и Зиновьева пленум принял единогласно лишь с поправками из контрпроекта Фрумкина¹.

Позднее, на XII съезде партии, излагая итоги пленума 18 декабря, Зиновьев говорил: «Мы в результате длительных прений пришли к тому выводу, что окончательный контроль, руководство, право “вето”, разумеется, должны остаться в руках Внешторга, как такового, но что это не должно мешать крупнейшим областным единицам несколько более самостоятельно вести внешнюю торговлю»². Такие формулировки не только «ублажали» региональных лидеров, но и открывали простор для «расширительных» толкований, переносили проблему монополии из сферы декларации в область её практического применения. Так что основания для того, чтобы «продолжать наступление», у Владимира Ильича вполне могли быть.

Впрочем, все это, как выражается В.А. Сахаров, — «предположения». Но вот то, что, вопреки решению пленума, «сношения с работниками» Ленин осуществляет вне контроля Сталина, вывело Иосифа Виссарионовича из себя — это факт. И выяснив, что записка Троцкому была передана 21-го Крупской, Сталин вечером 22 декабря позвонил ей...

Эта скандальная история обросла позднее множеством версий. Поэтому будем опираться на наиболее достоверные свидетельства. И первое — письмо Крупской (автограф имеется) Каменеву, написанное ею на следующий день: «23/XII. Лев Борисыч, по поводу коротенького письма, написанного мною под диктовку Владимира Ильича с разрешения врачей, Сталин позволил себе вчера по отношению ко мне грубейшую выход-

¹ См.: Сахаров В.А. «Политическое завещание» Ленина. С. 216, 217.

² Там же.

ку. Я в партии не один день. За все 30 лет я не слышала ни от одного товарища ни одного грубого слова, интересы партии и Ильича мне не менее дороги, чем Сталину. Сейчас мне нужен максимум самообладания. О чем можно и о чем нельзя говорить с Ильичем, я знаю лучше всякого врача, т.к. знаю, что его волнует, что нет, и во всяком случае лучше Сталина».

Надежда Константиновна все еще надеется на Каменева и Зиновьева: «Я обращаюсь к Вам и к Григорию, — пишет она, — как более близким товарищам В.И., и прошу оградить меня от грубого вмешательства в личную жизнь, недостойной брани и угроз. В единогласном решении Контрольной комиссии, которой позволяет себе грозить Сталин, я не сомневаюсь, но у меня нет ни сил, ни времени, которые я могла бы тратить на эту глупую склоку. Я тоже живая и нервы напряжены у меня до крайности»¹.

В.А. Сахаров считает и это письмо фальшивкой — «новоделом». Почему, мол, Крупская адресует Каменеву, а не официально в Политбюро? Почему нет делопроизводственных пометок секретаря ЦК? Он уверен, что конфликт, если даже допустить, что он имел место, был сугубо личным, что никакой грубости не было и «Сталин не сказал ей ничего, что выходило бы за рамки дозволенного», хотя Крупская и заявила якобы о своем «нежелании считаться» с решением ЦК². Говоря честно, отвечать на эти утверждения просто не хочется. Пусть читатель, уяснив для себе все перипетии данной истории, сам делает выводы.

Приведем второе свидетельство — Марии Ильиничны Ульяновой: «Врачи настаивали, чтобы В.И. не говорили ничего о делах... И вот однажды, узнав, очевидно, о каком-то разговоре Н.К. с В.И., Сталин вызвал ее к телефону и в довольно резкой форме, рассчитывая, очевидно, что до В.И. это не дойдет, стал указывать ей, чтобы она не говорила с В.И. о делах, а то, мол, он ее в ЦКК потянет».

По одной из версий, среди слов, сказанных тогда Сталиным Крупской, была якобы фраза: «Мы еще посмотрим, какая Вы жена Ленина», и что именно эти слова имела в виду Надежда Константиновна, написав о «грубом вмешательстве в личную жизнь». Фраза эта широко использовалась в литературе, хотя серьезных подтверждений и не имеет. Но так или иначе, как пишет Мария Ильинична, «Н.К. этот разговор взволновал

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 54. С. 674-675.

² См.: Сахаров В.А. «Политическое завещание» Ленина. С. 389-391.

чрезвычайно: она была совершенно не похожа сама на себя, рыдала, каталась по полу и пр.»¹.

И, наконец, третье свидетельство: письмо Сталина Ленину 7 марта 1923 года, в котором он пишет о конфликте с Крупской и о том, что он «сказал ей (по телефону) приблизительно следующее: “Врачи запретили давать Ильичу политинформацию, считая такой режим важнейшим средством вылечить его, между тем, Вы, Надежда Константиновна, оказываетесь, нарушаете этот режим; нельзя играть жизнью Ильича” и пр. Я не считаю, что в этих словах можно было усмотреть что-либо грубое или непозволительное...»²

О данном инциденте позднее подробно рассказывали М.А. Володичева и Л.А. Фотиева, причем Лидия Александровна осуждала Крупскую: «Зачем она рассказала Владимиру Ильичу, что Сталин звонил по телефону? ... Это страшно взволновало его».

Ссылаясь на эти воспоминания, необходимо указать, что речь идет о магнитофонных записях бесед писателя Александра Бека с Фотиевой и Володичевой в марте 1967 года.

Александр Бек, автор таких книг, как «Жизнь Бережкова», «Волоколамское шоссе», «Штрихи», «Новое назначение» и других, которые помогают понять многие сложнейшие страницы советской истории, помимо блестящего писательского таланта, обладал бесценным даром собеседника и интервьюера. О нем говорили, что он может «разговорить телеграфный столб».

И в этом убеждают записи его бесед с Фотиевой. В 70-х годах, в связи с подготовкой 45 тома Собрания сочинений Ленина, мы тоже пытались «разговорить» Лидию Александровну. Но ничего, выходящего за рамки уже опубликованного ею, выудить так и не удалось.

Причина стала понятной, когда однажды она рассказала о том, что спустя годы после смерти Ленина к ней неожиданно явился комендант Дома правительства («Дом на набережной») и безапелляционно заявил, что в ее квартире будет ремонт.

И Лидия Александровна рассказала, как на ее глазах, в ходе этого ремонта, в стены вмазали какие-то «металлические тарелки». Вероятно, это был ремонт домовой вентиляции. Но она была убеждена, что это подслушивающие устройства. Вот так и жила она много лет, полагая, что каждое ее слово фиксируется «компетентными органами».

¹ Известия ЦК КПСС. 1989. № 2. С. 198; *Славин Б.Ф.* Ленин против Сталина. Последний бой революционера. М.: URSS, 2010. С. 58.

² Известия ЦК КПСС. 1989. № 12. С. 1993.

И все-таки Александру Беку удалось разговорить ее, хотя в начале беседы она прямо заявила: «Если вздумаете опубликовать, то отрекись». Бек сдержал слово. Он опубликовал записи лишь после смерти Лидии Александровны. И записи эти, в достоверности которых невозможно сомневаться, как раз и являются ценнейшим дополнением к «Дневнику дежурных врачей»¹

В день инцидента, 22 декабря, Крупская, видимо, ничего не рассказала Ленину о случившемся. У него и так после беседы с Фёрстером было, как заметила Мария Ильинична, «более пессимистичное настроение...» Около 6 вечера Владимир Ильич вызвал Фотиеву и продиктовал следующее: «Не забыть принять все меры достать и доставить... в случае, если паралич перейдет на речь, цианистый калий, как меру гуманности и как подражание Лафаргам...». Он прибавил при этом: «Эта записка вне дневника. Ведь Вы понимаете? Понимаете? И, я надеюсь, что Вы это исполните». Пропущенную фразу, — пишет Фотиева, — в начале не могла припомнить. В конце — я не разобрала, так как говорил очень тихо. Когда переспросила — не ответил. Велел хранить в абсолютной тайне»².

Позднее Лидия Александровна так вспоминала об этом разговоре: «...После нового удара он в декабре под строгим секретом опять послал меня к Сталину за ядом. Я позвонила по телефону, пришла к нему домой. Выслушав, Сталин сказал: — Профессор Фёрстер написал мне так: “У меня нет оснований полагать, что работоспособность не вернется к Владимиру Ильичу”. И заявил, что дать яд после такого заключения не может.

Я вернулась к Владимиру Ильичу ни с чем. Рассказала о разговоре со Сталиным. Владимир Ильич вспылал... “Ваш Фёрстер шарлатан, — кричал он. — Укрывается за уклончивыми фразами...”

Несколько часов спустя Ленин меня позвал. Он успокоился, но был грустен. — “Извините меня, я погорячился. Конечно, Фёрстер не шарлатан. Это я под горячую руку”»³.

Из записи Фотиевой, цитированной выше, видно, что Ленин не только говорил «очень тихо», но и чувствовал себя очень плохо. Звонок Сталина Крупской был позднее, вечером. Этим состоянием Владимира Ильича, может быть, и объясняется то, что Надежда Константиновна умолчала о случившемся

¹ «Московские новости», 23 апреля 1989 года, с. 8, 9.

² Известия ЦК КПСС. 1991. № 6. С. 190, 191.

³ «Московские новости», 23 апреля 1989 года, с. 8.

ся, и та острая реакция на конфликт, когда сама Крупская, как отметила Мария Ильинична, стала «совершенно не похожа сама на себя».

М.А. Володичева говорит, что Мария Ильинична якобы тогда же позвонила Сталину: «Я не присутствовала при этом разговоре... Мне товарищи передавали, что она по телефону кричала на Сталина: “Тогда я обращусь к помощи московских рабочих! — В каком случае? — Чтобы они научили вас, как нужно заботиться о Ленине”»¹

А в ночь на 23 декабря у Владимира Ильича начался новый приступ болезни. Утром врачи констатируют: «В правой руке возможно только отведение большого пальца и сгибание указательного, все другие движения совершенно отсутствуют. В ноге возможно только сгибание бедра и его незначительное приведение и отведение. В коленном суставе, в стопе и пальцах нет решительно никаких движений». Причем, в отличие от предыдущих приступов, этот не заканчивается ни за полчаса, ни за час. Лишь к вечеру врачи отмечают «возможность движения в кисти всех пальцев. В ноге подергиваний нет, вполне возможны движения пальцев и стопы, а также сгибание колен. В остальном без перемен»².

Между тем, именно этим утром, 23 декабря, под пение «Интернационала» открылся X Всероссийский съезд Советов, на котором неделю назад еще надеялся выступить Ленин. Естественно, Владимира Ильича избрали почетным председателем съезда, послали ему приветственную телеграмму, затем приступили к докладам ВЦИК, Совнаркома, ВСНХ, Наркомпроса, Наркомфина, Наркомзема...

А он лежал весь день в постели и, как пишет Мария Ильинична Ульянова, — «несмотря на тяжелое состояние не переставал думать о политике... И так же, как в середине декабря, он торопился ликвидировать свои дела, чтобы успеть сделать все, что он хотел, так как знал, что ухудшение в здоровье может наступить внезапно, так и теперь он торопился делать свои записи... Он торопился составить свое политическое завещание»³. В самом идеальном, можно сказать — «чудесном» варианте Ильич мог рассчитывать теперь лишь на то или иное участие в XII съезде партии, который предполагали собрать через несколько месяцев.

¹ «Московские новости», 23 апреля 1989 года, с. 8.

² Известия ЦК КПСС. 1991. № 6. С. 191.

³ Там же.

Нечто вроде дневника

Вечером 23-го Ленин попросил врача Кожевникова вызвать всего на 5 минут стенографистку, «т.к. его волнует один вопрос, и он боится, что не заснет. Это ему было разрешено, после чего В.И. значительно успокоился». Дежурила в тот день Н. Аллилуева. Но на вызов пришла М.А. Володичева. И в «Дневнике дежурных секретарей» после даты, поставленной Аллилуевой, идет запись Володичевой: «В начале 9-го Владимир Ильич вызвал на квартиру. В продолжение 4-х минут диктовал. Чувствовал себя плохо. Были врачи. Перед тем, как начать диктовать, сказал: “Я хочу Вам продиктовать письмо к съезду. Запишите!” Продиктовал быстро, но болезненное состояние его чувствовалось. По окончании спросил, которое число. Почему такая бледная, почему не на съезде, пожалел, что отнимает время, которое я могла бы пробыть там»¹.

Судьба этой диктовки весьма любопытна. По существующей договоренности, стенографическая запись расшифровывалась, перепечатывалась на машинке, затем просматривалась Лениным, после правки вновь перепечатывалась, а все черновики в обязательном порядке уничтожались. Однако в РГАСПИ вместе с известным «законным» машинописным текстом в ленинском отделе лежит рукописная копия, сделанная Надеждой Аллилуевой. Ни к данной диктовке, ни к ее расшифровке Надежда Сергеевна никакого отношения не имела. Откуда же взялась эта копия? И для кого она предназначалась?

Судя по всему, об указании Владимира Ильича, сделанном Фотиевой накануне — держать его записи «вне дневника» и «хранить в абсолютной тайне», Мария Акимовна не знала, а вот о скандале, учиненном Сталиным накануне Крупской, в секретариате слышали все. Володичева, опасаясь угрозы нового скандала, несмотря на поздний час, тут же отправляет диктовку Сталину. В «Журнале регистрации исходящей почты В.И. Ленина» за № 8628 от 23 декабря появляется запись: «Сталину (письмо В.И. съезду)».

Узнав об этом, Фотиева немедленно пишет Каменеву: «Т. Сталину в субботу 23/XII было передано письмо Владимира Ильича съезду, записанное Володичевой. Между тем, уже после передачи письма выяснилось, что воля Владимира Ильича была в том, чтобы письмо это хранилось строго секретно в архиве, [может] быть распечатано только им или Надеждой

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 474.

Константиновной и должно было быть предъявлено кому бы то ни было лишь после его смерти. Владимир Ильич находится в полной уверенности, что он сказал это Володичевой при диктовке письма... Я прошу товарищей, которым стало известно это письмо, ни в коем случае при будущих встречах с Владимиром Ильичем не обнаруживать сделанной ошибки...»¹

Сталин сразу же попросил Надежду Аллилуеву снять с ленинского письма рукописную копию. Именно она и была передана в Центральный партийный архив (ныне РГАСПИ) из Общего отдела ЦК КПСС в 1970 году и присоединена к соответствующей ленинской диктовке, хранившейся здесь с 1923 года².

В 1989 году, работая над этим документом, Юрий Алексеевич Буранов обратил внимание на то, что между «каноническим» текстом и рукописью существуют серьезные расхождения.

Во фразе: «я думаю предложить вниманию съезда придать законодательный характер на известных условиях решениям Госплана, идя в этом отношении навстречу тов. Троцкому, до известной степени и на известных условиях» — выделенные нами курсивом слова в рукописном тексте Аллилуевой отсутствуют. А это корректирует и смысл всей фразы.

Второе разночтение: там, где речь идет об увеличении числа членов ЦК за счет введения в него 50-100 рабочих, в «каноническом» тексте говорится, что это необходимо «для предотвращения того, чтобы конфликты небольших частей ЦК могли получить слишком непомерное значение для всех судеб партии». В рукописи Аллилуевой слово «судеб» заменено на «судей».

И это тоже существенно, ибо под «судьями» можно подразумевать тех, кто критикует партию, выступает против нее, между тем как весь текст говорит о предотвращении раскола, т.е. именно о «судьбах» партии³.

Хотя Фотиева и предупредила о сугубой секретности письма, Сталин немедленно знакомит с копией Каменева, Бухарина, Орджоникидзе⁴. Тема, заявленная Владимиром Ильичем, — «предпринять на этом съезде ряд перемен в нашем политиче-

¹ Известия ЦК КПСС. 1990, № 1. С. 157.

² См.: Вопросы истории КПСС. 1991. № 4. С. 47, 49.

³ См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 343; Вопросы истории КПСС. 1991. № 4. С. 48.

⁴ См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 343; Вопросы истории КПСС. 1991. № 4. С. 48.

ском строе» — была достаточно серьезна, и его диктовки, по их мнению, не могли оставаться вне контроля.

Каменев, знавший уже из письма Крупской о конфликте 22 декабря, видимо, стал говорить о том, что Сталину необходимо извиниться. Но Иосиф Виссарионович вины за собой не чувствовал. И когда даже Молотов осторожно усомнился в том, насколько он был в данном случае корректен, то в ответ услышал: «Что я должен перед ней на задних лапках ходить?» И все-таки по настоянию Каменева и, возможно, Бухарина, Сталин уступил.

Это, конечно, предположение, но оно имеет основания. Мария Ильинична пишет, что произошло это «через несколько дней» после конфликта, что «Сталин действительно звонил» Крупской «и, очевидно, старался сгладить неприятное впечатление, произведенное на Н.К. его выговором и угрозой». Все знакомые с этим конфликтом, вероятно, вздохнули с облегчением. Во всяком случае им казалось, что «инцидент был исчерпан»¹.

А утром 24-го Ленин проснулся в хорошем настроении и заявил врачам, что после того, как ему вчера «дали возможность продиктовать то, что он считал нужным, он несколько успокоился и... спал он благодаря этому лучше». Однако, когда Владимир Ильич сказал, что собирается продолжить диктовку, врачи ответили отказом. Вполне возможно, что именно тогда Крупская, за долгие годы привыкшая «делиться всем с ним... совершенно произвольно, не желая того, могла проговориться» и рассказать — в самом приглаженном варианте — о «выговоре», полученном 22 декабря от Сталина за диктовку 21-го, «прибавив, — как утверждает Мария Ильинична, — что *они со Сталиным уже помирились*». О «грубом вмешательстве в личную жизнь», судя по всему, не было сказано ни слова².

Так или иначе, но в ответ на отказ врачей Ленин «ставит вопрос ультимативно: или ему будет разрешено диктовать стенографистке, хотя бы в течение короткого времени ежедневно, или он совсем откажется лечиться». И сказал он это так, что все поняли: это не пустая угроза³.

Вечером того же 24 декабря в кабинете Сталина срочно собирается совещание-консилиум: Сталин, Каменев, Бухарин, а от врачей — Фёрстер, Крамер, Кожевников. Принимается решение: «1. Владимиру Ильичу предоставляется право дикто-

¹ См.: Известия ЦК КПСС. 1989. № 12. С. 196, 198.

² Там же. С. 198.

³ См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. Т. 45. С. 591; Известия ЦК КПСС. 1991. № 6. С. 191.

вать ежедневно 5-10 минут, но это не должно носить характера переписки, и на эти записки Владимир Ильич не должен ждать ответа. Свидания запрещаются. 2. Ни друзья, ни домашние не должны сообщать Владимиру Ильичу ничего из политической жизни, чтобы этим не давать материала для размышлений и волнений»¹.

Применительно к человеку, думавшему о политике чуть ли не 24 часа в сутки, требование «не давать материала для размышлений», да еще *без права переписки и свиданий*, звучало достаточно нелепо. Заверения Ленина о том, что он более всего волнуется «**из-за отсутствия**» своевременной информации, было проигнорировано и на сей раз.

И все-таки это была победа. Главное — он мог теперь, не вступая в пререкания с врачами, диктовать ежедневно. В тот же вечер, около 18 часов, Владимир Ильич вызвал Володичеву и стал диктовать продолжение «Письма к съезду». Это был тот самый фрагмент, где Ленин, в связи с поставленной им в первой диктовке проблемой прочности партии, впервые затрагивает «соображения чисто личного свойства» — так называемые «характеристики» Сталина, Троцкого, Каменева, Зиновьева, Бухарина, Пятакова. Сюжеты эти, безусловно, являлись сугубо конфиденциальными.

Увы, произошло иное. «Ленин диктовал быстро, — рассказывает Володичева. — Видимо, все было продумано у него заранее. Чувствовалось его болезненное состояние. Диктовка давалась ему нелегко. Говорил глухо, не жестикулируя, как обычно. Закончил диктовку в отведенное время и немного повеселел. А я все еще не могла прийти в себя. Была как в тумане...

Был уже поздний час, когда я вернулась в секретариат. Я долго сидела там подавленная, стараясь осмыслить все услышанное у Ленина. Его письмо показалось мне очень тревожным. Я позвонила Лидии Александровне Фотиевой, сказала ей, что Ленин продиктовал мне чрезвычайно важное письмо очередному съезду партии, и спросила, что с ним делать, не показать ли кому-нибудь, может быть, Сталину... “Ну что же, покажите Сталину”, — сказала Лидия Александровна. Так я и сделала.

В квартире Сталина я увидела его самого, Надежду Сергеевну Аллилуеву, Орджоникидзе, Бухарина и Назаретяна. Сталин взял письмо и предложил Орджоникидзе и Бухарину пройти с ним в другую комнату...

Примерно через четверть часа вышел Сталин. Шаги его были на этот раз тяжелыми, лицо озабочено. Он пригласил

¹ Известия ЦК КПСС. 1991. № 6. С. 193; РГАСПИ. Ф. 16. Оп. 2. Ед. хр. 12. Л. 115.

меня в другую комнату... “Сожгите письмо”, — сказал он мне. Это распоряжение я выполнила. Сожгла копию письма, которую ему показывала, но не сказала, что 4 других экземпляра ленинского документа лежат в сейфе.

На следующий день я рассказала обо всем произошедшем Фотиевой и Гляссер. “Что же ты наделала! — набросились они на меня. — Сейчас же возобнови копию!” Я тут же отпечатала пятую копию».

В беседе с Александром Беком Володичева относит этот эпизод к письму 23 декабря. Однако передача Сталину диктовки 23-го, как свидетельствуют приводившиеся выше документы, хотя и по недоразумению, произошла вполне «легально», с регистрацией в журнале исходящей почты.

Прочитав это место, Фотиева сразу заметила, что речь идет совсем «о другом. Володичева говорила про “завещание”, то есть (про) личные характеристики». Да и сама Мария Акимовна подтверждает это.

«Впоследствии, — говорит она, — я часто вспоминала об этом эпизоде и поняла, что напрасно показала ленинский документ Сталину. Хотя в нем еще не содержалось предложения сместить Сталина с поста генерального секретаря ЦК партии [диктовка 4 января 1923 года — ВЛ], но так или иначе его это письмо насторожило. Теперь он был предупрежден о том, что Ленин ему готовит к XII съезду партии серьезные предложения о ряде перемен в ЦК»¹.

Читателю, вероятно, трудно понять — в связи с данным эпизодом — мотивы поведения Фотиевой, Володичевой, искренне любивших Владимира Ильича и входивших в то время в круг наиболее близких к нему людей.

На этот вопрос Александра Бека Лидия Александровна ответила: «Вы не понимаете того времени. Не понимаете, какое значение имел Сталин... Вы должны понять: Сталин был для нас авторитет. Мы Сталина любили. Это большой человек... Он был генеральный секретарь. Кто же мог помочь, если не он. И шли к нему...»

Двадцатый съезд был для нас душевной катастрофой. И теперь еще у меня борются два чувства: возмущение им и любовь к нему. Но сейчас [1967 год] опять изменяется отношение к Сталину. Изменяется к лучшему»².

Заметим, что вся эта история диктовки с «характеристиками» произошла несмотря на то, что именно на сей раз (24 де-

---

¹ «Московские новости», 23 апреля 1989 года, с. 9.

² Там же.

кабря), закончив диктовку, Владимир Ильич специально подчеркнул ее конфиденциальность.

Накануне вечером, 23-го, Володичева не заполняла «Дневник дежурных секретарей». Поэтому 24-го она записала за два дня. Запись за 23-е приводилась выше. «На следующий день (24 XII) в промежутке от 6 до 8 Владимир Ильич опять вызывал. Предупредил о том, что диктованное вчера (23 XII) и сегодня (24 XII) является абсолютно секретным. Подчеркнул это не один раз. Потребовал все, что он надиктует, хранить в особом месте под особой ответственностью и считать категорически секретным. Тогда же прибавил еще одно распоряжение»¹.

Суть данного распоряжения Володичева изложила в 1929 году: «Все статьи и документы, продиктованные В.И. Лениным за период времени с декабря 1922 г. (20-е число) до начала марта 1923 г., переписывались по желанию В.И. Ленина в пяти экземплярах, из которых один он просил оставлять для него, три экземпляра — Надежде Константиновне и один — в свой секретариат (строго секретно)... Черновики копий мною сжигались. На запечатанных конвертах, в которых хранились, по его желанию, копии документов, он просил отмечать, что вскрыть может лишь В.И. Ленин, а после его смерти Надежда Константиновна. Слова: “а после его смерти” на конвертах я не написала. Экземпляры для В.И. Ленина делались на папке, прикрепляясь к ней на шнурке для более удобного пользования»².

После приведенной выше записи 24 декабря в «Дневнике дежурных секретарей» оставлен чистый лист с карандашными пометками: «В. 26/XII», «Л.Ф. 28/XII» о диктовках Владимира Ильича Володичевой и Фотиевой. Но на самом деле диктовал он ежедневно — 25, 26, 27, 28, 29, 30 и даже в канун нового года — 31 декабря. Некоторые сюжеты, затронутые Лениным в первых диктовках «Письма к съезду» выливаются в самостоятельные, но связанные между собой темы — с 27-го о Госплане, затем о реорганизации Рабкрина, а с 30-го — «К вопросу о национальностях...»

Несоответствие между реальной работой Ленина и записями в «Дневнике дежурных секретарей» очевидно. Исследователи обращали на это внимание и прежде³. Но у Валентина Сахарова это послужило отправной точкой для пересмотра всей «традиционной» (уж сказал бы прямо — советской) историографии «Ленинского завещания».

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 474.

² Там же. С. 592, 593.

³ См.: Костин Н.Д. Ленин и Крупская против Сталина. М., 2004. С.87.

Он утверждает, что «Дневник дежурных секретарей», опубликованный в 45 томе сочинений В.И. Ленина, не вызывает никаких сомнений лишь по 18 декабря, то есть до Пленума ЦК. А вот с 23 декабря, то есть с началом диктовки «Письма к съезду», мы имеем дело с документом, «не имеющим ничего общего с прежним “Дневником”», с «историческим фантомом», с фальшивкой, сфабрикованной позднее «под дневниковые» записи¹.

А поскольку подлинность самих ленинских диктовок подтверждается именно этими записями, то, по мнению В.А. Сахарова, ряд диктовок также являются грубой подделкой. Его главный, поистине сенсационный вывод: «Ленин не был автором “Письма к съезду”», продиктованного 23, 24, 25, 26, 29 декабря 1922 года и 4 января 1923 года. Не был Ленин автором и записей «К вопросу о национальностях или об “автономизации”», диктовавшихся 30 и 31 декабря 1922 года. Точно так же, как никогда не диктовал он и писем Сталину и Троцкому 5 марта 1923 года. Валентин Сахаров убежден, что появление этих документов связано с «заговором» против Сталина, в котором участвовали Крупская, Фотиева, Володичева и другие, а истинным «руководителем работ» по изготовлению данных фальшивок являлся Троцкий.

Читая в книге В.А. Сахарова эти строки, я не верил собственным глазам. И дело не в моей тупой приверженности «традиционной историографии». На протяжении более полувека подлинность этих диктовок, не раз попадавших в эпицентр политической борьбы, никем не оспаривалась. Их знали, о них писали, говорили, их обсуждали с декабря 1922 года на пленумах ЦК и партийных съездах. Все это Валентин Сахаров прекрасно знает. И тем не менее стоит на своем: «Письмо к съезду» — «исторический фантом».

Совершенно очевидно, что без мнения экспертов тут никак не обойтись. Подготовителей 45 тома Полного собрания сочинений В.И. Ленина и 12 тома Биографической хроники В.И. Ленина, в число которых входили опытейшие специалисты, десятки лет работавшие над ленинскими документами данного периода, естественно, отводим в сторону. Ибо люди они заинтересованные и к тому же являющиеся не только сторонниками, но в определенной мере — и создателями «традиционной» версии.

Нужны другие авторитетные эксперты, которые обладали бы, по меньшей мере, тремя качествами. Первое: хорошо

---

¹ См.: Сахаров В.А. «Политическое завещание» Ленина. С. 70, 71, 72, 75, 404.

знали весь корпус ленинских произведений и личность самого автора. Второе: имели продолжительный опыт практической редакционной работы с ленинскими рукописями. Третье: не были заинтересованы в «традиционной» — или, как ее называет В. Сахаров, — «хрущевской» версии интересующих нас событий.

Полагаю, что такими экспертами можно смело назвать четырех лиц. 1. Сталин И.В. — работал редактором «Правды» в 1912 и 1917 годах. 2. Каменев Л.Б. — вместе с Лениным редактировал «Социал-Демократ» и был редактором «Правды» в 1914 и 1917 годах. 3. Зиновьев Г.Е. — работал с Лениным в редакции «Социал-Демократа», вел с ним обширную переписку. 4. Бухарин Н.И. — редактор «Правды» с 1918 года.

Все указанные лица хорошо знали ленинские работы и их автора, его взгляды и образ мыслей, специфические особенности его индивидуального стиля и т.п. Все четверо редактировали его статьи и вели с ним переписку. И, наконец, все были **не** заинтересованы в том, чтобы «традиционная» версия утверждалась в истории.

Достаточно назвать эти четыре фамилии, добавив к ним, при желании, десятки, если не сотни членов ЦК — старых большевиков, хорошо знавших Ленина и никогда не оспаривавших подлинность «Завещания», чтобы все стало на свое место.

Прочитую лишь одного из указанных экспертов — Сталина, который, в сравнении с другими, обладал еще одним преимуществом: он был лучше других информирован. Свои источники информации были у него в секретариате Ленина, среди медперсонала и личной охраны Владимира Ильича. Так что о ходе болезни Ленина и о его занятиях он знал лучше других.

В октябре 1927 года, в речи на Объединенном пленуме ЦК и ЦКК, публиковавшейся миллионными тиражами, Сталин сказал: «Говорят, что в этом “Завещании” тов. Ленин предлагает съезду обдумать вопрос о замене Сталина на посту генсека другим товарищем. Это совершенно верно. Давайте прочтем это место, хотя оно и читалось раньше на пленуме несколько раз. Вот оно: “Сталин слишком груб, и этот недостаток, вполне терпимый в среде и общении между нами, коммунистами, становится нетерпимым в должности генсека. Поэтому я предлагаю товарищам обдумать способ перемещения Сталина с этого места и назначить на это место другого человека, который во всех других отношениях отличается от тов. Сталина только одним перевесом, именно, более терпим, более

лоялен, более вежлив и более внимателен к товарищам, меньше капризности и т.д.»¹.

Документ, к которому мы еще не раз вернемся, процитирован абсолютно точно. Сталин мог оспаривать эти характеристики, что он и делал, но никогда не отрицал подлинности данной ленинской записи. А уж тем более не иронизировал, как это делает Сахаров, по поводу «логического сбоя» в «Письме к съезду» и не объявлял его историческим фантомом: мол, «оно есть, но его нет»². **Оно есть.**

Что касается пробелов в «Дневнике дежурных секретарей», которые, по мнению Сахарова, лишают его «ценности как исторического источника», и несоответствия дневниковых записей реальной работе, проделанной Лениным, то причины их очевидны.

Приведенные выше — указание Владимира Ильича Фотиевой 22 декабря («записка вне дневника»), письмо Фотиевой Каменеву о том, что диктовка 23-го попала к Сталину лишь по ошибке и должна оставаться секретной даже для членов Политбюро, настойчивое требование Ленина, зафиксированное Володичевой 24-го, тщательно хранить «абсолютную секретность» диктовок — все это выводило данные записи за рамки обычного делопроизводства и действительно изменяло характер ведения «Дневника», доступного более широкому кругу сотрудников аппарата Совнаркома.

Так, по поводу отсутствия записи о диктовке **4 января**, в которой говорилось о «перемещении» Сталина с поста генсека, Фотиева позднее объясняла: «Это было секретно. Поэтому я и не занесла»³.

С началом «секретных» диктовок, с 23 декабря, записи в «Дневнике» ведутся, как выразился Н.Д. Костин, — «в режиме самоцензуры»⁴. Когда речь идет о сугубо конфиденциальном, их вообще может не быть или сделаны они так, что содержание диктовок не раскрывается. Иногда записи сделаны «задним числом». Так, к примеру, после записи Володичевой о 23 января 1923 года Фотиева к «Дневнику» обращается лишь 30 января и фиксирует информацию за прошедшие дни — 24, 25, 26, 27, 29 и собственно 30 января. Упрекать секретарей в нарушении «режима реального времени», как это делает В.А. Сахаров,

¹ *Сталин ИВ.* Сб. Об оппозиции. Статьи и речи. 1921-1927 гг. М.-Л.: ГИЗ, 1928. С. 723; Ср.: *Ленин ВИ.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 346.

² См.: *Сахаров ВА.* «Политическое завещание» Ленина. С. 407, 410, 418.

³ «Московские новости», 23 апреля 1989 года, с. 9.

⁴ См.: *Костин НД.* Ленин и Крупская против Сталина. С.87.

конечно, можно, но никак не в «подделке» документа. Ибо подобного рода заполнение пропусков «задним числом» как раз и является характерной особенностью дневников как исторического источника вообще.

Когда же диктуются статьи, предназначенные для печати, это фиксируется в «Дневниках», как правило, в обычном порядке, может быть, даже более подробно, чем прежде. Валентин Сахаров сетует на избыточность информации сугубо личностного, «мемуарного характера», не имеющей, по его мнению, «никакой ценности для делопроизводства»¹ Что ж, скажем ленинским секретарям за это спасибо!

Итак, отсутствие записей о диктовках в «Дневнике дежурных секретарей» нисколько не опровергает сам факт данных диктовок. Тем более что при желании эти вполне объяснимые пробелы можно восполнить. И для этого существует надежнейший источник, который, даже при очень большом желании, никак не включить в документы «заговора» против Сталина.

Я имею в виду все тот же «Журнал дежурных врачей». Он заполнялся, как уже говорилось, медиками ежедневно, и его основное содержание связано с сугубо медицинской информацией: осмотры, консилиум, процедуры, назначения, анализы и т.п. Но есть в этом журнале и то, чего порой не хватает в «Дневнике дежурных секретарей».

Исследователей более всего беспокоит пробел в секретарских записях между 24 и 30 декабря. А вот что свидетельствует врач А.М. Кожевников: 25 декабря — «настроение в общем хорошее. Спокоен. Стенографистке диктовал 10 мин.»; 26 декабря — «настроение плохое, пессимистическое... Стенографистке диктовал 15 мин.»; 27 декабря — «В.И. диктовал стенографистке немного больше 15 мин.»; 28 декабря — «Вчера, когда стенографистка прочла ему продиктованное, то В.И. остался неудовлетворенным содержанием прочитанного. Диктовал стенографистке 20 мин. Читал 10 мин.»; 29 декабря — «диктовал стенографистке 2 раза по 10 мин.»; 30 декабря — «В течение дня В.И. 2 раза читал по 20 мин. и 2 раза диктовал по 15 мин. Первой своей диктовкой остался очень доволен, вторая не вполне клеилась, и это расстроило В.И.»; 31 декабря — «Два раза диктовал стенографистке и потом читал продиктованное. В.И. остался доволен своей работой». Далее идут аналогичные заметки за 1, 2, 3 января. И наконец, 4 января 1923 года — о дне той самой диктовки, которую выше цитировал Сталин: «Днем спал

¹ См.: Сахаров В.А. «Политическое завещание» Ленина. С. 72, 73.

полтора часа. Проснулся в гораздо лучшем настроении, чем было утром. 2 раза диктовал и читал»¹. Таким образом, факт диктовок Ленина именно в те дни, которые были пропущены в «Дневнике дежурных секретарей», подтверждены «Журналом дежурных врачей» полностью.

Положению Фотиевой и Володичевой в это время никак нельзя позавидовать. С одной стороны — преданность Владимиру Ильичу и чувство огромной ответственности. С другой — партийная дисциплина, жестко контролируемая Сталиным и определяющая, что дозволено и чем не должен заниматься Ленин. Эта ситуация постоянно создавала проблемы.

Помня о так называемом «грузинском деле», Владимир Ильич спрашивает Володичеву: «Был ли этот вопрос в Политбюро. Я ответила, — пишет Володичева, — что не имею права об этом говорить». Вроде бы на том и кончен разговор. Ан нет. Не тот был собеседник. «Спросил: “Вам запрещено говорить именно и специально об этом?”». “Нет, вообще я не имею права говорить о текущих делах”. “Значит, это текущее дело”. Я поняла, что сделала оплошность»².

29 января Сталин спрашивает Фотиеву, — «не говорю ли Владимиру Ильичу что-нибудь лишнего, откуда он в курсе текущих дел? Например, его статья об РКИ указывает, что ему известны некоторые обстоятельства. Ответила — не говорю и не имею никаких оснований думать, что он в курсе дел»³.

Запись о реорганизации РКИ («Что нам делать с Рабкрином?»), непосредственно связанную с «Письмом к съезду», Ленин стал диктовать 9 и 13 января 1923 года. Поначалу он полагал, что этот документ, как и другие документы, он сам внесет на обсуждение XII съезда РКП(б)⁴. Однако ход болезни не давал твердой уверенности в том, что он сможет осуществить свой план. И тогда Владимир Ильич решает опубликовать их в виде статей до съезда.

19, 20, 22 и 23 января он диктует и редактирует окончательный вариант статьи «Как нам реорганизовать Рабкрин (Предложение XII съезду партии)» и 23-го, около 15 часов, через Марию Ильиничну передает ее редактору «Правды» Бухарину. О том, как разворачиваются события дальше, существует две версии: одна принадлежит Троцкому, вторая — Куйбышеву.

23 октября Троцкий пишет членам ЦК и ЦКК: «Т. Бухарин не решался печатать статью т. Ленина, который со своей сто-

¹ РГАСПИ. Ф. 16. Оп. 2. Ед. хр. 12. Л. 116, 117, 118, 119, 120, 121, 122, 123.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 479.

³ Там же. С. 477.

⁴ Там же. С. 484.

роны, настаивал на ее немедленном помещении. Н.К. Крупская сообщила мне об этой статье по телефону и просила вмешаться в целях скорейшего печатания статьи. На немедленно созванном по моему предложению Политбюро все присутствовавшие: т. Сталин, Молотов, Куйбышев, Рыков, Калинин, Бухарин были не только против плана т. Ленина, но и против самого напечатания статьи. Особенно резко и категорически возражали члены Секретариата. Ввиду настойчивых требований т. Ленина о том, чтобы статья была ему показана в напечатанном виде, т. Куйбышев... предложил отпечатать в одном экземпляре специальный номер “Правды” со статьей т. Ленина для того, чтобы успокоить его, скрыв в то же время статью от партии. Я доказывал, что предложенная т. Лениным радикальная реформа прогрессивна сама по себе, — при условии, что, разумеется, ее правильного осуществления... Меня поддержал только т. Каменев, явившийся с опозданием почти на час на заседание Политбюро. Главным аргументом, склонившим к напечатанию письма, был тот довод, что ленинской статьи от партии все равно не скроешь»¹.

В связи с тем, что этот эпизод (под крики «Позор!») всплыл в ходе партийной дискуссии, Валерьян Куйбышев, в письме Комиссии Хамовнической партконференции, предложил 23 февраля 1924 года свою версию: «До заседания Политбюро, когда еще не все члены Политбюро собрались и заседание еще не открылось, в кабинет т. Сталина входили постепенно один за другим члены ПБ и бегло знакомились со статьей Влад. Ильича по корректурному оттиску, принесенному т. Бухариным... У меня лично вначале сложилось впечатление, что усилившаяся к тому времени болезнь Влад. Ильича отразилась на статье. Это впечатление усиливалось нервным настаиванием т. Ленина и нажимом на т. Бухарина, чтобы статья во что бы то ни стало была помещена в завтрашнем номере и ему показана. Между тем обращалось внимание на некоторые отдельные места статьи, которые, будучи взяты обособлено, были непонятны и казались странными: раскол партии, лучший наркомат НКВД, детальное определение количества служащих РКИ и т.д.

...Оттиск статьи Ильича ходил из рук в руки, раздавались отдельные реплики (я помню, например, реплику т. Троцкого — “почему НКВД лучший наркомат?”), высказывались летучие отзывы и предложения. В этой нервной обстановке, создавшейся благодаря опасениям за здоровье Ильича, у меня,

¹ Известия ЦК КПСС. 1989. № 11. С. 181.

повторяю, не ознакомившегося по-настоящему со статьей в целом, мелькнула мысль: «Если Ильич болен и в статье эта болезнь отразилась, и если Ильичу необходимо показать эту статью напечатанной, то не набрать ли специальный номер «Правды?»» Эту мысль я высказал. Но это были летучие мысли вслух. Я сразу же от этой мысли отказался... Когда статья была прочитана, я не только не сделал такого предложения, но даже и мысли такой не возникло больше, так как все сомнения рассеялись как дым — из-за статьи чувствовался здоровый Ильич — и я высказался за немедленное опубликование статьи»¹.

Итак, 23 января Ленин завершил работу над статьей «Как нам реорганизовать Рабкрин». 24-го Каменев зачитал ее на Политбюро. 25-го января статья публикуется в «Правде». Казалось бы, все хорошо. Но если читатель критически отнесется как к претензии Троцкого на роль «защитника» Владимира Ильича, так и к заверениям Куйбышева о всеобщем «одобрямсе», если усомнится в этом — он будет прав.

Обе версии достаточно точно отражают ту сумятицу, которую породила ленинская статья. Более всего насторожило упоминание о возможности раскола. Тем более что некоторые члены Политбюро уже знали о «Письме к съезду», где также говорилось о подобного рода опасности. Эту проблему они восприняли сугубо персонифицировано. И более того, как отметил Куйбышев, боялись, что поползут слухи о том, что существуют «неизвестные членам партии конкретные разногласия внутри Политбюро...»²

«Именно поэтому, — разъяснял Сталин 4 марта 1924 года, — и было принято Политбюро не одно, а два решения: а) немедля сдать в печать статью Ильича; б) разослать всем местным организациям письмо ЦК за подписями всех наличных членов Политбюро и Оргбюро с разъяснением о том, что нет оснований опасаться раскола в партии и ЦК. Это письмо было в тот же день отправлено организациям в шифрованном виде»³.

Об обсуждении статьи на заседании ЦК Ленин не знал. Фотиева сказала ему, что ей это неизвестно. Но что-то из разговоров, происходивших там, вероятно, дошло до Владимира Ильича. Бухарин, например, вполне мог проговориться Марии Ильиничне о том, что в связи с ленинской статьей как-то упоминалось «Письмо к съезду». Во всяком случае, именно

---

¹ Известия ЦК КПСС. 1989. № 11. С. 189.

² Там же. С. 188.

³ Там же. С. 192.

в этот день, 24 января, Ленин сказал Фотиевой: «Прежде всего по нашему “конспиративному” делу: я знаю, что Вы меня обманываете». На мои уверения в противном, пишет Лидия Александровна, он сказал: «Я имею об этом свое мнение»¹.

Что же касалось шифровки, посланной во все губкомы и обкомы РКП(б) (не в тот же день, 24-го, как указано Сталиным, а 27 января 1923 года), то в ней действительно подчеркивалось, что «во внутренней работе ЦЕКА совершенно нет таких обстоятельств, которые давали бы какие бы то ни было основания для опасения “раскола”».

Авторы этого коллективного «разъяснения» всячески акцентировали внимание партийного актива на том, что Ленин тяжело болен, что он не только не принимает участия в заседаниях Политбюро, но ему не посылают и протоколов, что ему запрещено даже чтение газет, ибо врачи предписали Ильичу «абсолютный покой». Иными словами, давалось понять, что реального положения дел в стране и в партии он не знает и знать не может.

В письме указывалось, что врачи сочли возможным разрешить Ленину, «ввиду невыносимости для него полной умственной бездеятельности, вести нечто вроде дневника, куда он заносит свои мысли по разным вопросам, причем части этого дневника, по указанию самого тов. Ленина, появляются на страницах печати». Говоря грубее, речь идет не о конкретных предложениях предстоящему XII съезду партии, не о безотлагательной «политической реформе», а всего лишь об «общих соображениях и трудностях», которые могут возникнуть «в предстоящую историческую эпоху». И все это — на почве «невыносимости для него полной умственной бездеятельности...»

В конце данного «строго секретного» письма, «во избежание возможных недоразумений», выражалась уверенность, что «губкомы не замедлят правильно ориентировать партийные организации». Далее следовали подписи по алфавиту «наличных членов Политбюро и Оргбюро ЦК РКП: Андреев, Бухарин, Дзержинский, Калинин, Каменев, Куйбышев, Молотов, Рыков, Сталин, Томский, Троцкий»².

И напрасно Юрий Иванов в своей книге «Чужой среди своих» утверждает, что подпись Троцкого была «явно фальсифицирована Сталиным». Нет, не фальсифицирована. Подписал Лев Давыдович... Как и Николай Иванович Бухарин, как и Рыков, как и Каменев, как и Дзержинский. Документ заверен пе-

¹ См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 477, 478.

² См.: Известия ЦК КПСС. 1989, № 11. С. 179, 180.

чатку и подписью техсекретаря Политбюро М. Бураковой, он не раз упоминался в ходе дискуссии 1924 года и никто никаких опровержений по этому поводу не давал¹.

При всей сдержанности письмо это, по сути своей, являлось достаточно жестким. Причина — вполне очевидна. Надо было «подстраховаться» на будущее. Независимо от того, знали в этот момент члены руководства о «характеристиках» в «Письме к съезду» или нет, они нисколько не сомневались в том, что Ленин сумеет обойти любые препоны для того, чтобы довести свои предложения до партийного съезда. И повод для опасений был.

Именно 24 января Владимир Ильич поручил Фотиевой «запросить у Дзержинского или Сталина материалы комиссии по грузинскому вопросу...» О том, что на 25-е этот вопрос поставлен на Политбюро, что все уже сговорено, «он, — как отмечает Фотиева, — по-видимому, не знал». 25 января Политбюро обсудило доклад комиссии и утвердило ее предложения. Так что «вопрос» был улажен. Поэтому запрос Ленина, который, как мы знаем, так или иначе затрагивал Сталина, Дзержинского, Рыкова, Орджоникидзе и других, был совсем нехстати².

С запросом о материалах комиссии по грузинскому вопросу Лидия Александровна обратилась к Дзержинскому. Феликс Эдмундович ответил, что «материалы у Сталина», а Сталин 29-го позвонил и заявил, что «материалы без Политбюро дать не может». Узнав об этом 30 января, Владимир Ильич сказал Фотиевой, что «будет бороться за то, чтоб материалы дали». Но уже 1 февраля — через 4 дня после того, как шифровка ушла в губкомы, Фотиева сообщила Ленину, что Политбюро «разрешило материалы получить»³.

29 января у Владимира Ильича состоялся разговор с врачом и «на его вопрос, сможет ли он выступить на съезде 30 марта, доктор ответил отрицательно, но обещал, что к этому сроку он встанет, а через месяц ему будут разрешены газеты». Фотиева пишет, что Ленин рассмеялся и сказал по поводу документов грузинской комиссии: «“Это ведь не газеты, значит, я могу и сейчас читать”». Настроение, по-видимому, недурное⁴. И, может быть, как раз оттого, что прав он оказался, когда решил готовить не выступление на XII съезде, а, по возможно-

---

¹ См.: *Иванов Ю.М.* Чужой среди своих (Последние годы жизни Ленина). М., 2003. С. 95.

² См.: *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 470, 477, 606.

³ Там же. С. 477, 478.

⁴ Там же. С. 477, 478.

сти, изложить свои предложения до съезда в продиктованных статьях и письмах.

После публикации «Как нам реорганизовать Рабкрин» Владимир Ильич заметно повеселел. Володичева после встречи с Лениным 2 февраля записывает: «Не видела с 23-го января. По внешнему виду значительная перемена к лучшему: свежий, бодрый вид. Диктует, как всегда, превосходно: без остановки, очень редко затрудняется в выражениях, вернее, не диктует, а говорит жестикулируя»¹.

Напрашивается вопрос: существовала ли какая-то связь между диктовками и самочувствием Владимира Ильича или, по крайней мере, его настроением? Если судить по записям врачей за декабрь 1922 — март 1923 года, то существовала. Причем самая непосредственная и безусловно положительная. Судите сами...

После 16 декабря, все дни подряд, общее состояние Ленина ухудшается: «бессонница», «голова тяжелая», «настроение плохое», «писать может только крайне медленно, причем буквы очень мелкие», но пока «речь не расстроена».

23-го, как указывалось выше, самочувствие еще более ухудшилось, но он настоял на диктовке «Письма к съезду». Врачи отмечают: «После этого В.И. значительно успокоился». Запись следующего дня, после продолжения диктовки: «Спал хорошо и объясняет это В.И. тем, что ему дали возможность продиктовать свои мысли. Голова не болит». После диктовок 25-го и 26-го: «Настроение в общем хорошее. Голова не болит»².

С 1 января, когда диктовал он ежедневно — «был весел, много смеялся, шутил». 21 января Ленин не диктовал — стала побаливать голова. 22-го проснулся в 5 утра «в плохом настроении. Разошлись нервы. Был очень расстроен, что не мог снова заснуть». Позднее позвал стенографистку. «Диктовка удалась и В.И. очень доволен». И днем «вид у него был довольно бодрый и неутомленный... В.И. оживлен, много разговаривал и шутил»³.

Перепады настроения, как видим, были. И причины были разные. 10 января ни с того, ни с сего начались острые приступы межреберной невралгии. Малейшее движение, даже глубокий вздох, отдавали ужасными болями в левом боку. Сразу разболелась голова, «лицо озабоченное, беспокойное, настроение очень плохое». Впрочем, с этой болячкой вра-

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 478.

² См.: РГАСПИ. Ф. 16. Оп. 2. Ед. хр. 12. Л. 113, 114, 117.

³ Там же. Л. 134.

чи управились довольно скоро. И он успел даже в этот день 2 минуты диктовать, а потом и спал хорошо и весь следующий день настроение было хорошим и веселым, хотя боль в боку еще давала о себе знать¹.

Иногда настроение портилось оттого, что не ладилась работа. 30 декабря, как уже рассказывалось выше, он дважды диктовал Володичевой письмо «К вопросу о национальностях...». Вторая диктовка, как отметил Кожевников, — «не вполне клеилась и это расстроило В.И. К вечеру настроение стало значительно хуже... Сразу не мог заснуть». Но уже 31-го «был в гораздо лучшем настроении», ибо после двух новых диктовок «остался доволен своей работой»².

Увы, эту диктовку — «К вопросу о национальностях или об “автономизации”» постигла та же участь, что и предыдущие. Расшифровывая эту запись, резко критиковавшую позицию Сталина, Володичева наткнулась на слово «держиморда» и когда «разобралась, ужаснулась, ужаснувшись, перестала печатать».

Она сообщила об этом Фотиевой. Та сразу же позвонила Сталину: «Товарищ Сталин, Владимир Ильич только что закончил письмо политического характера, в котором обращается к съезду. Я считаю нужным передать его в ЦК». Сталин ответил: «Ну, передайте Каменеву». (Они тогда были вместе). Я так и сделала»³.

Кожевников считал, что в перепадах настроения Владимира Ильича существенную роль играет прежде всего «сознание, что болезнь наступила в высшей степени в неблагоприятный момент (съезд Советов и съезд союзных республик)». Но еще больше его беспокоил вопрос о том, сможет ли он принять участие в предстоящем партийном съезде. Именно эти проблемы, видимо, и являлись для него главными⁴.

Но были, впрочем, и другие причины — более «частного», более личностного характера. 11 февраля Ленина, как обычно, посетили Фёрстер, Крамер и Кожевников. По ходу разговора Кожевников заметил, что Владимир Ильич стал менее разговорчив «и, по-видимому, был доволен, что мы скоро ушли, хотя благодаря своей всегдашней деликатности, он старался поддерживать разговор и подробно расспрашивал профессора Фёрстера о его пребывании в Москве».

¹ См.: РГАСПИ. Ф. 16. Оп. 2. Ед. хр. 12. Л. 128.

² Там же. Л. 119, 120.

³ «Московские новости», 23 апреля 1989 года, с. 8, 9.

⁴ См.: РГАСПИ. Ф. 16. Оп. 2. Ед. хр. 12. Л. 119, 120; *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 477.

При долгой болезни между врачами и больным очень часто устанавливаются особые, доверительные отношения. Ленин, видимо, в какой-то мере полагался на это. Но в ходе беседы с Фёрстером, вновь прибывшим из Германии 3 февраля, он убедился в том, о чем прежде мог только догадываться: врачи докладывают Политбюро не только о ходе болезни, ее лечении, но и подробно обсуждают его занятия и разговоры.

Об этом на следующий день, 12 февраля, Мария Ильинична говорила с Кожевниковым: «После нашего посещения был очень расстроен. Он был бледен, а когда говорил, у него дрожали губы. М.И. предполагает, что расстроился В.И. тем, что из одной фразы Фёрстера он узнал, что мы имели собеседование с ЦК и таким образом узнали о чем и чем интересуется В.И. и что его озабочивает. М.И. сообщила, что в 7 часов [11 февраля] у В.И. было в течение 5 минут затруднение речи. Он не мог сказать то, что хотел и сам заявил: “Я не могу сказать то, что хочу, не нахожу слов” ... В 11 часов у В.И. разболелась голова»¹.

Запись 12-го: «Лицо у В.И. бледное, выражение лица грустное, нет в нем обычной приветливости, по-видимому В.И. чем-то расстроен. Во время разговора В.И. не сразу мог находить слова... Вообще память у В.И. стала по-видимому несколько хуже». При прощании с Фёрстером, уезжавшим на следующий день в Германию, «В.И. был менее любезен, чем обычно. Чувство обиды по-видимому продолжается»².

Этот же эпизод подробно записывает 12 февраля в «Дневнике дежурных секретарей» Лидия Александровна Фотиева: «Владимиру Ильичу хуже. Сильная головная боль... По словам Марии Ильиничны, его расстроили врачи до такой степени, что у него дрожали губы. Фёрстер накануне сказал, что ему категорически запрещены газеты, свидания и политическая информация.

На вопрос, что он понимает под последним, Фёрстер ответил: “Ну, вот, например, Вас интересует вопрос о переписи советских служащих”. По-видимому, эта осведомленность врачей расстроила Владимира Ильича. По-видимому, кроме того, у Владимира Ильича создалось впечатление, что не врачи дают указания Центральному Комитету, а Центральный Комитет дал инструкции врачам»³.

И основания для этого были. Ведь еще 3 февраля, в день своего приезда, Фёрстер наговорил Ленину «много прият-

¹ РГАСПИ. Ф. 16. Оп. 2. Ед. хр. 12. Л. 148.

² Там же. Л. 149.

³ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 485.

ных вещей, разрешил гимнастику, прибавил часы для диктовки статей...». 9-го Фёрстер заявил, что «склоняется к тому, чтобы разрешить ему свидания раньше газет». И вдруг, буквально через день, опять — ни свиданий, ни газет.

Впрочем, периодичность перепадов в состоянии Владимира Ильича учащается. Еще 7 февраля Кожевников говорил Фотиевой, что в здоровье Ленина отмечено «громдное улучшение», а уже 10-го она записывает: «Вид усталый, говорит с большим затруднением, забывая мысль и путая слова»¹.

«Эпизод» с Фёрстером 11-го еще более усугубляет положение. Расстройство речи усиливается. Именно в эти дни у Владимира Ильича наблюдается тремор правых конечностей и сильнейший озноб, от которого не спасают два одеяла². Но уже на следующий день после отъезда Фёрстера, 14 февраля, Ленин заявил врачам, что «сегодня он чувствует себя совершенно здоровым. Голова легкая, совершенно свежая... Настроение хорошее. В.И. сказал, что он не ожидал такой перемены и уже готов был впасть в пессимизм, сегодня же верит, что может поправиться»³.

В разговоре с Фотиевой, состоявшемся в тот же день, Владимир Ильич был более сдержан: «Сказал, что он совершенно здоров. Что болезнь его нервная и такова, что иногда он совершенно бывает здоров, т.е. голова совершенно ясна, иногда же ему бывает хуже. Поэтому с его поручениями мы должны торопиться... Если же мы затайем и тем загубим дело, то он будет очень и очень недоволен». Ибо он намерен «непрерывно провести кое-что к съезду и надеется, что сможет»⁴.

«В те дни, — вспоминала Мария Ильинична, — когда работа клеилась лучше и Владимир Ильич видел результаты ее, он бывал в лучшем настроении, шутил и смеялся. Но и в это время Владимир Ильич был занят не только записями... Он был занят и текущими делами, старался влиять и на них»⁵. Он концентрирует внимание на нескольких вопросах. Фотиева записывает их как раз накануне нового 1923 года.

1. О Центросоюзе и его значении с точки зрения НЭПа.

2. О соотношении Главпроффорба с общепросветительской работой в народе.

3. О национальном вопросе и об интернационализме (в связи с последним конфликтом в грузинской партии).

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 383, 485.

² РГАСПИ. Ф. 16. Оп. 2. Ед. хр. 12. Л. 150.

³ Там же. Л. 151.

⁴ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 485.

⁵ В.И. Ленин. Биографическая хроника. Т. 12. С. 577.

4. О новой книге статистики народного образования, вышедшей в 1922 г.»¹.

После публикации 2 и 4 января 1923 года «Страничек из дневника», где Ленин обстоятельно анализирует книгу «Грамотность в России. М., 1922. ЦСУ. Отдел статистики народного образования», после завершения 6 января работы над статьей «О кооперации» и опубликования в «Правде» 25 января статьи «Как нам реорганизовать Рабкрин (предложение XII съезду партии)» перечень тем несколько меняется.

7 февраля Фотиева вновь записывает наиболее интересные Владимира Ильича вопросы: 1. Перепись совслужащих, проведенная ЦСУ в Москве и Петрограде в конце 1922 года; 2. Материалы комиссии Политбюро по «грузинскому вопросу»; 3. Отношение коллегии НК РКК к плану реорганизации Рабкрин; 4. Соотношение деятельности Главпрофорба с общепросветительской работой в народе².

Что касается переписи совслужащих, то Ленина волновал вопрос о том, когда и как будут преподнесены ее результаты. «...Его заботит, — записала Фотиева, — будут ли напечатаны таблицы в таком виде, как это нужно», т.е. чтобы не затушевывали при подведении итогов того несомненного факта, что при всех чрезвычайных чистках и сокращениях госаппарата, число чиновников непрерывно возрастает³.

Фотиева отметила, что для получения корректуры данного статистического сборника необходимо разрешение Сталина. Решили пойти в обход. Ленин «согласился с моим предложением, — записывает Лидия Александровна, — провести поручение о проверке через Каменева или Цюрупу. Поручение дать Кржижановскому и Свидерскому».

Главная задача, которую с самого начала поставил Владимир Ильич: «ввиду особенной важности этой переписи материалы должны быть опубликованы, несмотря на то, что данные предыдущих переписей не опубликовывались...». При этом особо указывалось, что «Владимир Ильич хотел бы их видеть в печати до партийного съезда...»⁴

Относительно Рабкрин Ленина интересовало — готовы ли члены коллегии РКК теперь, после публикации 25 января его статьи, сделать, как он выразился, «шаг государственной важности», т.е. приступить к подготовке реформы госаппарата, или же они станут ждать съезда. Фотиеву спросил: соглас-

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 592.

² Там же. С. 483, 484.

³ Там же. С. 481, 484.

⁴ Там же. С. 481, 484.

ны ли вообще Цюрупа, Свидерский, Аванесов, Реске и другие члены коллегии РКИ с его статьей? И еще спросил: «Не колеблется ли Цюрупа, не старается ли оттянуть, откровенно ли говорит со мной? Я сказала, что не имела пока возможности говорить с ним...»

Вне зависимости от этого, Владимир Ильич попросил передать Александру Дмитриевичу, что сейчас он работает над статьей «Лучше меньше, да лучше», в которой еще раз вернется к реформе РКИ и обязательно покажет ее Цюрупе до сдачи в печать. Главное же, для себя Ленин твердо решил, что «вопрос о Рабоче-крестьянской инспекции он внесет на съезд»¹.

Вопрос о соотношении деятельности Главпрофобра с общепросветительской работой в массах Ленин много раз обговаривал с Крупской и, в конце концов, попросил ее написать об этом статью, пообещав свое послесловие. По словам Надежды Константиновны, его основная мысль сводилась к тому, что необходимо широкую производственную пропаганду, которой занимался Главпрофобр, тесно связать с ликвидацией неграмотности и общими задачами повышения уровня культуры народа.

Ленин считал, что нельзя рассматривать проблемы культуры как нечто изолированное, вне времени и пространства. Безусловно, культура вырастает на базе определенного экономического уровня развития страны, зависит от ряда других факторов и, в особенности, от существующего политического уклада. Она увязана со всеми сторонами жизни: от культуры управления госаппарата, до производительности труда.

«На II съезде политпросветчиков, — писала Крупская, — он говорил, что раз назвались политпросветчиками, то вам до всего должно быть дело. В стране процветает взяточничество. Если вы действительно политпросветчики, если вы по-настоящему поднимаете культуру, то вы должны поставить себе задачей борьбу со взяткой. Он говорил не об административной борьбе со взяткой, а о такой борьбе, когда создается определенное общественное мнение, которое делает невозможной эту взятку. Эту увязку со всеми сторонами жизни Владимир Ильич неустанно подчеркивал».

Крупская написала статью «База культуры». Ленин прочел ее и своей приписки-послесловия делать не стал, а посоветовал закончить обращением к рабочим и крестьянам о том, чтобы они сами брались за дело ликвидации неграмотности.

---

¹ См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 483, 484.

«Вспоминается мне, — пишет Крупская, — один разговор с Владимиром Ильичем, когда он был болен. Я прихожу и рассказываю, что я прочитала в одном американском журнале, что американцы собираются к такому-то году [1927 — ВЛ] ликвидировать всю неграмотность. А когда мы ликвидируем — это неизвестно. Он говорит: “Мы можем к тому же сроку ликвидировать, только при том условии, если массы возьмутся”. Это “если массы возьмутся” характерно для всей точки зрения Владимира Ильича. Он смотрел на массы как на главнейший движущий фактор, который создаст нечто свое»¹.

Самым сложным из того перечня, который продиктовал Фотиевой Ленин, оказался «грузинский вопрос», ибо по нему уже состоялись решения сначала Оргбюро (21 декабря 1922 года), а затем Политбюро ЦК (13 января 1923 года), одобдившие доклад комиссии Держинского и постановившие отозвать из Грузии Ф.И. Махарадзе, П.Г. Мдивани, С.И. Кавтарадзе и К.М. Цинцадзе. «Смена эта, — указывалось при этом в постановлении Политбюро, — ни в коем смысле не лишает доверия в глазах ЦК тех товарищей, которые... переведены на работу вне Грузии»².

О проступке Серго Орджоникидзе, в пылу спора захватившего по физиономии А. Кабахидзе, обозвавшего его «сталинским ишаком», в решении даже не упоминалось. И, судя по всему, ни Серго, ни Коба на выводы комиссии в обиду не были. Во всяком случае Рождество 1923 года они вместе с Держинским встречали на квартире у Рыкова. А присутствовавшего там известного пианиста Давида Шора более всего поразило то, как Держинский танцевал перед «кавказцами» лезгинку³.

В позитивном решении «грузинского вопроса», как мы знаем, был лично заинтересован ряд влиятельнейших членов партийного руководства. Но Ленин из этого сделал лишь один вывод: для объективного решения необходимо заново провести тщательнейший анализ всех обстоятельств и документов, связанных с данным делом. И эту работу 24 января он поручает Фотиевой, Гляссер и Горбунову, не скрывая от них, что требуется это Владимиру Ильичу «для партийного съезда»⁴.

¹ В.И. Ленин. Биографическая хроника. Т. 12. С. 591; Крупская Н.К. О Ленине. Сб. статей и выступлений. Изд. 4-е. М., 1979. С. 58, 60.

² Известия ЦК КПСС. 1990. № 9. С. 148.

³ См.: Николаевская Е. Жизнь не имеет жалости. Письма 1922-1935 гг. М.: РОССПЭН, 2005. С. 13.

⁴ См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 476.

При этом, пишет Мария Гляссер, — «он взял с нас слово держать все в строжайшей тайне до окончания работы... Именно потому, что он был болен и страшно подозрителен — ему все время казалось, что с ним уже не считаются (я так думаю), обмануть его доверие было для нас невысказано»¹.

1 февраля 1923 года, узнав, что Политбюро разрешило, наконец, выдать материалы комиссии Дзержинского, Ленин диктует Фотиевой те вопросы, на которые он хотел бы получить четкие ответы.

«За что старый ЦК КП Грузии обвинили в уклонизме... Что им вменялось в вину, как нарушение партийной дисциплины...

За что обвиняют Заккрайком в подавлении ЦК КП Грузии... Физические способы подавления («биомеханика»)...

Отношение комиссии. Рассматривала ли она только обвинения против ЦК КП Грузии или также и против Заккрайкома? Рассматривала ли она случай биомеханики...

Настоящее положение (выборная кампания, меньшевики, подавление, национальная рознь)».

И еще один вопрос: попробовать сопоставить линию ЦК РКП(б) в данном вопросе «в отсутствие Владимира Ильича и при Владимире Ильиче».

Договорились, что Фотиева, Гляссер и Горбунов, во избежание какого-либо субъективизма, изучат все материалы комиссии, а потом составят общий обзор и сведут воедино свои выводы по тем вопросам, которые поставил и еще будет ставить Ленин. Дав необходимые рекомендации, Владимир Ильич заметил: «Если бы я был на свободе (сначала оговорился, а потом повторил, смеясь: если бы я был на свободе), то я легко бы все это сделал сам»².

Поначалу предполагали, что на всю эту работу уйдет недели четыре. Но уже 3 февраля Ленин сократил сроки: «Я думаю, — сказал он, — что Вы сделаете Вашу реляцию недели через три и тогда я обращусь с письмом». 5-го, обсуждая с Гляссер ход работы над материалами комиссии, «Владимир Ильич стал рассчитывать, сколько осталось времени до съезда. Когда я сказала, что осталось месяц и 25 дней, он сказал, что это срок, пожалуй, достаточный, но если понадобятся дополнительные сведения, то может оказаться малым, тем более если принять во внимание то соображение, что до Кавказа ехать еще больше... Сказал, что в случае нужды мы можем привлечь

¹ Известия ЦК КПСС. 1990. № 9. С. 163.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 478.

к работе Володичеву и Шушанику Манучарьянц». То есть бороться по данному вопросу он собирался всерьез¹.

То, чем занимался Ленин и его помощники, для членов Политбюро не было секретом. И на сей раз, не дожидаясь ленинского письма или статьи, они решают упредить его. 5 февраля ЦК РКП(б) направляет всем губкомам и обкомам партии секретное письмо, в котором соответствующим образом информирует и оценивает конфликт в Компартии Грузии.

На следующий день, 6-го, Сталин поручает ленинским секретарям доложить Владимиру Ильичу о содержании данного письма. А когда Мария Гляссер спрашивает, следует ли это сделать до доклада Ленину по «грузинскому вопросу», который ему представят недели через три, Сталин ответил, что вопрос этот теперь решается просто: сообщение о письме ЦК надо включить в готовящийся доклад².

Поскольку информацию, ушедшую на места, Ленин считал неполной и односторонней, он предпринимает весьма осторожные шаги для того, чтобы его позиция также стала известна партийному активу. 14 февраля вечером он вызывает Фотиеву. «Затруднялся речью, — пишет она, — видимо, устал. Говорил опять по трем пунктам своих поручений. Особенно подробно по тому, который его всех больше волновал, т.е. по грузинскому вопросу. Просил торопиться. Дал некоторые указания».

Эти указания Фотиева тоже записала: «намекнуть Сольцу (член Президиума ЦКК РКП(б) — *ВЛ*), что он (*В.И. Ленин — ВЛ*) на стороне обиженного. Дать понять кому-либо из обиженных, что он на их стороне.

3 момента: 1. Нельзя драться. 2. Нужны уступки. 3. Нельзя сравнивать большое государство с маленьким.

Знал ли Сталин? Почему не реагировал?

Название «уклонисты» за уклон к шовинизму и меньшевизму доказывает этот самый уклон у великодержавников³.

Даже если бы Ленин и не написал до этого, в канун нового года, своего письма «К вопросу о национальностях или об «автономизации»», то и приведенный выше краткий текст достаточно точно фиксирует позицию Владимира Ильича по так называемому «грузинскому вопросу».

Поскольку о всей этой работе «тройка» членов Политбюро была осведомлена, с публикацией съездовских тезисов Ста-

¹ См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 480.

² См.: В.И. Ленин. Биографическая хроника. Т. 12. С. 579, 580; РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 32. Л. 4; Д. 277; Ф. 17. Оп. 3. Д. 341. Л. 6, 9-15.

³ См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 485, 486, 607.

лина по национальному вопросу решили не торопиться. И 21 февраля Пленум ЦК постановил: «Тезисы не публиковать, сообщив их т. Ленину (с разрешения врачей). Если т. Ленин потребует пересмотра тезисов, собрать экстренный пленум».

А через два дня М.В. Фрунзе внес на пленум свои предложения и замечания по сталинским тезисам. Документ этот передали в специальную комиссию, в которую вошли Каменев, Сталин, Фрунзе, Раковский, Томский, Рыков, Рудзутак, Рахимбаев (Туркеста) и Сокольников.

8 марта, на совещании Каменева, Зиновьева, Сталина, состоявшемся на квартире у Троцкого, приняли предложение Сталина: поскольку, «по мнению врачей, свидания с т. Лениным пока еще невозможны», а «без просмотра т. Лениным тезисы эти не могут быть опубликованы, причем не исключено, что т. Ленин, может быть, не одобрит некоторые важные пункты тезисов, в виду чего, возможно, придется созвать экстренный пленум для окончательного принятия тезисов» — в силу указанных причин перенести созыв съезда с 30 марта на 15 апреля 1923 года. Это решение и было принято Политбюро¹.

С 15 февраля по 4 марта, как уже отмечалось, записи в «Дневнике дежурных секретарей» не велись. Можно лишь предполагать, что Ленину окончательно надоело то, что каждый его шаг П пленум ЦК решает систематически информировать секретарей губкомов о состоянии здоровья Ленина, а 1 марта Политбюро ЦК поручает Енукидзе договориться с профессором Крамером об «интервью о здоровье Владимира Ильича для печати»².

Даже если указанные решения диктовались самыми благими пожеланиями, вряд ли они могли понравиться Ленину. Он готовился обратиться к партии по судьбоносным вопросам ее жизни, а партию ориентировали на интерес к его болезни, температурным листам и результатам анализов.

Между тем, и в пропущенные в «Дневнике» дни Ленин продолжал работать. Записи медиков позволяют установить, что 18, 19, 20, 27 февраля и 2 марта днем или вечером он беседовал с Фотиевой, много читал. 22 февраля и 2 марта закончил диктовку Володичевой статьи «Лучше меньше, да лучше».

А уже 3 марта он получает от Марии Ильиничны корректуру этой статьи из «Правды» и, наконец-то, докладную запис-

¹ См.: Жуков Ю.Н. Обратная сторона НЭПа. Экономика и политическая борьба в СССР 1923-1925 гг. М., 2014. С. 36, 37, 54, 55.

² См.: В.И. Ленин. Биографическая хроника. Т. 12. С. 585, 588.

ку и заключение Фотиевой, Гляссер и Горбунова о материалах комиссии Политбюро ЦК по «грузинскому вопросу». И Ленин прямо говорит Фотиевой, что и свое письмо об «автономизации» он намерен опубликовать как статью, но сделает это несколько позже, т.е. накануне съезда¹.

Видимо, где-то в эти дни у Владимира Ильича состоялся примечательный разговор с сестрой. «Раз утром, — пишет Мария Ильинична, — Сталин вызвал меня в кабинет В.И. Он имел очень расстроенный и огорченный вид: “Я сегодня всю ночь не спал, — сказал он мне. За кого же Ильич меня считает, как он ко мне относится! Как к изменнику какому-то. Я же его всей душой люблю. Скажите ему это как-нибудь”. Мне стало жаль Сталина. Мне казалось, что он так искренне огорчен.

Ильич позвал меня зачем-то, и я сказала ему, между прочим, что товарищи ему кланяются. “А”, — возразил В.И. “И Сталин просил передать тебе горячий привет, просил сказать, что он так любит тебя”. Ильич усмехнулся и промолчал. “Что же, — спросила я, — передать ему и от тебя привет?” “Передай”, — ответил Ильич довольно холодно. “Но, Володя, — продолжала я, — он все же умный, Сталин”. “Совсем он не умный”, — ответил Ильич решительно и поморщившись².

Эта реплика требует комментариев, как, впрочем, часто требуют пояснений слова, сказанные в доверительной беседе между близкими людьми.

Известнейший и умнейший наш философ Эвальд Ильенков, выросший в старобольшевистском окружении, как-то задал мне вопрос. Он слышал от стариков о том, что, характеризуя какого-то деятеля, слывшего умником и эрудитом, Ленин якобы сказал: «Умный-то он умный, только вот ум у него глупый». Похоже ли это на правду? Я ответил, что в текстах такой фразы не встречал, но по смыслу слова эти вполне могли принадлежать Ильичу.

Дело в том, что для Ленина такие, казалось бы, простые понятия, как «умный» или «глупый» не были столь однозначными. Однажды в разговоре с молодым большевиком Иваном Поповым Владимир Ильич употребил фразу Фердинанда Ласкаля — «физическая сила ума».

И на недоуменный вопрос Ивана Федоровича пояснил смысл этих слов на примере Плеханова, с которым был в это время в контрах. «Вы только взгляните на него, — сказал Вла-

¹ См.: В.И. Ленин. Биографическая хроника. Т. 12. С. 589, 591; РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 34. Л. 16-20.

² Известия ЦК КПСС. 1989. № 12. С. 198, 199.

димир Ильич, — и увидите, что это сильнейший ум, который все одолевает, все сразу взвешивает, во все проникает, ничего не спрячешь от него. И чувствуешь, что это так же объективно существует, как и физическая сила»¹.

Но одной «физической силы ума» для Ленина было недостаточно. Важно было и то, какой «продукт» выдает этот ум. В 1921 году на X конференции РКП(б) Ленин привел пример: оценивая политическую ситуацию в России, Милуков дал ей более верную оценку, нежели Мартов и Чернов. Это доказывает, отмечает Владимир Ильич, что «он умнее Мартова и Чернова... хотя бы лично он и не был так умен, как Чернов и Мартов»².

Аналогичный пример Ленин привел в ноябре 1922 года на IV конгрессе Коминтерна. То, что политику «просвещенных» великих держав формируют люди умные и образованные, в этом он нисколько не сомневался. Не сомневался и в том, что, к примеру, Версальский мир консультировали с учеными мужами, интеллектуальной элитой Европы.

И что же получилось? То же, что и с расчетами на интервенционистские планы против Советской России, которые опять-таки сочинялись людьми совсем не глупыми. Эгоистические интересы Антанты, помноженные на эйфорию победы в войне, заслонили вполне очевидную историческую перспективу. «Они оценивали ее, — заметил Ленин, — с точки зрения того, что лежит у них под носом...»³

Вот и получилась у ученых людей, явно обладавших «физической силой ума», полная бессмыслица. Получилась та самая пигасовская «дважды два — стеариновая свечка», — о которой вспомнил на конгрессе Коминтерна Владимир Ильич. «Это было фиаско, — сказал он, — которое, по-моему, трудно даже понять с точки зрения человеческого рассудка»⁴.

Так и в «грузинском вопросе». Ленин был глубоко убежден, что позиция «автономистов», занятая Сталиным, чревата самыми серьезными негативными последствиями, которые ум Сталина, видимо, никак не ухватывает.

Вернемся, однако, к рассказу Марии Ильиничны Ульяновой. Итак: «Совсем он не умный», — ответил Ильич решительно и поморщившись... Слова его о том, что Сталин «вовсе не умен», были сказаны В.И. абсолютно без всякого раздражения. Это было его мнение о нем — определенное и сложившееся, которое он передал мне».

¹ См. *Логинев В.Т.* Владимир Ленин. Выбор пути. Биография. С. 218.

² См.: *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 43. С. 318.

³ См.: *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 4.

⁴ Там же. С. 291.

«Продолжать разговор я не стала, а через несколько дней В.И. узнал, что о том, что Сталин грубо обошелся с Н.К., знают и Каменев и Зиновьев, и с утра, очень расстроенный, попросил вызвать к себе стенографистку, спросив предварительно, уехала ли уже Н.К. в Наркомпрос, на что ему ответили положительно. Пришла Володичева и В.И. продиктовал ей следующее письмо к Сталину...»¹

У некоторых исследователей письмо это вызывало некоторое недоумение. Им казалось, что появилось оно слишком спонтанно и по поводу более чем двухмесячной давности. Ну, а В.А. Сахаров, как уже указывалось, вообще считает его подделкой. Между тем, достаточно проследить последовательность событий этих дней, чтобы причина стала очевидной.

3 марта Владимир Ильич получает от Фотиевой заключение о материалах по «грузинскому вопросу». 4 марта читает и, совершенно очевидно, что изучение этих документов удовольствия ему не доставило. Врач прямо записал, что оно «его чрезвычайно расстроило. Он стал вспоминать свою первую болезнь. По-видимому, более медленная теперь поправка его беспрестанно волнует и озабочивает». Ему действительно стало гораздо хуже, и он, вероятно, даже стал сомневаться в том, сможет ли сам довести дело до конца².

Позднее Мария Гляссер, которая вела протокол заседания Политбюро при обсуждении «грузинского вопроса», написала, что, стараясь успокоить Владимира Ильича, — «я рассудила — может быть слишком примитивно — что если Вл. Ил. узнает о том, что тт. Зиновьев и Троцкий думают так же, как и он, то он не будет так сильно волноваться... В.И., действительно, узнав об этом, обрадовался и как будто успокоился»³.

Утром 5-го Ленин вызывает стенографистку и диктует не одно, а **два** письма. Первое Троцкому: «Я просил бы Вас очень взять на себя защиту грузинского дела на ЦК партии. Дело это сейчас находится под “преследованием” Сталина и Дзержинского, и я не могу положиться на их беспристрастие. Даже совсем напротив. Если бы Вы согласились взять на себя его защиту, то я бы мог быть спокойным. Если Вы почему-то не согласитесь, то верните мне все дело. Я буду считать это признаком Вашего несогласия. С наилучшим товарищеским приветом *Ленин*».

¹ Известия ЦК КПСС. 1989. № 12. С. 199.

² РГАСПИ. Ф. 16. Оп. 2. Ед. хр. 12. Л. 168.

³ Известия ЦК КПСС. 1990. № 9. С. 153, 163.

К письму приложена записка секретаря: «Товарищ Троцкий! К письму, переданному Вам по телефону, Владимир Ильич просил добавить для Вашего сведения, что т. Каменев едет в Грузию в среду, и просит узнать, не желаете ли Вы послать туда что-либо от себя. 5-го марта 23 г.»¹.

Второе письмо адресовано «Товарищу Сталину. *Строго секретно*. Лично. Копия тт. Каменеву и Зиновьеву.

Уважаемый т. Сталин! Вы имели грубость позвать мою жену к телефону и обругать ее. Хотя она Вам и выразила согласие забыть сказанное, но тем не менее этот факт стал известен через нее же Зиновьеву и Каменеву. Я не намерен забывать так легко то, что против меня сделано, а нечего и говорить, что сделанное против жены я считаю сделанным и против меня. Поэтому прошу Вас взвесить, согласны ли Вы взять сказанное назад и извиниться или предпочитаете порвать между нами отношения. С уважением *Ленин*. 5-го марта 23 года»².

Письмо, как видим, написано достаточно жестко. Так в старые времена писали «письма чести» — вызовы на дуэль. Но если речь идет о сугубо «личном конфликте», тем паче более двухмесячной давности, то при чем тут Каменев и Зиновьев? А ведь Владимир Ильич не только направляет им копии данного письма. Он прямо пишет: хотя Сталин и извинился перед Крупской, его беспокоит то, что этот конфликт «стал известен Зиновьеву и Каменеву». Стал известен — и они (старые соратники?!) ничего не предприняли, т.е. попросту потакали Сталину...

Так, может быть, письмо это — не только формально, но и по существу — адресовалось всей «тройке»: не только для того, чтобы прояснить отношения со Сталиным, но и предупредить Зиновьева и Каменева о том, что настроен Ленин достаточно решительно и столь же решительно будет отстаивать свои позиции по всем принципиальным вопросам. То есть, рано смотреть на него как на мертвого льва, которого любой может пинать ногами.

Сам факт диктовки данного письма засвидетельствован М.А. Володичевой в тот же день, 5 марта 1923 года, в «Дневнике дежурных секретарей»: «Владимир Ильич вызывал около 12-ти. Просил записать два письма: одно Троцкому, другое — Сталину; передать первое лично по телефону Троцкому и сообщить ему [Ленину — *В.Т.*] ответ как можно скорее. Второе [Ста-

¹ *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 54. С. 329.

² Там же. С. 329-330.

лину — В.Т.] пока просил отложить, сказав, что сегодня у него что-то плохо выходит. Чувствовал себя нехорошо»¹.

А вот запись за 5 марта доктора А.М. Кожевникова: «Проснулся в удовлетворительном настроении, без головной боли... Около 12 часов В.И. пригласил к себе т. Володичеву и продиктовал ей два письма в течение 15–20 минут. Письма, по словам В.И., его нисколько не разволновали, так как они были чисто деловые, но как только ушла стенографистка, у В.И. появилось чувство озноба. Правда, при расспросах В.И. вспомнил, что чувство озноба у него было в правой ноге уже до диктовки, но после диктовки оно резко усилилось... Он лежал под тремя одеялами с грелкой в ногах, — продолжает Кожевников, — но тем не менее чувство озноба не прекращалось... Через некоторое время головная боль усилилась... В правом виске боль... После обеда вместо того, чтобы поспать, начал читать свою статью.

Мы [опять] приехали в 6 часов. Самочувствие у В.И. хорошее. Вид лучше, чем утром. Голова совершенно не болит... Вообще последнее время у В.И. настроение все-таки хуже, чем было предыдущие дни. Несомненно у В.И. есть вопросы, которые его волнуют и заботят. Вечером В.И. вызвал к себе Л.А. Фотиеву»².

Хотя и сказал Владимир Ильич врачам, что письма, продиктованные им 5 марта, «его нисколько не разволновали, так как они были чисто деловые», дались они ему, видимо, нелегко. И тот озноб, который продолжался в тот день до вечера, стал лишь предвестником нового приступа болезни.

Утро 6-го еще более огорчило Владимира Ильича. Степень солидарности Троцкого и его готовности ввязаться в борьбу Гляссер явно переоценила. Собственно, сомнения в этом («Если Вы почему-нибудь не согласитесь...») звучало и в самом письме Ленина. Так оно и случилось.

Свою версию ответа Ленину Троцкий изложил в письме к пленуму ЦК 23 октября 1923 года. После того как Володичева зачитала ему 5 марта послание Владимира Ильича, Троцкий предложил «показать эту его записку и его статью от 30 декабря, присланную им мне в секретном порядке, членам Политбюро, чтобы добиться перемен курса в национальном вопросе наименее безболезненным путем, т. Ленин формально запретил мне это с мотивировкой, которую я уже вынужден был однажды привести на заседании Президиума XII съезда. “Ни в каком слу-

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 486.

² РГАСПИ. Ф. 16. Оп. 2. Ед. хр. 12. Л. 170, 171.

чае, — передал мне В.И. через секретаря. — Он (речь шла о т. Каменеве, который отправлялся в Грузию) расскажет все Сталину, а Сталин пойдет на гнилой компромисс и обманет»¹.

Из приведенного письма непонятно — согласился Троцкий на предложение Ленина или нет? Ответ на этот вопрос дает стенографическая запись Володичевой в «Дневнике дежурных секретарей».

«В ответ на прочитанное т. Троцкому письмо Владимира Ильича о грузинском вопросе, — записала Володичева, — т. Троцкий ответил, что так как он болен, то не может взять на себя такого обязательства, но так как надеется, что скоро поправится, то просил прислать ему материалы... для ознакомления и, если здоровье ему позволит, он их прочитает...

Говорил, что у него острые боли, что подошел к телефону с трудом и лишь потому, что знал, что будут звонить от Владимира Ильича; сказал, что он не может сейчас работать, положительно парализован...» и т.д.²

Троцкий ответил 5 марта. Тогда же ему («только ему») послали ленинскую статью «К вопросу о национальностях...» и другие материалы [о том, что копия этой статьи вот уже два месяца лежит у Каменева, Владимир Ильич так и не узнал. — В.Т.] Ленину довольно-таки противный ответ Троцкого передали только 6-го. Лишь **после этого** Владимир Ильич направляет написанное накануне письмо Сталину.

Вот запись Володичевой 6 марта: «Спросил об ответе [Троцкого — ВЛ] на первое письмо (ответ по телефону застенографирован). Прочитал второе (Сталину) и просил передать лично и из рук в руки получить ответ. Продиктовал письмо группе Мдивани. Чувствовал себя плохо»³.

Текст письма: «*Строго секретно. / тт. Мдивани, Махарадзе и др. / Копия — тт. Троцкому и Каменеву. / Уважаемые товарищи! / Всей душой слежу за вашим делом. Возмущен грубостью Орджоникидзе и потачками Сталина и Дзержинского. Готовлю для вас записки и речь. / С уважением Ленин / 6-го марта 23 г.*»⁴.

Запись за 6 марта доктора Кожевникова: «Утром В.И. вызвал т. Фотиеву и тов. Володичеву, которой продиктовал несколько

¹ РКП(б). Внутрипартийная борьба в двадцатые годы. Документы и материалы. М., 2004. С. 229.

² Известия ЦК КПСС. 1990. № 9. С. 149; РКП(б) Внутрипартийная борьба в двадцатые годы. С. 229.

³ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 486.

⁴ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 54. С. 330.

слов, всего 1S строчки. И свидание с Фотиевой и диктовка Володичевой были связаны с вопросом, который волновал В.И.

Мы приехали к В.И. в 1 час. Вид сегодня у В.И. неважный, но все-таки немного лучше, чем был вчера. Настроение не веселое, но и не очень плохое... Его посадили в передвижное кресло и прокатали по всей квартире. В большой комнате В.И. посидел около 15 минут, после чего снова уложили его в постель.

После нашего отъезда В.И. не захотел обедать, а заснул. По-спал 2 часа. Когда проснулся, позвал сестру, но почти не мог с ней разговаривать. Он хотел попросить сестру позвать Н.К., но не мог назвать ее имени. Когда пришла Н.К., В.И. почти ничего не мог сказать...

Мы приехали с В.В. Крамером в 5S часов. Владимир Ильич лежал с растерянным видом... Глаза грустные, взгляд вопрошающий... В.И. волнуется, пытается говорить, но слов ему не хватает.. “Ах, чёрт, вот какая болезнь. Это возвращение к старой болезни...”

Мы дали ему 2 лепешки йодфортана — В.И. их проглотил и через несколько минут сказал: “йод помог, если это йод”. По-видимому В.И. подозревал, что ему дали какое-либо другое лекарство. После этого я впрыснул В.И. в вену левой руки папаверин. В скором времени речь стала улучшаться, В.И. немного успокоился... В 9 часов я звонил М.И. и она сообщила, что В.И. успокоился и заснул¹.

Хотя Троцкий и отказался открыто поддержать Владимира Ильича в «грузинском деле», он в тот же день, 6 марта, послал Сталину замечания на его тезисы к XII съезду — «Национальный момент в партийном и государственном строительстве».

Троцкий предложил указать в тезисах на наличие в партии двух уклонов: «великодержавников» и «националов», конфликты между которыми «принимают открытую форму». Это и другие замечания были учтены Сталиным, и в таком виде тезисы опубликовала «Правда»².

Что касается письма Ленина Сталину, то ни 5-го, ни 6 марта оно передано не было. «Надежда Константиновна, — пишет М.А. Володичева, — просила этого письма Сталину не посылать, что и было сделано 6-го. Но 7-го я сказала, что я должна исполнить распоряжение Владимира Ильича. Она переговорила с Каменевым, и письмо было передано Сталину и Каменеву, а затем и Зиновьеву, когда он вернулся из Питера. Ответ от Сталина был получен тотчас же после получения им письма

¹ РГАСПИ. Ф. 16. Оп. 2. Ед. хр. 12. Л. 171, 172.

² См.: Известия ЦК КПСС. 1990. № 9. С. 158.

Владимира Ильича (письмо было передано мной лично Сталину и мне был продиктован его ответ Владимиру Ильичу). Письмо Владимиру Ильичу еще не передано, т.к. он заболел».

Стенографическая запись этого текста Володичевой стала заключительной в «Дневнике дежурных секретарей» и была расшифрована ею лишь через 30 с лишним лет — 14 июля 1956 года¹. А в 1967 году этот же эпизод Мария Акимовна рассказала Александру Беку более подробно.

«Я пошла к Крупской и напомнила ей, что Владимир Ильич ждет ответа от Сталина, беспокоится. И этот аргумент по видимому подействовал. В моих личных записях сохранился рассказ о посещении Сталина.

Передавала письмо из рук в руки. Я просила Сталина написать письмо Владимиру Ильичу, так как тот ожидает ответа, беспокоится.

Сталин прочел письмо стоя, тут же при мне, лицо его оставалось спокойным. Помолчал, подумал и произнес медленно, отчетливо выговаривая каждое слово, делая паузы между ними:

“Это говорит не Ленин, это говорит его болезнь”. И продолжил: “Я не медик, я — политик. Я Сталин. Если бы моя жена, член партии, поступила неправильно и ее наказали бы, я не счел бы себя вправе вмешиваться в это дело. А Крупская — член партии. Но раз Владимир Ильич настаивает, я готов извиниться перед Крупской за грубость”.

...Я записала коротенький ответ Сталина. Уйдя от Сталина, я отправилась... на квартиру к Каменеву. Мне посоветовали это мои товарищи, в частности Мария Игнатьевна Гляссер. Она сказала, что обязательно нужно зайти и показать это письмо Каменеву, потому что Сталин может написать такое, что вызовет беспокойство Владимира Ильича. Каменев его прочитал и вернул мне со словами, что письмо можно передать. После посещения Каменева я вернулась к себе в секретариат. Но письмо не было передано, потому что уже было поздно. Владимиру Ильичу было плохо»².

Ответ Сталина 7 марта уже цитировался выше. Он написал, что в словах «нельзя играть жизнью Ильича», сказанных им по телефону Крупской, нельзя усматривать «что-либо грубое или непозволительное, предпринятое “против” Вас, ибо никаких других целей, кроме цели быстрого Вашего выздоровления, я не преследовал... Мои объяснения с Надеждой Констан-

¹ См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 426, 608.

² «Московские новости», 23 апреля 1989 года, с. 8.

тиновой подтвердили, что ничего, кроме пустых недоразумений, не было тут да и не могло быть».

Сталин, видимо, уловил, что есть в ленинском письме нечто, выходящее за рамки сугубо личных отношений, и ответ свой закончил в достаточно раздраженном тоне: «...Если Вы считаете, что для сохранения “отношений” я должен “взять назад” сказанные выше слова, я их могу взять назад, отказываясь, однако, понять, в чем тут дело, где моя “вина” и чего, собственно, от меня хотят»¹.

Посылая 5 марта сугубо личное письмо Троцкому, Ленин все-таки надеялся на сохранение им конфиденциальности этой переписки. Напрасно. В ночь на 7 марта Троцкий позвонил Каменеву и передал ему содержание ленинского письма, прекрасно понимая, что оно тотчас же будет сообщено Сталину.

7 марта, перед отъездом на съезд Грузинской компартии, Каменев пишет Зиновьеву: «Для ориентировки сообщаю тебе следующие факты. Узнав, что Грузинский съезд назначен на 12 [марта], Старик весьма взволновался, нервничал и 1) послал Троцкому письменную просьбу “взять на себя защиту грузинского дела в партии: тогда я буду спокоен”. Троцкий решительного ответа не дал. Вызывал вчера ночью меня для совещания, 2) написал и дал мне для передачи “Мдивани, Махарадзе и др.” (копия Троцкому и Каменеву) письмо в 2 строки фактической солидарности с Мдивани и Ке и дезавуирования Серго, Сталина и Дзержинского, 3) послал Сталину (копия мне и тебе) персональное письмо, которое ты, наверное, уже имеешь. Сталин ответил весьма сдержанным и кислым извинением, которое вряд ли удовлетворит Старика... Я думаю, тебе необходимо быть в Москве это время и держать связь со мной в Тифлисе»².

В тот же день, 7 марта, Сталин сообщает Орджоникидзе: «Я узнал от т. Каменева, что Ильич посылает тт. Махарадзе и другим письмецо, где он солидаризируется с уклонистами и ругает тебя, т. Дзержинского и меня. Видимо имеется цель надавить на волю съезда Компартии Грузии в пользу уклонистов. Нечего и говорить, что уклонисты, получив это письмецо, используют его всюю против Заккрайкома, особенно против тебя и т. Мясникова. Мой совет:

1. Никакого давления не делать Заккрайкому на волю большинства Компартии Грузии, дать этой воле, наконец, полностью проявиться, какова бы она ни была.

¹ Известия ЦК КПСС. 1989. № 12. С. 193.

² Известия ЦК КПСС. 1990. № 9. С. 151.

2. Добиться компромисса, но такого компромисса, который может быть проведен без грубого воздействия на большинство ответственных работников Грузии, т.е. компромисса естественного, добровольного»¹.

Как видим, Сталин полагал, что цель Ленина заключается в том, чтобы «надавить на волю съезда Компартии Грузии». Но Каменев почувствовал в поведении Ильича нечто более существенное.

В приведенном выше письме Зиновьеву, сообщая, что он едет в Грузию для примирения и объединения враждующих групп, Лев Борисович сформулировал главное: «Боюсь, что это уже *не* удовлетворит Старика, который, видимо, хочет не только мира на Кавказе, но и определенных *организационных выводов наверху*»².

При наличии такого корпуса документов, принадлежащих Ленину, Володичевой, Каменеву и Сталину, утверждать, как это делает Сахаров, что диктовки 5 и 6 марта являются фальшивками, можно лишь при той степени избыточной политизации, которая просто застилает глаза на очевидные факты.

---

¹ Известия ЦК КПСС. 1990. № 9. С. 151, 152.

² Там же. С. 151.

Глава 4

ПОСЛЕДНЕЙ УМИРАЕТ НАДЕЖДА

Все эти дни — 7, 8, 9 марта особых перемен в состоянии Владимира Ильича не произошло. 7-го днем Кожевников записал: «Вид у В.И. неважный, бледный. Голова не болит, но не свежая. При разговоре часто подыскивает слова. Настроение плохое. Вчерашний спазм произвел на В.И. очень тяжелое впечатление. Он проводит параллель между тем, что было вчера и между весенней болезнью. Попытки его разубедить в этом, по видимому, остались бесплодными».

Вечером, по просьбе Марии Ильиничны, Кожевников приехал вновь. «В.И. лежал с сильной головной болью, был бледен, лицо страдальческое. Поздоровался со мной, стал извиняться, что меня побеспокоили, стал винить М.И. в том, что она меня вызвала совершенно напрасно: “Зачем Вы беспокоились, раз все равно ничего нельзя сделать”, — сказал В.И.

...В.И. я сказал так: “Так как фенацетин не помогает и головная боль слишком упорна, завтра мы Вам сделаем пункцию. На ночь же ее делать не стоит”. При этих словах лицо В.И. совершенно преобразилось... “Вот это приятная новость, вот это был приятный визит. Теперь поезжайте домой и отдохните. Очень, очень Вас благодарю” и В.И. долго жал мне руку»¹.

8-го с утра он опять чувствовал себя отвратительно. Опять бил озноб. Он «лежал под тремя одеялами, был бледен... Лицо утомленное, глаза грустные...» После спинномозговой пункции немного полегчало: «Проснулся без головной боли, самочувствие хорошее, настроение гораздо лучше, чем было за последние дни»².

Но на следующий день, 9-го, стало хуже. Утром Надежда Константиновна вызвала врачей, и уже в 8-45 они были в Кремле. «В.И. лежал бледный, вид утомленный. Очень сконфужен тем, что нас так рано вызвали, “в такое неурочное время”... Речь у В.И. плохая, артикуляция неотчетливая и слова В.И. труднее находит, говорит одни слова вместо других... Несколь-

¹ РГАСПИ. Ф. 16. Оп. 2. Ед. хр. 12. Л. 173, 174.

² Там же. Л. 175.

ко раз говорил: “вот речь, речь надо поправить”. Н.К. сообщила, что утром В.И. совершенно нельзя было понять».

К сожалению, судя по записям медиков, ситуация осложнялась тем, что всякий раз, когда у Ленина начиналось ухудшение, Крупская ужасно терялась, волновалась сама, а от этого понимала Ильича гораздо хуже. А он, привыкший к тому, что прежде она схватывала все с полуслова, расстраивался от этого еще больше и это тоже сказывалось на его речи.

Днем опять полегчало: «Вид у В.И. гораздо лучше... Говорит лучше, чем утром, но все-таки очень часто ищет слова». Вместе с Крамером и Кожевниковым на сей раз к Ленину приехал доктор П.Г. Елистратов. «В.И. был очень удивлен и спросил: “А почему не Гетье, ведь он приставлен ко мне, чтобы лечить”». Ему сказали, что Федор Александрович болен. «“Что поделаешь, надо согласиться”, — ответил В.И. С Елистратовым он был сдержанно любезен... Главным образом его беспокоит мысль, что это может обидеть Ф.А. Гетье».

А вечером вроде бы стало совсем хорошо. После ужина «стал спокойней, немного повеселел, голова стала отпускать. По словам М.И., речь стала лучше. Сообщение врачам Крупской было еще более неожиданным: «Вечером В.И. был в хорошем настроении, говорил почти свободно и сам сказал, что “я совсем преобразился и чувствую себя как здоровый, точно произошло какое-то чудо”. Был весел, вспоминал далекое прошлое, совсем не волновался»¹.

Ничего более об этом, по существу, последнем разговоре Владимира Ильича, Надежда Константиновна не сообщила ни тогда, ни позднее. А разговор, судя по всему, не ограничился воспоминаниями о «далеком прошлом».

Убеждение в том, что «все равно ничего нельзя сделать», высказанное Лениным врачам 7 марта, видимо, не покидало его. Во всяком случае, после этого разговора Крупская была уже в курсе дела относительно эвтаназии, хотя раньше Владимир Ильич говорил об этом лишь со Сталиным и Фотиевой.

Возможно, Крупская, в какой-то форме, рассказала и об ответе Сталина, все-таки «взявшего назад сказанные им слова». Иначе трудно понять, почему, буквально через считанные дни, Надежда Константиновна обращается к нему с просьбой от имени Ильича. Но об этом позже...

День 10 марта начинался как и предыдущие дни. С утра Владимир Ильич говорил довольно плохо, артикуляция была неважная. К тому же стали периодически проявляться спазмы.

---

¹ РГАСПИ. Ф. 16. Оп. 2. Ед. хр. 12. Л. 175, 176, 177, 178.

Вместе с прибывшим профессором Фёрстером врачи решили попробовать внутривенное вливание.

Сделал это Кожевников. «В вену я попал сразу, — пишет он, — вливание 5 куб. см. произвел крайне медленно. Во время вливания В.И. сказал, что чувствует запах, похожий на запах еловых шишек. Вливание однако не предотвратило спазма и приблизительно через 1 часа после него снова наступил спазм, на этот раз более сильный и более длительный, повлекший за собой полную афазию... Сознание при этом вполне ясное, вопросы В.И. понимает и в ответ на них кивает или качает головой. Через некоторое время говорил — “да” или “нет”. Начался спазм в 2 часа».

Вечерняя запись Кожевникова: «Ни одной связной, хотя бы и короткой фразы, сказать не может... Никого из близких В.И. видеть не хочет. Каждый раз, когда входят медсестры или мы, В.И. пытается что-нибудь сказать. Из этого ничего не выходит, это волнует В.И. и, по-видимому, поэтому он не хочет видеть близких, т.к. видеть и не разговаривать для него слишком тяжело».

Когда пришли Елистратов и Гетье, Владимир Ильич покачал головой — «зачем вечером?», а сразу после осмотра протянул руку — «до свидания». Иногда «говорит отдельные слова, по-видимому, не всегда те, которые хочет... Когда вошла сестра Е.И., В.И. ей сказал: “смертельный ток”. Что он хотел этим сказать — неясно. По-видимому, он считает сегодняшний спазм смертельным»¹.

Поздно вечером собрались члены Политбюро ЦК. Обсудили ситуацию. Наметили ряд решений, но фиксировать их не стали. От врачей пришло известие, что у них складывается «впечатление, что В.И. стало несколько лучше». Но с утра 11-го никаких улучшений не последовало.

Кожевников утром записывает: «Цвет лица бледный, землистый, выражение лица и глаз грустное. Жестом В.И. предложил мне сесть. Все время делает попытки что-то сказать, но раздаются негромкие звуки и только иногда В.И. отчетливее произносит то или иное отдельное слово»².

Члены Политбюро собрались вновь. Сохранился документ: «Непротокольное постановление совещания ЦК 11/III. 7 часов вечера». Присутствовали: Зиновьев, Троцкий, Сталин, Рыков, Молотов, Дзержинский.

Постановили: Утвердить постановления совещания цехистов от 10/III.23 г. Утвердить правительственное сообще-

¹ См.: РГАСПИ. Ф. 16. Оп. 2. Ед. хр. 12. Л. 178, 179.

² Там же. Л. 180.

ние, предложенное Троцким: «Составление проекта шифровки губкомам поручить Троцкому». Этот пункт решения, между прочим, дает основания предполагать, что и предыдущее — январское — шифрованное письмо губкомам, по крайней мере в основе своей, также принадлежало его перу.

Отдельный пункт: «Переговоры с Н.К. [Крупской] и М.И. [Ульяновой] о других вопросах отложить до первых заключений Фёрстера».

Постановления, касающиеся врачей: «Переговоры с врачами относительно текста первого бюллетеня поручить Зиновьеву... Переговоры с Фёрстером поручить прежней тройке: Троцкий, Сталин, Зиновьев».

Другие решения: членов Совнаркома оповестить о принятом правительственным сообщением по автоматическому телефону. Поручить Сталину и Рыкову сегодня же собрать наличных в Москве членов ЦК и информировать их о состоянии Владимира Ильича. Сегодня в Питер отправиться Молотову для совещания с бюро питерского губкома и кандидатами в члены ЦК.

Учредить тройку при Политбюро — Дзержинский, Зеленский, Склянский — «для подготовки необходимых мер в случае каких-либо замешательств, подготовки групп надежных товарищей, если понадобится дать объяснения рабочим и т.д.»

«Собратся сегодня еще раз около 9 ч. вечера»¹.

В тот же день была разослана шифротелеграмма «Только для президиумов губкомов, обкомов и национальных ЦК.

Политбюро считает необходимым поставить вас в известность о наступившем серьезном ухудшении в состоянии Владимира Ильича...

Т. Ленин почти утратил способность речи при сохранении ясного и отчетливого сознания. Врачи признают положение тяжелым, не отказываясь, однако, от надежды на улучшение... В тревожные для партии и революции дни ЦК твердо рассчитывает на величайшую выдержку и сплоченность всех руководящих организаций партии. Более чем когда либо губкомы должны быть в курсе настроений массы, чтобы не допустить никакого замешательства. По поручению Политбюро секретарь ЦК И. Сталин»².

На следующий день, 12-го, как пишет Кожевников, он с утра поехал на вокзал встречать профессоров Фёрстера и его бреславского коллегу — терапевта О. Миньковского. Прямо с

¹ РГАСПИ. Ф. 16. Оп. 2. Ед. хр. 111. Л. 1.

² Известия ЦК КПСС. 1991. № 6. С. 198, 199.

вокзала направились в Кремль на совещание членов Политбюро, а после этого к Ленину. Констатировали: «почти полная афазия», «сознание ясное». Затем «снова, все четверо [Фёрстер, Минковский, Крамер, Кожевников — ВЛ.] были в Политбюро. Решено с сегодняшнего дня печатать бюллетени»¹.

Судя по указанным выше решениям, члены Политбюро ЦК полагали, что смерть может наступить в любой момент. И все основания для этого были. Но, как и прежде, даже после столь резкого ухудшения, болезнь продолжала вычерчивать свои непонятные и переменчивые кривые. И когда вечером 12-го врачи вновь пришли к Ленину, — «он был гораздо бодрее, чем утром, говорил не только отдельные слова, но и части фраз»².

С самого начала болезни Владимир Ильич скептически относился ко всем заверениям родных и медиков, надеявшихся на выздоровление и благополучный исход. Но пока оставалась возможность работать, он готов был претерпеть все — и мучительную бессонницу, и головную боль, и периодические «кондрашки», и даже самые неприятные медицинские процедуры. А когда Мария Ильинична стала уговаривать его поменьше заниматься делами, он ответил ей очень просто: «У меня ничего другого нет».

Ленин был убежден, что болезнь развивается по каким-то своим законам и полным устранением от всякой деятельности нельзя ни остановить, ни замедлить ее ход. «Ленин никогда не говорил этого, — написал профессор Фёрстер, — но он всегда это чувствовал. Работа для него была жизнью, бездеятельность означала смерть»³.

И задолго до этих мартовских дней 1923 года Ленин твердо решил: паралич и утрата речи — это конец. Жизнь, утратившая свою ось и свой смысл, жизнь, как сугубо физиологическое существование — ему не нужна. Значит, пора ставить точку. И он имеет право на эвтаназию.

10 марта он отказывается принимать пищу. Затем перестает принимать лекарства. Но смотреть на причиняемые этим решением страдания близких для него было нестерпимым. И вечером 13-го он опять соглашается на уколы, а 14-го на кашу и кофе с молоком, и при этом «безнадежно махнул рукой и как бы хотел сказать, что “все это ни к чему”».

Кожевников, который до встречи с Владимиром Ильичем не испытывал к нему особых симпатий, в этой связи позволил себе сделать «немедицинскую» запись:

¹ РГАСПИ. Ф. 16. Оп. 2. Ед. хр. 12. Л. 182.

² Там же. Л. 182.

³ Известия ЦК КПСС. 1991. № 5. С. 184.

«Всегдашняя деликатность, заботливость о других, нежелание быть кому-либо в тягость, сказывается у В.И. и теперь, когда состояние его здоровья внушает серьезные опасения. До чего же глубоко должны в нем сидеть эти качества. Это одна из основных черт его характера и это-то заставляет, при близком с ним общении, привязываться к нему все больше и больше».

А как медик и дежурный врач Кожевников пишет о своем пациенте: «Лицо по-прежнему крайне грустное. В.И. все время пытается что-то сказать, но это ему не удастся, понять его почти невозможно. Это волнует, огорчает В.И., он расстраивается этим. Бесконечно грустно смотреть на его беспомощность. Выражение глаз при этом такое грустное, что смотреть на него невозможно»¹.

Ленин все еще надеялся, что Крупская выполнит свое обещание. Ведь со времени смерти Лафаргов у них в этом было полное взаимопонимание. Но помочь любимому человеку уйти из жизни ей было не по силам.

Валентинов, бывший в курсе всех слухов, ходивших по Москве, полагает, что именно в этот момент внутри Политбюро разгораются страсти по вопросу о лидерстве в партии и поводом для них якобы становится статья Карла Радека.

14 марта «Правда» выпустила специальный номер, посвященный 25-летию I съезда РСДРП. Надо напомнить, что тогда, как и до революции, большевики не считали себя раскольниками, отколовшимися или отпочковавшимися от РСДРП. Наоборот, они полагали, что являются прямыми преемниками исторических традиций революционной российской социал-демократии, и вели счет своим съездам с 1898 года. Поэтому 25-летие I съезда фактически отмечалось в 1923 году как 25-летие Коммунистической партии².

Со статьями, связанными с этим юбилеем, на первых полосах «Правды» выступили Каменев и Зиновьев. Тут же была статья Сталина «К вопросу о стратегии и тактике русских коммунистов» и Троцкого «Мысли о партии». Далее шли статьи Сафарова, Преображенского («Вождь партии»), Н. Осинского («Ленин»), Радека, В. Соколова, В. Дубовского, С. Малышева, А. Бубнова, Е. Ярославского. Из «стариков» со статьями выступили — делегат I съезда РСДРП Б. Эйдельман, Кржижановский, Лепешинский, Скворцов-Степанов, Рязанов («Маркс и РКП»). Из более молодых — Д.Бедный, Л. Каганович, М. Кольцов и другие.

¹ РГАСПИ. Ф. 16. Оп. 2. Ед. хр. 12. Л. 181, 186.

² См.: *Логинов В.Т. Неизвестный Ленин*. М., 2010. С. 288.

Среди этой плеяды блестящих и неблестящих публицистов специфическое внимание читателей привлекла статья Карла Радека на четвертой полосе. «В те дни, встречаясь с моими знакомыми, — вспоминал Н. Валентинов, — я, после почти обязательных слов о внезапной болезни Ленина, много раз слышал такой вопрос: “А статью Радека читали? Что это значит?” Иные к этому прибавляли: “Статья Радека, да еще в этом номере, не могла появиться случайно»».

Дело в том, что именно в этом номере на девятой полосе были впервые опубликованы правительственные сообщения и медицинские бюллетени от 12 и 13 марта за подписями Миньковского, Фёрстера, Крамера, Кожевникова и Семашко о «значительном ухудшении» состояния здоровья В.И. Ленина.

Какую же связь улавливали чуткие на сплетни интеллектуалы между девятой и четвертой полосой? «Под заголовком “Лев Троцкий — организатор победы”, — объясняет Валентинов, — Радек написал самую безудержную апологию Троцкого. Кажется, никто так до этого не писал о нем. Радек говорил о Троцком, как о “великом умственном авторитете”, “великом представителе русской революции”; он раскрывает “тайну величия” Троцкого, его “гениальное понимание” военных вопросов, его “организаторский гений”.

...Подобное возвеличение, — заключает Валентинов, — появляется именно в момент, когда правительственное сообщение, говоря об опасной болезни Ленина, дает понять, что от руководства партией и страной Ленин отошел... В этом выдвижении Троцкого на вакантное место после ухода Ленина видят смысл его [Радека — ВЛ.] статьи»¹.

17 марта Сталин пишет карандашом записку членам ЦК. Потом в перечне фамилий оставляет только Зиновьева и Каменева: «Только что вызвала меня Надежда Константиновна и сообщила в секретном порядке, что Ильич в “ужасном состоянии, с ним припадки, не хочет, не может дольше жить” и требует цианистого калия, обязательно. Сообщила, что пробовала дать калий, но “не хватило выдержки” в виду чего требует “поддержки Сталина”».

Прямо на записке Зиновьев пишет: «Нельзя этого никак. Фёрстер дает надежды — как же можно? Да если бы и не было этого! Нельзя, нельзя, нельзя. Г.З.» Тут же расписывается и Каменев².

21 марта Сталин выносит этот вопрос на Политбюро: «В субботу 17.III т. Ульянова (Н.К.) сообщила мне в порядке архи

¹ Валентинов Н. НЭП и кризис партии. Воспоминания. С. 51, 53.

² РГАСПИ. Ф. 16. Оп. 2. Ед. хр. 111. Л. 7.

конспиративном “просьбу Владимира Ильича Сталину” о том, чтобы я, Сталин, взял на себя обязанность достать и передать Владимиру Ильичу порцию цианистого калия. В беседе со мной Н.К. говорила между прочим, что “В. Ильич переживает неимоверные страдания”, что “дальше жить так невыносимо” и упорно настаивала “не отказывать Ильичу в его просьбе”.

Ввиду особой настойчивости Н.К. и ввиду того, что В. Ильич *требовал* моего согласия (В.И. дважды вызывал к себе Н.К. во время беседы со мной из своего кабинета, где мы вели беседу, и с волнением требовал “согласия Сталина”, ввиду чего мы вынуждены были оба раза прерывать беседу) я не считал возможным ответить отказом, заявив: “прошу В. Ильича успокоиться и верить, что, когда нужно будет, я без колебаний исполню его требование”. В. Ильич действительно успокоился.

Должен, однако, заявить, что у меня не хватит сил выполнить просьбу В. Ильича и вынужден отказаться от этой миссии, как бы она ни была гуманна и необходима, о чем и довожу до сведения членов П. Бюро ЦК. И. Сталин».

Прямо на уголке этого письма Михаил Томский пишет: «Читал. Полагаю, что “нерешительность” Сталина — правильна. Следовало бы в строгом составе членов Пол. Бюро обменяться мнениями. Без секретарей (технических)». Здесь же подписи: «Читал Г. Зиновьев», «Читал Н. Бухарин. Троцкий. Каменев. Молотов»¹.

Вопрос об эвтаназии таким образом окончательно перестал быть вопросом сугубо личным. И был он решен отрицательно.

Между тем, помимо Отфрида Фёрстера и Оскара Миньковского, в Москву из-за границы стали прибывать врачи: из Швеции — специалист в области заболеваний мозга, 76-летний профессор-невропатолог С.Е. Хеншен, из Германии — глава немецкой школы невропатологов, 70-летний профессор Адольф Штрюмпель, психиатр — профессор Освальд Бумке и невропатолог — профессор Макс Нонне.

20 марта Кожевников записывает: «5-6 час. у нас было совещание с Бумке, Нонне и Штрюмпелем. Мы подробно изложили историю болезни В.И. и после этого Фёрстер, Крамер, Минковский и я поехали в Кремль»².

На следующий день, 21-го, в связи с приездом профессора Хеншена, совещание провели вторично, а в 14 час. у Владимира Ильича состоялся консилиум, в котором участвовали и рус-

¹ РГАСПИ. Ф. 16. Оп. 2. Ед. хр. 111. Л. 7.

² РГАСПИ. Ф. 16. Оп. 2. Ед. хр. 12. Л. 196.

ские, и иностранные медики. После всестороннего обследования и подробного обсуждения врачи дали заключение.

В нем говорилось, что болезнь Ленина «имеет в своей основе заболевание соответствующих кровеносных сосудов. Признавая правильным применявшееся до сих пор лечение, консилиум находит, что болезнь эта, судя по течению и данным объективного обследования, принадлежит к числу тех, при которых возможно почти полное восстановление здоровья. В настоящее время проявления болезни постепенно уменьшаются...»¹.

24 марта, после очередного обследования Владимира Ильича, все врачи плюс Семашко «имели беседу с Политбюро в лице Троцкого, Каменева и Рыкова. Профессор Штрюмпель от имени всех дал объяснения о состоянии В.И.. Профессор Бумке говорил о психологическом состоянии, а затем говорили Хеншен и Фёрстер»².

27 марта встреча в Политбюро повторилась. Кожевников записал: «Присутствовали: Троцкий, Сталин, Бухарин, Каменев, Зиновьев, Енукидзе, Семашко и мы — врачи: Минковский, Фёрстер, Бумке, Крамер и я»³.

В марте, апреле и мае в центральных газетах публикуются бюллетени о состоянии здоровья Ленина. Если судить по этим бюллетеням, то оно либо постепенно улучшалось, либо оставалось стабильным. Между тем, амплитуда колебаний — от реальных признаков улучшения до явных симптомов ухудшения — все более увеличивалась. Единственное, что более или менее постоянно отмечали врачи, — четкое понимание Владимиром Ильичем всего того, что происходило вокруг него.

Запись 15 марта: «Он хорошо понимал, что ему говорили и сам говорил больше слов... Отвечал на вопросы частью жестами, частью словами... Но фраз он еще не говорит». 1 апреля: «Он больше реагирует на окружающее, понимает все вопросы и выполняет все, что от него требуют» и т.д.⁴.

Когда он был спокоен и его о чем-то спрашивали, нужные слова как бы вылетали сами. Медсестра, к примеру, говорит, что в комнате жарко. Владимир Ильич отрицательно качает головой и отвечает: «всего тринадцать». И действительно — на градуснике 13е. На вопрос профессора Миньковского — болит ли голова? — сразу следует ответ: «голова не болит». Профессор Авербах исследует поле зрения и спрашивает — все ли

¹ В.И. Ленин. Биографическая хроника. Т. 12. С. 597.

² РГАСПИ, Ф. 16. Оп. 2. Ед. хр. 12. Л. 205.

³ Там же. Л. 209.

⁴ Там же. Л. 189, 190, 217.

он видел? Ответ: «Да, везде видел». Профессор Фёрстер по-немецки: «Как дела?». Владимир Ильич тоже по-немецки: «Очень хорошо»¹.

Но когда болезнь наступала, он начинал волноваться и слова будто исчезали. Оставалась тупая головная боль, отдающая в висок, изнурительная бессонница, при которой терялась грань между сном, дремотой и бодрствованием. Но главное — унижительное чувство абсолютной беспомощности, когда не только не можешь что-то сделать сам, но и попросить об этом окружающих.

Слова и смысл того, что говорили другие, он по-прежнему прекрасно понимал, но в его голове слов не было. И он испытывал щемящее чувство какой-то опустошенности, когда видел хорошо знакомый ему цветок — из тех полевых цветов, которые он любил держать дома, — но никак не мог вспомнить его названия.

Все усложнялось тем, что его отношения с окружающими, в том числе — с родными, никогда не ограничивались бытом, повседневной житейской рутинной. Этот уровень разговора — «Как дела?», «Здравствуйте», «До свидания», «болит здесь...», «принесите...» — можно было перевести на язык жестов. Но во всех его контактах с людьми всегда преобладали совершенно иные сюжеты, выразить которые без слов было невозможно. И это волновало более всего, ибо опускать уровень общения до элементарных жестов Ленин не мог и не хотел.

«Он хотел высказать какую-то мысль или какое-то желание, — пишет Кожевников, — но ни медсестра, ни Мария Ильинична, ни Надежда Константиновна совершенно не могли его понять. И он начал страшно волноваться». И еще запись: «В.И. хотел что-то сказать, но не смог... и безнадежно махнул рукой»².

В минуты, когда Владимиру Ильичу было плохо, он не любил и не хотел сторонних глаз. А теперь они постоянно маячили перед его глазами. И это тоже был сильнейший фактор беспокойства. Все эти мартовско-апрельские недели в приемной постоянно дежурили, как правило, по шесть-восемь немецких и русских врачей. Каждый день, группами и в одиночку, именитые профессора приходили к нему, внимательно осматривали и ощупывали, задавали одни и те же вопросы, назначали прежние лекарства и процедуры и уходили на очередные консилиумы, результаты которых тут же докладывали Политбюро.

---

¹ РГАСПИ. Ф. 16. Оп. 2. Ед. хр. 12. Л. 223, 233, 248, 275.

² Там же. Л. 193, 195.

12 апреля Кожевников записывает: «Мы всесторонне обсудили вопрос о терапии... Об этом мы доложили Политбюро. Политбюро дало утвердительный ответ... В.И. стал мне объяснять что-то. Я спросил его: “слишком много докторов Вас навещает?” Он обрадовался, закивал головой, стал говорить: “вот, вот” и похлопал меня по плечу»¹.

И другая запись: «Получается впечатление, что В.И. надоели бесконечные врачебные посещения и он хочет, чтобы его возможно меньше беспокоили». Однажды, когда у него находились Фёрстер, Минковский, Крамер и Кожевников, Ленин, обращаясь к Фёрстеру, сказал: «Man muss...» и запнулся. Профессор решил подсказать: «Man muss Konsilium». На это «В.И. засмеялся, отрицательно покачал головой и сделал жест отрицания рукой»².

Журнал «Знание — сила» опубликовал фрагменты из воспоминаний Освальда Бумке, который дал выразительную зарисовку этих консилиумов: «Русские врачи, — пишет Бумке, — были необычайно хорошо подготовлены в медицинском отношении, все они были хорошими диагностами и блестящими исследователями, некоторых осеняли великолепные научные идеи. Одного им не доставало — способности действовать».

О том, насколько плотно опекалась деятельность медиков, Бумке, видимо, не знал, хотя и присутствовал на встречах в Политбюро 24 и 27 марта. Но нерешительность врачей он подметил довольно точно...

«Нередко мы часами, — пишет Бумке, — спорили о мерах, которые у нас принимают помощник врача или медсестра. Когда же эти переговоры, подчас прерываемые рассуждениями... о русской и немецкой душе, о каком-нибудь научном труде или вопросе мировоззрения, приносили хоть какой-то результат, внезапно один из русских врачей вновь заводил ту же волюнку: “А вы не думаете, что лучше бы сделать то-то и то-то?” В конце концов, кто-нибудь из немецких врачей брал на себя смелость, выписывал рецепт и заботился о том, чтобы бумажка с рецептом была не позабыта на столе, а отдана в аптеку»³.

Справедливости ради следует отметить, что поговорить и пофилософствовать не в меньшей мере любили и зарубежные светила. В скоплении медицинских звезд вообще был тот недостаток, что они не всегда прислушивались даже друг к другу, ибо каждый знаменитый профессор был вполне самодостато-

¹ РГАСПИ. Ф. 16. Оп. 2. Ед. хр. 12. Л. 239, 240.

² Там же. Л. 206, 222.

³ «Знание — сила». 2004. № 1, январь. С. 62.

чен. Поэтому лечащие врачи в тех случаях, когда они не соглашались с какими-то назначениями, попросту откладывали эти рецепты в сторону¹.

Но совсем уж несправедливым было бы предполагать, что приглашенная профессура манкировала своими обязанностями. Наоборот, все они действительно старались помочь своему пациенту. За время пребывания в Москве они наслушались стольких разговоров и слухов, что стали даже углубляться в политику и прониклись всей исторической важностью возложенной на них миссии.

Тот же Освальд Бумке вспоминал, что участники консилиумов «прилагали всяческие усилия сохранить жизнь Ленина, поскольку... после его смерти ожидался приход к власти радикального крыла [партии], отмена новой экономической политики, разрыв любых торговых отношений с границей и полный экономический крах России»².

Ну, а сам Ленин, в эти особенно тяжкие для него дни, реагировал ли он на происходящее за стенами квартиры, за пределами столь плотного медицинского окружения? Есть основания полагать, что — да. И связано это было прежде всего с предстоящим партийным съездом.

По сложившейся после 1917 года традиции, партия проводила свои съезды (VII, VIII, IX, X, XI) в марте каждого года. XII съезд поначалу также предполагали собрать в конце марта 1923 года, но позднее перенесли на середину апреля. А 26 марта на заседании Политбюро ЦК заслушали доклад Каменева и Куйбышева о съезде Грузинской компартии.

Как раз в конце марта Ленин чувствовал себя отвратительно. Временами, когда болезнь наступала, Владимир Ильич приходил в сильнейшее волнение, решительно отказывался от лекарств и еды, что-то говорил, пытался встать с постели. И врачам, не понимавшим причин этого, порой казалось, будто сознание больного начинает отступать и у него начинаются галлюцинации.

Однако Кожевников, пожалуй, самый наблюдательный из лечащих врачей, еще 23 марта отметил, что это состояние Владимира Ильича каким-то непостижимым образом связано с содержимым шкафа, стоявшего в углу комнаты. Того самого шкафа, в котором Ленин хранил свои документы³. Так, может быть, он хотел или надеялся... Не будем, впрочем, пускаться в область догадок и предположений.

---

¹ РГАСПИ. Ф. 16. Оп. 2. Ед. хр. 12. Л. 283.

² «Знание — сила». 2004. № 1, январь. С. 62.

³ РГАСПИ. Ф. 16. Оп. 2. Ед. хр. 12. Л. 201.

На заседании Политбюро 26 марта прения были бурными. Троцкий отстаивал три предложения: 1) отозвать с Кавказа Орджоникидзе, 2) констатировать, что Закавказская федерация своим чрезмерным централизмом искажает идею советской федерации, 3) признать, что группа Мдивани является не «уклоном» от партийной линии, ибо «их политика в этом вопросе имела оборонительный характер — против неправильной политики т. Орджоникидзе»¹.

Нетрудно заметить, что эти три предложения в определенной мере связаны с теми тремя пунктами записки, которую Владимир Ильич продиктовал Фотиевой вечером 14 февраля². Однако в той форме, в которой их предложил Троцкий, они были отвергнуты.

Впрочем, и прежнее решение Политбюро от 13 января, приводившееся выше, претерпело существенные изменения. Из Грузии отзывали лишь П.Г. Мдивани и А.А. Гегечкори, как «наиболее склонных обострять отношения» и создающих «непреодолимые препятствия» для примирения. Коте Цинцадзе, вместо отзыва из Грузии, вводился в состав ЦК КПГ. Предложение Троцкого об отзыве Орджоникидзе отклонили пятью голосами против двух, а вопрос о составе Заккрайкома отложили до приезда его членов в Москву.

В Тифлисе 14 марта Каменев и Куйбышев совместно с «представителями обоих течений Грузинской компартии» разработали проект тезисов. И теперь Каменеву, Зиновьеву и Куйбышеву Политбюро поручило составить проект письма к членам Грузинской компартии.

Решение Политбюро так определило его содержание: «Указать на ошибки обеих сторон и настаивать на основании оценки этих ошибок, на необходимости сотрудничества обеих групп. В письме должно быть также обязательно указано на ошибки, допущенные при объединении наркоматов в осуществлении федерации и особенно подчеркнуть неправильность чрезмерных обвинений меньшинства со стороны большинства»³.

Пленум ЦК РКП(б) 31 марта утвердил решения Политбюро, внеся в них некоторые поправки: из Грузии отзывался лишь один Мдивани, предложение Троцкого об отзыве Орджоникидзе по-прежнему отвергли большинством против двух голосов, комиссию по выработке письма к членам ГКП попол-

¹ См.: Известия ЦК КПСС. 1990. № 9. С. 153, 154.

² См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 67.

³ Известия ЦК КПСС. 1990. № 9. С. 152, 153.

нили Фрунзе и Петровским, а в самом письме решили особо указать на «ошибки меньшинства, выразившиеся в борьбе против идеи федерации в Закавказье»¹.

Вероятно, под впечатлением дискуссии на пленуме Троцкий 1 апреля написал Бухарину: «Мне кажется, что Вам следовало бы написать статью по национальному вопросу до партсъезда... Не в смысле демонстрации официозного благополучия, а в том смысле, что основное ядро партии поведет единодушную и непримиримую борьбу против всякой фальши в этом вопросе.

...В этом вопросе значительная, если не значительнейшая, часть партии живет смутными настроениями, не проработанными сознанием. “Безразличие” в национальном вопросе нередко является мнимым, прикрывая тревожную растерянность. Необходимо пустить в оборот основной капитал партии по национальному вопросу»².

Напомним читателю, что, направляя это письмо редактору «Правды», Троцкий не только знал о ленинской диктовке «К вопросу о национальностях...», но и располагал ее копией (хотя и не обмолвился об этом ни единым словом). Да и сам Бухарин, если и не читал, то догадывался о существовании подобного документа, ибо, судя по всему, у Марии Ильиничны секретов от него не было.

Открытие XII съезда было назначено на 17 апреля. А накануне, 16-го, Фотиева пишет Сталину: «Прилагаемая статья т. Ленина [«К вопросу о национальностях или об “автономизации”» — *ВЛ.*] была написана им 31/XII-22 г. Владимир Ильич предполагал ее опубликовать...

Владимира Ильича сильно волновал национальный вопрос и он готовился выступить по нему на партсъезде, а в этой статье его точка зрения по данному вопросу выражена очень ярко... Считаю своим партийным долгом довести до Вашего сведения эту статью, хотя и не имею формального распоряжения Владимира Ильича.

Ранее сделать этого не могла, т.к. сначала не было еще вполне очевидно, что Владимир Ильич не сможет сам выявить свою волю в этом отношении до съезда, а последние 2S недели(???) я была больна и сегодня первый день на работе»³.

Что означает появление ленинской статьи в дни съезда, Сталин прекрасно понимал, ибо о ее содержании также был

---

¹ Известия ЦК КПСС. 1990., № 9. С. 154.

² Там же. С. 155.

³ Там же. С. 155, 156.

осведомлен. Но брать на себя решение, естественно, не стал. И когда Фотиева позвонила и сказала, что направляет ему эту статью, он сразу ответил, что посылать не надо, и на своем письме Лидия Александровна сделала пометку: «Не послано, т.к. т. Сталин сказал, что он в это не вмешивается»¹.

Тогда Фотиева в тот же день, 16-го, звонит Каменеву, а затем пишет ему письмо «как председательствующему в Политбюро», где опять излагает историю ленинской статьи. О том, что Ленин продиктовал ее 31 декабря, что хотел ее опубликовать и собирался выступить по национальному вопросу на партсъезде, но после «захворал, не сделав окончательного распоряжения».

«Статью эту Владимир Ильич считал руководящей, — пишет Фотиева, — и придавал ей большое значение. По распоряжению Владимира Ильича она была сообщена т. Троцкому, которому Владимир Ильич поручил защищать его точку зрения по данному вопросу на партсъезде ввиду их солидарности в данном вопросе... О вышеуказанном довожу до Вашего сведения». Подпись: «Личный секретарь В.И. Ленина. Л. Фотиева». Копию письма Лидия Александровна послала Троцкому².

Каменеву это послание, да еще полученное буквально накануне съезда, тоже пришлось совсем некстати. Потому и реакция его была не вполне адекватной — почему Фотиева обратилась именно к нему? «Так как в ПБюро, — пишет он, — не существует звания “председательствующего” (председатель выбирается для каждого заседания), то я удивлен, что Вы обратились почему-то ко мне, вместо того, чтобы адресоваться в правильном партийном порядке, — через Секретариат ЦК».

Никаких эмоций по поводу новой «руководящей» статьи, ни слова о ее содержании — Каменев не выражает. Выясняется, впрочем, что статью эту он уже читал. «Более месяца тому назад, — говорится в его ответе, — т. Троцкий показывал мне статью Владимира Ильича по национальному вопросу...» Но для него проблема состояла не в ее содержании.

Проблема заключалась в том, что Фотиева не соблюла «точность и формальность в таком важном для всей партии деле, как передача воли Владимира Ильича». Троцкому она, мол, говорила (6 марта!), что статья не подлежит оглашению, теперь (16 апреля!) она ставит вопрос о ее публикации. «Если Вы уверены, что знаете, в чем именно заключается воля Владимира Ильича в данном случае, Вы должны немедленно обратиться со своим конкретным предложением в ЦК»³.

¹ Известия ЦК КПСС. 1990. № 9. С. 156.

² Там же. С. 156.

³ Там же. С. 157.

Каменев настолько осторожен, что, «соблюдая правильный партийный порядок», тут же пишет в Секретариат ЦК: «Сейчас, 5 час. 35 мин., получил прилагаемую записку тов. Фотиевой. Пересылаю ее в ЦК, ибо записка ничего лично меня касающегося не заключает». Но, словно опомнившись, добавляет: «По-моему, ЦК должен сейчас же решить положительно вопрос об опубликовании статьи Владимира Ильича. 16/IV-23 г. 5 ч. 45 м.». К этому письму он прикладывает и копию ответа Фотиевой¹.

Троцкий на письмо Фотиевой ответил по-иному, обратившись не в Секретариат, а ко всем членам ЦК РКП(б): «Статья т. Ленина была мною получена 5-го марта одновременно с тремя записками т. Ленина, копии которых при сем также прилагаются». Он имел в виду письмо Ленина и записку Володичевой от 5 марта, а также письмо Ленина Мдивани и другим от 6 марта 1923 года.

«Я тогда, — пишет Троцкий, — снял для себя копию статьи как имеющий исключительное принципиальное значение и положил ее в основу как своих поправок к тезисам т. Сталина (принятых т. Сталиным), так и своей статьи в “Правде” по национальному вопросу, которая была опубликована 20 марта 1923 года».

Поскольку в ленинской работе подвергнуты критике три члена ЦК, продолжает Троцкий, и пока оставалась надежда на то, что Владимир Ильич сам распорядится данной статьей, он — Троцкий — не ставил о ней вопроса. Но теперь, после письма Фотиевой, «я не вижу другого исхода, как сообщить членам Центрального Комитета статью...» О ее публикации он вопроса не ставит, речь идет лишь о возможности доведения ее «в том или другом виде до сведения партии или партсъезда...»²

Письмо Троцкого поступило в Секретариат ЦК 16 марта в 8 часов 10 минут вечера. А уже в 9 часов вечера Сталин получает письмо Фотиевой, которая пишет: «Сегодня я советовалась с Марией Ильиничной по вопросу о том, не нужно ли опубликовать пересланную мною Вам статью Владимира Ильича...

Мария Ильинична высказалась в том смысле, что так как прямого распоряжения Владимира Ильича об опубликовании этой статьи не было, то печатать ее нельзя и что она считает возможным лишь ознакомление с нею членов съезда.

---

¹ Известия ЦК КПСС. 1990. № 9. С. 156, 157.

² Там же. С. 158.

С своей стороны считаю нужным прибавить, что Владимир Ильич не считал эту статью законченной и готовой для печати»¹. Можно лишь догадываться о том, сколь сложен был путь, проделанный Лидией Александровной от ее утреннего письма до этого — вечернего.

Так или иначе, но ровно в 10 часов вечера того же 16 марта Сталин обращается к членам ЦК с формальным заявлением: «Я думаю, — пишет он, — что статьи тов. Ленина следовало бы опубликовать в печати. Можно только пожалеть, что, как это ясно из письма тов. Фотиевой, их, оказывается, нельзя опубликовать, так как они еще не просмотрены тов. Лениным».

Одновременно Сталин обвиняет в сложившейся ситуации Троцкого, который не довел до сведения Политбюро **статей** Ленина, имеющих «безусловно высокопринципиальное значение». И теперь «об этих статьях говорят, как мне сообщают сегодня делегаты съезда, вокруг них складываются среди делегатов слухи и легенды, о них знают, как я узнал сегодня, люди, ничего общего с ЦК не имеющие, сами члены ЦК вынуждены питаться этими слухами и легендами, между тем ясно, что ЦК должен был быть прежде всего информирован об их содержаниях»². Под той же датой — 16 апреля — заявление Сталина с приложением ленинской статьи, писем Троцкого, Каменева и Фотиевой раздаются всем членам ЦК РКП(б).

В этот последний перед съездом и столь насыщенный событиями день сам Владимир Ильич все еще надеялся, что ему удастся встать с постели. Еще 14-го медики отметили, что он стал чувствовать себя бодрее и полагает, что у него наступило некоторое улучшение.

Он все время пытался что-то объяснить им, часто показывал на шкаф, где лежали его документы, и на дверь, а 16-го, после обеда, когда пришли Фёрстер, Крамер и Вейсброт, знаками показал, что хочет встать и пойти. Поддерживаемый Фёрстером и Крамером, Ленин поднялся и попытался сделать несколько шагов. Но правая нога совершенно не слушалась, стоять на ней он не мог, да и передвинуть ее никак не удавалось.

Неудача, видимо, крайне расстроила Владимира Ильича, и весь вечер, как отметил дежурный врач Елистратов, он находился в сильнейшем волнении, а ночью метался по кровати, показывая пальцем на дверь, будто хотел сказать, что ему надо, обязательно надо идти...³

¹ Известия ЦК КПСС. 1990. № 9. С. 159.

² Там же. С. 159.

³ См.: РГАСПИ. Ф. 16. Оп. 2. Ед. хр. 12. Л. 243, 248.

Возможно, данный текст перенасыщен цитированием переписки. Но сделано это намеренно. Повторю вновь: при такой плотности абсолютно достоверных документов, тесно переплетающихся между собой, нет необходимости опровергать мнение о том, что и статья Ленина по национальному вопросу, и мартовские письма Владимира Ильича были якобы сфабрикованы позднее Троцким, Крупской, Фотиевой и Володичевой.

В связи с обострением болезни Ленина надо было решать вопрос о том, кто же выступит с отчетным докладом ЦК. На предыдущем XI съезде его поделили надвое: политический сделал Ленин, организационный — Молотов. А как быть теперь?

В своих воспоминаниях «Моя жизнь» Троцкий пишет, что когда об этом встал вопрос впервые, Сталин якобы «сказал на заседании политбюро: “Конечно, Троцкий”. Его сейчас же подержал Калинин, Рыков и, явно против своей воли, Каменев.

Я возражал, — пишет Троцкий. — Партии будет не по себе, если кто-нибудь из нас попытается как бы персонально заменить больного Ленина. Обойдемся на этот раз без вводного политического доклада. Скажем то, что нужно, по отдельным пунктам повестки дня... Вопрос остался нерешенным».

Документальных подтверждений этой версии не обнаружено. Но 31 марта данный вопрос обсуждал Пленум ЦК. Постановили: Троцкому поручался доклад о госпромышленности, Сталину — по национальному вопросу, Рыкову — по районированию, Каменеву — о налоговой политике.

А далее следовало решение: главный доклад — отчет ЦК поручить Сталину и Зиновьеву, «предложив им распределить между собой темы доклада». При этом не надо «ставить отдельным пунктом повестки дня съезда оргвопрос, сделав его выводами из доклада ЦК».

И все-таки Зиновьев настаивал на том, чтобы политический доклад дали ему. 5 апреля он предложил Пленуму ЦК свои тезисы. Их редакцию поручили Сталину, Молотову и Зиновьеву. И дело кончилось тем, что отчет ЦК все-таки разделили: политический доклад должен был делать Зиновьев, организационный — Сталин.

Утром 17 апреля 1923 года в Большом Кремлевском дворце состоялось открытие XII съезда РКП(б). На нем присутствовало 409 делегатов с решающим голосом (на XI съезде — 522) и 417 — с совещательным (на XI — 165), представлявших 386 тысяч (на XI съезде — 532 тысячи) членов партии. Делегаты заочно избрали Ленина в президиум и послали ему приветствие.

В «Отчете за год работы ЦК РКП (с XI до XII съезда РКП)» говорилось: «...Не только для Центрального Комитета, но и для всей партии в целом величайшим несчастьем была длительная болезнь вождя партии — т. Ленина». Его руководство «не могло быть в течение последних месяцев достаточно полным ввиду тяжелого недуга, которым он был поражен. Но те указания, которые им даны в последних статьях, помещенных в “Правде”, поставили перед партией новые грандиозные задачи не на один год. Настоящий партийный съезд обсудит эти задачи, воплотит их в решения партии...»¹

При открытии съезда была заслушана информация о мерах, предпринятых ЦК для лечения Ленина, и в ней указывалось, что наступившее в последнее время улучшение позволяет надеяться на его полное излечение в будущем. Поэтому и в приветствии Владимиру Ильичу делегаты выражали уверенность в том, что «недалек день, когда кормчий вернется к кормилу»².

Между тем, за кулисами съезда стал назревать скандал. Ознакомившись с заявлением Сталина, обвинявшим Троцкого в сокрытии ленинской статьи, тот немедленно написал контрзаявление и потребовал «расследовать это дело в конфликтной комиссии съезда либо в особой комиссии». При этом он прекрасно понимал, что предметом публичного осуждения неизбежно станут ленинские статьи, а не его личный престиж³.

17 апреля Троцкий и Сталин встретились, и Сталин, якобы, пообещал сделать заявление, устраняющее конфликт. Но на следующий день, 18-го, Троцкий вновь пишет Сталину: «Вчера после личной беседы Вы заявили, что считаете для себя совершенно ясным, что в вопросе о статье т. Ленина мною не совершено было никаких неправильных шагов... До сегодняшнего утра (11 часов) я такого заявления не получал... Если я не получу от Вас в ответ на эту записку сообщения о том, что Вы в течение сегодняшнего дня разошлете всем членам Центрального Комитета заявление... то я... обращусь в конфликтную комиссию с просьбой о рассмотрении вопроса в полном его объеме»⁴.

В тот же день, 18 апреля, президиум XII съезда принял постановление: огласить «записки т. Ленина» по национальному вопросу и весь материал, относящийся к ним, на совещании

---

¹ Двенадцатый съезд РКП(б). 17-25 апреля 1923 г. Стенографический отчет. М., 1968. С. 809.

² Двенадцатый съезд РКП(б). Л. 6, 89.

³ Известия ЦК КПСС. 1990. № 9. С. 160, 161.

⁴ Там же. С. 161.

представителей делегаций. Затем члены президиума съезда огласят эти записки и материалы по делегациям и одновременно сообщат решение Пленума ЦК по грузинскому вопросу. На секции по национальному вопросу указанные документы не оглашать.

Одновременно президиум рассмотрел вопрос о причинах появления «записки т. Ленина» 16 апреля, т.е. накануне съезда. Пришли к выводу, что это связано лишь «с отданными т. Лениным распоряжениями и с ходом его болезни». Посему постановили «считать распространение каких-либо слухов о задержке оглашения этой записки со стороны кого бы то ни было из членов ЦК клеветой»¹.

«Сеньорен-конвент» (1 от 10 делегатов), прозванный для простоты некоторыми делегатами «синим конвертом», собрали после вечернего заседания 18 апреля. Так что каждый десятый с письмом Ленина был ознакомлен. После этого информацию провели по делегациям.

Для этого документ был размножен в соответствующем количестве экземпляров. Впрочем, не все члены Президиума выступавшие в делегациях, полагаясь на собственную память, воспользовались данным текстом. Так что речь уже шла о пересказе двух материалов и их трактовке. После этого все копии письма были уничтожены.

Таким образом, хотя решение о том, чтобы на открытых заседаниях ленинское письмо не фигурировало, было принято, чтобы о нем — в той или иной форме — знали все делегаты. И письмо упоминалось и на самих заседаниях съезда, не говоря уже о секции по национальному вопросу и прениях при обсуждении резолюции.

Так, в своем выступлении Зиновьев прямо заявил, что этот документ дает съезду «совершенно четкие указания по национальному вопросу». Но он пока не публикуется исключительно «ввиду характера тех указаний, которые дал сам Владимир Ильич». И «дело тут вовсе не в личных нападках». Сам же «принципиальный взгляд т. Ленина на этот вопрос... нашел себе полное отражение в тех исчерпывающих тезисах по национальному вопросу, которые предложили вашему вниманию т. Сталин и весь состав ЦК нашей партии»².

Что касается «личных нападок» и тех комментариев, которые давались при информировании делегатов, то они отчетливо прозвучали в выступлении Авеля Енукидзе.

---

¹ Известия ЦК КПСС. 1990. № 9. С. 162.

² Двенадцатый съезд РКП(б). 17-26 апреля 1923 года. С. 601, 602.

Говоря о том, что Мдивани «в своей речи ежесекундно склонял имя т. Ленина... хотел создать впечатление, что т. Ленин будто специально написал это письмо, чтобы поддержать товарищей уклонистов и оправдать всецело их политику (Бухарин: «Конечно, с этой целью»). Не с этой целью, т. Бухарин...

Я здесь утверждаю товарищи, и надеюсь, что когда т. Ленин поправится, он согласится с тем, что политика проводимая там т. Орджоникидзе... была правильной».

И далее, совсем в духе письма ЦК от 24 января 1923 года: «Мне кажется, т. Ленин сделался жертвой односторонней неправильной информации. Когда к человеку, по болезни не имеющему возможности следить на повседневной работой, приходят и говорят, что там-то и таких-то товарищей обижают, бьют, выгоняют, смещают и т.д., он, конечно, должен был написать такое резкое письмо». И далее Енукидзе заявил, что в письме Ленина игнорируется опасность «антирусского шовинизма», оставшегося от грузинских меньшевиков¹.

Обвинение Ленина в «односторонности» отвел Бухарин: «Почему т. Ленин не сказал ни слова в своем письме об ошибках уклонистов и, наоборот, все слова сказал, и четырехаршинные слова сказал, против политики, которая велась *против* уклонистов? Почему он это сделал?

А потому, что т. Ленин — гениальный стратег. Он знает, что нужно бить главного врага, а не эклектически нанизывать оттеночки на оттеночки. Например, на этом съезде нечего говорить о местном шовинизме. Это — вторая фаза нашей борьбы. И если будем говорить в целях «объективной справедливости» о великорусском шовинизме и в то же время будем рассуждать, что существует еще грузинский шовинизм, украинский шовинизм, ахалцыхский, гомель-гомельский шовинизм и какой угодно шовинизм, этим мы потопим основной вопрос.

И поэтому совершенно ясно, что т. Ленин в своих письмах и в известном документе, о котором здесь говорилось, вовсе не стоял на точке зрения этой замечательной «объективной справедливости», а взял кое-кого за волосы и давай дергать направо и налево. И совершенно правильно сделал, именно потому, что только так можно повернуть общественное мнение партии по той дороге, которую т. Ленин считал правильной».

Зал аплодировал Бухарину, но он въедливо заметил, что когда выступал Зиновьев и «говорил против местного шовинизма — гром аплодисментов отовсюду посыпался. Какая замечательная солидарность! Но что это означает?.. Это означа-

---

¹ Двенадцатый съезд РКП(б). С. 589, 590.

ет, что в тех местах речей, где речь идет о местных шовинистах, все против... Но когда речь идет о русском шовинизме, там только кончик торчит (аплодисменты, смех), *и это есть самое опасное*¹.

В задачу данной работы не входит анализ всех материалов XII съезда РКП(б). Нам важно проследить судьбу лишь одного из ленинских документов, а именно — его письма «К вопросу о национальностях или об “автономизации”».

Как указывалось выше, оно многократно упоминалось и *цитировалось* на заседаниях съезда. При этом все выступавшие, в том числе члены Политбюро, прекрасно осведомленные о всех обстоятельствах появления этого документа, прямо указывали на его принадлежность Ленину. Этому авторства никто под сомнение не ставил. И не надо современным «разоблачителям» ставить в дурацкое положение сам съезд, уделивший столько внимания якобы какой-то «фальшивке».

Несостоятельна и попытка противопоставить ленинское письмо так называемому «классовому подходу». Многие делегаты съезда помнили полемику по этому вопросу на VIII съезде РКП(б) между Лениным и Бухариным и Пятаковым, утверждавшим, что пролетариат должен поддерживать право на самоопределение трудящихся, а не потакать стремлению к самоопределению национальной буржуазии.

«Раз нации, — говорил тогда Ленин, — стоят на разных ступенях пути от средневековья к буржуазной демократии и от буржуазной демократии к пролетарской, то... каждая нация должна получить право на самоопределение и это способствует самоопределению трудящихся»².

В противном случае это приведет лишь к усилению влияния национальной буржуазии и разобщению трудящихся по национальному признаку, ибо осознание ими противоположности своих классовых интересов интересам буржуазии идет тем быстрее, чем полнее уничтожены остатки колониализма, национального гнета и неравенства.

Это для Ленина, как и различие между национализмом большой нации и малой нации, было аксиомой. Вот почему после беседы в декабре 1922 года в ученым-ихтиологом Н.М. Книповичем Владимир Ильич пишет письмо в РКИ с требованием привлечь к суровой ответственности чиновников Управления островным хозяйством Северного Ледовитого океана,

---

¹ Двенадцатый съезд РКП(б). С. 614.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 38. С. 161.

которые ведут себя на Новой Земле как прежние колонизаторы, торгуя за бесценок, и «спиртом спаивают инородцев»¹.

Вот почему, получив информацию о колонизаторских тенденциях чиновников-коммунистов в Средней Азии, он требует представить ему («от себя лично, *чтобы разобратся в вопросе хорошенько*») материалы по «вопросу защиты интересов туземцев против “русских” (великорусских или колонизаторских) преувеличений... Есть некоторые разногласия по этому вопросу внутри Цека».

И далее Ленин пишет: «Я лично **очень** подозреваю “линию Томского” (может быть, вернее, линию Петерса? или линию Правдина? и т. *под.*) в великорусском шовинизме или, правильнее, в уклоне в эту сторону.

Для всей нашей Weltpolitik [мировой политики] дьявольски важно завоевать доверие туземцев; трижды и четырежды завоевать; *доказать*, что мы *не* империалисты, что мы *уклона* в эту сторону *не* потерпим... Тут надо быть архистрогим»².

Этим и объясняются те «четырехаршинные» слова, о которых упомянул в своем выступлении Бухарин. Все участники XII съезда прекрасно понимали, что адресуются они исключительно тем чиновникам, которые допускают бюрократические извращения государственной политики на окраинах. И не случайно в приведенном выше документе слово «русские» Ленин берет в кавычки, пояснив, что он имеет в виду под этим великорусские и колонизаторские тенденции.

Все прекрасно понимали, что когда Ленин в своем письме пишет об «истинно русском держиморде», то со времен гоголевского «Ревизора» под этим подразумевается казенный чин — хам и насильник по отношению к нижестоящим, более слабым и зависимым людям.

О том, что именно так воспринимали послание Ленина делегаты съезда, свидетельствовало, в частности, выступление одного из представителей Туркестана Х. Мусаева. «Когда уполномоченные представители, — рассказывает он, — которые не знают жизни национальностей, живущих в этой республике, приезжают, они изображают из себя восточных людей, даже надевают халат...

Проходит месяц, они снимают халат и через три месяца становятся... не работником по проведению национальной политики на местах, а становятся диктаторами не этой республики, а той которая его посылает... Правительство само-

¹ См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 54. С. 316.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 53. С. 189, 190.

стоятельной республики становится жертвой этого полномочного представителя»¹.

А устойчивое и ироничное словосочетание — «истинно русский человек», которое употребляет Ленин, в прессе начала XX века и в обиходном разговоре адресовалось исключительно черносотенцам и их духовным лидерам — молдаванину Пуришкевичу и немцу Грингмуту, которого С.Ю. Витте публично обвинил в том, что, призывая «истинно русских людей» к борьбе с жидами и прочими инородцами, он скрыл свое еврейское происхождение.

«Грингмут, — писал Витте, — представляет собой все свойства ренегата. Известно, что нет большего врага своей национальности, своей религии, как те сыны, которые затем меняют свою национальность и свою религию. Нет большего юдофоба, как еврея, принявшего православие»².

Делегатом XII съезда, обсуждавшим ленинское письмо «К вопросу о национальностях или об “автономизации”» и в страшном сне не могло присниться, что спустя почти сто лет, кто-либо, как это делает В.А. Сахаров, грудью встанет на защиту держиморд и обвинит автора данного письма в «русофобии»³.

На последнем заседании XII съезда 25 апреля были оглашены результаты выборов в центральные органы партии. Эти результаты и перемены, произошедшие в партии за год, наиболее наглядно просматриваются при их сравнении с итогами выборов в ЦК на XI съезде РКП(б).

Напомним, что на XI съезде фигурировало три списка: два, предложенных группами делегаций, и один — традиционный, представляющий собой чистый бланк, в который делегаты вписывали тех, кого они считали наиболее достойными для избрания в ЦК. И именно этим третьим списком воспользовалось тогда большинство (302 из 478) голосовавших.

На XII съезде для выборов членов ЦК предлагался лишь один, отпечатанный типографским способом список из 40 человек, согласованный со всеми крупнейшими организациями партии. В конце списка пояснялось, что: «...а) в случае замены кого-либо из указанных в списке, имя его зачеркивается и против него вписывается фамилия предлагаемого кандидата; б) вписывание сверх указанного числа членов и кандидатов — не допускается; в) голосование производится только настоя-

¹ Известия ЦК КПСС. 1991. № 3. С. 176, 177.

² Витте С.Ю. Воспоминания. М., 1960. Т. 3. С. 468.

³ См.: Сахаров В.А. «Политическое завещание» Ленина. С. 321, 330.

щими бланками и все изменения в списке делегаты должны производить на этом бланке»¹.

То есть впервые появилась возможность, не утруждая себя выбором, опустить в урну готовый бюллетень.

По опыту XI съезда было очевидно, что все включенные в этот список будут избраны в состав ЦК, ибо трудно предположить, что несколько сот делегатов впишут дополнительно одни и те же фамилии. Но зато достаточно было сговориться даже не очень большой группе делегатов, чтобы принципиально изменить место в списке того или иного кандидата.

Все это при голосовании создавало несколько иную ситуацию, ибо думать теперь надо было уже не о том, кто наиболее достоин избрания, а о том, кого вычеркивать. Возникла и опасность того, что наиболее проходными кандидатами могут оказаться представители «золотой середины» — те, кто не вызывал у делегатов ни положительных, ни отрицательных эмоций.

Итак, из 408 делегатов с решающим голосом в голосовании приняли участие 386. Первым по большинству полученных голосов (все 386) шел Ленин. 385 голосов, т.е. по одному против, получили Калинин и Дзержинский. 384, по два против — Бухарин, Кубяк, Петровский, Рудзутак, Сталин. Три голоса против получил Чубарь, а по четыре (т.е. 382 «за») — Андреев, Киров, Рыков, Томский. Зеленский (380 голосов) стал четырнадцатым. А Сулимов и Угланов (по 379 голосов) разделили пятнадцатое и шестнадцатое место².

Если сравнить эти итоги с соответствующими данными о голосовании на XI съезде, то увидим, что лидирующая группа изменилась следующим образом: в ней появились Киров, Кубяк, Чубарь, а выпали — Троцкий, Радек, Раковский, И.Н. Смирнов и Орджоникидзе.

Элемент случайности в полученном при голосовании месте в списке, конечно, был. Николай Афанасьевич Кубяк, работавший с 1920 года в аппарате ЦК ответственным инструктором и лишь незадолго до съезда ставший секретарем Дальбюро ЦК, и помышлять не мог о том, что по числу голосов окажется в одной группе со Сталиным и Бухариным.

Но гораздо более сенсационными оказались другие передвижки. Троцкий, поделивший на XI съезде первое место с Лениным, теперь, получив 49 голосов против, оказался в конце списка на 35 месте. (Забегая вперед, отметим, что через год, на XIII съезде, он вообще оказался на предпоследнем месте.)

¹ РГАСПИ. Ф. 50. Оп. 1. Ед. хр. 58. Л. 5, 13.

² Там же. Л. 17.

Радек (33 против) перекочевал с 6 на 33 место. Раковский (50 против) — с 9 на 36. Орджоникидзе (72 против) — с 15 на 37 место. Не принесли также радости итоги голосования Каменеву (14 против), передвинувшемуся с 16 на 24 место, и Зиновьеву (27 против) — с 19 на 32 место.

Как видим, при 386 голосовавших, списочный рейтинг внутри ЦК определяли буквально считанные голоса. И если бы оппозиционно настроенные делегаты сговорились, то, вероятно, «тройка» — Каменев, Зиновьев и Сталин — получили бы куда больше голосов против. Но они, судя по всему, сконцентрировались на попытке провести в ЦК И.Н. Смирнова (на XI съезде 14 место) и Т.В. Сапронова, которых вообще не было в списке.

Но эта попытка оказалась неудачной. Смирнова вписали 191 делегат, а Сапронова — 135. Подавляющее большинство фамилий, дополнительно включенных в список (около 70), получили лишь от 1 до 20 голосов. Между тем, за замыкавшего список избранных членов ЦК (№ 40) М. Харитонову отдали свои голоса 264 делегата.

Таким образом, состав членов ЦК увеличился с 27 до 40 человек. Из кандидатов в члены ЦК, избранных на XI съезде, в состав членов ЦК теперь перешли — секретарь ЦК КП Азербайджана С.М. Киров (382 голоса), секретарь исполкома Петроградского губсовета Н.П. Комаров (374), секретарь Юго-Восточного бюро ЦК А.И. Микоян (367), генсек аппарата ИККИ Д.З. Мануильский (369), секретарь М.К. — В.М. Михайлов (350), зампред Госплана Г.Л. Пятаков (375) и председатель Уралпромбюро Д.Е. Сулимов (379 голосов).

Впервые членами ЦК избрали: председателя Петроградского губпрофсовета Г.Е. Евдокимова (367), секретаря Уралбюро ЦК П.А. Залуцкого (281), секретаря ЦК КП Украины Э.И. Квинринга, секретаря Дальбюро ЦК Н.А. Кубяка (384), командующего войсками СибВО М.М. Лашевича (360), секретаря Нижегородского губкома Н.А. Угланова (379), председателя правления электротехнического треста К.В. Уханова (309), секретаря Пермского губкома М.М. Харитонов (264). Впервые в состав ЦК избрали и заместителя председателя СНК и СТО А.Д. Цюрупу (370 голосов)¹.

Во второй список, предназначенный для избрания кандидатов в члены ЦК РКП(б) было включено 17 человек. Все они благополучно прошли через голосование в следующем порядке: председатель ЦК Союза металлистов И.И. Лепсе — 383 го-

¹ См.: РГАСПИ. Ф. 50. Оп. 1. Ед. хр. 58. Л. 17.

лоса, секретарь Мотовилихинского райкома РКП(б) И.П. Румянцев — 380, секретарь Тверского губкома М.С. Чудов и заводом ЦК РКП(б) Л.М. Каганович — по 377, секретарь ЦК КП Украины Д.З. Лебедь и заводом ВСНХ М.Е. Урываев — по 376, секретарь Донского комитета РКП(б) Н.Н. Колотилов — 375, заводом Петроградского комитета РКП(б) И.М. Москвин — 374, секретарь Сиббюро С.В. Косиор — 373, председатель СНК Армянской ССР А.Ф. Мясников — 370, председатель Петроградского потребительского общества А.Е. Бадаев — 368, председатель Союзного Совета ЗСФСР Н.Н. Нариманов — 365, нарком внутренних дел Украинской ССР Н.А. Скрыпник — 355, секретарь ЦК КП Грузии И.Д. Орахелашвили — 346, заводом ЦК РКП(б) А.С. Бубнов — 345, сотрудник ВЧК Д.Г. Морозов — 325 и председатель СНК Туркестанской АССР Г.Р. Рыскулов¹.

Благополучно прошел и третий список из 50 человек — кандидатов для избрания в состав ЦКК. Прошли все. 386 голосов получили С.И. Гусев, Н.П. Крумин, В.В. Куйбышев, М.К. Малахов, Н.Ф. Панов. 385 голосов — А.С. Волков, А.С. Киселев, Т.С. Кривов, Ф.В. Ленгник, М.К. Муранов, М.И. Седов, И.Д. Ченцов, С.Е. Чуцкаев, Н.М. Шверник, Н.М. Янсон и т.д. Лидировавший прежде А.А. Сольц оказался на 42 месте, получив 375 голосов². В состав Ревизионной комиссии избрали Д.И. Курского, В.П. Ногина и И.И. Скворцова-Степанова.

Таким образом, предложение Ленина о расширении состава ЦК РКП(б) не за счет «должностных лиц», а за счет рабочих «от станка», для «предотвращения того, чтобы конфликты небольших частей ЦК могли получить непомерное значение для всех судеб партии»³ — реализовано не было.

А на следующий день предстояло закрытие съезда. И в эту ночь Владимир Ильич совсем не спал, был возбужден до крайности, что-то говорил, пытался встать с постели. Но, когда медсестра попыталась выяснить, что именно его волнует, он только несколько раз повторил: «тайна... тайна...»

Вызвали Надежду Константиновну и Марию Ильиничну, а когда они пришли, то уловили лишь слова: «товарищи... теперь... сегодня...» Что — «сегодня», что — «теперь» они не поняли, и тогда Владимир Ильич стал опять показывать на шкаф. Наконец, впервые его поняли, и, как пишет врач, он «заставил достать из шкафа папку с бумагами», вероятно, как раз ту, где лежали его письма к съезду. При этом, как отметил врач, Ленин совершенно отчетливо произнес: «Съезд... Товарищи...»⁴

¹ См.: РГАСПИ. Ф. 50. Оп. 1. Ед. хр. 58. Л. 18.

² Там же. Л. 18.

³ См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 343.

⁴ См.: РГАСПИ. Ф. 16. Оп. 2с. Ед. хр. 12. Л. 268.

26 апреля на пленуме нового состава ЦК РКП(б) избрали Политбюро. В него вошли: Г.Е. Зиновьев, Л.Б. Каменев, В.И. Ленин, А.И. Рыков, И.В. Сталин, М.П. Томский, Л.Д. Троцкий. Кандидаты: Н.И. Бухарин, М.И. Калинин, В.М. Молотов, Я.Э. Рудзутак. В Оргбюро избрали А.А. Андреева, Ф.Э. Дзержинского, В.М. Молотова, Я.Э. Рудзутака, А.И. Рыкова, И.В. Сталина, М.П. Томского. Кандидаты: А.И. Зеленский, М.И. Калинин, В.М. Михайлов. Секретарями ЦК избрали: И.В. Сталина — генсек, В.М. Молотова, Я.Э. Рудзутака.

Ленина по-прежнему более всего угнетало то, что он не может выразить свои мысли, выходящие за пределы повседневного быта. Расстраивало и то, что окружающие, даже самые близкие, никак не могут его понять. У Владимира Ильича все более крепло убеждение, что весь синклит медицинских светил вокруг него, все эти бесконечные осмотры, назначения, процедуры — не имеют смысла, ибо болезнь его лечению не поддается.

Когда профессор Розанов стал убеждать его в том, что он должен не отказываться от еды, а, наоборот, лучше кушать, — «В.И. безнадежно махнул рукой и ответил: “Зачем?”» Как объяснил он Кожевникову, который стал понимать его лучше других, — «врачей было очень много, а толку мало и в конце В.И. совершенно отчетливо сказал: “шабаш”». И по мнению Кожевникова, это «сознание неизлечимости» было дополнительным негативным психологическим фактором, влиявшим на состояние Ленина¹.

При всей своей деликатности он нисколько не скрывал этого от врачей. И уже в конце апреля — начале мая иностранная профессура стала разъезжаться. 3 мая на две недели уехал в Германию и Фёрстер. К Ленину теперь не надолго заходили лишь по двое, по трою: Бехтерев, Нонне, Осипов или Нонне и Гетье, Гетье и Розанов. И все эти дни он старался как можно больше обходиться без посторонней помощи при еде, почти каждый день сидел в кресле, иногда просил покатать его в кресле по квартире или перевезти в комнату Крупской².

А 14 мая его даже подняли на лифте на веранду. И в этот день Крамер, Нонне, Елистратов и Кожевников, посоветовавшись с Марией Ильиничной, порешили, что поскольку вот-вот начнется лето, то пора уже перевозить Владимира Ильича из Кремля в Горки³.

¹ См.: РГАСПИ. Ф. 16. Оп. 2. Ед. хр. 12. Л. 253, 284, 286.

² Там же. Л. 266, 281, 285, 294, 297.

³ См.: РГАСПИ. Ф. 16. Оп. 2. Ед. хр. 13. Л. 298.

С утра 15-го подготовили машину: сняли переднее сиденье, положили воздушный матрац и подушки, ослабили давление в шинах, чтобы меньше трясло. Затем, около 15 часов, вкололи Владимиру Ильичу снотворное, перенесли в автомобиль и в 15.15 поехали. Дорога заняла всего 1 час 27 минут, так что Ленин так и не успел проснуться¹.

«В большом доме, — вспоминала Крупская, — мы устроили Владимира Ильича так, как он хотел, в той комнате, в которой он жил раньше, до болезни, — самой скромной во всем доме — сняли со стен картины, поставили ширму, поставили кресло, столик... Кресло стояло напротив окна, а из окна было видно село Горки»².

Переезд повлиял на Владимира Ильича весьма благотворно. В первые дни, когда его вывозили в кресле на террасу, он — после кремлевского шума — буквально сразу засыпал от деревенского воздуха и тишины. А вернувшийся 17-го Фёрстер, как и другие врачи, констатировал, что «В.И. чувствует себя значительно лучше, чем в Москве»³.

Владимир Николаевич Розанов регулярно проводил массаж и гимнастику правой ноги и руки, подробно объясняя функцию каждой мышцы. Ленин внимательно слушал и стал предпринимать попытки, опираясь на чье-либо плечо, самостоятельно пройти от кровати до кресла, потом по комнате, а затем, при поддержке с двух сторон, от комнаты до террасы. Но главное — начались регулярные занятия по восстановлению речи. Начал их Фёрстер, потом Крамер, но с 19 мая за это взялся крупнейший специалист в данной области С.М. Доброгаев⁴.

Упражнялись в произнесении гласных, согласных, отдельных слов. И так как занятия пошли успешно, то и настроение у Владимира Ильича улучшилось. Головные боли, повышенная возбудимость периодически возникали вновь, но повторяющаяся запись в «Дневнике дежурных врачей» — «настроение ровное и спокойное»⁵.

22 мая, выступая на II Всероссийском съезде по ликвидации неграмотности, Крупская сказала, что в последние дни наблюдается общее улучшение состояния здоровья Ильича. А Кларе Цеткин она написала: «Сейчас положение таково, что я начинаю надеяться, что выздоровление не исключено»⁶.

¹ См.: РГАСПИ. Ф. 16. Оп. 2. Ед. хр. 13. Л. 299.

² Воспоминания о В.И. Ленине. В пяти томах. Изд. 3-е. Т. 1. М., 1984. С. 576.

³ См.: РГАСПИ. Ф. 16. Оп. 2. Ед. хр. 13. Л. 306.

⁴ Там же. Л. 302, 305, 310.

⁵ Там же. Л. 315, 336.

⁶ См.: В.И. Ленин. Биографическая хроника. Т. 12. С. 612, 613.

Для того, чтобы написать столь определенно, нужны были основания. К сожалению, подробные записи Алексея Михайловича Кожевникова заканчиваются на 5 мая 1923 года. Далее заводится новый журнал, краткие записи в котором сначала делает Василий Васильевич Крамер, а с 5 июля — еще более краткие — петроградский профессор-психиатр Виктор Петрович Осипов. Но даже по этим записям видно, что тогда — в конце мая — улучшение в состоянии здоровья Владимира Ильича было явным.

Так или иначе, но какой-то импульс, исходивший от Ленина, наверняка был, ибо именно в эти дни Крупская передает Зиновьеву для Политбюро несколько последних диктовок Владимира Ильича. Первая порция — статьи «О кооперации» и по поводу записок Н. Суханова о революции. 24 мая Политбюро признает необходимым опубликовать их, и уже 26 и 27 мая центральные газеты печатают статью «О кооперации», а 30 мая «О нашей революции (по поводу записок Н. Суханова)».

Поскольку никакой цензурной правки — в отличие от статьи «Как нам реорганизовать Рабкрин» — не последовало, 2 июня Крупская выдает вторую порцию. В этот день Зиновьев пишет Сталину: «Н.К. Ульянова-Крупская передала мне записки В.И. по вопросу о Госплане. Ввиду большой важности этих записей, я предлагаю ознакомить с ними всех членов и кандидатов ЦК РКП, а также членов президиума ЦКК. Прилагаю экземпляр названной записки»¹.

3 июня указанные записи рассылаются членам и кандидатам в члены Политбюро ЦК РКП(б), а 4 июня Политбюро решает ознакомить с ними членов и кандидатов в члены ЦК. Ряд идей, изложенных в этом документе, так или иначе нашли свое отражение в январе 1924 года в решениях XIII Всероссийской партконференции. Однако само письмо Ленина, получившее название «О придании законодательных функций Госплану», было опубликовано лишь спустя 33 года — в 1956 году².

Необходимо заметить, что относительно полноты информации, изложенной Зиновьевым в письме Сталину, и того — что и как обсуждали члены Политбюро в начале июня 1923 года — существует ряд сомнений. Во-первых, Троцкий — один из главных персонажей данной записки Владимира Ильича, 8 июня извещал Секретариат ЦК, что документ этот он так и не получил. Значит, обсуждения вопроса о Госплане до этого не было.

¹ Известия ЦК КПСС. 1991. № 4. С. 53.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 349-353.

Во-вторых, в 1991 году Юрий Алексеевич Буранов опубликовал документ, датированный 7 июня, который позволяет предполагать, что в центре внимания членов Политбюро были в эти дни не только и даже не столько проблемы Госплана. И, наконец, третье — В.А. Сахаров доказал, что уже в начале июля 1923 года ленинское «Письмо к съезду» со всеми характеристиками (без дополнения от 4 января 1923 года) было известно и обсуждалось некоторыми членами ПБ и ЦК РКП(б)¹.

Документ, опубликованный Бурановым, гласит: «Москва 7/VI-1923 г. Т. Каменеву. Посылается обещанный т. Куйбышевым материал для архива партии». А дальше — перечень документов: «Два предложения партсъезду. 1. — Об увеличении числа членов ЦК до 50-100 чел. (как мера придания устойчивости ЦК)... Письмо второе. 24/XII-1922 г. Развитие первого предложения: об увеличении числа членов ЦК (характеристики)». Указана в перечне и запись «О придании законодательного характера решениям Госплана (Вопрос уже возбуждался Троцким)»².

Как документы попали к председателю ЦКК В.В. Куйбышеву — можно лишь гадать. Но то, что они попали именно к Каменеву — вполне объяснимо. Еще 31 марта 1923 года МК РКП(б) принял решение о создании Института Ленина, на который возлагалось собирание и хранение ленинских документов. Позднее — в сентябре 1923 года он был конституирован как отдел ЦК РКП(б).

Но и до этого он был выведен за рамки сугубо московской инициативы. В авторизованной биографии Л.Б. Каменева в словаре Гранат написано: «Во время своей болезни В.И. [Ленин] передал К[аменеву] свой личный архив, из которого впоследствии вырос и развернулся Институт В.И. Ленина, директором которого состоит К[аменев]»³.

То, что в перечне документов, переданных Каменеву Куйбышевым, помимо письма о Госплане, фигурирует «Письмо к съезду» — бесспорно. Это, наверняка, записи от 23 и 24 декабря и, видимо, 25 и 26 декабря. Не хватает лишь добавления от 4 января 1923 года, в котором Ленин предлагает переместить Сталина с должности генсека.

Так что в июне о записи добавления от 4 января из состава Политбюро знали, вероятно, лишь трое: Зиновьев, Каменев,

¹ См. :Сахаров В.А. «Политическое завещание» Ленина. С. 536, 537, 538, 548.

² См.: Вопросы истории КПСС. 1991. № 4. С. 49.

³ Деятели СССР и революционного движения в России. Энциклопедический словарь Гранат. М., 1989. С. 430.

Бухарин. Но основная часть «Письма к съезду» уже тогда была известна всем членам Политбюро и президиума ЦКК. Об этом свидетельствует документ, хранившийся в архиве Троцкого и опубликованный Ю. Фельштинским в 1988 году. И озаглавлен он так: «Сводка замечаний членов Политбюро и президиума ЦКК к предложению тов. Зиновьева о публикации «Завещания Ленина»»¹.

Ряд исследователей полагает, что заголовок этот явно ошибочен и речь идет лишь об обсуждении ленинского «письма о Госплане». Но В.А. Сахаров все-таки прав: хотя в «письме о Госплане» и присутствуют некоторые элементы характеристики Троцкого, Пятакова и Кржижановского, такой сумятицы этот документ вызвать никак не мог. Обсуждали, вероятнее всего, именно основную часть ленинского «Письма к съезду».

Вот эта «Сводка замечаний членов Политбюро и президиума ЦКК»:

Троцкий: «Я думаю, что эту статью нужно опубликовать, если нет каких-либо формальных причин, препятствующих этому.

Есть ли какая-нибудь разница в передаче (в условиях передачи) этой статьи и других (о кооперации, о Суханове)»[?]

Каменев: «Печатать нельзя: это несказанная речь на П/Бюро. Не больше. Личная характеристика — основа и содержание статьи». То есть он, возможно, хочет подчеркнуть, что это — сугубо личное мнение Ильича, вполне уместное лишь для заседания Политбюро.

Зиновьев: «Н.К. [Крупская] тоже держалась того мнения, что следует передать только в ЦК. О публикации я не спрашивал. Ибо думал (и думаю), что это исключено. Можно этот вопрос задать. В условиях передачи разницы не было. Только эта запись (о Госплане) передана мне позже — несколько дней тому назад». Иными словами, обсуждаемый документ передан Крупской до «письма о Госплане».

Сталин: «Полагаю, что нет необходимости печатать, тем более что санкции на напечатание от Ильича не имеется».

Томский уточняет постановку вопроса: «А предложение тов. Зиновьева — только ознакомить членов ЦК. Не публиковать, ибо из широкой публики никто тут ничего не поймет».

Сольц (ЦКК): «Эта заметка В.И. имела в виду не широкую публику, а ЦЕКА и потому так много места уделено характе-

---

¹ См.: Коммунистическая оппозиция в СССР. 1923-1927. Из архива Льва Троцкого. В 4-х томах. Т. 1 (1923-1926). Сост. Ю. Фельштинский. Бенсон, Вермонт, 1988. С. 56.

ристике лиц. Ничего подобного в статье о кооперации нет. Печатать не следует».

«Т.т. Бухарин, Рудзутак, Молотов и Куйбышев — за предложение тов. Зиновьева». Данную «сводку» составила Словатинская. Когда — неизвестно, но само обсуждение, судя по реплике Зиновьева, получившего «письмо о Госплане» 2 июня, происходило числа четвертого¹.

Вся эта история с ленинскими диктовками выплыла на свет в июле 1923 года в связи с конфликтом, разгоревшимся вокруг «Правды». 12 июля газета опубликовала статью Троцкого «Водка, церковь, кинематограф».

В тот же день Политбюро приняло решение, обязывавшее редакцию «воздержаться от помещения в “Правде” дискуссионных статей по вопросу о продаже водки». Поскольку Бухарин был уже в Кисловодске, с ответным заявлением выступил Е.А. Преображенский.

«Никакое новое решение, — написал он, — в направлении возврата к продаже водки не может быть проведено без всестороннего и публичного обсуждения вопроса и без твердого большинства в партии за эту меру. Поэтому, не касаясь вопроса по существу (я лично против продажи водки), я нахожу совершенно ошибочным решение Политбюро от 12.VII и прошу об его отмене».

Это заявление Политбюро (Сталин, Каменев, Рудзутак) рассмотрело 27 июля и, признав его «недопустимым по тону и непозволительным по содержанию», освободило Преображенского от работы в «Правде» и утвердило временную редколлегия в составе Радека, Бубнова, Лозовского, Лядова, Н.Н. Попова и Ярославского, даже не посоветовавшись об этом с главным редактором Бухариным. В письме Зиновьеву в Кисловодск, рассказывая о работе Политбюро, Сталин упомянул о конфликте с Преображенским, о необходимости изменения редколлегии и закончил: «Поцелуйте за меня Бухашку в нос»².

Но Николай Иванович шутки не принял, а послал гневное письмо Каменеву: «Так швыряться людьми нельзя, даже если они неправы... Владимира Ильича-то нет все же. Перестанут верить. Двадцать раз надо было переговорить... Невредно бы, Каменюга, иногда сообщать кое-что о делах, а также быть немногим храбрее»³.

¹ Коммунистическая оппозиция в СССР. 1923-1927. Из архива Льва Троцкого. В 4-х томах. Т. 1 (1923-1926). Сост. Ю. Фельштинский. Бенсон, Вермонт, 1988. С. 56.

² Известия ЦК КПСС. 1991. № 4. С. 193, 195.

³ Там же. С. 197.

О событиях в «Правде» Бухарин узнал из письма Марии Ильиничны, которая буквально молила о помощи: «Только вы, — писала она, — можете спасти положение. Ради бога, Н.И., дорогой, придумайте что-нибудь, чтобы не дать им хозяйничать... Ждем от Вас каких-нибудь шагов в этом направлении». А на обороте листа она приписала: «С Ильичем по-прежнему хорошо, даже, пожалуй, лучше»¹. Это письмо ускорило ход событий.

В поддержку Бухарина 30 июля написал письмо Каменеву и Зиновьев: «...Без извещения и запроса Бухарина редакционная коллегия “Правды” сменена... Что это, как не издевка? Что сказал бы Сталин, если бы во время его отпуска, не известив его и не посоветовавшись с ним, мы назначили бы новый секретариат ЦК или коллегия Наркомнаца?!... Да и вообще, черт возьми, ниоткуда не вытекает, что Сталин может *так* обращаться с такими работниками, как Бухарин»².

Но из этого же письма видно, что конфликт вокруг «Правды» стал для Зиновьева лишь поводом для того, чтобы излить давно накопившееся недовольство. В той руководящей «тройке», которая сложилась в 1922 году, он безусловно претендовал если и не на лидерство, то уж, во всяком случае, на особое положение. В этом Молотов прав³. Но за прошедший год Зиновьев убедился, что его реальное положение совсем иное.

«Во всех платформах, — пишет он Каменеву, — говорят о “тройке”, считая, что и я в ней имею не последнее значение. На деле нет никакой тройки, а есть диктатура Сталина. Ильич был тысячу раз прав». Вот так ленинское «письмо к съезду» и вышло из тени⁴.

И тут же выясняется, что все эти вопросы обсуждаются уже давно. Еще до конфликта, связанного с «Правдой», Бухарин пишет из Кисловодска Каменеву: «Протоколы [Политбюро ЦК — ВЛ], которые мы получаем, производят на нас *удручающее* впечатление. Так дальше дело идти не может: ей богу, даже овца подняла бы знамя протеста. Нельзя же публику мелко надувать и водить за нос во имя душевной чистоты.

...Тут нужно коренное изменение “*оргметодов*”. Очень просим писать нам о состоянии организации: намечаются ли некоторые неважные симптомы. Наш же секретариат будет заниматься всяческими перемещениями, а о *главном* пусть

¹ Цит. по: Сахаров В.А. «Политическое завещание» Ленина. С. 555.

² Известия ЦК КПСС. 1991. № 4. С. 198.

³ См.: Чув Ф. Сто сорок бесед с Молотовым. С. 182, 183.

⁴ Известия ЦК КПСС. 1991. № 4. С. 198.

Пушкин думает. Это прямо политика “рыцаря на час”, мягко выражаясь»¹.

В отличие от Бухарина, Зиновьев мягко выражаться не стал. В том же письме Каменеву он написал: «Мы этого терпеть больше **не будем**. / Если партии суждено пройти через полосу (вероятно, *очень* короткую) единодержавия Сталина — пусть будет так. Но прикрывать все эти свинства я, по крайней мере, не намерен»².

В качестве примера Зиновьев указывает на ту линию, которую Сталин проводит в национальном вопросе: «Сколько мы бились, чтобы достигнуть политического соглашения по этому вопросу! Серго и тот на днях признал, что мы были правы. В “Новом времени” (София) один умный реакционер пишет: “большевики вновь попали в точку, их разрешение национального вопроса имеет большее значение, чем НЭП”.

Что же делает Сталин? Уполномоченными ЦК (инструкторами) по национальным делам он назначает... людей противоположной линии... Все скажут: зря хорошие резолюции принимать, коли исполнение их противникам оных поручать.

Спросил кого-нибудь Сталин при этих назначениях? Нас, конечно, нет... Что же получается? Своя рука владыка. А Владимир Ильич еще во время 10 съезда говорил: политическая линия ничего не стоит, если организационное ее проведение искажается».

Или вопрос о тактике ЦК Компартии Германии по отношению к фашистам. «Владимир Ильич, — пишет Зиновьев, — уделял добрую десятую часть времени Коминтерну, каждую неделю беседовал с нами об этом часами, знал международное движение, как свои пять пальцев и то никогда не отрезывал, не опросив 20 раз всех. А Сталин пришел, увидел и разрешил! А мы с Бухариным — вроде “мертвых трупов” — нас и спрашивать нечего. Да и тебя, верно, не спросил...»³

Другой пример: решение, принятое Политбюро 19 июля о подписании Конвенции о режиме черноморских проливов, обсуждавшейся на Лозаннской конференции. Это международное соглашение, хотя и давало возможность участия в контроле над проливами, не учитывало полностью интересов СССР и Турции, ибо допускало свободный проход в Черное море военных судов любой страны мира.

¹ Известия ЦК КПСС. 1991. № 4. С. 206, 207.

² Там же. С. 198.

³ Там же. С. 198.

Поэтому Политбюро санкционировало условное соглашение СССР — с правом выхода из данной Конвенции. И Сталин полагал, что это — «единственно возможное решение». В общем, вопрос был сложный и, забегая вперед, заметим, что ЦИК не ратифицировал этот документ¹.

«Почему не спросили нас и Троцкого по этому важному вопросу, — пишет Зиновьев Каменеву. — *Времени было достаточно...* По совести: Ильич когда-нибудь сделал бы такой шаг, не опросив по телеграфу членов П.Бюро? Никогда! Мы здесь видели 8 членов ЦК — все считают подписание ошибкой»².

Особую решимость Зиновьеву, вероятно, придало письмо от Фёрстера о состоянии здоровья Ленина, письмо, как написал Зиновьев, «очень радостное и оптимистическое. Происходит рассасывание процесса в мозгу, много-много лучше. Дай-то бог». Фёрстер, якобы, «гарантирует дальнейшее улучшение»³.

И, заключая свое послание Каменеву, Зиновьев написал: «Либо будет найден *серьезный* выход, либо полоса борьбы неминуема. Ну, для тебя это не ново. Ты сам не раз говорил то же. Но что меня удивило — так это то, что Ворошилов, Фрунзе и Серго думают почти так же. Напиши, пожалуйста, что ты об этом думаешь... Твое хладнокровие — прекрасная вещь. Но не до бесчувствия. Право»⁴.

Из приводимой переписки видно, что варианты «серьезного выхода» обсуждались в Кисловодске до конфликта с «Правдой». А поскольку обязательным элементом тамошнего отдыха являлись экскурсии в окрестные пещеры, то одна из таких встреч и бесед, проходившая 28 июля с участием Зиновьева, Бухарина, Ворошилова, Лашевича, Евдокимова, и получила позднее название «пещерного совещания».

В 1925 году, на XIV съезде партии Зиновьев рассказывал: «Дело шло о том, как нам наладить работу впредь до восстановления здоровья Владимира Ильича. Все тогда еще, как я помню, уехали в отпуск с надеждой, что Владимир Ильич вернется к работе. Вот и думали: как же нам все-таки продержаться, если болезнь затянется (опасения тоже были), как нам подержать равновесие.

...Все участники совещания понимали, и всем им одинаково было ясно, что Секретариат при Владимире Ильиче это одно, а Секретариат без Владимира Ильича — это совершенно другое. При Владимире Ильиче, кто бы ни был секретарем, кто

---

¹ Известия ЦК КПСС. 1991., № 4. С. 195.

² Там же. С. 197.

³ Там же. С. 198, 200.

⁴ Там же. С. 198.

бы ни был в Секретариате, все равно и тот и другой играли бы ограниченную служебную роль...

В это время назревали уже кое-какие личные столкновения — и довольно острые столкновения — с тов. Сталиным. Вот тут и возник план, принадлежавший Бухарину... политизировать Секретариат таким образом, чтобы в него ввести трех членов Политбюро, чтобы это было нечто вроде малого Политбюро...

В числе этих трех назвали: Сталина, Троцкого, меня или Каменева или Бухарина. Вот этот план обсуждался в “пещере”... Было решено, что Серго Орджоникидзе должен поехать в Москву, и ему, как другу Сталина, поручили сказать последнему, что вот были такие-то разговоры... Многие рассчитывали (в том числе и я), что тов. Троцкий будет работать с нами, и нам совместно удастся создать устойчивое равновесие¹.

Орджоникидзе уехал из Кисловодска с письмом Зиновьева и Бухарина 29 июля. В Москве он рассказал Сталину о всех «беседах на отдыхе». «Коба, — пишет Серго, — предложение их сделал достоянием Рудзутака и Куйбышева. Они решительно отвергают и хохочут». А 3 августа Сталин написал Бухарину и Зиновьеву ответ: «Письмо ваше получил. Беседовал с Серго. Не пойму, что именно я должен сделать, чтобы вы не ругались и в чем, собственно, тут дело?»

...Счастливые вы, однако, люди: имеете возможность измышлять на досуге всякие небывлицы, обсуждать их и пр., а я тяну здесь лямку, как цепная собака, причем я же оказываюсь “виноватым”. Эдак можно извести хоть кого. С жиру беситесь вы, друзья мои».

Но были в этом письме и другие нотки, свидетельствовавшие о том, что Сталин не испугался вызова. Он готов обсуждать любые проекты, но «все это, конечно, в том случае, *если* вы считаете возможной в дальнейшем дружную работу (ибо из беседы с Серго я стал понимать, что вы, видимо, не прочь *подготовить* разрыв, как нечто неизбежное). Если же *не* считаете ее возможной, — действуйте, как хотите, — должно быть, найдутся в России люди, которые оценят все это и осудят виновных»².

Ответ Сталина поубавил решимости и у Зиновьева и у Бухарина, который, по словам, Ворошилова, — «в этой комбинации играл роль миротворца: ему казалось тогда, что наступа-

¹ XIV съезд Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Стенографический отчет. С. 455, 456.

² Известия ЦК КПСС. 1991. № 4. С. 201, 202.

ют страшные дни потрясений, против Сталина собираются тучи и необходимо что-то такое сделать, что примирило бы наших вождей»¹.

Первая реакция Зиновьева и Бухарина была краткой: «При свидании переговорим и, разумеется, найдем удовлетворительное решение. Разговоры о “разрыве” — это же, конечно, от Вашей усталости. Об этом не может быть и речи»².

7 августа Сталин направляет Зиновьеву — с пометкой «(И для Бухарина). Копия Ворошилову» — новое письмо, в котором ставит вопрос ребром: «Одно из двух: *либо* дело идет о смене секретаря теперь же, *либо* хотят поставить над секретарем специального политкома [политкомиссара — ВЛ]. Вместо ясной постановки вопроса вы оба ходите вокруг да около вопроса, стараясь обходным путем добиться цели и рассчитывая, видимо, на глупость людей.

...Для чего понадобились ссылки на неизвестное мне письмо о секретаре [диктовка Ленина от 4 января 1923 г. — ВЛ], — разве не имеется доказательств к тому, что я не дорожу местом и, поэтому, не боюсь писем? ...Я за смену секретаря, но я против того, чтобы был учинен институт политкома (политкомов и так немало: Оргбюро, Политбюро, Пленум)».

Каменев адресованное лично ему письмо Зиновьева и Бухарина от 30 июля, видимо, показал Сталину, и тот отвечает на вопросы, поднятые в нем. «Не правы вы, говоря, что секретарь единолично решает вопросы... Не правы вы, утверждая, что порядок дня Пол. Бюро составляется единолично. Порядок дня составляется на основании **всех** поступивших вопросов на заседании Секретариата плюс Каменев (председательствующий в П.Б.), *плюс Куйбышев* (пред. ЦКК)».

Вопрос о проливах решен единогласно при слабом протесте Чичерина и решительной просьбе Литвинова подписать конвенцию. Ни один член Пол. Бюро не ставил вопроса об опросе отсутствующих... Мы иначе поступить не могли (нам нужен контроль в проливах, чтобы вовремя поднять бучу, если будут тормозить наш экспорт хлеба и др. продуктов).»

Что же касается Германии, пишет в заключение Сталин, то проблема состоит в том — должны ли коммунисты в данный момент стремиться «к захвату власти без с.-д., созрели ли они для этого... Если сейчас в Германии власть, так сказать, упадет, а коммунисты ее подхватят, они провалятся с треском... Их ра-

¹ Цит. по: Сахаров В.А. «Политическое завещание» Ленина. С. 551.

² Известия ЦК КПСС. 1991. № 4. С. 202.

зобьют вдребезги и отбросят назад... По-моему, немцев надо удерживать, а не поощрять»¹.

Сталин неплохо знал своих корреспондентов: чем жестче он с ними разговаривал, тем податливее они становились. В своем ответе (10 августа) Зиновьев и Бухарин уже не «атаковали», а скорее оправдывались.

Мол, вопросы, поднятые ими, стоят давно, «в Москве не раз поднимались разговоры, но разговаривать было трудно из-за раздражительности Вашей. Мы давно уже недовольны, но нарочно решили в Москве: сначала отдохнем, пусть нервы отойдут, потом поставим вопрос».

Объяснились и насчет неизвестного Сталину «письма о секретаре» (дополнительная диктовка Ленина от 4 января к письму XII съезду): «Письмо Ильича. Да, существует письмо В.И., в котором он советует (XII съезду) не выбирать Вас секретарем. Мы (Бухарин, Каменев и я) решили пока Вам о нем не говорить. По понятной причине: Вы и так воспринимали разногласия с В.И. слишком субъективно, и мы не хотели Вас нервировать»².

А суть всех проблем состоит в том, что «Ильича нет. Секретариат ЦЕКА поэтому объективно (без злых желаний Ваших) начинает играть в ЦК ту же роль, что секретариат в любом Губкоме, т.е. *на деле (не формально) решает все*. Это — факт, который отрицать нельзя.

Никто не хочет ставить политкомов (Вы даже Оргбюро, Политбюро и Пленум зачисляете в Политкомы!). Но *действительное* (а не фиктивное) существование “группы” и *равноправное* сотрудничество и ответственность при нынешнем режиме невозможны. Это факт. Вы поневоле (сами того не желая) ставили нас десятки раз перед совершившимися фактами. ...Отсюда — поиски лучшей формы сотрудничества».

И, наконец, о фразе Сталина в письме от 7 августа: «я не дорожу местом». Зиновьев и Бухарин пишут: «О “местах” и прочем *зря* говорить. Ни Вам, ни нам они не нужны, конечно. О “разрыве” *зря* говорить. Его партия не допустит. Мы его не хотим. Максимум — отойдем в сторонку. Другого ядра нет. И оно вполне справится, *если Вы захотите*. Без Вас его себе не мыслим»³.

Это была уже почти капитуляция. 15 августа Сталин оформляет отпуск и приезжает в Кисловодск. Вперемешку с отдыхом

¹ Известия ЦК КПСС. 1991. № 4. С. 203, 204.

² Там же. С. 205.

³ Там же. С. 205, 206.

начались переговоры «сторон». Первоначальное предложение Зиновьева и Бухарина, с которым Орджоникидзе уезжал в Москву, сводилось к тому, чтобы упразднить Оргбюро ЦК, которое фактически оказалось полностью подчиненным Секретариату, а главное — изменить состав самого Секретариата, введя в него Сталина, Зиновьева и Троцкого.

Но предложение это Сталин и Каменев отвергли. И теперь, с приездом Сталина в Кисловодск, стали обсуждать другие варианты. Однако к согласию так и не пришли. После возвращения в Москву, по предложению Сталина, решили Оргбюро не упразднять, а наоборот — укрепить, включив в его состав Бухарина, Зиновьева и Троцкого. И 25 сентября 1923 года Пленум ЦК избрал членами Оргбюро Зиновьева и Троцкого, а кандидатами в члены — Бухарина и И. Короткова¹.

Предполагалось, видимо, что все эти сугубо аппаратные перестановки способны в какой-то мере ограничить власть генсека и контролировать работу Секретариата. Но затея изначально оказалась зряшной. Достаточно сказать, что Троцкий так ни разу и не появился на заседаниях Оргбюро, а Зиновьев присутствовал лишь изредка, наездами из Питера. Что касается Бухарина, то ему вполне хватало хлопот в «Правде».

Сталин оказался прав: все лидеры были готовы стать комиссарами, надзирающими за «орговиками», но никто не хотел погружаться по уши в это коловращение «вермишели», которое захлестывало и Секретариат и Оргбюро ЦК, ибо именно туда были стянуты все нити огромного бюрократического управленческого аппарата страны.

А в Горках в июне зачастили дожди. Шли они и в Москве. В последние дни июня в центре, на Кузнецком мосту, затопило тротуары и подвалы. «На Неглинной, — пишет современник, — из труб били фонтаны. По улицам несли вещи, люди шли по пояс в воде»².

Может, от непогоды, но состояние Владимира Ильича с 20-х чисел июня вновь ухудшилось, а настроение совершенно испортилось. Была, впрочем, для этого и более существенная причина. Он все более убеждался, что лечение приняло сугубо симптоматический характер: сломался зуб — приходил стоматолог, что-то с глазами — появляется офтальмолог, разладился желудок — лечат желудок. И у него складывалось ощущение полной бессмысленности всех этих врачебных визитов, осмотров, процедур и упражнений.

¹ Известия ЦК КПСС. 1991. № 4. С. 196.

² Николаевская Е. Жизнь не имеет жалости. С. 70.

Запись дежурного врача 27 июня: «Как вчера, ничем заниматься не хочет. Всех врачей встречает приветливо, но тотчас спешит с ними попрощаться и бывает очень рад, когда они уходят. Точно так же он относится и к домашним...». Запись 1 июля: «От упражнений отказался... В общем спокоен, лежит на кушетке, но никого не хочет видеть»¹.

Временами он замыкался в себе, начинал что-то тихо говорить, ложился на кровать и с головой укрывался простыней. Оттого, что днем, при дожде, он частенько задремывал, по ночам возобновилась бессонница. А несколько раз сознание вообще начинало уходить, и тогда волной накатывалось сильнейшее возбуждение, и он просил санитаров выкатить его в кресле из комнаты на веранду или в сад.

Но где-то в середине июля вновь началось улучшение. Крупская пишет: «Прекратились всякие боли, явился нормальный крепкий сон, вошел в норму желудок, стала правильной работать левая рука, явилась возможность не только сидеть, но и ходить, сначала, опираясь на санитаря, потом самостоятельно с палочкой, стала улучшаться речь, и в связи с этим совершенно изменилось настроение. Владимир Ильич много шутил, смеялся, даже напевал иногда...»

О том, что происходило с ним до этого, Ленин «старался впоследствии не вспоминать — не ходил в ту комнату, где он лежал, не ходил на тот балкон, куда его выносили первые месяцы, старался не встречаться с сестрами и теми врачами, которые за ним тогда ухаживали»².

Улучшение не было столь скорым, как это описывает Крупская. Приступы беспокойства, возбуждения, замутнения сознания повторялись и в июле (11, 12, 14, 31 июля), однако они быстро проходили. В такие моменты он избегал любых встреч, в том числе и с самыми близкими — Надеждой Константиновной и Марией Ильиничной. Но уже с 15 июля состояние Ленина стало заметно меняться. Владимир Ильич перебрался в комнату Крупской. К обеду стал спускаться в нижнюю столовую, а в солнечные дни — на веранду. Охотно сидел за общим столом, ел без посторонней помощи. Принимал посильное участие в разговоре, живо реагировал на шутки³.

Врачей, однако, как и прежде, к себе не подпускал. Исключением, как пишет Крупская, были лишь В.Н. Розанов и Ф.А. Гетье, на которых он «смотрел не как на врачей, а как на добрых

¹ РГАСПИ. Ф. 16. Оп. 2. Ед. Хр. 13. Л. 344, 345, 348, 349.

² Известия ЦК КПСС. 1989. № 4. С. 169, 170.

³ См.: РГАСПИ. Ф. 16. Оп. 2. Ед. хр. 13. Л. 361, 362, 368, 378.

знакомых. Не как на доктора, а как на товарища, смотрел он и на В.А. Обуха». Но и с ними «разговоры о болезни не допускались», и врачам зачастую приходилось наблюдать за своим пациентом «лишь из соседней комнаты. Стал он тяготиться и сестрами милосердия — и хоть сдерживался, но видно было, что их присутствие ему тяжело»¹.

Тогда, дабы ликвидировать атмосферу больницы, порешили обновить команду. Число ухаживающего за Лениным медперсонала свелось к трем человекам: только что окончившему медфак молодому врачу Николаю Семеновичу Попову, фельдшеру Владимиру Александровичу Рукавишникову и студенту-медику Казимиру Римша (Зорьке).

«Все это была партийная публика, — пишет Крупская, — бесконечно преданная Владимиру Ильичу, старавшаяся угадать каждое его желание... Владимир Ильич не мог не чувствовать этого и горячо к ним привязался. У него светлело лицо, когда они входили в комнату, он шутил и смеялся с ними. Они внесли в нашу жизнь молодую жизнерадостность и создали в значительной мере... атмосферу уверенности в выздоровлении и спокойствия...

...И все другие — стряпавшая для Владимира Ильича латышка, прислуживавшая за столом работница с фабрики Мосшвей Е.И. Смирнова, товарищи шоферы, товарищи из охраны, монтер — тов. Хабаров И.Н. — все жили мыслью, как бы сделать Владимиру Ильичу все получше. И он чувствовал, не мог не чувствовать этого»².

Если не было дождя, то начальник охраны Петр Петрович Пакалн по несколько часов катал его в кресле по парку. И сидел теперь Ильич в кресле прямо, не облакачиваясь, сам пересаживался на скамейку, с удовольствием вдыхал запах полевых цветов, но особенно радовался, когда замечал в траве белые грибы, которых в то лето уродилось великое множество.

Впрочем, на какое-то время это удовольствие ему подпортили. Красноармейцы из охраны стали заранее проходить маршрут прогулки и там, где торчали грибы, выставляли «пост» в лице санитаря или Надежды Константиновны. Заметив эту уловку, Владимир Ильич ужасно огорчился и обиделся до слез, ибо такая подмога была ему уже не нужна³.

Никого со стороны видеть он по-прежнему не хотел, хотя, встретив во время прогулки 20 июля брата — Дмитрия Ильи-

¹ Известия ЦК КПСС. 1989. № 4. С. 170, 171.

² Там же. С. 171.

³ См.: РГАСПИ. Ф. 16. Оп. 2. Ед. хр. 13. Л. 376.

ча, обрадовался ему, однако, задерживать не стал. Но на следующий день случилось непредвиденное...

Часов около четырех, во время прогулки по саду, Владимир Ильич узнал, что в комнате правого бокового флигеля, где раньше жил он сам, поселили управляющего совхозом «Горки», старого народника, бывшего сельского учителя, друга его молодости еще по Алакаевке и Самаре — Алексея Андреевича Преображенского.

Тогда, летом 1889 года, на хуторе Шарнель, всего в трех верстах от Алакаевки, обосновалась студенческая коммуна, обрабатывавшая своим трудом 100 десятин земли. Но помимо тяжелого крестьянского труда было в ней и другое...

Долгие вечерние разговоры о жизни, судьбах страны, долге интеллигенции перед народом, стихи, песни и романсы под гитару, та пьянящая атмосфера товарищества, духовности, возвышенной юношеской романтики, которая была так свойственна народнической молодежи того времени.

Вот в этот круг общения и ввел земляк Ульяновых студент Дмитрий Гончаров 19-летнего Владимира, который очень скоро стал на хуторе завсегдаем. Там и подружился он со студентом-народником Александром Преображенским¹.

Писатель С. Каронин (Н.Е. Петропавловский), тесно общавшийся с коммунарами, опубликовал в 1890 году в журнале «Русская мысль» повесть «Борская колония», в которой попытался вложить в размышления одного из персонажей свое ощущение той атмосферы, которая царила в Шарнеле.

«Все то, что было тяжело и неприятно, было им в эти минуты забыто, а все чудесное хорошее выдвинулось в его уме на передний план. Этот ароматный, одуряющий воздух, эти “божественные” беседы, эти... простые люди, и эта тихая ночь, и звезды на небе, и покой своей собственной души, все это выступило на передний план, а вся остальная половина его едкого, вечно возмущающегося сознания покрылась густым мраком... И необычайный рай водворился на время в его неверующей душе»².

Так или не так передал Каронин эту атмосферу, но такое состояние не забывается. С тех пор прошла жизнь. Но в декабре 1921 года, узнав, что Алексей Андреевич бедствует с женой в Ялте, Владимир Ильич перетащил его в Москву. И вот теперь, услышав, что он здесь, во флигеле, — «рванулся туда. Помогли ему взобраться по лестнице, крепко обнял он Преображенского, сел около него и стал говорить. У того больное сердце,

¹ См.: *Логинов В.Т.* Выбор пути. Владимир Ленин. С. 108, 109.

² «Русская мысль». 1890. Кн. IV, с. 139, 140.

побелел он весь, губы трясутся, а Ильич все говорит, рассказывает про переживаемое».

Так описала эту встречу Крупская. «Слов у Ильича не было, — пишет она, — мог только говорить “вот”, “что”, “идите”, но была богатейшая интонация, передававшая все малейшие оттенки мысли, была богатейшая мимика. И мы, окружающие, Мария Ильинична, я, санитары, все больше и больше понимали Ильича...

И вот Ильич, ушедший от врачей, сестер милосердия, от больничного режима, сидел около Преображенского и говорил. Пробыл он там три дня... Еле удалось его убедить вернуться. Уговорили только тем, что сказали, что Преображенский болен, что мы стесняем его и его семью»¹.

Крупская была абсолютно права, когда написала, что для того, чтобы в те дни понимать Ленина, надо было не только иметь опыт общения с ним, но главное — очень любить его. В ином случае, в глазах окружающих он оставался лишь глубоко больным человеком.

25 июля, во время прогулки, Владимир Ильич случайно встретил председателя Главпрофорта Евгения Алексеевича Преображенского (к Алексею Андреевичу никакого отношения не имевшему). Эту встречу Е. Преображенский подробно описал 29 июля 1923 года в письме к Бухарину, которое мы и процитируем.

«Во время первого посещения, неделю спустя после Вашего отъезда, говорил и с Н.К. и М.И. очень подробно. Старик находился тогда в состоянии большого раздражения, продолжал гнать даже Фёрстера и др... Особенно раздражался при появлении Н.К., которая от этого была в отчаянии и, по-моему, совершенно зря, против желания. И все-таки к нему ходила.

Второй раз, 4 дня тому назад, я снова поехал... Я только что вошел вниз, с Беленьким, как в комнате справа от входа Беленький мне показал рукой в окно, сказал: “вон его везут”. Я подошел к закрытому окну и стал смотреть. На расстоянии шагов 25-ти вдруг он меня заметил, к нашему ужасу, стал прижимать руку к груди и кричать: “вот, вот”, требовал меня...

...М.И., взволнованная, говорит: “раз заметил, надо идти”. Я пошел, не зная точно, как себя держать и кого я, в сущности, увижу. Решил все время держать с веселым, радостным лицом. Подошел. Он крепко мне жал руку, я инстинктивно поцеловал его в голову. Но лицо!

---

¹ Известия ЦК КПСС. 1989. № 4. С. 170.

Мне стоило огромных усилий, чтобы сохранить взятую мину и не заплакать, как ребенку. В нем столько страдания, но не столько страдания в данный момент. На его лице как бы сфотографировались и застыли все перенесенные им страдания за последнее время.

М.И. мигнула мне, когда надо было уходить, и его провезли дальше.

Через минут пять меня позвали за стол пить вместе с ним чай. Он угощал меня жестами малиной и т.д., и сам пил из стакана вприкуску, орудуя левой рукой. Говорили про охоту и всякие пустяки, что не раздражает. Он все понимает, к всему прислушивается. Но я не все понимал, что он хотел выразить, и не всегда комментарии Н.К. были правильны, по-моему.

Однако всего не передашь. У него последние полторы недели очень значительное улучшение во всех отношениях, кроме речи. Я говорил с Фёрстером. Он думает, что это не случайное и скоропроходящее улучшение, а что улучшение может быть длительным...»¹

В этот же день, 25 июля, лечащие врачи — Гетье, Осипов, Фёрстер и Доброгаев, посоветовавшись с Розановым и Обухом, приняли решение: поскольку попытки возобновить рефлексорно-речевые и другие упражнения Ленин решительно отвергает, отложить их на 1,5-2 месяца².

Но Владимир Александрович Рукавишников, проводивший с Владимиром Ильичем гораздо большее время, нежели лечащие врачи, заметил то, чего не усмотрела профессура. Он был уверен, что именно в июле Ленин определили свой собственный «план, по которому должно идти его выздоровление». И он сам продумал, какие именно задачи ему необходимо решать в первую очередь.

«Первое, на что он обращает свое внимание, — пишет о Ленине Рукавишников, — это беспомощность. Он замечает, что около него слишком много людей, и все потому, что он — больной лежачий. Вот если встать... Он обращает внимание на ногу, делает попытки двигать ею.

...Хорошо помню его первые попытки встать около кровати: вот он привстал, постоял и опять ложится... В последующие дни он делает попытки шагать, увеличивает число шагов. Далее он усложняет, прибавляет и придумывает другие упражнения для мышц. Из комнаты на террасу — две ступеньки, он и их использует для упражнения. И так с каждым днем становит-

¹ Известия ЦК КПСС. 1989. № 4. С. 186, 187.

² См.: РГАСПИ. Ф. 16. Оп. 2. Ед. хр. 13. Л. 372.

ся крепче и независимее... С ногой дело, кажется, налаживается. Теперь все его внимание переносится на речь...

1 августа (это случилось 2 августа — *ВЛ*), гуляя с Надеждой Константиновной в саду, Владимир Ильич стал что-то требовать, произнося звуки “а”, “о”, “и”, “у”. Это было требование изучать азбуку. С этих дней он упорнейшим образом начинает учиться речи. И тут нам всем приходилось думать только о том, как отвлечь его чем-нибудь от напряженной работы, иначе он способен заниматься целыми днями¹.

Занятия действительно увлекли его. Дежурные врачи фиксировали их почти ежедневно. Возвращаться к речевым упражнениям с доктором Доброгаевым Ленин не стал. Виктор Петрович Осипов полагает, что Владимир Ильич, видимо, не хотел выставлять на всеобщее обозрение проявления своей болезни — «это было ему неприятно».

Занимались они с Крупской по складной азбуке. Вслед за Надеждой Константиновной он произносил сначала буквы, затем односложные слова. Но складывать их из букв сам он пока не мог. Потом перешли к двух- и трехсложным и число повторяемых слов возрастало с каждым днем. К 13 августа оно превысило 300 слов. Но главное, постепенно удалось устранить дефект, который прежде более всего волновал Ленина: полностью восстановилось понимание речи окружающих.

«Надежда Константиновна, — рассказывал В.П. Осипов, — опытный педагог, но для этих занятий нужно иметь специальные знания. Поэтому мы каждый вечер собирались и давали ей определенную инструкцию, и таким образом под нашим руководством она проводила эти занятия, протекавшие весьма успешно»².

Врачи объяснили Крупской, что «та форма болезни, которая была у Владимира Ильича, допускала восстановление речи. Быстрота и полнота этого восстановления зависят в очень большой степени от того, насколько человек способен к упорному труду над собой, насколько систематически, неустанно может она работать».

Объясняя это Ленину, Надежда Константиновна сказала, что «надо запастись терпением, что надо смотреть на эту болезнь все равно, как на тюремное заключение. Помню, Екатерина Ивановна [Фомина — *ВЛ*], сестра милосердия, возмущалась этим моим сравнением: “Ну, что пустяки говорите, какая это тюрьма?”

¹ Лотухин Ю.М. Болезнь, смерть и бальзамирование В.И. Ленина. С. 169.

² Лотухин Ю.М. Болезнь, смерть и бальзамирование В.И. Ленина. С. 183; РГАСПИ. Ф. 16. Оп. 2. Ед. хр. 13. Л. 381, 383.

Я говорила о тюрьме вот почему. Помнила я, как сидел Владимир Ильич в 1895 году в тюрьме. Он развил там колоссальную энергию. Кроме того, что он в тюрьме работал... руководил из тюрьмы работой организации... он связался и с товарищами по тюрьме... бодростью и заботой о товарищах дышало каждое его письмо...

В 1914 году Владимира Ильича арестовали в Галиции... и посадили в местную тюрьму... Очутился он вместе с сидевшими там раньше «преступниками». Большинство было темных забитых крестьян... И в их среду внес Владимир Ильич бодрость... Он писал им заявления, растолковывал, что надо делать. «Бычий хлопок» — прозвали его сидевшие в тюрьме крестьяне, т.е. крепкий, сильный»¹.

С невероятным упорством Ленин продолжал свои занятия с Крупской. Видя его успехи, она была просто счастлива, а он, заметив это, всячески демонстрировал ей свое рвение в «учебе» даже тогда, когда уставал от напряжения и однообразия упражнений. Это подметил Рукавишников.

Наблюдая как-то за занятиями, Владимир Александрович видел, с каким вниманием слушает Владимир Ильич тексты, которые читает ему Надежда Константиновна. «Иногда требует перечитать то или другое место. Настроение, кажется, у обоих прекрасное.

Но вот она вышла. Ильич уселся, закрыв несколько лицo рукой, облокотившись на стол в задумчивой позе... И вдруг из-под руки катятся слезы... Чу, шорох. Шаги. Кто-то идет. Ильич выпрямился. Смахнул слезы... Как будто ничего не было...»

То же происходило и с грибами. С началом занятий его интерес к поиску грибов сразу упал. Но заметив, какую радость доставляют Надежде Константиновне их совместные прогулки, продолжал вместе с ней регулярно выезжать в парк — «по грибы».

И тот же Рукавишников заметил, что пока они были вместе, Ленин был весел, азартен и добродушно посмеивался над тем, что не видит она грибов у себя под ногами. Но если ее вызывали к телефону, он тут же «переставал искать грибы и становился равнодушным к этому занятию. Возвращалась Надежда Константиновна — и снова смех и активные поиски»².

В ходе занятий по восстановлению речи появился еще один мощный стимулятор — газета. Впервые какая-то старая газета попалась Ленину на глаза еще 10 августа. Около часа

¹ Известия ЦК КПСС. 1989. № 4. С. 171, 172.

² Лотухин Ю.М. Болезнь, смерть и бальзамирование В.И. Ленина. С. 171.

он внимательно всматривался в нее, попросил другую. На следующий день это повторилось. А когда ему попытались подсунуть ту же самую — обиделся. Хоть и не мог он тогда читать, но отличить — даже по внешнему виду — один номер от другого был вполне способен.

С тех пор, как отмечали дежурные врачи, почти ежедневно, он брал газету, смотрел дату выпуска, затем 15-20 минут просматривал ее. Однако с самостоятельным чтением пока не получалось: по-видимому, буквы все еще никак не складывались в слова. Впрочем, что-то — как старый газетчик — он все-таки улавливал. 23 августа дежурный врач записал: «Перед обедом Н.К. по его желанию читала ему газету. Он потребовал прочтения телеграмм, указав на них пальцем. Но она не прочла, сказав, что ему политика запрещена...» Выборочное чтение или пересказ содержания каких-то статей продолжались, и уже 31 августа врачи пришли к убеждению, что Ленин не только привычно произносит — «газета», но и «начинает постепенно прочитывать некоторые слова»¹.

Успешно шли и физические упражнения. Причем главным спортивным снарядом стала лестница — 2,5 пролета, соединявшие первый и второй этажи «большого дома». Терпение и выдержку он проявлял огромную. Когда от многократного повторения уставал, садился на ступеньку, отдыхал, а потом вновь, опираясь одной рукой о перила, другой на санитаря, карабкался вверх с таким упорством, будто это была горная вершина.

Как отмечали медики, с каждым днем и подъемы и спуски давались ему «заметно легче». А когда 31 августа Владимир Ильич довольно легко и свободно сошел с лестницы, он и сам «был от этого в восторге. В конце концов, 6 сентября врачи решили, что пора начинать тренировки в «ходьбе с палкой»².

А вот рассказ о его встрече на пашне с трактористом Папковым(?), зафиксированный в 12 томе «Биографической хроники» — это уже чистейшая легенда. Подлинная же история такова.

Однажды, когда в совхоз «Горки» доставили два трактора, и они вышли на пахоту в поле, заведующий хозяйством А.Г. Панков устроил так, чтобы их «Владимиру Ильичу с балкона было видно. Он увидел тракторы, — вспоминал Панков, — а я говорю: «Советская лошадь хорошо пашет...» Он был доволен, что я

¹ См.: РГАСПИ. Ед. хр. 13. Л. 383, 387, 389, 392.

² Там же. Л. 392, 394.

назвал их советской лошадей»¹. И может быть вспомнил тогда Ильич мужичка, который в конце 1921 года с нескрываемой иронией сказанул: «Мост-то, извините, — советский...»

Еще с 16 августа возобновились и прогулки на автомобиле. Обычно ехали медленно — или вокруг имения, или к реке, а чаще всего в лес. Он с удовольствием узнавал знакомые места — постройки, дорогу, мостики, оживленно раскланивался с встречавшимися на пути крестьянами. От обилия впечатлений от нередко уставал. Да и погода выдалась не из лучших. В самом конце августа вдруг ударила жара. В лесу парило и было душно. А потом опять похолодало и пошли дожди².

Уже в августе физическое состояние Ленина настолько улучшилось, что еще 13-го на состоявшемся консилиуме (Гетье, Фёрстер, Осипов, Обух) врачи стали обсуждать вопрос о возможности поездки Владимира Ильича в Крым. И вряд ли эту инициативу предварительно не одобрило Политбюро.

Фёрстер заявил, что «несомненное улучшение в состоянии здоровья В.И. наступило в Горках, несмотря на исключительно дождливое и холодное лето. Надо думать, что пребывание в течение 1,5-2 месяцев в благоприятных климатических условиях южного берега Крыма еще улучшит и закрепит общее физическое состояние и вместе в тем будет способствовать дальнейшему благоприятному течению нервного процесса».

Однако все четверо медиков согласились с тем, что эта «поездка не должна идти в разрез с желанием самого В.И., иначе она вызовет отрицательную реакцию и возбуждение»³. Впрочем, поскольку ни о какой поездке в места столь отдаленные Крупская и слышать не захотела, вопрос о Крыме вроде отпал сам собой.

Окончательное объяснение произошло 24 сентября. В присутствии Марии Ильиничны, докторов Гетье, Осипова и Обуха Надежда Константиновна «заявила, что В.И. в последнее время настолько хорошо себя чувствует, прекрасно спит и состояние его здоровья так улучшается, что она считает поездку нежелательной, т.к. она может вывести его из равновесия». С несколько несвойственной ей твердостью Крупская категорически заявила, что «если этот вопрос будет поставлен и разрешен положительно, то она этому решительно не подчинится. Доктор Обух ответил, что в таком случае этот вопрос и не будет поставлен».

¹ Минувшее. Исторический альманах. Кн. 2. М, 1990. С. 221.

² РГАСПИ. Ед. хр. 13. С. 386, 394; В.И. Ленин. Биографическая хроника. С. 630.

³ РГАСПИ. Ед. хр. 13. Л. 384, 385.

Оставшись одни, доктора Обух, Осипов и Гетье обсудили вопрос «о месте дальнейшего пребывания В.И. Совецание высказалось, что переезд на зиму в Москву нежелателен, а здоровью В.И. лучше, если зима будет проведена в Горках»¹.

То, что при любой погоде Горки для здоровья Ленина были куда лучше, нежели Кремль, это бесспорно. Но, возможно, это решение отчасти было продиктовано и тем соображением, что с переездом в Москву неизбежно стали бы расширяться контакты Владимира Ильича и он вновь так или иначе был бы втянут в происходившие там политические события.

Здесь же, в Горках, все его контакты были крайне ограничены и подконтрольны. 19 августа его посетил брат — Дмитрий Ильич с женой и дочерью Ольгой. 11 сентября он долго расспрашивал крестьянина А.Г. Панкова, заведовавшего хозяйством совхоза «Горки», о его впечатлениях от Всероссийской сельскохозяйственной и кустарно-промысловой выставки, открывшейся в Москве.

А вот «на вопрос, — пишет Крупская, — не хочет ли он почитать Бухарина, который раньше чаще других бывал у нас, или кого-нибудь еще из товарищей, близко связанных по работе, он отрицательно качал головой...» И уж совсем расстроился, когда 22 августа во время прогулки ему показалось, что среди посетителей дома отдыха он заметил издали Бухарина и Зиновьева. Не захотел он их видеть, «знал, — как полагает Надежда Константиновна, — что это будет непомерно тяжело»².

Да и они — если только он не обозначился, — видимо, не очень-то рвались на встречу, ибо в руководящем ядре партии вновь стали проявляться серьезные разногласия, грозившие новой дискуссией. И причины для этого были весьма основательные.

23-25 сентября 1923 года состоялся Пленум ЦК РКП(б), на котором заслушали доклады Дзержинского и Рыкова об экономическом и политическом положении в стране. «Несмотря на известный хозяйственный подъем, вследствие прежде всего финансовых затруднений, — заявил Дзержинский, — в последние месяцы настроение рабочих несколько ухудшилось и мы видим на целом ряде заводов недовольство, которое доходит до форменных стачек»³.

Денежная реформа завершалась. С тех пор, как в ноябре 1922 года появились первые банковские билеты — червонцы,

¹ РГАСПИ. Ед. хр. 13. Л. 397, 398.

² Известия ЦК КПСС. 1989. № 4. С. 174; РГАСПИ. Ед. хр. 13. Л. 389.

³ РКП(б). Внутрипартийная борьба в двадцатые годы. С. 43.

старые «совзнаки» все более вытеснялись из оборота. Уже летом 1923 года в червонцах производились все оптовые закупки, ими начали выдавать зарплату рабочим. А после того, как новый рубль стали обменивать на 50 тысяч старых, они и вовсе самоликвидировались.

В том же 1923 году приступили к чеканке золотых советских червонцев с изображением «Сеятеля», которые по содержанию золота, его пробе и весу полностью соответствовали 10 рублям золотой монеты дореволюционного образца. И хотя золотой червонец употреблялся как платежное средство лишь по международным обязательствам, червонный банковский билет с подписью наркома финансов Сокольниковца ценился вровень с золотым¹.

В стране осталась одна твердая, конвертируемая валюта, принятая на всех валютных биржах мира к свободному обмену.

Оценивая эту блистательную реформу, Д. Мурзин заметил: «Важно понять главное: централизованное руководство, если оно применяется умело, экономически грамотно и не отягощено голым администрированием, обладает колоссальными возможностями для быстрого и эффективного решения сложнейших проблем, особенно в кризисных ситуациях»².

Однако уже тогда рост администрирования начинал давать о себе знать. Общий экономический подъем оказался крайне неравномерным. Сельскохозяйственное производство, которое в 1922-1923 годах восстанавливалось быстрыми темпами, достигло 70 процентов от довоенного уровня 1913 года, а вот тяжелая промышленность — 39 процентов. И тем не менее, как это ни парадоксально, с лета 1923 года стали все более проявляться серьезнейшие трудности в сбыте продукции именно промышленных предприятий.

Государственные тресты и в особенности синдикаты по существу являлись монополистами в своих отраслях. Стремясь получить прибыль, они устанавливали высокие оптовые цены на свои фабрикаты. Однако, не располагая достаточной сетью государственной или кооперативной торговли, они оказались неспособными проложить дорогу к массовому крестьянскому рынку и вынуждены были продавать свой товар посредникам — перекупщикам. Ну, а те, желаю заполучить максимальную «моржу», задирали цены еще выше.

С другой стороны, в связи с введением денежного налога, резко возросла продажа на рынке зерна, других сельхозпро-

¹ См.: Денежная реформа 1921-1924 гг. С. 250, 251.

² «Диалог». 1990. № 10. С. 65.

дуктов, и цены на них, естественно, снизились. В конечном счете, рассчитавшись с государством, крестьяне были не в состоянии приобрести необходимые им промышленные товары по непомерно высоким ценам. Как сказал Дзержинский, — «для того, чтобы купить пару сапог, надо было привести чуть ли не целую корову, да еще впридачу овцу»¹.

Это и привело сначала к сокращению сбыта, затовариванию предприятий, а затем и к свертыванию производства в легкой, а потом и в тяжелой промышленности. Если все это умножить на неопытность, бесхозяйственность, расхлябанность и злоупотребления хозяйственников, то станет понятно, почему экономические трудности стали нарастать, как снежный ком². Иными словами, те самые «ножницы», которые Троцкий нарисовал в диаграмме во время доклада на XII съезде партии, оказались не плодом его фантазий, а суровой реальностью.

Испытывая недостаток оборотных средств, государственные тресты стали хронически задерживать зарплату, а потом и сокращать рабочих. Уже в мае число безработных в Москве и Петрограде достигло 100 тысяч, в Иваново-Вознесенске — 25,5 тысяч, в Донбассе — 25 тысяч, в Грузии — 23, Азербайджане — 15, Белоруссии — 12 и т.д. «И здесь нужно сказать, — полагал Дзержинский, — что влияние “ножниц” имело место не только в смысле влияния цен и дороговизны, но и в смысле настроения крестьянства, которое сильно сказывалось и на рабочих»³.

В сводках ГПУ отмечалось: «Наметившееся до мая улучшение материального положения рабочих, в конце мая приостанавливается и даже местами намечается определенное ухудшение его». Замена зарплаты фабрикатами данных предприятий ордерами в заводские лавки, а кое-где и облигациями государственного «Золотого займа» становятся главными причинами возникновения конфликтов, перераставших в стачки, в том числе на таких крупных предприятиях, как «Серп и Молот» (бывший завод Гужона), «Трехгорная мануфактура» (бывшая Прохоровка), на заводе Михельсона, на предприятиях Сормова и Нижнего Новгорода, заводах Урала, шахтах Донбасса, на транспорте. Если в мае ГПУ фиксирует 28 забастовок, то в июне их уже 47, в июле — 30, в августе 51 (из них 20 в Москве), а в сентябре — 40⁴.

---

¹ См.: РКП(б). Внутривнутрипартийная борьба в двадцатые годы. С. 46.

² Там же. С. 47.

³ Там же. С. 35, 42, 46.

⁴ Там же. С. 38, 56.

И главный вывод Дзержинского таков: «Мы видим, что основной причиной, вызывающей недовольство рабочих, находящее известное выражение и выражение именно оппозиционное по отношению к Советскому государству, это оторванность наша от низовых ячеек и низовых ячеек от масс.

У нас есть хорошая связь — это связь бюрократическая, кто-то знает, где-то знают, но чтобы мы сами знали, чтобы секретарь знал — этого нет, слишком уж многие коммунисты увлеклись своей хозяйственной работой, увлеклись мелочами... внешними аксессуарами — празднествами, знаменами, значками, но чтобы непосредственно быть связанными с массами, чтобы знать их настроения — этого нет, у нас нет настоящей связи с массами.

...Если бы связь ячеек, губкомов и т.д., снизу доверху, была бы прочна, то мы могли бы на 9/10 предохранить и предупредить многое, что при таком положении вещей неизбежно. В этом отношении у нас неладно и необходимо обратить на это самое серьезное внимание. Пленум поручил мне подчеркнуть эту недостаточную связь между ячейками и массами»¹.

В постановлении пленума, состоявшем из 21 пункта, его 1 и 2 пункты одобряли меры по упорядочению и, по возможности, увеличению зарплаты рабочих, предложенные в докладе Рыкова. 3 и 4 пункты указывали на необходимость сокращения штатов и накладных расходов трестов и предприятий, а 21 пункт — создавал специальную комиссию «для выработки и проведения в срочном порядке мероприятий по борьбе с катастрофическим расхождением цен на фабрики и сельхоз. продукты».

В остальных пунктах подчеркивалась «крайняя опасность наметившихся симптомов отрыва некоторых групп и организаций, как партийных, так и профессиональных, от широких рабочих масс», а также указывалось на необходимость «разъяснительной пропаганды по вопросам финансовой политики, государственной промышленности, государственной прибавочной стоимости», выступлений перед массовыми аудиториями наркомов, хозяйственных руководителей и членов ЦК.

Особо подчеркивалась необходимость разработки мер по увеличению авторитета профсоюзов, усилению борьбы со злостными оппозиционными и антикоммунистическими эле-

¹ РКП(б). Внутрипартийная борьба в двадцатые годы. С. 52.

ментами, а Секретариату ЦК поручалось инструктировать редакции всех массовых газет для «проведения строго партийной линии»¹.

Вспоминая размышления Ленина о необходимости определения «главного звена» в цепи связанных между собой социально-экономических процессов и политических событий, нетрудно заметить, что данное постановление носило слишком общий характер. А проблема «партия и массы», даже по сравнению с докладом Дзержинского, свелась к «наметившимся симптомам» и борьбе со «злостными элементами» в «некоторых группах».

Но все-таки комиссию по ликвидации «ножниц» создали, желание устранить негативные явления было, и это давало основание надеяться, что партия, сосредоточившись на конструктивной работе, сумеет преодолеть возникшие трудности. Однако при обсуждении на пленуме второго вопроса — о составе Реввоенсовета Республики — разразился скандал.

Та планомерная, в значительной мере «подковерная» борьба по политической изоляции Троцкого, которая велась и до и после XII съезда РКП(б), неизбежно привела «тройку» к стремлению укрепить РВСР своими сторонниками.

Повод был: члены исполкома Коминтерна вот уже несколько месяцев утверждали, что Германия стоит буквально накануне пролетарской революции. И хотя Зиновьев и Сталин довольно скептически относились к оптимистическим прогнозам Радека и Пятакова, было решено помочь германским коммунистам и заводским комитетам, не исключая возможности военной поддержки восстания немецких рабочих.

И вот, на сентябрьском Пленуме ЦК, без всякого предварительного согласования с Троцким, Куйбышев предлагает ввести в состав РВСР Сталина, Орджоникидзе, Ворошилова, Пятакова, Лашевича и Муралова, а из всего состава Реввоенсовета выделить исполнительный орган, в который войдут: Троцкий (председатель), Э. Скиянский, С. Каменев (главнокомандующий), П. Лебедев (нач. полевого штаба РВСР), Сталин, Пятаков, Лашевич и Муралов².

Дальнейшее довольно красочно описал секретарь Сталина, Борис Бажанов: «Значение этой меры было для Троцкого совершенно ясно. Он произнес громовую речь: предлагаемая мера — новое звено в цепи закулисных интриг, которые ведутся против него и имеют конечной целью устранить его от руководства революцией».

---

¹ См.: РКП(б). Внутривнутрипартийная борьба в двадцатые годы. С. 145, 146.

² Там же. С. 147, 148.

Не имея никакого желания вести борьбу с этими интригами, он предлагает Центральному Комитету освободить его от всех его чинов и званий и позволить пойти простым солдатом в назревающую гражданскую революцию. Он надеется, что хоть в этом ему не будет отказано.

...Слово берет Зиновьев с явным намерением придать всему оттенок фарса и предлагает его также освободить от всех должностей и отправить вместе с Троцким солдатами германской революции. Сталин, окончательно превращая всё это в комедию, торжественно заявляет, что ни к коем случаю ЦК не может согласиться рисковать двумя такими драгоценными жизнями и просит Центральный Комитет не отпускать в Германию своих “любимых вождей”. Сейчас же это предложение было самым серьезным образом проголосовано.

Всё принимало характер хорошо разыгрываемой пьесы, но тут взял слово “голос из народа”, ленинградский цекист Комаров с нарочито пролетарскими манерами. “Не понимаю только одного, почему товарищ Троцкий так кочевряжится”. Вот это “кочевряжится” окончательно взорвало Троцкого. Он вскочил и заявил: “Прошу вычеркнуть меня из числа актеров этой унижительной комедии”. И бросился к выходу.

...Заседание происходило в Тронном зале Царского дворца. Дверь зала огромная, железная и массивная. Чтобы ее открыть, Троцкий потянул ее из всех сил. Дверь поплыла медленно и торжественно. В этот момент следовало сообразить, что есть двери, которыми хлопнуть нельзя. Но Троцкий в своем возбуждении этого не заметил...

Замысел был такой: великий вождь революции разорвал со своими коварными клеветами и, чтобы подчеркнуть разрыв, покидая их, в сердцах хлопает дверью. А получилось так: крайне раздраженный человек с козлиной бородкой барахтается на дверной ручке в непосильной борьбе с тяжелой и тупой дверью. Получилось нехорошо»¹.

Пленум тут же принимает решение, в котором констатирует, что своим уходом тов. Троцкий «поставил ЦК в затруднительное положение» и направляет вслед за ним Пятакова и Куйбышева. Их уговоры — вернуться в зал заседаний не дают результата. «Предложение новой коллегии [РВСР — ВЛ], — заявил он им, — продиктовано очень определенными внутрипартийными комбинациями», которые занимают «все больше и больше места в политике руководящего ядра ЦК, грозят в

¹ *Бажанов Б.* Воспоминания бывшего секретаря Сталина. Париж — Нью-Йорк, 1983. С. 71, 72.

данном случае вреднейшими последствиями в военной работе, а вредных последствий уже не мало в других областях»¹.

Когда Пятаков ушел, Куйбышев, оставшись один на один с Троцким, вероятно, «сорвался» и якобы заявил: «Мы не можем Вас объявить врагом, но считаем нужным в интересах партии против Вас бороться, — вот откуда проистекает необходимость таких методов»².

В записке членам ЦК и ЦКК Куйбышев 7 октября написал, что Троцкий неправильно понял и исказил его слова. На самом деле он сказал более витиевато: «Ваше положение в партии и отношение к Вам членов ЦК исключает возможность публичного противопоставления Вас большинству ЦК. Я лично боролся с Вами и буду бороться, поскольку меня будет вынуждать к этому революционная совесть, так как Ваш темперамент часто Вас далеко заводит, но нельзя же только поэтому Вас объявить врагом, начав публичную партийную дискуссию с Вами»³.

Так или иначе, но вызов был брошен, а поскольку «темперамент» Троцкого не давал ему возможности смолчать, на следующий день, 8 октября, он направил всем членам ЦК и ЦКК обширнейшее письмо по всем тем вопросам, которые обсуждались на сентябрьском пленуме. И судя и по объему и по содержанию этого документа писался и обдумывался он не один вечер. Троцкий утверждал, что вернувшись из Кисловодска 7 октября «он застал обстановку в стране и в партии резко изменившуюся к худшему... Это изменение стало мне ясно только на Пленуме ЦК»⁴. Так что Куйбышев дал лишь повод.

«Главной характеристикой момента, — отмечает Троцкий, — является то обстоятельство, что чудовищно возросшее несоответствие цен на промышленные и сельскохозяйственные продукты равносильно ликвидации нэпа...». Для деревни, полагает он, такое положение равнозначно возврату к «военному коммунизму», ибо «для крестьянина — базы нэпа — безразлично, почему он не может покупать: потому ли, что торговля запрещена декретами, или же потому, что две коробки спичек стоят столько, сколько пуд хлеба»⁵.

Помимо объективных обстоятельств, которые привели к «ножницам», одной из основных причин сложившегося кризиса являлся, по мнению Троцкого, — «самодовлеющий, т.е. не

---

¹ РКП(б) Внутривнутрипартийная борьба в двадцатые годы. С. 150.

² Там же. С. 150.

³ Там же. С. 153.

⁴ Там же. С. 195.

⁵ Там же. С. 156.

подчиненный общему хозяйственному плану характер нашей финансовой политики»¹. Дело дошло до того, что Политбюро ставит вопрос о введении государственной монополии на продажу водки, т.е. стремится «сделать доходы рабочего государства независимыми от успехов хозяйственного строительства»².

Ленинский лозунг смычки истолковывается лишь в сугубо «абстрактно-агитаторском виде», без внимания к «реальному его экономическому содержанию (плановое хозяйство; жесткая концентрация промышленности; жесткое снижение накладных расходов промышленности и торговли)». Возникающие проблемы бюрократическая система решает, как правило, бюрократическими методами: созданием различных комиссий с чрезвычайными полномочиями.

Однако подобное политико-административное давление лишь возвращает нас «к попыткам военно-коммунистического командования ценами». А роль Госплана по научному и плановому регулированию хозяйства, вопреки воле Ленина, не только не усилена, наоборот, — «он отодвинул еще более назад»³.

Отсюда плановая несогласованность, которая приобретает «вопиющие формы в работе центральных и вообще основных государственно-хозяйственных органов... Важнейшие хозяйственные вопросы решаются в Политбюро наспех, без действительной подготовки, вне их плановой связи... Чтобы быть совершенно точным, надо сказать: руководства хозяйством нет, хаос идет сверху»⁴.

Такая ситуация, полагает Троцкий, во многом объясняется «внутрипартийным режимом». Еще на X съезде стало очевидным, что «зажим эпохи военного коммунизма должен уступить место более широкой и живой партийной общественности». Однако сложившийся режим «гораздо дальше от рабочей демократии, чем режим самых жестких периодов военного коммунизма»⁵.

«Создаваемый сверху вниз секретарский аппарат, все более и более сомодовлеющий, стягивает к себе все нити». Это неизбежно убивает у хозяйственников инициативу и чувство личной ответственности, порождает у партийных работников, входящих в аппарат государства и партии, отказ от собствен-

---

¹ РКП(б) Внутрипартийная борьба в двадцатые годы. С. 156.

² Там же. С. 161.

³ Там же. С. 155, 156, 158.

⁴ Там же. С. 155, 156.

⁵ Там же. С. 159, 160.

ного мнения, по крайней мере открыто высказываемого, а у рядовых членов партии — пассивность и апатию»¹.

В этом контексте Троцкий излагает и свою версию кадровых перестановок в Реввоенсовете, предложенных ЦК на сентябрьском пленуме, которые, по его мнению, направлены на изоляцию «руководящего органа» РККА и «ударяют по моральному сплочению армии»².

В заключение, обращая ко всем членам ЦК и ЦКК, Троцкий заявлял, что наиболее безболезненным «выходом из положения явилось бы осознание нынешней руководящей группой всех последствий искусственно поддерживаемого ею режима и искренняя готовность содействовать переводу партийной жизни на более здоровые рельсы. В этом случае методы и организационные формы для перемены курса нашлись бы без труда. Партия вздохнула бы с облегчением»³.

В соответствии с существовавшим порядком, Троцкий направил свое письмо в Секретариат ЦК для рассылки членам ЦК и ЦКК. На следующий день, 9-го, по указанию Молотова, на ротаторе распечатали 125 копий этого письма и одну тотчас послали Сталину, а 10-го 12 экземпляров роздали членам Политбюро и президиума ЦКК⁴.

Судя по обмену записками между Рыковым и Троцким, для обсуждения письма поначалу предполагалось провести «частное совещание членов Политбюро» или «устроить совещание с некоторыми членами ЦК». Вероятно, поэтому 11 октября Политбюро, с согласия Троцкого, решило отложить дальнейшую рассылку, приняв к сведению его информацию, что сам он успел ознакомить с письмом лишь узкий круг единомышленников, которые не являлись ни членами ЦК ни ЦКК⁵.

Однако круг лиц, ознакомившихся с письмом Троцкого, оказался гораздо более широким. И хотя Троцкий решительно отрицал какие-либо шаги, направленные к его распространению, уже 14 октября бюро МК РКП(б) приняло постановление обсудить оный документ, являющийся, «по сути дела, платформой, на основе которой делаются энергичные попытки к образованию фракции»⁶.

На следующий день, ссылаясь на эти постановления, Политбюро ЦК решает разослать письмо Троцкого всем членам

¹ См.: РКП(б) Внутривнутрипартийная борьба в двадцатые годы. С. 159, 160, 163.

² Там же. С. 162.

³ Там же. С. 164.

⁴ Там же. С. 178.

⁵ Там же. С. 172, 178, 195.

⁶ Там же. С. 174, 176.

ЦК и ЦКК, а Президиум ЦКК, тогда же — 15 октября, принимает резолюцию, в которой указывает, что «разногласия, перечисленные тов. Троцким, в значительной степени искусственны и надуманы, и что т. Троцкий неосновательно заостряет обычные во всякой коллективной работе разногласия». И хотя партия стоит перед фактом попытки «организации фракции», Президиум ЦКК убежден, что «на данной стадии развития разногласий все они могут и должны быть изжиты внутри ЦК и ЦКК», а посему все получатели письма Троцкого обязаны не выносить эти разногласия за рамки ЦК и ЦКК¹.

Но было уже поздно. В этот же самый день, 15 октября, в Политбюро ЦК поступило «Заявление 46-ти», которое — хотя ни разу не упомянуло о письме Троцкого, фактически вывело дискуссию за пределы и ЦК и ЦКК. При чем сбор подписей под этим документом был начат еще 11 октября.

«Начавшийся с конца июля этого года хозяйственный и финансовый кризис, со всеми вытекающими из него политическими, в том числе и внутрипартийными последствиями, — говорилось в «Заявлении», — безжалостно вскрыл неудовлетворительность руководства партии как в области хозяйства, так и особенно в области внутрипартийных отношений»².

Кратко повторив критику проводимой экономической политики, содержащуюся в письме Троцкого, «Заявление» делало особый упор на положении внутри РКП(б), где происходит «все более прогрессирующее, уже почти никем не прикрытое разделение партии на секретарскую иерархию и “мирян”, на профессиональных партийных функционеров, подбираемых сверху, и прочую партийную массу, не участвующую в общественной жизни.

...Режим, установившийся внутри партии, совершенно нестерпим; он убивает самостоятельность партии, подменяя партию подобранным чиновничьим аппаратом, который действует без отказа в нормальное время, но который неизбежно дает осечки в моменты кризисов...»

В качестве выхода из создавшегося положения предлагалось «созвать совещание членов ЦК с наиболее видными и активными работниками с тем, чтобы список приглашенных включил в себя ряд товарищей, имеющих взгляды на положение, отличные от взглядов большинства ЦК»³.

¹ См.: РКП(б) Внутрипартийная борьба в двадцатые годы. С. 179, 180.

² Там же. С. 180.

³ Там же. С. 182, 183.

Среди подписавших этот документ как раз и были люди, достаточно известные в партии и лично и по занимаемым постам, а также по своему хроническому несогласию с «взглядами большинства ЦК».

А. Бубнов заведовал в это время Агитпропотделом ЦК РКП(б), Е. Преображенский председательствовал в Финансовом комитете ЦК РКП(б) и СНК, А. Белобородов являлся наркомом внутренних дел РСФСР, И. Смирнов — наркомом почт и телеграфов СССР, Л. Серебряков — замнаркома НКПС, Н. Осинский — замнаркома земледелия, профессор-аграрник В. Максимовский — замнаркома просвещения, Рафаил (Фарбман Р.Б.) — заведующим московским отделом народного образования, Г. Пятаков — зампредом Госплана, В. Смирнов — членом президиума Госплана, Т. Сапронов — председателем президиума ВЦСПС, В. Косиор — главным редактором газеты «Труд», И. Стуков — редактором «Московского рабочего», Л. Сосновский — главным редактором «Бедноты», А. Воронский — редактором журналов «Красная новь» и «Прожектор», Н. Муралов командовал Московским военным округом, В. Антонов-Овсеенко был начальником Политуправления Красной Армии. Подписали «Заявление» и несколько партийных и хозяйственных работников Украины, Урала, Курска и т.д.

Надо сказать, что особого единомыслия среди них не было. Подписывая «Заявление», кто-то оговаривал свое несогласие с оценкой хозяйственного положения в стране, другие решительно не соглашались с анализом внутрипартийного положения. Но все сходились в одном: как написал Бубнов — «состояние партии требует принятия радикальных мер, ибо в партии в настоящее время неблагополучно»¹.

Знал ли об этих событиях Владимир Ильич? Ответить определенно на этот вопрос крайне сложно. Известно, что каждый раз, возвращаясь из Москвы, Надежда Константиновна и Мария Ильинична, за обедом или за чаем, оживленно обсуждали все столичные новости. И врачи еще в конце августа записали, что Ленин внимательно вслушивался в эти разговоры и, «судя по мимике, жестам, интонациям, он несомненно понимает многое»².

В сентябре-октябре врачи отметили, что понимание речи «заметно увеличивается». Мало того, при чтении газет, которое происходило в это время почти ежедневно, Владимир

¹ См.: РКП(б) Внутрипартийная борьба в двадцатые годы. С. 184.

² См.: РГАСПИ. Ф. 16. Оп. 2. Ед. хр. 13. Л. 390.

Ильич не только «живо реагирует» на прочитанное, но и сам «начинает несомненно прочитывать некоторые слова»¹.

«Установился, — пишет Крупская, — такой порядок: после того, как Владимир Ильич сам просматривал газету, я прочитывала ему телеграммы, передовицу, статьи по его указанию. Сам он очень быстро ориентировался в газете, что прямо порождало докторов, и не позволял пропускать ничего существенного».

Когда, стараясь не огорчать его, пишет Крупская, она ничего не сказала о смерти Мартова, он сам нашел сообщение об этом в эмигрантских газетах и «укоризненно показал мне». Это повторилось 18 сентября, когда Ленин прочел об убийстве в Лозанне В. Воровского, 21 сентября, когда газеты сообщили о покушении на дочь спецкора «Известий» в Париже давнего знакомого Владимира Ильича Шарля Раппопорта.

«Статьи, — продолжает Крупская, — он выбирал так, как выбирал бы здоровый. Просил читать ему вслух лишь то, что содержало фактический материал, просил, например, прочесть заметку [две статьи Радека — ВЛ.] о финансовых реформах Гильфердинга, статью о гарантийном банке...» Просил достать «вновь вышедшую книжку “о мясниковщине”»².

А в октябре Крупская пишет Зиновьеву: «В.И. прочел объявление о “Звезде” и о своей статье в ней [статья 1916 года «О карикатуре на марксизм и об “империалистическом экономизме”» — ВЛ.]. Просил достать, как только она выйдет. Явно помнит эту свою статью. Очень просила бы, чтобы номер со статьей Ильича был послан мне тотчас по выходе»³.

Есть основания полагать, что именно в эти осенние месяцы 1923 года Владимир Ильич узнал и о том, чем завершилась так называемая «церковная революция», к которой он с самого начала относился достаточно скептически. Во всяком случае, подробная информация на эту тему постоянно печаталась в «Известиях», с материалами которой его знакомили регулярно.

До 19 апреля 1923 года Патриарх Тихон продолжал находиться под домашним арестом в Донском монастыре. Время от времени ему устраивали допросы, но, по мнению современных исследователей, особых стеснений он не испытывал, продолжал поддерживать связь со своими сторонниками и «имел приемлемые условия существования, время и возмож-

¹ См.: РГАСПИ. Ф. 16. Оп. 2. Ед. хр. 13. Л. 392, 401.

² Известия ЦК КПСС. 1989. № 4. С. 173.

³ Известия ЦК КПСС. 1989. № 2. С. 202.

ность для тщательного анализа своего положения и принимал решения, учитывая все факторы...»¹

Результатом этих размышлений, видимо, и стало сделанное им, на допросах 2 января и 16 февраля 1923 года, признание своей вины за издание ряда посланий, направленных против государственного строя и, в частности, послания 28 февраля 1922 года относительно изъятия церковных ценностей, которое привело к столкновению прихожан с властями².

Этого оказалось достаточно для того, чтобы уже в начале апреля Антирелигиозная комиссия при Политбюро изготовила сценарий будущего процесса, оговорив с самого начала, что он не должен завершиться высшей мерой наказания. 17 апреля 1923 года коллегия Верховного суда РСФСР утвердила обвинительное заключение, и 19-го Патриарх был взят под стражу и переведен во внутреннюю тюрьму ГПУ³.

Однако и после этого — и по просьбе Дзержинского и решениями Политбюро — суд продолжали переносить на все более поздние даты. Некоторые исследователи полагают, что одной из причин этой задержки стала фраза Ленина в письме 19 марта 1922 года о том, что арестовывать Патриарха не следует, и слова, якобы сказанные им тогда же: «Мы из него второго Гермогена делать не будем»⁴. То есть, не надо создавать для верующих новых великомучеников. Впрочем, дело было не в тех или иных словах.

29 апреля 1923 года в 3-м Доме Советов собрались на Поместный собор 350 делегатов от 72 епархий. 3 мая по докладу митрополита Введенского, после бурных прений, приняли резолюцию, одобрявшую социалистическую революцию, осуждавшую капитализм, отменявшую анафему Патриарха Тихона 1918 года и объявлявшую его «отступником от подлинных заветов Христа и предателем Церкви». Его лишали сана и монашества, вернув тем самым, как указывалось в резолюции, — «в первобытное мирянское положение...»⁵

Но когда Собор перешел к рассмотрению радикальных церковных реформ, то коренные преобразования РПЦ, предложен-

---

¹ Лавров В.М., Лобанов В.В., Лобанова И.В., Мазырин А.В. Иерархия Русской православной церкви... С. 195.

² См.: Лавров В.М., Лобанов В.В., Лобанова И.В., Мазырин А.В. Иерархия Русской православной церкви... С. 196.

³ См.: Лавров В.М., Лобанов В.В., Лобанова И.В., Мазырин А.В. Иерархия Русской православной церкви... С. 175, 176.

⁴ См.: Лавров В.М., Лобанов В.В., Лобанова И.В., Мазырин А.В. Иерархия Русской православной церкви... С. 202, 206.

⁵ См.: Алексеев В.А. Иллюзии и догмы. С. 245, 246.

ные «обновленцами», поддержки не получили. Большинство собравшихся проявили себя «приверженцами традиционного православного вероучения». И это обстоятельство в значительной мере подорвало авторитет обновленческих лидеров в глазах паствы и власти, надежду на их способность преодолеть раскол и объединить многомиллионную массу мирян¹.

24 мая 1922 года в своих предложениях по церковной политике Троцкий писал, что наиболее оптимальным вариантом, к которому следует стремиться, является *централизованная* церковь при «лояльном и фактически бессильном патриархе». Он полагал тогда, что эту задачу решат «обновленцы». Теперь стало ясно, что им это не под силу. Вероятно поэтому и активизируются поиски какого-то компромисса².

11 июня 1923 года член Антирелигиозной комиссии Емельян Ярославский пишет Сталину: целесообразно следствие по делу Патриарха затягивать и далее, а самому «Тихону сообщить, что по отношению к нему *может быть изменена мера пресечения*, если: а) он сделает особое заявление, что раскаивается в совершенных против Советской власти и трудящихся рабочих и крестьянских масс преступлениях и выразит теперешнее лояльное отношение к Советской власти; б) что он признает справедливым состоявшееся привлечение к суду за эти преступления...

В случае согласия освободить его и перевести в Валаамское подворье, не запрещая ему церковной деятельности». В приложенной записке Ярославский добавляет: «Из разговоров с Тихоном выяснилось, что при некотором нажиме и некоторых обещаниях, он пойдет на эти предложения...»³

14 июня Политбюро приняло предложение Ярославского, и уже 16-го Патриарх Тихон направил в Верховный суд РСФСР заявление. «Будучи воспитан в монархическом обществе и находясь до самого ареста под влиянием антисоветских лиц, — говорилось в нем, — я действительно был настроен к Советской власти враждебно, причем враждебность из пассивного состояния временами переходила к активным действиям».

Патриарх заявлял, что он раскаивается «в этих проступках против государственного строя», что «отныне я Советской власти не враг» и что решительно отмежевывается «как от за-

¹ См.: Алексеев В.А. Иллюзии и догмы. С. 246.

² См.: Лавров В.М., Лобанов В.В., Лобанова И.В., Мазырин А.В. Иерархия Русской православной церкви... С. 190.

³ Лавров В.М., Лобанов В.В., Лобанова И.В., Мазырин А.В. Иерархия Русской православной церкви... С. 178, 179.

рубежной, так и внутренней монархическо-белогвардейской контрреволюции»¹.

Попытки добиться от него дополнительных политических заявлений успеха не имели, а вот его просьба была учтена: 21 июня Политбюро поручило ГПУ «пересмотреть все дела высланных церковников на предмет амнистирования наименее из них вредных». Об отправке самого Тихона на Валаам уже не упоминалось².

27 июня, после 38-дневного пребывания в ГПУ, патриарх был освобожден и вернулся в Донской монастырь. А уже на следующий день обратился с воззванием к верующим, в котором отказался признать решение Поместного собора о снятии сана. «Я, конечно, — писал он, — не выдавал себя за поклонника Советской власти, каким объявляют себя церковные обновленцы, возглавляемые нынешним Высшим Церковным Советом, но зато я и далеко не такой враг, каким они меня выставляют»³.

В начале июля к Тихону обратилась группа московских архиереев с предложением «снова стать во главе Русской Церкви и быть ее кормчим...» И 15 июля Патриарх выпустил еще одно воззвание, в котором сообщил о своем возвращении к руководству Церковью. Так что никакого суда над ним, о котором писали нынешняя «Комсомольская правда» и даже «Известия ЦК КПСС», так и не состоялось⁴.

Обстоятельный анализ различных оценок внутренних мотивов поступков Патриарха летом 1923 года содержится в цитируемой нами книге «Иерархия Русской православной церкви, патриаршество и государство в революционную эпоху». Заметим лишь, что сомнения в его искренности по крайней мере не корректны.

Патриарх чутко воспринимал *настроение* своей паствы и был убежден, что идти против него, значит окончательно разрушить саму Церковь. Это и было для Тихона главным. Как заметил князь Г.Н. Трубецкой, — «личная участь не заботила его, но он болел душой за подначальных и за духовных чад своих»⁵.

---

¹ См.: «Известия», 27 июня 1923 года; Лавров ВМ, Лобанов ВВ, Лобанова ИВ, Мазырин АВ. Иерархия Русской православной церкви... С. 179, 180; Алексеев ВА. Иллюзии и догмы. С. 248.

² См.: Лавров ВМ, Лобанов ВВ, Лобанова ИВ, Мазырин АВ. Иерархия Русской православной церкви... С. 180, 210.

³ Алексеев ВА. Иллюзии и догмы. С. 250.

⁴ См.: Алексеев ВА. Иллюзии и догмы. С. 243, 251.

⁵ Лавров ВМ, Лобанов ВВ, Лобанова ИВ, Мазырин АВ. Иерархия Русской православной церкви... С. 182.

Решающую роль сыграли и те перемены, которые происходили в политике Советской власти. Еще 4 июля 1923 года Пленум ЦК РКП(б) постановил: «Считая, что в некоторых организациях антирелигиозная пропаганда приняла нежелательный характер... поручить Политбюро срочно разослать организациям соответствующий циркуляр».

В этом циркуляре, разосланном на места 16 августа, в частности, говорилось: «Воспретить закрытие церквей, молитвенных помещений и синагог по мотивам неисполнения административных распоряжений о регистрации, а где таковое имело место — отменить немедленно... Воспретить ликвидацию молитвенных помещений, зданий и пр. за невзнос налогов... Воспретить аресты “религиозного характера”, поскольку они не связаны с явно контрреволюционными деяниями “служителей церкви” и верующих».

Разъяснить членам партии, что наш успех в деле разложения церкви и искоренения религиозных предрассудков зависит не от гонений на верующих..., — а от тактичного отношения к верующим при терпеливой и вдумчивой критике религиозных предрассудков»¹.

Лето и осень 1923 года стали заметной вехой во взаимоотношениях с Советской властью и для других религиозных организаций. Центральное Духовное управление мусульман обратилось с воззванием ко всем приверженцам ислама в СССР, в котором говорилось: «Из всех когда-либо существовавших правительств Советское правительство является самым справедливым».

О своей лояльности по отношению к Советскому государству заявили в ноябре 1923 года руководители евангельских христиан во главе с Иваном Трегубовым. А руководители старообрядческой церкви — архиепископ Мелентий и епископ Геронтий — в послании к своей пастве написали: «Теперь, слава Богу, у нас в России утвердилась рабоче-крестьянская власть»².

Пройдет всего несколько месяцев и патриарх Тихон опубликует заявление: «Идейно мы с Владимиром Ильичем Лениным, конечно, расходились, но я имею сведения о нем, как о человеке добрейшей и поистине христианской души»³.

Заметим кстати, что упрочившееся в нашей исторической журналистике утверждение о том, что после революции яко-

---

¹ Лавров В.М., Лобанов В.В., Лобанова И.В., Мазырин А.В. Иерархия Русской православной церкви... С. 210, 211.

² Алексеев В.А. Иллюзии и догмы. С. 263.

³ «Вечерняя Москва», 25 января 1924 года.

бы были расстреляны чуть ли не *сотни тысяч* священнослужителей (без указаний на хронологические рамки), на поверку является чистейшим пропагандистским вымыслом и полным неуважением читателя.

По расчетам Георгия Хмуркина, если в 1915 году, по данным самой РПЦ, в России насчитывалось **66.335** священнослужителей, то по Всесоюзной переписи 1926 года число их уменьшилось до **58.587**, т.е. на **7.748**.

Если из этой цифры вычесть более *тысячи* православных священнослужителей пяти епархий (Варшавской, Холмской, Литовской, Рижской, Финляндской), оказавшихся вне пределов Советской России, более *двух тысяч* эмигрировавших из нее, а также начавшееся после Февраля 1917 года добровольное сложение сана (по данным протоиерея А.В. Маковецкого) примерно 8-10%, плюс смертность, как и у прихожан, от голода, болезней, массовых эпидемий, то станет очевидным, что ни о каких тысячах невинно убиенных священниках, в рассматриваемый нами период, не может быть и речи.

Добавим также, что по данным на 1 ноября 1925 года в РСФСР было закрыто и не функционировало лишь **4,7%** православных церквей. Да и то главным образом в силу того, что, лишившись государственных дотаций, прихожане не всегда имели возможность их содержать¹.

Профессор Иринарх Аристархович Стратонов, которого издательство РПЦ характеризует как глубоко верующего ученого-эмигранта, имевшего «ясное церковное сознание и способность трезво оценивать события», в 1932 году писал, что при всем внешнем давлении и внутренних неурядицах, начало 20-х годов не стало периодом «кровавого богоборства». Скорее наоборот.

«Многие из заключенных епископов в 1920 году вернулись в свои епархии. Местная церковная жизнь стала устраиваться... Храмы наполнились молящимися, при этом среди молящихся не было того преобладания женского пола, которое замечалось до революции».

«*Нельзя не отметить и общерелигиозного подъема в массах...* Церковная жизнь к 1920 году восстановилась полностью, а может быть даже превзошла старую, дореволюционную. Вне всякого сомнения, что внутренний рост церковного самосознания верующего русского общества достиг такой высоты, равной которой не было за последние два столетия в русской церковной жизни»².

¹ См.: Журн. Антирелигиозник. 1926. № 6. С. 61-62.

² Материалы по истории церкви. Книга 5. Из истории христианской церкви на родине и за рубежом в XX столетии. Сборник. М., 1995. С. 6, 36.

После сентябрьского Пленума ЦК, где разразился скандал, связанный с Троцким, Ленин «разыскивал что-то среди книг в библиотеке», но, не найдя, выразил желание поехать в Москву. 8 октября, когда Крупская «хотела проститься с ним, сказав, что она едет в Москву, В.И. надел шляпу, показав, что он хочет ехать с ней. На уверения, что ему нельзя, что он болен, что его растрясет, только махал рукой». Однако профессор Осипов, запись которого мы процитировали, решительно воспротивился, и «Н.К. уехала, сказав, что возьмет его в следующий раз»¹.

13 октября Ленин повторил попытку. «После слов Марии Ильиничны, что она едет в Москву, тоже показал, что нужно ехать». В ходе объяснений Владимир Ильич дал понять, что хочет попасть в Кремль якобы лишь для того, чтобы привезти некоторые книги. Осипов поездку запретил, а когда Ленину дали список литературы, он отобрал только что вышедшие из печати тома собственных сочинений, несколько книг Троцкого и Рафаила (Фарбмана Р.Б.)².

Наконец, 18 октября Владимир Ильич добился своего. Профессор Осипов пишет, что в этот день он пришел к Ленину в 15.30 и узнал, что Владимир Ильич отказался от обеда, очень взволнован и решительно настроен на то, чтобы ехать в Москву. С помощью санитара он дошел до гаража и сел в открытый автомобиль, который должен был отвезти в город Казимира Зорьку.

Никакие уговоры врача и родных не подействовали. Единственное, чего удалось добиться — согласия пересесть в закрытый автомобиль. Вместе с Лениным поехали Крупская, Мария Ильинична, начальник охраны Пакалн, профессор Осипов и фельдшер Рукавишников. По дороге шофер Рябов дважды попытался свернуть в сторону и вернуться назад, но Владимир Ильич тут же решительно пресекал эти попытки.³

Около 19 часов приехали в Кремль. «Часовой осматривает пропуска у нас, — рассказывает Рукавишников, — а Ильич сидит, откинувшись в угол автомобиля... Часовой наклоняется ближе, чтобы рассмотреть пассажира, не показавшего пропуск. Увидел и отпрянул. Вытянулся в струнку, руку под козырек...»

Они въехали в Кремль. Ленин поднимается в свою квартиру. Некоторое время, сидя в кресле, отдыхает с дороги, а потом начинает просматривать книжные шкафы и все комнаты.

¹ См.: РГАСПИ. Ф. 16. Оп. 2. Ед. хр. 13. Л. 400.

² Там же. Л. 401.

³ Там же. Л. 402.

Всю дорогу, от самых Горок, Владимир Ильич находился, как пишет Осипов, в «радостном состоянии». Еще бы! Ведь он не был здесь с 15 мая — пять долгих месяцев...

Но он не мог не заметить определенной странности: 18 октября был четверг, нормальный рабочий день, когда в Кремле в это время все еще бурлила деловая жизнь, толчея, шли различные совещания и заседания. Теперь же, вместо обычного многолюдья, тишина и ни души.

Легли спать. Ночь прошла спокойно. А с утра он опять, как пишет Крупская, — «разобрал свои тетрадки» и рылся в библиотеке. После обеда, около 14 часов, Ленин попросил поката́ть его в коляске по Кремлю. День все-таки был рабочим, и он должен был хоть кого-нибудь встретить... Встретил! «Из-за угла, — рассказывает Рукавишников, — вывертывается взвод красноармейцев. Вот они поравнялись с Ильичем. Взводный: “Равнение направо!” Красноармейцы оборачиваются к Ильичу. Взводный, подтянувшись, отдает честь...»

Запись Осипова: «В.И. показал, что хочет выехать за пределы Кремля: подали автомобиль, катался по Москве, ездил мимо выставки». Речь шла о Всероссийской сельскохозяйственной и кустарно-промышленной выставке, к которой он проявлял особый интерес. Но осмотреть ее подробно не удалось — пошел дождь.

«Вернувшись обратно, — продолжает Осипов, — прошел в зал Совнаркома». Рукавишников рассказывает более подробно: Ленин «вторично направился в свой кабинет, но на сей раз не удовлетворился его осмотром, а повернул в дверь, ведущую из его кабинета в зал заседаний Совнаркома. Зал был пуст: ввиду приезда Владимира Ильича заседания были отменены. Ильич покачал головой. Мне кажется, что он рассчитывал увидеть здесь многих из своих товарищей».

Об этой поездке Ленина ходило по Москве множество слухов и сплетен. Естественно, мы находим их в воспоминаниях Н. Валентинова. О степени достоверности этих слухов он сам написал следующее: информацию он получил от брата П.Н. Малянтовича, юриста Владимира Николаевича Малянтовича («Икс»), обладавшего обширными связями, в том числе и в медицинских кругах.

Более 30 лет Валентинов эту информацию никак не фиксировал и «даже мысль о том, — как он пишет, — в голову не приходила. Очень часто многое слышанное, как говорится, в одно ухо влетало, а из другого вылетало... Смутно помню, что он в качестве своих информаторов называл Крамера и Кожевникова... Главным его информатором в этом деле был Крамер»¹.

---

¹ Валентинов Н. НЭП и кризис партии. С. 63.

Согласно этой версии, «Ленин пришел в свою квартиру и там *долго* искал какую-то вещь, написанную им до третьего удара и оставшуюся в его кремлевской квартире, когда его на носилках перевезли в Горки. Хранимые им бумаги Ленин никогда не позволял трогать. В 1922 г., уехав в Горки, он потребовал от Фотиевой (она о том пишет) “запереть ящики его стола в кабинете и ничего там не разбирать”. Такие же порядки он установил и в своей квартире. Никто, в том числе и Крупская, не должен ни брать, ни переключивать его заметки и всякие другие документы.

...Приехав из Горок в Кремль, Ленин нашел, что установленный им порядок кем-то нарушен. Искомая вещь там, где он рассчитывал ее найти, не оказалась. Ленин пришел от этого в сильное раздражение... Испуганные Крупская и Ульянова, может быть с чьей-то помощью, свели его вниз, посадили в автомобиль и привезли в Горки». Все это якобы рассказала Крамеру Мария Ильинична¹.

И вот заключительная запись Виктора Петровича Осипова за этот день: после посещения Совнаркома Ленин «выбирал книги и взял Гегеля. Выяснилось, что он хочет обратно в Горки, причем торопил с возвращением. 19-го около 7 часов вечера вернулся в Горки»².

Валентинов пишет, что якобы через несколько дней после возвращения, Крупская вызвала Крамера и «очень недовольным тоном заявила, что М.И. неверно передала ему о случившемся. Владимир Ильич болен, он может несколько в искаженном виде представлять себе некоторые явления... “Я не хочу, чтобы разнесся слух, будто какие-то документы, рукописи, письма у Владимира Ильича украдены. Такой слух может принести только *большие неприятности*... Очень прошу забыть все то, что вам говорила Мария Ильинична”»³.

Остается лишь добавить реальные наблюдения Крупской: когда в предшествующие дни врачи запрещали Ленину ехать в Москву, они более всего «боялись, как бы он не захотел там остаться». После 19 октября, пишет Надежда Константиновна, со стороны Владимира Ильича «больше разговоров о Москве не было»⁴.

Между тем, как раз в эти дни, 18 и 19 октября, в том же Кремле, оказавшемся для Ленина столь тихим и безлюдным, разво-

¹ Валентинов Н. НЭП и кризис партии. С. 62.

² РГАСПИ. Ф. 16. Оп. 2. Ед. хр. 13. Л. 402.

³ Валентинов Н. НЭП и кризис партии. С. 62-63.

⁴ См.: Известия ЦК КПСС. 1989. № 4. С. 174; Лотухин Е.М. Болезнь, смерть и бальзамирование В.И. Ленина. С. 172-174.

рачивались довольно значимые события. 18 октября Политбюро принимает решение созвать 25-го экстренный Пленум ЦК с приглашением на него представителей крупнейших пролетарских парторганизаций по списку, составленному Секретариатом ЦК РКП(б).

На следующий день Троцкий обращается в Президиум ЦКК и Политбюро с новым письмом, в котором отвергает попытки квалифицировать его письмо от 8 октября как «платформу оппозиции» и настаивает на том, чтобы его обсуждение не выходило за рамки ЦК и ЦКК.

«Всем нам известен факт, — пишет он, — когда письмо тов. Ленина по национальному вопросу было доведено до сведения сравнительно широкого круга членов партии и в то же время, по общему соглашению, не пошло в широкое обращение. ... При желании письмо мое ... могло бы не выйти за эти пределы при действительной решимости рассмотреть вопросы без фракционных конвульсий и потрясений»¹.

Но было поздно. Именно в этот день, 19 октября, восемь членов и кандидатов в члены Политбюро подписывают ответ на письмо Троцкого от 8 октября и обращаются с ним ко всем членам ЦК и ЦКК. Причем этот документ размножается в 300 экземплярах для рассылки участникам предстоящего пленума, хотя всех членов ЦК и ЦКК насчитывалось 90, а с кандидатами — 117².

Троцкий **первым напал на ЦК партии**, указывалось в этом документе. О «надуманности» и «искусственности» разногласий, «обычных во всякой коллегиальной работе», — как говорилось в письме Президиума ЦКК от 15 октября, теперь уже речь не шла. «Письмо-платформа» Троцкого, по убеждению авторов нового документа, не только содержит «чудовищные ошибки», но и является реальным «приступом к организации фракционности»³.

Его критика хозяйственной политики ЦК партии объясняется «либо незнанием дела, либо сознательным преувеличением из фракционных мотивов». Между тем «финансовое положение Республики, несомненно, стало более устойчиво... Крупная промышленность медленно, но неуклонно поднимается. Топливный вопрос (уголь, нефть) разрешен удовлетворительно...

---

¹ РКП(б). Внутрипартийная борьба. С. 193, 196.

² Там же. С. 214.

³ Там же. С. 197, 198.

Все это результаты, говорящие не о «кризисе», а об улучшении, правда медленном, но улучшении». А «тов. Ленин разъяснял, что в области поднятия нашего хозяйства ничего серьезного достигнуть нельзя нахрапом, наскоком и крепкими словами...»¹.

Что касается «ножниц», то не Троцкий указал на их опасность. Задолго до XII съезда на это указывалось «товарищем Лениным и большинством Политбюро». ЦК стал разрабатывать соответствующие меры, в то время, как т. Троцкий не появлялся на заседаниях СТО и СНК, не вносил никаких практических предложений, потому что «был занят разработкой вопросов литературы, искусства, быта и т.п.». А его доктринерское требование более «жесточкой хозяйственно-рациональной концентрации промышленности» грозит лишь «конфликтом с ядром рабочих из-за закрытия заводов», т.е. «отрывом партии от рабочих»².

Особенно нелепы, говорилось в письме членов Политбюро, упреки Троцкого в адрес ЦК в связи с вопросом о продаже водки. «Еще когда обсуждался вопрос о концессиях Уркарта, тов. Ленин неоднократно заявлял, что перед нами может встать вопрос — что лучше: пойти на концессии типа Уркартовской или, на худой конец пойти на то, чтобы легализовать для поправления государственных финансов, при известных условиях, продажу водки. Тов. Ленин, не колеблясь, заявлял, что лучше последнее... Изменившаяся обстановка (возможность войны и пр.) сняла этот вопрос сама собой»³.

«...В основе всего недовольства тов. Троцкого», полагали авторы письма, лежит простая причина: отказ ЦК назначить его — в дополнение к тем полномочиям, которые он имеет как Предреввоенсовета — еще и руководителем всей нашей «хозяйственной жизнью», т.е. диктатором «в области хозяйства и военного дела». Однако «против этого назначения долгое время боролся т. Ленин, и мы считаем, что он был совершенно прав»⁴.

В области внешней политики т. Троцкий «навязывает нам политику “волевых импульсов”, которая может ввергнуть страну в военную авантюру, связанную с полной потерей политического кредита у крестьянства»⁵.

Субъективизм его оценок проявился и в отношении к вопросам, связанным с Германской революцией. При их обсу-

¹ См.: РКП(б). Внутрипартийная борьба. С. 198, 199.

² Там же. С. 199, 200.

³ Там же. С. 207.

⁴ Там же. С. 201.

⁵ Там же. С. 213.

ждении в Политбюро он не высказывал никаких возражений. А вот во время скандала, учиненного им на сентябрьском пленуме, вдруг заявил, что «руководство Германской компартии никуда не годится» и что «германская революция обречена на гибель».

Речь эта произвела угнетающее впечатление на всех присутствующих. Но громадное большинство товарищей считало, что эта филиппика... не соответствует объективному положению вещей» и в конечном счете способна лишь нанести «величайший удар Германской компартии, стоящей сейчас на аванпостах мировой революции»¹.

Еще более субъективны оценки Троцким внутривнутрипартийного положения. Он характеризует его теми же красками, что и меньшевики. Он, в частности, ставит под сомнение «приемы и методы» созыва XII съезда, т.е. порочит легитимность его состава. «Весь советский аппарат, — говорилось в письме, — смотрит и должен смотреть на съезд РКП, как на источник правительственной власти. Когда один из членов Политбюро заявляет, что XII съезд был будто бы подтасован... это есть не что иное, как подготовка почвы для **отрыва советского аппарата от партии**»².

Троцкий считает, что благодаря назначенству секретарей «партия превратилась в бездушную машину». Между тем «создается новое поколение активных работников, получающих от партии все, что она может им дать... Тяга рабочих в партию очень значительна. Общий культурный уровень членов партии поднимается с каждым полугодием. Партийная печать, несомненно, улучшилась».

Секретари и организаторы, если говорить о них в широком смысле слова, состоят, в значительной степени, из числа свежих молодых работников. Толки о «верхах» и «низах», принимавшие иногда крайне болезненный и нежелательный характер, почти прекратились»³.

«Заявление 46 сторонников тов. Троцкого» договаривает то, о чем умолчал сам Троцкий. Они прямо пишут, что во всем повинен «сложившийся после X съезда режим фракционной диктатуры». Но этот режим «был, как известно, создан **при непосредственном участии тов. Ленина**... Многие ли в нашей партии согласятся с тем, что тов. Ленин стоял только во главе фракции, а не во главе партии?»⁴

¹ См.: РКП(б). Внутривнутрипартийная борьба. С. 205.

² Там же. С. 208.

³ Там же. С. 208, 209.

⁴ Там же. С. 211.

«Петиция 46» есть плод соглашения группы «демократического централизма» с «группой тов. Троцкого». И «мы вынуждены с сожалением констатировать, что тов. Троцкий стал центром, вокруг которого собираются все противники основных кадров партии»¹.

Под письмом стояли подписи Н. Бухарина, Г. Зиновьева, М. Калинина, Л. Каменева, В. Молотова, А. Рыкова, И. Сталина, М. Томского. Специально отмечалось, что «отсутствуют гг. Ленин, Рудзутак». Публикаторы этого документа полагают однако, что «основным автором документа явился И.В. Сталин»².

20 октября Бухарин, находившийся в это время в Петрограде, ознакомившись с письмом, прислал оттуда Сталину и Томскому телефонограмму: «Категорически настаиваю на следующих изменениях текста: во-первых, необходимо обязательное включение и развитие пункта о внутривнутрипартийной демократии; во-вторых, нельзя изображать экономический кризис в столь розовых красках; в-третьих, необходимо гораздо больше использовать ноту о партийном единстве; в-четвертых, уничтожить все признаки газетного фельетона. Документ должен быть в высшей степени строгим и корректным по форме»³.

Увы, это были, как говорится, — «цветы запоздалые», и документ ушел в типографию без тех изменений, на которых «категорически настаивал» Николай Иванович Бухарин.

23 октября Троцкий ответил письмом, обращенным также ко всем членам ЦК и ЦКК, т.е. фактически к пленуму, который открывался 25-го. И прежде всего он попытался в этом письме отвергнуть обвинения во фракционности.

«Что существование фракций, т.е. организованных объединений единомышленников внутри партии, — считает Троцкий, — представляет чрезвычайную опасность, это совершенно бесспорно. Но отсюда еще очень далеко до провозглашения фракцией каждой попытки отдельного члена партии или группы членов партии обратить внимание ЦК на неправильности и ошибки проводимой им политики.

...Действительно нефракционный режим в партии может на деле не нарушаться только в том случае, если партия снизу доверху остается активным и самостоятельным коллективом, если... руководящие учреждения... с величайшим вниманием относятся к голосу внутривнутрипартийной критики, не пытаясь ли-

---

¹ РКП(б). Внутривнутрипартийная борьба. С. 212.

² Там же. С. 214.

³ Там же. С. 220.

квидировать всякую самостоятельную мысль партии обвинением во фракционности»¹.

Второй вопрос, который поднимает Троцкий, — это стремление «вовлечь в нынешние спорные вопросы имя т. Ленина, представляя дело так, будто бы, с одной стороны, есть продолжение политики т. Ленина, а с другой стороны, — борьба против этой политики». И поскольку «авторитет т. Ленина значил для меня не меньше, чем для любого другого члена ЦК», он ответит в этом письме «пункт за пунктом, давая точные цитаты и ссылки на документы, легко доступные проверке»².

В этой связи он возвращается к истории вопроса о Госплане, о монополии внешней торговли, к дискуссии об «автономизации», о его отношении к крестьянству, а поскольку в письме членов Политбюро приводилось множество самых различных фактов и разговоров, то и Троцкий подробнейшим образом цитирует документы, вспоминает — кто, что, где и когда сказал или написал, объясняет мотивы тех или иных своих поступков.

Для историка вся эта двусторонняя переписка, в сочетании с обширным комментарием публикаторов, дает богатейший материал для исследования, но для нынешнего читателя — все более смахивает на склоку. Это тот самый случай, к которому — в определенной мере — применимы слова поэта Игоря Губермана: «...Чем он интересней для историка, / тем для современника печальней».

Необходим авторитетный и правомочный хозяйственный штаб, считает Троцкий. «До тех пор, пока во главе хозяйственной работы, — пишет он, — стоял тов. Ленин, он был сам в значительной мере своим штабом... Длительный отход т. Ленина от руководящей работы может быть до некоторой степени возмещен только организационно-правильной постановкой руководства хозяйством.

Между тем, мы сделали в этом направлении шаг не вперед, а назад. Хозяйственные вопросы сейчас более, чем когда-либо, решаются в порядке спешности и импровизации, а не в порядке систематического руководства.

...Хаотический порядок решений дел по-прежнему отождествляется с диктатурой партии. Стремление внести в методы и формы партийной диктатуры план и систему объявляются потрясением основ самой диктатуры»³.

---

¹ РКП(б). Внутрипартийная борьба. С. 223, 224.

² Там же. С. 226.

³ Там же. С. 227, 234.

Письмо Троцкого поступило в Секретариат ЦК 24-го, а на следующий день, 25 октября, открылся Объединенный пленум ЦК и ЦКК РКП(б). Помимо членов и кандидатов этих руководящих коллегий партии, присутствовали приглашенные по списку Секретариата ЦК 20 представителей десяти крупнейших пролетарских регионов, в основном — секретари губкомов, горкомов, председатели местных контрольных комиссий, в лояльности которых не было сомнений. Им предоставили право решающего голоса. Пригласили и 12 человек из числа тех, кто подписал «Заявление 46-ти»¹.

В первый день работы пленума на нем выступили с докладами Сталин и Троцкий. Записи этих докладов не сохранились. Поздно вечером 26-го, после завершения прений, с заключительной речью выступил Троцкий, а итоги дискуссии подвел Сталин. И оба этих выступления законспектировал помощник Сталина Борис Бажанов².

И доклады и прения по существу вращались вокруг тех вопросов, которые были поставлены в предшествующих письмах Политбюро, ЦКК и письмах Троцкого. Отвечая на множество конкретных обвинений, выдвинутых против него, Троцкий пытался объяснить, почему споры в Политбюро вылились в столь странную эпистолярную форму.

В последнее время, заявил он, его фактически отстранили от реального обсуждения и решения вопросов, ибо «в Политбюро есть другое Политбюро и в ЦК есть другой ЦК». А потому — лучший способ «установить нормальные отношения» — это ликвидировать «тройку» в Политбюро.

Троцкий добавил, что нет у него доверия и к большинству ЦКК, в частности, к Куйбышеву и Ярославскому. «Я утверждаю, что вы, — сказал он, — превратили ЦКК в орудие Секретариата ЦК в этой внутрипартийной борьбе. Я утверждаю, что вы извратили мысль Владимира Ильича, легшую в основу ее создания»³.

Что касается обвинений в стремлении к диктатуре, в «бонапартизме», то Троцкий напомнил, как еще в октябре 1917 года от отказывался от руководящих постов. «Я считал, — сказал он, — что будет гораздо лучше, если в первом революционном советском правительстве не будет ни одного еврея».

И в 1922 году, «когда Владимир Ильич предложил мне быть зампредсовнаркома (единоличным замом), я решительно от-

¹ См.: РКП(б). Внутрипартийная борьба. С. 252, 268.

² Там же. С. 253.

³ Там же. С. 256, 257.

казывался из тех же соображений, чтоб не подать нашим врагам повода утверждать, что страной правит еврей. Владимир Ильич был почти согласен со мной. Внешне он, правда, этого не показывал и, как раньше, говорил: “Ерунда, пустяки”, — но я чувствовал, что он это не так говорит, как раньше, что он соглашается со мной в душе»¹. Поди проверь: верно он почувствовал или нет...

В своем заключительном слове Сталин был более краток. Он не стал влезать в «мелочи», чтобы не создавалось впечатления участия в склоке, а затронул лишь сугубо деловые вопросы. И это, судя по всему, гораздо больше импонировало собравшимся.

«Троцкий сказал: “У нас кризис, нет плана, мы не овладели стихией”, — говорил Сталин. — Кризисы — необходимый элемент нэпа. Вы не понимаете нэпа. Вы завыли при первой заминке. Не то еще будет... Основа “ножниц” состоит в том, что индустрия развивается не в том темпе, как сельское хозяйство. Мало фабрикатов много хлеба. Вывозить пока не можем...

Тресты и синдикаты — монополисты: “Ставлю цены — не возьмешь, некуда тебе идти”. Это надо исправить... Троцкий часто вынужден воздерживаться [при голосовании в ПБ — *ВЛ*] потому, что вопрос недостаточно проработан. А если и мы бы воздерживались? Что было бы? Нельзя возводить воздержание в теорию... Вместо того, чтобы эти серьезные вопросы помочь обсудить — вы лезете с платформами. Во всех выступлениях оппозиционеров я не нашел ни одного конкретного предложения...

Нет дискуссий, — говорит Яковлева. Как чеховская дама: “дайте мне атмосферу”. Бывают моменты, когда не до дискуссий... Дискуссия в центре сейчас необычайно опасна. И крестьяне, и рабочие растеряли бы к нам доверие, враги учли бы это как слабость... Надо обеспечить такой порядок, — заключил Сталин, — чтобы все разногласия в будущем решались внутри коллегии и не выносились во вне ее»².

От имени большинства, кандидат в члены ЦКК А.Ф. Радченко внес проект резолюции, которая, гарантируя право каждого члена партии на критику ЦК, признавала выступление т. Троцкого «глубокой политической ошибкой», послужившей «сигналом к фракционной группировке (заявление 46-ти)».

Одновременно Троцкому предлагалось «принять в дальнейшем более близкое и непосредственное участие в практи-

---

¹ РКП(б). Внутрипартийная борьба. С. 259.

² Там же. С. 151, 152.

ческой работе всех центральных партийных и советских учреждений, членом которых он состоит... Собрание считает, что в предстоящий период ответственнейших решений Политбюро должно работать особенно дружно и сплоченно».

Второй раздел проекта резолюции одобрял намеченный Политбюро «курс на внутрипартийную демократию», на «усиление борьбы с излишествами и разлагающим влиянием НЭПа на отдельные элементы партии», а также предлагал ускорить работу «комиссий, назначенных Политбюро и сентябрьским пленумом: 1) комиссии о “ножницах”, 2) о заработной плате и 3) о внутрипартийном положении»¹.

Были выдвинуты еще два проекта резолюций: члена ЦКК Н.К. Гончарова и Е.А. Преображенского, более лояльные по отношению к оппозиционерам. Но при поименном голосовании, на котором настоял Троцкий, из 117 голосовавших проект Гончарова поддержали лишь 7 человек, а проект Преображенского вообще один. 12 участников пленума воздержались.

На части заседаний пленума присутствовала Крупская. Она поддержала большинство, и мы приведем обширные выдержки из ее письма Зиновьеву от 31 октября, ибо именно Надежда Константиновна была для Ленина единственным источником информации об этом пленуме.

Письмо это, кстати сказать, прекрасная иллюстрация того, насколько любые протокольные записи и конспекты не способны передать ту самую «атмосферу», над которой подшутил Сталин, и насколько эта атмосфера важна для любого собрания.

«Дорогой Григорий, — пишет Крупская, — после пленума я написала Вам письмо, но Вы уезжали, и письмо лежало. Теперь, перечитывая его, я решила не посылать его Вам, так заострены в нем все вопросы. В атмосфере той “свободы языка”, которая царила на пленуме, оно было уместно и понятно, через неделю оно звучит иначе».

Крупская пишет о том, что она поддержала большинство и «Вы понимаете, что перед Осинским, Рафаилом и Ке я не могла выступить иначе, чем я выступила». Она осознавала, что участники пленума были убеждены, что ее позиция так или иначе согласована с Лениным. Именно поэтому, ощущая ответственность, легшую на ее плечи, Надежда Константиновна подвергла уничтожающей критике всю организацию и ход дискуссии.

«...Во всем этом безобразии — Вы согласитесь, что весь инцидент сплошное безобразие, — пишет она Зиновьеву, — при-

---

¹ См.: РКП(б). Внутрипартийная борьба. С. 266, 267.

ходится винить далеко не одного Троцкого. За все происшедшее приходится винить и нашу группу: Вас, Сталина и Каменева. Вы могли, конечно, но не захотели предотвратить это безобразие. Если бы Вы *не* могли этого сделать, это бы доказывало полное бессилие нашей группы, полную ее беспомощность. Нет, дело не в невозможности, а в нежелании».

Характеризуя обстановку, сложившуюся на пленуме, Крупская пишет: «Наши сами взяли неверный, недопустимый тон. Нельзя создавать атмосферу такой склоки и личных счетов... Совершенно недопустимо также то злоупотребление именем Ильича, которое имело место на пленуме. Воображаю, как он был бы возмущен, если бы знал, как злоупотребляют его именем. Хорошо, что меня не было, когда Петровский сказал, что Троцкий виноват в болезни Ильича, я бы крикнула: это ложь, больше всего В.И. заботил не Троцкий, а национальный вопрос и нравы, водворившиеся в наших верхах».

И злоупотребляли именем Ленина, считала Крупская, прежде всего сами члены Политбюро. «Вы знаете, — пишет она, — что В.И. видел опасность раскола не только в личных свойствах Троцкого, но и в личных свойствах Сталина и других. И потому, что Вы это знаете, ссылки на Ильича были недопустимы, неискренни. Их нельзя было допускать. Они были лицемерны. Лично мне эти ссылки приносили невыносимую муку. Я думала: да стоит ли ему выздоравливать, когда самые близкие товарищи по работе так относятся к нему, так мало считают с его мнением, так искажают его?»

В конце письма — о самом существенном: «А теперь главное. Момент слишком серьезен, чтобы устраивать раскол и делать для Троцкого психологически невозможной работу. Надо попробовать с ним *по-товарищески* столкнуться». Сейчас всю вину за раскол свалили на него. Но «разве Троцкого не довели до этого?»

Читатель помнит, что когда летом 1922 года Каменев предложил выбросить «за борт Троцкого», Ленин оценил это как «верх нелепости. Если Вы, — писал Владимир Ильич, — не считаете меня оглупевшим уже до безнадежности, то как Вы можете это думать????»¹

И теперь, в письме Зиновьеву, Крупская пишет: «Надо учитывать Троцкого, как партийную силу, и суметь создать такую ситуацию, где бы эта сила была для партии максимально использована». В этом, полагает она, и заключается «существо дела».

---

¹ В.И. Ленин. Неизвестные документы. С. 544.

И еще один вопрос волновал Надежду Константиновну: «Рабочие — я говорю... о рабочих с завода и фабрики — резко осудили бы не только Троцкого, но и нас. Здоровый классовый инстинкт рабочих заставил бы их резко высказаться против обеих сторон, но еще резче против нашей группы, *ответственной* за общий тон.

Вот почему все так боялись того, что вся эта склока будет вынесена в массы. От рабочих приходится *скрывать* весь инцидент. Ну, а вожди, которые должны что-то скрывать от рабочих (я не говорю про чисто конспиративные дела — то особая статья), не смеют всего им сказать, — что же это такое?! Так нельзя»¹.

Последним пунктом повестки дня октябрьского Пленума ЦК и ЦКК была информация о состоянии здоровья В.И. Ленина. Надо сказать, что с момента публикации в 1922 году медицинских бюллетеней в них всегда давалась несколько завышенно-оптимистическая оценка хода болезни. И Владимир Ильич по этому поводу подшучивал: «Послушай, ври да знай же меру!»²

Однако, со временем, в этом стал все более проявляться и политический расчет: партия и народ должны быть уверены, что, несмотря на болезнь, вся текущая политика направляется вождем. В октябре этот завышенный оптимизм стал особенно заметен в различных публичных выступлениях.

Сам нарком здравоохранения Н.А. Семашко, выступая 20 октября на одном из собраний, заявил: «Здоровье тов. Ленина систематически, каждый день улучшается... Настроение и самочувствие у него хорошие. Он шутит, интересуется общественными делами...»³

На следующий день, прочитав это выступление в «Правде», лечащие врачи сделали специальное «Заявление для ЦК» и попросили Надежду Константиновну и Марию Ильиничну передать его по назначению. «В течение последних недель, — говорилось в заявлении, — в ежедневной прессе появилось ряд сообщений о состоянии здоровья В.И., причем высказывались предположения и о дальнейшем течении болезни.

Так как во многих из этих сообщений имеются ссылки на врачей, то врачи, пользующие В.И., считают необходимым довести до сведения Центрального Комитета, что означенные сообщения в значительной своей части не соответствуют их

¹ РКП(б). Внутрипартийная борьба. С. 272, 273.

² См.: В.И. Ленин. Неизвестные документы. С. 543.

³ В.И. Ленин. Биографическая хроника. Т. 12. С. 639.

взглядам на состояние здоровья В.И. и возможность столь быстрого его выздоровления, почему и не могут взять на себя ответственность за справедливость означенных сообщений». 21 октября это заявление подписали доктора Ф.А. Гетье, С.М. Доброгаев и В.П. Осипов¹.

Примерно к этому времени (конец октября — начало ноября) Н. Валентинов, а вслед за ним и «ленинородская» публицистика, относит некое частное совещание некоторых членов партийного руководства. На нем, якобы в связи с «резким ухудшением» состояния здоровья Владимира Ильича после поездки в Москву, обсуждался вопрос о том, каким образом в случае смерти Ленина организовать его похороны.

При этом Валентинов, как всегда, оговаривает, что все происходившие на совещании разговоры он воспроизводит по памяти спустя много лет, опираясь якобы на рассказы Бухарина — неизвестно кому и когда.

Вопрос о похоронах якобы поднял Калинин: «Это страшное событие, — сказал он, — не должно нас застигнуть врасплох. Если будем хоронить Владимира Ильича, похороны должны быть такими величественными, каких мир еще никогда не видывал».

Калинина поддержал Сталин: «Этот вопрос, как мне стало известно, очень волнует и некоторых наших товарищей в провинции. Они говорят, что Ленин *русский человек* и *соответственно таму и должен* быть похоронен. Они, например, категорически против кремации, сжигания тела Ленина. По их мнению, сожжение тела совершенно не согласуется с русским пониманием любви и преклонения перед усопшим.

...Некоторые товарищи полагают, что современная наука имеет возможность с помощью бальзамирования надолго сохранить тело усопшего, во всяком случае достаточно долгое время, чтобы позволить нашему сознанию привыкнуть к мысли, что Ленина среди нас все-таки нет».

По версии Валентинова, с «величайшим возмущением» Сталину ответил Троцкий: «Когда тов. Сталин договорил до конца свою речь, тогда только мне стало понятным, куда клонят эти сначала непонятные рассуждения и указания, что Ленин — русский человек и его нужно хоронить по-русски.

По-русски, по канонам русской православной церкви, угодники делались мощами. По-видимому нам, партии революционного марксизма, советуют идти в ту же сторону — сохранить тело Ленина. Прежде были мощи Сергия Радонежско-

---

¹ РГАНИ. Ф. 16. Оп. 2. Ед. хр. 13. Л. 402.

го и Серафима Саровского, теперь хотят их заменить мощами Владимира Ильича».

С таким же возмущением говорил якобы и Бухарин: «Я замечая, что где-то в партии, из каких-то щелей несет странным духом. Хотят возвеличить физический прах в ущерб идейному возвышению. Говорят, например, о переносе из Англии к нам в Москву праха Маркса. Приходилось даже слышать, что сей прах, похороненный около кремлевской стены, как бы прибавит “святости”, значения всему этому месту... Это чёрт знает что!»

Троцкого и Бухарина якобы поддержали Каменев и Зиновьев, который тут же поставил вопрос о переименовании Петрограда в Ленинград. И только будто бы Рыков дал уклончивый ответ¹.

Надо сразу сказать, что вся эта «беседа» — не что иное, как «венок сплетен», сотканный из разновременных, в основном позднейших, слухов, помноженных на неумную фантазию самого Валентинова. И на данной «версии», может быть, не стоило останавливаться столь подробно, если бы она не получила хождения и у нас и за рубежом.

Прежде всего необходимо отметить, что вопрос о длительном сохранении тела Ленина встал лишь через несколько недель после его смерти. Материалы комиссии ЦИК СССР по организации похорон под председательством Дзержинского, досконально изученные и опубликованные академиком Ю.М. Лопухиным, бесспорно свидетельствуют о том, что к идее целесообразности бальзамирования пришли лишь в марте. До этого, 56 дней, до наступления оттепели, тело Ленина находилось во временном деревянном склепе и сохранилось лишь благодаря сильнейшим морозам².

Постановление ЦИК СССР, принятое 25 января, указывало, что склеп на Красной площади сооружается «в целях предоставления всем желающим, которые не успели прибыть в Москву ко дню похорон, возможности проститься с любимым вождем»³.

Во-вторых, расклад мнений, сконструированный в воспоминаниях Валентинова, совершенно произволен. Выступая 26 января на II Всесоюзном съезде Советов, Сталин говорил: «Вы видели в эти дни паломничество к гробу товарища Ленина десятков и сотен тысяч трудящихся. Через некоторое время

¹ См.: Валентинов Н. НЭП и кризис партии. С. 90, 91, 92.

² См.: Лопухин Ю.М. Болезнь, смерть и бальзамирование В.И. Ленина. С. 64, 67.

³ «Правда», 26 января 1924 года. С. 4.

вы увидите паломничество представителей миллионов трудящихся к **могиле** товарища Ленина»¹.

Емельян Ярославский, тонко улавливавший флюиды, исходившие от генсека, в этот же день писал в «Правде»: «Родной Ленин! Смертное тело твое — скроем в землю, а дело твое, твои мысли останутся с нами в нас»². Так что никак не могли осенью 1923 года обсуждать вопрос о бальзамировании.

Что же касается филиппики Троцкого, столь сочно выписанной Валентиновым, то никаких документальных свидетельств о его протестах против бальзамирования, кроме его собственных более поздних воспоминаний, не обнаружено. Тем более что в тот момент, когда впервые встал вопрос о длительном сохранении тела Ленина, Троцкий находился в Сухуми.

Протесты Зиновьева и Бухарина также вызывают сомнения. Во всяком случае, когда после смерти Владимира Ильича Крупская обратилась в ЦК с просьбой ускорить погребение Ленина, Политбюро 29 января именно им двоим дало деликатное поручение — «переговорить с Надеждой Константиновной, не согласится ли она не настаивать на принятии ее предложения с тем, что по истечении месяца вопрос будет опять обсужден»³.

Вполне возможно, что указанные Валентиновым лица *позднее* могли думать примерно так, как он написал. Но, подводя итог, можно уверенно утверждать, что легенда о якобы имевших место в 1923 году «похоронах Ленина при его жизни» является чистойшей фальшивкой.

Кстати, и сама исходная точка данной легенды — о «резком ухудшении» в октябре-ноябре состояния здоровья Владимира Ильича тоже несостоятельна. 2 ноября около пяти часов пополудни в Горки прибыла делегация рабочих Глуховской мануфактуры. Они привезли в подарок Ильичу саженцы для того, чтобы высадить под его окнами вишневый сад: мол, зацветут деревья и «глазу будет приятно».

В том, что рабочие в своем желании были совершенно искренни, нет никаких сомнений. Но столь же бесспорно и то, что посещение было санкционировано свыше и в его организации самое непосредственное участие принимала Мария Ильинична. Она встретила делегатов, отвела в «телефонную», где они разделись, а потом поднялись на второй этаж.

---

¹ Сталин И. Соч. Т. 6. С. 51 (Выделено мною — ВЛ.)

² «Правда», 26 января 1924 года. С. 3.

³ Мельниченко В. Феномен и фантом Ленина. М., 1993. С. 191.

Все участники этой встречи, в том числе и Владимир Ильич, ужасно волновались. Ему вручили приветственный адрес от коллектива фабрики, стали рассказывать о своих делах. Ленин внимательно слушал, всячески поддерживал беседу, и им действительно показалось, что он «забросал нас вопросами о жизни рабочих», о том, как они «живут и на что жалуются»¹.

А когда Мария Ильинична «на ушко шепнула, что нельзя больше Ленина утомлять», шестидесятилетний бородач, молотобоец Дмитрий Кузнецов, похожий на былинного богатыря, обнял Владимира Ильича и, со слезами на глазах, сказал: «Я рабочий, кузнец, Владимир Ильич, я кузнец. Мы выкуем все, что ты наметил»².

Надежда Константиновна Крупская позднее написала: «Характерно то, что хоть Владимир Ильич не мог тогда говорить, они этого не заметили и на другой день писали в газете, что Владимир Ильич говорил им то-то и то-то. Настолько у него была выразительная мимика, что они не заметили, что он не может говорить, настолько взаимное понимание было достигнуто, что могла иметь место такая ошибка»³.

Но характерно и другое. Рассказы глуховцев об этой встрече подверглись литературной обработке. И редакторы не могли не знать, что Ленин говорить не мог. Тем не менее именно этот сюжет редактурой затронут не был и версия о «говорящем Ильиче» получила таким образом поддержку.

Поэтому, когда 26 ноября рабочие машиностроительного завода вновь подтвердили депутатские полномочия Владимира Ильича в Моссовете на 1924 год, они были «в полной уверенности», что «оправившись от тяжелой болезни», он вновь станет «во главе мирового пролетарского движения».

Вместе с тем осторожность врачей в оценке состояния здоровья Ленина, понудившая их 21 октября написать заявление в ЦК РКП(б), была понятна. Приступы болезни, хотя и кратковременные — по 30 секунд — повторялись и 28 сентября и 21 октября и 23 ноября, время от времени он ощущал подергивания и «мурашки» в левой руке и т.п.

И все-таки успехи были явными. Профессор Бехтерев, не видевший Владимира Ильича с начала мая 1923 года, осмотрев его в конце ноября, написал, что состояние пациента заметно улучшилось⁴.

¹ См.: Рабочие и крестьяне России о Ленине. С. 333, 334, 335.

² В.И. Ленин. Биографическая хроника. Т. 12. С. 642, 643.

³ Крупская Н.К. О Ленине. Сб. статей и выступлений. Изд. 4-ое. М., 1979. С. 65.

⁴ См.: В.И. Ленин. Биографическая хроника. Т. 12. С. 645, 646.

Под диктовку Крупской он ежедневно выполнял все упражнения по написанию слов, а с начала ноября мог уже сам называть предметы, лежавшие на его столе: «нож», «перо», «книга». Более того, мог сказать: «дай перо», «хочу читать». В обиходе стал пользоваться словами «нет», «прости», а иногда к сказанным словам добавлял: «хорошо, весьма хорошо»¹.

Это дополнялось богатейшей мимикой, жестами, и теперь уже Надежда Константиновна вполне понимала их. «Отгадывать было возможно потому, — пишет Крупская, — что когда жизнь прожита вместе, знаешь, что какие ассоциации у человека вызывает... Так сложилась у нас своеобразная возможность разговаривать».

Продолжалось и ежедневное чтение газет, причем не только «Правды», но и «Известий», зарубежных изданий. Профессор Осипов в конце ноября записал: «Ежедневно просматривает газеты, причем иногда сам просит газету, а просмотрев газету, иногда указывает пальцем на подписи некоторых статей и содержание их Н.К. ему излагает»².

Таких доверительных отношений, как с Кожевниковым, у Владимира Ильича с Виктором Петровичем Осиповым так и не сложилось. Может быть, отчасти поэтому записи профессора в книге дежурных врачей столь кратки. Часто они вообще делались не ежедневно, как прежде, а раз в два-четыре дня. И, конечно, ни слова о каких-либо разговорах или встречах.

А встречи были. 29 ноября к Ленину пришли секретарь Исполкома Коминтерна Осип Пятницкий и заместитель председателя редколлегии Госиздата Иван Иванович Скворцов-Степанов. Они рассказывали о перевыборах в Московский Совет, о положении в Германии, в компартиях Италии и Англии³.

Казалось бы, все нормально. Обычная встреча. Но если учесть, что все контакты Ленина тщательно контролировались, то, несомненно, визит этот вызывает целый ряд вопросов.

Почему были допущены именно они? Конечно, и Пятницкий и Скворцов-Степанов принадлежали к числу старых товарищей Владимира Ильича. Но почему же все эти месяцы в Горках не появился никто из членов Политбюро?

Сложность общения с больным человеком? Возможно. Но с помощью Крупской тот же Зиновьев, или Каменев, или Бухарин при желании вполне могли выйти хотя бы на чисто человеческий контакт. А может быть, как раз именно их он и не хо-

¹ См.: РГАСПИ. Ф. 16. Оп. 2. Ед. хр. 13. Л. 404, 405.

² Там же. Л. 407.

³ См.: В.И. Ленин. Биографическая хроника. Т. 12. С. 646.

тел видеть. Ведь отметила же Надежда Константиновна нежелание Ильича встречаться с Бухариным¹.

Так, может быть, это был зондаж настроений Владимира Ильича, степени его осведомленности о событиях внутрипартийной жизни? Отметим, что как раз накануне, 28 ноября, состоялся консилиум (Бехтерев, Гетье, Фёрстер, Осипов, Обух), рекомендовавший поставить занятия Ленина в определенные временные рамки под наблюдением врачей, и не допуская перегрузок².

А опасность «перегрузок», находящихся за рамками сугубо медицинских проблем, стала в это время вполне реальной. Ибо именно в ноябре газеты, с содержанием которых Ленин знакомился ежедневно, вновь запестрели статьями, которые фактически означали не что иное, как начало открытой общепартийной дискуссии.

7 ноября 1923 года «Правда» опубликовала статью Зиновьева «Новые задачи партии». Этот день 6-ой годовщины Октябрьской революции отмечался торжественно и пышно. И статья Зиновьева достаточно оптимистически характеризовала положение в стране и в партии. Но содержался в ней и критический пассаж, касавшийся внутрипартийной жизни.

«Главная наша беда, — писал Зиновьев, — состоит часто в том, что почти все важнейшие вопросы идут у нас сверху вниз **предрешенными**. Это суживает творчество всей массы членов партии, это уменьшает самодеятельность “низовых” партячеек. Разумеется, в значительной степени это пока неизбежно. Партия наша построена на принципе демократического **централизма**. Управляющая такой страной, как наша, Российская Коммунистическая Партия не может не быть строго централизованной организацией. Но в очень значительной степени этот факт объясняется и тем, что культурно-политический уровень всей массы членов партии слишком сильно отстал от уровня руководящих слоев ее»³.

Поскольку вопрос о руководящих верхах («секретарской иерархии») и партийных низах («мирянах») затрагивался в октябрьских выступлениях оппозиционеров, они сразу же ухватились именно за этот пассаж Зиновьева. И уже 11 и 13 ноября «Правда» поместила большую статью Тимофея Сапронова «На повороте».

¹ См.: Известия ЦК КПСС. 1989. № 4. С. 174.

² См.: РГАСПИ. Ф. 16. Оп. 2. Ед хр. 3. Л. 405.

³ РКП(б). Внутрипартийная борьба в двадцатые годы. С. 277.

При Ленине переход от военного коммунизма к нэпу, писал он, связывался с развитием «внутрипартийной рабочей демократии». Но теперь оказалось, что это лишь «излишние громкие слова». Партаппарат «запаздывает неизменно, заражая формализмом и казенщиной все, с чем соприкасается... Партийный аппарат костенеет и все менее отчетливо доносит до слуха тех, кто должен все слышать, отзвуки движений и процессов, происходящих внутри партии...»¹

В интереснейшем сборнике документов «РКП(б). Внутрипартийная борьба в двадцатые годы», подготовленной Валентиной Вилковой (он уже многократно цитировался в этой книге), дан краткий обзор тех многочисленных откликов на статью Зиновьева, которые сотнями поступали в «Правду».

Одни из них просто констатировали факты: «Самое скверное в том, что рядовые члены партии начинают думать — “наше дело исполнять”, а не обсуждать... Где граница между критикой и демагогией?.. На массовых собраниях, где “критики” еще не научились критиковать, а докладчики из комитетов уже научились докладывать, каждый оппонент может быть по желанию докладчика переведен из категории “критиков” в лагерь “демагогов” или “склочников”».

Другой отклик: «Навешивание ярлыков оппозиционера, склочника и т.д. является внушительным пугалом и иногда там, где нет “Рабочей группы” и “Рабочей правды”, ее выдумывают, чтобы навязать тому или иному товарищу, или целой группе эту кличку...»

Или такое наблюдение: «Общественное мнение партии должно определенно порицать всякое подхалимство... Я неоднократно наблюдал, как партийные товарищи, **разговаривая по телефону** с более ответственным и влиятельным лицом, **встают, раскланиваются и любезно улыбаются**».

Другие отклики пытались выйти на какие-то обобщения: «Среди членов партии выработалась привычка считать своевременным и разумным лишь предлагаемое “сверху”. Годы титанической борьбы на всех фронтах... наложили свою печать на членов нашей партии. От коммуниста требовалось безусловное подчинение распоряжениям парторгана...»

Не подлежит сомнению, что все было необходимо, полезно для своего времени, но теперь это часто превращается в средство обратного действия. Поэтому не редкость, когда коммунист уподобляется тому солдату, который всегда говорил, что за него “взводный знает”.

---

¹ РКП(б). Внутрипартийная борьба в двадцатые годы. С. 278.

Взводные и генералы в партии нужны. Это вряд ли придет кому в голову оспаривать, но что член партии сам должен уметь разбираться в вопросах и иметь право признавать полезным одно и вредным другое — тоже не приходится доказывать...

Нужно ли скрывать, что часто по пустяшному поводу товарища зачислят по линии “оппозиции”, несогласие с распоряжением парторга квалифицируются “уклоном”. Нельзя доходить до такого старательного “регулирования” партийной мысли, явно нездорового»¹.

В новой статье, опубликованной «Правдой» 8 декабря, Сапронов использовал подобные отклики для того, чтобы призвать коммунистов к чистке руководящих кадров. «Смотреть на рядовых членов партии, как на несмышленных ребят, за которыми надо, прежде всего следить, чтобы они не наделали глупостей, это значит, гарантируя полное формальное единомыслие в партии, оторвать партию от рабочего класса...

Теперь нам надо пересмотреть наш “офицерский” состав с точки зрения соответствия его новым задачам, в первую голову начиная с самых низов, с того момента, где начинается повседневное соприкосновение с рабочей массой. Эта работа по обновлению аппарата, без “назначения”, без “рекомендаций” и “согласования”, а путем действительных выборов, должна быть начата немедленно»².

Эта газетная дискуссия, может быть, так и осталась в рамках ставшей уже привычной критики внутрипартийной жизни и теоретических рассуждений, если бы 2 декабря Сталин не перевел ее в несколько иную плоскость. Выступая на расширенном партактиве Краснопресненского района Москвы и отвечая на вопросы, он дал свою трактовку причин того, почему октябрьский Пленум ЦК и ЦКК «громادным большинством... осудили поведение т. Троцкого и 46 тт.»

«На пленуме в октябре, — заявил Сталин, — стоял вопрос о том, что переходить через известную грань дискуссии это значит создать фракцию, это значит расколоть правительство. Расколоть правительство — значит погубить Советскую власть... Дискутировать можно, но не доводите дискуссию до образования группировок, не доводите группировок до образования фракций, ибо фракции у нас в партии, которая стоит у власти, ведут к расколу правительства, ведут к окрылению

¹ РКП(б). Внутрипартийная борьба в двадцатые годы. С. 279, 280.

² Там же. С. 282, 283.

внутренних и внешних врагов. На этом основании пленумы ЦК и ЦКК осудили товарищей»¹.

Вот этого Троцкий стерпеть никак не мог. Во-первых, октябрьский пленум постановил резолюцию о внутрипартийном положении не оглашать. Во-вторых, о том, что деятельность оппозиционеров способна «погубить Советскую власть», в ней не было речи.

Наконец, именно в эти дни, созданная Политбюро 29 ноября «тройка» — Каменев, Сталин и Троцкий — работала над окончательной редакцией проекта резолюции о партстроительстве. Причем, поскольку Троцкий болел (приступ малярии), то работали у него дома, так что возможность прояснить любые вопросы была.

Резолюция действительно значительно расширяла рамки внутрипартийной демократии. «Считая неизбежным, — указывалось в ней, — в условиях нэпа сохранение и впредь известных ограничений, вместе с тем необходимо, на основании уже имеющегося опыта, особенно низовых организаций, проверить целесообразность некоторых из этих ограничений...

...В целях борьбы с извращением партийной линии, для действительного проведения рабочей демократии и обеспечения за всей массой членов партии возможности систематически влиять на направление всей партийной политики, необходимо провести в жизнь в первую голову следующие мероприятия:

...Обязательно ставить все существенные вопросы партийной политики... на обсуждение ячеек и партийной массы в целом; расширить сеть партийных дискуссионных клубов; не прибегать к неправильным ссылкам на “партийную дисциплину”, когда дело идет о праве и обязанности членов партии на обсуждение интересующих их вопросов и вынесение решений».

Резолюция предусматривала необходимость «следить за строгим проведением выборности должностных лиц... Считать недопустимым навязывание этих лиц вопреки воле организации... Обратить внимание на задачу выдвижения новых работников снизу, в первую очередь из рабочих... Систематически обновлять партийный аппарат снизу, выдвигая на ответственные посты таких работников, которые способны обеспечить на деле внутрипартийную демократию...»²

¹ РКП(б). Внутрипартийная борьба в двадцатые годы. С. 284, 285.

² Там же. С. 289, 290.

Споры вокруг проекта было много. И «с особой настойчивостью т. Троцким подчеркивалось опасение того, что под фракционные группировки будут подводиться и впредь коллективные заявления вполне дисциплинированных работников, адресованные Центральному Комитету партии...»

Однако и Каменев и Сталин «выражали свою твердую уверенность в том, что опасения т. Троцкого необоснованны...» 5 декабря работа над проектом резолюции была завершена, а Политбюро и Президиум ЦКК единогласно приняли ее. Но 6-го Троцкий обратился в Политбюро с заявлением по поводу выступления Сталина 2 декабря на партактиве Пресни и просьбой дать ему возможность разъяснить членам партии свою позицию¹.

Сталин признал, что «сообщив... о решении пленумов ЦК и ЦКК», он «пошел вразрез с постановлением этих пленумов о секретности решения. Но я был буквально вынужден поступить так под давлением ложных, подрывающих авторитет ЦК и ЦКК слухов... Я не вижу других путей защиты ЦК и ЦКК от клеветы и лжи, кроме одного — единственного: сказать правду о решении пленумов ЦК и ЦКК»².

8 декабря Политбюро постановило, что «т. Сталин поступил неправильно, сообщив собранию содержание решений пленумов ЦК и ЦКК», и заявило, что «не считает целесообразным» его предложение довести решения октябрьского пленума до всех членов партии. Тем более что накануне, 7 декабря, «Правда» опубликовала резолюцию «о рабочей демократии», т.е. «О партстроительстве»³.

Вместе с тем Политбюро отметило, что, несмотря на запрет, оппозиционеры продолжают распространять свои документы, статью Троцкого «Новый курс» и «Письмо 46-ти» в парторганизациях Москвы, Украины, в армии, что является «актом фракционности». И Политбюро рекомендовало «избегать во время происходящей дискуссии по вопросам рабочей демократии всякого обострения...»

Тон постановления, как видим, был более чем сдержан. Однако подлинные настроения были несколько иными. Во время этого заседания Зиновьев написал Сталину, Каменеву, Рыкову и Томскому записку: «Они действуют по всем правилам фракционного искусства. Если мы **немедленно** не создадим своей настоящей архисплоченной фракции — все пропадет.

¹ РКП(б). Внутрипартийная борьба в двадцатые годы. С. 286, 287, 290.

² Там же. С. 292, 293.

³ Там же. С. 294, 295.

Я предлагаю *этот* вывод сделать в первую очередь. Я предлагаю завтра (в воскресенье) собраться специально по этому вопросу, — может быть, у Сталина за городом или у меня.

Промедление смерти подобно».

Сталин, Томский, Каменев и Рыков согласились, и, вероятно, именно тогда было положено начало расширению «тройки» (Зиновьев, Каменев, Сталин) до «семерки», за счет включения в «руководящий коллектив» Рыкова, Томского, а затем Бухарина и Куйбышева¹.

Между тем в тот же день, 8 декабря, «Правда» получила статью Троцкого «Новый курс», обращенную к партийным организациям и совещаниям. «Резолюция Политбюро по вопросу о партийном строительстве, — говорилось в ней, — имеет исключительное значение. Она знаменует, что партия подошла к серьезному повороту на своем историческом пути... Кратко задачу можно сформулировать так: *партия должна подчинить себе свой аппарат*, ни на минуту не переставая быть централизованной организацией.

В прениях и статьях очень часто указывалось за последнее время на то, что “чистая”, “развернутая”, “идеальная” демократия неосуществима, и что демократия для нас вообще не самоцель. Это совершенно бесспорно.

Но с таким же точно правом и основанием можно сказать, что чистый или абсолютный централизм не осуществим и не совместим с природой массовой партии, и что ни централизм, ни партаппарат ни в коем случае не являются самоцелью. Демократия и централизм представляют собой две стороны в строительстве партии. Задача состоит в том, чтобы эти две стороны были уравновешены наиболее правильным, т.е. наиболее отвечающим обстановке путем.

За последнее время этого равновесия не было. Центр тяжести был неправильно передвинут на аппарат. Самодеятельность партии была сведена к минимуму. Это создавало навыки и приемы управления, в корне противоречащие духу революционной партии пролетариата. Чрезмерное усиление аппаратного централизма за счет партийной самодеятельности породило в партии ощущение недомогания.

...Бюрократизм аппарата тяжелее всего отзывается на идейно-политическом росте молодых поколений партии. Именно этим объясняется тот факт, что молодежь — вернейший барометр партии — резче всего реагирует на партийный бюрократизм.

---

¹ См.: РКП(б). Внутрпартийная борьба в двадцатые годы. С. 294, 295, 296.

...Говорить об огромном — не только в российском, но и в международном масштабе — значении старшего поколения в нашей партии не приходится; это общеизвестно и общепризнано. Но... *только постоянное взаимодействие старшего поколения с младшим, в рамках партийной демократии, может сохранить старую гвардию, как революционный фактор*. Иначе старики могут окостенеть и незаметно для себя стать наиболее законченным выражением аппаратного бюрократизма.

...Обновление партийного аппарата — разумеется, в отчетливых рамках устава — должно быть произведено с целью замены оказавшихся и обюрократившихся свежими элементами... И прежде всего должны быть устранены с партийных постов те элементы, которые при первом голосе критики, возражения, протеста, склонны требовать партбилет на предмет репрессий... Никто не смеет терроризировать партию.

...Да, наша партия не могла бы выполнить своей исторической миссии, если бы она распалась на фракционные группировки. Этого не должно быть и этого не будет. Этому воспрепятствует партия в целом, как самостоятельный коллектив»¹.

Публикация этой статьи Троцкого задержалась на два дня. И уже 9-го он обращается с письмом в ЦК: «Очень многочисленная и влиятельная группировка в аппарате партии (группировка, по существу, фракционная), — пишет он, — не только не хочет поворота к новому курсу, но и будет несомненно оценивать резолюцию ЦК, как маневр, не меняющий по существу партийного курса»².

11 декабря «Новый курс» Троцкого был опубликован. А 13-го Бухарин ответил на него в «Правде» разгромной передовицей «Наша партия и оппортунизм». Из всех рассуждений Троцкого он вычленил «конкретные» предложения и обвинения: указание на возможность перерождения старшего поколения партийцев, составляющих руководящее ядро ЦК, фактический призыв к «разгрому» партаппарата, к замене «стариков» молодыми коммунистами, в этой связи намекнул на меньшевистское прошлое Троцкого, связь этого прошлого с настоящим и в конечном счете объявил автора «Нового курса» политическим банкротом³.

На следующий день Бухарин написал в Политбюро и ЦКК, что перед публикацией этой передовицы он ее никому не по-

¹ РКП(б). Внутривнутрипартийная борьба в двадцатые годы. С. 297, 298, 299.

² Там же. С. 303.

³ Там же. С. 307.

казывал и «в этом заключается моя формальная ошибка. Но ведь и тов. Троцкий не присылал своей статьи ни в Политбюро, ни в ЦКК, а послал свое письмо *непосредственно* на районные собрания (оно было оглашено уже в субботу)»¹.

Но за «формальную ошибку» Николая Ивановича корить не стали. Наоборот, 14 декабря восемь членов и кандидатов в члены Политбюро (Бухарин, Зиновьев, Калинин, Каменев, Молотов, Рыков, Сталин и Томский) подписали заявление, судя по тексту, также в основном написанное Бухариным, адресованное всем членам ЦК и ЦКК.

«...Мы считаем своим долгом, — говорилось в заявлении, — сообщить членам ЦК и ЦКК, что считаем заявление тов. Троцкого в его обращении к партии 1) теоретически неправильным, 2) неправильно ориентирующим партию в деле осуществления рабочей демократии и опасным для планомерного осуществления принципов партии и 3) подрывающим то единение, которое было достигнуто в Центральном комитете...»²

В этот же день на дискуссионном собрании курсов секретарей уездных комитетов РКП(б) Бухарин выступил с докладом, в котором дал развернутую аргументацию позиции Троцкого.

Однопартийная система, существующая в стране, полагал Бухарин, приводит к тому, что правящая партия становится центром притяжения для самых различных политически активных элементов. Они неизбежно отражают взгляды различных социальных групп, и «внутри нашей партии появляется то, что при других обстоятельствах было бы вне нашей партии»³.

Это, в частности, находит свое выражение в том, что в ходе дискуссии самые нелепые и чудовищные сплетни и слухи, исходившие прежде от партий — политических оппонентов, теперь идут и из наших рядов. «Пущена такая... утка, что Ленин умер три месяца тому назад и что Центральный Комитет это скрывает», что «Троцкий не принимал [октябрьского — ВЛ.] парада потому, что... он находится под арестом...»

«Серьезный коммунист обязан, будучи марксистом, даже в персональных разногласиях, которые имеются внизу, внутри, наверху партии, искать не личной склоки, а известной политической тенденции, и если вопрос иногда заостряется на

---

¹ РКП(б). Внутрипартийная борьба в двадцатые годы. С. 308.

² Там же. С. 311, 312.

³ Там же. С. 313.

личностях, то здесь речь идет о некоторых политических разногласиях и некоторых политических тенденциях»¹.

«У нас был, — продолжал Бухарин, — только один человек — это Ленин, признанный безусловным авторитетом. Теперь он выбыл, и это обстоятельство тоже не учитывать нельзя.. Тов. Ленин предвидел и беспокоился о том, что у нас может быть раскол.. Эту угрозу он предвидел заранее, когда мы ее не видели.. Вы должны подумать над последними статьями тов. Ленина, которые он рассматривает как нечто вроде своего духовного завещания; он высказывает в них тревогу за судьбы нашей партии, за то, что, возможно, будет раскол»².

А положение сейчас таково, что я «берусь “поднять” любой завод и провести на нем резолюцию недоверия Советской власти. Я могу это сделать на любой фабрике, на любом заводе, и по очень простой причине: стоит только в концентрированной форме преподнести все безобразия, которые имеются налицо (неправильная выплата заработной платы и много подобных вещей)... Но никто из коммунистов этого не делает, потому что мы этим поднимем такую стихию, которая перельется через наши головы»³.

Центральный Комитет партии, во главе которого «стоят наиболее заслуженные товарищи, ближайшие ученики Ленина», прилагает огромные усилия для того, чтобы стабилизировать положение, решить наиболее сложные проблемы. И напрасно оппозиция приписывает себе заслугу в привлечении внимания к этим проблемам.

«Работа комиссии по “ножницам”, — перечисляет Бухарин, — привела к снижению цен, к политике понижения торговых цен и изменению торговой политики наших синдикатов. Далее, в результате работы комиссии ЦК по заработной плате был принят целый ряд резолюций..., которые ставили наши губкомы под ответственность, чтобы заработная плата выплачивалась вовремя. Была создана и комиссия по внутрипартийному строительству»⁴.

И когда в этот момент некоторые оппозиционеры начинают приписывать ЦК «ряд смертных грехов», намекают на возможность перерождения, на то, что «и ученики Ленина могут пойти по ложному пути, это уже принимает опасный актуальный характер, это не есть теория, рассуждение, а это имеет

¹ РКП(б). Внутрипартийная борьба в двадцатые годы. С. 314, 315.

² Там же. С. 322.

³ Там же. С. 318.

⁴ Там же. С. 316.

определенный политический смысл. И этот смысл как раз и опасен для нашей партии»¹.

Всю свою кампанию оппозиция проводит под лозунгом: «долой аппаратчиков». Для них само слово «аппаратчик» — клеймо, это чиновник, бюрократ, это «второсортный, с точки зрения коммунистической, непорядочный элемент.

...Такая постановка вопроса, — считал Бухарин, — была бы разрушением нашего государственного аппарата», т.е. потерей управляемости страны. «Если наш государственный аппарат представляет из себя аппарат, покрытый язвами, то мы можем и должны лечить его путем нашего партийного аппарата... Помните, что среди этих аппаратчиков есть очень и очень заслуженные товарищи, стоящие на высоких постах... Лечите его, принимайте меры со всей решительностью, но не доводите до того, чтобы этот аппарат развалился»².

Что же касается вопроса о роли и месте молодежи, поставленного Троцким, то «разница между “стариками” и молодежью, есть не просто возрастное различие, у нас это не есть разница лет, не только разница чувств, разница характеров, — здесь есть нечто большее...

...Живая партия должна постоянно сохранять преемственность между поколениями... Но, товарищи, с другой стороны мы должны совершенно ясно видеть, что это [молодежь — ВЛ] есть слой, который больше чем какой-либо другой слой, может быть захвачен волной перерождения... Их идеология не прошла той школы, которую прошла старая гвардия... Молодежь, она, может быть, в большей степени подвержена влияниям чуждых нам прослоек»³.

Завершая выступление, Бухарин сказал: «Наша страна за два года, причем один год наша партия была без главного руководителя — Владимира Ильича, оценивая эти два года мы вправе сказать, что наш Центральный Комитет даже без Владимира Ильича выдержал экзамен... Вывел страну на гораздо более широкую дорогу, чем она была два года тому назад. (Аплодисменты.)»⁴.

Бухарину не менее пространно отвечал Преображенский. И так было на большинстве дискуссионных собраний, где представителям ЦК оппонировал кто-либо из оппозиции. Это, в определенной мере, напоминало практику подполья, периода становления большевизма, когда в рабочие с.-д. ячей-

¹ РКП(б). Внутрипартийная борьба в двадцатые годы. С. 320.

² Там же. С. 318.

³ Там же. С. 319.

⁴ Там же. С. 324.

ки приезжали представители «большинства» и «меньшинства» и группы, организации, комитеты РСДРП самоопределялись в своей позиции.

Но в сравнении с теми временами была, впрочем, и существенная разница. Теперь представители ЦК имели в резерве то, что ныне называется «административным ресурсом». Когда стало очевидным, что в ряде вузовских, учрежденческих и армейских организаций все-таки проходят резолюции оппозиции (а они публиковались в «Правде»), были приняты соответствующие меры.

29 ноября, по предложению Сталина, Политбюро обязало редакцию «Правды» пересылать в Секретариат ЦК для членов Политбюро еще не опубликованные резолюции — для отбора тех, которые пойдут в печать. Тогда же заведующим отделом партийной жизни «Правды» назначается помощник Сталина А.М. Назаретян, а в подмогу ему Зиновьев присылает из Питера Георгия Сафарова¹.

17 декабря Сталин пишет Кирову в Баку: «Дискуссия в Москве за последние дни приняла неприятных характер склоки, заостряясь не столько вокруг определенных положений, сколько вокруг отдельных личностей, особенно вокруг т. Троцкого. Преображенский, Радек и др., проиграв борьбу на принципиальной почве, стараются теперь в своих выступлениях доказать, что дело идет собственно не о демократии, а о вышибании т. Троцкого из ЦК.

...Мы думаем, что крупнейшие наши организации, вроде Харьковской, Екатеринославской, Донбасской, Ростовской, Бакинской, Тифлисской, Нижегородской, Иваново-Вознесенской и пр., — должны обязательно отозваться. Следовало бы, по нашему мнению, взять за образец заявление Питерской организации, провести его... и немедленно направить резолюцию в «Правду» и ЦК. Сделать это нужно немедленно»

Это было сделано. И хотя Назаретяна обвинили в тенденциозности и фальсификации некоторых резолюций, несомненно, что «ресурс» сработал и крупнейшие пролетарские организации поддержали ЦК против оппозиции. В той же Питерской организации, на которую Сталин указывал, как на образец, из собравшихся трех тысяч коммунистов против резолюции в поддержку ЦК проголосовали лишь пять, а воздержались семь².

¹ См.: РКП(б). Внутрипартийная борьба в двадцатые годы. С. 345.

² Там же. С. 345, 350, 351, 362.

Казалось бы, на том дискуссию можно было бы и закончить. Однако публикация в «Правде» полемических статей обеих сторон продолжалась, причем накал страстей — с переходом на личности — все более обострялся. А под Новый год на свет извлекается упоминавшееся выше письмо Троцкого от **24 октября**, и девять членов и кандидатов в члены Политбюро 31 декабря подписывают обширный документ целиком посвященный Троцкому.

Документ состоял из 10 глав, в которых анализировались расхождения Троцкого с Лениным в период Бреста, профдискуссии, вокруг политики НЭПа, разногласия по монополии внешней торговли и национальной политике, а также приемы фракционной борьбы Троцкого и его сторонников против ЦК¹.

Возможно, появление этого документа ускорила статья Троцкого «Новый курс. Группировки и фракционные образования», появившаяся в «Правде» 28 декабря. В ней он стремился доказать, что поскольку РКП(б) является единственной в стране правящей партией, в ней всегда будут возникать разные мнения по разным вопросам. И преодолевать эти разногласия необходимо путем демократического обсуждения и дискуссий, а не зачислением инакомыслящих в антипартийные фракции.

Заметим, что в данной работе ни в коей мере не ставится задача проследить всю историю внутрипартийной борьбы в 1923-1924 годах. Она затрагивается лишь в той мере, которая необходима для уяснения некоторых вопросов биографии Ленина. И первый вопрос, который в этой связи встает перед исследователем — в какой мере Владимир Ильич был информирован о ходе проходившей дискуссии.

Теперь мы располагаем документом, который дает исчерпывающий ответ. 21 декабря 1923 года Н.К. Крупская и М.И. Ульянова обратились в Центральный Комитет партии с запиской: «Уважаемые товарищи! Ввиду того, что дискуссия в газете волнует В.И., что может ухудшить его состояние, а не давать газет ему нельзя, — просим о перенесении дискуссионных статей в Дискуссионный Листок. С комприветом Н. Крупская, М. Ульянова»².

22 декабря Политбюро приняло постановление: «Предрешить перевод дискуссии со страниц “Правды” на страницы дискуссионного листка... Впредь до этого перехода еще раз

---

¹ См.: РКП(б). Внутрипартийная борьба в двадцатые годы. С. 367-382.

² Там же. С. 352.

подтвердить необходимость вести дискуссию в наиболее спокойных и объективных тонах, исключаящих какое бы то ни было обострение». Но выполнения этого решения Ленин так и не дождался. До конца декабря 1923 года, а затем и в январе 1924-го, вплоть до XIII конференции РКП(б), материалы дискуссии продолжали публиковаться в самой «Правде», которую Владимиру Ильичу читали ежедневно¹.

Мало того, последними посетителя у Ленина 15 декабря, в самый разгар дискуссии, стали Крестинский и Воронский — оба активные сторонники Троцкого. Сами ли они напросились к Владимиру Ильичу или он захотел получить информацию из первых рук — неизвестно.

А может быть, хотя это и маловероятно, встреча вообще ограничилась дружеской беседой. Узнав, в частности, что Крестинский приехал в Горки с женой и трехлетней дочкой, Ленин попросил их пригласить, играл с девочкой, а прощаясь, подарил ей игрушечные туфельки для куклы².

При всех неясностях, связанных с этой встречей, несомненно одно: данное посещение не могло состояться без специального разрешения Политбюро. И может быть цель встречи в том и состояла, чтобы оппозиционеры сами убедились, что ждать от Ленина поддержки в данный момент не придется.

Сами члены Политбюро подобных встреч с Ильичем избегали. Зиновьев, например, рассказывал, как «через щелку окна мы с Каменевым и Бухариным смотрели в парк, когда Владимира Ильича вывозили на прогулку».

Это подтверждают и сотрудники охраны, которые пишут, что, когда Крупская занималась с Владимиром Ильичем на веранде, — «приходили его друзья, просившие разрешения взглянуть на Ильича хотя бы сквозь шторы, слегка отодвигая их...» А заведующий технической частью Горок И.Н. Хабаров прямо написал, что и сотрудникам усадьбы «разговаривать с ним врачи не разрешали...»³

Трудно найти объяснение еще одному факту, на который обратил внимание Владимир Ефимович Мельниченко. Известный художник Юрий Павлович Анненков, рисовавший Владимира Ильича в 1921 году, утверждает, что в декабре 1923 года Каменев предложил ему поехать с ним в Горки, чтобы сделать «последний набросок с Ленина».

¹ См.: РКП(б). Внутрипартийная борьба в двадцатые годы. С. 353.

² См.: Минувшее. Исторический альманах. 2. М., 1990. С. 262.

³ Там же. С. 230, 233.

В Горках их встретила Крупская, которая сразу решительно заявила, что о портрете и думать нечего. «Действительно, — писал Анненков, — полулежащий в шезлонге, укутанный одеялом... Ленин мог служить только моделью для иллюстрации его страшной болезни, но не для портрета Ленина»¹.

Что это? Н. Петренко (Б.А. Равдин) соглашается с Троцким, который полагал, что «уже при жизни Ленина Сталин вел против него подкоп, осторожно распространяя через своих агентов слух, что Ленин — умственный инвалид, не разбирается в положении и проч.»

Мотив, по мнению Петренко, прост: если поверят в интеллектуальную ущербность Ленина, то «легко объяснить всем заинтересованным лицам нелогичность завещательных статей Ленина... И уж совершенно очевидно, что предложение Ленина освободить Сталина от обязанностей генсека, высказанное в “Письме к съезду”, демонстрирует полную несостоятельность Ленина...»²

Однако нетрудно заметить, что подобного рода «толкование» в гораздо большей степени является логическим развитием определенной политической позиции, а не подкрепленным документами, обоснованным выводом. К тому же, как помнит читатель, к созданию режима «для Ленина» и «вокруг Ленина», к написанию циркулярного письма ЦК, дававшего определенную оценку ленинской работе, Троцкий тоже приложил свою руку.

Необходимо также отметить, что выглядел Владимир Ильич в это время не столь уж болезненно, как это показалось художнику Юрию Анненкову. Он уже не лежал в шезлонге, укутанный одеялом, как пишет Юрий Павлович, а ходил с палочкой без всякой посторонней помощи. Достаточно свободно поднимался и спускался по лестнице. Регулярно ездил с Надеждой Константиновной и Марией Ильиничной на автомобиле в лес.

А когда в конце осени открылся сезон охоты, П.П. Пакалн, сопровождавший Владимира Ильича в поездках, стал брать с собой ружье, а несколько раз и собак. Охота, впрочем, так и не заладилась. Лишь однажды заметили невдалеке лису, пару раз зайчишек, но палить не стали.

И все это время Владимир Ильич усердно занимался, по мнению врачей даже чрезмерно. Но «занятия, — пишет Крупская, — давали ему уверенность в выздоровлении». Profes-

---

¹ Мельниченко В. Феномен и фантом Ленина. М., 1993. С. 186.

² Минувшее. Исторический альманах. 2. М., 1990. С. 205.

сор Д.В. Фельдберг, заменивший в декабре профессора Добрагаева, был уверен, что Ленин «непрерывно будет говорить, при такой степени сознательности, — полагал Давид Владимирович, — не может человек не говорить, этого не бывает, он в сущности уже говорит, у него нет только памяти на словесные образы слов». Однако, как отметила Крупская, — «пугали время от времени начавшиеся повторяться припадки дурноты. Хотя и были они мимолетны, но каждый раз охватывал ужас нового ухудшения»¹.

Приступ болезни, произошедший 23 ноября, продолжался лишь несколько секунд. Но приступ днем 7 декабря, а затем 20 декабря длился уже 3-4 минуты. После этого какое-то время настроение у Владимира Ильича было подавленное, но оно быстро проходило, не оставляя, как казалось, никаких видимых последствий, и он продолжал занятия все с тем же рвением.

А тут как раз подоспело Рождество, и по давней семейной традиции, которую в свое время блюла мать — Мария Александровна Ульянова — Мария Ильинична стала готовить рождественскую елку. И поскольку в художественной «лениниане» эта елка стала одним из излюбленных сюжетов, то напридумано было вокруг нее предостаточно.

И прежде всего о том, когда же она была. В 1923 году Рождество отмечали 25 и 26 декабря. По решению наркомата труда, оба дня, как и другие основные православные праздники, были объявлены нерабочими. Помимо этого были даны указания о недопустимости именно в эти дни «уклонов в сторону антирелигиозной агитации»².

По достаточно полным и достоверным данным, собранным Н. Петренко, все ранние воспоминания (в том числе самой М.И. Ульяновой и профессора В.П. Осипова) указывали именно эту дату — Рождество, 25 декабря 1923 года. Но в более поздних публикациях о Рождестве уже не упоминалось. Елка стала новогодней, а дата ее проведения перенесена на 13 дней, на 7 января, то есть на то же Рождество, но по новому стилю³.

Впрочем, уже упоминавшаяся родственница Рыкова Евдокия Павловна Николаевская написала 9 января 1924 года: «Провели два праздника: по-новому и по-старому. И все граждане почти так: не возбраются!»⁴.

¹ Известия ЦК КПСС. 1989. № 4. С. 170, 173.

² Вечерняя Москва, 7 и 8 декабря 1923 года

³ См.: Минувшее. Исторический альманах. 2. С. 244-245.

⁴ Николаевская Евдокия. Жизнь не имеет жалости. М., 2005. С. 76.

Что касается записи А.С. Курской — жены наркома юстиции Д.И. Курского о том, что 28 декабря она «отбирала по просьбе Надежды Константиновны игрушки и книжки для подарков на елку, которую устраивает она с Владимиром Ильичем для крестьянских ребят в Горках», то запись эта вызывает сомнения хотя бы потому, что ни Ленин, ни Крупская елку не «устраивали».

Мария Ильинична пишет: «На рождество 1923 я устроила в большом зале горкинского дома елку, созвала человек десять ребят местных служащих и двух наших племянников». Надежда Константиновна дополняет: «Елка в Горках была устроена не по инициативе Ильича; его, больного, просто привезли туда»¹.

Помимо сына и дочери Дмитрия Ильича — Виктора и Ольги, приемного сына Анны Ильиничны — уже студента Гуры Лозгачева пригласили около десятка детей сотрудников и крестьян деревни Горки. «На Рождество, — вспоминал профессор Осипов, — была устроена елка для местных детей. Их собралось порядочно, дети играли, бегали, шумели, Владимир Ильич принимал очень живое участие в этом, сидя тут же. Возник вопрос, не утомился ли он, не мешают ли ему шум и беготня детей, но он показал, чтобы оставили детей в покое». Завершился праздник, как и положено, раздачей подарков.²

На следующий день, 26 декабря, в Горки приехал профессор Фёрстер. Никаких заметных перемен в состоянии пациента он не нашел. С Владимиром Ильичем они обсудили план дальнейшего лечения и решили, что речевые занятия под наблюдением профессора Фельдберга должны продолжаться не более часа за один прием. А вот прогулки в лес — теперь уже на санях — не ограничивались и почти ежедневно продолжались по несколько часов³.

Продолжалось и ежедневное чтение газет. «Статьи он выбирал так, — пишет Крупская, — как выбирал бы здоровый. Просил читать ему вслух лишь то, что содержало фактический материал, просил, например, прочесть заметку о финансовых реформах Гильфердинга, статью о гарантийном банке, статью Ларина о калькуляции Госиздата, сообщения о Германии, Англии, в особенности. Агитационные статьи перечитывать не просил...

---

¹ См.: Минувшее. Исторический альманах. Исторический альманах. 2. М., 1990. С. 245, 247, 250.

² Минувшее. Исторический альманах. С. 245.

³ См.: РГАСПИ. Ф. 16. Оп. 2. Ед. хр. 13. Л. 406, 407.

Кроме газеты читали и книжки. Нам присылали все вновь выходящие книжки. Владимир Ильич просматривал приходящие пачки и отбирал те книги, которые его интересовали — о НОТе, о финансах, сочинения Воровского [«Русская интеллигенция и русская литература». Сб. статей. Харьков, 1923 — ВЛ], Троцкого, литературу, связанную с партдискуссией, «Под знаменем марксизма»... Читали несколько вечеров подряд «Мои университеты» Горького; сначала Владимир Ильич просил прочесть о Короленко, потом читали и другие статьи, помещенные в этой книжке...

Читал и сам. Как-то, смеясь, показал Н.С. Попову место из книжки Троцкого «Вопросы быта», где говорится о новых именах, которые дают детям (у Попова дочку зовут Икки — Исполнительный Комитет Коммунистического Интернационала), другой раз просил перечесть ему место из книжки Троцкого, где дается характеристика марксизма и ленинизма. Мне казалось, — написала Надежда Константиновна, — что ко многому он стал подходить как-то по-другому, точно он смотрит издали и подводит какие-то итоги, прочтет, перечесть еще раз и задумается». Последнюю фразу со слов «Мне казалось...» Крупская перед отправкой этих воспоминаний 4 февраля 1924 года Бухарину и Каменеву сняла¹.

А до этого, 29 января, она послала короткую записку Троцкому: «Дорогой Лев Давыдович. Я пишу, чтобы рассказать вам, что приблизительно за месяц до смерти, просматривая вашу книжку, Владимир Ильич остановился на том месте, где вы даете характеристику Маркса и Ленина, и просил меня прочесть ему это место, слушал внимательно, потом еще раз просматривал сам...»²

Публикуя эту записку, Троцкий написал: «Я слишком хорошо знал отношение Ленина к Марксу, полное благодарной любви ученика и — пафоса дистанции... Я нарушал в своей статье традиционный пафос дистанции. Маркс и Ленин, исторически столь тесно связанные и в то же время столь разные, были для меня двумя предельными вершинами духовного могущества человека... Масштаб Маркса был и в его глазах самым титаническим масштабам для измерения человеческой личности»³.

Было в этой статье, написанной к 50-летию Ленина, еще одно место, которое наверняка приковало внимание Владимира Ильича: «Интернационализм Ленина не нуждается в ре-

¹ Известия ЦК КПСС. 1989. № 4. С. 173, 174.

² Троцкий Л.Д. Моя жизнь. С. 251; Минувшее. Исторический альманах. С. 169.

³ Троцкий Л.Д. Моя жизнь. С. 252.

комендации. Но в то же время сам Ленин глубоко национален. Он корнями уходит в новую русскую историю, собирает ее в себе, дает ей высшее выражение и именно таким путем достигает вершин интернационального действия и мирового влияния.

На первый взгляд характеристика фигуры Ленина, как “национальной”, может показаться неожиданностью, но, в сущности, это разумеется само собой. Для того, чтобы руководить таким небывалым в истории народов переворотом, какой переживает Россия, нужна, очевидно, неразрывная, органическая связь с основными силами народной жизни — связь, идущая от глубочайших корней.

...Ленин отражает собой рабочий класс не только в его пролетарском настоящем, но и в его столь еще свежем крестьянском прошлом. У этого самого бесспорного из вождей пролетариата не только мужицкая внешность, но и крепкая мужицкая подописка... Он похож на крепко умного мужика, которого словами не проймешь и фразами не обманешь. Это — мужицкая сметка, только с высоким потенциалом, развернувшаяся до гениальности, вооруженная последним словом научной мысли. ...Ленин впитал в себя из национальной среды все, что понадобилось ему для величайшего в человеческой истории революционного действия»¹.

С 5 января в круг чтения Владимира Ильича входит присланный ему стенографический отчет XII съезда РКП(б). Продолжает следить он и за ходом партдискуссии. «Очень я боялась партдискуссии, — пишет Надежда Константиновна. — Но Владимир Ильич захотел ознакомиться лишь с основными документами...»²

Со стороны могло показаться, что болезнь отступает, что дело идет на поправку. И когда 19 января, открывая XI Всероссийский съезд Советов, Калинин сообщил, что крупные специалисты, лечащие Ленина, выражают надежду на его возвращение к государственной и политической деятельности, делегаты встретили это заявление криками «Ура!» и бурными аплодисментами³.

Между тем для подобного заявления у Михаила Ивановича никаких оснований не было, и никакие «крупные специалисты» таких заявлений не делали. Скорее — наоборот.

---

¹ А. Луначарский, К. Радек, Л. Троцкий. Силуэты: политические портреты. М., 1991. С. 11, 112, 113.

² Известия ЦК КПСС. 1989. № 4. С. 173.

³ См.: В.И. Ленин. Биографическая хроника. Т. 12. С. 662.

15 января, в 18.30 состоялось совещание, в котором приняли участие В.А. Обух, Ф.А. Гетье, В.В. Крамер, В.П. Осипов, О. Фёрстер и Д.В. Фельдберг. Первое сделанное ими заявление было весьма кратким: ввиду болезни профессора Крамера, в случае потребности в неврологе, обращаться к профессору М.Б. Бролю.

А вот второе заявление было более пространным. Дело в том, что приступы болезни повторялись: 9 января было отмечено головокружение, днем 13-го приступ с частичной потерей сознания продолжался 3 минуты, а пациент по-прежнему отказывался от приема каких бы то ни было лекарств и врачебной помощи.

«Врачи, пользующие Владимира Ильича, — говорилось в заявлении, — не раз отмечали и считают необходимым указать, что вследствие отрицательного отношения больного к лечебным мероприятиям, вследствие повышенной чувствительности его организма к ряду лекарственных веществ и существующего у него отрицательного отношения к врачам вообще — не удастся использовать в надлежащей степени все лечебные мероприятия, которые врачи находят полезными и существенными. Поэтому они вынуждены ограничиться применением лишь некоторых средств в небольших дозах и профилактическими мерами». Постановили: данное заявление приложить к истории болезни.

Крупская вспоминает, что в один из вечеров прочла она Владимиру Ильичу рассказ Джека Лондона «Любовь к жизни»: «Сильная очень вещь. Через снежную пустыню, в которой нога человека не вступала, пробирается к пристани большой реки умирающий с голоду больной человек.

Слабеют у него силы, он не идет уж, а ползет, а рядом с ним ползет тоже умирающий от голода волк, идет между ними борьба, человек побеждает — полумертвый, полубезумный добирается до цели. Ильичу рассказ этот понравился чрезвычайно»¹.

Надежда все-таки не покидала ни врачей, ни близких. И признаки хотя бы частичного выздоровления действительно были. В тот же день, 13-го, когда случился приступ, продолжив занятия, Владимир Ильич был «страшно рад, что преодолел одну трудность в письме. Улучшение, — пишет Крупская, — шло непрерывно. Восстанавливалась отраженная речь — говорил Ильич своим обычным голосом, с обычными интонациями, все лучше шло чтение вслух, были большие ус-

¹ Воспоминания о В.И. Ленине. В пяти томах. Т. 1. М., 1984. С. 604.

пехи в письме, создавался солидный фундамент для самостоятельной речи»¹.

Позднее Надежда Константиновна рассказывала Луначарскому: «Я не думаю, что даже в эти тяжелые, последние месяцы Владимир Ильич чувствовал себя несчастным... Физических страданий он до последнего времени после второго удара не испытывал. Поправка шла несомненная, в особенности в отношении ног».

И Крупская поясняет: «В нем жила надежда на то, что он приобретет вновь речь. Он деятельно и страстно учился, так сказать, вцеплялся в занятия... Политический интерес преобладал все время над всеми остальными»².

Однако болезнь не отпускала. 16 января, с утра, 3 часа, при солнечной погоде, Ленин провел на охоте в лесу. При этом заметно устал, «и, когда после обеда мы сидели с ним на балконе, — отметила Надежда Константиновна, — он утомленно закрывал глаза и все засыпал, сидя в кресле». И уже, «начиная так с четверга [17 января — *ВЛ*] стало чувствоваться, — продолжает Крупская, — что что-то надвигается: вид стал у Владимира Ильича ужасно усталый и измученный». 19-го он два с четвертью часа опять провел в поездке по лесу с небольшими остановками, но устал еще больше и, вернувшись, ненадолго задремал³.

Так уж совпало, что именно 16 января открылась XIII Всероссийская партконференция. И начиная с 17-го Крупская стала ежедневно читать ему информацию о ходе ее работы, печатавшуюся в «Правде», причем Ленин «просил читать отчет весь подряд. Когда в субботу [19-го — *ВЛ*] Владимир Ильич стал, видимо, волноваться, я сказала ему, — пишет Надежда Константиновна, — что резолюции приняты единогласно. Суббота и воскресенье ушли у нас на чтение резолюций. Слушал Владимир Ильич очень внимательно, задавая иногда вопросы»⁴. Об этом же 20 января написал и профессор Осипов: «После завтрака Владимир Ильич сидел на балконе, выходящем в парк... Надежда Константиновна читала ему газету, которую он слушал с большим интересом»⁵.

Но болезнь продолжала наступать, и еще вечером 19-го Крупская заметила, что Ленин «часто закрывал глаза, как-то побледнел, а, главное, у него как-то изменилось выражение

¹ Известия ЦК КПСС, 1989, № 4. С. 172.

² Литературное наследство... Т. 80. С. 732.

³ См.: Известия ЦК КПСС. 1989. № 4. С. 173, 174.

⁴ В.И. Ленин Биографическая хроника. Т. 12. С. 663.

⁵ Известия ЦК КПСС, 1989, № 4. С. 173.

лица, стал какой-то другой взгляд, точно слепой. Но на вопрос, не болит ли что, отвечал отрицательно»¹.

20-го, в какой-то момент, Николаю Семеновичу Попову показалось, что на лице Владимира Ильича появился синюшный оттенок. Но приехавший профессор Фёрстер не нашел никаких отклонений, как и профессор Авербах, который, проверив глаза больного, убедился в том, что Владимир Ильич по-прежнему совершенно «правильно называл буквы таблиц».

В том, что Ленин воспринимал всю эту информацию, нет никаких сомнений. Но возможно ли хоть как-то уловить его отношение к происходившей дискуссии? Косвенные данные на сей счет, как мне кажется, существуют.

Источником информации о ходе дискуссии была в эти дни для Владимира Ильича Крупская. Это был период особой близости между ними в том смысле, что, с одной стороны, он более определенно стал выражать свои реакции, а, с другой — она еще летом научилась понимать его мимику, жесты, улавливать малейшие нюансы настроения, угадывать вопросы.

Можно с достаточным основанием полагать, что в тех случаях, когда самой Крупской приходилось в эти дни публично выступать по поводу дискуссии, она наверняка предварительно делилась своими соображениями с Владимиром Ильичем.

3 января 1924 года «Правда» публикует статью Крупской «Ближе к рабочей массе». Критикуя «Новый курс» Троцкого, писавшего, что рабочие от станка составляют лишь 1/6 всего состава партии, она отмечает: «Этот удельный вес 1/6 недооценивает группа демократического централизма, которая центр тяжести вопроса видит не в том, как обеспечить этой 1/6 достаточное влияние на партию, а в том, чтобы обеспечить права любому члену партии, что ставит весь вопрос на слишком формальную — чуждую нашей партии почву».

Необходимость ориентироваться в первую очередь на рабочих от станка, на рабочую массу забывает и тов. Троцкий, когда он призывает партию ориентироваться на молодежь. Наша партия не знала до сих пор разделения на стариков и молодых, на возраст до сих пор у нас в партии не смотрели... Лозунг ориентации на молодежь, в противоположность ориентации на рабочие массы, в корне неверен, и потому его легко использовать демагогически».

Так, может быть, и утверждение об опасности бюрократизации партаппарата, на которую указывают оппозиционеры, тоже пахнет демагогией? Нет. «Говорят, что партийный

¹ Известия ЦК КПСС. 1989. № 4. С. 174.

аппарат бюрократичен, — пишет Крупская, — что он мертвит жизнь партии, что вместо того, чтобы служить делу спайки между рабочей массой и руководящим центром, аппарат превратился в средостение между ними. Не станем спорить.

Что же надо сделать, чтобы это изменить? Где практические предложения? Уничтожить партийный аппарат? Вряд ли кто, кроме сисечного ребенка, это предложит. Обновить состав аппарата? Подыскать менее бюрократически устроенных людей, вроде т. Пятакова или т. Осинского?

Не в людях дело, а в системе, в структуре аппарата. Это, конечно, всем ясно». Не упоминая имени Владимира Ильича, Крупская пишет: «Было предложение: Ц.К.К. составить из рабочих от станка, но оно исходило не от оппозиции. Обсуждалось ли оно?

...Дискуссия по деловой линии даст куда лучшие результаты, чем критика “вообще”, чем всякие заподозривания, от которых остается тяжелый осадок, мешающий работать».

11 января 1924 года «Правда» публикует речь Крупской на Бауманской районной партконференции Москвы. В этом выступлении она уточняет само понятие **фракции**: «Когда мы говорим о фракции, то мы должны иметь в виду, что фракция в нашей партии обозначает *группировку для определенных действий*, а не просто группировку единомышленников для проработки какого-либо вопроса».

Однако весь опыт истории партии свидетельствует о том, что «всякая такая группировка, как будто вначале преследующая чисто теоретические цели, в силу определенной логики, в силу того, что ее члены — публика не только разговаривающая, но и действующая, активная, перейдет во фракцию, и, конечно, создание всякой фракции значительно обессилит партию».

Крупская предупреждает об опасности «простых» решений. «Многие товарищи, — говорит она, — представляют себе дело слишком просто, видя выход лишь в широком развитии в партии начал выборности. Не следует, однако, самообольщаться относительно выборности. [Формальная] выборность в конце концов даст чрезвычайно мало».

Крупская не противопоставляет, а напрямую связывает эффективность выборности с уровнем сознательности членов партии. В противном случае, рядовые партийцы могут стать объектом манипулирования со стороны более опытных политиков.

«Сейчас, — говорит она, — ситуация очень сложная, необходимо, чтобы партия ясно представила данный момент и

чтобы каждый член партии представил себе, что он лично в данный момент должен делать. Вот этой ясности, я боюсь, у нас в партии нет.

Может быть это ясно представителям определенного круга старых работников, определенной группе товарищей, много думавших об этом, но если мы будем говорить про рядовых, массовых членов партии, то я боюсь, что это сознание недостаточно глубоко и отчетливо».

А без такого понимания нельзя решить ни одной задачи. «Возьмем хотя бы пресловутый вопрос о выборе секретаря. Разве тут дело только в выборности. Важно, чтобы... каждый выбирающий ясно представлял себе, какого секретаря ему надо выбрать, ясно представлял те качества, свойства, которые нужны секретарю и т.д.

Тут необходимо, параллельно с демократизацией партии, вести еще работу и по уточнению прав и обязанностей партийных должностных лиц, по выяснению их функций и более полному определению тех свойств и качеств, которыми они должны обладать».

Без этого «всякие разговоры о бюрократизме вообще, о добром или дурном намерении тех или иных “аппаратчиков” только запутывают этот важный вопрос.

Мы сейчас переживаем — заключает Крупская, — настоящий дискуссионный припадок. Много в нем больного. Но этот припадок показывает две вещи: с одной стороны он указывает на определенную чуткость в рядах партии, осознание того, что нужна какая-то громадная работа, что надо как-то перестроиться, реорганизоваться так, чтобы организация аппарата более соответствовала потребности момента. Это — здоровое чутье.

Но, с другой стороны, характер дискуссии указывает на недостаточную осознанность многих обсуждаемых вопросов. Многие товарищи недостаточно отдают себе отчет, чего они хотят. Может быть, благодаря этому дискуссия принимает такой личный характер.

Необходимо, чтобы каждый из нас сделал все возможное, чтобы отшелушить все лишнее и постараться выяснить, какие же практические вопросы стоят перед нами и как мы должны наилучшим образом разрешить их».

Через несколько дней после публикации этой статьи, 14 января, открылся Пленум ЦК РКП(б). В его повестке дня было 8 вопросов. Но Сталин — основной докладчик по вопросу о партийном строительстве и по вопросу об экономической

политике (ввиду болезни Рыкова) сконцентрировал основное внимание на итогах партийной дискуссии.

Соответственно, в этом направлении пошли и прения. Причем тон их менее всего был направлен на умиротворение. «Такой тон, — заявил Николай Угланов, — дан с самого начала. Дискуссия, так дискуссия, — драться в кровь, по-настоящему... Демократия демократией, а организационные формы — организационными формами, устав партии — уставом партии. Тут нужно бить по зубам»¹.

В ходе прений было выяснено множество фактов относительно того — что, кто, где и когда говорил и ряд других обстоятельств, чрезвычайно ценных для историка-исследователя. Но помимо этого, именно на данном пленуме Бухарин обосновал ту политическую оценку оппозиции, которая войдет во все общепартийные решения по данному вопросу.

«В белой печати, — сказал он, — совершенно ясно ставится вопрос, что тот режим, который наблюдается в Советской Республике, — это режим диктаторского прижима и что его нужно развязывать, начиная с того узелка, который представляет собой Политбюро ЦК. В одной белой газете я читал, что свобода слова внутри партии есть не что иное, как свобода слова внутри страны.

...Это сигнализирует перед нами общеполитическую демократическую опасность, и... если не налагать определенную узду и не ставить определенных границ, идет к беспартийному крестьянству и таким образом, представляет собой те рельсы, по которым можно сойти на общеполитическую демократию. Мне кажется, что контуры того, что строится за всей этой шумихой и сутолокой, — контуры уже прояснились. Эти контуры заключаются в том, что целый ряд социальных слоев стучится в дверь общеполитической демократии.

...Наша задача — видеть две опасности. Во-первых, опасность, которая происходит от централизации нашего аппарата. И во-вторых, опасность политической демократии, которая может получиться, если вся демократия перейдет через край. Мы должны видеть обе эти опасности.

А оппозиция видит одну опасность. Она видит опасность бюрократизма нашего аппарата, а об остальных опасностях не заботится. За бюрократической опасностью она не видит политической демократической опасности. В этом заключается их так называемый меньшевизм, как определенный уклон»².

---

¹ РКП(б). Внутрипартийная борьба в двадцатые годы. С. 397, 398.

² Там же. С. 399, 400.

И хотя Бухарин указывал лишь на «контуры» оппозиционной платформы, а сами оппозиционеры говорили не о расширении политической демократии в стране, а лишь о повороте к внутрипартийной демократии, слово было сказано: «*меньшевистский уклон*».

Крупская пишет, что когда 16 января началась XIII партконференция, Владимир Ильич «просил читать весь отчет подряд». А это — не только доклады и резолюции, но и достаточно острые прения. 17 января «Правда» опубликовала доклад Рыкова об очередных задачах экономической политики партии и выступление Пятакова.

На следующий день — речи Лутовинова и Преображенского. 19 января — выступления Красина, В. Косиора, Каменева, Ларина, В. Смирнова, Сокольников, Микояна и опять Пятакова. Здесь же: принятая всеми при двух «против» резолюция об итогах дискуссии и мелкобуржуазном уклоне.

Наконец, 20 января, в воскресенье, «Правда» открывается передовицей Варейкиса об итогах конференции, далее идут заключительное слово Рыкова, доклад Сталина о партийном строительстве, выступления по этому вопросу Преображенского, Ломинадзе, Яковлевой. И опять решения конференции: принятые единогласно резолюции по докладам Рыкова и Сталина, а также одобренную всеми при одном воздержавшемся резолюцию по докладу Зиновьева о международном положении. Крупская, читавшая Ленину все эти материалы, пишет: «Слушал Владимир Ильич очень внимательно, задавая иногда вопросы»¹.

В тот же день, 20-го, «Известия» опубликовали информацию об открытии в Большом театре XI Всероссийского съезда Советов. Крупская стала читать приветствия, речи, но внимание Ленина привлекло выступление крестьянки Е.М. Борисовой.

«Я крестьянка Пензенской губернии, того же уезда, села Бессоновки, — сказала она. — Мне 57 лет. Я была избрана в 21 году, 21 августа делегаткой и была избрана в комиссию по Помголу. Я — темная и неграмотная, и не думала, что проведу эту работу. Провела ее как нужно. Объяснять всю эту работу не буду.

Но полагаю, что нам, крестьянам и рабочим, нужно работать в одном масштабе. И видим мы, что Советская власть дала нам многое множество способия, и дала нам свободу, и созда-

¹ Известия ЦК КПСС. 1989., № 4. С. 173.

ла нас со всех сторон, и деревень и сёл, и самых темных уголков на совет для строения нашей жизни».

Она впервые попала в Москву, в «центр», впервые в жизни увидела театр, или, как она выразилась, — «тиатыр», говорила тяжело, с трудом подбирая слова. Но при всем этом сумела по-своему сформулировать главную экономическую и политическую проблему — те самые «ножницы», о которых шла речь на XII съезде РКП(б).

«Нам, рабочим и крестьянам, — сказала она, — нужно улучшить свою жизнь в общем масштабе, и чтобы рабочие познали труд крестьянина, а крестьянин познал труд рабочего... Каждый чувствует, что без толку работать нельзя, работать без девиента, каждый рабочий и крестьянин ценит свой труд.

Надо, чтобы не было между нами нареканий, надо работать в таком союзе, чтобы оценивать труд друг друга, чтобы не было обиды ни у крестьян на рабочих, ни у рабочих на крестьян... И да здравствуют все наши дорогие и передовые вожди центра (шумные аплодисменты)».

Крупская отметила, что Ленин «очень радовался, когда ему читали [эту] речь на съезде»¹. И слова крестьянки Борисовой стали последними человеческими словами, которые ему прочли.

То неотвратимое, что ощущала Крупская с четверга 17-го надвигалось, и 21 января это произошло...

Завершая свои воспоминания «Последние полгода жизни Владимира Ильича», Надежда Константиновна пишет: «В понедельник пришел конец. Владимир Ильич утром еще вставал два раза, но тотчас ложился опять. Часов в 11 попил черного кофе и опять заснул. Время у меня спуталось как-то.

Когда он проснулся вновь, он уже не мог совсем говорить, дали ему бульон и опять кофе, он пил с жадностью, потом успокоился немного, но вскоре заклокотало у него в груди. Все больше и больше клокотало у него в груди. Бессознательнее становился взгляд.

Владимир Александрович и Петр Петрович держали его почти на весу на руках, временами он глухо стонал, судорога пробегала по телу, я держала его сначала за горячую мокрую руку, потом только смотрела, как кровью окрасился платок, как печать смерти ложилась на мертвенно побледневшее лицо.

Профессор Фёрстер и доктор Елистратов впрыскивали камфару, старались поддержать искусственное дыхание, ничего не вышло, спасти нельзя было»².

---

¹ «Известия», 20 января; 24 января, 1924 года.

² Известия ЦК КПСС, 1989, № 4. С. 175.

Владимир Сорин, отдохавший в те дни в Горках, рассказывает: «21 января. О Вл.И. известно, что... последние два дня ему нездоровится. Так как неоднократно бывали случаи, когда при общем улучшении состояния здоровья Вл.И. выпадали и менее счастливые дни, то и этому недомоганию не придавали большого значения.

В домике, где живет А.А. Преображенский, всегда известно, в каком состоянии здоровье Вл.И. Сегодня была М.И. Да, немного хуже обыкновенного, но и только. Ничего тревожного.

Часов в 12 (или позже?) в санаторий, где теперь, во время болезни Вл.И., живут только доктора и приехавший на пару дней Н.И. Бухарин, пришел из большого дома один из докторов и сообщил, что “дело идет к явному улучшению и старик сейчас спит. К весне вылечим наверняка”.

Разговор с Н.Ив.: “что же, может быть, Вл.И. еще будет на съезде, скажет хоть маленькую речь? Почему это невозможно?”

...6 часов вечера. Я был в маленьком домике, когда пришел кто-то от Марии Ильиничны с просьбой прислать камфару... Сразу стало тревожно и беспокойно... Я тотчас же решил пойти к Бухарину в санаторий... Н.Ив. изменился в лице... И сейчас же пошел со мной к большому дому. Условились, что Н.Ив. поднимется наверх... и узнает у М.Ил. о состоянии здоровья Вл.И. (вообще, чтобы не волновать Вл.И., товарищи не показывались ему)...

Кругом стояла тишина. Все казалось обычным как всегда. Но было кое-что и необычное, тревожное: *освещенные окна наверху*. Кто бывал в Горках, знал, что в это время окна не должны быть освещенными... И другое: на мой вопрос, где тов. Пакалн, начальник охраны, дежурный товарищ ответил, что Пакалн наверху...

Бухарин не возвращался... Вдруг резко с размаху хлопнула дверь внизу... И через секунду, не успев я выбежать на площадку, как раздался чей-то ужасный, ни с чем несравнимый крик, который без слов говорил о том, что в большом доме случилось что-то непоправимое»¹.

Запись врачей лишь уточняет часы: в 16 часов приехали Фёрстер и Осипов; в 16.45 Осипов осмотрел больного — цвет лица хороший, пульс 86 в минуту хорошего наполнения, деятельность сердца правильная; в 17.15 В.И. осмотрел Фёрстер и не отметил ничего нового; в 17.30 дыхание участилось, пульс 90, температура 37е; 17.45 дыхание прерывистое, неравномерное; 18.45 глаза открыты, два-три глубоких вдоха, темпе-

¹ О Ленине. Сб. воспоминаний. Изд. «Правда», 1927. С. 88, 89, 90, 91.

ратура 42,3е, внезапный прилив к голове... 18.50 остановилось дыхание. Голова откинулась назад, резкая бледность покрыла лицо».

27 января Леонид Борисович Красин написал жене письмо. «И горе и скорбь невыразимая, но и сознание чего-то неизъяснимо великого, точно крыло Истории коснулось нас в эти жуткие и великие дни.

...За несколько часов до смерти В.И. у меня был один из врачей, живших в Горках, и передавал о значительном улучшении в физическом состоянии В.И., хотя тут же прибавлял, что случайное разрушение какого-нибудь сосуда может вызвать дальнейшее прогрессирование паралича и даже смерть. Так и вышло: кровоизлияние в области четыреххолмия парализовало дыхание, и смерть наступила моментально.

...Мука В.И. состояла в неспособности самому припоминать слова и говорить что-либо. Он был буквально в положении человека, на глазах у которого происходят понятные ему события, надвигается какое-нибудь несчастье, он видит это все и знает, как этому помочь или как это предотвратить, но у него нет способа общаться с людьми, он не может им ни написать, ни крикнуть о том, что видит и знает!

...Он точно выждал окончания этой безмерно затянувшейся и часто безобразной по форме партийной дискуссии, чтобы, ударив всех как обухом по голове своим уходом из жизни... выявить перед сознанием всей партии ничтожность и мелочность этой борьбы по сравнению с той потерей и переменой не только во внутренней, но и в международной обстановке, которая создается тем, что **“ЛЕНИНА НЕТ БОЛЬШЕ!”**¹

---

¹ Вопросы истории. 2005. № 10. С. 67, 68.

«ЗАВЕЩАНИЕ»

Теоретическая и практическая деятельность Ленина переплелись между собой столь тесно, что нередко сложнейшие решения конкретных повседневных проблем заслоняли собой те теоретические выводы, которые целиком определяли данные решения. Это проявилось и в судьбе тех документов, которые составили так называемое ленинское завещание.

Их одновременное появление в свет, растянувшееся чуть ли не на четверть века (1923-1956 гг.), избыточная политизация и стремление извлечь лишь конкретные рекомендации по конкретным вопросам, нередко приводили к тому, что каждый из этих документов становился объектом сутобо самостоятельного исследования без достаточной взаимосвязи с другими. Дело дошло до того, что в широком общественном сознании чуть ли не главным в «завещании» стал вопрос о способе «перемещения Сталина» с поста генсека.

Между тем, все диктовки конца 1922 — начала 1923 года стали итогом многолетних размышлений Ленина. И логически, и содержательно они тесно связаны между собой. И тот же вопрос о «перемещении» нельзя полностью понять вне контекста всей совокупности документов того периода¹.

Основным, главным звеном в цепи сложнейших проблем, вставших в те годы перед страной, стал *переход от гражданской войны к гражданскому миру*. Тот, кто этого не понимает, писал Ленин, — «тот смешон, если не хуже»².

Мы принесли огромные человеческие жертвы, указывал Владимир Ильич, мы получили «довольно редкий в истории случай» для проведения коренных экономических и социальных преобразований. Теперь мы должны понять, что происходит коренная перемена «всей точки зрения нашей на социализм. Это коренная перемена состоит в том, что раньше мы центр тяжести клали и должны были класть на политическую борьбу, революцию, завоевание власти и т.д. Теперь же

¹ См.: *Плимак Е.Г.* Политическое завещание В.И. Ленина. Истоки, сущность, выполнение. М., 1988.

² См.: *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 44. С. 78.

центр тяжести меняется до того, что переносится на мирную организационную “культурную” работу»¹.

Крайне важно было отделить этот новый этап от тех **форм** диктатуры пролетариата, которые сложились в годы Гражданской войны, сделать их *более мягкими* и преодолеть достаточно распространенное убеждение в том, что возможен «переход от войны к мирному строительству как простой переход на тех же рельсах политики»².

Из перехода страны к гражданскому миру вытекал не только крутой поворот к укреплению союза с крестьянством, но и налаживание отношений с интеллигенцией, церковью, мало того — с лояльными нэпманами и т.п. Все конкретные реформы в законодательстве, реорганизация ВЧК и прочее исходили именно из этого, ибо без гражданского мира о подъеме производительных сил, культуры, общей «цивилизованности» страны не могло быть и речи.

На это были направлены и такие политические преобразования, как расширение представительства во ВЦИКе не центрального и местного начальства, а беспартийных крестьян, увеличение периодичности и продолжительности самих сессий ВЦИК, дабы его члены не штамповали законы, а могли поделовому их обсуждать.

Это относится и к предложению Ленина о расширении состава ЦК РКП(б) за счет рабочих не по социальному происхождению, а «от станка», превращение собираемых раз в два месяца расширенных пленумом ЦК в «высшую партийную конференцию» для укрепления «связи с действительно широкими массами через посредство лучших из наших рабочих и крестьян»³.

Все это требовало от руководства страны и государственного аппарата коренного изменения форм и методов работы, поскольку в новых условиях «ничего нельзя поделывать, — замечает Ленин, — нахрапом или натиском, бойкостью или энергией, или каким бы то ни было лучшим человеческим качеством вообще»⁴.

С этим связан предлагаемый Владимиром Ильичом радикальный пересмотр места и роли во всей системе государственной власти России — Госплана, ибо он «как совокупность сведущих людей, экспертов, представителей науки и техники,

---

¹ См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 305, 376, 385.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 43. С. 384.

³ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 384.

⁴ Там же. С. 391.

обладает, в сущности, наибольшими данными для правильного суждения о делах».

Если раньше ученые и социалисты Госплана выступали в роли консультантов, рекомендациями которых можно было и пренебречь, то теперь ему, наравне с ВЦИКом и СНК придавались законодательные функции. То есть решения Госплана приобретали силу закона, остановить который могла лишь сессия ВЦИК¹.

Мало того, при оценке деятельности наркоматов и всего госаппарата необходимо «проверять, чтобы наука у нас не оставалась мертвой буквой или модной фразой (а это, нечего греха таить, у нас особенно часто бывает), чтобы наука действительно входила в плоть и кровь, превращалась в составной элемент быта вполне и настоящим образом»².

А, во-вторых, особое место в системе госучреждений Республики должен занять Наркомпрос. «У нас делается слишком мало, — отмечает Ленин, — безмерно мало для того, чтобы передвинуть весь наш государственный бюджет в сторону удовлетворения в первую голову потребностей первоначального народного образования». Поэтому, сокращая расходы всех других наркоматов, вплоть до некоторых программ военного ведомства, необходимо, чтобы «освобожденные суммы были обращены на нужды Наркомпроса»³.

Для того, чтобы «оказаться вполне социалистической страной», России необходима культурная революция, «но для нас, — напоминает Владимир Ильич, — эта культурная революция представляет неимоверные трудности и чисто культурного свойства (ибо мы неграмотны) и свойства материального (ибо для того, чтобы быть культурными... нужна известная материальная база»⁴.

На решение этих сложнейших задач, опираясь на ту тягу к культуре и образованию, которую проявляют самые широкие народные массы, и должна быть направлена работа государственного аппарата. И тут сразу же встает вопрос: способен ли он на это в своем нынешнем виде?

О том, что Госаппарат, особенно на местах, становится худшим средостением «между трудящимся народом и властью», что он насквозь пропитан старым духом чиновничьего бюрократизма и остается и по сей час «в том же до невозможности,

¹ См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 349, 350.

² Там же. С. 391.

³ Там же. С. 312, 364, 365.

⁴ Там же. С. 377.

до неприличия дореволюционном виде», Ленин говорил и писал все эти годы многократно¹.

Это поразительно, заметил Владимир Ильич, как люди, совершившие революцию, потрясшую мир, проявляют удивительную робость как только сталкиваются с канцеляриями, бесчисленными формами казенного бумаготворчества, крючкотворством, чиновничеством и прочими атрибутами старой «государственности». Тут вся «наша “революционность” смеяется сплошь да рядом самым затхлым рутинерством»².

Важно осознать, что вопрос стоит крайне остро: или — или. «Без систематической и упорной борьбы за улучшение аппарата, — записал Ленин в самом начале НЭПа, — мы погибнем до создания базы социализма»³

Масштабы необходимой реформы госаппарата были таковы, полагал Ленин, что провести ее обычными административными преобразованиями невозможно. Необходимы меры не только радикальные, но и неординарные. А для этого важно привлечь к реформе лучшие партийные силы и «лучших из наших рабочих и крестьян». Именно такое «гибкое соединение советского с партийным» являлось, по мнению Владимира Ильича, «источником чрезвычайной силы в нашей политике»⁴.

Реально это означало соединение ЦКК РКП(б) с Рабкрином, «слияние авторитетнейшей партийной верхушки с “рядовым” наркоматом», но в ином составе и с иными функциями. Прежний аппарат НК РКИ был для этого совершенно не пригоден, ибо унаследовал худшее из старой чиновничьей «культуры» вплоть до мздоимства инспекторов⁵.

Между тем, деятельность нового партийно-советского органа должна была «касаться всех и всяких, без всякого изъятия, государственных учреждений, и местных и центральных, и торговых, и чисто чиновничьих, и учебных, и архивных, и театральные и т.д. — одним словом, всех без малейшего изъятия»⁶.

Для выполнения подобных функций новому органу нужен был высочайший авторитет. Добиться этого, считал Ленин, можно лишь «дав ему головку с правами ЦК»⁷. На них и на членов ЦКК из лучших рабочих возлагалась также задача бороть-

---

¹ См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 385, 428.

² Там же. С. 400.

³ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 43. С. 381.

⁴ См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 384, 399.

⁵ Там же. С. 393, 406, 445.

⁶ Там же. С. 399.

⁷ Там же. С. 405.

ся с бюрократическими извращениями в самом партаппарате, в том числе в его руководящих звеньях с тем, чтобы «уменьшить влияние чисто личных и случайных обстоятельств и тем самым понизиться опасность раскола»¹.

Для этого, предлагает Ленин — «Нарком Рабкрина совместно с президиумом ЦКК должен будет... присутствовать на Политбюро и проверять все документы, которые так или иначе идут на его рассмотрение» с тем, чтобы «практически участвовать в контроле и улучшении нашего госаппарата, начиная с высших государственных учреждений и кончая низшими местными и т.д.»².

На заседаниях Политбюро они «должны составить сплоченную группу, которая, “не взирая на лица”, должна будет следить за тем, чтобы ничей авторитет, ни генсека, ни кого-либо из других членов ЦК, не мог помешать им сделать запрос, проверить документы и вообще добиться безусловной осведомленности и строжайшей правильности дел»³.

При этом, подчеркивал Ленин, необходимо не только указывать на ошибки, «ловить» бюрократов и лихоимцев в наркоматах, трестах и т.п. Главное — учить тому, как устранить недостатки, как наладить работу в соответствии с новейшими достижениями научной организации труда. А для этого специалисты Рабкрина должны знать подобный опыт в странах Европы и США⁴.

Только так, преодолевая старые чиновничьи предрассудки, без спешки, не торопясь, но упорно и систематически, шаг за шагом, в течение нескольких лет можно заново построить новый Наркомат Рабочее-Крестьянской Инспекции. «Правда, этот один наркомат, — заключает Ленин, — должен определять собой весь госаппарат в целом»⁵.

Совершенно очевидно, что для выполнения столь необычных и масштабных функций в центральном аппарате и на местах был совершенно необходим «не обычного типа состав служащих РКИ»⁶.

Что касается вовлечения в это дело рабочих, то это должны быть лучшие из лучших, действительно «увлеченные социализмом», не испорченные властью, из числа «заведомо честных и

¹ См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 387, 443, 449.

² Там же. С. 386.

³ Там же. С. 387.

⁴ Там же. С. 384, 386, 394, 396.

⁵ Там же. С. 395.

⁶ Там же. С. 442.

уважаемых в каждом районе», пользующихся доверием «массы, беспартийных, рядовых рабочих, рядовых обывателей»¹.

Конечно это рабочие «недостаточно просвещены. Они хотели бы дать лучший аппарат. Но они не знают, как это сделать. Они не могут этого сделать. Они не выработали в себе до сих пор такого развития, той культуры, которая необходима для этого. А для этого необходима именно культура»².

Поэтому в состав нового РКИ должны входить служащие из числа абсолютно честных и порядочных профессионалов с безупречной репутацией. Их должно быть не более 300-400 человек. И к их подбору, подвергая специальным экзаменам, необходимо отнестись особенно строго³.

Важно, чтобы и те и другие, и рабочие и служащие-интеллигенты, относились к той породе людей «за которых можно ругаться, что они ни слова не возьмут на веру, ни слова не скажут против совести, — не побоялись признаться ни в какой трудности и не побоялись никакой борьбы для достижения серьезно поставленной себе цели»⁴.

Иными словами, речь идет «о сосредоточении в Рабкрине человеческого материала лучшего качества», ибо только такие требования к обновлению госаппарата прилично предъявлять в Советской России, «ставящей своей задачей развить-ся в социалистическую страну»⁵.

Ленин нисколько не сомневался в том, что его предложения встретят отчаянное сопротивление, что начнутся толки о том, что слишком много нового «начальства» будет слоняться по учреждениям, внося дезорганизацию, отрывая чиновников от важных государственных дел, что в конечном счете из всей этой затеи «получится один хаос»⁶.

«Я думаю, — пишет Ленин, — что злостный источник этого возражения так очевиден, что на него не требуется даже ответа». Он наверняка будет исходить «либо прямо, либо косвенно из тех сфер, которые делают наш аппарат старым...» И это вполне объяснимо, ибо в мутной воде канцелярщины проще ловить рыбку. «И лавливали они рыбу в этой мутной воде до такой степени, что только совсем слепые из нас не видели, как широко эта ловля практиковалась»⁷.

---

¹ См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 203, 340; Т. 53. С. 67, 68.

² Там же. С. 390, 391.

³ Там же. С. 385, 390, 396.

⁴ Там же. С. 391, 392.

⁵ Там же. С. 389, 391, 395.

⁶ Там же. С. 392, 395.

⁷ Там же. С. 385, 400.

А вот, когда после публикации в «Правде» ленинских диктовок «Как нам реорганизовать Рабкрин» и «Лучше меньше, да лучше», Крупская спросила старого партийца-рабочего Василия Николаевича Каюрова, мнением которого Ленин всегда дорожил, тот ответил, что ленинский проект — это как раз то, о чем думали передовые рабочие.

Совершенно очевидно, что во всех указанных преобразованиях особую роль должна была сыграть «верхушка» — руководящие партийные и советские кадры. Новая политика требовала новых подходов, новых методов руководства. И о том сколь пагубными для дела являются методы, исходящие из критериев гражданской войны — из умения командовать. Ленин в эти годы говорил и писал постоянно.

Противоречие между необходимостью руководства страной, народным хозяйством, используя прежде всего методы убеждения, материальный интерес, мнение ученых и специалистов, с привычкой решать сложнейшие проблемы с помощью приказа, выливавшейся в мирных условиях в избыточное администрирование, становилось совершенно нетерпимым.

Взгляд на массу как на послушные винтики и колесики сложного государственного механизма, которыми можно по своему смотрению вертеть куда и как угодно, **пагубен**. И «если кто-нибудь забудет про эти колесики, — сказал Ленин на XI съезде партии, — если он увлечется администрированием, то будет беда»¹.

Что касается диктатуры, то Владимир Ильич четко различал два понятия: диктатура класса, выражающего волю трудящихся, то есть подавляющего большинства народа (в отличие от буржуазной или фашистской диктатуры) и личную диктатуру. Личную диктатуру Ленин считал химерой.

В январе 1919 года известный историк, в 1917 году заместитель министра в правительстве Керенского и член ЦК меньшевиков Николай Александрович Рожков написал Ленину: «Положение, по-моему, таково, что только Ваша единоличная диктатура может пересечь дорогу и перехватить власть у контрреволюционного диктатора, который не будет так глуп, как царские генералы и кадеты, по-прежнему нелепо отнимающие у крестьян землю... Надо перехватить у него диктатуру. Это сейчас можете сделать только Вы, с Вашим авторитетом и энергией. И надо сделать это неотложно... Иначе гибель неизбежна».

---

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 107.

Ленин ответил: «Насчет “единоличной диктатуры”, извините за выражение, совсем пустяк. Аппарат уже стал гигантским — кое-где *чрезмерным* — а при таких условиях “единоличная диктатура” *вообще* неосуществима и попытки осуществить ее были бы только вредны¹.

Иными словами, чиновничья мясорубка способна перемолоть или исказить до неузнаваемости любую энергию и «железную волю». Но даже если управленческий аппарат вышколачен и отлажен, «единоличная диктатура» все равно не реальна. Во всяком случае, так полагал Ленин.

Когда американский писатель Линкольн Стеффенс, наслышавшийся о «кремлевском диктаторе», в марте 1919 года задал Владимиру Ильичу вопрос: кто станет его *преемником?* — Ленин ответил: «Много лет тому назад я понял, что не являюсь всеобъемлющим человеком».

Он взял карандаш, маленький листок бумаги, нарисовал круг, разделил его, как на круговой диаграмме, острыми углами на неравные секторы. Одни из них были побольше. Другие — поменьше. Рисуя, Ленин продолжал говорить:

— “Я могу охватить вот этот сектор... и этот... и этот. У меня есть возможность заштриховать занимаемую ими площадь. А вот эти и эти — не могу. Сначала я сам пытался это сделать, а потом постепенно меня дополнили люди, вместе со мной и составляющие «всеобъемлющего человека» партии, который может охватить все части огромного целого”².

Итак, руководить страной может лишь работоспособный коллектив, соединяющий лидеров, обладающих различными достоинствами, опытом, знаниями во «всеобъемлющего человека». И любые претензии на единоличное правление — «вредны». Смысл тех личных характеристик, которые Владимир Ильич дает в своих диктовках, та неліцеприятная критика в адрес признанных лидеров в том и состояла, что *ни один из них не может претендовать на исключительную роль единственного «вождя»*.

А возможность подобной тенденции, грозящей расколом, Ленин усматривал во взаимоотношениях «двух выдающихся вождей современного ЦК», а именно Сталина и Троцкого.

То, что лично Троцкий обладает «выдающимися способностями», что он, «пожалуй, самый способный человек в данном ЦК» — это так. Но нельзя забывать и о его «небольшевизме», склонности к фракционности и о том, что именно как ру-

¹ В.И. Ленин. Неизвестные документы. 1891-1922. С. 267, 268.

² Яковлев В.В. Страницы автобиографии. С. 701.

ководитель он мало пригоден для коллективной работы, ибо проявил себя как человек, «чрезмерно хвастающий самоуверенностью и чрезмерным увлечением чисто административной стороной дела». А это опасно.

Ленин подчеркивает это, говоря о том же недостатке молодого члена ЦК Пятакова: Пятаков тоже «человек несомненно выдающейся воли и выдающихся способностей, но слишком увлекающийся администраторством и администраторской стороной дела, чтобы на него можно было положиться в серьезном политическом вопросе»¹.

Сталин также страдает «административным увлечением». Став генсеком, взяв под свой контроль, помимо прочего, все кадровые вопросы, то есть реальные судьбы партийной и государственной верхушки («номенклатуры»), он «сосредоточил в своих руках необъятную власть, и я не уверен, — замечает Ленин, — сумеет ли он всегда достаточно осторожно пользоваться этой властью»².

Помимо этого «Сталин слишком груб», что для генерального секретаря совершенно нетерпимо. И Владимир Ильич предлагает «обдумать способ перемещения Сталина с этого места и назначить на это место другого человека, который во всех других отношениях отличается от тов. Сталина только одним перевесом, именно, более терпим, более лоялен, более вежлив и более внимателен к товарищам, меньше капризности и т.д.»³.

Сомневаться в подлинности диктовки нет оснований. Нисколько не сомневался в этом и сам Сталин. А нынешние рассуждения о том, кого Ленин оставил своим «наследником» вообще не корректны. В Советской Республике власть по наследству не передавалась. А единственную свою госдолжность — председателя СНК и СТО — Владимир Ильич задолго до своей кончины оставлял (до очередного съезда советов) коллегии своих заместителей: Каменеву, Цюрупе и Рыкову с подробными указаниями на то, кто и за что будет отвечать.

Что же касается места в партии, то и в Политбюро Ленин был председательствующим, а не председателем. Общепризнанным вождем он стал лишь в силу своего личного авторитета. А такой авторитет, как известно, по наследству не передается.

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 345.

² Там же. С. 345, 357.

³ Там же. С. 346.

Ленин считал Сталина одним из «выдающихся вождей современного ЦК». Он был достаточно крупной и достаточно самостоятельной исторической фигурой. Его дальнейшее возвышение стало не столько фактом его личной биографии, сколько всей последующей истории страны и не связано и не нуждается в ленинском «благословении на трон».

И все-таки, почему при том что, помимо «администраторских увлечений», Сталин «во всех других отношениях» особых замечаний не вызывал, недостаток терпимости, лояльности, вежливости и внимательности к товарищам делал его пребывание на посту генсека «нетерпимым»?

В определенной мере это помогают понять ленинские диктовки о Госплане.

«Я замечал у некоторых наших товарищей, способных влиять на направление государственных дел решающим образом, — отмечает Ленин, — преувеличение администраторской стороны, которая, конечно, необходима в своем месте и своем времени, но которую не надо смешивать со стороной научной, с охватыванием широкой действительности, способностью привлекать людей и т.д.»¹.

Возьмите Госплан. Во главе его стоит Кржижановский и его заместитель Пятаков. Отношения между ними накалены до крайности. Пятаков считает, что Кржижановский как руководитель — тряпка: несамостоятелен, бесхарактерен, чрезмерно мягок и т.п. Кржижановский, в свою очередь, полагает, что Пятаков как руководитель слишком груб, ведет себя, как фельдфебель, в решениях — аляповат и не имеет достаточной научной подготовки.

«Я думаю, — замечает Ленин, — что эти нападки выражают две стороны вопроса, преувеличивая их до крайности, и что на самом деле нам нужно в Госплане умелое соединение двух типов характера, из которых образцом одного может быть Пятаков, а другого — Кржижановский»².

И не только в Госплане. Во всех государственных учреждениях «необходимо соединение этих двух качеств... Руководитель государственного учреждения должен обладать в высшей степени способностью привлекать к себе людей и в достаточной степени солидными научными и техническими знаниями для проверки их работы. Это — как основное. ...Без него работа не может быть правильной. С другой стороны, очень важно, чтобы он умел администрировать и имел достойного по-

---

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 351.

² Там же. С. 350.

мощника или помощников в этом деле. Соединение этих двух качеств в одном лице вряд ли будет встречаться и вряд ли будет необходимо»¹.

Для каждого руководителя необходимо находить место, соответствующее его достоинствам, способностям, характеру. Так, обсуждая состав Коллегии Внешторга, Владимир Ильич писал Красину: «А черную работу, чистить жулье, следить за порядком, бить и драть за неисполнение, Вы не ведете. За Вами руководство, а для черной работы нужно людей **крепких**...»²

То есть, опять-таки, выход в создании работоспособных коллегий, в соединении «многих качеств» и «неодинаковых достоинств». И при этом, как написал Ленин Н. Осинскому по поводу Коллегии Наркомзема, — «не видеть “интригу” или “противовес” в инакомыслящих инакоподходящих к делу, а ценить самостоятельных людей»³.

Это относилось и к руководящей коллегии партии — Центральному Комитету. Когда левые коммунисты потерпели поражение на VII съезде РКП(б), они под этим предлогом отказались от баллотировки при выборах в ЦК. Ленин ответил им: вхождение в ЦК «не означает, чтобы все в Центральном Комитете имели одно и то же убеждение». Это верный путь к расколу. Вы можете заявить, что снимаете с себя ответственность за данное решение. Но единство действий необходимо. Главное — добиться, чтобы Центральный Комитет был способен «вести однородную линию»⁴.

Необходимо добавить еще один нюанс, о котором почему-то говорили и писали мало. Речь идет о трениях, возникавших между старыми партийцами, которые ряд лет провели в эмиграции, и молодыми, вошедшими в состав партийного руководства после 1917 года, теми, кого Сталин в 1920 году назвал «практиками».

По мнению Сталина, в отличие от стариков, склонных к теоретизированию, «практики» лучше знали российскую реальность, лучше видели те «ухабы и овраги», по которым предстояло идти⁵. Среди них было немало и старых партийцев, но преобладала молодежь. Поэтому в своих диктовках Ленин употреблял оба выражения: и «молодые товарищи» и «практики»⁶.

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 351.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 54. С. 212.

³ Там же. С. 73; Т. 45. С. 396.

⁴ См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 67.

⁵ См.: Сталин И.В. Соч. Т. 4. С. 317.

⁶ См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 373, 394.

В нашей исторической журналистике «стариков» называли «людьми в штиблетах», а «практиков» — «людьми в сапогах». Но это неверно, ибо в годы войны и «старикам» не раз приходилось менять штиблеты на сапоги, а костюмную тройку на военный френч. Верно лишь то, что среди «людей в сапогах» действительно преобладали те, кто вошел в партийную верхушку в годы Гражданской войны и не расставался с ними и в мирное время. Трения с ними у «стариков» возникали чаще всего по сугубо практическим вопросам, а особенно — в связи с кадровыми назначениями.

В 1921 году старый партиец Григорий Шкловский, хорошо знакомый Ленину по эмиграции, обратился к Владимиру Ильичу с просьбой помочь ему с трудоустройством. Состоялось соответствующее решение, которое адресовали в НКВТ Ю.Х. Лутовинову.

Однако Лутовинов заявил, что обжалует это решение, ибо тут явный «протекционизм» со стороны Ленина. Владимир Ильич обратился к Молотову: «Сложилась нелепая сеть интриг... *Получается* подлая травля человека, нечестная, исподтишка.

В НКВТ везде воры... Тем более надо ценить людей честных, знающих и языки и торговлю». А самому Шкловскому написал: «Я сделал *все, что мог*. Подтверждаю сказанное лично: надо Вам в Берлине “начать сначала” и *завоевать себе делами* положение. Это бывало после 1917 года с *несколькими* членами партии»¹.

В другом, сугубо личном, письме Владимир Ильич пояснил: «Вы вполне правы, что обвинять в “протекционизме” в этом случае — верх дикости и гнусности... Придется Вам “идти сначала”. Есть и предубеждение, и упорная оппозиция, и сугубое недоверие *ко мне* в этом вопросе. Это мне крайне больно. Но это факт...

Я видел еще такие примеры в нашей партии теперь. “Новые” пришли, стариков не знают. Рекомендуешь — не доверяют. Повторяешь рекомендацию — усугубляется недоверие, рождается *упорство* “А мы не хотим”!!!

Ничего не остается: сначала, боем завоевывать *новую* молодежь на свою сторону»².

А Сталину по поводу этой склоки, длившейся более года, Ленин 27 апреля 1922 года написал: «Нельзя “швыряться” людьми, надо повнимательней отнестись»³.

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 52. С. 249; Т. 53. С. 31.

² Известия ЦК КПСС. 1989. № 12 (299). С. 201.

³ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 54. С. 247.

Не только теоретические и политические разногласия, столь остро проявившиеся в дискуссии 1921 года, но и различного рода склоки, столкновения на сугубо личной почве, борьба за личное влияние, партийный карьеризм, — все это, по мнению Владимира Ильича, представляло для партии несомненную опасность.

Это, считал Ленин, на первый взгляд, «может показаться ничтожной мелочью. Но я думаю, что с точки зрения предохранения от раскола и с точки зрения написанного мною выше о взаимоотношениях Сталина и Троцкого, это не мелочь, или такая мелочь, которая может получить решающее значение»¹.

Для придания большей устойчивости ЦК, насчитывающего 27 человек, для уменьшения «личного, случайного элемента в его решениях» Ленин предлагает ввести в состав ЦК еще 50 или даже 100 рабочих. Причем это должны быть «рабочие, стоящие ниже того слоя, который выдвинулся у нас за пять лет в число советских служащих, и принадлежащие ближе к числу рядовых рабочих и крестьян». Ну, а «чем больше будет членов, тем больше будет обучение цекистской работе и тем меньше будет опасность раскола от какой-нибудь неосторожности»².

Столь настойчивое упоминание Ленина об опасности раскола, как, вероятно, помнит читатель, вызвало недоумение у членов ЦК. В своем письме 27 января 1923 года они связывали это с болезнью и недостаточной информированностью Владимира Ильича (хотя в считанные месяцы его опасения вырвались наружу в общепартийной дискуссии).

Между тем, как уже упоминалось, он писал об этом задолго до своих диктовок. Помните? — «Если не закрывать глаза себе на действительность, то надо признать, что в настоящее время пролетарская политика партии определяется не ее составом, а громадным, безраздельным авторитетом того тончайшего слоя, который можно назвать старой партийной гвардией. Достаточно небольшой внутренней борьбы в этом слое, и авторитет его будет если не подорван, то во всяком случае ослаблен настолько, что решение будет уже зависеть не от него»³.

НЭП усиливал эту опасность. «Конечно, — указывает Ленин, — в нашей Советской республике социальный строй основан на сотрудничестве двух классов: рабочих и крестьян, к которому теперь допущены на известных условиях и “нэпманы”, т.е. буржуазия. Если возникнут серьезные классовые раз-

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 346.

² Там же. С. 348, 443, 449.

³ Там же. С. 20.

ногласия между этими классами, тогда раскол будет неизбежен, но в нашем социальном строе не заложены с необходимостью основания неизбежности такого раскола...»¹

Иными словами, НЭП создавал возможность того, что свободная торговля могла создать условия, при которых частно-собственнические интересы крестьян сблизятся с устремлениями новой буржуазии. Ибо в сфере торговли нэпманы были куда более «оборотистыми», нежели государственная промышленность и торговля.

Поэтому главная задача партии, указывает Ленин, — «стоит в том, чтобы внимательно следить за обстоятельствами, из которых может вытечь раскол, и предупреждать их, ибо в последнем счете судьба нашей республики будет зависеть от того, пойдет ли крестьянская масса с рабочим классом, сохраняя верность союзу с ним, или она даст “нэпманам”, т.е. новой буржуазии, разъединить себя с рабочими, расколоть себя с ними»².

Ленинская работа «О кооперации» как раз и давала решение данной проблемы в рамках «гражданского мира».

Многие десятки лет за статьей «О кооперации» закрепляли статус теоретического обоснования сплошной коллективизации, проведенной спустя 10 лет. Между тем, в ленинском понимании, кооперирование означает отнюдь *не ликвидацию* мелких производителей, а их добровольное объединение в различного рода коллективы — от простейших, сугубо потребительских и сбытовых до частично или полностью производственных — при сохранении личной собственности.

И это не результат кабинетного мышления — «интеллектуального конструирования» новых форм общежития, а итог анализа реальной мировой и российской практики.

О том, что потребительский кооператив позволяет покупать товары по более дешевым оптовым ценам, что сбытовой кооператив избавляет от грабежа перекупщиков, что, объединившись, можно получить ссуду в банке и приобрести для всех членов кооператива минимальный набор техники и т.д. — это крестьяне понимали повсюду.

Процесс массового создания самых различных кооперативов начался в России после революции 1905 года. На Западе это произошло гораздо раньше. Но уже к 1917 году Россия как страна, где большая часть населения была занята в мелком

---

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 387.

² Там же. С. 387, 388.

производстве, по числу кооперативов вышла *на первое место в мире*.

Достаточно в этой связи напомнить, что, например, маслобойные кооперативы Сибири, изготавливавшие на экспорт так называемое «Парижское масло» из топлёных сливок, вносили в госбюджет весьма заметный валютный вклад.

Необходимо также отметить, что речь шла не только о преобладавших по численности кооперативах на селе, но и о рабочих потребительских кооперативах, жилищных кооперативах в городе, о различных объединениях городских ремесленников, кустарей и т.п. Поэтому Владимир Ильич многократно повторяет в своей статье, что, говоря о кооперировании, он имеет в виду не только крестьян, а большую часть *российского населения*¹.

О кооперации Ленин много думал и писал и раньше. И все-таки перед тем, как приступить к диктовке статьи, он просит прислать ему соответствующую зарубежную и отечественную литературу: книги Франца Штаудингера «Марксизм и кооперация», И. Зассен «Развитие теории кооперации в эпоху капитализма», С.Н. Прокоповича «Кооперативное движение в России, его теория и практика» (1913), М.И. Туган-Барановского «Социальные основы кооперации» (1916), А.В. Чайнова «Основные идеи и формы организации крестьянской кооперации» (1919), Н.Л. Мещерякова «Кооперация и социализм. Сб. статей» (1920) и другие.

В том течении общественной мысли, которое называлось «кооперативным социализмом», начиная с Роберта Оуэна, было, как отмечает Владимир Ильич, много фантастики и «нечто романтическое, даже пошлое в мечтаниях о том, как простым кооперированием населения, без политической борьбы и революции, построить социализм...»²

Но, справедливо критикуя и высмеивая эти наивные мечтания *прежде*, указывает Ленин, «мы перегнули палку», недооценив те возможности, которые открываются перед кооперацией *теперь*, после победы революции и в условиях НЭПа.

Даже в условиях буржуазного государства они являли собой особый вид предприятий, отличных от частных госкапиталистических именно в силу того, что являлись *коллективными*³. И секрет их популярности состоял в том, что они создавали условия для более успешного, более выгодного веде-

¹ См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 369, 370, 371, 372.

² Там же. С. 375.

³ Там же. С. 371, 375.

ния хозяйства даже мелким и мельчайшим «хозяйчикам», соединяя их частный интерес с общим, коллективным.

При этом теоретики «кооперативного социализма» справедливо отмечали, что под частным интересом имелся в виду не только интерес сугубо материальный, но и не менее важное — чувство *хозяйина*. Хозяйина не только своего клочка земли, скотины, но и — пусть и иллюзорное — хозяйина своей жизни.

Современное массовое кооперативное движение в Европе, Азии, Латинской Америке не только доказало живучесть этой народной формы производства. Оно стало серьезной экономической и политической силой. Лозунг «Вместе мы сильнее!» объединяет сегодня миллионы членов самых различных кооперативов. Вместе они обсуждают и решают вопросы, связанные с производством, пользуются услугами научных консультативных центров, юристов — для защиты своих прав, не останавливаются и перед открытыми массовыми выступлениями.

Об относительной иллюзорности чувства «хозяйина жизни» упоминалось выше не случайно. Банки, различные фирмы и государственные, муниципальные учреждения без видимого насилия диктуют свои правила игры, влияя на выбор зерновых культур, пород скота, использование удобрений, на цены готовой продукции. Иными словами, как подчеркивал Ленин, в условиях буржуазного общества кооперативы остаются коммерческими предприятиями, не выходящими за рамки капиталистической системы¹.

Иное дело — после победы народной революции, когда характер кооперации меняется принципиально. Происходит то же, что и с государственным капитализмом: характер политической власти меняет характер кооперации. «При нашем существующем строе, — замечает Ленин, — предприятия кооперативные отличаются от предприятий частнокапиталистических, как предприятия коллективные, но не отличаются от предприятий социалистических, если они основаны на земле, при средствах производства, принадлежащих государству, т.е. рабочему классу»².

Именно кооперация, не ликвидируя мелких производителей и личную собственность, обеспечивая более высокую материальную выгоду, вместе с тем создает крупное производство, возможность использования машин и достижений агронауки, то есть сделать переход «к новым порядкам пу-

---

¹ См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 374.

² Там же. С. 375.

тем возможно более простым, легким и доступным для крестьянина»¹.

При этом крайне важно, чтобы члены кооперативов не оставались пассивными потребителями, передав все дело в руки умелых торгашей, а сами становились грамотными культурными торгашами². Это позволит им активно участвовать в управлении всеми делами кооператива, в распоряжении своей собственностью и результатами своего труда. Иначе член кооператива утратит то чувство самовыражения и самореализации личности, то чувство хозяина, которое для человека труда не менее важно, чем выгода, исчисляемая рублями.

Такая форма «низового» самоуправления в сфере бытовой, повседневной жизни — важнейший шаг на пути к более высокой цели: развитию самостоятельности и вовлечению всей массы трудящихся в управление своим государством. А без решения этой задачи, как не раз указывал Ленин, невозможны ни Советская власть, ни социализм. Конечно, кооперирование, заметил Владимир Ильич, — «это еще не построение социалистического общества, но это все необходимое и достаточное для этого построения»³.

Важно лишь не испоганить все дело избыточным административным усердием, скоропалительностью, в особенности, насилием. В этом нет никакой необходимости, ибо кооперирование, как и весь НЭП, «приноравливается к уровню самого обыкновенного крестьянина... он не требует от него ничего высшего»⁴.

И уж коли даже в капиталистических странах кооперативы пользуются целым рядом льгот, то тем более в пролетарском государстве им необходима всяческая поддержка и политическая и экономическая помощь через госсубсидии, банковские ссуды, налоги, различные премии и т.п.⁵

Для того, чтобы самые различные формы кооперации охватили все население, «для этого требуется целая историческая эпоха. Мы, — заключает Ленин, — можем пройти на хороший конец эту эпоху в одно — два десятилетия. Но все-таки это будет особая историческая эпоха, и без этой исторической эпохи, без поголовной грамотности, без достаточной степени толковости, без достаточной степени приучения на-

---

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 370.

² Там же. С. 373.

³ Там же. С. 370.

⁴ Там же. С. 372.

⁵ Там же. С. 371, 373.

селения к тому, чтобы пользоваться книжками, и без материальной основы этого, без известной обеспеченности, скажем, от неурожая, от голода и т.д. — без этого нам своей цели не достигнуть»¹.

Все проблемы, стоявшие перед Советской Россией, соотносились и рассматривались Лениным в тесной связи с экономическими, социальными и политическими процессами, происходившими *в мире* в начале XX века.

Исследуя основные тенденции этих процессов, Владимир Ильич формулирует главный вывод: начался *распад всего прежнего миропорядка*. Революции в России, Китае, Турции, Латинской Америке, рост протестного движения в Индии и других странах Азии, сама мировая война коренным образом изменили всю международную обстановку.

Народы этих стран, бывшие прежде объектом эксплуатации со стороны «цивилизованных» держав, стали брать свою судьбу в свои руки. И вовлечение в исторический процесс «новых сотен и сотен миллионов людей» необычайно ускорило темпы всего мирового развития².

А так как именно эти народы составляли большинство населения планеты, дальнейшие судьбы всего человечества зависели теперь от того — сумеет ли «цивилизованный мир» соблюсти с этим большинством баланс интересов. Однако массовые расстрелы, учиненные англичанами в августе 1921 года в Индии, кровавое подавление восстания в марте 1922 года в Южной Африке, вся колониальная политика держав в целом, свидетельствовали о том, что мириться с новой реальностью они отнюдь не собирались.

История дала немало примеров того, как непонимание и недооценка объективности и неотвратимости происходящих процессов вели к гибели самые великие империи.

Цивилизованные римляне — с их великолепной поэзией, драматургией, философией, архитектурой, с их потрясающей техникой — так до конца и не осознали, что они — «уходящая натура». А эти несметные полчища варваров — это и есть «будущее человечества».

Поскольку к началу XX века мир был уже поделен великими державами между собой, начавшееся освободительное движение неминуемо принимало антиимпериалистический характер. И у тех, кто веками подвергался зверской эксплуатации и унижению, накопилась столь критическая масса обид и зло-

---

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 272.

² Там же. С. 173, 174, 380.

бы, что она зачастую выливалась против тогдашней «западной цивилизации» как таковой.

И величайшая опасность заключалась в том, что в силу абсолютной — общей и особенно политической — неграмотности и предрассудков, это движение могло стать орудием в руках религиозных фанатиков и фундаменталистов, радикал-националистов и тому подобных. В этом смысле попытка восставших в 1921 году крестьян Мадрасской провинции Индии создать некий «Халифат» была тревожным звонком, ибо говорила о возможности превращения освободительной борьбы народов в трагический конфликт цивилизаций.

Победа революции в России, ее стремление выйти за рамки капиталистического развития создали иную историческую альтернативу. Объединив вокруг Советской России в добровольный союз многочисленные многоконфессиональные народы бывшей царской империи, находившиеся на самых различных уровнях общественного развития, она доказала, что возможен другой вариант. И недостаточный культурный уровень развития эти народов — в определенных исторических ситуациях — не может служить препятствием.

Русским марксистам на рубеже XX века уже приходилось решать подобную проблему. Когда первые рабочие и крестьянские протестные выступления стали сопровождаться дикими эксцессами, либеральный народник Н.К. Михайловский написал, что «развитие капитализма создает у нас не революционное рабочее движение, а общественное разложение, выражающееся в хулиганстве “дикарей цивилизации”»¹.

Именно тогда сентиментальное «народолюбие», на котором воспитывалось несколько поколений российской образованной молодежи, у лидеров стало постепенно сменяться патологической «народобоязнью».

И уже тогда Ленин написал: пробуждение народа, который веками держали в темноте и невежестве, подавляли физически и морально, не может не выливаться в «дикие формы». Мы обязаны видеть разницу между «русским бунтом, бессмысленным и беспощадным» и революционной борьбой...» Но революционеры не должны брезгливо отворачиваться от «эксцессов», а просвещать и организовывать эту массу, нести в нее «луч сознания своих прав и веру в свои силы». Только тогда, подчеркивал Владимир Ильич, народная ненависть найдет себе выход «не в дикой местности, а в борьбе за свободу»².

¹ Логинов В.Т. Владимир Ленин. Выбор пути. Биография. М., 2005. С. 261.

² См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 4. С. 416.

Многим до сих пор кажется странным, что именно 31 декабря 1922 года, на следующий день после того, как I съезд Советов СССР при всеобщем ликовании принял Декларацию об образовании СССР, Ленин вместо того, чтобы выразить свой восторг, подвергает подписанный Договор критике в своей диктовке «К вопросу о национальностях или об “автономизации”».

Сам факт образования СССР он приветствует. Мало того, Владимир Ильич считает, что теперь главная задача — «укрепить союз социалистических республик; об этой мере не может быть сомнения»¹. Но некоторые денденции, выявившиеся в Договоре, его серьезно настораживают.

Его опасения касаются прежде всего того, что целый ряд важнейших государственных функций от республик целиком переходят в ведение общесоюзных наркоматов. А это превращает не только формальное, но и фактическое равенство в «пустую бумажку», неспособную защитить национальные республики от давления чиновников, насквозь пропитанных старым духом великодержавного шовинизма².

«Говорят, что требовалось единство аппарат». Действительно, с точки зрения чиновника-управленца, создание единого центра управления, скажем, железными дорогами, почтой, налогами и т.п. — более целесообразно, экономично и эффективно, нежели дробление между множеством республиканских наркоматов.

Но можно ли надеяться, что при нынешнем госаппарате, который «заимствован нами от царизма и только чуть-чуть подмазан советским миром», что этот аппарат будет проводить правильную политику, а не породит множество злоупотреблений? «Нет сомнения, что ничтожный процент советских и советизированных рабочих будет тонуть в этом море шовинистической великорусской швали, как муха в молоке»³.

«Несомненно, — считает Ленин, — что следовало бы подождать с этой мерой до тех пор, пока мы могли бы сказать, что ручаемся за свой аппарат, как за свой... Я думаю, что тут сыграли роковую роль торопливость и администраторское увлечение Сталина, а также его озлобление против пресловутого “социал-национализма”. Озлобление вообще играет в политике обычно самую худшую роль»⁴.

---

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 360.

² Там же. С. 357.

³ Там же. С. 357.

⁴ Там же. С. 357.

Что же касается «социал-национализма», если оставаться на почве марксизма, а не переходить на позиции бюрократа-управленца, то необходимо четко отличать национализм нации большой и национализма малой, находившейся в зависимости от этой большой нации.

Надо понять, что во взаимоотношениях большой нации и прежде так или иначе угнетавшимися ею малыми нациями, формального равенства недостаточно. Слишком долго эти народы находились не только под политическим, экономическим гнетом, но и постоянно испытывали со стороны имперской нации нравственное унижение, ибо снисходительно-презрительное отношение к ним, как к неполноценным, вошло в быт, в повседневную жизнь, в оскорбительные клички, шутки, анекдоты и т.п.

Эта несправедливость служила гигантской помехой для сближения, сплочения народов. «Ни к нему так не чутки “обиженные” националы, заметил Ленин, как к чувству равенства и к нарушению этого равенства, хотя бы даже по небрежности, хотя бы даже в виде шутки, к нарушению этого равенства своими товарищами пролетариями. Вот почему в данном случае лучше пересолить в сторону уступчивости и мягкости к национальным меньшинствам, чем недосолить». И тот, кто «пренебрежительно относится к этой стороне дела... сам является настоящим и истинным не только “социал-националом”, но и грубым великорусским держимордой...»¹

Ну, а «дробление наркоматов и несогласованность между их работой в отношении Москвы и других центров может быть парализовано достаточно партийным авторитетом, если он будет применяться со сколько-нибудь достаточной осмотрительностью и беспристрастностью; вред, который может произойти для нашего государства от отсутствия объединенных аппаратов национальных с аппаратом русским, неизмеримо меньше, бесконечно меньше, чем тот вред, который произойдет не только для нас, но и для всего Интернационала, для сотен миллионов народов Азии, которой предстоит выступить на исторической авансцене в ближайшем будущем, вслед за нами»².

В августе 1921 года лидер китайской революции, президент национального правительства Китая Сунь Ятсен, приветствуя Ленина как вождя, который, «так много совершил для дела человеческой свободы», просил подробно информиро-

¹ См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 360.

² Там же. С. 362.

вать его об особенностях организации Советов, армии и особенно образования. «Подобно Москве, — писал он, — я хотел бы заложить основы Китайской республики глубоко в умах молодого поколения — тружеников завтрашнего дня»¹.

Октябрьская революция ускорила во всем мире процесс революционного просвещения. Она дала **реальный пример**, доказав возможность не возврата от капитализма к средневековью, а иного пути прогресса.

И тогда, и теперь оппоненты Ленина напоминали ему, что движение к небуржуазному, социалистическому обществу невозможно без предварительного достижения определенного уровня развития культуры и производительных сил, то есть той задачи, которую доселе успешно решал капитализм.

Отвечая им в своем «завещании» Ленин написал: да — «это бесспорное положение». Ну, а что, если мировая война поставила Россию в безвыходное положение, а начавшаяся революция создала возможность осуществления союза «крестьянской войны» с рабочим движением, о котором писал Маркс в 1856 году?

«Если для создания социализма, — продолжает Ленин, — требуется определенный уровень культуры (хотя никто не может сказать, каков именно этот определенный “уровень культуры”, ибо он различен в каждом из западноевропейских государств), то почему нам нельзя начать сначала с завоевания революционным путем предпосылок для этого определенного уровня, а *потом* уже, на основе рабоче-крестьянской власти и советского строя, двинуться догонять другие народы.

...В каких книжках прочитали вы, что подобные видоизменения обычного исторического порядка недопустимы или невозможны?

...Нашим европейским мещанам и не снится, что дальнейшие революции в неизмеримо более богатых населением и неизмеримо более отличающихся разнообразием социальных условий странах Востока будут преподносить им, несомненно, больше своеобразия, чем русская революция»².

Великий драматург и умнейший англичанин Бернارد Шоу сказал: «Мы знаем благодаря последним историческим исследованиям, что существовало много цивилизаций, что история их была во многом подобна истории нашей цивилизации и что, когда они достигали ступени, которой достигла сейчас западная капиталистическая цивилизация, начиналось их бы-

---

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 54. С. 602.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 380, 381.

строе разложение, сопровождавшееся полным крахом всей системы и чем-то весьма походящим на возврат человеческой расы к состоянию дикости.

И снова и снова впоследствии человеческая раса пыталась обойти, проскочить эту ступень, но это никогда не удавалось ей... Ленин построил систему, которая поможет обойти эту ступень... Наступит новая эра истории, о которой мы сейчас не имеем представления. Вот в чем для нас значение Ленина».

«Если эксперимент, который предпринял Ленин, который он возглавил и представителем которого он для нас является, — если этот эксперимент в области общественного устройства не удастся, тогда цивилизация потерпит крах, как потерпели крах многие цивилизации, предшествовавшие нашей»¹.

---

¹ Вашим, товарищ, сердцем и именем... Писатели и деятели искусства мира о В.И. Ленине. М.: Прогресс, 1976. С. 200, 201.

Указатель имен

- Аванесов В.А. – 419, 420, 422, 431, 464
Авербах М.И. – 320, 324, 411, 415, 487, 583
Аверченко А.Т. – 94, 95
Агамали оглы Самед Ага – 343, 347, 366
Агафангел (Преображенский) – 298
Агранов Я.С. – 121, 335
Адоратский В.В. – 53, 419
Аксельрод П.Б. –
Александр II (Александр Освободитель) – 154
Александр III (Александр Миротворец) – 154, 315, 336
Александровский Б.Н. – 93
Алексеев В.А. – 78, 80, 427
Алексий (Симановский) – 426
Аллилуева Н.С. – 416, 419, 437, 444, 445, 447
Андреев А.А. – 164, 262, 267, 269, 272, 275, 457, 503, 506
Андреюшкин П.И. – 316
Анненков Юрий Павлович (художник) – 575, 576
Антоний (Храповицкий) – 81
Антонин (Грановский) – 299, 426
Антонов А.С. – 22
Антонов-Овсенко В.А. – 231, 268, 538
Ардашев В.А. – 111
Арманд В.А. – 11
Арманд И.А. – 331, 373
Арманд И.Ф. – 331
Афанасьев Ю.Н. – 23, 24

Багоцкий С.Ю. – 7
Бадаев А.Е. – 269, 272, 505
Бажанов Б.Г. – 188, 532, 553
Барту Л. – 302, 303
Бауэр О. – 226
Бегге К.М. – 309
Бек А.А. – 441, 442, 448, 476
Беленький А.Я. – 301, 522
Белков Е.Х. – 297
Белобородов А.Г. – 538
Бенкендорф М.И. – 33
Бердяев Н.А. – 372
Берзин Р.И. – 75
Бехтерев В.М. – 506, 561, 563
Бирюков П.И. – 35
Бискупский В.В. – 93
Блок А.А. – 54
Бобрицев-Пушкин А.В. – 95
Богданов П.А. – 98, 103, 189, 376, 433
Бокий Г.И. – 120
Бонч-Бруевич В.Д. – 79
Бордига А. – 409
Бордюгов Г.А. – 110
Борисов И.Н. – 189
Борисова Е.М. – 587, 588
Борхардт Ю. – 313
Боярский А.И. – 84, 296
Браун У. – 42
Броль М.Б. – 581
Бронский М.Г. – 127
Бруцкус Б.Д. – 281, 282
Брюханов Н.П. – 33, 39, 105, 210, 405
Бубнов А.С. – 268, 269, 272, 484, 505, 511, 538
Булгаков В.Ф. – 35
Булгаков С.Н. – 372
Буллит У. – 132
Бумке О. – 486, 487, 489, 491
Буракова М.Н. – 458
Буранов Ю.А. – 445, 509
Бурцев В.Л. – 92

- Бухарин К.И. – 265
 Бухарин Н.И. – 14, 20, 60, 77, 135,
 151, 176, 181, 210, 267–269, 275,
 287, 324–326, 333, 335, 337, 352,
 360, 366, 383, 403, 410, 420–422,
 431, 436, 445–447, 451, 454–457,
 486, 487, 492, 499–501, 503, 506,
 510–518, 522, 528, 551, 558–560,
 562, 563, 568–572, 575, 579, 586,
 587, 589
 Буцевич А.С. – 7

 Вандерлип В. – 307
 Варенцова О.А. – 268
 Васильев И.М. – 122, 123
 Васильев Н.А. – 95, 372
 Введенский А.И. – 84, 291, 296–298,
 426, 540
 Вебб Г. – 393
 Вейлер Ю. – 177
 Вейсброт Б.С. – 495
 Велихов П.А. – 92, 370
 Вениамин (митрополит) – 296
 Вердеревский Д.Н. – 96
 Верховский А.И. – 96
 Вигдорчик Н.А. – 282, 337
 Вилкова В.П. – 564
 Вильсон В. – 132
 Вирт К. – 302, 304
 Витте С.Ю. – 60, 64, 171, 502
 Владимиров М.К. – 189, 344, 383,
 404
 Волков А.С. – 505
 Волковысский Н.М. – 350
 Володичева М.А. – 416, 436, 437,
 441, 443–445, 447–450, 452, 454,
 459, 460, 467, 468, 470, 472, 473–
 476, 478, 494, 496
 Вольский Н.В. (Н. Валентинов) –
 20, 278, 279, 484, 485, 546, 547,
 558–560
 Вольф О. – 388, 389
 Воробьев Б.Е. – 59, 116
 Воробьев В.А. – 75
 Воронский В.В. – 34, 539, 579
 Воронский А.К. – 32, 538, 575
 Воронцов-Дашков И.И. – 49
 Ворошилов К.Е. – 272, 514–516,
 532

 Врангель П.Н. – 80, 93, 119, 292
 Вульфсон С.Д. – 177
 Вэр Г. – 384–386

 Гаврилов И.Г. – 152
 Гай Г.Д. – 158
 Галилей Г. – 373
 Гаскелл У. – 43, 416, 417
 Гегель Г. – 51, 203, 205, 547
 Гегечкори А.А. – 491
 Гейне Г. – 124
 Генералов В.Д. – 317
 Гензель П.П. – 63, 68, 170, 171
 Герман Ю.П. – 119
 Гермоген – 540
 Геронтий (Ломакин Г.И.) – 543
 Гёте И. – 124
 Гетье Ф.А. – 125–128, 146, 191, 194,
 301, 318, 319, 322, 328, 353, 354,
 437, 480, 481, 506, 519, 523, 527,
 528, 558, 563, 581
 Гляссер М.И. – 156, 416, 448, 465,
 466, 467, 469, 471, 473, 476
 Гогоберидзе Л.Д. – 365
 Голанд Ю.М. – 19
 Головин Ф.А. – 35, 36, 92
 Головкин – 154
 Голощекин Ф. – 74, 111
 Гоникман С.Л. – 143
 Гончаров Д. – 521
 Гончаров Н.К. – 555
 Горбунов Н.П. – 90, 182, 209, 270,
 387, 432, 465, 466, 469
 Горвиц-Власова Л.М. – 282
 Горнфельд А.Г. – 337
 Горский Б. – 99
 Горький А.М. – 32–34, 37, 42, 44,
 53, 73, 85, 88, 115, 128, 146, 187,
 352, 579
 Грановский Л.Б. – 282
 Графтио Г.О. – 59, 100, 102
 Гржебин З.И. – 32
 Грибоедов А.С. – 280
 Гримм Д.Д. – 119
 Грингмут В.А. – 502
 Грозный Иван – 289
 Губкин И.М. – 383
 Гувер Г. – 42, 417, 418
 Гумилев Н.С. – 115, 117–120

- Гусев А.И. – 16
 Гусев С.И. (Драбкин Я.Д.) – 268, 505
- Давыдов А.Ю. – 14
 Данилов В.П. – 23
 Данилов С.С. – 72, 73, 76
 Даршкевич Л.О. – 191–195, 205, 322, 325
 Де Роберти Е.В. – 372
 Дембо Г.И. – 282
 Демьян Бедный (Придворов Е.А.) – 484
 Деникин А.И. – 14, 80, 145, 187, 196, 433
 Джерманетто Дж. – 409
 Дзержинский Ф.Э. – 38, 87, 113–115, 117, 123, 129, 184, 267, 272, 275, 287, 288, 300, 314, 336, 338, 350, 351, 370, 399, 400, 429, 457, 458, 465, 466, 471, 474, 477, 481, 482, 503, 506, 528, 530–532, 540, 559
 Диккенс Ч. – 394
 Доброгаев С.М. – 507, 523, 524, 558, 577
 Довгалевский В.С. – 128
 Долгоруков П.Д. – 92
 Доренко А.Г. – 35, 281
 Достоевский Ф.М. – 83, 139
 Драбкина Е.Я. – 24, 26, 28, 33, 300, 315, 316
 Древш А. – 199, 201
 Дубовский В. – 484
 Думбадзе В.Е. – 370
- Евдоким (Мещерский) – 425
 Евдокимов Г.Е. – 504, 514
 Екатерина Великая – 289
 Елистратов П.И. – 480, 481, 495, 506, 508
 Емшанов А.И. – 189
 Енукидзе А.С. – 180, 206, 340, 342, 364, 365, 374, 468, 487, 498, 499
 Енукидзе Т.Т. – 175
 Ефремов Ф.М. – 185
- Железнов В.Я. – 63
 Журавлев В.В. – 53
- Зайцев Б.К. – 36
 Залуцкий Л.В. – 90
 Залуцкий П.А. – 122, 139, 269, 504
 Замятин Е.И. – 370
 Зассен И. – 605
 Зеленский И.А. – 250, 267, 268, 275, 482, 503, 506
 Зиновьев Г.Е. – 162, 176–178, 188, 189, 206–208, 210, 232, 257, 262, 265, 267–269, 272, 275, 308, 309, 329, 333, 334, 339, 340, 349, 356–358, 367, 383, 391, 397, 410, 422, 431, 432, 436, 439, 440, 447, 451, 468, 471, 472, 475, 477, 478, 481, 482, 484–487, 491, 496, 498, 499, 504, 506, 508–518, 528, 532, 533, 539, 551, 555, 556, 559, 560, 562–564, 567, 568, 570, 573, 575, 587
- Ибаньес – 37
 Ивановский В.Н. – 372
 Изгарышев Н.А. – 370
 Изгоев (Ланде) А.С. – 337
 Измозик В.С. – 118, 119
 Изюмов А.С. – 15
 Илек Б. – 409
 Ильенков Э.В. – 469
 Ильин И.А. – 372
 Иоффе А.А. – 235
 Иоффе А.Ф. – 100
 Ипатьев В.Н. – 19, 35
- Кабахидзе А.В. – 465
 Кавтарадзе С.И. – 465
 Каганович Л.М. – 484, 505
 Кагарлицкий Б.Ю. – 49
 Кадыан (Нольде) А.Ю. – 117
 Кадыан А.А. – 116, 117
 Калинин М.И. – 16, 19, 38, 39, 117, 152, 263, 265, 267
 Калининков И.А. – 89
 Калининский С.В. – 84
 Каменев Л.Б. – 17, 18, 22, 34, 35, 42, 68, 86, 100, 112, 114, 122, 123, 164, 173, 176–178, 184, 188–190, 210, 221, 225, 238, 265–273, 275, 288, 296, 311, 329,
 Камков (Кац) Б.Д. – 248
 Каронин С. (Петропавловский Н.Е.) – 521

- Карпинский А.П. – 35
Карсавин Л.П. – 372
Карташев А.В. – 92
Каутский К. – 51
Кафьева Е.М. – 38
Кахиани М.И. – 365
Каценеленбаум З.С. – 68, 170, 171
Каюров В.Н. – 18, 597
Квиринг Э.И. – 504
Квятковский А.А. – 189
Кейнс Дж. – 55, 163, 314, 400
Керенский А.Ф. – 93, 125, 164, 283, 597
Кибальчич Н.И. – 118
Кин Ф. (Фрумкин) – 434
Киров С.М. – 159, 268, 272, 347, 365, 503, 504, 573
Киселев А.С. – 259, 268, 269, 272, 505
Кишкин Н.М. – 35–38, 85, 92
Клемперер Г. – 209, 210, 301, 313, 326–330
Ключников Ю.В. – 95, 164
Книпович Н.М. – 424, 500
Кожевников А.М. – 321–321, 324–335, 338–342, 344, 345, 349–352, 354, 357, 358, 360, 375, 380, 383, 390, 391, 394, 396, 397, 404, 409, 415, 418, 422, 429, 435, 444, 446, 453, 460–462, 473, 474, 479, 480, 481–490, 506, 508, 546, 562
Козлов В.А. – 110
Козловский М.Ю. – 111
Козьмин П.А. – 101
Коллонтай А.М. – 79, 252
Колотилов Н.Н. – 505
Колчак А.В. – 14, 75, 80, 95, 113, 114, 133, 145, 155, 196, 308
Кольцов М.Е. – 484
Комаров Н.И. – 268, 504, 533
Кондратьев Н.Д. – 35, 370
Кондратьева Т.С. – 95
Кондрашин В.В. – 22, 23
Корвин О. – 114
Коробов Д.С. – 38
Короленко В.Г. – 34, 579
Коростылев А.А. – 108, 268
Коротков И.И. – 269, 272, 518
Корсаков С.Н. – 372, 373
Корчашкин Н. – 15
Косиор В.В. – 241, 242, 246, 538, 587
Косиор С.В. – 505
Крамер В.В. – 319, 328, 330, 338, 339, 341, 343, 345, 352, 353, 358, 375, 380, 383, 390, 415, 418, 422, 429, 435, 446, 460, 468, 475, 480, 483, 485–487, 489, 495, 506–508, 546, 547, 581
Красиков П.А. – 82
Красин Г.Б. – 121
Красин Л.Б. – 20, 30, 92, 162, 164, 189, 221, 304, 306, 344, 357, 358, 374, 380, 383, 384, 412, 420, 587, 591, 601
Красницкий В.Д. – 84, 297, 425, 426
Краснощеков А.М. – 69, 70, 176, 433
Крафт А.Н. – 184
Крестинский Н.Н. – 17, 31, 64, 65, 69, 189, 210, 314, 326, 342, 420, 575
Кржижановский Г.М. – 10, 27, 29, 47, 59, 68, 71, 100, 121, 307, 376, 389, 405, 418, 463, 484, 510, 600
Кривов Т.С. – 269, 272, 505
Крицман Л.Н. – 433, 434
Крохмаль В.Н. – 370
Круммин Н.П. – 505
Крупская Н.К. – 11, 49, 50, 125, 138, 199, 201, 213, 302, 323, 324, 330, 373, 394, 424, 436, 438–444, 446, 450, 455, 464, 465, 472, 476, 480, 482, 484, 496, 506–508, 510, 519, 520, 522, 524, 525, 527, 528, 539, 545–547, 555, 556, 560–562, 574–579, 581–585, 587, 588, 597
Крыленко Н.В. – 157, 158
Крылов И.А. – 150, 183
Крылова С.А. – 394
Кубяк Н.А. – 503, 504
Куйбышев В.В. – 189, 265, 266, 268, 272, 273, 275, 333, 347, 454–457, 490, 491, 505, 509, 511, 515, 516, 532–534, 553, 568
Кукроевский И.И. – 370
Курская А.С. – 578
Курский Д.И. – 98, 102, 112, 117, 122, 123, 181, 182, 229, 270, 286, 336, 337, 425, 427, 505, 578

- Кускова Е.Д. – 34, 35, 38, 85, 294
 Кутепов А.П. – 93
 Кутлер Н.Н. – 63, 67, 68, 92, 96, 170, 172, 288
 Кугузов И.И. – 268, 379
- Лавров В.М. – 80
 Лазарев П.П. – 35, 307, 313
 Лалаянц И.Х. – 180
 Лапинский П.Л. – 190
 Лапшин И.И. – 372
 Ларин Ю. (Ларин М.А., Лурье М.А.) – 15, 65, 98, 143, 238, 239, 243, 247, 248, 255, 256, 259, 262, 271, 578, 587
 Лассаль Ф. – 469
 Лафарг Л. – 323, 324, 442, 484
 Лафарг П. – 323, 324, 442, 484
 Лацис М.И. – 111
 Лашевич М.М. – 179, 268, 504, 514, 532
 Лебедь Д.З. – 268, 269, 272, 505, 532
 Левин Л.Г. – 318, 322, 330
 Левин М.Л. – 405
 Левицкий В.А. – 92
 Легких – 15
 Лежава А.М. – 176, 388, 420
 Ленгник Ф.В. – 505
 Леонид (Скабеев) – 298
 Лепешинская Н.С. – 317
 Лепешинский П.Н. – 484
 Леплевский Г.М. – 123, 427, 428
 Лепсе И.И. – 268, 269, 504
 Ливеровский А.В. – 96
 Лисицын П.И. – 387
 Литвинов М.М. – 35, 42, 43, 306, 418, 516
 Литвин-Седой З.Я. – 252
 Литошенко Л.Н. – 281
 Ллойд Джордж Д. – 132, 160, 302–306
 Лобанов В.В. – 80
 Лобанова И.В. – 80
 Лобов С.С. – 142, 269
 Лозгачев Г. – 578
 Лозинский А.А. – 282
 Лозовский С.А. – 256, 265, 274, 511
 Локкарт Р. – 112
 Ломейер Г.Э. – 62
- Ломов Г.И. – 241, 259, 261
 Ломоносов Ю.В. – 396–400
 Лондон Дж. – 581
 Лонинов – 107
 Лопатин П.И. – 370
 Лопухин Ю.М. – 320, 559
 Лосев Б.В. – 101
 Лосский Н.О. – 350, 372
 Лукашин С.Л. – 364, 365
 Лукьянов С.С. – 95
 Луначарский А.В. – 31, 35, 89, 138, 213, 355, 582
 Луппол И.К. – 373
 Лутовинов Ю.Х. – 587, 602
 Львов В.Н. – 83
 Любимов – 170
 Лядов М.Н. – 511
- Магула М.М. – 337
 Мазырин А.В. – 80
 Макаров (Макаров-Землянский) А.В. – 166
 Максимовский В.Н. – 538
 Малахов М.К. – 505
 Малышев С.В. – 484
 Малянтович В.Н. – 546
 Малянтович П.Н. – 546
 Мануильский Д.З. – 151, 239, 268, 269, 272, 274, 345–347, 362–364, 504
 Мануйлов А.А. – 96, 281
 Манучарьянц Ш.Н. – 416, 419, 467
 Маркс К. – 24, 51, 53, 56, 154, 197, 201, 203, 219, 237, 245, 323, 401, 419, 484, 559, 579, 605, 612
 Марр Н.Я. – 35
 Мартенс Л.К. – 307
 Мартинович Н.Н. – 116
 Мартынов В.С. – 116
 Масарик Т. – 37
 Маслов С.Л. – 281
 Махарадзе Ф.И. – 465, 474, 477
 Маяковский В.В. – 12, 198, 203
 Мдивани Б.Г. – 347, 366, 367, 370, 465, 474, 477, 491, 494, 499
 Медведев (Кудрин) М.А. – 74
 Медведев С.П. – 240
 Мельниченко В.Е. – 575
 Менделеев Д.И. – 376

- Мессинг С.А. – 122
 Мещеряков Н.Л. – 17, 345, 605
 Микоян А.И. – 179, 180, 269, 504, 507
 Милкоков П.Н. – 36, 93, 470
 Милотин В.П. – 176, 234, 235, 254, 269, 433
 Минковский О. – 483, 486, 487, 489
 Миронов Ф.К. – 69
 Михайлов В.М. – 140, 268, 504, 506
 Михайлов И.К. – 308, 357, 375
 Михайловский В.Г. – 433
 Михайловский Н.К. – 609
 Михельсон В.А. – 26, 287
 Мичурин И.В. – 411, 423
 Мишелл Б. – 309
 Мозохин О.Б. – 109, 112
 Молотов В.М. – 69, 70, 81, 89, 164, 188, 189, 206, 209, 210, 227–230, 241, 264–268, 272–275, 288, 333, 368, 377, 446, 455, 457, 481, 482, 486, 496, 506, 511, 512, 536, 551, 570, 602
 Монмуссо Г. – 410
 Мордвилко А.К. – 116
 Морозов Д.Г. – 505
 Москвин И.М. – 505
 Муралов Н.И. – 532, 538
 Муранов М.К. – 268, 505
 Мурзин Д. – 529
 Мусаев Х. – 501
 Мусин-Пушкин В.В. – 49
 Мушкетов Д.И. – 90
 Мышкин Ю.С. – 252–254
 Мякотин В.А. – 337
 Мясников А.Ф. – 347, 368, 370, 377, 477, 505
 Мясников Г.И. – 74, 75, 190, 279–281
 Назаретян А.М. – 447, 573
 Названов М.К. – 116, 120, 121
 Нансен Ф. – 37, 44–46
 Наполеон I (Наполеон Бонапарт) – 54, 55, 64
 Нариманов Н.Н. – 505
 Некрасов Н.А. – 50
 Некрасов Н.В. – 96
 Нернст В. – 131
 Нечаев А.П. – 345
 Никандр – 291
 Никитин А.М. – 96
 Николаев – 283
 Николаевская Е.П. – 276, 577
 Николай (Янушевич) – 426
 Николай II – 74, 75
 Николай Виноторговец – 154
 Никулин Г.П. – 75
 Новицкий – 173
 Ногин В.П. – 229, 231, 236, 237, 505
 Нонне М. – 486, 506
 Нуланс Ж. – 43, 44, 46
 Оболенский В.В. (Н. Осинский) – 234
 Обух В.А. – 125, 520, 523, 527, 528, 563, 581
 Озеров И.Х. – 370
 Окуджава М.С. – 370
 Ольденборгер В.В. – 166, 167
 Ольденбург С.Ф. – 35, 96
 Ольминский М.С. – 139, 287, 315, 317
 Орахелашвили И.Д. – 505
 Орджоникидзе Г.К. (Серго) – 122, 159, 267, 272, 301, 302, 314, 342, 347, 364, 365, 368, 370, 377, 445, 447, 458, 465, 474, 477, 491, 499, 503, 504, 515, 518, 532
 Орлов А.С. – 351, 352
 Осадчий Павел С. – 116, 189
 Осадчий Петр С. – 59, 116
 Осипанов В.С. – 316
 Осипов В.П. – 116, 506, 508, 523, 524, 527, 528, 545–547, 558, 562, 563, 577, 578, 580, 582, 589
 Осоргин М.А. – 38, 276, 371
 Оуэн Р. – 605
 Оцуп П.А. – 375
 Павлюченко С. – 15
 Пакалин П.П. – 319, 330, 436, 520, 545, 576, 589
 Панков А.Г. – 526, 528
 Панов Н.Ф. – 505
 Паршин Н.Е. – 370
 Петлюра С.В. – 292
 Песковский М.Л. – 316

- Петр I – 289
 Петр III – 289
 Петрашева М.М. – 320
 Петренко Н. (Равдин Б.А.) – 576, 577
 Петрищев А.Б. – 283, 337
 Петровский Г.И. – 40, 139, 140,
 265, 267, 272, 342, 347, 366, 376,
 492, 503, 556
 Петрушкин И.А. – 153
 Пешехонов А.В. – 283, 337
 Пивоваров Ю. – 23
 Плавник Б.И. – 177
 Плеханов Г.В. – 203, 469
 Покровский Н.Н. – 63, 64, 68, 281
 Польский М.А. – 298
 Попов И.Ф. – 469
 Попов Н.Н. – 511
 Попов Н.С. – 520, 579, 583
 Потехин Ю.Н. – 95
 Потресов А.Н. – 337
 Правдзик Б.К. – 90
 Преображенский А.А. – 521, 522
 Преображенский Е.А. – 14, 62, 65,
 67–70, 173, 174, 176, 203, 204, 233,
 235, 241, 245–247, 259, 261, 263,
 269, 271, 345, 415, 484, 511, 538
 555, 572, 573, 587, 589
 Пригожин Л.Г. – 15
 Прокопович С.Н. – 34, 35, 38, 85
 605
 Пуришкевич В.М. – 502
 Пушкин А.С. – 12, 513
 Пятаков Г.Л. (Пятаков Ю.) – 176,
 189, 222, 239, 259, 261, 267–269,
 272, 333, 366, 371, 376, 378, 380,
 389, 404, 415, 431, 436, 447, 500,
 504, 510, 532–534, 538, 584, 587,
 599, 600
 Пятницкий О. – 6, 562

 Радек К.Б. – 190, 267–269, 275, 333,
 404, 410, 484, 485, 503, 504, 511,
 532, 539, 573
 Радченко А.Ф. – 189, 554
 Разин С.Т. – 79
 Райхель Л.С. – 417
 Ракитников Н.И. – 370
 Раковский Х.Г. – 33, 40, 266, 345–
 347, 363, 364, 366, 468, 503, 504

 Рамзин Л.К. – 101, 189
 Рансом А. – 400–403
 Раппопорт Ш. – 539
 Ратенау В. – 335
 Рафаил (Фарбман Р.Б.) – 538, 545,
 555
 Рахимбаев А.Р. – 269, 468
 Реннер К. – 51
 Реске Н.А. – 108, 464
 Римша К. – 520
 Рогов М. – 17, 18
 Рожков Н.А. – 337, 370, 597
 Розанов В.Н. – 313, 318, 337, 506,
 507, 519, 523
 Рокфеллер – 258
 Романес – 37
 Романов М.А. – 74
 Россолимо Г.И. – 319, 320
 Рудзутак Я.Э. – 87, 164, 265, 267,
 275, 305, 351, 366, 468, 503, 506,
 511, 515, 551
 Рукавишников В.А. – 520, 523, 525,
 545, 546
 Румянцев И.П. – 505
 Рунге Б. – 409
 Рунов Т.А. – 38
 Рухимович – 239
 Рыбников А.А. –
 Рыков А.И. – 38, 89, 105, 106, 127,
 186, 189, 193, 210, 225, 267, 268,
 272, 275, 288, 307, 311, 333, 344,
 345, 353–355, 368, 378, 386, 411,
 428–430, 455, 457, 458, 465, 468,
 481, 482, 487, 496, 503, 506, 528,
 531, 536, 551, 559, 567, 568, 570,
 577, 586, 587, 599
 Рыскулов Г.Р. – 505
 Рюэфф Ж. – 54
 Рязанов Д.Б. – 231, 232, 251–255,
 257–259, 270, 271, 484

 Сабашников М.В. – 35, 92
 Савинков Б.В. – 119
 Саврасов Л.А. – 122
 Садуль Ж. – 55
 Салазкин С.С. – 96
 Салтыков-Щедрин М.Е. – 51, 183, 193
 Самойлов Ф.Н. – 268
 Сапожников А.В. – 115

- Сапронов Т.В. – 129, 269, 504, 538, 563, 565
 Сафаров – 484, 573
 Сафонов М.В. – 418
 Сахаров В.А. – 267, 273, 274, 361, 438–440, 449–453, 471, 478, 502, 509, 510
 Свердлов Я.М. – 13, 74, 75, 229, 264, 272
 Свицерский А.И. – 15, 20, 345, 424, 425, 463, 464
 Седов М.И. – 505
 Семар П. – 410
 Семашко Н.А. – 35, 191, 287, 288, 318, 319, 321, 330, 339, 485, 487, 557
 Семенов – 166
 Семенова Г.С. – 278
 Семков С.М. – 144
 Семченко А.В. – 386
 Семянников И.А. – 127
 Сен-Жюст – 95
 Сенин А.С. – 397–399
 Серафим (архиепископ) – 425
 Серафим Саровский – 559
 Сергеев Ф.А. (Артем) – 265, 268
 Сергей (Старогородский) – 425
 Сергей Радонежский – 558
 Серебряков Л. – 189, 538
 Середа С.П. – 26, 154
 Серж В. – 55, 114, 115, 118, 120
 Силин Н.Д. – 63
 Синклер Э. – 199
 Скворцов-Степанов И.И. – 287, 345, 484, 505, 562
 Склянский Э.М. – 418, 482, 532
 Скобелев М.И. – 96
 Скрышник Н.А. – 189, 231, 239, 505
 Смилович П.Г. – 35, 38, 426
 Смилга И.Т. – 189, 190, 269, 344, 411
 Смирнов А.П. – 274, 503, 504
 Смирнов В. – 538, 587
 Смирнов И.Н. – 269, 272, 538
 Смирнова Е.И. – 520
 Собинов Л.В. – 94
 Соколов (профессор) – 68, 170
 Соколов В. – 484
 Сокольников Г.Я. – 69, 70, 169, 170, 172–176, 178, 187, 189, 190, 259, 261, 262, 269, 272, 288, 347, 364–367, 378, 380, 381, 414, 415, 420, 468, 529, 587
 Солженицын А.И. – 112
 Сольц А.А. – 250, 251, 253, 254, 268, 272, 467, 505, 510
 Сорин В.Г. – 143, 589
 Сорокин П.А. – 17, 18, 287, 371, 372
 Сосновский Л.С. – 386, 387, 538
 Спундэ А.П. – 155, 262
 Стадник С.Я. – 297
 Сталин И.В. – 17, 29, 43, 106, –108, 112, 138, 139, 164, 173, 176–180, 184, 188–191, 210, 264–269, 272–275, 288, 306, 309, 311, 314, 317, 324–326, 328, 329, 331–334, 336–345, 347, 348, 351, 353, 354, 356, 357, 359–370, 375–378, 380, 382, 383, 388, 391, 397, 416, 419, 421, 422, 429, 431, 432, 434, 436–448, 450–458, 460, 463, 467–472, 474–478, 480–482, 484–487, 492–498, 503, 504, 506, 508–518, 532, 533, 536, 541, 551, 553–556, 558, 559, 565–558, 570, 573, 576, 585, 587, 591, 598–603, 610
 Станиславский К.С. – 35
 Станкевич – 282
 Старков Б.А. – 118
 Стеклов – 287
 Степун Ф.А. – 372
 Стеффенс Л. – 14, 46, 50, 51, 110, 598
 Стомоняков Б.С. – 189, 420, 429, 430
 Стратонов И.А. – 544
 Стронг А. – 350
 Струве П. – 92
 Стукалов В.А. – 35
 Стуков И.Н. – 143, 229, 236, 237, 538
 Сулимов А. – 272, 503
 Сулимов Д.Е. – 504
 Сунь Ятсен – 611
 Суханов Н. – 508, 510
 Сэн Катаяма – 151
 Сэсил Р. – 46
 Таганцев В.Н. – 115–121
 Таганцев Н.С. – 116
 Тараненко К.С. – 121

- Тарновский В.В. – 63, 67, 68
 Твердохлебов В.Н. – 63
 Теодорович И.А. – 129, 154, 155
 Тимирязев К.А. – 387
 Титлинов Б. –
 Тихон (Патриарх Московский
 и всея Руси) – 79, 85, 291, 295–
 298, 425, 426, 428, 539–543
 Тихонова В.Н. – 116
 Тодорский А. – 224
 Толстая А.Л. – 35
 Толстой Л.Н. – 79, 83, 199
 Томингас В.И. – 184
 Томский М.П. – 254, 255, 257–259,
 265, 267, 272, 275, 288, 299, 329,
 333, 352, 354, 359, 457, 468, 486,
 501, 503, 506, 510, 551, 567, 568,
 570
 Тоом О. – 394
 Трегубов И. – 543
 Трифионов В.А. – 386
 Троцкий Л.Д. – 12, 16, 29, 94, 114,
 124, 138, 162, 178, 181, 199, 200,
 210, 213, 238, 242, 244, 248, 257,
 258, 267–269, 272, 275, 288, 293–
 297, 319, 328, 329, 334–336, 338–
 340, 350, 353–357, 390, 410, 419,
 420, 422, 430–432, 437–439, 445,
 447, 450, 454–457, 468, 471–475,
 477, 481, 482, 485–487, 491–497,
 503, 506, 508–511, 514, 515, 518,
 530, 532–537, 541, 545, 548–560,
 565–570, 572–576, 579, 583, 598,
 603
 Трубецкой Г.Н. – 542
 Туган-Барановский М.И. – 605
 Тургенев И.С. – 408
 Тучков Е.А. – 426

 Угланов Н.А. – 122, 269, 503, 504, 586
 Уинтер Э. – 51
 Ульбрихт В. – 410
 Ульянов А.И. – 116, 314–316
 Ульянов Д.И. – 321
 Ульянова А.И. – 316, 320
 Ульянова М.А. – 116
 Ульянова М.И. – 151, 324, 325
 Уншлихт И.С. – 38, 86, 116, 120–
 122, 129, 184, 185, 277, 314, 336, 337

 Уркарт Л. – 307, 308, 344, 357, 358,
 375, 376, 393, 412, 549
 Урываев М.Е. – 505
 Устрялов Н.В. – 95, 96, 208, 217, 218
 Уханов К.В. – 504

 Факта Л. – 302
 Фалькнер С.А. – 68, 170, 171, 173
 Фарбман М.С. – 391, 393, 538, 545
 Фаулер Дж. – 103
 Федоров М. – 92
 Федоров С.П. – 120
 Фейербах Л. – 24
 Фельдберг Д.В. – 577, 578, 581
 Фельдштейн М.С. – 370
 Ферсман А.В. – 35
 Ферстер О. – 209, 210, 301, 313,
 326–330, 338–342, 344, 352, 353,
 358, 436–438, 442, 446, 460–462,
 481–483, 485–489, 495, 506, 507,
 514, 522, 523, 526, 563, 578, 581,
 583, 588, 589
 Филарет (Митрополит
 Киевский) – 80
 Филатьев Г.В. – 370
 Флаксерман С.А. – 416
 Фомина В.Е. – 123, 184, 370
 Фомина Е.И. – 524
 Фотиева Л.А. – 124, 127, 128, 206,
 317, 342, 374, 375, 416, 429–431,
 434–437, 441, 442, 444, 445, 447–
 450, 452, 454, 456–458, 460–463,
 465–469, 471, 473–475, 480, 491–
 496, 547
 Франк С.Л. – 337, 372
 Франс А. – 41, 46, 352
 Фрумкин М.И. – 29, 189, 282, 380,
 388, 393, 420, 430, 434, 439
 Фрунзе М.В. – 237, 249, 250, 265,
 268, 272, 377, 468, 492, 514
 Фурсов А. – 23

 Хабаров И.Н. – 520, 575
 Хаммер А. – 21, 308, 309
 Хаммер Ю. – 308
 Харитонов М.М. – 504
 Хеншен С.Е. – 486, 487
 Хинчук Л.М. – 100, 351, 359, 380
 Хмуркин Г.Г. – 298, 544

- Ходжаев А. – 347
Ходжаев Ф.Г. – 347
Ходоровский И.И. – 433
Хрущев Н.С. – 134
- Цванцигер Б.В. – 120
Цеткин К. – 127, 133, 405, 507
Цинцадзе К.М. – 370, 465, 491
Цифринович В.Е. – 252, 253
Цхакая М.Г. – 365
Цюрупа А.Д. – 20–22, 89, 105, 129, 183, 186, 188, 193, 225, 275, 309, 343, 353, 355, 374, 411, 419, 420, 428, 430, 463, 464, 504, 599
- Чайковский Н. – 283
Чапаев В.И. – 23
Чахотин С.С. – 95
Чаянов А.В. – 35, 605
Чекунов И.А. – 18, 154
Челпанов Г.И. – 372
Ченцов И.Д. – 268, 505
Червяков А.Г. – 347, 366
Черкасов И.А. – 38
Чернов В.М. – 470
Чернов О.И. – 17
Чернолуцкий В.И. – 370
Чернышевский Н.Г. – 54, 72, 203
Чичерин Г.В. – 42, 46, 122, 160–163, 210, 302–306, 375, 378, 391, 400, 405
Чубарь В.Я. – 40, 269, 272, 503
Чудов М.С. – 505
Чув Ф.И. – 264
Чуцкаев С.Е. – 505
- Шапошников Н.Н. – 63, 68, 170, 172
Шатилов И.Н. – 387
Шаховской Д.И. – 281
Шверник Н.М. – 505
Шевырев П. – 316
Шейнман А.Л. – 67, 68, 189
Шеклтон Э. – 46
Шиллер Ф. – 159
Шкаровский М.В. – 83, 298
Шкирятов М.Ф. – 268
Шкловский Г. – 602
Шлихтер А.Г. – 129
Шляпников А.Г. – 164, 216, 237, 238
- 244, 245, 249, 252, 268
Шмелев К.Ф. – 170, 171
Шмидт В.В. – 259, 262, 268
Шмидт О.Ю. – 98, 174
Шор Д. – 465
Шоу Б. – 46, 612
Штаудингер Ф. – 605
Штейн В.М. – 370
Штейнберг П.Б. – 99, 182–184
Штейнмец Ч. – 101, 417
Штурц В. – 409
Шубин А. – 49
Шулейкин М.В. – 100
Шумяцкий Я.Б. – 236
- Щепкин М.М. – 92
Щерба Л.В. – 116
Щуркевич П.А. – 116
- Эйдельман Б. – 484
Эйнштейн А. – 46, 203
Элиава Ш.З. – 365
Эльвенгрэн Г.Э. – 119
Эльяшевич В.Б. – 284, 285
Энгельс Ф. – 53, 419
Эренбург И.Г. – 214
Эррио Э. – 391
Эрхард Л. – 56
- Юденич Н.Н. – 145, 187
Южин-Сумбатов А.И. – 35
Юровский Л.Н. – 68, 170, 171, 173, 370
Юхновский П.М. – 121
- Яковенко Б.В. – 372
Яковенко В.Г. – 154–156
Яковлев В.В. (К.А. Мячин) – 74, 189, 262
Яковлева В.Н. – 554, 587
Янсон Н.М. – 347, 505
Ярославский Е.М. – 87, 155, 272, 431, 436, 437, 439, 484, 511, 541, 553, 560
Ясинский В.И. – 35, 36

Историко-художественное издание

Владлен Терентьевич Логинов

ЗАВЕТЫ ИЛЬИЧА. СИМ ПОБЕДИШИ

*В авторской редакции
Художник Б.Б. Протопопов*

ООО «ТД Алгоритм»

Оптовая торговля:
ТД «Алгоритм» +7 (495) 617-0825, 617-0952
Сайт: <http://algorithm-izdat.ru>
Электронная почта: algorithm-kniga@mail.ru

Сдано в набор 01.03.17. Подписано в печать 12.04.17.
Формат 84x108^{1/32}. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 32,76. Тираж 2000 экз. Заказ № 367.

Отпечатано в соответствии
с предоставленным оригинал-макетом
в ОАО «ИПП «Уральский рабочий»
620990, г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 13
<http://www.uralprint.ru>, e-mail: sales@uralprint.ru